

Том 26. № 5

2021

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 26. No. 5

2021

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПН № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index**, **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova,*
A.A. Blinova, M.V. Gayval
Editor of English texts *E.A. Agarkova*
Making up and technical editing:
O.N. Yadykina

Relayed to print Sept. 8, 2021.
Date of publication: Nov. 18, 2021. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 27.4. Published pages 29.5.
Number of copies 500 (1st duplicate 1–32). Order 152. «С» 26.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>
English version of the website:
<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПН № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова,*
А.А. Блинова, М.В. Гайваль
Редактор английских текстов *Е.А. Агаркова*
Верстка и техническое редактирование
О.Н. Ядыкиной

Подписано в печать 08.09 2021 г.
Дата выхода в свет: 18.11 2021 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 27,4. Уч.-изд. л. 29,5.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32 экз.). Заказ 152. «С» 26.

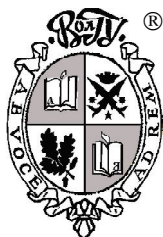
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>
Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство
Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4
ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021
Том 26. № 5

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2021
Volume 26. No. 5

СОДЕРЖАНИЕ

Кривошеев М.В. Памяти Анатолия Степановича Скрипкина	6
---	---

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Клепиков В.М. По следам проблемы III в. до нашей эры	8
Ковалева К.С. Химический состав металла средневековых зеркал из раскопок памятников золотоордынского времени	17
Альборова И.Э., Мустафин Х.Х., Медникова М.Б., Бужилова А.П., Энговатова А.В. Палеогенетический анализ жителей подола Московского Кремля XIV в. (по материалам раскопок в Тайницком саду)	30

РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ В РЕГИОНОВЕДЕНИИ

Балабейкина О.А., Дмитриев А.Л. Конфессиональное регионоведение: направления и подходы в исследованиях	45
Труонг Анх Тхуан. Конфликты между религиозными орденами христианства в Китае в XVII и XVIII веках [На англ. яз.]	57

КРИЗИСНЫЕ ГОДЫ В ИСТОРИИ РОССИИ

Дмитриева З.В., Румынская М.Н., Сазонова Т.В. Белозерские монастыри в кризисные годы (1570–1610-е гг.)	72
Рыбалко Н.В. Центральное и местное управление в условиях военного времени: участие Перми Великой в формировании ополчения против тушинцев в конце 1608 – начале 1609 года	84

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Камионка М. Октябрьские протесты в Польше в 2020 году. Пример из практики г. Олькуш [На англ. яз.]	97
Ерохин А.М., Воробьев С.М., Авдеев Е.А. Этнополитические процессы на Кавказе: конфликт идентичностей и политическая активность молодежи	112

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ И ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Малинова-Тэиафета О.Ю. Контроль ОГПУ-НКВД: иностранцы специалисты и представители нетитульных народов в тресте «Водоканализация» (1918 – первая половина 1930-х гг.)	126
---	-----

Белоконев С.Ю., Шогенов М.З., Хоконов А.А. Шеринг-экономика в России: новый источник политического участия и демократизации?	139
Калинина А.Э., Митрофанова И.В., Иванова Т.Б. Реализация национальных проектов «второй волны» в южных регионах России в координатах «КУБС»: экономико-политологический анализ	151
Абишева М.А., Мармонтова Т.В., Дуламбаева Р.Т., Баглай Б. Страновые стратегии противодействия COVID-19: опыт системного анализа	167

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Санжаров В.А., Санжарова Г.Ф. Дипломатическая подготовка английского вторжения во Францию в 1415 году	180
Очирова Н.Г., Сухэбаатар Н. Калмыкия в пространстве российско-монгольских отношений в XX – начале XXI в.: историко-культурный аспект	191
Офицеров-Бельский Д.В. Дифференцированная интеграция: конкуренция проектов и противоречия интеграционного процесса в ЕС	202

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Алексеев А.И. К изучению исторического нарратива петровского времени. «Журнал шествия» в фондах отдела рукописей РНБ	217
Курилла И.И.* Дебаты о России, Америке и новом мировом порядке: четыре книги из 1850-х годов [На англ. яз.]	225
Кабытов П.С., Кабытова Н.Н., Баринаева Е.П. Г.А. Герасименко: изломы судьбы и творчества историка	232

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Елохина А.К., Стельник Е.В. Реконструкция сражения на высотах на юге Сталинграда 08.09–10.09.1942 года	245
Золотовский В.А. Цифровая музеефикация как перспективный механизм сохранения и презентации (репрезентации) историко-культурного наследия: к постановке вопроса	256

ДИСКУССИЯ ПО КНИГЕ

Вашкаш Н.Э., Герман А.А., Иванова Т.Б., Кринко Е.Ф., Сидоров С.Г. Дискуссия по книге Крауса Тамаша «Судьба идей в истории СССР и после...»	272
--	-----

* Включен в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации.

CONTENTS

Krivosheev M.V. In Memory of Anatoly S. Skripkin 6

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

Klepikov V.M. In the Footsteps of the Problem
of the Third Century BC 8

Kovaleva K.S. The Chemical Composition
of the Medieval Mirrors
from Golden Horde Time Settlements 17

*Alborova I.E., Mustafin K.Kh., Mednikova M.B.,
Buzhilova A.P., Engovatova A.V.* Paleogenetic Analysis
of the Residents from the Moscow Kremlin's Podol
(Lower Area) of the 14th Century
(According to the Materials of Excavations
in the Taynitsky Garden) 30

RELIGIOUS ASPECTS IN REGIONAL STUDIES

Balabeykina O.A., Dmitriev A.L.
Confessional Regional Studies:
Directions and Approaches in Research 45

Truong Anh Thuan. The Conflicts
Among Religious Orders of Christianity
in China During the 17th and 18th Centuries 57

CRISIS YEARS IN THE HISTORY OF RUSSIA

Dmitrieva Z.V., Rumynskaia M.N., Sazonova T.V.
Belozersk Monasteries in Crisis Years
(1570s – 1610s) 72

Rybalko N.V. Central and Local Administration
in Wartime: The Participation of the Great Perm
in the Formation of the People's Army
Against the Tushins in Late 1608 – Early 1609 84

REGIONAL CONFLICTS OF OUR TIME

Kamionka M. October 2020 Protests in Poland.
A Case Study of Olkusz 97

Erohin A.M., Vorobev S.M., Avdeev E.A.
Ethnopolitical Processes in the Caucasus:
Identity Conflict and Political Activity of Youth 112

REGIONAL STRATEGIES

AND PUBLIC POLICY PRIORITIES

Malinova-Tziafeta O.Yu. Control by the Special Services
(OGPU-NKVD): Foreign Specialists and Representatives
of Non-Titular Nations in the Trust 'Vodokanalizatsiya'
(1918 – First Half of the 1930s) 126

Belokonev S.Yu., Shogenov M.Z., Khokonov A.A.
Sharing Economy in Russia: A Possible New Source
of Political Participation and Democratization? 139

Kalinina A.E., Mitrofanova I.V., Ivanova T.B.
Implementation of National Projects
of the "Second Wave" in the Southern Regions of Russia
Within Reference Points "Competitiveness,
Sustainability, Security, Balance":
Economic and Political Analysis 151

*Abisheva M.A., Marmontova T.V., Dulambayeva R.T.,
Baglay B.* COVID-19 Country Strategies Counteraction:
A System Analysis Experience 167

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Sanzharov V.A., Sanzharova G.F.
Diplomatic Preparation
for the English Invasion of France in 1415 180

Ochirova N.G., Sukhebaatar N. Kalmykia
in the Space of Russian-Mongolian Relations
in the 20th – Early 21st Centuries:
Historical and Cultural Aspect 191

Ofitserov-Belskiy D.V. Differentiated Integration:
Project Competition and Contradictions
of the EU Integration Process 202

SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY

Alekseev A.I. To the Study of the Historical Narrative
of Peter the Great's Time. "Shestvia Journal"
in the Funds of the Manuscripts Department
of the RNL 217

Kurilla I.I. Debates About Russia, America,
and New World Order:
Four Books from the 1850s 225

Kabytov P.S., Kabytova N.N., Barinova E.P.
G.A. Gerasimenko: Breaks of Fate
and Creativity of the Historian 232

CHALLENGES OF PRESERVING CULTURAL HERITAGE

Elokhina A.K., Stelnik E.V. Reconstruction
of the Battle on the Hills
in the South of Stalingrad
08.09–10.09.1942 245

Zolotovskiy V.A. Digital Museumification
As a Promising Mechanism for the Preservation
and Presentation (Representation)
of Historical and Cultural Heritage:
Towards the Formulation of the Question 256

BOOK DISCUSSION

*Vashkau N.E., German A.A., Ivanova T.B.,
Krinko E.F., Sidorov S.G.* Discussion
About the Book by Krausz Tamás
"The Fate of Ideas
During the USSR History and After..." 272

IN MEMORY OF ANATOLY S. SKRIPKIN

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ СТЕПАНОВИЧА СКРИПКИНА

14 августа 2021 г., за день до своего профессионального праздника Дня археолога, ушел из жизни член редакционной коллегии журнала доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный профессор Волгоградского государственного университета Анатолий Степанович Скрипкин. Сложно найти слова, которые бы отразили масштаб утраты для российской науки, волгоградской земли и тех, кто знал Анатолия Степановича, кому посчастливилось дружить, работать с ним, учиться у него.

Анатолию Степановичу было всего 80 лет. Кто-то скажет, что это почтенный возраст и «ничего удивительного, что ушел». Но, наверняка, эти люди не знали его...

Несмотря на то что родился Анатолий Скрипкин в Краснодарском крае накануне Великой Отечественной войны и переехал в 7 лет в разрушенный Сталинград, он стал неотъемлемой и легендарной частью этого города. После 7 лет преподавания в Волгоградском пединституте и 40 лет в Волгоградском государственном университете Анатолий Степанович оставил авторитетную научную школу из нескольких десятков учеников, которые с большой теплотой и благодарностью вспоминают А.С. Скрипкина.

За простой фразой о почти 50 годах работы в вузах стоит огромный путь и потрясающие результаты. Сначала в педагогическом институте, а затем в государственном университете были

созданы археологические лаборатории, которые воспитывали собственные, волгоградские научные кадры. В ВолГУ была впервые в Нижнем Поволжье создана кафедра, готовящая профессиональных археологов. За эти годы были выпущены сотни специалистов, которые работают во многих уголках страны, в ведущих научных учреждениях. Под руководством А.С. Скрипкина было защищено 12 кандидатских диссертаций. Коллектив, который он создал вокруг себя, наполнялся уникальными специалистами в различных направлениях: антропология, металлография, археозоология. Круг интересов ширился за счет сотрудничества с палеопочвововедами, генетиками и др. Такому коллективу были по силам решения любых задач. В ВолГУ был создан НИИ археологии Нижнего Поволжья, начата реализация проектов по написанию и публикации монументальных трудов по различным периодам археологии региона, публикация масштабных комплексных исследований, создана Нижневолжская археологическая конференция, которая продолжает свою работу уже 17 лет, основан журнал «Нижневолжский археологический вестник», индексируемый в Scopus. Археологи ВолГУ стали проводить российско-американские археологические экспедиции как в России, так и в США. Во всех этих проектах Анатолий Степанович Скрипкин был непосредственным инициатором и вдохновителем.

Вся научная деятельность выдающегося ученого проходила при значительной педагогической нагрузке и большой административной работе: заведующий кафедрой, проректор университета, руководитель экспедиций и др.

Анатолий Степанович опубликовал более 300 научных работ, в том числе 15 монографий. Только за последние 5 лет им было издано 22 работы, среди которых 3 монографии и капитальный труд «Сарматы», который на многие десятилетия вперед будет настольной книгой для исследователей древних кочевников. В издательстве находятся новая научно-популярная книга А.С. Скрипкина по истории и археологии Нижнего Поволжья и монография по ранней истории аланов, в которой он не успел дописать последнюю главу...

Анатолию Степановичу Скрипкину было *всего* 80 лет. Проклятая болезнь украла у нас прекрасного человека, друга, ученого...

После его смерти один из близких учеников сказал: «Мы – пигмеи – рядом с ним чувствовали, что прикоснулись к чему-то большому». Теперь на нас лежит большая ответственность не только сохранить, но и приумножить наследие нашего Учителя!

*Кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной, всеобщей истории и археологии,
заведующий лабораторией археологических исследований
Волгоградского государственного университета
Михаил Васильевич Кривошеев*

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.1>UDC 930.26(470+571):636.083.7
LBC 63.48(2)-41.3Submitted: 26.08.2021
Accepted: 19.09.2021IN THE FOOTSTEPS OF THE PROBLEM OF THE THIRD CENTURY BC ¹

Valeriy M. Klepikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The problem of selecting monuments of the 3rd century BC in the Early Sarmatian culture came into sight during the process of discussing the reasons for the fall of Scythia, when it became clear that the Early Sarmatian funerary monuments in the Northern Black Sea steppes are recorded starting from the 2nd century BC, a hundred years after the alleged destruction. **Methods and materials.** During the research process the scientists came to the conclusion that there are no imports of the 3rd century BC in the burials of the Lower Volga region and the Southern Urals. Some researchers stated the absence of monuments of this time in the indicated territories, while others continued to search for new approaches. As a result, they proposed the method of “clamped” dating, which allows us to distinguish a stratum between well-dated complexes of the 4th and 2nd – 1st centuries BC. **Analysis.** In the course of clarifying the situation in the original Sarmatian territories, some researchers have decided to divide the reference early Sarmatian burial ground Prokhorovka into two groups, not only chronologically, but also culturally. The 3rd century BC became a time separating these groups, elusive according to these authors, not only in the Northern Black Sea region, but also in the Volga-Ural steppes. Opposing this point of view, supporters of the culture of continuous development in the 4th – 1st centuries BC pay attention to the unity of the funeral rite throughout the entire period, and the lack of well-dated imports is explained by crisis phenomena and migration processes, when old contacts with civilizations are crashing and new ones have not yet been established. The discussion that unfolded in the 90s of the 20th century with the accumulation of new materials and clarification of old dates periodically revived, updated with new participants, but the position of opponents has not really changed. The proposed article is devoted to evaluating the arguments of both sides. **Results.** The method of “clamped” dating is not the most universal, considering the constantly growing database of sources and its corrections. But this method works and many scientists continue to rely on it. A simple statement of the impossibility of identifying monuments of the 3rd century BC, when the existence of the monuments of this time is asserted, seems even more surprising than the assertion of the “hiatus” of the 3rd century BC, in the Volga-Ural steppes region.

Key words: Early Sarmatians, 3rd century BC, Lower Volga region, southern Urals, Northern Black Sea region.

Citation. Klepikov V.M. In the Footsteps of the Problem of the Third Century BC. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 8-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.1>

УДК 930.26(470+571):636.083.7
ББК 63.48(2)-41.3Дата поступления статьи: 26.08.2021
Дата принятия статьи: 19.09.2021ПО СЛЕДАМ ПРОБЛЕМЫ III в. ДО НАШЕЙ ЭРЫ ¹

Валерий Михайлович Клепиков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Проблема выделения памятников III в. до н. э. в раннесарматской культуре возникла в процессе обсуждения причин гибели Скифии, когда выяснилось, что раннесарматские погребальные памятники в степях Северного Причерноморья фиксируются начиная со II в. до н. э., то есть через сто с лишним лет после предполагаемого разгрома. Попытка выяснить ситуацию на исходных сарматских территориях привела некоторых исследователей к расчленению эталонного раннесарматского могильника Прохоровка на две группы, различающихся не только хронологически, но и культурно. Временем, разделяющим эти группы, стал III в. до н. э. неуловимый, по мнению этих авторов, не только в Северном Причерноморье, но и в волгоуральских степях. Оппонируя этой точке зрения, сторонники непрерывного развития культуры в IV–I вв. до н. э. обращают внимание на единство погребального обряда на протяжении всего периода, а отсутствие хорошо датированных импортов объясняют кризисными явлениями и миграционными процессами, когда старые контакты с цивилизациями рушатся, а новые еще не налажены. Дискуссия, развернувшаяся в 90-х гг. XX в., с накоплением новых материалов и уточнением старых датировок периодически оживляется, пополняется новыми участниками, но позиции оппонентов изменились незначительно. Оценке аргументов обеих сторон посвящена предлагаемая статья.

Ключевые слова: ранние сарматы, III в. до н. э., Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, Северное Причерноморье.

Цитирование. Клепиков В. М. По следам проблемы III в. до нашей эры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 8–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.1>

Введение. Проблема III в. до н. э. в раннесарматской археологии появилась как побочный продукт дискуссии о гибели Скифии. Анализируя финал Великой Скифии, С.В. Полин и А.В. Симоненко с удивлением обнаружили, что традиционное представление о вторжении сарматов в Северное Причерноморье, фундированное знаменитым пассажем Диодора и памятниками, широко датированными в хронологическом интервале IV–III вв. до н. э., никак не подтверждается распространением раннесарматских памятников на захваченной территории [21, с. 76–93]. Это вызвало, с одной стороны, поиски альтернативных объяснений аннигиляции скифов на опустевшей затем территории, а с другой – желание найти в указанное время тех самых неуловимых завоевателей, чтобы зафиксировать их фактическое распространение во время скифского катаклизма. Обращение С.В. Полина к эпонимному памятнику, Прохоровским курганам, привело его к утверждению о наличии двух могильников, в которых стали хронологически и культурно разделенными курганы раннего (савроматского) V–IV и позднего IV или даже IV–I (собственно прохоровского) вв. до н. э., которые отличались еще и планиграфически [20, с. 74–77].

Иными словами, памятники начала III в. до н. э., создатели которых должны были оказать ударной силой для нанесения сокрушительного поражения скифскому единству, вдруг

исчезли не только в Северном Причерноморье, но не были обнаружены и в местах своего традиционного проживания. Правда, С.В. Полин специально оговорился, что «в III–II вв. до н. э. существование прохоровской культуры не вызывает сомнения, однако, фактических оснований для выделения комплексов этого времени у нас нет» [20, с. 80]. Эта идея с энтузиазмом была подхвачена В.Ю. Зуевым, который, ухватившись за мысль об отсутствии хроноиндикаторов узко датированных III в. до н. э. памятников, развил идею, во-первых, о запустении большей части евразийских степей в это время, а, во-вторых, прохоровские памятники развел в культурном контексте до образа двух самостоятельных культур, не имеющих ничего общего между собой [8, с. 305–323; 9, с. 85–99]. Попытки сарматологов, профессионально занимающихся раннесарматской культурой, критически оценить столь радикальное изменение традиционной картины В.Ю. Зуевым, привело оппонента к конспирологическому взгляду на состояние дел в сарматологии, где оппозиционеров лишают трибуны, игнорируют их мнение и тщательно изымают любые сомнительные пассажи, которые могут лить воду на мельницу крамольной идеи. При этом агрессивное наступление вкупе с отсутствием ответов на вполне аргументированные возражения отнюдь не привели сторонников взгляда на раннесарматскую культуру как на

сложную, но единую в хронологических рамках IV–I вв. до н. э. к отказу от дискуссии с этим автором.

Однако сама проблема от этого никуда не исчезла, а накопление археологического материала, в том числе и появление артефактов с возможностью датирования их уже III в. до н. э. вызывает время от времени всплески дискуссионной активности [3; 4; 5; 7; 10; 13; 22; 30]. Поэтому, как представляется, стоит попытаться объективно проанализировать аргументы сторонников позиции, отрицающей возможность выделения памятников III в. до н. э.

Анализ. Позиция С.В. Полина формировалась на рубеже 80–90-х гг. прошлого века, когда сами курганы у с. Прохоровки еще не были доисследованы Л.Т. Яблонским, и памятники, опубликованные М.И. Ростовцевым в 1918 г., выглядели, как погребения под индивидуальной насыпью, что характерно для савроматского времени. Но результаты полевых исследований 2003–2005 гг. позволили убедиться в раннесарматской (прохоровской) специфике, которая наиболее ярко проявилась в позиции «курган-кладбище» и в наборе сопутствующего инвентаря [30].

Вернувшись к проблеме упадка Великой Скифии в 2018 г., С.В. Полин не мог не учесть нового материала, однако, проанализировав опубликованные новые комплексы Прохоровки, остался на прежней позиции по вопросу выделения памятников III до н. э. и даже поддержал В.Ю. Зуева, призвав искать рациональное зерно в его рассуждениях, хотя так и не привел аргументов в пользу именно II–I вв. до н. э. для южной группы Прохоровских курганов, ограничившись широкой датой IV–I вв. до н. э. При этом аргументацию Л.Т. Яблонского в пользу наличия III в. до н. э. он поставил под сомнение, обратив внимание на осторожность автора в датировках с употреблением слов «может быть», «не исключает», «не позднее» и предположив, что писалась книга в первую очередь как отповедь В.Ю. Зуеву [22, с. 272–274]. Однако новые материалы из Прохоровки были оперативно проанализированы многими авторами, в том числе в приложениях к упомянутой книге Л.Т. Яблонского. Л.А. Краева выявила не только инновации, но и преемственность в динамике технологических изменений при производстве лепной ке-

рамики, проследив по данным технологического анализа особенности керамического производства в IV–III, III и III–II вв. до н. э. [15]. В данном случае важны не узко датированные погребальные комплексы, а сохранение традиций в технологии производства как на раннем, так и на позднем этапах раннесарматской истории. А.С. Балахванцев вновь обратился к надписям на прохоровских фиалах, предложив датировать их последней третью IV–III в. до н. э. и ни в коем случае не рубежом II–I вв. до н. э. – I в. н. э. [2], как было предложено В.А. Лифшицем [17]. М.Ю. Трейстер также предположил, что переделка фиал в фалары скорее соответствует второй половине III в. до н.э., поскольку в последующем использовались фалары меньших размеров и другой формы [26, с. 277]. Свою периодизацию Прохоровского могильника представил и В.К. Федоров в рецензии на книгу Л.Т. Яблонского, определив погребения курганов 1, 2, «Б» и «в» в пределах III в. до н. э. [28, с. 158].

К этому лагерю сарматологов принадлежит и А.С. Скрипкин, в очередной раз подчеркнувший свою приверженность позиции сторонников непрерывного развития раннесарматской культуры [24, с. 73–76, 89–91].

Собственно, активно дискутируя по поводу датирования Прохоровских курганов, исследователи традиционно стремятся превратить эпонимный памятник в эталонный. Однако современный объем накопленных археологических источников позволяет определять критерии выделения раннесарматских погребений на более широкой основе.

Позиция исследователей, отрицающих наличие твердо датированных памятников III в. до н. э. в сарматском материале, опирается на ряд оснований. Не описывая подробно позицию каждого из авторов, поскольку она неоднократно была представлена в процессе дискуссий, попытаемся проанализировать основные утверждения, которые в целом не отличаются разнообразием. Анализируя и датируя конкретные комплексы, представители этого направления практически используют одни и те же аргументы, главными из которых являются, во-первых, отсутствие импортов-хроноиндикаторов и упрек в умозрительном характере методики «зажатых датировок», во-вторых, определение ранних и поздних

памятников, как принадлежащих к двум разным культурам. Заметим, что в качестве примера обычно приводятся артефакты, которые, безусловно, по отдельности могут принадлежать либо к хорошо датированному IV в. до н. э., либо к не менее богатому хроноиндикаторами периоду II–I вв. до н. э.

Чаще всего берется артефакт, хорошо датированный другими хроноиндикаторами и широко распространенный именно в это время. В результате он сам превращается в хроноиндикатор, датирующий весь комплекс. При этом вопрос о начале или конце бытования обычно не ставится. Авторы оперируют временем наибольшего распространения. В этом смысле я и сам грешен, поскольку, например, железные черешковые наконечники стрел традиционно господствуют со II–I вв. до н. э., практически полностью заместив наборы бронзовых наконечников. И это хорошо фиксируемая данность, однако первые ранние экземпляры известны уже в погребениях с конца VI – V в. до н. э. [18, с. 101–102, табл. 35; 25, с. 63, рис. 40], с IV в. до н. э. обнаруживаются в колчаных наборах элитарных и богатых сакских воинских погребений Притянышанья [11], встречаются с мечами так называемого «переходного» типа, в свою очередь получившими распространение с IV в. до н. э. [29, с. 51, 56, табл. 22, III]. Причем сами мечи с дуговидным либо со сломанным под тупым углом перекрестием и брусковидным прямым либо дуговидным навершием активно использовались в IV в. до н. э., однако в хорошо известном погребении из Ново-Мусино такой меч был найден с гераклеийской амфорой, позволившей датировать и меч и само погребение первыми десятилетиями III в. до н. э. [1; 5; 19]. К тому же амфора явно уже побывала в употреблении, что предполагает и более позднюю дату самого погребения. Отметим, что меч был уложен на пояс, наискось, в савроматской традиции, позволяя не только продлить время бытования этого типа оружия, но и предположить возможность сохранения погребальных традиций предыдущего населения в условиях ломки старых канонів вплоть до III в. до н. э. Поэтому, например, твердая уверенность С.В. Полина в том, что само наличие меча так называемого «переходного» типа в погребении, безусловно, оп-

ределяет его в IV в. до н. э., кажется недостаточно обоснованной, и критические замечания в адрес Л.Т. Яблонского теряют свой вес. Анализируя хронологические основания для датировки погребения 3 кургана «Б», автор акцентирует внимание на вещах престижного характера, имеющих тенденцию к долгому хранению у своих хозяев. Поэтому время изготовления и время погребения совсем не обязательно должны совпадать, чему мы имеем многочисленные примеры. В то же время, упомянув о наличии в погребении 111 железных наконечников стрел (с короткими или средними черешками и миниатюрными головками), количество которых в одном колчане для IV в. до н. э. беспрецедентно, а на позднем этапе раннесарматской культуры обычно, автор не обращает на это обстоятельство никакого внимания [22, с. 273–274], в отличие от Л.Т. Яблонского, отметившего, что данный тип наконечников наиболее распространен и характерен именно для III–I вв. до н. э. Поэтому вполне логична предложенная им датировка погребения в пределах третьей четверти IV – первой половины III в. до н. э. [30, с. 68–71]. Собственно, здесь мы в очередной раз имеем возможность применить метод «зажатых» датировок.

Даже, казалось бы, безупречная позиция С.В. Демиденко, началом или серединой II в. до н. э. определившего появление бронзовых котлов *типа VI* (на примере котла из погребения 5 кургана I у с. Верхний Еруслан) [7], может быть поставлена под сомнение. Внушительный список безусловных погребений финала раннесарматской культуры, среднесарматских и даже позднесарматских с котлами этого типа должен был убедить всех исследователей, что колья котел не выходит за рамки середины II в. до н. э., то и найденные в этом же погребении бронзовые наконечники стрел продолжают использоваться на протяжении всего раннесарматского периода. Однако опубликованный в 2016 г. скифский клад из Дебальцева, датированный авторами по многочисленным скифским аналогиям серединой III в. до н. э., как оказалось, включал в том числе и два бронзовых котла, один из которых был практически идентичен верхнееруслановскому [12, с. 221–225, рис. 3]. В результате заявленная С.В. Демиденко начальная дата бытования этого типа котлов была по-

ставлена под большое сомнение, а бронзовые наконечники стрел вновь получили основание быть датированными не позже III – начала II в. до н. э. Заметим, это не значит, что отдельные бронзовые наконечники не могут встречаться в финале раннесарматской культуры и даже позже [16, с. 245–249, табл. А], но массовое использование практически исключено.

Правда, и в сюжете с кладом из Дебальцева все не так однозначно, поскольку золотая фибула редкой разновидности, найденная вместе с котлами, имеет ближайшую аналогию в погребальном комплексе I в. до н. э. из могильника Дядьковский 45, курган 2, погребение 11 [6, с. 52–56, рис. 1], чем вновь подтверждает бытование котлов этого типа в финале раннесарматского периода, но оставляет открытым вопрос о начале их производства.

Интересно, что исследователи, отрицающие возможность выделить памятники III в. до н. э., обычно не отрицают самого наличия этих памятников. И возникает естественный вопрос – на основании чего, если мы не видим этих памятников? Тогда уж надо быть последовательным, и вслед за В.Ю. Зуевым постулировать наличие двух разных культур, лакуна между которыми характеризуется запустением степи на всем протяжении от Урала до Днепра. Хотя и позиция В.Ю. Зуева ныне не столь однозначна. Во всяком случае, он полагает, что в степи все-таки люди жили, но в условиях слома старых традиций и рождения новых культур [10, с. 8]. Правда, все равно непонятно, где их искать и как определять, и почему, если авторы не могут их выделить, то все-таки уверены, что они есть.

В то же время почему-то игнорируется такой совершенно очевидный факт, как наличие курганов-кладбищ, наиболее показательного маркера раннесарматской культуры в сочетании с ориентировкой в южный сектор, напутственной пищей в виде передней ноги овцы и определенных типов могильных ям. Эта традиция прекрасно фиксируется уже в IV в. до н. э. в Приуралье и Нижнем Поволжье и доживает до рубежа эр, даже сохраняясь фрагментарно в окружении новых среднесарматских погребальных обрядов в I в. н. э. Конечно, новая миграционная волна II–I вв. до н. э. усложнила картину, миксируя «прохоровское» население сте-

пей, но культурного слома, видимо, не произошло. Поэтому, выделяя особенности позднего этапа раннесарматской культуры, мы вполне можем говорить о сохраняющемся единстве, позволяющем проследить непрерывную линию развития от IV в. до н. э. вплоть до рубежа эр.

Выводы. Подводя итог, следует отметить, что, конечно, метод «зажатых датировок» отнюдь не универсальный инструмент, учитывая постоянно пополняющуюся источниковую базу и необходимость соответствующих корректировок, но он работает, о чем свидетельствует принятие такого способа анализа многими исследователями. А простая констатация невозможности выделения памятников III в. до н. э. при одновременном утверждении наличия самих памятников этого времени представляется даже более удивительной, чем утверждение о «хиатусе» III в. до н. э. в Волго-Уральских степях.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 20-29-01020 «Древняя ДНК. Генетическая структура савромато-раннесарматских популяций Южного Приуралья и Нижнего Поволжья».

The reported study was funded by RFBR, project number 20-29-01020 “Genetic structure of the Sauromatian – Early Sarmatian populations in the Southern Cis-Urals and the Lower Volga region”.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ – Вестник древней истории.
ДГУ – Днепропетровский государственный университет.
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины.
МАВДС – Материалы по археологии Волго-Донских степей.
МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани.
НАВ – Нижневолжский археологический вестник.
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.
РА – Российская археология.
СНЦ РАН – Самарский научный центр РАН.
УАВ – Уфимский археологический вестник.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балахванцев, А. С. К хронологии мечей «переходного» типа / А. С. Балахванцев // Кадырбаевские чтения – 2016 : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Актобе, 6–7 окт. 2016 г.). – Актобе : Актобинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2016. – С. 123–126.
2. Балахванцев, А. С. Надписи на фиалах из Прохоровки / А. С. Балахванцев // Яблонский Л. Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. – М. : ТАУС, 2010. – С. 262–268.
3. Берлизов, Н. Е. «Темный век» сарматской истории (к проблеме выделения комплексов III в. до н. э. в прохоровской культуре) / Н. Е. Берлизов // МИАК. – 2003. – № 3. – С. 93–105.
4. Васильев, В. Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н. э. / В. Н. Васильев // МАВДС. – 2001. – Вып. 1. – С. 169–179.
5. Васильев, В. Н. Ново-Мусинский 3 курган / В. Н. Васильев, С. В. Сиротин // УАВ. – 2004. – Вып. 5. – С. 173–180.
6. Глебов, В. П. Редкая лучковая фибула из сарматского погребения в Краснодарском крае / В. П. Глебов // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 9 / ред. Ю. А. Прокопенко, Т. А. Невская. – Ставрополь : Печат. двор, 2017. – С. 52–56.
7. Демиденко, С. В. Об одном из аспектов «проблемы III в. до н. э.» в сарматской археологии / С. В. Демиденко // РА. – 2007. – № 2. – С. 48–54.
8. Зуев, В. Ю. О путях решения «проблемы III в. до н. э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи / В. Ю. Зуев // Stratum plus. – 1999. – № 3. – С. 305–324.
9. Зуев, В. Ю. Основные проблемы хронологии «раннесарматской» культуры / В. Ю. Зуев // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып. 1. Материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара : СНЦ РАН, 2000. – С. 85–104.
10. Зуев, В. Ю. К проблеме выделения погребений раннесарматской элиты по археологическим данным / В. Ю. Зуев // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура : материалы Междунар. круглого стола (г. Санкт-Петербург, 22–25 нояб. 2016 г.). – СПб. : ПАЛАЦО, 2016. – С. 1–18.
11. Иванов, С. С. Ранние железные наконечники стрел с территории сакской культуры Притяньшанья / С. С. Иванов // Уфимский археологический вестник. – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 98–105.
12. Карнаух, Е. Г. Скифский клад из Дебальцево / Е. Г. Карнаух, В. С. Синика, М. И. Сердюк // Stratum plus. – 2016. – № 3. – С. 217–240.
13. Клепиков, В. М. Памятники III в. до н. э. в Нижнем Поволжье / В. М. Клепиков // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып. 1. Материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара : СНЦ РАН, 2000. – С. 116–124.
14. Клепиков, В. М. Прохоровская культура в Нижнем Поволжье: становление и трансформация / В. М. Клепиков, А. С. Скрипкин, И. В. Сергацков // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы Междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий», г. Оренбург, 21–25 апр. 2008 г. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. – С. 50–63.
15. Краева, Л. А. Технология изготовления лепной керамики из могильника Прохоровка / Л. А. Краева // Яблонский Л. Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. – М. : ТАУС, 2010. – С. 231–251.
16. Красноперов, А. А. К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч. 4-1: Бронзовые наконечники стрел / А. А. Красноперов // Археология Евразийских степей. – 2021. – № 2. – С. 221–249.
17. Лившиц, В. А. О датировке парфянских надписей на фиалах из кургана 1 у деревни Прохоровка / В. А. Лившиц, В. Ю. Зуев // ВДИ. – 2004. – № 2. – С. 3–11.
18. Литвинский, Б. А. Древние кочевники «Крыши мира» / Б. А. Литвинский. – М. : Наука, 1972. – 270 с.
19. Монахов, С. Ю. О хронологии сарматского погребения с гераклеийской амфорой из Башкирии / С. Ю. Монахов // Liber Archaeologicae. – Краснодар ; Ростов н/Д, 2006. – С. 89–93.
20. Полин, С. В. От Скифии к Сарматии / С. В. Полин. – Киев : ИА НАНУ, 1992. – 201 с.
21. Полин, С. В. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья / С. В. Полин, А. В. Симоненко // Исследования по археологии Поднепровья. – Днепропетровск : Изд-во ДГУ, 1990. – С. 76–96.
22. Полин, С. В. Сарматское завоевание Северного Причерноморья (современное состояние проблемы) / С. В. Полин // Древности. Исследования. Проблемы : сб. ст. в честь 70-летия Н. П. Тельнова. – Кишинев ; Тирасполь : Б-ка Stratum, 2018. – С. 267–288.
23. Симоненко, А. В. «Проблема III в. до н. э.» – вариант решения? / А. В. Симоненко // НАВ. – 2003. – № 6. – С. 297–303.
24. Скрипкин, А. С. Сарматы / А. С. Скрипкин. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. – 293 с.
25. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов / К. Ф. Смирнов // МИА. – № 104. – М. : АН СССР, 1961. – 101 с.
26. Трейстер, М. Ю. Серебряные фиалы из Прохоровского кургана № 1 / М. Ю. Трейстер // Яблонский Л. Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. – М. : ТАУС, 2010. – С. 269–294.
27. Федоров, В. К. О датировке 1–4 Прохоровских курганов / В. К. Федоров // УАВ. – 2008. – Вып. 8. – С. 69–90.

28. Федоров, В. К. Рец. на кн.: Яблонский Л. Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. – М.: ТАУС, 2010. – 384 с. / В. К. Федоров // РА. – 2011. – № 4. – С. 155–177.

29. Хабдулина, М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа / М. К. Хабдулина. – Алматы: Ракурс, 1994. – 170 с.

30. Яблонский, Л. Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии / Л. Т. Яблонский. – М.: ТАУС, 2010. – 384 с.

REFERENCES

1. Balahvancev A.S. K hronologii mechej «perehodnogo» tipa [To the Chronology of Swords of the “Transitional” Type]. *Kadyrbaevskie chtenija – 2016: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (g. Aktobe, 6–7 oktjabrja 2016 g.)* [Kadyrbaev Readings 2016. Proceedings of the 5th International Scientific Conference (Aktobe, October 6–7, 2016)]. Aktobe, Aktjubinskij oblastnoj centr istorii, jetnografii i arheologii, 2016, pp. 123–126.

2. Balahvancev A.S. Nadpisi na fialah iz Prohorovki [Inscriptions on Phials from Prokhorovka]. *Jablonskij L.T. Prohorovka: u istokov sarmatskoj arheologii* [Jablonsky L.T. Prokhorovka: At the Origins of Sarmatian Archeology]. Moscow, TAUS Publ., 2010, pp. 262–268.

3. Berlizov N.E. «Temnyj vek» sarmatskoj istorii (k probleme vydelenija kompleksov III v. do n. je. v prohorovskoj kul'ture) [The “Dark Age” of Sarmatian History (On the Problem of Identifying Complexes of the 3rd Century BC in the Prokhorovka Culture)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on the Archeology of the Kuban], 2003, no. 3, pp. 93–105.

4. Vasil'ev V.N. K hronologii ranneprohorovskogo klinkovogo oruzhija i «probleme» III v. do n. je. [On the Chronology of the Early Prokhorovka Bladed Weapons and the “Problem” of the 3rd Century BC]. *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey* [Materials on the Archeology of the Volga-Don Steppes], 2001, iss. 1, pp. 169–179.

5. Vasil'ev V.N., Sirotin S.V. Novo-Musinskij 3 kurgan [Novo-Musinsky Mound 3]. *Ufimskij arkheologičeskij vestnik* [Ufa Archaeological Herald], 2004, iss. 5, pp. 173–180.

6. Glebov V.P. Redkaya luchkovaya fibula iz sarmatskogo pogrebeniya v Krasnodarskom krae [Rare Bow-Shaped Fibula from the Sarmatian Burial in Krasnodar Krai]. Prokopenko Yu.A., Nevskaya T.A., eds. *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. Ып. 9* [From the History of the North Caucasian Peoples Culture. Iss. 9]. Stavropol, Pechatnyy dvor Publ., 2017, pp. 52–56.

7. Demidenko S.V. Ob odnom iz aspektov «problemy III v. do n. je.» v sarmatskoj arheologii [On One of the Aspects of the “Problem of the 3rd Century BC” in Sarmatian Archeology]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology], 2007, no. 2, pp. 48–54.

8. Zuev V.Ju. O putjah reshenija «problemy III v. do n. je.» v periodizacii arheologičeskikh pamjatnikov sarmatskoj jepohi [About the Ways of Solving «The Problem of the III-rd Century B.C.» in the Periodization of Archaeological Monuments of the Sarmatian Age]. *Stratum plus*, 1999, no. 3, pp. 305–324.

9. Zuev V.Ju. Osnovnye problemy hronologii «rannesarmatskoj» kul'tury [The Main Problems of the Chronology of the “Early Sarmatian” Culture]. *Rannesarmatskaja kul'tura: formirovanie, razvitie, hronologija: materialy IV Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii»* [Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology. Proceedings of the 4th International Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Samara, SNTs RAN, 2000, pp. 85–104.

10. Zuev V.Ju. K probleme vydelenija pogrebenij rannesarmatskoj elity po arheologičeskim dannym [On the Problem of Identifying Burials of the Early Sarmatian Elite According to Archaeological Data]. *Elita Bospora i Bosporskaja elitarnaja kul'tura: materialy Mezhdunar. Kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 22–25 nojabrja 2016 g.)* [Elite of the Bosphorus and the Bosphorus Elite Culture. Proceedings of the International Round Table (Saint Petersburg, November 22–25, 2016)]. Saint Petersburg, PALATsTsO, 2016, pp. 1–18.

11. Ivanov S.S. Rannie zheleznye nakonechniki strel s territorii sakskoj kul'tury Prityan'shan'ya [The First Iron Arrowheads of the Saka Culture from the Territory of the Tian Shan Region]. *Ufimskij arkheologičeskij vestnik* [Ufa Archaeological Herald], 2021, vol. 21, no. 1, pp. 98–105.

12. Karnauh E.G., Sinika V.S., Serdjuk M.I. Skifskij klad iz Debal'cevo [Scythian Treasure from Debal'tsevo]. *Stratum plus*, 2016, no. 3, pp. 217–240.

13. Klepikov V.M. Pamjatniki III v. do n. je. v Nizhnem Povolzh'e [Monuments of the 3rd Century BC in the Lower Volga Region]. *Rannesarmatskaja kul'tura: formirovanie, razvitie, hronologija: materialy IV Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii»* [Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology. Proceedings of the 4th International Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Samara, SNTs RAN, 2000, pp. 116–124.

14. Klepikov V.M., Skripkin A.S., Sergackov I.V. Prohorovskaja kul'tura v Nizhnem Povolzh'e: stanovlenie i transformacija [Prokhorovka Culture in the Lower Volga Region: Formation and Transformation]. *Rannie*

kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Rannie kochevniki Juzhnogo Priural'ja v svete novejshih arheologicheskikh otkrytij», g. Orenburg, 21–25 apr. 2008 g. [Early Nomads of the Volga-Ural Region. Proceedings of the International. Scientific Conference “Early Nomads of the Southern Urals in the Light of the Latest Archaeological Discoveries”, Orenburg, April 21–25, 2008]. Orenburg, Izd-vo OGPU, 2008, pp. 50-63.

15. Kraeva L.A. Tehnologija izgotovlenija lepnoj keramiki iz mogil'nika Prohorovka [Manufacturing Technology of Molded Ceramics from the Burial Ground]. *Jablonskij L.T. Prohorovka: u istokov sarmatskoj arheologii* [Jablonsky L.T. Prokhorovka: At the Origins of Sarmatian Archeology]. Moscow, TAUS, 2010, pp. 231-251.

16. Krasnoperov A.A. K voprosu o rannej date p'yanoborskih pamyatnikov. Ch. 4-1: Bronzovye nakonechniki strel [The Issue of the Early Dating of Piany Bor Sites. Part 4-1: Bronze Arrowheads]. *Arheologiya Evrazijskikh stepej* [Archeology of the Eurasian Steppes], 2021, no. 2, pp. 221-249.

17. Livshic V.A., Zuev V.Ju. O datirovke parfjanskikh nadpisej na fialah iz kurgana 1 u derevni Prohorovka [On Dating Parthian Inscriptions on Goblets from Barrow 1 Near Prokhorovka]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 2004, no. 2, pp. 3-11.

18. Litvinskii B.A. *Drevnie kochevniki «Kryshi mira»* [The Ancient Nomads of the “Roofs of the World”]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 270 p.

19. Monahov S.Ju. O hronologii sarmatskogo pogrebenija s geraklejskoj amforo iz Bashkirii [On the Chronology of the Sarmatian Burial with the Heracleian Amphora from Bashkiria]. *Liber Archaeologicae*. Krasnodar, Rostov-on-Don, 2006, pp. 89-93.

20. Polin S.V. *Ot Skifii k Sarmatii* [From Scythia to Sarmatia]. Kiev, IANANU, 1992. 201 p.

21. Polin S.V., Simonenko A.V. «Rannesarmatskie» pogrebenija Severnogo Prichernomor'ja [“Early Sarmatian” Burials of the Northern Black Sea Region]. *Issledovanija po arheologii Podneprov'ja* [Research in the Archeology of the Dnieper Region]. Dnepropetrovsk, Izd-vo DGU, 1990, pp. 76-96.

22. Polin S.V. Sarmatskoe zavoevanie Severnogo Prichernomor'ja (sovremennoe sostojanie problemy) [Sarmatian Conquest of the Northern Black Sea Region (Current State of the Problem)]. *Drevnosti. Issledovanija. Problemy: sb. st. v chest' 70-letija N.P. Tel'nova* [Antiquities. Research. Problems. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N.P. Telnov]. Kishinev, Tiraspol', Biblioteka Stratum, 2018, pp. 267-288.

23. Simonenko A.V. «Problema III v. do n. je.» – variant reshenija? [“The Problem of the 3rd Century BC” – Variant of Solution?]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2003, iss. 6, pp. 297-303.

24. Skripkin A.S. *Sarmaty* [The Sarmatians]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017. 293 p.

25. Smirnov K.F. Vooruzhenie savromatov [The Arming by the Savromats]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [The USSR Archaeology Proceedings and Researches]. Moscow, AN SSSR, 1961, no. 104. 101 p.

26. Trejster M.Ju. Serebrjanye fialy iz Prohorovskogo kurgana № 1 [Silver Phials from the Prokhorovsky Barrow 1]. *Jablonskij L.T. Prohorovka: u istokov sarmatskoj arheologii* [Jablonsky L.T. Prokhorovka: At the Origins of Sarmatian Archeology]. Moscow, TAUS, 2010, pp. 269-294.

27. Fedorov V.K. O datirovke 1–4 Prohorovskih kurganov [On the Dating of 1–4 Prokhorovka Mounds]. *Ufimskiy arkheologicheskij vestnik* [Ufa Archaeological Herald], 2008, iss. 8, pp. 69-90.

28. Fedorov V.K. Rec. na kn.: Jablonskij L.T. Prohorovka: u istokov sarmatskoj arheologii. M.: TAUS, 2010. 384 p. [Review of the Book: Jablonsky L.T. Prokhorovka: At the Origins of Sarmatian Archeology. Moscow, TAUS, 2010. 384 p.]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology], 2011, no. 4, pp. 155-177.

29. Habdulina M.K. *Stepnoe Priishim'e v epohu rannego zheleza* [Steppe Priishimye in the Early Iron Age]. Almaty, Rakurs Publ., 1994. 170 p.

30. Jablonskij L.T. *Prohorovka: u istokov sarmatskoj arheologii* [Prokhorovka: At the Origins of Sarmatian Archeology]. Moscow, TAUS, 2010. 384 p.

Information About the Author

Valeriy M. Klepikov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, valery.klepikov@volsu.ru, valery.klepikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2891-7366>

Информация об авторе

Валерий Михайлович Клепиков, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, valery.klepikov@volsu.ru, valery.klepikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2891-7366>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.2>

UDC 903.05/052,054

LBC 63.444(235)

Submitted: 13.08.2021

Accepted: 29.09.2021

THE CHEMICAL COMPOSITION OF THE MEDIEVAL MIRRORS FROM GOLDEN HORDE TIME SETTLEMENTS¹

Kseniya S. Kovaleva

Institute of Archaeology, RAS, Moscow, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper discussed the results of the study concerning the chemical composition of 16 mirrors from the Golden Horde period originating from the settlements Selitrennoe, Vodyanskoe, Uvekskoe Khmelevskoe I, Shirokiy Buerak and stored in the State Historical Museum (Moscow) and Saratov Regional Museum of Local Lore (Saratov). *Method.* The visual inspection of the items was carried out using the traceology method, XRF and SEM/EDS were used as a method of determining the elemental composition. To compare the results, data on the chemical composition of mirrors originating from other medieval sites in Eastern Europe were used. *Analysis and Results.* All but one mirror, made with a stone casting mold, were cast using the impression method. Some of the mirrors show traces of post-casting processing. Several types of alloys have been identified. Most of the mirrors were made of tin-lead bronze (7 items) with an increased (more than 20 %) tin content, which correlates with the results obtained on samples from other settlements of the pre-Horde and Horde times. Other large groups are mirrors made from multicomponent (3 items) and tin bronze (4 items). One mirror each is made of tin brass and lead bronze with the addition of arsenic. Mirrors with arsenic in their composition are also known from other samples from a nomadic cemetery of the Golden Horde period and settlement monuments, which indicates a sufficiently active existence of a more archaic metal in the 14th century.

Key words: metal mirrors, medieval metalworking, Golden Horde, chemical composition, XRF analyzes, scanning electron microscopy.

Citation. Kovaleva K.S. The Chemical Composition of the Medieval Mirrors from Golden Horde Time Settlements. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 17-29. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.2>

УДК 903.05/052,054

ББК 63.444(235)

Дата поступления статьи: 13.08.2021

Дата принятия статьи: 29.09.2021

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗЕРКАЛ ИЗ РАСКОПОК ПАМЯТНИКОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ¹

Ксения Сергеевна Ковалева

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье обсуждаются результаты исследования химического состава 16 зеркал золотоордынского времени, происходящих с городищ Селитренное, Водянское, Увекское и селищ Хмелевское I и Широкий Бурлак и хранящихся в фондах Государственного исторического музея и Саратовского областного музея краеведения. *Метод.* Визуальный осмотр вещей проведен с помощью метода трасологии, исследование химического состава выполнялось неразрушающими методами, такими как рентгенофлуоресцентный анализ и сканирующая электронная микроскопия. Для сравнения результатов привлечены данные по химическому составу зеркал, происходящих из других средневековых памятников Восточной Европы. *Анализ и результаты.* Все, кроме одного зеркала, изготовленного при помощи каменной литейной формы, были отлиты по методу оттиска. На части зеркал присутствуют следы послелитейной обработки. Было выяв-

лено несколько типов сплавов. Большая часть зеркал изготовлена из оловянно-свинцовой бронзы (7 экз.) с повышенным (более 20 %) содержанием олова, что соотносится с результатами, полученными на выборках из других поселений доордынского и ордынского времени. Другими большими группами являются зеркала из многокомпонентной (3 экз.) и оловянной бронзы (4 экз.). По одному зеркалу изготовлено из оловянной латуни и свинцовой бронзы с добавлением мышьяка. Зеркала с мышьяком в составе известны и по другим выборкам из кочевнического могильника золотоордынского времени и поселенческих памятников, что свидетельствует о достаточно активном бытовании в XIV в. более архаичного металла.

Ключевые слова: металлические зеркала, средневековая металлообработка, Золотая Орда, химический состав, рентгенофлюоресцентный анализ, сканирующая электронная микроскопия.

Цитирование. Ковалева К. С. Химический состав металла средневековых зеркал из раскопок памятников золотоордынского времени // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 17–29. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.2>

Металлические зеркала представляют собой яркую и информативную категорию материальной культуры древнего и средневекового мира. Многие из них обладают не только определенными физическими характеристиками (форма, размер, технология изготовления, химический состав), но и яркими иконографическими особенностями, и именно благодаря этому зеркала привлекали и привлекают до сих пор огромное внимание со стороны исследователей. Золотоордынским зеркалам, которые считаются практически массовым материалом, посвящен огромный пласт исследований. Прежде всего это работы по типологизации на основе особенностей их оформления Г.А. Федорова-Давыдова, Г.Ф. Поляковой, Л.Ф. Недашковского, К.А. Руденко [13, с. 48–67; 20, с. 223–239; 22; 27, с. 76–84].

Часто зеркала являлись предметом импорта, и вопрос происхождения как самих зеркал, так и изображений на них также поднимался среди исследователей. К.А. Руденко выделяет образы, используемые в оформлении зеркал, по происхождению на китайские и чжурчженьские, юго-восточные (мусульманские), южные и юго-западные (кочевнические алано-половецкие) и поволжско-золотоордынские [23, с. 151]. Зеркала всех этих групп могли быть как изготовлены на территории нижневолжских городов Золотой Орды (о производстве свидетельствуют относительно частые находки литейных форм и их фрагментов [28, с. 185, 202]), так и быть предметами импорта. Решение вопроса по выявлению местных и привозных зеркал предполагается получить на основе статистически значимых серий анализов состава металла и

выявления рецептов, характерных для разных регионов. На данный момент такая база данных по составу металла формируется для золотоордынского материала, где зеркала достаточно часто, благодаря своей массовости, попадают в выборку анализируемых изделий [3; 4; 7; 10; 11; 17; 18; 30]. Активно исследуются средневековые металлические зеркала Южной Сибири, где собрана представительная серия анализов [2; 25, с. 61–88; 26, с. 132], которая дает представление об алтайском и китайском металле.

В настоящей статье рассматриваются новые результаты исследования химического состава серии зеркал эпохи Золотой Орды². Всего было изучено 16 фрагментов (табл. 1). Все они происходят с городов и поселений нижневолжского региона из слоев второй половины XIII – XIV в.: 7 экз. с Селитренного городища (с. Селитренное, Астраханская область), 2 экз. – с Водянского (окраина г. Дубовка, Волгоградская область), эта выборка получена в результате полевых исследований золотоордынских городищ Поволжской археологической экспедицией под руководством Г.А. Федорова-Давыдова в 1970–1990-х годах³. Еще 7 зеркал происходят из сборов разных лет на Увекском городище (окраина г. Саратов) и селищ его округа Хмелевское I и Широкий Буерак⁴ [14–16]. Часть полученных данных уже была опубликована [10, с. 334–343], часть вводится в научный оборот впервые.

Предварительный визуальный осмотр вещей проведен по установленной методике [5] с использованием стереомикроскопа Stemi 2000C (Zeiss) с камерой AxioCam ERc 5s и цифрового микроскопа DigiMicro 2.0. Все исследуемые зеркала представлены неболь-

шими фрагментами, поэтому вопросы соотношения типов зеркал и состава металла, из которого они изготовлены, в данной статье не затрагиваются. На материале зеркал саратовского Поволжья Л.Ф. Недашковским было сделано наблюдение, что экземпляры с различной формой бортика имеют практически идентичный состав [18, с. 246].

Большинство (15 экз.) зеркал изготовлены методом литья по оттиску, когда литейная форма получается в результате оттиска зеркала-образца в сырой глине. Зачастую этот процесс мог циклично повторяться множество раз, и такие зеркала характеризуются нечетким, расплывчатым орнаментом. Одно из зеркал, происходящих из Селитренного городища (табл. 1,2), могло быть отлито в каменную литейную форму, либо быть изготовлено также по оттиску, но быть репликой первого порядка (рис. 1,1). На двух зеркалах зафиксированы следы доработки бортиков зубильцем (табл. 1,3,5, рис. 1,2), еще два зеркала (табл. 1,4,8) имеют пробитые отверстия (рис. 1,3). Для достижения зеркального эффекта зеркала проходили полировку.

Исследование химического состава цветного металла предметов выполнялось двумя методами исследования. Анализ зеркал с Водянского и Селитренного городища проводился методом неразрушающего безэталонного рентгено-флуоресцентного анализа (РФА) на спектрометре M1 Mistral на базе отдела археологических памятников Государственного исторического музея⁵. Для зеркал Увекского городища и селищ Хмелевское I и Широкий Буерак проводился отбор проб размером 3–5 мм кв., которые исследовались методом сканирующей электронной микроскопии (SEM/EDS) на электронном сканирующем микроскопе Tescan VEGA3 с детектором EDS Oxford Instruments⁶. Ранжирование металлов и сплавов выполнено на основе методики, где пороговое значение для определения искусственных лигатур традиционно определено от 1,0 % [6, с. 131].

Аналитическая часть. Проведенное внутри исследованной выборки ранжирование по заранее заданным параметрам позволило определить основные типы металлов и сплавов, использовавшиеся для изготовления золотоордынских зеркал.

Оловянная бронза ($CuSn$, $50 \leq Cu \leq 99$, $1 \leq Sn \leq 50$).

Зеркала из оловянной бронзы представлены 4 экземплярами с Селитренного и Водянского городищ (табл. 1,6,7,8,9). Содержание меди и олова в них колеблется в достаточно узких диапазонах 71,6–76,1 и 23,0–26,9 % соответственно. Такое четкое соблюдение пропорций позволяет сделать осторожное предположение о существовании определенной рецептуры.

Оловянно-свинцовая бронза ($CuSnPb$, $50 \leq Cu \leq 98$, $1 \leq Sn \leq 49$, $1 \leq Pb \leq 49$).

Самую большую группу в выборке – 7 экземпляров – составляют зеркала из оловянно-свинцовой бронзы (табл. 1,2,13,14,15,16,17,18). Большая часть относится к высокооловянным бронзам с содержанием олова выше 20 %. Концентрация меди в выборке в целом составляет от 53,3 до 94,3 % (в среднем 72,8 %), олова – от 7,6 до 44,4 % (в среднем 24,6 %), а свинца – от 2,3 до 8,9 % (в среднем 4,8 %). Все они (за исключением одного экземпляра из Селитренного городища) происходят из одного региона – Увекского городища и селищ его округа. Л.Ф. Недашковским исследована коллекция зеркал Увекского городища и селищ его округа, хранящихся в Национальном музее РТ, где также прослеживается преобладание оловянно-свинцовых бронз [18, с. 246].

Именно оловянно-свинцовая бронза является классическим сплавом для изготовления китайских орнаментированных зеркал. Но рецептура, включающая в себя высокую долю олова (20–25 %) и свинца (10–15 %), и иногда с примесью мышьяка (ок. 1 %), характерна для зеркал, изготовленных в Китае в VI–X вв. н. э., уже в X в. из состава полностью исчезает мышьяк и значительно снижается концентрация основных элементов (Sn 3–9 %, Pb 8–10 %). К XIV в. концентрация свинца (10–14 %) и олова (9–10 %) несколько возрастает [2, с. 140–141]. Особым индикатором китайских сплавов также является наличие индия (In) [2, с. 141], однако, как справедливо отмечается исследователями, методом РФА наличие этой микропримеси определить невозможно [26, с. 132].

По мнению Л.Ф. Недашковского, высокие концентрации олова в оловянно-свинцовых

бронзах средневековых зеркал характерны именно для производства, которое сложилось в золотоордынском Поволжье [18, с. 246]. Но такие рецептуры были распространены на территории Восточной Европы и раньше [24, с. 278], в том числе для отливки зеркал [21, с. 159]. Зеркала из оловянно-свинцовой бронзы с повышенным содержанием олова в золотоордынское время известны и за пределами нижневолжского региона, а также известны на Торецком селище, торгово-ремесленном поселении XV в. близ Биляра [4, с. 285; 7, табл. 260, 264, 322] и в материалах Болгарского городища [30, с. 272–273, табл. II, 18, 20–24, 26, III, 18–20]. Среди древнерусских вещей известно зеркало из сборов на селищах Устье 2 и Устье 3 (Тульская область (XII – третья четверть XV в.), которое также демонстрирует близкий, но все же отличающийся по пропорциям состав (Cu – 49,4 %, Sn – 44,7 %, Pb – 5,1 %) [6, с. 178, № 1297]. Среди вятческих материалов середины XII – XIII в. также присутствует зеркало из Серенска, характерное для кочевников южнорусских степей, изготовленное из свинцово-оловянной бронзы, где процент олова составляет 19,1 % [8, с. 262, 304, № 94].

Оловянная латунь (CuZnSn, $50 \leq Cu \leq 98$, $1 \leq Sn \leq 25$, $1 \leq Zn \leq 30$, $Zn \geq Sn$).

Из оловянной латуни в изученной выборке изготовлено одно зеркало из Селитренного городища (табл. 1, 1), металлы определены в следующих концентрациях: Cu – 74,7 %, Zn – 17,7 %, Sn – 7,3 %.

Свинцовая бронза (CuPb, $50 \leq Cu \leq 99$, $1 \leq Pb \leq 50$) с добавлением мышьяка (As).

Из свинцово-мышьяковистой бронзы изготовлено также одно зеркало, происходящее из Селитренного городища (табл. 1, 3), процент меди в нем составляет 93,1 %, свинца – 2,5 %, мышьяка – 3,2 %. Такой состав предположительно является либо свидетельством раннего происхождения самого зеркала, либо следствием переплавки других, более архаичных изделий. Мышьяковистые бронзы активно использовались в эпоху раннего железного века на Алтае и Кавказе [1, с. 65; 25, с. 86]. Среди материалов эпохи Золотой Орды также известны и другие зеркала из бронз с мышьяком. Из Бахтияровского III могильника, некрополя близ Царевского городища конца

XIII – XIV в., оставленного кочевым населением Улуса Джучи [31, с. 86], происходит зеркало из многокомпонентного сплава с мышьяком и сурьмой в составе (Cu – 47,7 %, Sn – 42,6 %, Pb – 5,5 %, Zn – 1,4 %, As – 1,1 %, Sb – 1,1 %) [11, табл. 1, 11], типологически также относящееся к древностям кочевников XIII–XIV вв. (тип В-I-7 по Г.Ф. Поляковой [20, с. 224]). Еще два зеркала с добавлением мышьяка (Cu – основа, Sn – 6,92 %, Pb – 16,1 %, Zn – 1,0 %, As – 1,1 %) и мышьяка и сурьмы (Cu – основа, Sn – 21 %, Pb – 6,96 %, As – 1,69 %, Sb – 1,99 %) известны из материалов Торецкого селища в округе Биляра Болгарского улуса Золотой Орды первой половины XV в., изученных И.Е. Зайцевой [7, с. 136, табл. 1, 261, 262]. Также присутствие мышьяка ($\leq 1,3$ %) отмечено в зеркалах в выборке, изученной Л.Ф. Недашковским [18, с. 246].

Многокомпонентная бронза (CuSnPbZn, $50 \leq Cu \leq 97$, $1 \leq Pb \leq 48$, $1 \leq Zn \leq 30$, $1 \leq Sn \leq 48$, $Sn \geq Zn$).

Три зеркала изготовлено из многокомпонентной бронзы. Два зеркала, происходящие из Селитренного (табл. 1, 5) и Увекского (табл. 1, 10) городищ, имеют относительно близкое соотношение основных легирующих компонентов в сплавах (Cu – 79,2 и 78,1 %, Sn – 15,9 и 11,9 %, Pb – 2,2 и 8,1 %, Zn – 1,6 и 2,8 %). Еще одно зеркало из Селитренного городища (табл. 1, 4) отличается повышенным содержанием олова и относительно высоким содержанием цинка (Cu – 56,9 %, Sn – 32,6 %, Pb – 4,3 %, Zn – 5,6 %). Сходный состав демонстрирует зеркало из материалов Болгарского городища [30, табл. III, 17]. Многокомпонентные бронзы наряду с оловянно-свинцовыми также достаточно широко представлены в материалах Болгарского городища и Торецкого селища [4, с. 285; 30, табл. II, 19, 25, 27, 28]. Повышенным содержанием свинца выделяется также зеркало с Торецкого поселения (Cu – основа, Sn – 7,37 %, Pb – 12,08 %, Zn – 1,17 %).

Обсуждение и выводы. В домонгольское время основным районом массового производства зеркал считаются аланские центры на Северном Кавказе [20, с. 237]. Предполагается существование производства зеркал для кочевников в древнерусских городах, прежде всего на городище Княжая гора (Чер-

касская область, Украина), где обнаружены зеркала из оловянно-свинцовой бронзы, по своему художественному оформлению характерные для материальной культуры половцев и печенегов [12, с. 70–71]. На территорию Волжской Булгарии в XI–XII вв. предположительно поступают зеркала из Средней Азии, Приобья и Южной Сибири [23, с. 158]. Начиная со второй трети XIV в., когда происходит расцвет золотоордынской городской культуры и ремесла, они получают широкое распространение на территории Улуса Джучи, включая западные его регионы [9; 29], а с носителями данной культуры попадают и за его пределы. Практически все известные зеркала, найденные на территории древнерусских городов, связаны с контактами с кочевниками, прежде всего, выходцами из Золотой Орды [19, с. 148–149]. Химический анализ проведен для весьма небольшого количества из них и демонстрирует использование свинцово-оловянных сплавов с высоким содержанием олова (Устье 2 и 3, Серенск, Княжая гора). Кроме того, в слое второй половины XIII в. Великого Новгорода было обнаружено зеркало китайского типа, изготовленное из халькопирита (CuFeS_2) с включениями олова, свинца и кремния, и аналогов такому составу на данный момент не обнаружено [19, с. 147–148]. Авторами публикации высказано осторожное предположение, что зеркало могло быть изготовлено как реплика с китайского оригинала в мастерских поволжских городских центров эпохи Золотой Орды, однако пока что результаты исследований как непосредственно золотоордынских зеркал, так и цветного металла в целом не дают возможности это подтвердить.

Зеркала на территории золотоордынских городов изготавливаются, прежде всего, в виде подражаний китайским и среднеазиатским зеркалам, отливаясь по методу оттиска. Для производства используются различные сплавы, прежде всего, оловянно-свинцовые бронзы с повышенным содержанием олова ($\geq 20\%$). На данном уровне накопления материала можно отметить, что такой тип бронз на территории Золотой Орды концентрируется в округе Укека (рис. 2). Не зафиксировано ни одного зеркала, состав сплава которого можно было бы соотнести с китайскими бронзами. Другим широко используемым типом

сплава являются многокомпонентные бронзы (CuSnPbZn) с разными концентрациями основных элементов. Стандартно такой металл связывают с широко распространенной в средневековье практикой переплавки лома. В виде характерных для кочевников XIII–XIV вв. зеркал продолжает активно использоваться металл, несущий в себе такую архаичную черту, как мышьяк в составе.

Помимо достаточно типичных для изготовления зеркал сплавов в материалах Селитренного и Водянского городищ было зафиксировано использование оловянной бронзы с достаточно унифицированными концентрациями основных элементов и оловянной латуни. В выборках Болгарского улуса (Болгарское городище, Торецкое селище) зеркала с таким составом отсутствуют.

Полученные результаты должны пополнить базу данных по химическому составу средневекового металла Восточной Европы, а предварительные выводы способствовать более глубокому пониманию как особенностей металлообработки в Золотой Орде, так и культурных и экономических процессов, происходящих в Восточной Европе в эпоху Средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Домонгольские росписи Новгорода: археологический контекст и естественно-научные исследования (фрески Георгиевского собора Юрьева монастыря из раскопок 2013–2020 годов)», соглашение № 075-15-2021-576.

The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (theme «Pre-Mongol frescoes in Novgorod: archaeological context and scientific research: The frescoes of St. George's Cathedral, Yuriev monastery from the 2013/2020 excavations»), agreement № 075-15-2021-576.

² Выражаю искреннюю благодарность за помощь в работе с коллекциями заведующему сектором археологии Саратовского областного музея краеведения К.Ю. Моржерину, научному сотруднику отдела археологических памятников Государственного исторического музея, кандидату исторических наук Е.М. Болдыревой, а также кандидату исторических наук И.А. Сапрыкиной (ИА РАН) за руководство и помощь в проведении анализов.

³ В настоящий момент составляют коллекцию Государственного исторического музея (шифры хранения: ГИМ 111012/оп. В 2694/3, ГИМ 114336/оп. В 2698/29, ГИМ 109561/оп. В 2739/11, ГИМ 111013/оп. В 2695/14, ГИМ 111014/оп. В 2696/32, ГИМ 111014/оп. В 2696/33, ГИМ 111014/оп. В 2696/34, ГИМ 115084/оп. В 2763/30, ГИМ 115084/оп. В 2763/31).

⁴ Составляют фонды Саратовского областного музея краеведения (шифры хранения: СМК НВСП 43865; АО 971, СМК НВСП 43868; АО 973, СМК

НВСП 43170/1-16; АО 1260, СМК НВ 45220/27-28, СМК НВСП 46338/17-20, СМК НВСП 4759/8).

⁵ Выражаю благодарность сотрудникам отдела археологических исследований Государственного исторического музея за предоставленную возможность использования электронного микроскопа и РФА-спектрометра.

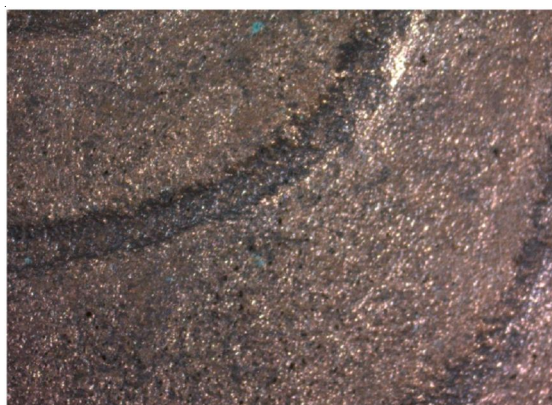
⁶ Анализ выполнен младшим научным сотрудником Е.А. Сапрыкиным (Объединенный институт ядерных исследований, г. Дубна).

ПРИЛОЖЕНИЯ

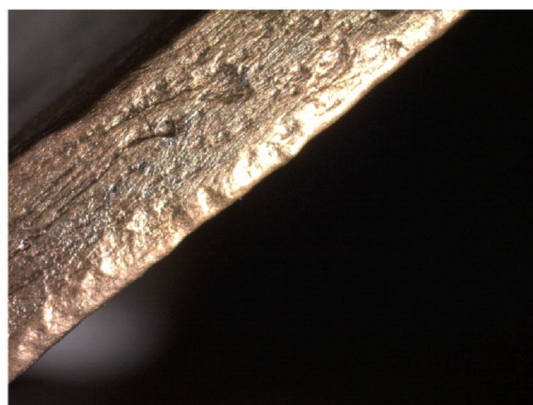
Таблица 1. Результаты анализа химического состава зеркал

Table 1. The results of the analysis of the chemical composition of the mirrors

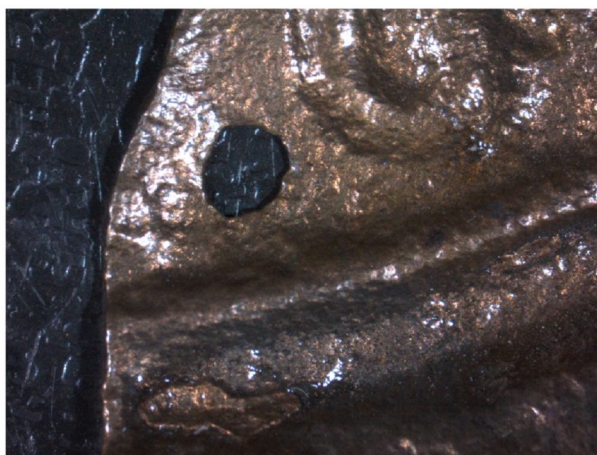
№ п/п	Место и шифр хранения	Памятник	Место-нахождение	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Au	Hg
1	ГИМ 111012/оп. В 2694/3	Селитренное – 1986	XIII п. 15	74,7	7,3	0,0	17,7	0,0	0,0	0,0	0,3	0,0	0,0	0,0
2	ГИМ 114336/оп. В 2698/29	Селитренное – 1990	XVII	76,4	15,9	4,4	0,0	0,1	0,2	0,0	2,5	0,0	0,0	0,1
3	ГИМ 109561/оп. В 2739/11	Селитренное	Пм	93,1	0,8	2,4	0,0	0,2	0,1	3,2	0,2	0,1	0,0	0,0
4	ГИМ 111013/оп. В 2695/14	Селитренное – 1987	Пм	56,9	32,6	4,3	5,6	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,1
5	ГИМ 111014/оп. В 2696/32	Селитренное – 1988	XIII пом. 8	79,2	15,9	2,2	1,6	0,5	0,0	0,1	0,3	0,1	0,0	0,3
6	ГИМ 111014/оп. В 2696/33	Селитренное – 1988	XIII 3/56	76,1	23,0	0,1	0,2	0,2	0,1	0,2	0,2	0,0	0,0	0,0
7	ГИМ 111014/оп. В 2696/34	Селитренное – 1988	XIII 4/85	73,7	24,1	0,4	0,5	0,4	0,1	0,3	0,5	0,1	0,0	0,0
8	ГИМ 115084/оп. В 2763/30	Водянское – 1974	II 2/300	73,8	24,3	0,5	0,3	0,2	0,1	0,2	0,61	0,0	0,0	0,0
9	ГИМ 115084/оп. В 2763/31	Водянское – 1974	II 3/156	71,7	26,9	0,6	0,5	0,1	0	0,1	0,12	0,0	0,0	0,0
10	СМК НВСП 43865; АО 971	Увекское городище – 1911	Пм	78,2	12	8,2	2,8	X	X	X	0,67	X	X	X
11	СМК НВСП 43868; АО 973	Увекское городище – 1912	Пм	94,3	7,61	3,9	X	X	X	X	0,89	X	X	X
12	СМК НВСП 43170/1-16; АО 1260	Увекское городище – 1911	Пм	78,4	20,8	2,5	X	X	X	X	X	X	X	X
13	СМК НВ 45220/27-28	Хмелевское I селище – 2000	Пм	61,1	33	5,9	X	X	X	X	X	X	X	X
14	СМК НВСП 46338/17-20 (фр-т 1)	Хмелевское I селище – 1998	Пм	80,7	23,4	6	X	0,9	X	X	X	X	X	X
15	СМК НВСП 46338/17-20 (фр-т 2)	Хмелевское I селище – 1998	Пм	65,9	27,4	8,9	X	X	X	X	X	X	X	X
16	СМК НВСП 4759/8	Широкий Буерак – 2002	Пм	53,3	44,4	2,3	X	X	X	X	X	X	X	X

1

2

3

Рис. 1. Технологические следы на зеркалах:

1 – поверхность зеркала с четким рельефом; 2 – следы послелитейной обработки; 3 – пробитое отверстие

Fig. 1. Technological traces on the mirrors:

1 – surface with well-defined relief; 2 – traces of post-casting processing; 3 – punched hole

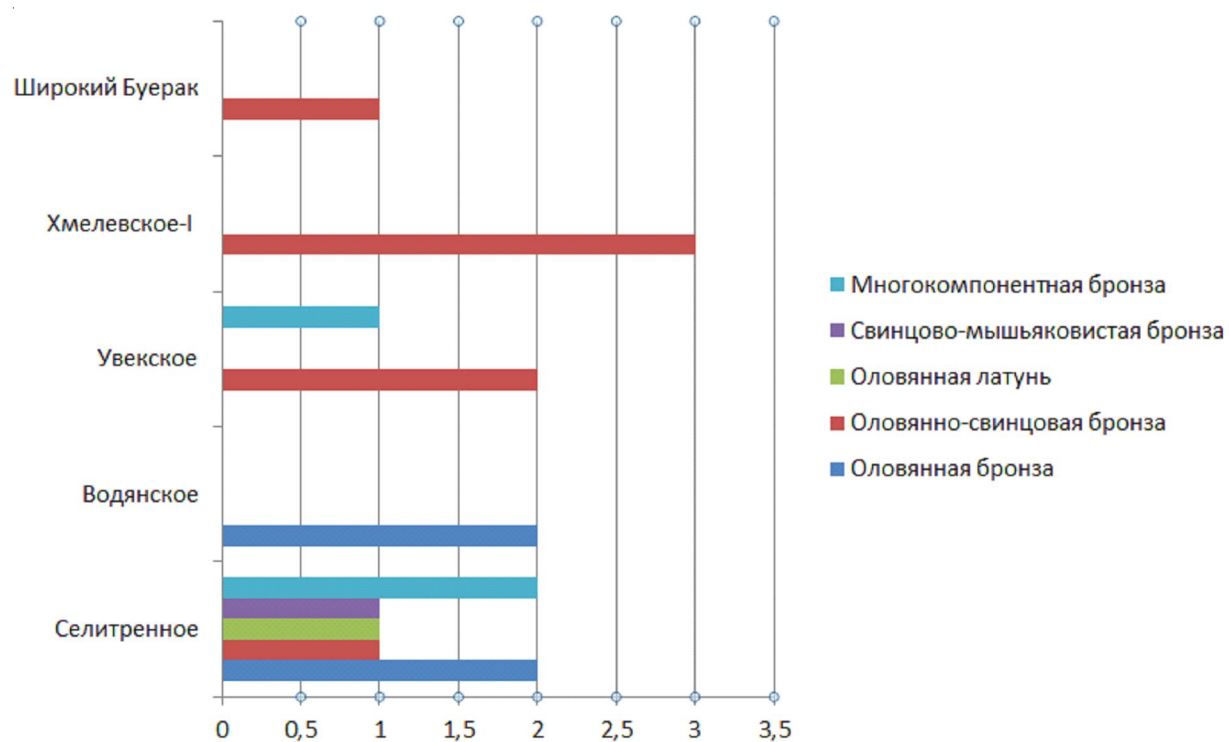

Рис. 2. Распределение типов сплавов по памятникам

Fig. 2. Distribution of alloy types by settlements

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барцева, Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское левобережье / Т. Б. Барцева. – М. : Наука, 1981. – 127 с.
2. Богданова-Березовская, И. В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины / И. В. Богданова-Березовская // Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. – М. : Наука, 1975. – С. 131–149.
3. Валиулина, С. И. Батынгузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период / С. И. Валиулина // Татарская археология. – 2004. – № 1-2. – С. 12–13.
4. Валиулина, С. И. К вопросу о цветной металлообработке Торецкого поселения XV века / С. И. Валиулина, И. Е. Зайцева // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве : материалы V Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова, 2–6 окт. 2011 г., Астрахань. – Казань : Ин-т археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2011. – С. 281–287.
5. Дегтярева, А. Д. Методика поверхностного изучения цветного металла / А. Д. Дегтярева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2006. – № 6. – С. 117–126.
6. Енисова, Н. В. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси / Н. В. Енисова, Р. А. Митоян, Т. Г. Сарачева // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. – М. : Вост. лит., 2008. – С. 107–188.
7. Зайцева, И. Е. Цветной металл Волжской Болгарии (предварительный анализ) / И. Е. Зайцева // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования. – М. : Наука, 2010. – С. 116–138.
8. Зайцева, И. Е. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. / И. Е. Зайцева, Т. Г. Сарачева. – М. : Индрик, 2011. – 404 с.
9. Золотоордынский погребальный комплекс с зеркалом с изображением сфинксов на Нижнем Днестре / М. В. Квитницкий, Н. П. Тельнов, С. Д. Лысенко, С. Н. Разумов, В. С. Синика // В поисках сущности : сб. ст. в честь 60-летия Н. Д. Руссева. – Кисинева : Stratum Plus, 2019. – С. 275–290.
10. Ковалева, К. С. Материалы к изучению изделий из цветных и драгоценных металлов Селитренного городища: химический состав / К. С. Ковалева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 4. – С. 328–347. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.22>.
11. Ковалева, К. С. Результаты исследования химического состава металла и техники изготовления изделий из цветных металлов из раскопок курганных групп Бахтияровка и Царевского городища / К. С. Ковалева // Новые материалы и методы археологического исследования. От критики источника к обобщению и интерпретации данных : материалы V Междунар. конф. молодых ученых. – М. : ИА РАН, 2019. – С. 242–244. – DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.242-244>.
12. Мезенцева, Г. Г. Древнеруське місто Родень : Княжа гора / Г. Г. Мезенцева. – Київ : Видавництво Київського університету, 1968. – 184 с.
13. Недашковский, Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа / Л. Ф. Недашковский. – М. : Вост. лит., 2000. – 224 с.
14. Недашковский, Л. Ф. Материалы с селища Широкий Буерак / Л. Ф. Недашковский, М. Б. Шигапов // Археология Евразийских степей. – 2018. – № 4. – С. 149–153.
15. Недашковский, Л. Ф. Средневековые металлические зеркала с Увековского городища / Л. Ф. Недашковский, А. И. Ракушин // Татарская археология. – 1998. – № 1 (2). – С. 32–51.
16. Недашковский, Л. Ф. Украшения и зеркала с Хмелевского I селища / Л. Ф. Недашковский, М. Б. Шигапов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 3. – С. 34–45.
17. Недашковский, Л. Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений центральной части Саратовской области / Л. Ф. Недашковский // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 5. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – С. 335–347.
18. Недашковский, Л. Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений северных районов Нижнего Поволжья / Л. Ф. Недашковский // Stratum Plus. – 2018. – № 6. – С. 243–254.
19. Олейников, О. М. Металлическое зеркало китайского типа из Великого Новгорода / О. М. Олейников, К. А. Руденко // Российская археология. – 2018. – № 3. – С. 141–152.
20. Полякова, Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов / Г. Ф. Полякова // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань : ИЯЛИ АН Татарстана, 1996. – С. 154–268.
21. Равич, И. Г. Особенности состава и технология изготовления миниатюрных сарматских зеркал из «белой бронзы» / И. Г. Равич // Российская археология. – 1995. – № 3. – С. 157–164.
22. Руденко, К. А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан / К. А. Руденко // Татарская археология. – 2004. – № 1-2 (12-13). – С. 111–156.

23. Руденко, К. А. Металлические зеркала из Волжской Булгарии и их сибирские параллели / К. А. Руденко // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2013. – № 5 (17). – С. 150–160.

24. Сапрыкина, И. А. Цинкосодержащие сплавы в цветной металлообработке лесной и лесостепной зоны конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э.: «индекс романизации» / И. А. Сапрыкина // Земли родной минувшая судьба... : сб. ст. к юбилею А. Е. Леонтьева. – М. : ИА РАН, 2018. – С. 277–287.

25. Тишкин, А. А. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета) / А. А. Тишкин, Н. Н. Серегин. – Барнаул : Азбука, 2011. – 144 с.

26. Тишкин, А. А. Результаты комплексного изучения металлических зеркал из средневековых памятников Алтая и Южной части Верхнего Приобья / А. А. Тишкин, Н. Н. Серегин // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 434. – С. 129–136. – DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/434/17>.

27. Федоров-Давыдов, Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники / Г. А. Федоров-Давыдов. – М. : Изд-во МГУ, 1966. – 276 с.

28. Федоров-Давыдов, Г. А. Золотоордынские города Поволжья / Г. А. Федоров-Давыдов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 232 с.

29. Фидельский, С. А. Бронзовое зеркало золотоордынского времени из окрестностей села Тея на левобережье Нижнего Днестра / С. А. Фидельский, М. М. Чореф // В поисках сущности : сб. ст. в честь 60-летия Н. Д. Руссева. – Кишинев : Stratum Plus, 2019. – С. 263–274.

30. Хлебникова, Т. А. Анализы Болгарского цветного металла / Т. А. Хлебникова // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань : ИЯЛИ АН Татарстана, 1996. – С. 258–279.

31. Яворская, Л. В. Город в степи: некрополи округа Царевского городища как источник для реконструкции исторических процессов / Л. В. Яворская // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Астрахань : Изд-во Астрахан. гос. пед. ун-та, 2001. – С. 83–87.

REFERENCES

1. Bartseva T.B. *Tsvetnaya metalloobrabotka skifskogo vremeni. Lesostepnoe dneprovskoe levoberezh'e* [Non-Ferrous Metalworking of the

Scythian Time. Forest-Steppe Dnieper Left Bank]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 127 p.

2. Bogdanova-Berezovskaya I.V. K voprosu o khemicheskom sostave zerkal Minusinskoy kotloviny [Discussing Chemical Composition of Mirrors from Minusinsk Hollow]. *Lubo-Lesnichenko E.I. Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny. K voprosu o vneshnih svyazyah drevnego naseleniya Yuzhnoy Sibiri* [Lubo-Lesnichenko E.I. Imported Mirrors of Minusinsk Hollow. Discussing External Relations of Ancient Population of South Siberia]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 131-149.

3. Valiulina S.I. Balynguzskoe (Toretskoe) III selishche i problema preemstvennosti gorodskoy kul'tury v okruge Bilyarskogo gorodishcha v zolotoordynskiy period [The Balynguz (Toretsk) 3rd Settlement and the Problem of the Continuity of Urban Culture in the District of Bilyar Settlement in the Golden Horde Period]. *Tararskaya arkheologiya*, 2004, no. 1-2, pp. 12-13.

4. Valiulina S.I., Zaytseva I.E. K voprosu o tsvetnoy metalloobrabotke Toretskogo poseleniya XV veka [Discussing Non-Ferrous Metallurgy of Toretskoe Settlement of the 15th Century]. *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na evraziyskom prostranstve: materialy V Mezhdunar. konf., posvyashh. pamyati G.A. Fedorova-Davydova, 2–6 okt. 2011 g., Astrakhan* [Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Proceedings of the 5th International Conference Dedicated to the Memory of G.A. Fedorov-Davydov, October 2–6, 2011, Astrakhan]. Kazan, Institut arkheologii im. A.Kh. Khalikova AN RT, 2011, pp. 281-287.

5. Degtiareva A.D. Metodika poverhnostnogo izucheniya tsvetnogo metalla [Method of Surface Study of Non-Ferrous Metal]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2006, no. 6, pp. 117-126.

6. Eniosova N.V., Mitoyan R.A., Saracheva T.G. Himicheskiy sostav yuvelirnogo syr'ya epohi srednevekov'ya i puti ego postupleniya na territoriyu Drevney Rusi [The Chemical Composition of Jewelry Raw Materials from the Middle Ages and Its Entry into the Territory of Ancient Russia]. *Tsvetnye i dragotsennyye metally i ih splavy na territorii Vostochnoy Evropy v epohu Srednevekov'ya* [Non-Ferrous and Precious Metals and Their Alloys in Eastern Europe in the Middle Ages]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2008, pp. 107-188.

7. Zaytseva I.E. Tsvetnoy metall Volzhskoy Bolgarii (predvaritel'nyy analiz) [Non-ferrous Metal of Volga Bulgaria (Preliminary Analysis)]. *Rus' i Vostok v IX–XVI vekah: novye arheologicheskie issledovaniya* [Rus' and the East in the 9th–16th Centuries: New Archaeological Research]. Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 116-138.

8. Zaitseva I.E., Saracheva T.G. *Yuvelirnoe delo «Zemli viatichey» vtoroy poloviny XI–XIII v.* [Jeweler's

Craft of "Land of Viaticchi" in the Second Half of the 11th – 13th Centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 404 p.

9. Kvitnytskyi M.V., Telnov N.P., Lysenko S.D., Razumov S.N., Sinika V.S. Zolotoordynskiy pogrebal'nyy kompleks s zerkalom s izobrazheniem sfinksov na Nizhnem Dnestre [Golden Horde Grave with a Mirror with the Image of Sphinxes in the Lower Dniester Region]. *V poiskah suschnosti: sb. st. v chest' 60-letiya N.D. Russeva* [In Search of the Essence. Collection of Articles in Honour of Nicolai Russev on the Occasion of His 60th Birthday]. Kishinev, Stratum Plus Publ., 2019, pp. 275-290.

10. Kovaleva K.S. Materialy k izucheniyu izdeliy iz tsvetnykh i dragotsennykh metallov Selitrennogo gorodisha: khimicheskiy sostav [Materials for the Study of Items from Non-Ferrous and Precious Metals of Selitrennoe Settlement: Chemical Composition]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 4, pp. 328-347. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.22>.

11. Kovaleva K.S. Rezul'taty issledovaniya himicheskogo sostava metalla i tekhniki izgotovleniya izdeliy iz tsvetnykh metallov iz raskopok kurgannykh grupp Bahtiyarovka i Tsarevskogo gorodishcha [The Results of the Study of the Chemical Composition of Metal and the Manufacture of Non-Ferrous Metal Products from the Excavations of the Kurgan Groups of Bakhtiyarovka and Tsarevskoe Settlement]. *Novye materialy i metody arheologicheskogo issledovaniya. Ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretatsii dannykh: materialy V Mezhdunar. konf. molodykh uchennykh* [New Materials and Methods of Archaeological Research. From Criticism of the Source to Generalization and Interpretation of Data. Proceedings of the 5th International Conference of Young Scientists]. Moscow, IARAN, 2019, pp. 242-244. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.242-244.

12. Mezentsева G.G. *Drevnerus'ke misto Roden': Knyazha gora* [The Ancient Russian City Roden: Knyazha Mountain]. Kiev, Vydavnytstvo Kyivivs'koho universytetu, 1968. 184 p.

13. Nedashkovskiy L.F. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okrug* [The Golden Horde City Ukek and Its Neighborhood]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2000. 224 p.

14. Nedashkovskiy L.F., Shigapov M.B. Materialy s selischa Shirokiy Buerak [Materials from the Shiroky Buerak Settlement]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2018, no. 4, pp. 149-153.

15. Nedashkovskiy L.F., Rakushin A.I. Srednevekovye metallicheskie zerkala s Uvekskogo gorodisha [Medieval Metal Mirrors from Uvek

Settlement]. *Tatarskaya arkheologiya*, 1998, no. 1 (2), pp. 32-51.

16. Nedashkovskiy L.F., Shigapov M.B. Ukrasheniya i zerkala s Khmelevskogo I selischa [Wearing-Apparel Components and Mirrors from the Hmelevskoe I Settlement]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2015, vol. 157, book 3, pp. 34-45.

17. Nedashkovskiy L.F. Himicheskiy sostav izdeliy iz tsvetnykh metallov s zolotoordynskikh poseleniy tsentral'noy chasti Saratovskoy oblasti [Chemical Composition of Non-Ferrous Articles from the Golden Horde Settlements of the Central Part of Saratov Region]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2002, iss. 5, pp. 335-347.

18. Nedashkovskiy L.F. Himicheskiy sostav izdeliy iz tsvetnykh metallov s zolotoordynskikh poseleniy severnykh rayonov Nizhnego Povolzh'ya [Chemical Composition of Non-ferrous Artifacts from the Golden Horde Settlements of the Northern Areas of the Lower Volga Region]. *Stratum Plus*, 2018, no. 6, pp. 243-254.

19. Oleynikov O.M., Rudenko K.A. Metallicheskie zerkala kitayskogo tipa iz Velikogo Novgoroda [Metal Mirror of Chinese Type from Velikiy Novgorod]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], 2018, no. 3, pp. 141-152.

20. Polyakova G.F. Izdeliya iz tsvetnykh i dragotsennykh metallov [Non-Ferrous and Precious Metal Items]. *Gorod Bolgar: remeslo metallurgov, kuznetsov, liteyshchikov* [City of Bolgar: Craft of Metallurgists, Blacksmiths, Casters]. Kazan, IYaLIAN Tatarstana, 1996, pp. 154-268.

21. Ravitch I.G. Osobennosti sostava i tekhnologiya izgotovleniya miniaturnykh samatskikh zerkal iz «beloy bronzy» [Peculiarities of the Compound and Making Technology of the Tiny Sarmatian Mirrors Made of the "White Bronze"]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 1995, no. 3, pp. 157-164.

22. Rudenko K.A. Metallicheskie zerkala zolotoordynskogo vremeni iz sobraniya Natsional'nogo muzeya Respubliki Tatarstan [The Golden Horde Time Metal Mirrors from Collection of the National Museum of Tatarstan Republic]. *Tatarskaya arkheologiya*, 2004, no. 1-2 (12-13), pp. 111-156.

23. Rudenko K.A. Metallicheskie zerkala iz Volzhskoy Bulgarii i ih sibirskie paralleli [Metal Mirrors from Volga Bulgaria and Its Siberian Parallels]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Antiquates of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altaysk, Izd-vo GAGU, 2013, no. 5 (17), pp. 150-160.

24. Saprykina I.A. Tsinkosoderzhaschie splavy v tsvetnoy metalloobrabotke lesnoy i lesostepnoy zony kontsa I tys. do n.e. – pervoy poloviny I tys.

n.e.: «indeks romanizatsii» [Zinc-Containing Alloys in Non-Ferrous Metalworking of the Forest and Forest-Steppe Zone at the End of the 1st Millennium BC – The First Half of the 1st Millennium AD: “Romanization Index”]. *Zemli rodnoy minuvshaya sud’ba...: sb. st. k yubileyu A.E. Leont’eva* [Past Fate of Motherland... Collection of Articles to the Anniversary of A.E. Leontiev]. Moscow, IARAN, 2018, pp. 277-287.

25. Tishkin A.A., Seregin N.N. *Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevney i srednevekovoy istorii Altaya (po materialam muzeya arheologii i etnografii Altaya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Metal Mirrors As a Source on the Ancient and Medieval History of Altai (Based on Materials from the Museum of Archeology and Ethnography of Altai, Altai State University)]. Barnaul, Azbuka Publ., 2011. 144 p.

26. Tishkin A.A., Seregin N.N. Rezul’taty kompleksnogo izucheniya metallicheskih zerkal iz srednevekovykh pamyatnikov Altaya i Yuzhnoy chasti Verkhnego Priob’ya [Results of a Comprehensive Study of Metal Mirrors from the Medieval Sites of the Altai and the Southern Part of the Upper Ob Region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2018, no. 434, pp. 129-136. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/434/17>.

27. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast’yu zolotoordynskih khanov. Arkheologicheskie pamyatniki* [Nomads of Eastern Europe Under the Dominion of Golden Horde Khans. Archaeology Monuments]. Moscow, Izd-vo MGU, 1966. 276 p.

28. Fedorov-Davydov G.A. *Zolotoordynskie goroda Povolzh’ya* [The Golden Horde Cities of the Volga Region]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1994. 232 p.

29. Fidelski S.A., Choref M.M. Bronzovoe zerkalo zolotoordynskogo vremeni iz okrestnostey sela Teya na levoberezh’e Nizhnego Dnesrta [A Bronze Mirror of the Golden Horde Time from the Outskirts of the Teia Village on the Left Bank of the Lower Dniester]. *V poiskah suschnosti: sb. st. v chest’ 60-letiya N.D. Russeva* [In Search of the Essence. Essays in Honour of Nicolai Russev on the Occasion of His 60th Birthday]. Kishinev, Stratum Plus, 2019, pp. 263-274.

30. Hlebnikova T.A. Analizy Bolgarskogo tsvetnogo metalla [Analyses of Bulgarian Non-Ferrous Metal]. *Gorod Bolgar: remeslo metallurgov, kuznetsov, liteyshchikov* [City of Bolgar: Craft of Metallurgists, Blacksmiths, Casters]. Kazan, IYaLIAN Tatarstana, 1996, pp. 258-279.

31. Yavorskaya L.V. Gorod v Step: nekropoli okrug Tsarevskogo gorodisha kak istochnik dlya rekonstruktsii istoricheskikh protsessov [City in the Steppe: Necropolises in the Region of Tsarevskoe Settlement As the Source for the Reconstruction of Historical Processes]. *Arheologiya Nizhnego Povolzh’ya na rubezhe tysyacheletiy: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Archaeology of the Lower Volga Region at the Turn of the Millennium. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Astrakhan, Izd-vo Asrakhanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2001, pp. 83-87.

Information About the Author

Kseniya S. Kovaleva, Researcher, Laboratory for Architectural Archaeology and Interdisciplinary Studies of Monuments of Architecture, Institute of Archaeology, RAS, Dm. Ulyanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation; Laboratory Assistant, Laboratory for Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ksenmorgan@gmail.com, kovaleva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5429-1072>

Информация об авторе

Ксения Сергеевна Ковалева, научный сотрудник лаборатории архитектурной археологии и междисциплинарного изучения архитектурных памятников, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация; лаборант лаборатории археологических исследований, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ksenmorgan@gmail.com, kovaleva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5429-1072>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.3>

UDC 572

LBC 28.71

Submitted: 11.08.2021

Accepted: 26.09.2021

**PALEOGENETIC ANALYSIS OF THE RESIDENTS
FROM THE MOSCOW KREMLIN'S PODOL (LOWER AREA)
OF THE 14th CENTURY (ACCORDING TO THE MATERIALS
OF EXCAVATIONS IN THE TAYNITSKY GARDEN)¹**

Irina E. Alborova

Moscow Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Russian Federation

Kharis Kh. Mustafin

Moscow Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Russian Federation

Maria B. Mednikova

Institute of Archeology RAS, Moscow, Russian Federation

Alexandra P. Buzhilova

Institute of Archeology RAS, Moscow, Russian Federation;

Research Institute and Museum of Anthropology, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Asya V. Engovatova

Institute of Archeology RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article presents the results of paleogenetic studies of medieval human remains of three people found in a closed archaeological complex (building 32) revealed during the excavations in 2007 in the Taynitsky Garden of the Moscow Kremlin (supervisor of excavations: N.A. Makarov). Previous studies on the dating of the complex links it to the devastation of Moscow by the troops of Tokhtamysh Khan in August 1382. The archaeological layer was formed at a time as a result of a fire and contained the remains of two adults and a 3-4 year old child who remained unburied. The aim of this work was the genetic study of the ancient DNA of the remains of people who died in the 14th century, clarification of their gender, determination of kinship and presumptive origin. *Material and methods.* For genetic examination, teeth were selected (permanent for adults, primary for a child). The laboratory research algorithm included a set of measures to protect archaeological DNA from contamination, sample preparation and extraction of DNA from dental remains, analysis of STR markers of the Y chromosome in males, analysis of ALU markers of autosomal chromosomes, targeted NGS sequencing of hyper-variable segments of mitochondrial DNA. *Results and conclusion.* Using the methods of molecular genetic research, it was possible to confirm that a man, a young woman and a child (boy) died in the fire. Based on the analysis of autosomal markers, with a high degree of probability (99.9%), a close biological relationship between a woman and a child (mother-son) was revealed. The man was not a relative of either the woman or the child. The mtDNA haplogroups and STR markers of the male specific Y chromosome identified in all three individuals are generally characteristic of the Slavic population of modern Europe. The mt haplogroup J1c, found in mother and child, is now most characteristic of the inhabitants of Europe. The man has a mitochondrial haplogroup K2, which is found mainly in Northwestern Europe.

Key words: archeology of the middle ages, Moscow Kremlin, paleoanthropology, genetic research, ancient DNA, Y chromosome, mtDNA, sequencing.

Citation. Alborova I.E., Mustafin K.Kh., Mednikova M.B., Buzhilova A.P., Engovatova A.V. Paleogenetic Analysis of the Residents from the Moscow Kremlin's Podol (Lower Area) of the 14th Century (According to the Materials of Excavations in the Taynitsky Garden). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhnunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 30-44. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.3>

ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЖИТЕЛЕЙ ПОДОЛА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ XIV в. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В ТАЙНИЦКОМ САДУ)¹

Ирина Эдуардовна Альборова

Московский физико-технический институт, г. Долгопрудный, Российская Федерация

Харис Харрасович Мустафин

Московский физико-технический институт, г. Долгопрудный, Российская Федерация

Мария Борисовна Медникова

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Александра Петровна Бужилова

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация;
НИИ и Музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация

Ася Викторовна Энговатова

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты палеогенетических исследований средневековых останков трех человек, найденных в закрытом археологическом комплексе, датируемом второй половиной XIV в., на территории Тайницкого сада в Московском Кремле (сооружение № 32 из раскопок 2007 г. под руководством Н.А. Макарова). Люди погибли одновременно в результате пожара, вероятно, во время разорения Москвы войсками Тохтамыша в августе 1382 года. Комплекс содержал останки двух взрослых и ребенка 3–4 лет, оставшихся непогребенными. Целью данной работы было генетическое исследование древней ДНК останков людей, погибших в XIV в., уточнение их половой принадлежности, определение родства и предположительного происхождения. Для проведения генетической экспертизы были отобраны зубы (постоянные для взрослых, молочный для ребенка). Алгоритм лабораторного исследования включал комплекс мер по защите археологической ДНК от контаминации, пробоподготовку и выделение ДНК из зубных остатков, анализ STR маркеров Y-хромосомы у мужских индивидуумов, анализ Alu-маркеров аутосомных хромосом, таргетное NGS секвенирование гипервариабельных сегментов митохондриальной ДНК. С помощью методов молекулярно-генетических исследований удалось подтвердить, что в огне погибли мужчина, молодая женщина и ребенок (мальчик). По результату анализа аутосомных маркеров с высокой долей вероятности (99,9 %) выявлено близкое биологическое родство женщины и ребенка (мать – сын). Мужчина не был родственником ни женщине, ни ребенку. Выявленные у всех трех индивидуумов гаплогруппы митохондриальной ДНК и STR маркеров Y-хромосомы у мужчин в целом характерны для славянского населения современной Европы. Митохондриальная гаплогруппа J1c, обнаруженная у матери и ребенка, в наше время распространена у жителей Европы. У мужчины выявлена митохондриальная гаплогруппа K2, которая встречается главным образом в Северо-Западной Европе. *Вклад авторов.* И.Э. Альборова и Х.Х. Мустафин производили палеогенетический анализ. А.В. Энговатова исследовала археологический контекст. А.П. Бужилова и М.Б. Медникова исследовали антропологические материалы, производили отбор образцов для анализа древней ДНК. Все авторы принимали участие в подготовке текста статьи.

Ключевые слова: археология средневековья, Московский Кремль, палеоантропология, генетические исследования, древняя ДНК, Y-хромосома, мтДНК, секвенирование.

Цитирование. Альборова И. Э., Мустафин Х. Х., Медникова М. Б., Бужилова А. П., Энговатова А. В. Палеогенетический анализ жителей подола Московского Кремля XIV в. (по материалам раскопок в Тайницком саду) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 30–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.3>

Введение. Междисциплинарные исследования с привлечением широкого спектра естественнонаучных методов составляют неотъемлемую часть современной археологии. Анализ древней ДНК, экстрагируемой из останков человека, в последние годы становится одним из важнейших элементов комплексного изучения древних и средневековых захоронений, помогая уточнять представления о происхождении, антропологическом составе и родственных связях представителей различных палеопопуляций.

Возможность производить раскопки непосредственно в Московском Кремле, средоточии государства, не так давно способствовала всестороннему изучению некрополя Чудова монастыря, где чаще всего хоронили лиц высокого социального статуса [2]. Еще ранее, в 2007 г. Институтом археологии РАН производились раскопки в Тайницком саду [8; 10]. Тогда были вскрыты сооружения усадебной застройки кремлевского подпола, которая существовала, по меньшей мере, со второй половины XIII в., неоднократно меняясь [5]. Остатки одной из вскрытых в процессе этих раскопок усадеб привлекли особое внимание специалистов. В слое так называемого сооружения 32 под толщей со следами масштабного пожара были найдены останки людей со следами обугливания. Тела погибших, обнаруженные на полу средневекового погребца, не были погребены в соответствии с традицией, что определенно указывало на исключительные обстоятельства, связанные с гибелью этих людей [1]. Подобный закрытый комплекс – крайне редкая находка в практике изучения средневековых русских городов, поэтому для более точного датирования, помимо традиционного типологического анализа керамических сосудов и других артефактов из постройки, было предпринято прямое радиоуглеродное исследование образцов костной ткани людей [6]. Было установлено, что все индивидуумы, останки которых находились в подполе дома, скончались единовременно.

На основании статистической обработки были выделены два наиболее вероятных интервала события: 1287–1311 гг. и 1359–1388 годы. Сузить датировку позволила находка в подполье сгоревшей постройки обломков золотоордынской чаши: подобные изделия

в конце XIII – начале XIV в. еще не производились и не могли попасть в сгоревшее в этот период сооружение, остатки которого представляли закрытый археологический комплекс. На этом основании был выдвинут тезис о том, что пожар произошел в период 70–80-х, не позднее начала 90-х гг. XIV века. Полученные данные, а также анализ различных исторических источников позволили с большой долей вероятности соотнести уничтоживший рассматриваемое сооружение пожар с разорением Москвы 26 августа 1382 г. войсками Тохтамыша [6].

Антропологическое исследование позволило детально описать останки людей из подпола средневековой усадьбы [1]. Производилось определение биологического возраста, оценка параметров физического развития, были диагностированы патологические проявления в структурах костной и зубной системы. Так, были изучены череп и скелет мужчины 35–45 лет. Реконструированная длина его тела не превышала 165 см, то есть была меньше на фоне средних значений у древнерусских мужчин. Кроме того, этот человек был более чем на 11 см ниже мужчин, погребенных в некрополе Чудова монастыря, что, учитывая влияние полноценного высокопротеинового питания на степень реализации ростовых процессов, возможно, отражает его не слишком высокий социальный статус. Судя по степени развития костно-мышечного рельефа костей конечностей, мужчина занимался тяжелым физическим трудом. Задолго до гибели он сломал малоберцовую кость левой голени; страдал от кариеса и даже от более серьезного воспалительного процесса, затронувшего верхнюю челюсть – одонтогенного остеомиелита.

Примечательно, что сохранившиеся фрагменты его нательной рубахи соответствуют современному 52-му размеру [7], что также позволяет косвенно оценить объем мышечной массы этого физически развитого человека.

Второй, более фрагментарно сохранившийся скелет, принадлежал индивидууму 15–18 лет [1], предположительно женского пола. В области головки ее бедренной кости отмечены следы воспалительного процесса на фоне очевидных дистрофических изменений. Все

это свидетельствовало о долговременной хромоте. О социальном статусе этой девушки-подростка говорило состояние ее сохранившейся одежды, которая была неоднократно залатана [7].

Наконец, третий скелет из этого комплекса принадлежал ребенку, судя по состоянию зубной системы, умершему в 3–4 года [1]. Положение тел показывает, что юная девушка прикрыла собой трехлетнего малыша. Они могли погибнуть, задохнувшись, когда пламя, охватившее усадьбу, поглотило верхнюю часть постройки и привело к задымлению в замкнутом пространстве подпола, где прятались люди.

Цель исследования и его задачи. Новые данные, полученные с помощью мощного естественнонаучного метода – генетического исследования древней ДНК, позволят исследовать останки трех человек, сгоревших в пожаре в Кремле, с помощью редко пока используемого в археологической практике метода. Будет уточнена половая принадлежность этих людей, определено родство, выявлено предположительное происхождение.

Нетривиальным аспектом генетических исследований антропологических материалов из конкретного археологического комплекса является то, что изучению подвергнуты образцы, испытавшие определенное тепловое воздействие (частично скелеты были обуглены). Воздействие высоких температур может привести к полной или существенной деградации ДНК в костной и зубной ткани, и в процессе данной работы, параллельно с основными задачами исследования, была проверена возможность выделения ДНК удовлетворительной сохранности.

Материал и методы. Для проведения генетической экспертизы были отобраны зубы (постоянные для взрослых, молочный для ребенка). Образец 1 принадлежал мужчине, образец 2 – ребенку, образец 3 – девушке-подростку. Эти образцы были переданы Институтом археологии РАН в лабораторию исторической генетики МФТИ.

Защита археологической ДНК от контаминации. Одной из главных проблем при генетических исследованиях археологической ДНК является опасность попадания в исследуемый образец фрагментов биологичес-

ких частиц современных людей (например, из атмосферного воздуха), а также опасность попадания фрагментов ранее исследованных археологических образцов (контаминация).

Для решения этой проблемы все работы по пробоподготовке образцов и выделению ДНК проводились в условно «чистой» лаборатории, оснащенной независимой системой вентиляции, которая обеспечивает предварительную очистку атмосферного воздуха и создает избыточное давление в помещении. В «чистой» зоне установлена система перчаточных боксов, соединенных между собой передаточными камерами. Перчаточные боксы обеспечивают физическое отделение рабочей зоны от окружающей среды, а передаточные камеры – перемещение образцов, расходных материалов и инструментов внутри боксов без попадания воздуха снаружи и из одного бокса в другой. Именно внутри перчаточных боксов реализуется пространство высокой «чистоты».

Проблема очистки воздуха в боксах от микрочастиц, относящихся к современным людям (например, лаборантам), также к фрагментам ранее исследованных археологических образцов, является принципиальной. Она решена кардинальным образом. Вместо использования систем фильтрации атмосферного воздуха (в которых воздух не может быть полностью очищен от частиц, размеры которых сопоставимы с размерами фрагментов деградированной археологической ДНК), впервые используется замещение воздуха в боксах особо чистым азотом. Специальная система генерации азота особой чистоты, использующая нанотехнологии для отделения на молекулярном уровне азота от других атмосферных газов, формирует в боксах «очищенную» от каких-либо включений органической природы среду, являющуюся при этом нейтральной для выполняемых в боксах процедур.

Обработка внутреннего пространства боксов встроенными лампами УФ дополняет систему защиты от контаминации.

Каждый бокс предназначен для определенного этапа работы с древними образцами, как это было описано в специальной публикации [11].

Каждый образец на всех этапах пробоподготовки обрабатывался отдельно от дру-

гих образцов. После его обработки осуществлялась полная очистка соответствующих боксов и замена в них рабочей атмосферы из особо чистого азота.

Важнейшими этапами, от которых в определяющей степени зависит итоговый результат исследования археологической ДНК, являются пробоподготовка и выделение ДНК.

Пробоподготовка образцов зубов. На первом этапе в лаборатории в специализированном перчаточном боксе с помощью стоматологического прецизионного оборудования каждый зуб отдельно был очищен от эмали. Затем для удаления загрязнения с зубов проводилась их кавитационная «обдирка» в ультразвуковой мойке в гипохлорите натрия и ультразвуковой воде. После высушивания в среде особо чистого азота образец облучался УФ по 2 минуты с каждой стороны. Далее зуб вместе с коронкой без эмали в специальной мельнице подвергался полному измельчению до состояния костной муки.

Выделение ДНК из зубных останков. ДНК выделялась из зубного порошка, полученного путем измельчения зуба, массой 0,2 г в соответствии с протоколом [13]. В одном боксе выделялась ДНК только из одного археологического образца. Контрольный образец использовался для подтверждения отсутствия контаминации.

Количественную оценку качества ДНК проводили с использованием набора Quantifiler™ Trio (TFS). Данный набор позволяет определять содержание в образцах аутосомной ДНК различных размеров (фрагменты длиной 80 пар оснований и 214 пар оснований) и Y-хромосому.

Одной из важнейших характеристик Y-хромосомы, несущей информацию о происхождении и родственных связях по отцовской линии исследуемого индивидуума, является его гаплотип, определяемый STR-маркерами этой хромосомы.

Анализ STR-маркеров Y-хромосомы у мужских индивидуумов. С использованием набора реактивов Yfiler™ Plus PCR Amplification Kit (TFS, USA) была генотипирована ДНК археологических образцов, относящихся к мужским индивидуумам, по 27 STR-маркерам Y-хромосомы (DYS438, DYS627, DYS458, DYS437, DYS391, DYS392,

DYS635 (YGATA C4), DYS19, DYS390, DYS439, DYS456, DYS393, DYS449, DYS387S1 a/b, DYS576, DYS460, DYS533, DYS389 I/II, DYS570, DYS385 a/b, DYS481, YGATA H4, DYS518, DYS448). Данный набор реагентов зарекомендовал себя как высокочувствительный к деградированным образцам с большим возрастом захоронения [4; 11]. Фрагментный анализ осуществлялся на секвенаторе AB3500x1 (TFS, США), согласно инструкциям производителя. Количество циклов ПЦР-амплификации было увеличено с рекомендуемых 25 до допустимых 32, что положительно сказалось на результатах. Фрагментный анализ 27 STR-локусов Y-хромосомы осуществлялся на секвенаторе AB3500x1 с разделительной матрицей POP-7 (TFS, США), согласно инструкциям производителя. Последующая обработка данных осуществлялась в программе IDX v.1.4 GeneMapper (TFS, США). Предполагаемая гаплогруппа определялась в онлайн-программе <https://www.nevgen.org/>.

Анализ Alu-маркеров аутосомных хромосом. Очень чувствительным методом для определения прямого родства исследуемых индивидуумов является генотипирование маркеров аутосомных хромосом, передающихся напрямую от обоих родителей детям.

Для идентификации половой принадлежности индивидуумов 1, 2, 3 и установления вероятного родства между ними был применен ПЦР-набор реагентов InnoTyper 21 Kit (InnoGenomics). Данный набор реагентов представляет собой небольшую систему генотипирования ДНК по 20 Alu-маркерам и амелогенину. Система генотипирования InnoTyper 21 Kit обладает высокой чувствительностью, толерантна к деградации ДНК и ее ингибированию. С помощью данного набора возможно амплифицировать очень короткие фрагменты ДНК длиной 60–125 п.н. в предельно низких концентрациях (от 15 пикограмм). Также к достоинствам Alu-инсерций как инструмента для идентификации пола и определения родства относятся стабильность Alu-элемента, то есть низкий уровень инсерций de novo и отсутствие механизма удаления Alu-инсерции из локусов. Каждый locus в системе InnoTyper 21 характеризуется наличием стабильной наследственной вставки – I или отсутствием наследственной вставки – N. Фрагментный

анализ 20 аутосомных Alu-маркеров и амелогенина осуществлялся на секвенаторе AB3500xl с разделительной матрицей POP-7 (TFS, США), согласно инструкциям производителя. Последующий анализ генетических профилей осуществлялся в программе IDX v.1.4 GeneMapper (TFS, США). Вероятность родства оценивалась попарным сравнением аутосомных Alu-инсерций с использованием программы FAMILIAS [17].

Метод New Generation Sequence (NGS). Мощнейшим эффективным методом для палеогенетических исследований древних образцов является метод New Generation Sequence (NGS).

Таргетное NGS-секвенирование гипервариабельных сегментов I–III митохондриальной ДНК было проведено с помощью набора реагентов PowerSeq™ CRM (Promega).

Контроль качества полученных библиотек производили на приборе Agilent Bioanalyzer 2100 с помощью набора реагентов High Sensitivity Kit (Agilent Technologies) по протоколу производителя.

NGS-секвенирование выполнялось на секвенирующей платформе Miseq (Illumina). Подготовка образцов и запуск осуществлялись согласно протоколам Illumina (Reagent Kit v2 300-cycles).

Первичная обработка NGS-данных была выполнена с использованием программного обеспечения MiSeq Control / RTA (Illumina). Сырые прочтения для каждого образца были предварительно обработаны с использованием программы PRINSEQ-lite [21] для исключения последовательностей низкого качества (среднее качество прочтения Q score < 25) и коротких фрагментов (длина чтения < 50 нуклеотидов). Полученные последовательности были картированы на полный геном человека (GRCh38.p7, PRJNA31257) и последовательность mtDNA человека (rCRS, NC_012920.1) одновременно с использованием Burrows-Wheeler Aligner (BWA-mem, v_0.7.13) [21]. Пакет SAMtools v_1.3.1 [3] и Picard toolkit v_2.18.17 использовались для операций с файлами sam/bam. Поиск вариантов нуклеотидной последовательности осуществлялся с помощью Genome Analysis Toolkit (GATK version: 4.0.11.0) [22]. При этом были отфильтрованы варианты, которые не соответствовали сле-

дующим критериям: глубина прочтения > 15х, качество картирования > 35. Указанные параметры были вычислены программой Genome Analysis Toolkit (GATK version: 4.0.11.0). Программа VEP [18] с использованием кэша 94_GRCh38 была применена для первичной аннотации вариантов. Определение вероятной гаплогруппы митохондриальной ДНК проводилось в онлайн-программе EMPOP.ONLINE.

Дополнительный анализ NGS-данных mtDNA проводился с использованием программного обеспечения GeneMarker HTS Software (SoftGenetics).

Результаты. Оценка сохранности и концентрации ДНК. Несмотря на термическое воздействие, оказанное во время пожара, и связанную с этим хрупкость полученных для исследования зубов, биологический материал в них сохранился в достаточном количестве, а ДНК была выделена хорошего качества.

В образце 1 выявлены следующие значения количества ДНК: фрагменты длиной 214 пар оснований – 0,2 нг/мкл, фрагменты длиной 80 пар оснований – 0,6 нг/мкл, Y-хромосома – 0,4 нг/мкл. В образце 2 выявлены: фрагменты длиной 214 пар оснований – 0,1 нг/мкл, фрагменты длиной 80 пар оснований – 0,5 нг/мкл, Y-хромосома – 0,3 нг/мкл. Для образца 3 получены следующие характеристики качества ДНК: фрагменты длиной 214 пар оснований – 0,01 нг/мкл, фрагменты длиной 80 пар оснований – 0,1 нг/мкл, Y-хромосома – 0 нг/мкл. ДНК, выделенная из 3 индивидуума, оказалась более деградированной, но вполне пригодной для последующих анализов.

Установление родства по аутосомным маркерам. В результате генотипирования Alu-маркеров аутосомных хромосом были получены полные STR-профили по всем 3 образцам, которые представлены в таблице 1. Типирование локуса амелогенина с помощью наборов реагентов Quantifiler™ Trio (TFS, США) и InnoTyper 21 Kit (InnoGenomics) показало, что образцы 1 и 2 принадлежали лицам мужского пола, а образец 3 – женщине, что соответствует антропологическим определениям половой принадлежности [1].

Попарное сравнение всех профилей выявило полное совпадение профилей между ребенком и женщиной. В то же время генети-

ческий профиль 1 индивидуума (мужчина) отличается от профилей 2 и 3 индивидуумов по одному локусу – NBC148, что говорит об отсутствии родства между ними (см. табл. 1). Между 2 и 3 индивидуумами был проведен анализ отношения правдоподобия (LR), который показал наличие родственных отношений ($LR = 142605$) с вероятностью 99,998 %.

Анализ митохондриальной ДНК.

В результате секвенирования ГВС 1–3 митохондриальной ДНК (мтДНК) 3 археологических индивидуумов были получены митотипы и по ним прогнозированы гаплогруппы митохондриальной ДНК (см. табл. 2).

Как видно из таблицы 2, у индивидуума 2 (ребенка) выявилось 17 нуклеотидных замен. У индивидуума 3 (женщины) выявилось только 14 нуклеотидных замен. Все они вошли в число 17, обнаруженных у индивидуума 2. Одинаковые мутации выделены жирным шрифтом и подчеркиванием. У индивидуумов 2 и 3 предсказана одна и та же митохондриальная гаплогруппа – **J1c** (как и должно быть у сына и его матери).

Однако у индивидуума 3 из 17 нуклеотидных замен 3 не выявилось. Обусловлено это тем, что в силу существенно худшей сохранности ДНК у индивидуума 3 именно те фрагменты ГВС 1–3 митохондриальной ДНК, в которых должны быть обнаружены соответствующие нуклеотидные замены, при секвенировании не считались.

Итак, в результате секвенирования ГВС 1–3 митохондриальной ДНК удалось перепроверить (в рамках возможностей метода) родство по материнской линии между индивидуумами 2 и 3, выявленное ранее «с высокой криминалистической точностью» по аутосомным маркерам. Таким образом, можно однозначно утверждать, что индивидуумы 2 и 3 состояли в родстве как сын – мать.

Гаплогруппа **J1c**, обнаруженная у индивидуумов 2 и 3, происходит из корневой гаплогруппы **J**. Эта корневая гаплогруппа в настоящее время присутствует в 9 % всех европейских популяций и 13 % населения Ближнего Востока. А ее субветвь **J1c** встречается в основном в Европе, особенно в Центральной Европе, на Балканах и в Украине, где она охватывает порядка 64 % от общего числа линий **J**. Гаплогруппа **J**, часто идентифициру-

емая как **J1** и в некоторых случаях как **J1c**, была найдена в неолитических останках из северной Испании, Франции, Германии и Швеции, а также в мезолитическом образце из Германии [20]. В работе, где исследовалась ДНК древних раннеолитических земледельцев из Западной Анатолии и представителей культуры Старчево на Балканах, было обнаружено, что гаплогруппа **J1c** присутствовала в обеих культурах наряду с другими типичными европейскими неолитическими линиями – **H5**, **K1a**, **N1a**, **T2** и **X2** [15]. В исследовании [19] два индивидуума эпохи викингов из шведского города Сигтуна (X–XI вв. н. э.), показали принадлежность митохондриальной линии **J1c**. В работе [11] у индивидуума из прибалто-финского могильника X – начала XIII в. (кургана у Ратчино, Ижорское плато), ассоциируемого с чудью или водью, была зафиксирована эта же митохондриальная линия.

В свою очередь, у индивидуума 1 была определена гаплогруппа **K2**. Эта гаплогруппа широко распространена среди современного населения Северо-Западной Европы, а также в Ливане среди друзов [23]. Однако палеогенетические исследования показали, что до периода неолита у западных охотников-собирателей, которые населяли Западную и Центральную Европу, гаплогруппа **K** отсутствовала, в то время как ее субварианты **K1a**, **K1b** и **K2a** были обнаружены среди земледельцев раннего неолита Ближнего Востока, а затем – Европы [12; 14; 15]. По гаплогруппе **K** интересный результат был получен Австралийским центром древней ДНК совместно с МГНЦ РАМН [9]: эту гаплогруппу определили у «варяжской гостьи», обнаруженной в камерном погребении на раскопе Старовознесенского некрополя второй половины X в. в Пскове.

Анализ фрагментов Y-хромосомы.

Для двух мужских археологических образцов был проведен фрагментный анализ 27 STR локусов Y-хромосомы. Полученные результаты приведены в таблице 3. Благодаря хорошей сохранности ДНК у индивидуума 1 выявлен полный STR-профиль Y-хромосомы (см. табл. 3), а у индивидуума 2 не выявилось всего 4 локуса из 27. В обоих случаях удалось предсказать гаплогруппу с высоким филогенетическим разрешением с помощью онлайн-программы <https://www.nevgen.org/>.

Были определены 2 различные линии гаплогруппы R1a: у индивидуума 1 – R1a1a1b1a2 (Z280), у индивидуума 2 – R1a1a1b1a1a (M458) (см. табл. 3). Для подтверждения данных гаплогрупп и уточнения их субвариантов необходимо проведение NGS SNP Y-хромосомы.

Обнаруженные у индивидуумов 1 и 2 генетические линии гаплогруппы R1a имеют широкое распространение в Восточной Европе и встречаются в современных популяциях западных славян Чехии, Словакии, Польши и Западной Беларуси, в популяциях России и Украины [3; 24]. В работе [16] представлены результаты палеогенетических исследований средневековых образцов, выявившие вариант гаплогруппы R1a1a1b1a1a (M458) из останков, обнаруженных в Уседоме (Восточная Германия, XIII в.), Олдензаал (Нидерланды, XV в.) и Радонеж (Россия, начало XVII в.).

Обсуждение результатов. Результаты палеогенетического исследования во многом способствуют пониманию повседневной жизни жителей подпола Московского Кремля в XIV в. до их трагической гибели вследствие нашествия войск хана Тохтамыша в августе 1382 года.

Особое внимание привлекают юная мать и ее ребенок, пытавшиеся уберечься в подполе здания. По данным антропологии на основании несращения эпифизов трубчатых костей и состояния зубной системы можно сделать вывод, что индивидууму № 2 (здесь использована археологическая нумерация) на момент смерти было всего 15–18 лет [1]. Эта девушка находилась в процессе биологического роста. Тем примечательнее, что, учитывая данные генетики, она за 3–4 года до смерти уже стала матерью. Судя по всему, начиная с раннего детства, она испытала серию негативных эпизодов, отраженных в дефектах зубной эмали – так называемой эмалевой гипоплазии, запечатлевшей физиологические стрессы в 1,5; 3; 4,5 и 6 лет. О более поздних стрессах свидетельствуют линии ГARRISA на рентгенограммах ее трубчатых костей (не менее 7). Не исключено, что девочкой она перенесла рахит, о чем говорит сильная изогнутость диафиза бедренной кости. Эта юная женщина страдала серьезной патологией тазобедренного сустава. По всей видимости, именно хромота побудила эту девушку скры-

ваться в подполе вместе с ребенком и не дала шанса бежать.

У ее сына был выявлен индикатор хронической анемии на поверхности шейки бедренной кости (*cribra femoris*), а также пороз на крыльях сфеноидной кости – типичные признаки у маленьких детей при недостатке витамина С [1]. Таким образом, мальчик испытывал хроническую недостаточность витаминов (С и группы В).

Как уже упоминалось, семья была небогатой, одежда матери была неоднократно чинена [7]. Мать и мужчина, тоже нашедший смерть в этом пожаре, питались преимущественно растительной пищей, что подтверждает невысокий социальный статус [6]. Пищевой статус ребенка, по результатам исследования изотопов азота и углерода, в отличие от питания взрослых, свидетельствует о достаточно высоком потреблении протеинов – белков животного происхождения. Не исключено, что мать продолжала кормить его грудью [6]. Трогательная деталь – в небольшом мешочке были найдены зерна овса, по-видимому, предназначенные для питания ребенка и заботливо взятые с собой матерью ребенка в укрытие.

Как теперь очевидно после проведенного генетического исследования, мужчина не был отцом ребенка и отличался своим происхождением от матери и сына. Однако выявленные гаплогруппы у всех исследованных в целом характерны для славянского населения современной Европы. Ранее был проведен анализ соотношения изотопов стронция, что позволило нам сделать вывод, что все эти люди были местными. Особенно близки изотопные сигналы образцов костной ткани девушки и ребенка [6]. В свете данных генетики об их теснейшей родственной связи, этот результат становится особенно весомым.

На примере проведенного комплексного анализа с использованием палеогенетических методов можно убедиться, насколько актуальны полученные данные даже на уровне частной истории повседневной жизни и трагической гибели нескольких человек.

Заключение. Генетические исследования останков трех человек, погибших, предположительно, в 1382 г. во время нашествия Тохтамыша на Москву, позволили уточнить

ряд вопросов, связанных с половой принадлежностью (прежде всего, индивидуумов юношеского и детского возраста), их родством и возможным происхождением.

Установлено, что исследуемые образцы принадлежали взрослому мужчине (образец 1), мальчику (образец 2) и женщине (образец 3).

Между мальчиком и женщиной (по антропологическому определению, девушкой-подростком) подтверждена родственная связь – сын – мать – по аутосомным маркерам и митохондриальной ДНК. Мужчина не являлся их прямым родственником.

Получены новые материалы для анализа происхождения изученных индивидуумов, которые по данным антропологии, несомненно, были коренными жителями Европы. В результате NGS-секвенирования выявлены митотипы исследованных индивидуумов, а у индивидуумов мужского пола помимо митохондриальной ДНК получены результаты анализа STR-маркеров Y-хромосомы.

У взрослого мужчины по митотипам были предсказаны вероятные митохондриальные гаплогруппы и выявлена гаплогруппа **K2**, которая наиболее характерна для современных жителей Северо-Западной Европы, а по анализу STR-маркеров Y-хромосомы обнаружена одна из линий гаплогруппы R1a – R1a1a1b1a2 (Z280), которая имеет преимущественное распространение в современных группах славян Центральной и Восточной Европы. Эта линия относится к прото-прибалто-славянской.

По результатам NGS-секвенирования у ребенка и женщины выявлены нуклеотидные замены в мтДНК, характерные для одной и той же гаплогруппы – **J1c**, которая в настоящее время преимущественно встречается у жителей Центральной Европы, на Балканах и в Украине.

По STR-гаплотипам Y-хромосомы у ребенка был обнаружен другой, нежели у мужчины, вариант из линий гаплогруппы R1a – R1a1a1b1a1a (M458). Эта гаплогруппа, как и в случае анализа маркеров у мужчины, имеет преимущественно распространение в совре-

менных группах славян Чехии, Словакии, Польши, Западной Беларуси, России и Украины. Эта линия считается прото-славянской.

Полученные данные свидетельствуют о генетическом разнообразии населения подола Московского Кремля в последней трети XIV века. Однако не исключена версия того, что в подклете спрятались люди, не проживавшие непосредственно на территории подола в Кремле, а лишь укрывшиеся за его стенами от врагов. Это люди разного происхождения, но в целом выявленные гаплогруппы характерны для европейского населения и преимущественно славян Центральной и Восточной Европы.

Проведенный анализ показал, что воздействие высоких температур не всегда приводит к полной деградации древней ДНК, это методическое наблюдение может быть важным для дальнейших палеогенетических работ с подобными объектами.

Генетические исследования – новый мощный естественнонаучный метод изучения образцов биологических тканей человека и животных, происходящих из археологических раскопок, – постепенно становятся стандартными. В совокупности с традиционными подходами они дают новые данные о происхождении и родственных связях людей прошлого, позволяют проводить более глубокую реконструкцию исторических событий.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Генетические исследования, описанные в работе, были проведены за счет средств Фонда целевого капитала Московского физико-технического института. Исследование археологического контекста и антропологических материалов выполнено в рамках госзадания, тема № AAAA18-118011790092-5.

The genetic studies described in the work were carried out at the expense of the Endowment Fund of the Moscow Institute of Physics and Technology. The study of the archaeological context and anthropological materials was carried out within the framework of the state task, topic No. AAAA18-118011790092-5.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Генетические профили индивидуумов

Table 1. Genetic profiles of individuals

Локусы	Образец 1, мужчина		Образец 2, ребенок		Образец 3, женщина	
	Значение аллелей					
AC4027	I	N	I	<u>N</u>	I	<u>N</u>
MLS26	I	N	I	<u>N</u>	N	<u>N</u>
ALU79712	I	N	I	<u>I</u>	<u>I</u>	N
NBC216	I	I	I	<u>N</u>	I	<u>N</u>
NBC106	N	N	I	<u>N</u>	<u>N</u>	N
RG148	N	N	<u>I</u>	N	<u>I</u>	N
NBC13	I	N	N	<u>N</u>	<u>N</u>	N
AC2265	I	I	<u>I</u>	N	<u>I</u>	I
MLS09	I	N	I	<u>N</u>	<u>N</u>	N
AC1141	I	N	I	<u>I</u>	<u>I</u>	I
TARBP	I	N	<u>I</u>	N	<u>I</u>	I
AMEL	X	Y	X	Y	X	X
AC2305	I	N	I	<u>N</u>	I	<u>N</u>
HS4.69	I	N	I	<u>N</u>	I	<u>N</u>
NBC51	N	N	<u>N</u>	I	<u>N</u>	N
ACA1766	I	I	<u>I</u>	N	<u>I</u>	I
NBC120	I	N	<u>I</u>	N	<u>I</u>	N
NBC10	N	N	<u>I</u>	N	<u>I</u>	N
NBC102	N	I	N	<u>I</u>	N	<u>I</u>
SB19.12	I	N	I	<u>N</u>	<u>N</u>	N
NBC148	N	N	I	<u>I</u>	<u>I</u>	I

Примечание. Совпадающие значения аллелей у 2 и 3 индивидуумов выделены жирным шрифтом и подчеркиванием. Наличие наследственной вставки повторов – I; отсутствие наследственной вставки повторов – N.

Note. Coinciding values of alleles in individuals 2 and 3 are highlighted in bold and underlined. The presence of hereditary insertion of repeats - I; lack of hereditary insertion of repeats - N.

Таблица 2. Результаты исследования мтДНК (ГВС 1–3)

Table 2. Results of the study of mtDNA (GVS 1–3)

Номер образца	Пол	Митотипы (ГВС 1–3)	Предикция мт-гаплогруппы
1	М	A73G T146C T152C A263G T16224C T16311C T16368C T16519C	K2
2	М	A73G G143A G185A G228A A263G C295T C298T C462T T482C T489C C16069T T16126C T16172C T16189C C16223T T16362C G16526A	J1c
3	Ж	A73G G185A G228A A263G C295T C298T C462T T482C T489C C16069T T16126C C16223T T16362C G16526A	J1c

Примечание. Одинаковые мутации выделены жирным шрифтом и подчеркиванием.

Note. The same mutations are highlighted in bold and underlined.

Таблица 3. Результаты исследования Y-хромосомы мужских индивидуумов

Table 3. Results of the study of the Y chromosome of male individuals

Номер образца	HG (predictor)	393	390	19	391	385 a	385 b	439	389 I	392	389 II	458	437	448	449	460	Y-GATA-H4	456	576	570	438	481	533	635	627	518	F387S1 a	F387S1 b
1	R1a1a1b1a2 (Z280)	13	25	16	11	11	11	11	13	11	30	16	15	20	31	11	12	17	18	18	11	23	12	23	16	40	36	38
2	R1a1a1b1a1a (M458)	13	24	17		10	10	11	13	11	30	15	14	20		11	12	16	18	19	11	26		23	18		36	36

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропологические находки из средневековых слоев Тайницкого сада (по материалам раскопок в Московском Кремле в 2007 г.) / А. П. Бужилова, М. Б. Медникова, А. В. Энговатова, В. Ю. Коваль // Российская археология. – 2019. – № 3. – С. 171–191.
2. Археология Московского Кремля. Раскопки 2016–2017 гг. / ред.: Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. – М.: ИА РАН, 2018. – 164 с.
3. Балановский, О. П. Генофонд Европы / О. П. Балановский. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. – 354 с.
4. Два необычных захоронения эпохи позднего средневековья в бахчисарайском районе республики Крым / С. В. Сиротин, Д. С. Богачук, А. А. Волюшинов, А. А. Тарасова, Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова // Краткие сообщения Института археологии. – 2019. – № 256. – С. 293–307.
5. Дубровин, Г. Е. Усадебная застройка раскопа 1 в Тайницком саду Московского Кремля (предварительная публикация) / Г. Е. Дубровин, В. Ю. Коваль // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. – М.: ИА РАН, 2014. – Вып. 10. – С. 94–110.
6. Исторический контекст в свете естественнонаучных исследований (по материалам раскопок ИА РАН в Московском Кремле в 2007 г.) / А. В. Энговатова, А. Е. Черкинский, В. Ю. Коваль, А. Ю. Сергеев, Е. Ю. Лебедева, М. Б. Медникова // Российская археология. – 2021. – № 2. – С. 167–185.
7. Орфинская, О. В. Исследование текстиля XV века из раскопок 2007 года / О. В. Орфинская // «Московский Кремль», государственный историко-культурный музей-заповедник: материалы и исследования. – М.: ФГУ «Гос. ист.-культур. музей-заповедник “Московский Кремль”», 2016. – Вып. 27. – С. 268–281.
8. Панова, Т. Д. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Тайницкого сада в Московском Кремле в 2007 году / Т. Д. Панова, В. Ю. Коваль // Архив ИА РАН. – Р-1. – Ф-1. – № 29009. – М.: ИА РАН, 2008.
9. Пежемский, Д. В. Опыт антропологического исследования останков из камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова / Д. В. Пежемский // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. – СПб.: Нестор-История, 2016. – Т. 2. – С. 560–578.
10. Подол Московского Кремля по материалам археологических исследований / В. Ю. Коваль, Т. Д. Панова, Н. А. Кренке, Г. Е. Дубровин, А. С. Алешинская, А. А. Карпухин // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 4 (89). – С. 35–47.
11. Стасюк, И. В. «Славянская колонизация» водской земли: историография, проблемы, новые подходы / И. В. Стасюк, Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2020. – № 5. – С. 347–361.
12. Ancient DNA Analysis of 8000 B.C. Near Eastern Farmers Supports an Early Neolithic Pioneer Maritime Colonization of Mainland Europe through Cyprus and the Aegean Islands / E. Fernández, A. Pérez-Pérez, C. Gamba, E. Prats, P. Cuesta, J. Anfruns, M. Molist, E. Arroyo-Pardo, D. Turbón // PLoS Genet. – 2014. – № 10 (6). – P. 1–16.
13. Complete mitochondrial genome sequence of a Middle Pleistocene cave bear reconstructed from ultrashort DNA fragments / J. Dabney, M. Knapp, I. Glocke [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2013. – № 110. – P. 15758–15763. – DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1314445110>.
14. Early farmers from across Europe directly descended from Neolithic Aegeans / Z. Hofmanová, S. Kreutzer, G. Hellenthal, Ch. Sell, Y. Diekmann, D. Diezdel-Molino, L. van Dorp, S. López, A. Kousathanas, V. Link, V. Kirsanow, L. M. Cassidy, R. Martiniano, M. Strobel, M. Scheu, K. Kotsakis, P. Halstead, S. Triantaphyllou, N. Kyparissi-Apostolika, D. Urem-Kotsou, C. Ziota, F. Adaktylou, Sh. Gopalan, D. M. Bobo, L. Winkelbach, J. Blöcher, Unterländer, C. Leuenberger, C. Çilingiroğlu, B. Horejs, M. F. Gerritsen, S. J. Shennan, D. G. Bradley, M. Currat, Krishna R. Veeramah, D. Wegmann, M. G. Thomas, C. Papageorgopoulou, J. Burger // PNAS. – 2016. – № 113 (25). – P. 6886–6891. – DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1523951113>.
15. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians / I. Mathieson, I. Lazaridis, N. Rohland [et al.] // Nature. – 2015. – № 528. – P. 499–503. – DOI: <https://doi.org/10.1038/nature16152>.
16. Haplogroup analysis for a Medieval Russian burial of 16th–17th centuries in Radonezh (Moscow Area) / Kh. Kh. Mustafin, I. E. Alborova, A. S. Semenov, V. I. Vishnevsky // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2018. – № 2. – P. 169–180. – DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu19.2018.209>.
17. Kling, D. Familias 3 – extensions and new functionality / D. Kling, A. O. Tillmar, T. Egeland // Forensic Sci Int Genet. – 2014. – № 13. – P. 121–127. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.fsigen.2014.07.004>.
18. McLaren, W. The Ensembl Variant Effect Predictor / W. McLaren, L. Gil, S. E. Hunt [et al.] // Genome Biol. – 2016. – № 17. – P. 122. – DOI: <https://doi.org/10.1186/s13059-016-0974-4>.
19. Mitochondrial DNA analysis of a Viking age mass grave in Swede Forensic Sci Int Genet / M. M. Buś, M. Lembring, A. Kjellström, C. Strobl, B. Zimmermann, W. Parson, M. Allen. – 2019. – № 42. – P. 268–274. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.fsigen.2019.06.002>.

20. Mitochondrial DNA Signals of Late Glacial Recolonization of Europe from Near Eastern Refugia / M. Pala [et al.] // *The American Journal of Human Genetics*. – May 4, 2012. – № 90 (5). – P. 915–924. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ajhg.2012.04.003>.

21. Schmieder, R. Quality control and preprocessing of metagenomic datasets / R. Schmieder, R. Edwards // *Bioinformatics Oxford Academic*. – 2011. – № 27. – P. 863–864. – DOI: <https://doi.org/10.1093/bioinformatics/btr026>.

22. The Genome Analysis Toolkit: A MapReduce framework for analyzing next-generation DNA sequencing data / A. McKenna, M. Hanna, E. Banks [et al.] // *Genome Res*. – 2010. – № 20. – P. 1297–1303. – DOI: <https://doi.org/10.1101/gr.107524.110>.

23. The mitochondrial lineage U8a reveals a Paleolithic settlement in the Basque country / A. González [et al.] // *BMC Genomics*. – 2006. – № 7 (124). – P. 1–7.

24. The phylogenetic and geographic structure of Y-chromosome haplogroup R1a / P. A. Underhill, G. D. Poznik, S. Rootsi [et al.] // *European Journal of Human Genetics*. – 2015. – № 23. – P. 124–131. – DOI: <https://doi.org/10.1038/ejhg.2014.50>.

REFERENCES

1. Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Engovatova A.V., Koval' V.Yu. Antropologicheskie nahodki iz srednevekovykh sloev Tajnitskogo sada (po materialam raskopok v Moskovskom Kreml'e v 2007 g.) [Anthropological Finds from the Medieval Layers of the Taynitsky Garden (Based on the Materials of the Excavations in the Moscow Kremlin in 2007)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology], 2019, no. 3, pp. 171–191.

2. Makarov N.A., Koval' V.Yu., eds. *Arheologiya Moskovskogo Kremlya. Raskopki 2016–2017 gg.* [Archaeology of the Moscow Kremlin. Excavations of 2016–2017]. Moscow, IARAN, 2018. 164 p.

3. Balanovskiy O.P. *Genofond Evropy* [The Gene Pool of Europe]. Moscow, Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2015. 354 p.

4. Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Voloshinov A.A., Tarasova A.A., Mustafin H.H., Al'borova I.E. Dva neobychnykh zahoroneniya epohi pozdnego srednevekov'ya v bahchisarajskom rajone respubliky Krym [Two Unusual Graves of the Late Medieval Period from the Bakhchisaray District of the Republic of Crimea]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2019, no. 256, pp. 293–307.

5. Dubrovin G.E., Koval' V.Yu. Usadebnaya zastroyka raskopa 1 v Tajnitskom sadu Moskovskogo Kremlya (predvaritel'naya publikatsiya) [The Estate Development of the Territory of Excavation Site 1 in Taynitsky Garden of the Moscow Kremlin].

Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara [Archaeology of the Moscow Region. Proceedings of the Scientific Seminar]. Moscow, IARAN, 2014, iss. 10, pp. 94–110.

6. Engovatova A.V., Cherkinskij A., Koval' V.Yu., Sergeev A.Yu., Lebedeva E.Yu., Mednikova M.B. Istoricheskiy kontekst v svete estestvennonauchnykh issledovaniy (po materialam raskopok IA RAN v Moskovskom Kreml'e v 2007 g.) [Historical Context in the Light of Science Research (Based on Materials from the 2007 Excavations in the Moscow Kremlin by the Institute of Archaeology RAS)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology], 2021, no. 2, pp. 167–185.

7. Orfinskaya O.V. Issledovanie tekstilya XV veka iz raskopok 2007 goda [Study of Textiles of the 15th Century from Excavations in 2007]. «Moskovskiy Kreml'», gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik: materialy i issledovaniya [The Moscow Kremlin. State Historical and Cultural Museum. Materials and Studies]. Moscow, FGU «Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik 'Moskovskiy Kreml'», 2016, iss. 27, pp. 268–281.

8. Panova T.D., Koval' V.Yu. Otchet ob ohrannykh arheologicheskikh raskopkakh na territorii Tajnitskogo sada v Moskovskom Kreml'e v 2007 godu [Report on Archaeological Excavations on the Territory of the Secret Garden in the Moscow Kremlin in 2007]. *Arkhiv IA RAN. R-1, F-1: № 29009* [Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2008, R-1, F-1: No. 29009]. Moscow, IARAN, 2008.

9. Pezhemskiy D.V. Opyt antropologicheskogo issledovaniya ostankov iz kamernykh pogrebenij Starovoznesenskogo nekropolja Pskova [Anthropological Case Study of the Human Skeletal Remains from Chamber Graves of the Old Ascension Necropolis of Pskov]. *Drevnerusskiy nekropol' Pskova X – nachala XI veka* [Ancient Russian Necropolis of Pskov of the 10th – Early 11th Centuries]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, vol. 2, pp. 560–578.

10. Koval' V.Yu., Panova T.D., Krenke N.A., Dubrovin G.E., Aleshinskaya A.S., Karpuhin A.A. Podol Moskovskogo Kremlya po materialam arheologicheskikh issledovaniy [Podol (Low Part) of Moscow Kremlin on Materials of Archaeological Research]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki* [Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences], 2017, no. 4 (89), pp. 35–47.

11. Stasyuk I.V., Mustafin H.H., Al'borova I.E. «Slavyanskaya kolonizatsiya» vodskoj zemli: istoriografiya, problemy, novye podhody [“Slavic Colonization” of the Vodsky Land: Historiography, Problems, New Approaches]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum

Plus. Archaeology and Cultural Anthropology], 2020, no. 5, pp. 347-361.

12. Fernández E., Pérez-Pérez A., Gamba C., Prats E., Cuesta P., Anfruns J., Molist M., Arroyo-Pardo E., Turbón D. Ancient DNA Analysis of 8000 B.C. Near Eastern Farmers Supports an Early Neolithic Pioneer Maritime Colonization of Mainland Europe through Cyprus and the Aegean Islands. *PLoS Genet*, 2014, no. 10 (6), pp. 1-16.

13. Dabney J., Knapp M., Glocke I. et al. Complete Mitochondrial Genome Sequence of a Middle Pleistocene Cave Bear Reconstructed from Ultrashort DNA Fragments. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2013, no. 110, pp. 15758-15763. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1314445110>.

14. Hofmanová Z., Kreutzer S., Hellenthal G., Sell Ch., Diekmann Y., Díez-del-Molino D., Van Dorp L., López S., Kousathanas A., Link V., Kirsanow V., Cassidy L.M., Martiniano R., Strobel M., Scheu M., Kotsakis K., Halstead P., Triantaphyllou S., Kyparissi-Apostolika N., Urem-Kotsou D., Ziota C., Adaktylou F., Gopalan Sh., Bobo D.M., Winkelbach L., Blöcher J., Unterländer, Leuenberger C., Çilingiroğlu C., Horejs B., Gerritsen M.F., Shennan S.J., Bradley D.G., Currat M., Krishna R.V., Wegmann D., Thomas M.G., Papageorgopoulou C., Burger J. Early Farmers from Across Europe Directly Descended from Neolithic Aegeans. *PNAS*, 2016, no. 113 (25), pp. 6886-6891. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1523951113>.

15. Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N. et al. Genome-Wide Patterns of Selection in 230 Ancient Eurasians. *Nature*, 2015, no. 528, pp. 499-503. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature16152>.

16. Mustafin Kh.Kh., Alborova I.E., Semenov A.S., Vishnevsky V.I. Haplogroup Analysis for a Medieval Russian Burial of 16th – 17th Centures in Radonezh (Moscow Area). *Studia Slavica et Balcanica*

Petropolitana, 2018, no. 2, pp. 169-180. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu19.2018.209>.

17. Kling D., Tillmar A.O., Egeland T. Familias 3 – Extensions and New Functionality. *Forensic Science International: Genetics*, 2014, no. 13, pp. 121-127. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.fsigen.2014.07.004>.

18. McLaren W., Gil L., Hunt S.E. et al. The Ensembl Variant Effect Predictor. *Genome Biology*, 2016, no. 17. 122 p. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13059-016-0974-4>.

19. Buś M.M., Lembring M., Kjellström A., Strobl C., Zimmermann B., Parson W., Allen M. Mitochondrial DNA Analysis of a Viking Age Mass Grave in Sweden. *Forensic Science International: Genetics*, 2019, no. 42, pp. 268-274. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.fsigen.2019.06.002>.

20. Pala M., Anna Olivieri A. Mitochondrial DNA Signals of Late Glacial Recolonization of Europe from Near Eastern Refugia. *The American Journal of Human Genetics*, 2012, May 4, no. 90 (5), pp. 915-924. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ajhg.2012.04.003>.

21. Schmieder R., Edwards R. Quality Control and Preprocessing of Metagenomic Datasets. *Bioinformatics Oxford Academic*, 2011, no. 27, pp. 863-864. DOI: <https://doi.org/10.1093/bioinformatics/btr026>.

22. McKenna A., Hanna M., Banks E. et al. The Genome Analysis Toolkit: A MapReduce Framework for Analyzing Next-Generation DNA Sequencing Data. *Genome Res*, 2010, no. 20, pp. 1297-1303. DOI: <https://doi.org/10.1101/gr.107524.110>.

23. González A. et al. The Mitochondrial Lineage U8a Reveals a Paleolithic Settlement in the Basque Country. *BMC Genomics*, 2006, no. 7 (124), pp. 1-7.

24. Underhill P.A., Poznik G.D., Rootsi S. et al. The Phylogenetic and Geographic Structure of Y-Chromosome Haplogroup R1a. *European Journal of Human Genetics*, 2015, no. 23, pp. 124-131. DOI: <https://doi.org/10.1038/ejhg.2014.50>.

Information About the Authors

Irina E. Alborova, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Moscow Institute of Physics and Technology, Institutskiy Lane, 9, 141700 Dolgoprudny, Russian Federation, ira_teuchezh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1950-3885>

Kharis Kh. Mustafin, Candidate of Sciences (Engineering), Head of Laboratory, Moscow Institute of Physics and Technology, Institutskiy Lane, 9, 141700 Dolgoprudny, Russian Federation, kh-mstf@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8891-2319>

Maria B. Mednikova, Doctor of Sciences (History, Archaeology), Leading Researcher, Group of Physical Anthropology, Institute of Archaeology RAS, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, medma_pa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1918-2161>

Alexandra P. Buzhilova, Doctor of Sciences (History, Archaeology), Leading Researcher, Director, Group of Physical Anthropology, Research Institute and Museum of Anthropology, Institute of Archaeology RAS, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation; Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya St, 11, 125009 Moscow, Russian Federation, albu_pa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6398-2177>

Asya V. Engovatova, Candidate of Sciences (History), Deputy Director, Institute of Archaeology RAS, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, engov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3109-2764>

Информация об авторах

Ирина Эдуардовна Альборова, кандидат биологических наук, научный сотрудник, Московский физико-технический институт, Институтский пер., 9, 141700 г. Долгопрудный, Российская Федерация, ira_teuchezh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1950-3885>

Харис Харрасович Мустафин, кандидат технических наук, заведующий лабораторией, Московский физико-технический институт, Институтский пер., 9, 141700 г. Долгопрудный, Российская Федерация, kh-mstf@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8891-2319>

Мария Борисовна Медникова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел теории и методики, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, medma_pa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1918-2161>

Александра Петровна Бужилова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел теории и методики, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация; директор, НИИ и Музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, 125009 г. Москва, Российская Федерация, albu_pa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6398-2177>

Ася Викторовна Энговатова, кандидат исторических наук, заместитель директора, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, engov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3109-2764>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.4>

UDC 262
LBC 63.2

Submitted: 29.11.2019
Accepted: 01.02.2021

CONFESSIONAL REGIONAL STUDIES: DIRECTIONS AND APPROACHES IN RESEARCH

Olga A. Balabeykina

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

Anton L. Dmitriev

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the subject-thematic content of modern scientific domestic and foreign works, the field of study of which is religion in countries and regions. The article deals with theoretical issues related to an integrated approach to regional studies in the development and functioning of the confessional space. *Methods and materials.* Statistical methods of data processing were applied, as well as the visualization of statistical data reflecting the functioning of the structural elements of the geo-confessional space. *Analysis.* Based on the specifics of the subject area, it is proposed to identify such thematic areas: historical-cultural, spatial (chorological), political-legal, socio-economic. A brief description of each of the designated areas is given. Within the framework of the spatial direction, the essence of two approaches is separately reflected: the institutional-territorial and the religious-landscape. The necessity of using the scientific and factual basis of each of the selected areas for conducting a comprehensive study of the confessional space is indicated. Attention is paid to the use of scientific tools in comprehensive regional-confessional studies. *Results.* The importance of expanding the range of mathematical and statistical methods adopted in regional studies is indicated, since the results of calculating the coefficients of unevenness, advantages, etc. are the evidence base for identifying regional differences in the placement of religious infrastructure, etc. and can be applied in scientific works in all regional and confessional areas. For clarity, the provisions presented in the article are illustrated with examples related to elements of the confessional space of different regions and countries. The most promising for further development in the field of regional-confessional research, as the least studied, the authors call the political-legal and socio-economic directions, while maintaining the importance of historical and cultural as well as spatial in the meaning of independent research, and as a basis for a comprehensive one.

Key words: area studies, religious space, religions, confessions, research areas.

Citation. Balabeykina O.A., Dmitriev A.L. Confessional Regional Studies: Directions and Approaches in Research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 45-56. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.4>

**КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ:
НАПРАВЛЕНИЯ И ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ****Ольга Александровна Балабейкина**Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация**Антон Леонидович Дмитриев**Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализировано предметно-тематическое содержание современных научных отечественных и зарубежных работ, предметом изучения которых выступают религии в странах и регионах. Рассмотрены теоретические вопросы, связанные с комплексным подходом к регионоведческим исследованиям в области развития и функционирования конфессионального пространства. Применены статистические методы обработки данных, а также методы визуализации статистических данных, отражающих функционирование структурных элементов геоconfессионального пространства. На основе специфики предметной области предложено выделить такие тематические направления регионально-конфессиональных исследований, как историко-культурологическое, пространственное (хорологическое), политико-правовое, социально-экономическое. Дана краткая характеристика каждого из обозначенных направлений. В рамках пространственного направления отдельно отражена суть двух подходов – институционально-территориального и религиозно-ландшафтного. Указывается необходимость применения научной и фактической базы каждого из выделенных направлений для проведения комплексного исследования конфессионального пространства. Внимание уделяется вопросам использования научного инструментария в комплексных регионально-конфессиональных исследованиях. Обозначается важность расширения круга математико-статистических методов, принятых в регионоведении, поскольку результаты расчетов коэффициентов неравномерности, преимущества и т. д. являются доказательной базой для выявления региональных различий в размещении культовой инфраструктуры и могут быть применены в научных работах по всем регионально-конфессиональным направлениям. Для наглядности представленные в статье положения иллюстрируются примерами, касающимися элементов конфессионального пространства разных регионов и стран. Наиболее перспективными для дальнейшего развития в области регионально-конфессиональных исследований авторы называют политико-правовое и социально-экономическое направления, как наименее изученные, при сохранении значимости историко-культурологического и пространственного как в роли самостоятельных исследований, так и в качестве основы для комплексных. *Вклад авторов.* Выделение основных направлений регионально-конфессиональных исследований – О.А. Балабейкина. Сбор и обработка статистической информации, отражающей функционирование структурных элементов геоconfессионального пространства, – оба автора. Анализ экономической деятельности религиозных организаций – А.Л. Дмитриев.

Ключевые слова: регионоведение, конфессиональное пространство, религии, конфессии, направления исследований.

Цитирование. Балабейкина О. А., Дмитриев А. Л. Конфессиональное регионоведение: направления и подходы в исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 45–56. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.4>

Введение. Конфессиональная (религиозная) тематика все чаще затрагивается российскими учеными в комплексе регионоведческих исследований последних десятилетий. При этом с развитием в нашей стране данного направления научные работы постепенно

приобретают большую глубину, аргументированность в подтверждении гипотез, расширение вовлекаемой в поле изучения предметной области. Так, серьезные и результативные регионально-конфессиональные исследования проводились в рамках политологии, истории и

других общественных наук такими учеными, как А.В. Алепо, Н.А. Саболдан [1], О.А. Богатова, Е.И. Долгаева, А.В. Митрофанова [7], А.Н. Данненберг [9], В.С. Дементьев [10], Р.Н. Лункин [14], А.Г. Манаков [16; 17], О.В. Халидова, Г.Ф. Гебеков [21] и др.

Зарубежные авторы, представители разных научных школ США [25], Европы [30] и Азии [26; 27], также откликаются на проблемы и вопросы, связанные с конфессиональным пространством на национальном и региональном уровнях, подчеркивая их актуальность на данном этапе развития общества, несмотря на характерные для населения развитых стран процессы секуляризации [23; 24; 28; 29].

Актуальность исследований в области конфессионального регионоведения обусловлена тем, что религии через доктринальные положения своих вероучений, а также путем реализации деятельности образуемых ими организаций и институтов оказывают серьезное воздействие на социальную, политическую, экономическую сферы общественной жизни. Особую практическую значимость приобретают такие научные работы для России, где конфессиональное пространство, после нескольких десятилетий атеистического периода советской истории, претерпевает динамичные трансформационные сдвиги через реализацию функционирования его компонентов. Именно поэтому важны как учет зарубежного опыта в различных областях, связанных с проявлениями религиозной жизни, так и разработка отечественных подходов к их исследованию.

Вне контекста учета специфики компонентов конфессионального пространства невозможно проведение комплексного регионоведческого исследования уже потому, что религии как часть социокультурной характеристики региона выступают его неотъемлемой составляющей [15].

Обращаясь к конфессиональной проблематике в регионоведческих исследованиях, ученые делают акцент на отдельных предметных областях, связанных с религиями, а именно: истории распространения вероучения и объектов культовой инфраструктуры в регионе, конфликтологии, трансформации институционально-административного деления религиозных организаций, социальной и экономи-

ческой деятельности последних и т. д. В то же время ощущается потребность исследования в рамках применения комплексного конфессионально-регионоведческого подхода, учитывающего не только социокультурные, но также экономические и другие компоненты, которые позволят придать более репрезентативный характер регионально-конфессиональному исследованию, в том числе в случаях, когда предметная его область касается ретроспективы. Поэтому главная задача статьи – обзор подходов и возможных направлений для перспективы развития регионально-конфессиональных исследований, в которых акценты могут быть расставлены в пользу исторических, политических, государственно-правовых, социальных проблем, обусловленных функционированием элементов религиозной сферы, но в которых сочетаются методы и научные инструменты и других наук (междисциплинарный подход).

Методы и материалы. Для реализации цели исследования применялись принятые в конфессиональном регионоведении методы сравнительного сопоставления исходных данных, отражающих специфику территориально-организационной структуры религиозных институтов; анализа и синтеза первичных статистических материалов, представленных в официальных (негосударственных) отчетах религиозных организаций; систематизации фактического материала, а также статистической обработки данных. Среди источников эмпирических данных обозначим отчетную документацию зарубежных религиозных институтов, опубликованную в открытом доступе на английском и национальных языках. Кроме того, исходные материалы для исследования были собраны в ходе личных наблюдений авторов в течение 10 лет (2008–2018 гг.) во время целевых посещений структурных элементов конфессионального пространства российских регионов, а также Финляндии, Швеции, Эстонии и других стран зарубежной Европы. Обратим внимание на то, что еще в 1960-х гг. в США возникло новое научное направление «клиометрика» (у истоков его стояли американские историки А. Конрад, Дж. Мейер, С. Рейтер), которое достаточно быстро завоевало внимание ученых, поскольку демонстрировало возможность применения

количественных методов анализа к историческим явлениям, распространенным по территориям и имеющим численную оценку. Как было показано А.В. Полетаевым, такой подход вполне правомерен [18].

Анализ. Комплексный характер конфессионально-региональных исследований стал причиной их развития в последнее время в рамках нескольких предметных направлений, среди которых самыми основными на сегодняшний день представляются следующие:

– *историко-культурологическое*, в рамках которого в ретроспективе выявляются факторы, обусловившие развитие конфессионального пространства, а также особенности влияния религий на материальную и духовную культуру исповедующих их народов;

– *хорологическое (пространственное)* направление развивается в рамках географии религий и базируется на изучении структуры расселения последователей определенных религий и образуемых ими институциональных организаций в регионах и странах;

– *политико-правовое*, где приоритетная область исследования – законодательно-обусловленные аспекты взаимоотношений государства и церкви, выявление причин и последствий региональных конфликтов на религиозной почве и т. д.

– *социально-экономическое* направление предполагает исследования в области развития религиозного туризма, религиозно обусловленного потребительского поведения, специфики финансовой деятельности религиозных организаций, религиозных факторов демографического поведения, религиозного предпринимательства и т. д.

Научная работа в любом из обозначенных направлений, благодаря поликомпонентной структуре конфессионального пространства, предполагает применение комплекса общенаучных и специальных методов исследований, позволяющих получить максимально объективные и информативные результаты, используя принципы «последовательности, оптимизации, системности, наглядности и достоверности» [3, с. 108].

Представляется, что успешной реализации обозначенных выше принципов на всех выделенных этапах современных регионально-конфессиональных исследований будет спо-

собствовать, помимо использования традиционных методов, расширение вовлечения математико-статистического инструментария. Объем представленной работы не позволяет подробно рассмотреть все примеры применения таких методов, но упоминание их будет целесообразно. Так, степень равномерности размещения культовой инфраструктуры в регионе можно определить с помощью расчета коэффициентов равномерности и преимущества с наглядным графическим изображением (кривая Лоренца) [5, с. 120–121]. Результаты расчетов могут послужить для разработки стратегии религиозно-государственных взаимоотношений на региональном и национальном уровнях, объективно отражая картину на основе обработки массовых данных. Такой подход представляется весьма важным и объективным, поскольку основан на обработке большого массива данных. Кроме того, такие расчеты также могут выступать в качестве доказательной базы для обоснования стратегии развития религиозного туризма в регионе, как это было выполнено, например, на материалах Волгоградской области [6, с. 87–88]. Отметим, что в отечественных исторических регионально-конфессиональных исследованиях приводятся количественные сравнительные данные, отражающие число храмовых зданий на территории в разные исторические периоды (дореволюционное время, советский и постсоветский периоды). Кривая Лоренца как достаточно универсальное средство представления степени дифференциации любых явлений позволяет наглядно отразить результаты этих сравнений.

Экономическая деятельность структурных элементов конфессионального геопространства заслуживает оформления в отдельную отрасль регионально-конфессиональных исследований в связи с их спецификой и значением с геополитической точки зрения. Речь идет о влиянии религии на способы хозяйствования, на принятие тех или иных политических решений, на открытость территорий для иностранцев и т. п. Например, не случаен интерес к старообрядчеству в России, которое, как показали многочисленные исследования, оказывало значительное влияние на поведение людей и эффективность их экономической деятельности [22]. В целом же, как хоро-

шо известно, влияние «протестантской этики» на поведение людей, в широком смысле слова, было показано еще Максом Вебером. Применительно к религиозным институтам стран зарубежной Европы этому также способствует наличие опубликованных в открытом доступе исходных статистических материалов [33; 34].

Рассматривая более подробно каждое из отдельных направлений, можно выделить характерные для него черты. Работы в области историко-культурологического конфессионального направления регионоведческих исследований представлены многочисленно и охватывают самые разные по объему и статусу территории – от макрорегионов мира [31] до отдельных административных районов и входящих в их состав населенных пунктов [11; 12]. Выстроенные, как правило, на данных архивных источников [12; 21], такие работы отражают в объективной периодизации становление конфессионального пространства территории, создавая историческую базу и для других изучающих его направлений изучения. Историческая интерпретация в регионально-конфессиональных исследованиях – необходимая составляющая большей их части, особенно там, где требуется анализ любых трансформационных процессов и явлений, связанных с религиями, в динамике [2, с. 7].

Факты, касающиеся диффузии религиозных ценностей в их ретроспективе, устанавливаются с помощью исторического подхода к исследованиям, а закономерности и тенденции распространения религий на определенной территории изучаются в рамках пространственного направления конфессионального регионоведения, как было показано В.М. Булаевым и К.В. Гориной [8].

Условно хронологические подходы к изучению конфессионального пространства в регионоведении можно обозначить как институционально-территориальный и религиозно-ландшафтный. Различия между ними сводятся к избираемой для построения исследования территориальной основе, в качестве которой могут выступать компоненты институционально-территориальной структуры религиозной организации или религиозного ландшафта соответственно.

Институционально-территориальный подход целесообразен для региональных исследований, связанных с религиями, имеющими оформленную территориально-организационную структуру. Так, традиционно пространство христианских конфессий на региональном уровне подразделяется на епархии – церковно-административные единицы, возглавляемые священником в епископском сане. Например, территория стран Северной Европы совпадает с одноименными национальными Евангелическо-лютеранскими церквями (ЕЛЦ), состоящими из нескольких епархий – 11 в Дании (одна из них в Гренландии), столько же в Норвегии, 9 – в Финляндии, 13 – в Швеции, 3 – в Эстонии и т. д.

Результаты институционально-территориальных исследований позволяют объективно оценивать процессы, характеризующие конфессиональное пространство государств и их отдельных регионов. Так, отмеченные учеными процессы секуляризации европейского населения [14] получают подтверждение по результатам анализа трансформационных процессов на уровне институциональных структурных единиц религиозных организаций. Один из примеров – упразднение за последние несколько лет значительной части приходов Финляндской Евангелическо-лютеранской церкви путем их закрытия или объединения ввиду сокращения численности членов религиозной организации.

Религиозно-ландшафтный подход незаменим в случаях, когда предметом изучения являются религии или конфессии, не имеющие четко выраженной территориальной структуры, оформленной в систему соподчиненных иерархических единиц (буддизм, конфуцианство, синтоизм и т. д.). Основными компонентами религиозного ландшафта выступают конфессиональные плиты (ареалы компактного проживания этносов – носителей определенной религии) и контактные зоны, образуемые на их окраинах.

Именно стыковая зона конфессиональных плит часто выступает полигоном, в пределах которого разворачиваются локальные и международные конфликты на религиозной почве. Очень редко в этом контексте упоминается южная часть Филиппин, где соприкасаются христианская (католическая) и ис-

ламская конфессиональные плиты Азиатско-Тихоокеанского региона [1]. Гражданское противостояние на религиозной почве насчитывает там около 200 лет (с 1718 г.), когда на окраинной зоне исламской конфессиональной плиты монахами-иезуитами с центральных регионов Филиппин были предприняты попытки распространения ценностей христианства. Последнее обернулось многолетним вооруженным этноконфессиональным конфликтом, урегулирование которого, и то незавершенное, приходится на наши дни и стало причиной приобретения южной частью Филиппин статуса автономного региона. Представленная выше ситуация – один из примеров пересечения предметных областей политико-правовых и хронологических исследований в области конфессионального регионоведения.

В политико-правовых регионально-конфессиональных исследованиях изучаются различные аспекты религиозно-государственных отношений, объективированные во взаимодействие государственных и религиозных институтов [4]. В региональном разрезе в рамках данного направления можно рассматривать как общие вопросы, касающиеся модели взаимоотношений церкви и государства, так и частные, определяющие законодательно закрепленные рамки разнообразных видов деятельности религиозных организаций или перечень полномочий, делегированных им государством (например, легализация церковного брака) [20].

Социально-экономическое направление регионально-конфессиональных исследований предполагает обращение к анализу данных, отражающих численность и долю населения, участвующего в религиозных таинствах и обрядах, позволяет делать некоторые выводы о степени секуляризации общества и территориальной дифференциации этого процесса. Так, согласно официальной статистике, в приходах РКЦ Филиппин в 2015 г. было обвенчано 252 915 браков, что составляет чуть менее 60 % от их общего числа за этот период [19]. В Англии, регионе Великобритании, где ГХЦА почти пять веков имеет статус государственной, а традиции ее – глубокие корни, только 16 % пар, вступивших в брак в 2017 г., предпочли венчание граждан-

ской церемонии его регистрации [33]. Зато в ЕЛЦ Дании в 2018 г. было совершено более 10 тыс. венчаний, что составляет более трети от общего числа браков в стране [32]. В данном случае играет роль тот факт, что Дания – одна из немногих стран Северной Европы, где национальная ЕЛЦ сохранила статус единственной государственной религиозной организации, в отличие от утративших его аналогичных религиозных институтов Швеции (2000 г.) и Норвегии (2017 г.).

Приведенные выше показатели – число и доля церковных браков, совершенных в ведущих по численности адептов религиозных организациях на уровне разных стран за период, в комплексе с анализом статистических данных, отражающих участие членов общества в других религиозных обрядах – крещениях, погребениях, конфирмациях, причастии и т. д., позволяют говорить о разных моделях развития конфессионального пространства, где важнейший критерий – роль религиозных традиций для населения и степень подверженности его процессам секуляризации.

Отметим, что в европейских странах существует весьма представительная статистика по отдельным региональным единицам религиозных институтов. Так, например, в архиепископии ГХЦА Кентербери можно увидеть распределение епархий по площади и числу приходов (см. таблицу).

На основе таких данных можно получить представление о неравномерности распределения числа приходов по территории в рамках Кентербери с помощью кривой Лоренца (см. рисунок).

Кроме того, на основе данных таблицы можно получить более детальную характеристику (размах вариации) распределения приходов по формуле:

$$W = \max(x_i) / \min(x_i),$$

где W – размах вариации между отстающим и преуспевающим регионами; x_i – значение анализируемого показателя социально-экономического развития.

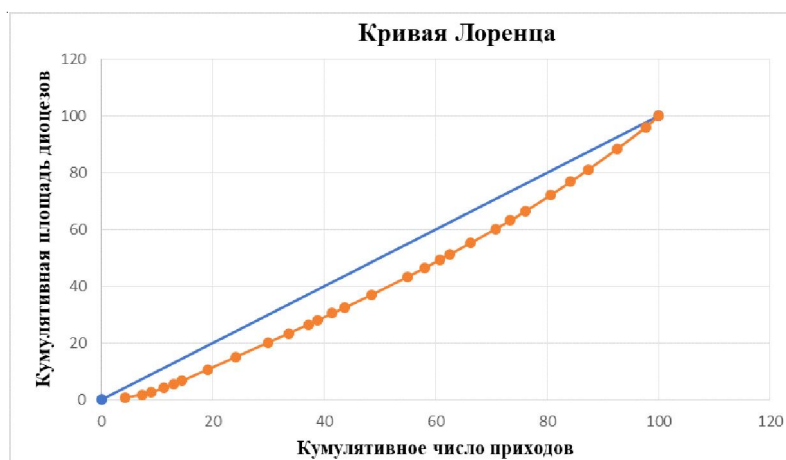
Так, размах вариации по площади составляет: $W_s = 2670 / 280 = 9,5$, а размах вариации по числу приходов: $W_{ч.п.} = 608 / 140 = 4,3$.

Распределение приходов по епархиям архиепископии Кентербери ГХЦА, 2018 г.

Distribution of parishes by diocese of the church of England Canterbury, 2018

Диоцезы (епархии) Кентербери	Площадь диоцезов, мили ²	Число приходов
Бат и Уэллс	1 610	461
Бирмингем	290	151
Бристоль	470	165
Кентербери	1 050	251
Челмсфорд	1 530	470
Чичестер	1 450	360
Ковентри	700	205
Дерби	990	254
Эли	1 530	304
Эксетер	2 570	491
Глостер	1 130	297
Гилфорд	530	160
Херфорд	1 650	338
Лестер	830	245
Личфилд	1 730	423
Линкольн	2 670	483
Лондон	280	399
Норвич	1 800	553
Оксфорд	2 210	608
Петербороу	1 140	349
Портсмут	420	140
Рочестер	540	215
Сент-Олбанс	1 120	337
Сент-Эдмундсбери и Ипсвич	1 430	444
Солсбери	2 050	437
Саутварк	320	294
Труро	1 390	214
Винчестер	1 130	253
Вустер	670	169
Итого	35 230	9 470

Примечание. Составлено по: [33].

Кривая Лоренца для митрополии Кентербери за 2018 г.

Lorenz curve for the Archdiocese of Canterbury for 2018

Примечание. Составлено по данным таблицы.

Такой расчет позволяет существенно дополнить анализ той или иной территории по конфессиональной составляющей. В исследованиях, отражающих ретроспективные аспекты, обусловленные деятельностью религиозных организаций, графическое отображение приведенных данных может послужить информативным средством наглядности, способствующим более качественному восприятию и последующему анализу распределения изучаемых явлений, даже в случаях, когда численный ряд весьма длинный.

Роль религиозных организаций в жизни общества проявляется не только в степени приверженности его членов религиозным традициям, связанным с обрядностью жизненного цикла или соблюдением праздников церковного календаря, хотя этот аспект очень важен и находит проявление, например, в закреплённом на государственном уровне режиме рабочих дней.

Религиозными организациями в России и в зарубежных странах реализуются самые разнообразные социальные проекты. Так, подробное исследование проявлений социально ориентированной деятельности Русской православной церкви на региональном уровне позволило коллективу авторов [7] выявить следующие ее основные направления: оказание материальной помощи малообеспеченным и социально уязвимым группам населения (бездомным); организация детского летнего отдыха в лагерях; реабилитация инвалидов; уход за одинокими людьми преклонного возраста на базе государственных домов престарелых и в приходских богадельнях и т. д. Кроме того, получили широкую известность благодаря положительным результатам их деятельности епархиальные центры реабилитации наркозависимых [13]. Важным выводом, открывающим дальнейшие перспективы в данном направлении исследований, служит связь специфики социальной работы РПЦ с экономической ресурсообеспеченностью регионов. Проблемой, которую следует обозначить особо, является наличие достоверных статистических данных, поскольку в рамках государственной и ведомственной статистики Российской Федерации различные конфессиональные учреждения не обязаны предоставлять никакой официальной отчетности о

своей деятельности. Между тем, как показывают зарубежные публикации, сами церкви, однако не все, заинтересованы в предоставлении публичной информации.

Результаты. Регионально-конфессиональные исследования на данном этапе развития реализуются в разных предметно-тематических направлениях и отличаются большой динамичностью, все большим усложнением и разнообразием. Кроме того, в связи с многоаспектностью проявлений религиозной жизни, а также многоуровневой и разноплановой структурой конфессионального пространства, основу которого составляет множество элементов, внутри них обозначились отдельные отрасли. Выделенные направления регионально-конфессиональных исследований не являются альтернативными, так как концептуально и тематически взаимосвязаны. Комплексное полноценное исследование конфессионального пространства на национальном или региональном уровне возможно только при условии использования широкой информационной базы и методов статистической обработки данных. Представляется, что дальнейшие перспективы развития регионально-конфессиональных исследований в наибольшей мере могут быть связаны с социально-экономической и политико-правовой предметными областями как малоисследованными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алепко, А. В. Исламский фактор в регионе Минданао: история и современность / А. В. Алепко, Н. А. Сабалдан // Актуальные проблемы современности : материалы 13-й Всерос. науч.-практ. конф. «Альтернативный мир» / отв. ред. Д. В. Буяров. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2018. – С. 3–23.
2. Андреева, С. И. Региональное конфессиональное пространство: структура и типология / С. И. Андреева // Глобальный научный потенциал. – 2014. – № 11 (44). – С. 7–12.
3. Атаман, Л. В. Исследование сакрального пространства региона: методология и принципы / Л. В. Атаман // Псковский регионологический журнал. – 2015. – № 23. – С. 107–117.
4. Багаева, К. А. Государственно-религиозные взаимоотношения в современном российском обществе / К. А. Багаева // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2016. – № 3. – С. 82–90. – DOI: 10.18101/1994-0866-2016-3-82-90.

5. Балабейкина, О. А. Конфессиональное зарубежное регионоведение как направление исследований / О. А. Балабейкина // Регионоведение. – 2020. – № 1. – С. 111–132. – DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.111-132.
6. Балабейкина, О. А. Религиозный туризм в регионе: современное состояние и перспективы развития (на примере Волгоградской области) / О. А. Балабейкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2020. – Т. 22, № 1. – С. 83–94. – DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2020.1.8.
7. Богатова, О. А. Деятельность социально ориентированных организаций Русской православной церкви: региональные аспекты / О. А. Богатова, Е. И. Долгаева, А. В. Митрофанова // Регионоведение. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 489–512. – DOI: 10.15507/2413-1407.107.027.201903.489-512.
8. Булаев, В. М. Конфессиональное пространство как предмет социальной географии / В. М. Булаев, К. В. Горина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Естественные и медицинские науки». – 2011. – № 1. – С. 147–156.
9. Данненберг, А. Н. Организационные основы латиноамериканского католицизма: история и современность / А. Н. Данненберг // Миссия конфессий. – 2018. – Т. 7, № 1 (28). – С. 12–21.
10. Дементьев, В. С. Территориальное устройство Русской православной церкви на Северо-Западе России в средневековый период / В. С. Дементьев // Псковский регионоведческий журнал. – 2019. – № 1 (37). – С. 99–108.
11. Ермакова, Е. Е. Формирование современного сельского религиозного ландшафта: на примере святынь села Чимеево Курганской области (Россия) / Е. Е. Ермакова // Сибирские исторические исследования. – 2016. – № 4. – С. 191–215.
12. Ефимов, А. Н. Древние погосты земли Стругокрасненской / А. Н. Ефимов // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2007. – № 26. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/drevnie-pogosty-zemli-strugokrasnenskoj> (дата обращения: 11.09.2019). – Загл. с экрана.
13. Ефлова, М. Ю. Опыт Русской православной церкви по инклюзии наркозависимых / М. Ю. Ефлова // Власть. – 2015. – № 6. – С. 103–106.
14. Лункин, Р. Н. Церковь и общество в Швеции: современный шведский либерализм и консерватизм / Р. Н. Лункин // Современная Европа. – 2011. – № 2 (46). – С. 125–137.
15. Максимцев, И. А. Зарубежное регионоведение: вопросы теории и информационного обеспечения / И. А. Максимцев, Н. Н. Межевич, В. М. Разумовский // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 5–1 (119). – С. 7–14.
16. Манаков, А. Г. Территориальная структура конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона / А. Г. Манаков, В. Г. Дементьев // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 92–108. – DOI: 10.5922/2078-8555-2019-1-7.
17. Манаков, А. Г. Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в XX – начале XXI в. / А. Г. Манаков // Географический вестник. – 2019. – № 2 (49). – С. 13–24. – DOI: 10.17072/2079-7877-2019-2-13-24.
18. Полетаев, А. В. Клиометрика – новая экономическая историческая экономика / А. В. Полетаев // Истоки. – М. : Экономика, 1989. – Вып. 1. – С. 37–54.
19. Статистический орган Филиппин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://psa.gov.ph/content/philippine-marriages-2015> (дата обращения: 07.11.2019). – Загл. с экрана.
20. Ткаченко, Т. В. Формы заключения брака в РФ и некоторых зарубежных государствах / Т. В. Ткаченко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 8 (75). – С. 101–106.
21. Халидова, О. В. Православные религиозные организации в контексте трансформации государственно-конфессиональных отношений (1985–1997 гг.): проблемы и особенности взаимоотношений в национальном регионе (на примере Дагестана) / О. В. Халидова, Г. В. Гебеков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 4. – С. 148–158. – DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.4.13.
22. Хохлова, Т. А. Старообрядчество и развитие рыночного уклада в России / Т. А. Хохлова. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – 16 с.
23. Церковь и общество в истории стран Центрально-Восточной Европы: актуальные исторические исследования: [сборник] / под ред. Н. А. Беляковой. – М. : Институт всеобщей истории РАН. – 2012. – 176 с.
24. Batalla, E. V. Church-State Separation and Challenging Issues Concerning Religion / E. V. Batalla, R. Baring // Religions. – 2019. – № 10 (3). – P. 197. – DOI: 10.3390/rel10030197.
25. Campante, F. Does Religion Affect Economic Growth and Happiness? Evidence from Ramadan / F. Campante, D. Yanagizawa-Drott // Quarterly Journal of Economics. – 2015. – Vol. 130. – P. 615–658. – DOI: <https://doi.org/10.1093/qje/qjv002>.
26. Cornelio, S. J. Priesthood Satisfaction and the Challenges Priests Face: A Case Study of a Rural Diocese in the Philippines / S. J. Cornelio // Religions. – 2012. – № 3 (4). – P. 1103–1119. – DOI: 10.3390/rel3041103.

27. Durmus, B. The Effect of Culture on Food Consumption; a Case of Special Religious Days in Turkey / B. Durmus, D. Shipman // *Journal of Food Research*. – 2017. – Vol. 6, № 2. – P. 92–99. – DOI: 10.5539/jfr.v6n2p92.

28. Francis, L. J. The Impact of Personality and Religion on Attitudes toward Alcohol among 16–18 Year Olds in Northern Ireland / L. J. Francis, M. Fearn, C. A. Lewis // *Journal of Religion and Health*. – 2005. – Vol. 44, № 3. – P. 267–289. – DOI: 10.1007/s10943-005-5464-z.

29. Jarnecki, M. Kwestie i spory religijne na terenie Rusi Zakarpackiej w czechosłowackim epizodzie jej dziejów / M. Jarnecki, M. Palinczak // *Sprawy Narodowosciowe, Seria nowa*. – 2014. – № 45. – S. 88–105. – DOI: 10.11649/sn.2014.025.

30. Makris, G. The Greek Orthodox Church and the Economic Crisis Since 2009 / G. Makris, D. Bekridakis // *International Journal for the Study of the Christian Church*. – 2013. – № 13 (2). – P. 111–132. – DOI: 10.1080/1474225X.2013.793055.

31. Peri-Rotem, N. Religion and Fertility in Western Europe: Trends Across cohorts in Britain, France and the Netherlands / N. Peri-Rotem // *European Journal of Population*. – 2016. – № 2. – P. 231–265. – DOI: 10.1007/s10680-015-9371-z.

32. Statistics Denmark. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.dst.dk/en> (date of access: 21.11.2019). – Title from screen.

33. Statistics for Mission, 2018. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.churchofengland.org/sites/default/files/201910/2018StatisticsForMission_0.pdf (date of access: 25.10.2019). – Title from screen.

34. Svenska Kyrkan. Review and financial summary 2016. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.svenskakyrkan.se/filer/287210_SK17088_ar_engelsk_2016.pdf (date of access: 23.10.2019). – Title from screen.

REFERENCES

1. Alepko A.V., Sabaldan N.A. Islamskii faktor v regione Mindanao: istoriia i sovremennost [Islamic Factor in the Mindanao Region: History and Modernity]. Buyarov D.V., ed. *Aktualnye problemy sovremennosti: materialy 13-i Vseros. nauch.-prakt. konf. «Alternativnyi mir»* [Actual Problems of Our Time. Proceedings of the 13th All-Russian Scientific and Practical Conference “Alternative World”]. Blagoveshchensk, Izd-vo BGPU, 2018, pp. 3–23.

2. Andreyanova S.I. Regionalnoe konfessionalnoe prostranstvo: struktura i tipologiya [Regional Confessional Space: Structure and Typology]. *Globalnyi nauchnyi potentsial* [Global Scientific Potential], 2014, no. 11 (44), pp. 7–12.

3. Ataman L.V. Issledovanie sakralnogo prostranstva regiona: metodologiya i printsipy [Study of Sacred Space in the Region: Methodology and Principles]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], 2015, no. 23, pp. 107–117.

4. Bagaeva K.A. Gosudarstvenno-religioznye vzaimootnosheniia v sovremennom rossiiskom obshchestve [The Religion-State Relationship in Contemporary Russian Society]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*, 2016, no. 3, pp. 82–90. DOI: 10.18101/1994-0866-2016-3-82-90.

5. Balabeykina O.A. Konfessional'noe zarubezhnoe regionovedenie kak napravlenie issledovaniy [Confessional Foreign Regional Studies As a Field of Research]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies], 2020, no. 1, pp. 111–132. DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.111-132.

6. Balabeykina O.A. Religioznyy turizm v regione: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya (na primere Volgogradskoy oblasti) [Religious Tourism in a Region: Current State and Prospects of Development (Based on Volgograd Region)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Journal of Volgograd State University. Economics], 2020, no. 1, pp. 83–94. DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2020.1.8>.

7. Bogatova O.A., Dolgaeva E.I., Mitrofanova A.V. Deiatelnost' sotsialno orientirovannykh organizatsii Russkoi pravoslavnoi tserkvi: regionalnye aspekty [Activities of the Socially Oriented Organizations of the Russian Orthodox Church: The Regional Aspects]. *Regionologiya* [Russian Journal of Regional Studies], 2019, vol. 27, no. 3, pp. 489–512. DOI: 10.15507/2413-1407.107.027.201903.489-512.

8. Bulaev V.M., Gorina K.V. Konfessionalnoe prostranstvo kak predmet sotsialnoi geografii [Confessional Space As a Subject of Social Geography]. *Vestnik Baltiiskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Estestvennye i meditsinskie nauki* [Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University. Natural and Medical Sciences], 2011, no. 1, pp. 147–156.

9. Dannenberg A.N. Organizatsionnye osnovy latinoamerikanskogo katolitsizma: istoriia i sovremennost [Organizational Foundations of Latin American Catholicism: History and Present Time]. *Missiia konfessii* [Mission Confessions], 2018, vol. 7, no. 1 (28), pp. 12–21.

10. Dement'ev V.S. Territorialnoe ustroistvo Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi na Severo-Zapade Rossii v Srednevekovyi period [The Territorial Structure of the Russian Orthodox Church in the North-West of Russia in the Medieval Period]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], 2019, no. 1 (37), pp. 99–108.

11. Ermakova E.E. Formirovanie sovremennogo selskogo religioznogo landshafta: na primere sviatyn sela Chimeevo Kurganskoi oblasti (Rossiia) [The Formation of Modern Rural Religious Landscape: Shrines in the Village of Chimeevo, Kurgan Region (Russia)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* [Siberian Historical Research], 2016, no. 4, pp. 191-215.
12. Efimov A.N. Drevnie pogosty zemli Strugokrasnenskoi [Ancient Pogosts of the Strugokrasnenskaya Land]. *Pskov. Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal*, 2007, no. 26. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/drevnie-pogosty-zemli-strugokrasnenskoy> (accessed 11 September 2019).
13. Eflova M.Yu. Opyt Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi po inkluzii narkozavisimykh [The Experience of the Russian Orthodox Church on Social Inclusion of Drug Addicts]. *Vlast*, 2015, no. 6, pp. 103-106.
14. Lunkin R.N. Tserkov i obshchestvo v Shvetsii: sovremennyi shvedskii liberalizm i konservatizm [Church and Society in Sweden: Modern Swedish Liberalism and Conservatism]. *Sovremennaiia Evropa* [Contemporary Europe], 2011, no. 2 (46), pp. 125-137.
15. Maksimcev I.A. Mezhevich N.M., Razumovskij V.M. Zarubezhnoe regionovedenie: voprosy teorii i informatsionnogo obespecheniia [Foreign Regional Studies: Questions of Theory and Communication Strategy]. *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2019, no. 5-1 (119), pp. 7-14.
16. Manakov A.G. Transformatsiia territorialnoi struktury konfessionalnogo prostranstva Rossii v XX – nachale XXI v. [Transformation of the Territorial Structure of the Confessional Space of Russia in the XX – The Beginning of the XXI Century]. *Geograficheskii vestnik* [Geographical Bulletin], 2019, no. 2 (49), pp. 13-24. DOI: 10.17072/2079-7877-2019-2-13-24.
17. Manakov A.G., Dement'ev V.S. Territorialnaia struktura konfessionalnogo prostranstva iugo-vostochnoi chasti Baltiiskogo regiona [Territorial Structure of the Denominational Space of the South-East Baltic]. *Baltiiskii region* [The Baltic Region], 2019, vol. 11, no. 1. pp. 92-108. DOI: 10.5922/2078-8555-2019-1-7.
18. Poletaev A.V. Kliometrika – novaya ekonomicheskaya istoricheskaya ekonomika [Cliometrics – New Economic Historical Economy]. *Istoki* [Origins]. Moscow, Ekonomika Publ., 1989, iss. 1, pp. 37-54.
19. *Statisticheskii organ Filippin* [Philippines Statistical Office]. URL: <https://psa.gov.ph/content/philippine-marriages-2015> (accessed 7 November 2019).
20. Tkachenko T.V. Formy zakliucheniia braka v RF i nekotorykh zarubezhnykh gosudarstvakh [Forms of Marriage in the Russian Federation and Some Foreign Countries]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 2016, no. 8 (75), pp. 101-106.
21. Halidova O.V., Gebekov G.F. Pravoslavnye religioznye organizatsii v kontekste transformatsii gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii (1985–1997 gg.): problemy i osobennosti vzaimootnoshenii v natsional'nom regione (na primere Dagestana) [Orthodox Religious Organizations in the Context of Transformation of State-Confessional Relations (1985-1997): Problems and Features (the Case of the Dagestan Republic)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorika. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]. 2018, vol. 23, no. 4, pp. 148-158. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.13>.
22. Hohlova T.A. *Starobryadchestvo i razvitie rynochnogo uklada v Rossii* [Old Believers and the Development of the Market Order in Russia]. Moscow, Izd-vo Dialog MGU, 1997. 16 p.
23. Belyakova N.A., ed. *Tserkov i obshchestvo v istorii stran Tsentralno-Vostochnoi Evropy: aktualnye istoricheskie issledovaniia: [sbornik]* [Church and Society in the History of the Countries of Central-Eastern Europe: Actual historical Research: (Compilation)]. Moscow, Institut vseobshchey istorii RAN, 2012. 176 p.
24. Batalla E.V., Baring R. Church-State Separation and Challenging Issues Concerning Religion. *Religions*, 2019, no. 10 (3). 197 p. DOI: 10.3390/rel10030197.
25. Campante F., Yanagizawa-Drott D. Does Religion Affect Economic Growth and Happiness? Evidence from Ramadan. *Quarterly Journal of Economics*, 2015, vol. 130, pp. 615-658. DOI: <https://doi.org/10.1093/qje/qjv002>.
26. Cornelio S.J. Priesthood Satisfaction and the Challenges Priests Face: A Case Study of a Rural Diocese in the Philippines. *Religions*, 2012, no. 3 (4), pp. 1103-1119. DOI: 10.3390/rel3041103.
27. Durmus B., Shipman D. The Effect of Culture on Food Consumption; A Case of Special Religious Days in Turkey. *Journal of Food Research*, 2017, vol. 6, no. 2, pp. 92-99. DOI: 10.5539/jfr.v6n2p92.
28. Francis L.J., Fearn M., Lewis C.A. The Impact of Personality and Religion on Attitudes Toward Alcohol Among 16–18 Year Olds in Northern Ireland. *Journal of Religion and Health*, 2005, vol. 44, no. 3, pp. 267-289. DOI: 10.1007/s10943-005-5464-z.
29. Jarnecki M., Palinczak M. Kwestie i spory religijne na terenie Rusi Zakarpackiej w czechoslowackim epizodzie jej dziejow [The Issues and Religious disputes in Carpathian Ruthenia in Its Czechoslovak Period]. *Sprawy Narodowosciowe, Seria nowa* [Nationalities Affairs. New Series], 2014, no. 45, pp. 88-105. DOI: 10.11649/sn.2014.025.
30. Makris G., Bekridakis D. The Greek Orthodox Church and the Economic Crisis Since 2009.

International Journal for the Study of the Christian Church, 2013, no. 13 (2), pp. 111-132. DOI: 10.1080/1474225X.2013.793055.

31. Peri-Rotem N. Religion and Fertility in Western Europe: Trends Across Cohorts in Britain, France and the Netherlands. *European Journal of Population*, 2016, no. 2, pp. 231-265. DOI: 10.1007/s10680-015-9371-z.

32. *Statistics Denmark*. URL: <https://www.dst.dk/en> (accessed 21 November 2019).

33. *Statistics for Mission*, 2018. URL: https://www.churchofengland.org/sites/default/files/201910/2018StatisticsForMission_0.pdf, - Official Website of the State Church of England (accessed 25 October 2019).

34. *Svenska Kyrkan. Review and financial summary 2016*. URL: https://www.svenskakyrkan.se/filer/287210_SK17088_ar_engelsk_2016.pdf (accessed 23 October 2019).

Information About the Authors

Olga A. Balabeykina, Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, Department of Regional Economics and Natural Resource Management, Saint-Petersburg State University of Economics, Sadovaya St, 21, 191023 Saint Petersburg, Russian Federation, olga8011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9520-8880>

Anton L. Dmitriev, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, Saint-Petersburg State University of Economics, Sadovaya St, 21, 191023 Saint Petersburg, Russian Federation, dmitr7171@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7478-6745>

Информация об авторах

Ольга Александровна Балабейкина, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и природопользования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, ул. Садовая, 21, 191023 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, olga8011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9520-8880>

Антон Леонидович Дмитриев, кандидат экономических наук, доцент кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, ул. Садовая, 21, 191023 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, dmitr7171@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7478-6745>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.5>

UDC 94(510)“16/17”:2-788

LBC 63.3(5Кит)5-7

Submitted: 04.07.2020

Accepted: 27.08.2020

THE CONFLICTS AMONG RELIGIOUS ORDERS OF CHRISTIANITY IN CHINA DURING THE 17th AND 18th CENTURIES

Anh Thuan Truong

The University of Da Nang, University of Science and Education, Danang city, Vietnam

Abstract. Introduction. The article studies the conflicts between the Spanish Mendicant Orders (Dominican Order, Franciscan Order, etc.) as well as the Society of Foreign Missions of Paris with Portuguese Society of Jesus, which took place during the 17th and 18th centuries in China. **Methods and materials.** To study this issue, the author used the original historical materials recorded by Western missionaries working in China during the 17th and 18th centuries and research works by Chinese and international scholars related to the Chinese Rites Controversy as well as the process of introduction and development of Christianity in this country during the 17th and 18th centuries. The author combines two main research methods of History Science (historical and logical methods) with other research methods (systemic approach, analysis, synthesis, comparison, etc.) to complete the study of this issue. **Analysis.** In the 17th and 18th centuries, the struggle for faith of the peoples in the Far East, especially China, became the desirable goal of religious orders of Christianity. Therefore, during this period, Western missionaries belonging to various religious orders of Christianity, such as the Society of Jesus, Mendicant Orders, Society of Foreign Missions of Paris, etc., gradually entered this country. In the course of evangelization, the struggle for influence as well as the right to manage missionary affairs in China at that time created conflicts among Christian religious orders. It is manifested in the form of a debate about Chinese rituals. In fact, these conflicts not only caused great losses to the missionary career of contemporary Christian religious orders taking place in China but also made the relationship between China's ruling authorities and The Holy See became very tense. **Results.** Based on the study of the conflicts among religious orders of Christianity in China during the 17th and 18th centuries, the article clarifies characteristics, the root and direct causes leading to this phenomenon, making a certain contribution to the study of the relationship among religious orders in the process of introduction and development of Christianity in China in particular and the history of East-West cultural exchange in this country in general in the 17th and 18th centuries.

Key words: China, Society of Jesus, Society of Foreign Missions of Paris, Mendicant Orders, conflict, Christianity, Chinese Rites Controversy.

Citation. Truong Anh Thuan. The Conflicts Among Religious Orders of Christianity in China During the 17th and 18th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 57-71. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.5>

УДК 94(510)“16/17”:2-788

ББК 63.3(5Кит)5-7

Дата поступления статьи: 04.07.2020

Дата принятия статьи: 27.08.2020

КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРДЕНАМИ ХРИСТИАНСТВА В КИТАЕ В XVII И XVIII ВЕКАХ

Анх Тхуан Труонг

Университет Дананга, Университет науки и образования, г. Дананг, Вьетнам

Аннотация. Введение. В статье проведено исследование конфликтов испанских нищенствующих орденов (Доминиканский орден, Францисканский орден и др.), а также Парижского общества заграничных миссий с португальским Обществом Иисуса, имевших место в XVII–XVIII вв. в Китае. **Методы и материалы.** Для изучения этого вопроса автор использовал записи западных миссионеров, работавших в Китае в XVII–XVIII вв., а также исследования китайских и зарубежных ученых, связанные со спорами о китайских обрядах

и процессом появления и развития христианства в этой стране в XVII–XVIII веках. Автор объединяет два основных метода исследования исторической науки (исторический и логический методы) с другими методами исследования (системный подход, анализ, синтез, сравнение и др.) для более полного изучения данного вопроса. *Анализ.* В XVII и XVIII вв. борьба за веру народов Дальнего Востока, особенно Китая, стала желанной целью религиозных христианских орденов. Поэтому в этот период западные миссионеры, принадлежащие к различным религиозным орденам христианства, таким как Общество Иисуса, нищенствующие орден, Парижское общество заграничных миссий и т. д., постепенно пришли в эту страну. Их деятельность по крещению населения сопровождалась борьбой за влияние и за право управлять миссионерскими делами в Китае. Конфликты между христианскими религиозными орденами проявились в форме дискуссии о китайских обрядах. В сущности, эти конфликты не только нанесли большой ущерб миссионерской деятельности современных христианских религиозных орденов, находящихся в Китае, но и сделали отношения между правящими властями Китая и Святым Престолом очень напряженными. *Результаты.* В статье разясняются особенности, корни и прямые причины, приведшие к развитию конфликтов между христианскими религиозными орденами в Китае в XVII–XVIII вв., что способствует изучению взаимоотношений между религиозными орденами в процессе появления и развития христианства в Китае в частности и истории культурного обмена Восток – Запад в этой стране в XVII–XVIII вв. в целом.

Ключевые слова: Китай, Общество Иисуса, Парижское общество заграничных миссий, Нищенствующий орден, конфликт, христианство, споры о китайских обрядах.

Цитирование. Трунг Анх Тхуан. Конфликты между религиозными орденами христианства в Китае в XVII и XVIII веках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 57–71. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.5>

Introduction. From the first half of the 17th century to the middle of the 18th century “indigenous rites” became the subject of a large-scale controversy among Christian religious orders in China. On the surface, this was a controversy in a cultural aspect but in essence, it’s a scramble for the right to lead the missionary activity among Christian religious orders in contemporary China. In particular, the main contradiction and conflict occurred between the Spanish Mendicant Orders (Dominican Order, Franciscan Order, etc.) as well as the Society of Foreign Missions of Paris with Portuguese Society of Jesus – a force with great merit in bringing Christianity to introduce and develop in China from the late 16th century to the beginning of the 17th century [10, pp. 23-29]. These religious orders, to attack the opponent, establish or maintain and strengthen their leadership in missionary activity, caused the “Chinese Rites Controversy” to increasingly expand in size and eventually pushed it into a conflict of power occurring not only among the Christian religious orders but also among the rulers in contemporary China with the Holy See Rome. That not only caused chaos and weakening of the contemporary missionary work in this country but also was the cause of executing the policy of banning Christianity of the Qing dynasty 清朝, which seriously affected the stable and solid

development of Chinese Christianity, inherently formed during the time of Matteo Ricci¹. Cultural contradictions that were essentially conflicts and disputes over the right to manage missionary activities among Christian religious orders in China in the 17th and 18th centuries could be divided into 2 phases:

Phase 1: From the 30s to the 60s of the 17th century, the Spanish Mendicant Orders openly turned the issue of Chinese Rites into a formal and comprehensive controversy with the Portuguese Society of Jesus.

Phase 2: From the 90s of the 17th century to the first half of the 18th century, the Society of Foreign Missions of Paris brought the Chinese Rites Controversy with the Portuguese Society of Jesus to the climax period.

Research on both phases is essential. That ensures the comprehensiveness and completeness of the article’s content. Therefore, the conflicts between the Christian religious orders in China around the issue of indigenous rituals in the 17th and 18th centuries is essentially a process of continuity and inheritance, growing from low to high on drasticness. Besides, it should be emphasized that the main object of study in the article is the conflict between Christian religious orders about the Chinese rituals that took place in the 17th and 18th centuries. Therefore, the author

focuses on clarifying this content; on the contrary, the author does not study the attitudes of the Ming and Qing dynasties towards the controversy about Chinese rituals deeply. Moreover, at the beginning of the 17th century (i.e. the late Ming dynasty), the controversy of Chinese rituals issue was only taking place within the Jesuits. From the 30s to the 60s of the 17th century, it developed into a conflict between the Mendicant Orders and the Jesuits. However, it never became a conflict between the Ming government and the Holy See. During the research process, the author has made great efforts to find and read the historical sources of China and the West. But so far, the author has not found any document that records the official attitudes and views of the Ming Dynasty on the conflicts surrounding the Chinese ritual issue at that time. During the Qing Dynasty, the conflict between the Chinese rulers and the Roman Pope about the Chinese rituals was most evident during the reign of Emperor Kangxi. It was actually just the consequent of a previous controversy between the Jesuits and the Society of Foreign Missions of Paris about the issue of the Chinese rituals. However, it marked a highly developed period of conflict between these two religious orders. Therefore, although it is not the main research object of the article, to help researchers and readers get an overview of the Qing dynasty's official attitudes and views on the controversy of Chinese rituals took place in this period, the author also selected and presented some essential contents in the evolution of the conflict between Emperor Kangxi and the Holy See about the issue of the Chinese rituals.

Methods and materials. During the study of this issue, the original historical materials recorded by Western missionaries, referring directly or indirectly to the process of conflict between religious orders of Christianity in China in the 17th and 18th centuries, collected, edited, translated and published in a number of works such as *Relation de la province du Japon écrite en Portugais par le pere François Cardim de la Compagnie de Jésus procureur de cette province* [4], *Répertoire des jésuites de Chine de 1552 à 1800* [12], *Histoire générale de la Société des missions étrangères* [23], *Notices biographiques et bibliographiques sur les Jésuites de l'ancienne mission de Chine* [33; 34], *China in the Sixteenth Century: The Journals of Matthew Ricci, 1583–*

1610 [36], etc., played an important role and helped to restore the process of conflict between religious orders of Christianity in China during this period accurately and objectively. In addition, the academic achievements on issues related to the Chinese Rites Controversy as well as the history of Christianity's introduction and development in the country of Chinese researchers [20; 24; 45; 47; 50; 52; 53; 54; 55] and scholars around the world [2; 5; 6; 8; 9; 15; 26; 28; 30], has also provided a necessary background for the author to conduct research on the conflicts among religious orders of Christianity in China in the 17th and 18th centuries. The author combines two main research methods of History Science (historical and logical methods) with other research methods (systemic approach, analysis, synthesis, comparison, etc.) to complete the study of this issue.

Analysis. In China, from the time when the missionaries of Spanish Mendicant Orders² sought to open the work of evangelization in this country in the period from the end of the 16th century to the beginning of the 17th century, the relationship between them and the Portuguese Society of Jesus never went well. Jesuit missionaries were aware that Mendicant Orders would be a direct competitor and smashed the missionary monopoly of the Society of Jesus in mainland China at that time. Therefore, they found every way to prevent the presence as well as the activity of Mendicant Orders in this missionary area. In particular, from the 30s to the 60s of the 17th century, the contradictions and conflicts in the struggle for influence and leadership of the missionary work in China between the Spanish Mendicant Orders with Portuguese Society of Jesus became even more tense and drastic. The direct cause of this situation was the controversy surrounding Chinese Rites.

In 1631–1832, Angelo Cocchi 高琦³ – one of the first missionaries of Spanish Dominican Order was successful in penetrating the South China region [49, pp. 103-110; 17, p. 61], in the course of conducting the missionary work in Fuan 福安 (Fujian 福建), clearly realized that the fact that the Jesuit missionary allowed parishioners to practice rites of worship Confucian and ancestry was contrary to the regulations of the Holy See. Therefore, Angelo Cocchi took the initiative to come into contact with the Portuguese Jesuit

missioner Benoit de Mattos 林本篤⁴, to jointly discuss and resolve the situation of division as well as contradictions in the behavior of two religious orders related to the issue of Chinese Rites. But in the end, he received a frigid and indifferent attitude from this Jesuit missionary [17, p. 67]. In 1633, when the missionary of Spanish Franciscan Order named Antonio de Santa Maria Caballero 利安當⁵ came to evangelize the localities of Jianchang 建昌 and Nanchang 南昌 in Jiangxi province 江西 and Nanjing 南京 of province of Jiangsu 江蘇, he did not receive the welcoming attitude of Jesuit missionaries operating here. Not only that, but Caballero was also arrested, roped, and taken onto the ship for returning to Fujian 福建 [15, pp. 239-241] by the Jesuit Christians in Nanjing 南京.

However, it was only the “prelude” of the “symphony” called “Chinese Rites Controversy” initiated by missionaries of Spanish Mendicant Orders to “perform” in China in the first half of the 17th century. After Angelo Cocchi’s death (November 1633), the missionary of Spanish Dominican Order Juan Bautista Morales 黎玉範⁶, who went Fuan 福安 (Fujian 福建) with Antonio de Santa Maria Caballero following the call of Angelo Cocchi on March 9, 1633, inherited and continued to carry out the missionary work here. With his efforts, he gradually made Fuan 福安 became one of the most important missionary areas of Dominican Order in the early phases of laying the foundation in China. Along with that, Fuan 福安 was also the place where missionaries of Spanish Mendicant Orders with representatives of Juan Bautista Morales and Antonio de Santa Maria Caballero used the Chinese Rites issue as a reason to start a dispute with the Portuguese Society of Jesus over the leadership of missionary work in China at the time.

For the early time to go to Fujian 福建 (from March to October 1633), direct participation in missionary activity helped Juan Bautista Morales and Antonio de Santa Maria Caballero to recognize the solid foundation built by the Portuguese Society of Jesus in China, expressed by the number of followers and their influence in this country. These two missionaries also discovered that the missionary approach employed by the Portuguese Society of Jesus as well as their attitudes towards the issue of “Chinese Rites” were opposed to the traditional viewpoint of the European Congregation.

Juan Bautista Morales and Antonio de Santa Maria Caballero show their disregard for the method of “missionary academic”⁷ and “missionary bibliography”⁸ used by Jesuit missionaries to conquer the faith of the ruling class and intellectuals in Chinese society because it’s considered to be too complicated. Not only that, but two men also criticized some expressions of “adaptation to the indigenous culture” of the Jesuit missionaries such as changing the costume of Chinese Confucians or using words in Confucian bibliography to translate and interpret Christian theological documents [45, p. 21]. In particular, through investigation, Morales and Caballero also learned that many Christians still practiced worshipping Confucius, ancestors, tutelary gods (of village, town) and worshipping in front of the ancestral tablet of the deceased [17, p. 115, 117-118] – Rites were considered as superstitious by two men. It was worth mentioning that the practice of these rites by Chinese co-religionists was allowed by Jesuit missionaries at that time [45, p. 21]. Therefore, Juan Bautista Morales and Antonio de Santa Maria Caballero decided to take advantage of these, to criticize the Portuguese Society of Jesus, to enhance the prestige of the Spanish Mendicant Orders in China, to aim to the ultimate purpose of obtaining the leadership of missionary work in this country.

However, it should be seen that from the beginning, the conflict between Spanish Mendicant Orders and the Portuguese Society of Jesus on the issue of Chinese Rites was not so harsh that it was impossible to dialogue and mediate. In fact, from 1635 to 1640, several opportunities were proactively created by Spanish Mendicant Orders to solve this issue, but in the end, due to various reasons, two sides did not make full use of them. Specifically, on November 22, 1635, Juan Bautista Morales went from Fuan 福安 to Fuzhou 福州 in order to meet Francisco Furtado 傅汎濟⁹ and other Jesuit missionaries to discuss and resolve the divisions and disagreements between two religious orders. However, at this meeting, Juan Bautista Morales proposed to strictly prohibit co-religionists to apply the practice of worshipping Confucius, ancestors, tutelary gods (of the village, town), and, on the other hand, Jesuit missionaries stated that such rites in China were only popular cultural traditions in society, without superstition, therefore parishioners should be allowed to apply [50, p. 61].

It's the existence of so many differences in viewpoint related to the issue of Chinese Rites that caused the conflict between two sides to become more serious, leading to the next escalation of tensions between the Spanish Mendicant Orders and the Portuguese Society of Jesus in China in later times.

In June 1637, a document with 13 contents reflecting the contradictions between the Spanish Mendicant Orders and the Portuguese Society of Jesus over the issue of Chinese rites was completed by Juan Bautista Morales on December 22, 1635, together with a report of the results of two actual investigations into the issue of Chinese Rites was conducted in Fujian 福建 from December 1635 to February 1636 [17, p. 121], through Franciscan Orders missionary, Antonio de Santa Maria Caballero was moved to Manila. A meeting was scheduled to be held here on 4 July, 1637 to resolve the disagreements between the involved parties but was rejected by the Society of Jesus because they considered that the issue of Chinese rites should be resolved internally by each religious order working in this country. Not only that, in 1637, the Society of Jesus in China also sent missionary Alvare de Smedo 曾德昭¹⁰ to Rome to defend the Pope about the appropriateness of the missionary method as well as the policy of "adapting to indigenous culture" being applied by the Society of Jesus in China [50, p. 62]. In this situation, the final decision of the Bishop of Manila Diocese was to report this to the Holy See so that the Pope can make a final decision [17, pp. 122-124; 22, p. 136; 38, pp. 179-180].

From 1638, Christianity in China in general and Fujian 福建 in particular, suffer from the persecution of the Ming dynasty 明朝. In that context, Juan Bautista Morales and another missionary of Spanish Mendicant Orders was deported to Macau – Diocese under the auspices of Portugal. Here, another opportunity to resolve the conflict between the Spanish Mendicant Orders and the Portuguese Society of Jesus over the issue of Chinese Rites re-appeared. Specifically, on June 3, 1639, under the direction of the Superior of Mendicant Orders in Manila, Juan Bautista Morales sent a letter to Manuel Dias Sênior 李瑪諾¹¹ – Far East Inspector of Society of Jesus in Macau, in which he presented 12 contradictions between two religious orders

related to Chinese Rites, also proposing a discussion and a definitive resolution of this issue. After receiving the letter of Morales, Manuel Dias Sênior moved it to Francisco Furtado – Vice-Provincial of the Society of Jesus in China. However, the unclear attitude, as well as delay of the Jesuit missionaries in China at that time¹², made the settlement of the conflict between this religious order and Spanish Mendicant Orders once again fail to achieve positive results.

For the next 20 years, the Chinese Rites Controversy between the Portuguese Society of Jesus and the Spanish Mendicant Orders took place not only in the missionary areas in the Far East but also spread to the Holy See. Each mission organization sent representatives to Rome to clarify their viewpoints on this matter to the Pope. Specifically, departing from Manila in May 1640, to February 1643, Dominican missionary Juan Bautista Morales went to Rome [17, pp. 248-249], brought the disagreements and conflicts between the Portuguese Society of Jesus and the Spanish Mendicant Orders in missionary areas in the Far East to spread to the Holy See and the whole of Europe. That was an event that marked the comprehensive outbreak of the Chinese Rites Controversy between these two religious orders. During his meeting with Pope Urban VIII on February 30, 1643, Juan Bautista Morales presented 17 questions related to the practice of worshipping Confucius, gods, ancestors, making the ancestral altar, burning incense, etc. [17, pp. 252-254; 22, p. 136; 10, p. 36] that the Jesuit missionaries in China allowed parishioners to apply and petitioned the Pope to quickly decide on these issues. The Pope showed his agreement with Morales when considering that these Chinese Rites were superstitious [9, p. 402]. Immediately, a committee was set up under the Pope's order to deal with the issue of Chinese Rites. After 15 months of investigation, in June 1644, the committee issued a report which largely agreed with the opinions presented by Morales to the Pope earlier and requested the religious orders not to allow parishioners to participate in worshipping Confucius, tutelary gods, ancestors or making the ancestral altar for the deceased. The result of the above-mentioned investigation was presented to the Pope by the Sacred Congregation for the Propagation of the Faith [42, pp. 1-7]. On September 12, 1645, Pope

Innocent X – a successor of Pope Urban VIII ordered the Sacred Congregation for the Propagation of the Faith to issue a decree condemning the Chinese rites and demanding that all religious orders, including the Society of Jesus, regardless of whether they had been evangelized in China or are only preparing to go this country, must strictly follow this decree [42, p. 8]. Thus, the Holy See's decree in 1645 marked the first victory of the Spanish Mendicant Orders in Chinese Rites Controversy with the Portuguese Society of Jesus.

On that basis, after returning to Fujian 福建, China in August 1649, Juan Bautista Morales proclaimed the content of Holy See's decree in 1645 to religious orders operating in mainland China and demanded strict compliance. For Portuguese Jesuit missionaries, a decree seriously compromising the missionary work of this religious order in China was certainly not easily accepted. They said that Juan Bautista Morales was the one who made the Holy See misinterpret the issue of Chinese Rites and thereby made the wrong decision. Therefore, on the one hand, Jesuit missionaries criticized and interfered with the operation of Juan Bautista Morales in China¹³, on the other hand, they found any way to make the Holy See change its decision. To do this, the Society of Jesus dispatched Martino Martini 衛匡国¹⁴ from China (1651) to Rome (1654) to counter the incorrect contents of Chinese rites that Juan Bautista Morales once presented to the Holy See. Regarding the issue of worshipping Confucius, according to Martino Martini, this rite was conducted by Chinese Confucian scholars and literati in Confucian Temple to show their respect to the most famous sage of their nation. It was only a cultural activity of political nature, common in daily life, and completely non-religious. At the same time, Chinese people worshiped their ancestors as a way of showing their respect, filial piety, and memorization to the deceased who gave birth and nurtured them, without a form of worshipping the gods [50, p. 69]. Based on what Martino Martini presented above, in March 1656, the Sacred Congregation for the Propagation of the Faith of the Holy See issued a decision that allowed Chinese parishioners to practice rites of worshipping Confucius and ancestors and submitted this decision to Pope Alexander VII for approval [39, pp. 119-120; 42, pp. 8-11]. Thus,

with the enactment of decree 1656, the Holy See acknowledged the guideline of respect and adaptation to the indigenous culture previously given by Matteo Ricci and applied by Jesuit missionaries in contemporary China. This created a huge advantage for the Portuguese Jesuit missionaries in the Chinese Rites Controversy as well as competing for influence and missionary rights in the country with the Spanish Mendicant missionaries. Meanwhile, Juan Bautista Morales and other Mendicant missionaries showed their dissatisfaction with such a decision of the Holy See. Therefore, from 1659 to 1664, they conducted many activities to criticize the missionary method and the attitude of the Jesuit missionaries towards Chinese Rites¹⁵. However, this failed to achieve the expected results [28, pp. 31-32, 36]. In particular, at the end of the 17th century, when the understanding of China and influence in the country ever increased, the Mendicant missionaries became more and more deeply aware of the suitability of guidelines of adaptation to indigenous culture as well as missionary method adopted by Jesuit missionaries in China. Therefore, the criticisms of the Spanish Mendicant Orders towards the Portuguese Society of Jesus became less frequent [47, pp. 311-322; 52, p. 246]. However, when the conflict between two religious orders had just subsided, the confrontation between the Portuguese Society of Jesus and the Society of Foreign Missions of Paris flared up from the late 17th century to the first half of the 18th century, which pushed the Chinese Rites Controversy to the climax of drastic and intense conditions accompanied by serious consequences for Chinese Christianity.

In the first half of the 17th century, to realize the intention of gradually restricting and reaching the revocation of missionary privilege of Portugal in the Far East, the Holy See adopted the "Apostolic Vicariate" regime, that is, through the missionaries of a missionary organization appointed and governed by the Holy See, to assert and exercise the supreme leadership and management of the Pope over the working of preaching the Gospel in remote Eastern countries. In particular, one of the first missionary organizations chosen by the Holy See to implement the "Apostolic Vicariate" regime was the Society of Foreign Missions of Paris. In 1659, the Holy See appointed three missionaries of the Society

of Foreign Missions of Paris named François Pallu, Lambert de la Motte, and Ignatius Cotelendi as Vicar Apostolic in Tonkin, Cochinchina and Nanjing¹⁶. This explained the presence and influence of the Society of Foreign Missions of Paris in China in the second half of the 17th century.

Despite being the force that came later, it had not yet established a solid base of missionary area nor had a large number of followers as the Portuguese Society of Jesus, but the Society of Foreign Missions of Paris gained the power granted by the Holy See. Therefore, the missionaries of this missionary organization used that power to force other religious orders, including the Society of Jesus, to obey their leadership of missionary activities in China. In particular, the Society of Foreign Missions of Paris was also patronized by France – the country that was competing for missionary privilege with Portugal in the Far East at that time. That increasingly made the outbreak of the conflict between the Portuguese Society of Jesus and the Society of Foreign Missions of Paris backed by France only a matter of time. In fact, until the 80s of the 17th century, the Society of Foreign Missions of Paris followed the Spanish Mendicant missionaries to make use of the issue of Chinese Rites as an excuse to criticize the Portuguese Society of Jesus, pushing the Chinese Rites Controversy to a climax of conflict.

It all started in 1680 when the Pope established the Apostolic Vicariate of Fujian. At that time, two missionaries of the Society of Foreign Missions of Paris named François Pallu and Charles Maigrot¹⁷ were in turn appointed as Vicar Apostolic. Based on the Pope's support, after arriving in China, two missionaries strictly asked all missionaries operating in China, regardless of religious orders, to declare swear by their witness that would obey the power of the Pope. This, to a certain extent, helped missionaries of the Society of Foreign Missions of Paris to lay the foundations and establish their position for the missionary work in China. But it was a powerful attack of the Portuguese Society of Jesus.

However, in 1690 when the Pope approved Portugal's petition to establish three dioceses in the country¹⁸, the advantage of the Society of Foreign Missions of Paris in China was no longer present. At that time, Apostolic Vicariate of Fujian (born in 1680), merged into Nanjing diocese 南京, under the management of Jesuit missionary Joseph

Monteiro¹⁹. In response to such changes, the missionary of the Society of Foreign Missions of Paris, Charles Maigrot, who at that time was Vicar Apostolic of Fujian, persisted in defending the power given by the Pope to his religious order in China in 1680. On the one hand, he forced missionary Joseph Monteiro to return to Macau. On the other hand, he took the name of the highest manager of the missionary work in China at the time to issue 7 bans on March 26, 1693, strongly opposing and banning the missionary method of "adaptation to the indigenous culture" as well as the open-minded attitude of the Jesuit missionaries to Chinese Rites [30, pp. 152-154; 42, pp. 17-19]. According to Charles Maigrot, the bans were a measure of temporary direction before the Holy See issued a clear decision on Chinese Rites. He demanded all missionaries in China to strictly obey to end a long period of disagreement, division, contradiction, and conflict between the religious orders in the Far East in general and China in particular [28, p. 37]. This faced strong opposition from missionary organizations in contemporary China. Missioners under various religious orders, especially the Society of Jesus, expressed their deep dissatisfaction with Charles Maigrot – Representative of the Society of Foreign Missions of Paris in China, and at the same time conducted a fierce controversy with him. Not only that, to seek support from the indigenous ruler, the Jesuit missionaries in China also submitted a memorial to Emperor Kangxi 康熙, which showed the attitude of criticizing and rejecting seven bans of Charles Maigrot [47, p. 324].

In response to the opposition of the Society of Jesus, Charles Maigrot continued to promote the enforcement of bans in Fujian 福建 diocese, at the same time punishing missionaries who opposed his ban by dismissing their religious titles. Not only that, at that time Charles Maigrot also criticized missionary Jean-Paul Gozani 駱保祿²⁰ – Superior of the Society of Jesus in Fujian 福建, to strengthen the influence of the Society of Foreign Missions of Paris here and discouraging missionaries from opposing his bans [24, p. 97]. Besides, Charles Maigrot also sent the bans to the Holy See, intending to make use of the Holy See's authority to reinforce the power and status of the society of Foreign Missions of Paris in China. The Bishop of the Society of Foreign Missions of Paris also sought to enlist the support

of theologians at the Sorbonne University as well as the French congregation leadership for condemning Chinese Rites [28, p. 89].

The act of condemning Chinese Rites of Chinese rites and criticizing the Society of Jesus by a missionary of the Society of Foreign Missions of Paris-Charles Maigrot was very consistent with the intention of the Holy See that was seeking to weaken and gradually restrict and come to revoke the missionary privilege of the Portuguese Jesuit missionaries in the Far East in general and China in particular. Therefore, at that time the Holy See's behavior towards the issue of Chinese rites quickly changed, from the previous hesitant attitude to the attitude of persistent denial and prevention. In late 1699, a committee including cardinals was convened by the Holy See to study the issue of Chinese Rites. After that, on July 2, 1702, Pope Clement XI sent Bishop Charles Thomas Maillard de Tournon²¹ to Beijing 北京 to review and resolve the conflicts surrounding this issue. However, when this missionary had not arrived in Beijing 北京 (4/12/1705), on November 20, 1704, in Rome, Pope Clement XI approved decree *Cum Deus Optimus* [3, p. 463; 10, pp. 37-38] on banning the worshiping of Confucius and the deceased as well as banning the use of Chinese words such as "Tian 天 (Heaven)", "Shangdi 上帝 (Lord Above or Supreme Emperor)" to talk about "Tianzhu 天主 (Lord of Heaven)". Therefore, after Charles Thomas Maillard de Tournon arrived in Beijing 北京, on December 29, 1706, Emperor Kangxi summoned this Apostolic legate and expressed his dissatisfaction with the disrespectful attitude of the missionaries of the Society of Foreign Missions of Paris and the Holy See related to indigenous cultural value [23, p. 470]. In particular, when knowing the purpose of Charles Thomas Maillard de Tournon's arrival to China was to announce the decree *Cum Deus Optimus* of the Holy See on condemnation and prohibition of Chinese rites, Emperor Kangxi ordered the deportation against this missionary. However, before leaving China, on January 25, 1707, Charles Thomas Maillard de Tournon summoned all missionaries to Nanjing 南京 to announce decree *Cum Deus Optimus* of the Holy See on banning Christians from attending and practicing the rites of worshipping Confucius and ancestors [10, p. 38]. Emperor Kangxi was enraged, commanding the Portuguese authority

in Macau to imprison apostolic legate Maillard de Tournon until two Jesuit missionaries and one Chinese parishioner²² sent by the Emperor to Rome (1708) to tell the Pope about the nature of the issue of Chinese rites came back. However, these missionaries remained in Europe for too long, before coming back to China in 1619. Meanwhile, in Macau, Apostolic legate Maillard de Tournon was imprisoned and died in prison on June 8, 1710. In fact, after this incident, except for several Jesuit missionaries who had a license to stay in China, to serve in the court²³, the remaining missionaries, including Bishop Charles Maigrot, were expelled from this country and later returned to Europe [32, p. 152].

Despite this, the conflict between Emperor Kangxi and the Holy See over the issue of Chinese Rites still had not stopped here. In 1715, Pope Clement XI issued a decree *Ex illa die*, reiterating the bans of Chinese Rites in decree *Cum Deus Optimus* issued in 1704 [25, pp. 180-181; 10, p. 39], at the same time, requesting all missionaries operating in China at that time to vow to obey the content of this decree and if refusing to vow, their missionary right would be forfeited by the Holy See. At that time, Jesuit missionaries, the only remaining force in China, did not take vows to avoid being deported by the Qing dynasty. They also stopped the missionary work in this country so as not to be contrary to the orders of the Holy See. The negative impact of this can be seen immediately afterward. The evangelization as well as the celebration of the sacraments for Chinese Catholics completely stopped because there was no one to perform. In Rome, meanwhile, the Holy See and Bishop Maigrot realized the detrimental effects of too aggressive and extreme measures in dealing with Chinese rites. Therefore, Apostolic legate Carlo Ambrogio Mezzabarba²⁴ was dispatched to China in 1720, to express the Holy See's concession to the Chinese ritual, in the hope of improving the relationship between the Holy See with Chinese rulers at that time. From December 1720 to February 1721 he had many times an audience with Kangxi in Beijing and was given a great reception. However, when asked by the emperor about his purpose to go to China, Carlo Ambrogio Mezzabarba replied that he had come here to ask the faithful to abide by the decree issued by the Holy See in 1715 with the content of condemning

the Chinese ritual. The Emperor told Mezzabarba that, if so, he and the other missionaries should arrange their belongings to return to Europe immediately. In such a situation, Mezzabarba made concessions by sending Kangxi a statement allowing Chinese Christians to practice worshipping Confucius and ancestors. However, that did not satisfy Kangxi either. Mezzabarba realized that the failure to ease the conflict between The Pope and The Kangxi Emperor over the Chinese ritual issue was inevitable. In March 1721, he left Beijing for Macao. Before boarding a sea ship in Macau for his return to Europe, in November 1721, in a letter to missionaries operating in China, he mentioned “eight permissions” regarding the issue of Chinese Rites. In it, he allowed Chinese Christians to create ancestral tablets bearing the names of their ancestors to worship at home. They are allowed to participate in social and non-religious ceremonies, such as worshipping Confucius. Christians are also entitled to prostrate, offer fruit, light incense, light candles before the ancestral tablets, coffin, or in front of the grave of the deceased, provided that they declare alienation and break from all superstition [41, p. 140]. However, this last effort by Mezzabarba did not save the situation. Because at that time Kangxi was too angry and tired of the Chinese Rites Controversy between the Portuguese Society of Jesus and the Society of Foreign Missions of Paris as well as between him and the Holy See [23, p. 487]. In particular, in 1742, Pope Benedict XIV issued the decree *Ex quo singulari*, denied the “eight permissions” of the envoy Mezzabarba, and asked missionaries in China to abide by the content of the decree *Ex illa die* issued in 1715 [13, pp. 341-349; 23, pp. 389-395, 466-489; 14, p. 196]. This was the final decision of the Holy See in the 18th century on the issue of the Chinese Rite²⁵. But it was the beginning of a tragic period of Christianity in China for more than 100 years later under the prohibition and ill-treat of the Qing dynasty [10, pp. 39-40]. The direct cause for this outcome was within the scope of the contradiction and conflict between the Society of Foreign Missions of Paris and the Portuguese Society of Jesus which took place from the 90s of the 17th century to the first half of the 18th century.

Results. To sum up, in the 17th and 18th centuries, Christian religious orders, typically

the Society of Jesus, Mendicant Orders, and the Society of Foreign Missions of Paris were present respectively in China to carry out the preaching of Gospel. During this period, “national mission” became a fairly common phenomenon. That meant that each religious order received a great deal of support in many ways, especially financial matters from a Western country (either Portugal, or France, or Spain), and in return, they had to carry out missionary work under the direction and for the interests of that country. At that time, in the Far East in general and China in particular, the Society of Jesus was backed by the power of the Portuguese, the Society of Foreign Missions of Paris was backed by the dominant force of France and the Mendicant Orders was backed by the Spanish court. It was worth mentioning that in the contemporary period, there was a fierce competition between three patronizing countries to gain control over the territories in the Far East and great economic benefits as well as fight for the right to manage the missionary work in this area. That made the meeting between the Society of Jesus, the Mendicant Orders and the Society of Foreign Missions of Paris in China fail to bring any benefit to the evangelization from the beginning, apart from the conflicts and confrontations among them, which in essence were the dispute and conflict of interest among the nations patronizing those religious orders. In fact, the conflict among the Portuguese Society of Jesus and Spanish Mendicant Orders as well as among the Society of Foreign Missions of Paris and the Portuguese Society of Jesus in China took place in the form of controversy over indigenous rites. In particular, the “periodicity” of the contradictions and conflicts among religious orders in China was manifested quite clearly. From the 30s to the 60s of the 17th century, the Chinese Rites Controversy mainly took place between the Spanish Mendicant Orders and the Portuguese Jesuit missionaries. After that, from the 90s of the 17th century to the first half of the 18th century, the Chinese Rites Controversy only took place between two missionary organizations, namely the Society of Foreign Missions of Paris and Portuguese Society of Jesus. And along with that, the drastic nature of this conflict was then pushed up higher and higher. That caused a great disturbance in the relationship between the Christian religious orders and left negative consequences for the missionary process in China during this period.

NOTES

¹ Matteo Ricci 利瑪竇 (1552-1610) was an Italian Jesuit missionary. He evangelized mainland China from 1583 to 1610. During this time, with the missionary method of “adaptation to the indigenous culture”, he laid the solid foundations for the introduction and development of Christianity in China. He also contributed greatly to bringing Western science and technology to the Chinese during the period from the late 16th century to the beginning of the 17th century. See [12, p. 219; 33, pp. 22-42; 36, pp. 131-132, 137, 205-207].

² The mission of the Spanish Mendicant Orders in China in the period from the end of the 16th century to the beginning of the 17th century was mainly conducted by Franciscan and Dominican missionaries. In 1578 five Franciscan missionaries named Pedro de Alfaro, Giovanni Battista Lucarelli, Sebastian of Baeza, Augustin de Tordesillas, and Estevan Ortiz traveled from the Philippines to Guangdong province 廣東省, marking the beginning of the missionary process of this religious order in China. Meanwhile, from the time of arriving in the Philippines (from 1587 to 1626), Dominican missionaries approached mainland China seven times. See [17, pp. 33-36, 40-44; 43, p. 222].

³ Angelo Cocchi 高琦 was an Italian Dominican missionary, born in Florencia in 1597. He joined Dominican Order in his homeland but was sent to Spain to study theology in Salamanca. In 1622, he went to the Philippines and Taiwan 臺灣. He was considered a person laying the foundation for the missionary work of Spanish Dominican Order in China during the first half of the 17th century. In 1631, going from Taiwan 臺灣, he went to mainland China with another missionary. In 1632-1633, his mission in Fujian 福建 began to yield some initial results. In November 1633, he fell ill and died here. See [6, p. 215; 48, pp. 128-130].

⁴ Benoit de Mattos 林本篤 was a Portuguese Jesuit missionary, born in 1600 in Vidigueira. He joined the Society of Jesus in 1615, went to China to evangelize in October 1630. From then to 1634, he operated in Fujian 福建. In 1635, he was sent to Hainan Island 海南島 to evangelize and obtained some positive results. In 1641, he went to Cochinchina (Vietnam) with the missionary Alexandre de Rhodes. In 1644, he returned to Macau, then returned to Hainan Island 海南島 to evangelize and died here in April 1652. See [4, p. 106, 114; 33, pp. 208-211].

⁵ Antonio de Santa Maria Caballero 利安當 was born in 1602 in Baltaná, Spain, and was considered a person laying the foundation for the missionary work of Franciscan Order in China in the first half of the 17th century. He joined the Franciscan Order in 1618. In 1633, he traveled with Dominican missionary Juan Bautista Morales to China, mainly operating in Fujian 福建 and Jiangnan 江南. In 1643, he was appointed as

a leader of Franciscan Order in China and during this time, his missionary work in Shandong 山東 gained achievements. He died in Canton, China in 1669. See [5, p. 170; 17, p. 51, 65; 21, p. 18, 37].

⁶ Juan Bautista Morales 黎玉範 was a Dominican Order missionary, born in 1597 in Andalusia, Spain. In 1614, he joined Dominican Order. In 1620, he and some other missionaries boarded a train to Asia to conduct evangelization. He arrived in the Philippines in 1622 and remained working in the country until 1632. In 1633, he went with the Franciscan Order missionary Antonio de Santa Maria Caballero to China where he carried out his missionary work in Fujian diocese 福建. There, he participated in a controversy with the Jesuit missionaries on the issue of Chinese Rites. He died in Funing 福寧 (Fujian 福建) on September 17, 1664. See [11, p. 16; 17, p. 51, 65; 46, pp. 628-630].

⁷ Missionary academic 學術傳教 is a term employed by Chinese researchers to refer to Jesuit missionaries using Western cultural and scientific achievements in fields of astronomy, geography, mathematics, physics, chemistry, military weapons, painting, literature, etc. to attract classes in Chinese society, especially the upper classes, to the faith in Christianity in the 16th and 17th centuries. According to scholar Shi Jinghuan 史靜寰, the initiator of this missionary method was Jesuit missionary François Xavier – the pioneer missionary in the Far East in the first half of the 16th century. From the end of the 16th century to the beginning of the 17th century, the “missionary academic” continued to be inherited and thoroughly applied by Jesuit missionaries, typically Matteo Ricci, Michele Ruggleri, contributing to the great success in the propagation of Christianity in China. See [20, pp. 74-75; 54, pp. 130-135].

⁸ Missionary bibliography 書籍傳教 is a term used by Chinese scholars to refer to the fact that Jesuit missionaries brought Western-origin documents and books into China or in the process of preaching the Gospel in this country, Jesuit missionaries compiled and translated Western documents of various fields such as religion, philosophy, politics, morality, education, language, dictionary, literature, art, psychology, geography, map, astronomy, mathematics, irrigation, physics, geology, biology, medicine, military, etc. into Chinese language, in order to achieve the purpose of attracting social classes, especially the dominant class to believe in Christianity. See [44, p. 22; 55, pp. 2-8].

⁹ Francisco Furtado 傅汎濟 was born in 1587 in the Acores Islands, Portugal. He joined the Society of Jesus in 1608. In 1618, he followed missionary Nicolas Trigault to the Far East to evangelize and arrived in Macau in 1620. After a period of language learning, he went to Hangzhou 杭州 to evangelize. In 1630, he

moved from Hangzhou 杭州 to Shanxi 陝西 and operated there for about 6 years. From 1641 to 1651, he held many important Jesuit positions in China. He died in Macau on November 21, 1653. See [33, pp. 151-153].

¹⁰ Alvare de Semedo 曾德昭 was a Portuguese Jesuit missionary born in 1585 in Nizea. He joined the Society of Jesus on April 30, 1602. In 1613, after completing his study of philosophy at Goa Archbishopric, he went to Nanjing 南京, China to evangelize. From then to 1630, he operated in various localities in mainland China such as Zhejiang 浙江, Jiangxi 江西, Jiangnan 江南, etc. In 1637, he returned to Europe to present the Holy See on Chinese Rites. After returning to China in 1644, he undertook a number of important Jesuit positions in China. He died in Guangzhou 廣州 on July 18, 1658. See [29, p. 75; 33, pp. 143-147].

¹¹ Manuel Dias Sênior 李瑪諾 was a Portuguese Jesuit missionary, working in the Far East in general and China in particular during the first half of the 17th century. He was born in 1559 in Aspalham of Portlrgre diocese. On December 30, 1576, he joined the Society of Jesus. In April 1585, he boarded to the Far East to evangelize and set foot in Goa in 1586 after experiencing a terrible shipwreck accident off the coast of Safala (Africa). After a period of time in India, in August 1593, he arrived in Macau, but not long after, in 1594, he returned to Goa. In April 1596, he went to Macau for a second time to carry out his missionary work in China. He started paying his visits to missionary areas in mainland China in 1601, arrived in Beijing 北京 on August 9, 1602, and stayed there for about 2 months. From 1603 to 1609, he undertook missionary work in southern China and achieved satisfactory results in Shaozhou 韶州, Nanchang 南昌, and Nanjing 南京. From 1611 to 1636, he worked in Macau. Acting as an Inspector of the Society of Jesus in the Far East, he paid visits to various dioceses in China and other countries in order to grasp and solve problems arising during the mission. He died in Macau on November 28, 1639. See [11, p. 20; 33, pp. 74-77; 35, pp. 79-94].

¹² After receiving the letter and request for resolving the contradictions over Chinese Rites between the Portuguese Society of Jesus and the Spanish Mendicant Orders of Juan Bautista Morales, Inspector of the Far East of the Society of Jesus in Macau named Manuel Dias Sênior sent this letter to the Vice-Provincial of the mission in China Francisco Furtado. However, Hurtado transferred this issue to the Jesuit missionary Alfonso Vagnone 高一志 who was doing missionary work in the Shandong region at the time. The reply of Alfonso Vagnone from Shandong 山東 took six months to reach Macau, by which time Juan Bautista Morale had returned to Manila (1640). See [15, p. 298].

¹³ In 1649, when returning to China, Juan Bautista Morales foresaw the difficulties caused by the Portuguese Jesuit missionaries. When he set foot in Anhui 安徽 (Fujian 福建), he used to provide financial support to the Jesuit missionary Pierre Cunevari who was doing missionary work in here at that time. However, when Juan Bautista Morales proclaimed Decree 1645 of the Holy See to Pierre Cunevari, he received a harsh reaction from this Jesuit missionary. After that, Pierre Cunevari, on the one hand, banned believers in Anhui from having contact with Juan Bautista Morales, on the other hand also used apart of extremist co-religionists to hinder missionary activities of Juan Bautista Morales. See [8, pp. 84; 17, p. 284].

¹⁴ Martino Martini 衛匡國 was an Italian Jesuit missionary, born in 1614 in Trento. He joined the Society of Jesus on October 8, 1631. In 1640, he went to the Far East to evangelize and reached Macao in 1642. From 1643 to 1646, he penetrated mainland China and operated in Zhejiang 浙江, Beijing 北京, Hangzhou 杭州, Fujian 福建. From 1650 to 1656, acting as a Jesuit delegate in China, he returned to Rome to talk to the Pope about the Chinese Rites Controversy between the Society of Jesus and the Mendicant Orders, as well as the viewpoint of adaptation to indigenous culture and open-minded attitude of Jesuit missionaries in China towards Chinese Rites. After returning to China (1658), he evangelized in Hangzhou 杭州 and died here on June 6, 1661. See [29, pp. 106-110; 31, pp. 19-37; 33, pp. 256-262].

¹⁵ In 1661, Juan Bautista Morales along with Spanish Mendicant missionary in China held a conference in Lanxi 蘭溪 (Zhejiang 浙江), continued to criticize the Chinese Rites, insisting that the worship of Confucius and the ancestors of the Chinese people was heavily religious and superstitious behavior, therefore such a worship must be strictly prohibited. After that, they also planned to send people to Rome to express this viewpoint to the Holy See. See [17, pp. 399-401].

¹⁶ François Pallu was appointed as Vicar Apostolic of Tonkin to manage the missionary work in the Kingdom of Tonkin (North and North Central Vietnam today), Laos, along with five provinces in China, namely Yunnan 雲南, Guizhou 貴州, Huguang 湖廣 (Hunan 湖南 and Hubei 湖北 today), Guangxi 廣西, and Sichuan 四川. Lambert de la Motte was appointed Vicar Apostolic of Cochinchina to manage the missionary work in the kingdom of Cochinchina (Central and Southern Vietnam today) as well as the provinces of Zhejiang 浙江, Fujian 福建, Guangdong 廣東, Jiangxi 江西, and Hainan Island 海南島 of China. Ignatius Cotelendi was appointed as Vicar Apostolic of Nanjing 南京 to manage missionary work in Beijing 北京, Jiangsu 江蘇, Henan 河南, Shanxi

山西, Shandong 山東, Shanxi 陝西, and the Kingdom of Korea, Liaodong 遼東, and Mongolia. See [1, p. 494; 18, p. 255].

¹⁷ Charles Maigrot (1652–1730) was a missionary of the Society of Foreign Missions of Paris. In 1681, he joined the Society of Foreign Missions of Paris and went to the Far East to evangelize and operate for some time in Siam before going to Fujian 福建, China with missionary François Pallu in 1684. From late 1684, after the death of François Pallu, he assumed the responsibility of managing this missionary area and in 1687 was appointed as Vicar apostolic of Fujian by the Holy See. In 1793, the Chinese Rites Controversy was re-launched by his, to criticize the missionary method as well as the open-minded attitude and guideline of “adaptation to the indigenous culture” of Portuguese Jesuit missionaries, making this from the scope of a dispute between two Christian religious orders grown to a climax period, become a confrontation between the Chinese emperor and the Holy See. Also because of this, in 1707, Charles Maigrot was expelled from China. He returned to Europe, working at the Holy See until he died in 1730. See [11, p. 72, 126-127; 23, pp. 333-335; 27, pp. 368-380; 30, pp. 149-183].

¹⁸ In 1690, Pope Alexander VIII announced to separate the Apostolic Vicariate of Nanjing and the Apostolic Vicariate of Beijing from the management of previous Macau diocese and upgraded to become Beijing diocese and Nanjing diocese. Thus, at that time in China, there were three dioceses. See [26, p. 1259].

¹⁹ Joseph Monteiro, born in 1646, was a Portuguese Jesuit missionary. He joined the Society of Jesus on December 17, 1661. In February 1680, he set foot in China, was sent to Wuchang 武昌 to evangelize. In 1683, he moved to Jiangxi 江西. From 1687 to 1693, he operated at Fujian 福建 and was appointed as Vicar General of the Society of Jesus here (1693). During this time, he was criticized by the missionary of the Society of Foreign Missions of Paris Charles Maigrot. He died in Macau on December 31, 1718. See [11, p. 27, 73; 33, p. 394].

²⁰ Jean Paul Gozani 駱保祿 was an Italian Jesuit missionary, born in 1647 in the citadel of Casal. He joined the Society of Jesus on October 15, 1674. In 1694, he went to China to evangelize and in 1698 he worked in Kaifeng 開封. From 1699 to 1702, he evangelized in Fuzhou, Xinghua 興化 of Fujian 福建 Province. In 1710-1717, he was appointed as Inspector of two missionary areas namely China and Japan and was also the head of the Society of Jesus in Beijing 北京. In 1724, he was sent to Guangzhou 廣州, surreptitiously operated, and was deported back to Macau shortly thereafter. He died in Macau in 1632. See [33, pp. 469-471; 51, p. 179].

²¹ Charles Thomas Maillard de Tournon was born on December 21, 1668, in an aristocratic family in Torino,

Italy. He studied theology (1688) and canon law (1690) at the University of Nice, before being ordained priest on June 12, 1695. From then to 1700, he moved to Rome to work at the Holy See and took over on some important positions. In 1701, he was sent by Pope Clement XI to the Orient to solve the issue of Indian and Chinese rites. On December 4, 1705, he went to Beijing 北京, China. However, he was soon expelled because Emperor Kangxi 康熙 realized his purpose of coming here to convey the decree of the Holy See on the prohibition of Chinese rites. On his way from Beijing 北京 to Guangdong 廣東 to board to Europe, he proceeded to announce the decree of the Holy See on prohibiting Christians from attending and practicing rites of worshipping Confucius and ancestors in Nanjing 南京. Emperor Kangxi knew about this and ordered the Portuguese government in Macau to arrest him. He died in Macau on June 8, 1710. See [16, pp. 107-110; 19, pp. 38-45, 115-150].

²² In 1708, to resolve conflicts and disagreements with the Holy See over the issue of Chinese rites, Emperor Kangxi sent two Jesuit missionaries named Joseph Antoine Provana, Raymond Joseph Arxo and Louis Fan – a Chinese co-religionist baptized by Joseph Antoine Provana to go to Rome for presenting the Pope about the nature of this issue. On January 14, 1708, they departed from Macau, at which time another missionary François Noël accompanied him to Europe. In September 1708, they reached Lisbon and met King João V of Portugal. In February 1709, they arrived in Rome but could not change Pope Clement XI's thinking about the issue of Chinese rites. Then, for various reasons, they stayed in Europe for quite a long time. It was not until 1719 that, of three people of envoy delegation, only Joseph Antoine Provana and Louis Fan returned to China, because Raymond Joseph Arxo died in 1711. However, during this journey, Joseph Antoine Provana died near the Cape of Good Hope on February 7, 1720, only Louis Fan came to Macau. See [2, pp. 191-192; 7, pp. 87-89; 33, pp. 413-420, 477-480; 34, pp. 664-666; 53, p. 36].

²³ When the conflict between Emperor Kangxi and the Holy See over the issue of Chinese rites took place fiercely in the early 18th century, Emperor Kangxi commanded the missionaries operating in this country that, if they wanted to obtain a permit from the authority to stay in China, they must declare to follow “the rules of Matteo Ricci”, that is to commit to implementing the guideline of adaptation to indigenous culture and have an open and respectful attitude towards Chinese cultural values. See [3, p. 463].

²⁴ Carlo Ambrogio Mezzabarba was born on April 30, 1685, in Pavia, Italy. He was ordained priest on May 1, 1718. In September 1719, he was appointed as Titular Patriarch of Alexandria by the Holy See. In 1720, acting as an Apostolic legate, he went to China to solve the

issue of Chinese rites. When the mission failed, he left China for Europe in December 1721. On July 23, 1725, he was appointed as Bishop of Lodi diocese and took over this position until his death on December 7, 1741. See [37, p. 77, 238; 39, pp. 342-390].

²⁵ The content of the decree *Ex quo singulari* on the Chinese ritual issue has been practiced for almost two centuries. It was not until December 8, 1939, that the Congregation for the Evangelization of the Holy See announced the decree *Plane compertum est*, abolishing the prohibitions inscribed in the decree *Ex quo singulari*, and allowing Chinese Christians to revere Confucius and worshiped their ancestors as infidels. At this point, the debate on the Chinese Rites Controversy was entirely over. See [40, pp. 24-26].

REFERENCES

1. Benedetto R., ed. *The New Westminster Dictionary of Church History*. Louisville-London, Westminster John Knox Press, 2008, vol. 1. 768 p.
2. Brockey L.M. *Journey to the East: The Jesuit Mission to China, 1579-1724*. Cambridge, The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. 512 p.
3. Brown S.J., Tackett T., eds. *Cambridge History of Christianity*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, vol. 7. 678 p.
4. Cardim A.F. *Relation de la province du Japon écrite en Portugais par le pere François Cardim de la Compagnie de Jésus procureur de cette province*. A Tovrnay, De l'Imprimerie d'Adrien Qvinque, 1645. 308 p.
5. Chan A. *Chinese Materials in the Jesuit Archives in Rome*. New York, London, Routledge, 2002. 626 p.
6. Charbonnier J.P. *Christians in China: A.D. 600 to 2000*. San Francisco, Ignatius Press, 2007. 664 p.
7. Chatterjee K., Hawes C., eds. *Europe Observed: Multiple Gazes in Early Modern Encounters*. Lewisburg, Bucknell University Press, 2008. 279 p.
8. Cummins J.S. *A Question of Rites: Friar Domingo Navarrete and the Jesuits in China*. Aldershot, Scolar Press, 1993. 349 p.
9. Cummins J.S. *Palafox, China and the Chinese Rites Controversy*. Revista de Historia de América, 1961, no. 52, pp. 395-427.
10. Datsyshen V.G. *Christianity in China: History and Modernity*. Moscow, Scientific and educational forum on international relations, 2007. 240 p.
11. De Moidrey P.J. *La hiérarchie catholique en Chine, en Corée et au Japon (1307-1914)*. Changhai, Imprimerie de l'Orphelinat de T'ou-sè-wè, 1914. 301 p.
12. Dehergne J. *Répertoire des jésuites de Chine de 1552 à 1800*. Roma, Institutum Historicum Societatis Iesu; Paris, Letouzey et Ané, 1973. 430 p.
13. Delacroix S. *Histoire universelle des missions catholiques, tome 2*. Paris, Grund, 1957. 413 p.
14. Dubrovskaya D.V. Jesuits and the Enlightenment: The New Vision of China from Matteo Ricci to Adam Smith. *Orientalistica*, 2018, 1 (2), pp. 194-208.
15. Dunne G.H. *Generation of Giants, The Story of the Jesuits in China in the Last Decades of the Ming Dynasty*. Notre Dame, University of Notre Dame Press, 1962. 389 p.
16. Duteil J.P. *Le Mandat du ciel: le rôle des Jésuites en Chine, de la mort de François-Xavier à la dissolution de la Compagnie de Jésus (1552-1774)*. Paris, éditions Arguments, 1994. 411 p.
17. González J.M. 1964. *Historia de las misiones Dominicanas de China, 1632-1700, tomo I*. Madrid, Imprenta, Juan Bravo, 1964. 720 p.
18. Hoster B., Kuhlmann D., Wesolowski Z., eds. *Rooted in Hope: Festschrift in Honor of Roman Malek S.V.D. on the Occasion of His 65th Birthday*. Oxon-New York, Routledge, 2017, vol. 1. 534 p.
19. Jenkins R.C. *The Jesuits in China and the Legation of Cardinal de Tournon: An Examination of Conflicting Evidence and an Attempt at an Impartial Judgment*. London, David Nutt, 1894. 165 p.
20. Jinghuan S. Tan Ming Qing zhi ji ru Hua Yesu huishi di xueshu chuanjiao [The Missionary Academic Ways of Jesuits into China at the End of the First Period of Qing Dynasty]. *Neimenggu Shida xuebao* [Journal of Inner Mongolia Normal University], 1983, vol. 3, pp. 73-78. (in Chinese).
21. Kaijian T. *Setting Off from Macau: Essays on Jesuit History During the Ming and Qing Dynasties*. Leiden, Brill, 2016. 331 p.
22. Latourette K.S. *A History of Christian Missions in China*. New York, The Macmillan Company, 1929. 930 p.
23. Launay. A. *Histoire générale de la Société des missions étrangères, tome premier*. Paris, Tequi, Libraire – éditeur, 1894. 594 p.
24. Liwei W. Wenhua zhengyi hou de quanli jiaofeng – “Liyi zhi zheng” zhong de zongjiao xiuhui chongtu [Power Confrontation After Cultural Disputes – Religious Order Conflicts in the “Chinese Rites Controversy”]. *Shijie lishi* [World History], 2004, vol. 3, pp. 91-100. (in Chinese).
25. Mantiene F. *Monseigneur Pigneau de Béhaine évêque D'Adran Dignitaire de Cochinchine*. Paris, Eglises d'Asie, 1999. 256 p.
26. Melton J.G. *Faiths Across Time: 5000 Years of Religious History (4 Vols.)*. Santa Barbara, ABC-CLIO, LLC, 2014. 2023 p.

27. Miller P.N., Louis F., eds. *Antiquarianism and Intellectual Life in Europe and China, 1500-1800*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2012. 426 p.
28. Minamiki G. *The Chinese Rites Controversy: From Its Beginning to Modern Times*. Chicago, Loyola University Press, 1985. 353 p.
29. Mungello D.E. *Curious Land: Jesuit Accommodation and the Origins of Sinology*. Hanolulu, University of Hawaii Press, 1989. 405 p.
30. Mungello D.E. *The Chinese Rites Controversy: Its History and Meaning*. Nettetal, Steyler Verlag, 1994. 356 p.
31. Mungello D.E. *The Forgotten Christians of Hangzhou*. Hanolulu, University of Hawaii Press, 1994. 248 p.
32. Peter Tze Ming Ng. *Chinese Christianity: An Interplay Between Global and Local Perspectives*. Leiden, Brill, 2012. 258 p.
33. Pfister L. *Notices biographiques et bibliographiques sur les Jésuites de l'ancienne mission de Chine, vol. 1*. Shanghai, Imprimerie de la Mission catholique, 1932. 561 p.
34. Pfister L. *Notices biographiques et bibliographiques sur les Jésuites de l'ancienne mission de Chine, vol. 2*. Shanghai, Imprimerie de la Mission catholique, 1934. 430 p.
35. Pina I.M. Manuel Dias Sênior // Li Manuo (李瑪諾). *Bulletin of Portuguese Japanese Studies*, 2007, vol. 15, pp. 79-94.
36. Ricci M., Trigault N. *China in the Sixteenth Century: The Journals of Matthew Ricci, 1583-1610*. New York, Random House, 1953. 616 p.
37. Ritzler P.R., Sefrin P.P. *Hierarchia Catholica medii et recentioris aevi, volumen V*. Patavii, Messagero di S. Antonio, 1952. 457 p.
38. Ross A.C. *A Vision Betrayed: The Jesuits in Japan and China, 1542-1742*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 1994. 216 p.
39. Rosso A.S. *Apostolic Legations to China of the Eighteenth Century*. South Pasadena, P.D. and I. Perkins, 1948. 502 p.
40. *Sacra Congregatio de Propaganda Fide. Instructio Circa Quasdam Caeremonias et Iuramentum Super Ritibus Sinensibus*. Acta Apostolicae Sedis, 1940, Annus XXXII, series II, vol. VII, pp. 24-26.
41. Senfu Y. *Zhongguo Jidujiao shi* [History of Christianity in China]. Tapei, Taiwan shangwu yin shuguan, 1978, 419 p. (in Chinese).
42. St. Sure D.F., Noll R.R. *Zhongguo liyi zhi zheng Xiwen wenxian yibai pian (1645-1941)* [100 Roman Documents Concerning the Chinese Rites Controversy (1645-1941)]. Shanghai, Shanghai Classics Publishing House, 2001. 178 p. (in Chinese).
43. St. Thecla A.D. *Opusculum de Sectis Apud Sinenses Et Tunkinenses*. Ithaca, New York, Southeast Asia Program Publications, Southeast Asia Program, Cornell University, 2002. 239 p.
44. Standaert N. Note on the Spread of Jesuit Writings in Late Ming and Early Qing China. *China Mission Studies (1550-1800) Bulletin*, 1985, vol. 7, pp. 22-32.
45. Tiangang L. *Zhongguo liyi zhi zheng – Lishi, wenxian he yiyi* [Chinese Rites Controversy – History, Documents, and Meaning]. Shanghai, Shanghai Ancient Books Publishing House, 1998. 389 p. (in Chinese).
46. Tournon A. *Histoire des hommes illustres de l'ordre de Saint Dominique, tome cinquième*. A Paris, Babuty, rue Saint Jacques, à Saint Chrysofome, 1749. 872 p.
47. Weixiao C. *Ming Qing zhi j Xibanya Fangjinhui zai Hua chuanjiao yanjiu (1579-1732)* [The Spanish Franciscan Mission in the Late Ming and Early Qing Periods of China (1579-1732)]. Beijing, Zhonghua Book Company, 2006. 514 p. (in Chinese).
48. Wei-Ying K., ed. *Missionary Approaches and Linguistics in Mainland China and Taiwan*. Leuven, Leuven University Press, 2001. 278 p.
49. Xianqing Z. 2007. Duomingwohui shi Gao Qi ru Hua shi shi kao [A Study on the Historical Events of Dominican Order Missionary Angelo Cocchi's Entering China]. *Wenhua zazhi* [Review of Culture], 2007, vol. 62, pp. 103-110. (in Chinese).
50. Xianqing Z. Duomingwohui shi Li Yufan yu Zhongguo liyi zhi zheng [St. Dominican Juan Bautista de Morales and the Chinese Rites Controversy]. *Shijie zongjiao yanjiu* [Studies in World Religions], 2008, vol. 3, pp. 58-71. (in Chinese).
51. Xin X. *The Jews of Kaifeng, China: History, Culture, and Religion*. Jersey, Ktav Publishing House, Inc, 2003. 197 p.
52. Xinping Z. *Xiangyu yu duihua: Ming mo Qing chu Zhong Xi wenhua jiaoliu guoji xueshu yantao hui wenji* [Meeting and Dialogue: Selected Works of International Workshop on Cultural Exchange Between China and the West in the Late Ming and Early Qing Dynasties]. Beijing, Religious Culture Publishers, 2003. 642 p. (in Chinese).
53. Xiping Z. *Following the Steps of Matteo Ricci to China*. Beijing, China Intercontinental Press, 2006. 176 p.
54. Yunhua L. Li Madou deng zaoqi chuanjiaoshi di xueshu chuanjiao celue ji qi wenhua yiyi [Matteo Ricci and the Other Missionaries' Tactical Choice and Its Cultural Values in Late Ming Dynasty]. *Tianjin Shehui kexue* [Tianjin Social Sciences], 2003, vol. 6, pp. 130-135. (in Chinese).
55. Yuxi W. *Ming-Qing zhiji Tianzhujiao "Shuji chuanjiao" yanjiu (1552-1773)* [A Study of Catholic Proselytizing by Means of Books from the Mid-Ming Dynasty to the Mid-Qing Dynasty (1552-1773)]. Beijing, People's Publishing House, 2017. 282 p. (in Chinese).

Information About the Author

Anh Thuan Truong, Ph.D. History, Head of Department for History of Vietnam and History Teaching Methods, The University of Da Nang, University of Science and Education, Ton Duc Thang St, 459, 55000 Danang, Vietnam, tathuan@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0000-0001-9682-882X>

Информация об авторе

Анх Тхуан Труонг, Ph.D по истории, руководитель департамента истории Вьетнама и методов преподавания истории, Университет Дананга, Университет науки и образования, ул. Тон Дык Тханг, 459, 550000 г. Дананг, Вьетнам, tathuan@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0000-0001-9682-882X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.6>

UDC 271.22-788+94(470.12)«16»

LBC 86.372-647+63.3(2 Рос-12)44-3

Submitted: 10.03.2021

Accepted: 01.04.2021

BELOZERSK MONASTERIES IN CRISIS YEARS (1570s – 1610s)¹

Zoia V. Dmitrieva

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Marina N. Rumynskaia

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Tatiana V. Sazonova

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the situation of the monasteries of the Belozersk region in the last quarter of the 16th century – the first decade of the 17th century: regional manifestation of crisis phenomena, the reasons for their occurrence, the degree of influence of individual factors (epidemic, famine, foreign invasion). *Methods and materials.* The topic is disclosed using the methods of historical research (analysis, synthesis, external and internal criticism of documents). The source base was made up of acts and monastic business books, including inventory of property. *Analysis.* In the last quarter of the 16th century – the first decade of the 17th century the Russian state was going through a deep crisis, which was observed in all aspects of the life of Russian society: political, dynastic, economic and social; it was intensified by the great famine of 1601–1603. During these years monasteries remained centers of economic stability, providing the brethren, servants, ministers and beggars with the necessary products and household items. In the years of famine, grain from the monastic granaries was “loaned” to the peasants for consumption and sowing. The devastation of the monastic economy and the physical destruction of the population began in the Time of Troubles. As a result, the authors came to the following conclusions: the crisis of the last quarter of the 16th century and the Great Famine of the early 17th century did not lead to degradation and disruption of the traditional way of life in the region; the destruction of Belozersk monasteries begins in 1612 and continues until 1618; only the Kirillov Monastery, headed by Abbot Matthew, was able to organize the defense and protect the fortress, preserving the Cyril’s heritage from the Polish-Cossack plunder.

Key words: Belozersk monasteries, the crisis in Russia in the last third of the 16th century, the Great Famine, the Time of Troubles, “Polish ruin”, the abbot of the Belozersk Monastery Matthew.

Citation. Dmitrieva Z.V., Rumynskaia M.N., Sazonova T.V. Belozersk Monasteries in Crisis Years (1570s – 1610s). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 72-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.6>

УДК 271.22-788+94(470.12)«16»
ББК 86.372-647+63.3(2 Рос-12)44-3

Дата поступления статьи: 10.03.2021
Дата принятия статьи: 01.04.2021

БЕЛОЗЕРСКИЕ МОНАСТЫРИ В КРИЗИСНЫЕ ГОДЫ (1570–1610-е гг.)¹

Зоя Васильевна Дмитриева

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Марина Николаевна Румынская

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Татьяна Викторовна Сазонова

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрено положение монастырей Белозерского края в последней четверти XVI в. – первом десятилетии XVII в.: региональное проявление кризисных явлений, причины их возникновения, степень влияния отдельных факторов (эпидемия, голод, иностранное вторжение). *Методы и материалы.* Тема раскрыта с применением методов исторического исследования (анализ, синтез, внешняя и внутренняя критика документов). *Источниковую базу* составили акты и монастырские хозяйственные книги, включая описи имущества. *Анализ.* В последней четверти XVI в. – первом десятилетии XVII в. Российское государство переживало глубокий кризис, который наблюдался во всех аспектах жизни русского общества: политической, династической, экономической и социальной; его усилил великий голод 1601–1603 годов. Монастыри же в эти годы оставались центрами экономической стабильности, обеспечивали необходимыми продуктами и предметами быта братию, слуг, служебников и нищих. В голодные годы из монастырских житниц давали «взаймы» крестьянам зерно на потребление и посев. Разорение монастырского хозяйства, физическое уничтожение населения начинается в Смуту. *В результате* авторы пришли к выводам: кризис последней четверти XVI в. и великий голод начала XVII в. не привели к деградации и нарушению традиционного жизненного уклада в регионе; разорение белозерских монастырей начинается с 1612 г. и продолжается до 1618 г.; только Кириллов монастырь во главе с игуменом Матфеем смог организовать оборону крепости и не допустить разграбления церковных ценностей. *Вклад авторов.* Концепция статьи – авторский коллектив; выявление, исследование и написание текста: о Кирилло-Белозерском монастыре – З.В. Дмитриева, о Кирилло-Новоезерском и Горицком монастырях – Т.В. Сазонова, о Ниловой Сорской пустыни и Ферапонтове монастыре, общее редактирование текста – М.Н. Румынская.

Ключевые слова: Белозерские монастыри, кризис в России последней трети XVI в., великий голод, Смута, «польское разорение», игумен Кирилло-Белозерского монастыря Матфей.

Цитирование. Дмитриева З. В., Румынская М. Н., Сазонова Т. В. Белозерские монастыри в кризисные годы (1570–1610-е гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 72–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.6>

Введение. В странах Западной Европы и в России средневековое общество и население Нового времени периодически страдало от голода, эпидемий и пожаров. Только за первую половину XVI в. новгородские летописи зафиксировали более 20 голодных лет (дождливое лето, ранняя зима, сильные морозы, засуха, «мор велик») [6, прил. XVI в.]. Однако не всегда природные и социальные катаклизмы приводили к разрушению экономического уклада, быстро восстанавливалась численность горожан и крестьян. Эти процессы прослеживаются на территории всей Рос-

сии в конце 1560-х – начале 1570-х гг., когда они становятся необратимыми и выливаются в кризис [1, с. 294; 18, с. 169–172]. Главными причинами бедственного положения населения в те годы были «моровое поветрие» и голод. В 1569 г. «недород был великий хлебному плоду: рожь обратилась травой мятлицей и бысть глад великий по всей вселенной». В 1570 г. на Москве и во всех русских землях – «глад велик» и «мор силен». Необычайно дождливое лето с заморозками в этот год наблюдалось и в немецких землях [6, с. 318]. Эпидемия и неурожаи продолжались и в сле-

дующем году, в западнорусских землях и Речи Посполитой голод и «мор был великий... бóльшего не помнят» [6, с. 318].

В отдельных регионах в последней трети XVI в. запустело более половины деревень, многие земли забрасывались «впусто». Появление «пустоты» в 1570-е гг. отмечено писцами и в Белозерском уезде. Как явствует из писцовой книги езовых дворцовых волостей 1585 г., «от голоду и морового поветрия в 78-м» (1569/70) запустело почти 50 % деревень и более 2,5 тыс. десятин ранее обрабатываемых земель [2, с. 47]. Эти же причины «пустоты» называли и дозорные книги других белозерских сел [2, с. 46, 47]. Эпидемия, а затем голод продолжались в Белозерском крае более года (с конца 1569 г. по 1571 г.), а их последствия наблюдались и в начале XVII в. [2, с. 48, табл. 31].

Методы и материал. Источниковую базу статьи составили: акты; приходо-расходные денежные, хлебные, вкладные и другие книги учета сбора пожертвований в монастырях; описи монастырского имущества [3–5; 14; 21; 22–25; 29]. В статье применены традиционные методы использования документальных материалов XVI–XVII в. (анализ, синтез, внешняя и внутренняя критика документов). Информационный анализ источников проведен также с использованием методов источниковедения, палеографии и кодикологии.

Дискуссия (историография). «Смутному времени» начала XVII в. в российской историографии отведено значительное место. В эти годы, без преувеличения, можно сказать, решалась судьба российской государственности. Десятки новых исследований и публикаций источников, многочисленные статьи о Смуте, появившиеся в последнее время, свидетельствуют о том, что изучение политического, социального и экономического положения страны в период «Смутного времени» продолжается [20]. В октябре 2018 г. в Волгограде прошла приуроченная к 400-летию окончания Смутного времени в России Международная научная конференция «Смутные времена в России начала XVII и начала XX столетий: природа и уроки». Ее материалы опубликованы в Вестнике Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отно-

шения. 2019, т. 24, № 2. Аналитический обзор докладов и обсуждаемых проблем в секциях и на круглом столе дан в статье А.Л. Клейтмана [17]. На конференции были определены основные направления дальнейшего изучения переломных этапов в истории России. Настоящая статья находится в русле одного из них: выявление природы общественно-политических конфликтов [17, с. 220]. Для исследования выбран один из регионов Поморья, где сохранность документальных материалов позволяет проследить историю «нестроения» и механизмы его преодоления в России на протяжении почти 50 лет.

Анализ. Политика государства по ликвидации «пустоты» была направлена на стабилизацию экономического положения в регионах. 31 января 1577 г. Кирилло-Белозерский монастырь получил жалованную тарханную грамоту на деревни «под монастырем», несудимую и тарханно-проезжую на всю вотчину [10, прил. 1, с. 289, 290]. Грамота была выдана по челобитью кирилловских старцев, которые писали государю, «что было де у них в Белозерском уезде лихое поветрие, и тем де лихим поветрием в их Кириллове монастыре люди деловые вымерли» [10, прил. 1, с. 289]. Важно отметить, что монастырь и «их попы, и дьяконы, и люди, и крестьяне» освобождались от всех проезжих и торговых пошлин [10, прил. 1, с. 290]. В феврале того же года на Белоозеро городовым приказчиком была прислана указанная грамота с прочетом о невзимании государевых податей с отарханенных кирилловских деревень [10, прил. 2, с. 290].

В 1581/82 г. Кирилло-Новоезерский монастырь получил жалованную грамоту, согласно которой ему было пожаловано несколько новых поселений и «три версты» леса, в 1583 г. пожалование было подтверждено [15, с. 358, № 1133].

Жалованную и несудимую грамоту 16 мая 1586 г. получил и женский Горицкий Воскресенский монастырь. «Старицу царицу» Дарью и игуменью Дарью с сестрами ц. Федор Иванович пожаловал, дал из дворцовых волостей сельцо Никольское «с деревнями и с пустошми», а также несколько пустошей «по реке Шексне». Документ включил полную копию описания этих поселений в писцовой книге кн. Федора Жирово-Засекина 7095 г. (1586/87) [3, № 217, с. 411–413].

В последней трети XVI в. монастыри под-держивали вкладчики («люди разных чинов») [9; 22, с. 168–186, 197–206]. Только ц. Иван IV Васильевич с начала 1570-х вложил в Кириллов более 12 тыс. рублей. 31 марта 1570 г. царевичи Иван и Федор Ивановичи «пожаловали в дом Пречистые Богородицы и чудотворцу Кирилу» более 1,5 тыс. руб. «за царевичево здравие Бога молите» [7, л. 11 об.–13]. На вклады царевичей в Кириллове монастыре над Святыми воротами была возведена церковь Иоанна Лествичника с приделом Федора Стратилата, освящена в 1572 году. Внешний облик храма и интерьер представлен в описи 1601 г. [23, с. 112–116; коммент., с. 246]. В 1585 г. были расписаны стены и своды Святых ворот [23, с. 218–220; коммент., с. 272, 273].

Вероятно, в последней четверти XVI в. и другие белозерские монастыри располагали необходимыми финансовыми средствами для проведения ремонтных работ. Из расходной книги Кирилло-Новоезерского монастыря за 1599 г. явствует, что казначей нанимал работников, покупал «гвоздья тесовово», в церкви Пречистые Богоматери Одигитрии «трапезу крыли», «крест обивали» [28, л. 41 об., 45].

Экономическую стабильность монастырей, прежде всего небольших, где численность монахов не превышала 10 человек, обеспечивала государева хлебная и денежная руга. Она выдавалась и во второй половине XVI в., и в Смуту. Правда, в 1610-е гг. монастырским старцам приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы ее получить [30, с. 146, 147; 29, с. 254, 255].

О денежном недостатке в монастырях свидетельствует расходный денежный «бюджет» того времени. Масштабы затрат можно проследить по материалам Кирилло-Белозерского монастыря. От XVI в. сохранились две расходные книги: казначей ст. Пимена за 14 месяцев (29 ноября 1567 г. – декабрь 1568 г.) и за 11 месяцев казначей ст. Елеуферия (23 июня 1581 – апрель 1582 г.). Сравнение денежных затрат на содержание братии по двум хронологическим срезам показало, что в 1580-е гг. они выросли более чем в 1,5 раза, с 2 055 руб. 28 алт. 1,5 ден. до 3 270 руб. 26 алт. 1,5 ден., причем в 1568-е гг. приход учтен за 14 месяцев [22, С. 0СІ; 0СІІ–0СХХVII (подсчет наш)]. В 1580–1590-е гг.

денежные средства шли также на поддержание монастырских крестьян и стабилизацию в целом положения в регионе. Даже в начале XVII в. в долгах у крестьян значилось более 10 тыс. руб. [23, с. 344].

Процветающим выглядит Кириллов монастырь и в начале XVII века. Материалы ревизии, проведенной по указу ц. Бориса Годунова в июле 1601 г., дают полное представление об убранстве монастырских храмов, состоянии монастырского хозяйства, численности насельников монастыря, а также о степени запустения кирилловских вотчин. Государевы писцы описали все кирилловские постройки, иконы, ризы, книги, акты, денежную казну, житницы с собранным хлебом, скот в монастырских селах, денежные и хлебные кабалы, а также вотчинные села, деревни и пустоши, находившиеся в 11 уездах. Результаты были зафиксированы в описи имущества и переписной книге [23, с. 42–232; 10, с. 95–103].

В 1601 г. кирилловская братия составила 184 человека; слуг, служебников, мастеровых за монастырем значилось 575 человек, из них на территории монастыря проживало 529 человек. В больнице и богадельне находился 101 человек [22, с. 55, 56, примеч. 168]. Денежных и хлебных запасов в Кириллове монастыре хватало для поддержания жизнедеятельности обители. Здесь накануне великого голода государевы писцы в житницах зафиксировали более 25 тыс. четвертей ржи, муки, ячменя, овса, солода, круп и толокна, денег в казне – более 7 тыс. руб. [23, с. 226; 27, с. 411]. Если исходить из расчета, что четверть вмещала 4 пуда ржи, то объем наличного «хлеба» составил около 100 тыс. пудов (учитывая разный вес зерна и муки). Напомним, что описание состоялось в июле месяце, то есть до поступления урожая.

События начала нового столетия стали трагическими для Русского государства. Летом 1601 г. шли «дожди непрестанные, и рожь и ярь замokли и зазимовали на поле» [6, прил. XVII в., с. 325]. В Кириллове монастыре осенью планировали собрать более 15 тыс. четвертей «хлеба». Документов о сборе оброка с крестьян и поступлений с монастырской пашни за 1601–1602 гг. не сохранилось. Однако можно с уверенностью сказать, что «хлеба» в монастыре хватало. В ав-

густе 1602 г. и весной 1603 г. хлеб продавали, причем цена четверти ржи незначительно превышала норму, установленную указом ц. Бориса Годунова от 3 ноября 1601 г. с целью не допустить спекуляцию хлебом: рожь следовало продавать по «указной цене» по полтине за четверть (100 ден.) [8, с. 68]. Кириллов в эти годы рожь продавал по 20 алтын за четверть (120 ден.). Осенью 1602 г. на Белоозере было продано 30 четвертей ржаной муки по цене 1600 г. – 10 алтын (60 ден.) за четверть [11, с. 14]. Всего было продано более 1 300 четвертей хлеба. От «хлебной продажи» в монастырь поступило более 800 руб. [11, с. 14]. Возможно, массовая продажа урожая 1602 г. была вызвана тем, что часть собранного зерна была побита морозом, «хлеб зяблый» был непригоден для длительного хранения и посева.

В голодные годы зерно (рожь, овес, пшеницу и ячмень) из монастырских житниц выдавали крестьянам на посев и на «ежю» (еду) «взаймы». В марте 1602 г. белозерские крестьяне взяли на посев 2 214,5 четверти овса и ячменя. Плата за четверть ржи и овса незначительно превышала полтину (100–120 ден.) [11, с. 15]. Весной 1603 г. кирилловские власти продолжали обеспечивать крестьян посевными семенами: на посев яровых культур крестьяне получили займы более 500 четвертей. Причем зерно выдавалось как кирилловским, так и дворцовым крестьянам. Однако условия возвращения ссуды для своих крестьян были менее обременительными: они должны были вернуть за вычетом семян на свой посев половину собранного хлеба, дворцовые же – половину всего урожая. В марте следующего года на «ежю» крестьянам было роздано (с оформлением кабальных записей) 247 четвертей «зяблого» овса и немного более 40 четвертей разного хлеба на посев. Причем цена «зяблого» овса для крестьян деревень, расположенных «вблизи монастыря», была снижена до 7 алтын за четверть (42 денег) [10, с. 31]. Хлебные запасы, хранившиеся в монастырских житницах в июле 1601 г., а также зерно, собранное вскоре после великого голода, позволили обеспечить потребность насельников и поддержать белозерское и вологодское население посевным зерном в голодные годы. Каков был урожай в сентябре 1601 и 1602 гг. – неизвестно, но осе-

нью 1603 г. смогли собрать более 3 тыс., в 1604 г. – более 5 тыс., а в 1608 г. – почти 7 тыс. четвертей разного хлеба (ржи, овса, пшеницы и ячменя) [11, с. 27–31, табл. 3, 4, 6].

Несомненно, «нестроение» начала века нанесло урон монастырскому хозяйству: в 1603/04 г. «на потребное» казначей ст. Евстафий истратил менее 1 тыс. руб., то есть в три с лишним раза меньше, чем это было в начале 1580-х гг. [22, прил., с. 0CLVII]. Однако уже в 1605/06 г. на содержание насельников монастырь потратил около 3 тысяч. Этот же уровень в целом сохранился и в последующие годы, за исключением 1617/18 г., когда в монастыре было истрачено немногим более 1 тыс. руб. [22, прил., с. 0CLXXXIX, 0CCC, 0CCCVI; 27, с. 58, 82, 106, 113, 131, 170].

Обычная хозяйственная жизнь обители в годы Смуты не нарушалась: монастырские старцы и слуги ездили в Поморские промыслы (Пушлахту, Лямцу, Неноксу), в Вологду, Москву, Ярославль, Кострому, на Белоозеро и в другие города; посещали не только белозерские села, но и вотчины, расположенные в центральных уездах государства. Монастырь покупал самые разнообразные продукты: свежую и соленую рыбу, икру «сиговую» и «мненую», «моль заонежский», мед, конопляное масло, горох, свежую и соленую капусту, лук, гречневую крупу, просо, медвежье и говяжье сало, а также сукна, пояски, барьяны шубы, холсты, «ирхи», мерлушки, сапоги, сермяги, дровни, бумагу, «орешки чернильные», «лошки шадровые», ножницы «мастерские», лен «новгородский», мережи «неводные», железные котлы и многое другое – все, что было необходимо для поддержания жизни монастырских насельников. Как видим, изменений в структуре потребления не произошло и в годы кризиса. Также регулярно выплачивали «жалованье» монастырским слугам, служебникам и мастеровым.

Значительные денежные средства из кирилловской казны были потрачены на «приход государя». Так, в августе 1605 г. кирилловские старцы «на царское венчание и на приход государыни» выдали казначею 203 руб. 26 алт. 4 ден. [22, с. CLXXV]. В декабре 1605 г., как записано в «сундушной» денежной книге, «государь царь и великий князь Дмитрий Иванович всяя Руси велел взятии

из монастырские казны на свой государев царский обиход пять тысяч рублей», деньги были отправлены в Москву и отданы в приказ Большого дворца [27, с. 417].

В «московское разоренье» в 120 г. (1611/13 г.) на Афанасьевском подворье в Москве в пожаре сгорело 205 четвертей пшеничной муки (ее годом ранее выменяли на соль и привезли из Ярославля), «погибло в ней цены... 239 рублей 27 алтын 4 денги» [27, с. 89, 90]. В эти же годы «на Москве» «литовские люди» взяли у строителя ст. Филарета более 130 руб. [27, с. 90].

Монастырские деньги шли также на обеспечение «государевой службы». В 1605 г. «для сиверские службы» по решению монастырского собора было выдано 975 руб. 24 алт. [27, с. 416]. В июле 1610 г. «в полки князю Михаилу Васильевичу Шуйскому с монастырские вотчины с пуста дано 28 рублей 25 алтын 4 денги» [27, с. 53]. Тогда же «в полки купили немецким людем на корм» 30 туш свиных и говяжьих, «15 гусей, 20 тетеревей, 15 куров, 49 ососов, 450 яиц» [27, с. 53]. За все было заплачено более 25 руб., за доставку «запаса» от Вологды до Александровской слободы – 1 руб. 20 алт. 6 ден. Монастырские слуги ездили «к Москве в полки», стояли «под Москвой» и «на земской службе на Череповской засеке». Им выдавали деньги, покупали хлеб, рыбу, мясо, телеги, седла, сани; для содержания лошадей – овес. Часто затраты превышали 100 руб. [27, с. 65, 67, 75, 88, 89]. В июле 1615 г. в Нижнем Новгороде «на монастырский обиход и для ратных людей» было куплено 555,625 четверти ржи, потрачено более 200 руб. (за четверть платили 13 алт. 2 ден. – 80 ден.).

Финансовые средства позволили кирилловским властям укрепить крепостные стены. Основные заботы по проведению ремонтных работ и защите монастыря от «польских людей» легли на плечи игумена Матфея, поставленного в Кириллов 2 июля 1606 г. [22, с. 121]. В начале сентября 1610 г. по его приказу «и по приговору старцов соборных старец Еустафий Григорьев да старец Феодосий Борков наймовали казаков, каменщиков и подымщиков, около монастыря починивали города и вново вверх прибавляли», израсходовали на эту работу 26 руб. 26 алт. 5 ден. [27, с. 35]. Но еще в сентябре по приговору мона-

стырского собора «покровскому старцу Исаею за городовое каменное дело» был дан рубль [27, с. 35]. В октябре 1611 г. монастырские крестьяне для ремонта крепости «резали 40 950 кирпичей» [27, с. 65].

Для обороны монастыря в июле 1611 г. в Архангельске кирилловский старец Макарий Облезлов купил оружия: «4 пищали скорострельные», 8 пищалей «карабельных с прикладами», 6 самопалов «больших свитцких з замки», «32 ствола самопальных», денег за оружие и его провоз было потрачено более 5 руб. [27, с. 53]. По мнению А.Н. Кирпичникова и И.Н. Хлопина, кирилловские старцы пополняли свой арсенал «наиболее совершенным для того времени оружием» [16, с. 86]. В декабре 1613 г. также в Архангельске «на монастырский обиход для осадного времени» было приобретено 54 пуда 5 гривенок пороха, 28 пудов 15 гривенок свинца и 40 «самопалов». На покупку «зелья» и оружия монастырь потратил более 100 руб. [27, с. 91, 98].

В «осадное время» кирилловские власти не только укрепляли оборону монастыря, но пытались спрятать («утаить») иконы, украшенные богатыми окладами. Сведения об этом содержит опись 1615 г., где записано, что у одной из местных икон «образа Пречистые Богородицы и у Превечнаго Младенца было 15 гривен серебряны вытые... в осадное время, хоронячи кузнь образную для литовских людей, изломались» [24, л. 221].

В самый разгар Смуты монастырские власти предприняли работы по реставрации и обновлению окладов чудотворных икон – Пречистой Богородицы и преп. Кирилла, по преданию написанной Дионисием Глушицким. С сентября 1611 г. по февраль 1612 г. денежные средства, золотые, серебряные вещи, драгоценные камни, жемчуг собирали всем миром: вклады делали старцы Кириллова и старицы Воскресенского Горицкого монастырей, монастырские слуги, представители княжеских фамилий, священники и другие «христоролюбцы» [21, с. ХСХ–СVIII]. В мае 1615 г. по окончании работ была составлена опись храмового имущества, где зафиксировано, что сделано при игумене Матфее «вново, и что перенесено из места в место после писцовых книг», то есть после составления описи 1601 г. [24, л. 1].

Нет сомнений в том, что монастыри даже в годы кризисов оставались оплотами социальной и экономической стабильности. Однако многие из них пострадали от разорительных «приходов» «польских и литовских людей» и отрядов «воровских казаков». Первый удар по Белозерью был нанесен отрядами тушинцев в 1608–1609 годах. В 1609 г. ими была разгромлена Устюжна. С началом польско-литовской интервенции началась волна нового разорения. В 1610 г. был ограблен Череповецкий Воскресенский монастырь [26, с. 90–94]. После падения 1 июля 1611 г. Смоленска многочисленные польско-литовские отряды из армии короля Сигизмунда III разошлись по стране, грабя и разрушая все на своем пути. Один из таких отрядов 10 июля 1612 г., захватив Белозерск, направился к Кирилло-Белозерскому монастырю и 20 августа подошел к нему по Уломской дороге. Однако отряд не решился на штурм крепости, но разграбил и сжег все, что было за монастырскими стенами: конюшни, гостинный двор, мельницы, амбары, кожевни и другие службы [21, с. 51, 51; прил. 6, с. LXXXVIII].

Пройдя по селам и деревням Белозерского края, «литовские люди» и «русские воры» двинулись к Вологде и разорили город 22 сентября 1612 года. На вологодском подворье Кириллова монастыря сгорели значительные запасы соли. Грабежи и разорение в крае продолжались еще несколько лет. В начале декабря 1612 г., как пишет Н.К. Никольский, «шайки литовцев опять появились вблизи Кириллова и ночью 5 декабря под предводительством пана Бобовского приступили к нему приступом, хотя и безуспешно» [21, с. 52]. 9 декабря значительные силы 600 и более человек под начальством полковника Кристопа Песоцкого подошли к Кириллову и пытались в ночь на 11 декабря при помощи лестниц штурмовать крепость. Все атаки были отбиты, несмотря на численное превосходство «литовского войска». В монастыре «для осадного времени» находилось 200 стрельцов [21, с. 52]. После осады кирилловские власти писали на Белоозеро, как люди пана Песоцкого «ходили к монастырю приступом», многие из них погибли, а остальные «пошли прочь от монастыря»; под стенами монастыря был убит Пан Песоцкий, тело его вывезли и со-

жгли «в Горьском монастыре во дворе в чем его убили». В отписках монастырские старцы сообщали о передвижении «польских и литовских людей и русских воров» и просили у белозерцев «прислати на помощь ратных людей» [12, № 168, с. 299, 300; № 170–172, с. 302–306; № 174, с. 307]. Важно отметить, что в Кириллове монастыре хорошо были осведомлены о местонахождении неприятельских отрядов, «для вестей» из монастыря посылали слуг в белозерские и поморские села, в Вологду, Москву и Ярославль. Усилиями кирилловских властей от разграбления удалось спасти один из богатейших монастырей, сохранить братию, храмы и иконы, библиотеку и архив.

Во всех других белозерских монастырях побывали «литва» и казаки. В начале декабря 1612 г. был разорен женский Воскресенский Горицкий монастырь, «а церковь Божия поругана и обращена безбожными людьми в скотное стоялище». Судьба горицких насельниц неизвестна [19, с. 302].

14 декабря 1612 г. кирилловский служка Григорий Морозов, приехав из Ферапонтова, в «роспросе» сказал, что казаки сняли «чорный бархат» с «чюдотворной раки» преп. Матиниана, «в церквах де ходили, и Божие престолы обругали по церквам, и ворота де и по кельям двери все прижжены, и в кельях и в сенех лошади стояли...» [13, № 27, с. 51]. Но уже в 1613 г. ферапонтовские старцы провели ремонтные работы (меняли тябла) в храме Рождества Богородицы [32, с. 134].

Побывали «воровские люди» и в Кирилло-Новоезерском монастыре. Как явствует из описи 1614 г., в часовне преп. Кирилла был «образ Спасов обложен медью», золоченый оклад «ободрали литовские люди»; на территории монастыря «двор обвалился весь и ворот нет, поставлена изба, внутри не утеплено», а «келей на монастыре пять, кровли на них огнили и от озера подмыло, в оных и жити нельзя» [25, л. 29]. Колокольня, упоминаемая в описи 1581 г., в 1614 г. исчезла, а колокола находились «у церкви Воскресения Христова в паперти двое» [25, л. 27]. Храмовое имущество также находилось в упадке: в Воскресенской церкви «были четыре свечи местные, те свечи переломаны, воск перегрет в кругах», «на престоле же Евангелъе... обложено кам-

кою черною, камка ветха», «сосуды церковные... покровцы на них зенденные полиняли... книга Соборник да Мытарь... ветха, измочена» [25, л. 20–21 об., 29].

До удаленной от больших дорог, затерянной в белозерских болотах Ниловой Сорской пустыни «литовские люди» добрались только в 1615 году. Как писал строитель ст. Иона, он покинул пустынь 21 декабря 1615 г. «от казачья разорения на время в Кириллов» [29, с. 258]. Ранее в пустыни повседневная жизнь шла по-прежнему: проводили ремонтные работы в храме, в кельях и на мельнице; покупали для братии продукты питания, предметы церковного и бытового обихода. Даже в самый разгар Смуты, летом 1612 г., строитель ст. Маркел ездил в Ярославль с подарками кн. Д.М. Пожарскому [29, с. 256, 257]. Однако, несмотря на разорение, Нилов скит не был сожжен, его старцы уже в начале 1620-х гг. получили жалование по грамоте, выданной ц. Михаилом Федоровичем в декабре 1621 г. [29, с. 258].

«Литовские люди» грабили и убивали старцев, монастырских слуг и крестьян. Особенно страдало население, проживавшее вблизи монастырей. Так, после ограбления Ферапонтова монастыря «христьян де многих и жонок и девок мучили и огнем жгли...» [13, № 27, с. 51]. Трагическим выглядит перечень имен крестьян, которые «побиты от литовских людей з женами и детми». Всего список содержит 263 мужских и женских имен, почти третью часть составляют женские имена. Среди них мы находим шесть имен инокинь, возможно, стариц Воскресенского Горницкого монастыря [31, л. 785–787]. Государевы писцы в 1613 г., «дозирая» кирилловскую вотчину, нашли пустыми почти половину деревень (44,9 %) [10, с. 249]. После дозора «польские люди» продолжали разорять белозерские села и деревни, в кирилловских вотчинах живущих поселений от начала века к концу 1610-х гг. сократилось почти вдвое, причем пустошей было больше, чем деревень (59,2 %), а в некоторых волостях «пустота» достигла 81,8 % [2, с. 48–50]. Масштабы хозяйственного разорения подробно зафиксировала опись Кириллова монастыря 1621 г.: в целом убытки обители составили более 14 тыс. руб. [21, с. LXXXV–XC].

Закключение. Изучение документальных материалов монастырей Белозерского края показало, что кризис последней четверти XVI в. и великий голод начала XVII в. не привели к деградации и нарушению традиционного жизненного уклада в регионе. Ситуация резко изменилась в Смуту. Убытки, понесенные монастырями в эти годы (1612–1618), трудно переоценить: разграбленное имущество, уничтожение книжных и архивных собраний, гибель монахов, монастырских слуг и крестьян. Только кирилловская братия во главе с игуменом Матфеем смогла организовать оборону и защитить монастырь от разорения польско-литовскими отрядами и «воровскими казаками».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00134 «Антропологический фактор в России X–XVII вв.».

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-09-00134 “Anthropological factor in Russia X-XVII centuries”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины / рук. авт. кол. и отв. ред. А. Л. Шапиро. – Л. : Наука, 1974. – 322 с.
2. Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / рук. авт. кол. и отв. ред. А. Л. Шапиро. – Л. : Наука, 1989. – 231 с.
3. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1 : 1333–1598. – СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. – [4], VIII, 551 с.
4. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2 : 1598–1613. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Е. И. В. канцелярии, 1841. – [4], IV, 438 с.
5. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3 : 1613–1645. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Е. И. В. канцелярии, 1841. – 502 с.
6. Борисенков, Е. П. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. – М. : Мысль, 1988. – 522 с.
7. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря (1550/60–1620-е гг.) // Архив Санкт-Петербур-

бургского института истории Российской академии наук (далее – Архив СПбИИ РАН). – Кол. 115. – Д. 1074. – 531 л.

8. Восстание И. Болотникова : док. и материалы / сост. А. И. Копанев, А. Г. Маньков ; вступ. ст. И. И. Смирнова. – М. : Соцэкгиз, 1959. – 455 с.

9. Дмитриева, З. В. Вклады горницких стариц в Кирилло-Белозерский монастырь (вторая половина XVI – начало XVII века) / З. В. Дмитриева, Т. В. Сазонова // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 3 (27). – С. 8–20. – DOI: <https://doi.org/10.2441/2311-603X-2020-00049>.

10. Дмитриева, З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. / З. В. Дмитриева. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 343 с.

11. Дмитриева, З. В. Хлебный «бюджет» Кирилло-Белозерского монастыря в начале XVII в. / З. В. Дмитриева // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII веков : тр. СПбИИ РАН. Вып. 1 (17). – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 9–157.

12. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1 : X в. – 1611. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1846. – 435 с.

13. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2 : 1613–1645. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1846. – 295 с.

14. Из рукописного наследия: Никольский, Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Т. 2. Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение / Н. К. Никольский ; подгот. изд. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, Т. И. Шаблова. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 436 с.

15. Каштанов, С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. / С. М. Каштанов // Археографический ежегодник за 1957 г. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 302–376.

16. Кирпичников, А. Н. Великая государева крепость / А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин. – Л. : Художник РСФСР, 1972. – 254 с.

17. Клейтман, А. Л. Международная научная конференция «Смутные времена в России начала XVII и начала XX столетий: природа и уроки (12–13 октября 2018 г., г. Волгоград) / А. Л. Клейтман // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 2. – С. 215–221. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.18>.

18. Колычева, Е. И. Аграрный строй России XVI века / Е. И. Колычева. – М. : Наука, 1987. – 228 с.

19. Летопись Горицкого монастыря / публ., вступ. ст. и коммент. Г. О. Ивановой // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. – Вологда :

Изд-во Вологод. гос. пед. ин-та, 1994. – Т. 1. – С. 288–355.

20. Лысков, П. И. Библиография новейшей литературы и научные конференции (2004–2018 гг.) по проблемам Смутного времени в России (1604–1618 гг.) / П. И. Лысков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 2. – С. 222–228.

21. Никольский, Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 1. Вып. 1. Об основании и строениях монастыря / Н. К. Никольский. – СПб. : Синодальная тип., 1897. – 432 с.

22. Никольский, Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 1. Вып. 2. О средствах содержания монастыря / Н. К. Никольский. – СПб. : Синодальная тип., 1910. – 696 с.

23. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года / сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов. – Коммент. изд. – СПб. : Петербургское востоковедение, 1998. – 380 с.

24. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1615 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 588 (Собр. М.П. Погодина). – Д. 1908. – 252 л.

25. Опись строений и имущества Кирилло-Новоезерского монастыря 1614 г. // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 115. – Д. 663. – Л. 17–32.

26. Осьминский, Т. И. Очерки по истории края: Вологодская область / Т. И. Осьминский, Н. В. Озернин, И. И. Брусенский. – Вологда : Вологод. кн. изд-во, 1960. – 455 с.

27. Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1601–1637 гг. / сост. З. В. Дмитриева. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2010. – 760 с.

28. Расходная денежная книга Кирилло-Новоезерского монастыря 1599 г. // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 115. – Д. 662. – Л. 38–45 об.

29. Романенко, Е. Н. Древнейшие документы из архива Ниловой Сорской пустыни: приходо-расходная книга 1611–1612 г. / Е. Н. Романенко // Вестник церковной истории. – 2018. – № 3/4 (51/52). – С. 254–275.

30. Сазонова, Т. В. Кирилло-Новоезерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. / Т. В. Сазонова – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2011. – 416 с.

31. Синодик Кирилло-Белозерского монастыря 1670-е гг. // Архив Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного заповедника. – РК. 137. – Т. 2. – 730 л.

32. Шаромазов, М. Н. Ферапонтов монастырь. Страницы истории / М. Н. Шаромазов. – 2-е изд.,

испр. и доп. – Кириллов : Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2018. – 214 с.

REFERENCES

1. Shapiro A.L., ed. *Agrarnaja istorija Severo-Zapada Rossii XVI veka. Novgorodskie pjatiny* [Agrarian History of the North-West of Russia of the 16th Century. Pyatiny of Novgorod]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 322 p.
2. Shapiro A.L., ed. *Agrarnaja istorija Severo-Zapada Rossii XVII veka (naselenie, zemlevladienie, zemlepol'zovanie)* [Agrarian History of the North-West of Russia of the 17th Century: (Population, Land Tenure, Land Use)]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 231 p.
3. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiej. T. 1: 1333–1598* [Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 1: 1333–1598]. Saint Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1841, [4], VIII. 551 p.
4. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiej. T. 2: 1598–1613* [Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 2: 1598–1613]. Saint Petersburg, Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii, 1841, [4], IV. 438 p.
5. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiej. T. 3: 1613–1645* [Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 3: 1613–1645]. Saint Petersburg, Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii, 1841. 502 p.
6. Borisenkov E.P., Paseckij V.M. *Tysjacheletnjaja letopis' neobyčajnyh javlenij prirody* [The Millennial Chronicle of Extraordinary Natural Phenomena]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 522 p.
7. *Vkladnaja kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrja (1550/60–1620-e gg.)* [Giftbook of the Kirillo-Belozersky Monastery (1550/60–1620)]. *Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 115, d. 1074, 531 l.
8. Kopanev A.I., Man'kov A.G., eds. *Vosstanie I. Bolotnikova. dok. i materialy* [I. Bolotnikov's Revolt. Documents and Materials]. Moscow, Socjkgiz Publ., 1959. 455 p.
9. Dmitrieva Z.V., Sazonova T.V. *Vklady gorickih staric v Kirillo-Belozerskij monastyr' (vtoraja polovina XVI – nachalo XVII veka)* [Gifts Endowed by Goritsky Nuns to Kirillo-Belozersky Monastery (Between the Middle of the 16th – Early 17th Centuries)]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2020, no. 3 (27), pp. 8–20. DOI: 10.2441/2311-603H-2020-00049.
10. Dmitrieva Z.V. *Vytnye i opisnye knigi Kirillo-Belozerskogo monastyrja XVI–XVII vv.* [Vytnye and Descriptive Books of the Kirillo-Belozersky Monastery of the 16th – 17th Centuries]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2003. 343 p.
11. Dmitrieva Z.V. *Hlebnij «bjudzhet» Kirillo-Belozerskogo monastyrja v nachale XVII v.* [The Bread “Budget” of the Kirillo-Belozersky Monastery at the Beginning of the 17th Century]. *Monastyrj i arhierjeskie dvory v dokumentah XVI–XVIII vekov: tr. SPbII RAN* [“Monasteries and Bishops’ Courts in Documents of the 16th – 18th Centuries”. Works of SPbII RAS]. Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2015, iss. 1 (17), pp. 9–157.
12. *Dopolnenija k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiej. T. 1: X v. – 1611* [Additions to the Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 1, iss. X – 1611]. Saint Petersburg, Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii, 1846. 435 p.
13. *Dopolnenija k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiej. T. 2: 1613–1645* [Additions to the Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. Vol. 2: 1613–1645]. Saint Petersburg, Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. kantselyarii, 1846. 295 p.
14. Dmitrieva Z.V., Krushel'nickaja E.V., Shablova T.I., eds. *Iz rukopisnogo nasledija: Nikol'skij, N.K. Kirillo-Belozerskij monastyr' i ego ustrojstvo do vtoroj chetverti XVII v. (1397–1625). T. 2. Upravlenie. Obshhinnaja i kelejnjaja zhizn'. Bogoslužhenie* [Kirillo-Belozersky Monastery and Its structure Before the Second Quarter of the 17th Century (1397–1625). Vol. 2. Management. Community and Private Life. Worship]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2006. 436 p.
15. Kashtanov S.M. *Hronologicheskij perechen' immunitetnyh gramot XVI v.* [Chronological List of Immunity Certificates of the 16th Century]. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1957 g.* [Archaeographic Yearbook, 1957]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958, pp. 302–376.
16. Kirpichnikov A.N., Hlopin I.N. *Velikaja gosudareva krepost'* [Sovereign's Great Fortress]. Leningrad, Hudozhnik RSFSR Publ., 1972. 254 p.
17. Klejtman A.L. *Mezhdunarodnaya nauchnaja konferentsiya «Smutnye vremena v Rossii nachala XVII i nachala XX stoletij: priroda i uroki» (12–13 oktyabrya 2018 g., g. Volgograd)* [“Troubled Times in Russia in the Early 17th and Early 20th Centuries: Nature and Lessons” International Scientific Conference (October 12–13, 2018, Volgograd)]. *Vestnik*

Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 215–221. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.18>.

18. Kolycheva E.I. *Agrarnyj stroj Rossii XVI veka* [The Agrarian System of Russia in the 16th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 228 p.

19. Ivanova G.O., ed. *Letopis' Gorickogo monastyrja* [Chronicle of the Goritsky Monastery]. *Kirillov. Istoriko-kraevedcheskij al'manah* [Kirillov. Historical and Local Lore Almanac]. Vologda, Izd-vo Vologodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 1994, vol. 1, pp. 288–355.

20. Lysikov P.I. Bibliografiya noveyshey literatury i nauchnye konferentsii (2004–2018 gg.) po problemam Smutnogo vremeni v Rossii (1604–1618 gg.) [Bibliography of the Latest Literature and Scientific Conferences (2004–2018) on the Issues of the Time of Troubles in Russia (1604–1618)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 222–228.

21. Nikol'skij N.K. *Kirillo-Belozerskij monastyr' i ego ustrojstvo do vtoroj chetverti XVII v. T. 1. Vyp. 1. Ob osnovanii i stroenijah monastyrja* [Kirillo-Belozersky Monastery and Its Structure Before the Second Quarter of the 17th Century. Vol. 1. Iss. 1. On the Foundation and Building of the Monastery]. Saint Petersburg, Sinodal'naja tipografiya, 1897. 432 p.

22. Nikol'skij N.K. *Kirillo-Belozerskij monastyr' i ego ustrojstvo do vtoroj chetverti XVII v. T. 1. Vyp. 2. O sredstvakh soderzhanija monastyrja* [Kirillo-Belozersky Monastery and Its Structure Before the Second Quarter of the 17th Century. Vol. 1. Iss. 2. On the Means of Maintaining the Monastery]. Saint Petersburg, Sinodal'naja tipografiya, 1910. 696 p.

23. Dmitrieva Z.V., Sharomazov M.N., eds. *Opis' stroenij i imushhestva Kirillo-Belozerskogo monastyrja 1601 goda* [Inventory of Buildings and Property of the Kirillo-Belozersky Monastery in 1601]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1998. 380 p.

24. Opis' stroenij i imushhestva Kirillo-Belozerskogo monastyrja 1615 g. [Inventory of Buildings and Property of the Kirillo-Belozersky Monastery in 1615]. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki* [Department of Manuscripts

of the Russian National Library], f. 588 (coll. M.P. Pogodina), d. 1908, 252 l.

25. Opis' stroenij i imushhestva Kirillo-Novoezerskogo monastyrja 1614 g. [Inventory of Buildings and Property of the Kirillo-Novoyezersky Monastery in 1614]. *Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 115, d. 663, l. 17–32.

26. Os'minskij T.I., Ozernin N.V., Brusenskij I.I. *Ocherki po istorii kraja: Vologodskaja oblast'* [Essays on the History of the Region. Vologda Region]. Vologda, Vologodskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 455 p.

27. Dmitrieva Z.V., ed. *Prihodnye i raskhodnye denezhnye knigi Kirillo-Belozerskogo monastyrja 1601–1637 gg.* [The Income and Expenditure Money Books of the Kirillo-Belozersky Monastery of 1601–1637]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arheo Publ., 2010. 760 p.

28. Rashodnaja denezhnaja kniga Kirillo-Novoezerskogo monastyrja 1599 g. [Expenditure Money Book of the Kirillo-Novoyezersky Monastery, 1599]. *Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 115, d. 662, l. 38–45 ob.

29. Romanenko E.N. Drevnejšie dokumenty iz arhiva Nilovoj Sorskoj pustyni: prihodo-rashodnaja kniga 1611–1612 g. [The Oldest Documents from the Archives of the Nilova Sorsk Poustynia (Hermitage): The Income and Expense Book of 1611–1612]. *Vestnik cerkovnoj istorii*, 2018, no. 3/4 (51/52), pp. 254–275.

30. Sazonova T.V. *Kirillo-Novoezerskij monastyr'.* *Opyt izuchenija malyh i srednih monastyrej Rossii XVI–XVII vv.* [Kirillo-Novoyezersky Monastery. The Experience of Studying Small and Medium-Sized Monasteries in Russia in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arheo Publ., 2011. 416 p.

31. Sinodik Kirillo-Belozerskogo monastyrja 1670-e gg. [Commemoration Book of the Kirillo-Belozersky Monastery, 1670s]. *Arhiv Kirillo-Belozerskogo istoriko-arhitekturnogo i hudozhestvennogo zapovednika* [Archive of the Kirillo-Belozersky Historical Architectural Art Museum Reserve]. RK. 137, vol. 2, 730 l.

32. Sharomazov M.N. *Ferapontov monastyr'.* *Stranicy istorii* [Ferapontov Monastery. Pages of History]. Kirillov, Kirillo-Belozersky Historical Architectural Art Museum Reserve, 2018. 214 p.

Information About the Authors

Zoia V. Dmitrieva, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, zvdmitr@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8989-6461>

Marina N. Rumynskaia, Editor, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, marina.rumin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9455-4247>

Tatiana V. Sazonova, Candidate of Sciences (History), Researcher, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, tv saz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0521-8717>

Информация об авторах

Зоя Васильевна Дмитриева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, zvdmitr@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8989-6461>

Марина Николаевна Румынская, редактор, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, marina.rumin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9455-4247>

Татьяна Викторовна Сазонова, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, tv saz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0521-8717>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.7>

UDC 94(470)«1608/1609»:355.211.3

LBC 63.3(2)44-3

Submitted: 30.08.2021

Accepted: 22.10.2021

**CENTRAL AND LOCAL ADMINISTRATION IN WARTIME:
THE PARTICIPATION OF THE GREAT PERM IN THE FORMATION
OF THE PEOPLE'S ARMY AGAINST THE TUSHINS IN LATE 1608 – EARLY 1609**

Natalia V. Rybalko

Vologograd State University, Vologograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The process of forming zemstvo militias in defense of Tsar V.I. Shuisky and the whole country in the Moscow state began in late 1608 – early 1609 at the height of the confrontation between the Moscow and Tushino political regimes. The article examines the role of the government of V.I. Shuisky in governing the state, in particular, Perm the Great, and the participation of this remote region in military affairs. Researchers have merely addressed this aspect and come to opposite judgments. *Methods and materials.* We have a large complex of zemstvo correspondence at our disposal, preserved in the archives of the Solikamsk district court. Many documents were published as early as the 19th century but their detailed analysis was not carried out. Clarification of the dating and reconstruction of information both about the documents that have come down to us and the documents only mentioned, the introduction of unpublished acts into circulation allows us to restore the true picture of events. A fund-by-fund study was carried out by the method of mutual correspondence of documents. *Analysis.* In the course of the research, it was revealed that the first of the initiative documents that reached the Great Perm about the support of Tsar V.I. Shuisky in military affairs were formal replies from Galich and Vologda. Perm clerks F.P. Akinfov and N. Romanov received them on December 15, 1608, and they were read by the whole world. Active gatherings of military men in Perm the Great began only after January 1, 1609, when a list with a sovereign letter was brought to the Galicians. At that time the territory of Perm the Great consisted of 3 counties: Cherdyn, Solikamsk, Kaigorod. By January 10, 1609, the first gathering ended and 20 military men of Soli Kamskaya left on the way to Moscow. In Kaigorodok they were robbed, carts and weapons were taken away, the headman and worldly people did not give new carts in the ship's hut, as a result they could not continue their journey, and there was a delay. In February, together with 20 Kaigorod military men, they moved on. On March 1, 1609, 50 Cherdynians left Perm the Great. The war men of Perm the Great came to Vologda at the end of March 1609 and were assigned to further service in the militia. *Results.* The article shows that the complete blockade of Moscow in the fall of 1608 did not materialize. However, regular communication between Moscow and the cities of Pomorie was disrupted. For the period from January 1 to mid-April 1609 in Perm the Great on behalf of Tsar V.I. Shuisky received 5 decree letters from the Novgorod discharge order on the issue of collecting military men and sending them to Moscow to fight the Tushin people, and 3 executive orders from the Novgorod quarter order on the sovereign's treasury and sending bread to Siberian cities for salaries to service people. These documents were direct orders of the supreme power and were perceived by the order people in Perm the Great as a guide to action. In addition to them, the zemstvo correspondence with the nearest cities made it possible to find out news about the military events taking place in the country. The clerk Fedor Petrovich Akinfov and the clerk Naum Romanov tried to carry out the orders of the tsar, but they did not always manage to do this as quickly as was expected of them. There is no reason to consider the resulting delay in the dispatch of the Perm military men as unwillingness of the orderly people appointed from Moscow for 2–3 years to participate in the support of Tsar V. Shuisky and the Zemstvo movement. The delay is more likely due to the lack of clear administrative management at the local level: if in Soli Kamskoy they quickly responded to the request and sent 20 military men, then in Kaigorodok they began to put up obstacles not only in the form of robbery, but also at the level of mundane self-government, not obeying the regional leadership.

Key words: history of Russia, Time of Troubles, 17th century, 1608, 1609, zemstvo militia, charters, the Great Perm.

Citation. Rybalko N.V. Central and Local Administration in Wartime: The Participation of the Great Perm in the Formation of the People's Army Against the Tushins in Late 1608 – Early 1609. *Vestnik Vologogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Vologograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 84-96. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.7>

**ЦЕНТРАЛЬНОЕ И МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: УЧАСТИЕ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ
В ФОРМИРОВАНИИ ОПОЛЧЕНИЯ ПРОТИВ ТУШИНЦЕВ
В КОНЦЕ 1608 – НАЧАЛЕ 1609 ГОДА**

Наталья Владимировна Рыбалко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В конце 1608 – начале 1609 г. в Московском государстве в разгар противостояния Московского и Тушинского политических режимов начался процесс формирования земских ополчений в защиту государя В.И. Шуйского и всей страны. В статье исследуется роль правительства В.И. Шуйского в управлении государством, в частности, в Перми Великой, и участие этого отдаленного региона в ратном деле. Исследователи данный аспект только затрагивали и пришли к противоположным суждениям. *Методы и материалы.* В нашем распоряжении имеется большой комплекс земской переписки, отложившийся в архиве Соликамского уездного суда. Многие документы были опубликованы еще в XIX веке. Но детального их анализа не проводилось. Уточнение датировки и реконструкция информации как о дошедших до нас, так и о только упоминаемых документах, введение в оборот неопубликованных актов позволяет восстановить истинную картину событий. Проведено пофоновое изучение методом взаимного соответствия документов. *Анализ.* В то время территория Перми Великой состояла из трех уездов: Чердынского, Соликамского, Кайгородского. Первыми из дошедших в Пермь Великую инициативными документами о поддержке царя В.И. Шуйского в военном деле были отписки из Галича и Вологды. Пермские приказные люди Ф.П. Акинфов и Н. Романов получили их 15 декабря 1608 г., читали всем миром. Но активные сборы ратных людей в Перми Великой начались только после 1 января 1609 г., когда был привезен список с государственной грамоты галичанам. К 10 января 1609 г. первые сборы закончились и 20 ратных людей Соли Камской вышли по дороге к Москве. В Кайгородке их ограбили, забрали подводы и оружие, в судной избе староста и мирские люди новых подвод не дали, в результате чего продолжить свой путь они не могли, и возникло промедление. В феврале вместе с 20 кайгородскими ратными людьми они двинулись дальше, 1 марта 1609 г. из Перми Великой вышли 50 чердынцев. Ратные люди Перми Великой в количестве 96 человек пришли к Вологде в конце марта 1609 г. и были определены на дальнейшую службу в ополчение. *Результаты.* В статье показано, что полной блокады Москвы осенью 1608 г. не осуществилось. Однако регулярная связь Москвы с городами Поморья была нарушена. За период с 1 января и до середины апреля 1609 г. в Перми Великой от имени царя В.И. Шуйского были получены 5 указных грамот из Новгородского разрядного приказа по вопросу сбора ратных людей и отправки к Москве для борьбы с тушинцами, и 3 указные грамоты из Новгородского четвертного приказа о государственной казне и отправке хлеба в сибирские города на жалованье служилым людям. Эти документы являлись прямыми распоряжениями верховной власти и воспринимались приказными людьми в Перми Великой как руководство к действию. В дополнение к ним земская переписка с ближайшими городами позволяла узнать новости о происходивших в стране военных событиях. Приказный человек Федор Петрович Акинфов и подъячий Наум Романов старались исполнять распоряжения царя, но им это не всегда удавалось сделать так быстро, как от них ожидалось. Нет оснований считать возникшее промедление с отправкой пермских ратных людей нежеланием приказных людей, назначавшихся из Москвы на 2–3 года, участвовать в поддержке царя В. Шуйского и земского движения. Промедление скорее связано с отсутствием четкого административного управления на местном уровне: если в Соли Камской быстро отреагировали на запрос и выставили ратных людей, то в Кайгородке стали чинить препятствия не только в виде разбоя, но и на уровне мирского самоуправления, не подчиняясь региональному руководству.

Ключевые слова: история России, Смутное время, XVII в., 1608 г., 1609 г., земское ополчение, грамоты, Пермь Великая.

Цитирование. Рыбалко Н. В. Центральное и местное управление в условиях военного времени: участие Перми Великой в формировании ополчения против тушинцев в конце 1608 – начале 1609 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 84–96. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.7>

Введение. Система центрального управления Российского государства, пережившая первое серьезное испытание в царствование самозванца Лжедмитрия I, вновь проверялась на прочность в период противостояния Тушинского и Московского политических режимов в 1608–1610 годах. С началом активных военных действий со стороны приверженцев самозванца Лжедмитрия II осенью 1608 г. напряжение в обществе нарастало. Поражение правительственных войск у с. Рахманцева, Ростова, их блокирование тушинцами в Москве, Смоленске, Великом Новгороде, Нижнем Новгороде, Казани, Переяславле Рязанском, Коломне, Троице-Сергиевом и Иосифо-Волоколамском монастырях к концу ноября 1608 г., как показало исследование И.О. Тюменцева [21, с. 219–268], способствовало развитию ситуации не в пользу Василия Шуйского. Многие города переходили на сторону самозванца или с верой в его обещания, или вынужденно, спасая свою жизнь и имущество.

Особая ситуация сложилась в городах Вятской земли, Перми Великой, часто относимых к городам Поморья. Отдаленное от эпицентра военных действий расположение не позволяло приказным людям и воеводам, управлявшим этими территориями, оперативно реагировать на происходившие события и, как следствие, активно участвовать во многих из них. Но именно эти города способствовали формированию земского ополчения, которое, собравшись весной 1609 г., оказало значительную поддержку правительственным войскам в борьбе с тушинцами. Как же осуществлялось управление страной в начальный период складывания земского ополчения? Можно ли говорить о полной парализации власти правительства В.И. Шуйского в декабре 1608 – марте 1609 года? Что стало решающим фактором для начала активных действий по сбору ратных людей против тушинцев в одной из отдаленных территорий Московского государства – Перми Великой?

Историография. В литературе неоднократно рассматривался вопрос организации и характера земского движения, в основе которого лежит переписка между городами. В связи с этим исследователи высказывали свои суждения относительно роли в организации земского движения правительства

В.И. Шуйского. С.Ф. Платонов отметил: «Трудно с точностью измерить то значение, какое имело для устройства дела на севере... воздействие правительства и московских людей», но был уверен в том, что «северные города один за другим восстают против тушинцев не по симпатии к Шуйским и не по уверенности, что тушинский Дмитрий самозванец и вор – восстают они за порядок против нарушителей его» [10, с. 289]. По предположению историка, это движение началось с Устюга, который вступил в переписку с Вологдой. И зимой 1608–1609 гг. «не одна земская самостоятельность вносила правильную организацию во взаимные отношения северных городов... Правительство Шуйского с своей стороны не уставало возбуждать Поморье и даже пыталось руководить военными действиями не только на Вологде, но и вообще на Севере» [11, с. 300]. П.Г. Любомиров пришел к заключению, что борьбу против тушинцев организовал и развил специально созданный в Нижнем Новгороде городской совет «совершенно самостоятельно, без каких-либо указаний из Москвы» [5, с. 51]. По мнению И.С. Шепелева, народно-освободительное движение, под которым он подразумевал «сопротивление народных масс» (крестьян и посадского населения) началось не по сигналу властей правительства Шуйского, а стихийно, снизу, на огромной территории, в нескольких местах, малыми группами. Одним из первых было освобождение Луха вне зависимости от действий в Нижнем Новгороде [24, с. 299, 300]. И.О. Тюменцев, обстоятельно изучив движение Лжедмитрия II, оспорил выводы И.С. Шепелева, в частности, о параличе власти В.И. Шуйского и его окружения после Рахманцевского сражения и отсутствии у правительства реального представления о ситуации в стране. И.О. Тюменцев согласился с выводами Н.И. Костомарова, Л.Б. Генкина и Ю.С. Васильева о том, что движение против тушинцев началось в Галиче. Проведя комплексный анализ грамот царя В.И. Шуйского за период с апреля по июнь 1609 г., перехваченных тушинцами и отложившихся в архиве Я. Сапеги, исследователь пришел к заключению, что московские власти «достаточно чутко реагировали на изменение ситуации в стране и пытались руководить отрядами своих сторонников» [20, с. 162; 21, с. 389]. По мнению

В.Н. Козлякова, «в городах и уездах сами стали решать свою судьбу», а царь В.И. Шуйский «мог только наблюдать за этой самостоятельностью внутри государства» [4, с. 181].

Методы и материалы. В составе коллекции № 122 «Соликамские акты» Архива Санкт-Петербургского института истории РАН отложились документы не только местного уровня по истории Перми Великой, но и указные грамоты царя, земская переписка между городами периода начала формирования ополчения. В разгар военных действий осени 1608 – весны 1609 г. регулярное прямое сообщение с Москвой было нарушено, грамоты не всегда доставлялись своевременно в пункты назначения, потому быстро получила распространение практика изготовления списков с грамот и их отправка по цепочке в соответствии с существовавшим ямским сообщением. Ситуация осложняется тем, что, в отличие от указных грамот царя Василия Шуйского, составленных в московских приказах и точно датированных, многие документы земской переписки не имеют указания на время их написания. Материалы Соликамского архива при их сплошном просмотре дают возможность выявить информацию о несохранившихся документах по их упоминаниям методом взаимного соответствия документов, датировка грамот позволяет уточнить время происшедших событий и взаимосвязь между ними. Выяснение места составления грамот по фамилиям дьяков и по аналогии дает возможность реконструировать приказное делопроизводство и систему управления, механизм реализации правительственной политики в отдельных регионах.

Несмотря на то что большая часть документов Соликамского архива была опубликована еще в XIX в., анализ управленческой политики В.И. Шуйского в конце 1608 – начале 1609 г. исследователями специально не проводился. Неопубликованные документы, которые были оценены в XIX в. как имеющие второстепенное значение, помогают глубже разобраться с тем, что реально происходило в Перми Великой, и внести корректировку в сложившиеся общепринятые в историографии суждения.

Анализ. Территория Перми Великой в начале XVII в. состояла из трех уездов: Чердынского, Соликамского, Кайгородского. До

1610 г. института воеводства в Перми Великой не было, управление осуществлял приказный человек и подьячий [16]. Приказная изба располагалась в Чердыни.

В Соликамских бумагах периода правления В.И. Шуйского наиболее ранними из отложившихся документов, касающихся политического вопроса – противостояния самозванцу Лжедмитрию II – являются две отписки. Первая составлена в Галиче от князей, дворян, детей боярских, посадских людей и крестьян черных волостей и была адресована К.Д. Строганову. Галичане начали ее словами: «По государеву цареву и великого князя Василия Ивановича всея Руси указу». При этом ссылка на какую-либо конкретную грамоту от В.И. Шуйского отсутствует, однако использованная в начальном протоколе документа формула свидетельствует о реализации правительственной инициативы, а не земской. Такие фразы безосновательно в отписках не появлялись – это видно при сравнении с другими отписками изучаемого фонда. Документ не датирован, но известно, что он был получен в Тотьме 1 ноября 1608 года. С учетом того, что между Галичем и Тотьмой было примерно 2 дня пути, датировать составление отписки можно 29 октября 1608 года. А через 2 дня, 1 ноября, в Галиче была признана власть самозванца, продержавшаяся до 23 ноября 1608 г. – дня, когда в Галиче против тушинцев было поднято восстание [20, № 350, с. 468; 21, с. 388].

Вторая отписка из Вологды в Тотьму характеризует события, произошедшие месяцем позже – 29 ноября 1608 г.: погром Вологды людьми Яна Сапеги, после чего в Вологде произошло восстание и переход на сторону Василия Шуйского. Документ написан вологодским посадским земским целовальником Т. Лягушкиным «с товарищи» от имени посадских, волостных людей и черни по горячим следам событий и был привезен в Тотьму 1 декабря 1608 года. С учетом расстояния между Вологодой и Тотьмой в 2 дня пути, этот документ можно датировать 30 ноября 1608 года.

Обе отписки содержат призыв оставаться верными В.И. Шуйскому, собрать ратных людей и отправить к Галичу и Вологде на помощь, а также «ссылаться меж себя по городам» (Устюг, Соль Вычегодская, Вятка, все

Подвинье и Пермь Великая) «самим для ратных дел». Эти документы дошли до нас в списках в виде приложений к отписке устюжан к вычегодцам от 4 декабря 1608 г. и были доставлены в Соль Вычегодскую 5 декабря 1608 г., отправлены к Вычегде и на Вымь 6 декабря 1608 года. В Перми Великой эти отписки были получены 15 декабря 1608 г. как приложение к грамоте от приказного человека Пospела Извольского из Соли Вычегодской от 6 декабря 1608 г. с призывом собирать ратных людей в поход на помощь государю. Вместе с тем пересылались списки с устюжских, тотемских, вычегодских грамоток, где описывались события, происходившие в центре страны: измены отдельных людей и городов, погромы и разорения, наносимые литовскими войсками и русскими сторонниками самозванца Лжедмитрия II [1, № 109, с. 139; № 115, с. 144; 2, № 89, с. 181; № 91, с. 184; № 102, с. 199; и др.]. Изучение вопросов мотивации показало, что в городах Галич, Вологда произошла актуализация жизненной задачи – разорение жилья, пленение детей и жен. Это стало значительным толчком для начала земского движения [12, с. 388].

Из Перми Великой ответили в Соль Вычегодскую в тот же день, 15 декабря 1608 г., что полученные отписки «во всем народе чли» и выражают готовность дать ратных людей, как соберутся, и отправить в Москву денежную таможенную и кабацкую казну и за ратных людей деньги за предыдущий год. В 1607/08 г. из Москвы был запрос прислать деньги на 1608 г. вместо ратных людей [1, № 115, с. 144].

Также в Пермь Великую дошел список с отписки устюжан к вычегодцам от 30 ноября 1608 г. [2, № 89, с. 181–183], из текста которой пермичи узнали об устном рассказе крестьянина Устюжского уезда городка Брусенец Митки Седлова о получении ими в городке грамоты царя В.И. Шуйского из Москвы 29 ноября 1608 года. Эта грамота была отправлена, с его слов, «в Галич, Кострому, Поморские города, на Вагу и в Колмогоры», и в ней говорилось о том, что князь М.В. Скопин-Шуйский с новгородцами, псковичами и немцами погромил Тушино. Эту сообщаемую информацию И.О. Тюменцев оценил как слухи, так как сведения о действиях войск М.В. Скопин-Шуйского и Ф.И. Шереметьева

не соответствовали реальной действительности [21, с. 388]. Р.Г. Скрынников отметил факт того, что царь Василий в это время прибегал к хитрости: изготавливались ложные грамоты от Скопина, в которых содержались «фантастические сведения» о его походах [18, с. 316]. Митка Седлов рассказал также о том, что в Тотмю к Козме Строганову из Галича прислана государева грамота о сборе ратных людей. Нет оснований сомневаться в подлинности сообщаемой информации, тем более что грамота галичан К.Д. Строганову нам известна. А поскольку, как мы знаем, она начинается отсылкой к государеву указу, крестьянин и назвал ее «государевой грамотой». В этой устюжской отписке от 30 ноября 1608 г. [2, № 89, с. 181–183] содержится важное суждение о роли государевых грамот в принятии решения. В частности, когда устюжане сомневались, присягнуть ли «царю Дмитрию» после получения грамоты от Никиты Пушкина из Вологды, то насторожило их то, что «от государева лица («царя Дмитрия»). – *Н. Р.* к нему (Никите. – *Н. Р.*) не писано». Никакие слухи не могли сравниться с тем действием, которое имели государевы грамоты.

Таким образом, первые инициативные документы от галичан и вологодцев с призывом собирать ратных людей в ополчение на помощь государю В.И. Шуйскому имели широкий резонанс в городах Поморья, они определили намерение выступить против тушинцев. Однако решительные действия по сбору ратных людей были предприняты приказными людьми Ф.П. Акинфовым и Н. Романовым лишь после прочтения 1 января 1609 г. государевой грамоты, хоть и не на свое имя.

В составе Соликамского архива сохранилась указная грамота царя Василия Шуйского галичанам от 30 ноября 1608 года [2, № 90, с. 183–184]. К этому времени до Москвы дошел слух о том, что галичане «неволею вором крест целовали». Грамота содержит возмущенное удивление измене галичан, призыв вспомнить свою православную веру и обещание «воровской смуте не верить», собираться в Ярославле с ратными людьми других городов и «очистить» Московское государство от «воров» [2, № 90, с. 183–184]. Текст грамоты написан в публицистическом стиле, ожидаемый эффект от нее усилен риторичес-

кими вопросами. Грамота составлена «на Волоцкой дороге» за приписью Томилы Луговского – в тот момент он был думным дьяком Новгородского разряда [14, с. 129]. Факт доставки грамоты в Галич фиксируется в конце грамоты. Как видим, вести о событиях в разных городах страны осенью 1608 г. доходили до Москвы с опозданием: информация об отложении Галича дошла до царя спустя месяц, и даже спустя неделю после того, как Галич снова перешел на сторону В.И. Шуйского. Вполне очевидно, что на принятие решения галичан вернуться на службу к государю данная грамота В.И. Шуйского не повлияла – галичане к моменту ее получения уже снова выступали в его защиту, но свою роль она сыграла в дальнейшем: распространяемая в виде списков в Поморье, грамота стала главным аргументом для приказных людей в процессе формирования ополчения. 1 января 1609 г. список с указной грамоты В.И. Шуйского от 30 ноября 1608 г. был доставлен через Соль Камскую в Чердынь к пермским приказным людям Федору Акинфому и Науму Романову [2, № 90, с. 184], и в тот же день в Перми Великой начался сбор ратных людей в поход для поддержки государя. Приказные служащие в городах, назначенные государем, действовали от его имени и всегда старались заручиться указной грамотой из Москвы [13].

В военных условиях противостояния царя и самозванца с осени 1608 г. регулярное сообщение со столицей было нарушено, приказные люди были вынуждены многие вопросы решать оперативно. Так, память пермского приказного человека Ф.П. Акинфова старосте Соли Камской В. Елисееву от 10 января 1609 г. начинается фразой: «...по государеву цареву и великого князя Василия Ивановича всея Руси указу...», и далее говорится, что 1 января 1609 г. из Соли Камской присылали челобитную на имя государя, в Чердынь, с просьбой дать займы денег на сбор ратных людей, и «по государеву указу из государственой казны дано займы... сто рублей». 10 января снова приехал челобитчик, так как денег не хватило, «и государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Руси... усольцев... пожаловал, велел вам те денги шестьдесят рублей... дати» опять займы [1, № 133, с. 155]. То есть приказный человек Ф.П. Акин-

фов, руководствуясь указной грамотой от 30 ноября 1608 г. и содержащимся в ней призывом, самостоятельно принял решение и от имени царя распорядился собранной государственой казной для организации выступления ратных людей в Ярославль, в поддержку Василия Шуйского, выдав займы 100 рублей из кабацких денег Усоля Камского и 60 рублей ратных денег, которые собирали в 1607/08 г., но в Москву не отправили.

17 января 1609 г. в отписке пермского приказного человека Ф.П. Акинфова И.Ф. Стрешневу на Устюг сообщалось, что неделей раньше, 8 января 1609 г., первые ратные люди из Перми Великой на помощь царю В.И. Шуйскому были отпущены, «собрали вдвое против прежнего государствену указу» [1, № 138, с. 160]. Ф.П. Акинфов также написал о готовности выставить еще ратных людей по мере их сбора.

Стоит заметить, что по указу царя В.И. Шуйского от 10 декабря 1607 г., на 1608 г. ратных людей из Перми Великой отправлять в Москву было не велено по причине их дорогостоящего содержания, а следовало собрать взамен деньги для найма 70 ратных людей из других городов на три месяца «к зимнему походу» по два рубля на месяц [1, № 84, с. 113; 15, с. 36–37]. Позже, к лету 1608 г., ситуация с заменой ратных людей на денежный сбор повторилась. По новой указной грамоте В.И. Шуйского, составленной в апреле – мае 1608 г., пермские приказные люди Ф.П. Акинфов и Н. Романов собрали в Соли Камской «для государственой службы за ратных людей» на три летних месяца «за усольской жеребей» за 10 человек по 2 рубля на человека [9; 15, с. 37–38].

20 января 1609 г. приказный человек Соли Вычегодской Поспел Извольский вместе с купцами Строгановыми отправили в Пермь Великую отписку с претензией по поводу бездействия и невыполнения обещания пермичей и вновь призвали собрать ратных людей и отправить на помощь государю В.И. Шуйскому [2, № 102, с. 199–201]. 26 января 1609 г. Поспел Извольский вместе с купцами Строгановыми подробно с указанием дат всей переписки сообщали в Устюг о бездействии пермских приказных людей, что пермские ратные люди мимо них «по сию пору... не прохаживали». Дополнительно приведено свидетельство человека Никиты Строганова Шу-

милы Швеца, который был в Перми Великой и видел, что «никаких сборов ратных людей не ведется». В отписке вычегодцы обвинили пермичей в том, что написали отписку «мимо них» в Устюг и пишут «ложно, словом, а не делом», «чтоб им за другом пробыти» [1, № 143, с. 165–166].

Указанные отписки были опубликованы и, исходя из этого, представления историков о происходивших событиях в Перми Великой это время разделились. У С.М. Соловьева сложилось мнение о том, что в Перми Великой было промедление в ратном деле [19, с. 563–564]. А.А. Дмитриев считал промедление следствием «отдаленности и затруднительного материального положения» и отметил, что «дух патриотизма» не был чужд в Перми Великой, а «воевода Акинфов... по мере возможности спешил... исполнением всех требований» [3, с. 85, 89]. С.Ф. Платонов также объяснял промедление «бедностью и многозадачностью Пермского края ввиду его порубежного местоположения» [11, с. 304–305]. И.С. Шепелев отметил, что вычегодцы, обвиняя пермичей, были неправы, так как факт отправки ратных людей постоянно упоминается в отписках пермских приказных людей, и объяснил возникшую претензию тем, что «пермичи послали своих ратных людей не в Сольвычегодск, а в Устюг Великий» [24, с. 321]. Предположение И.С. Шепелева не может быть принято, так как в начале XVII в. миновать Соль Вычегодскую вряд ли бы получилось: путь к Москве проходил от Соли Камской на Кайгородок, затем на Соль Вычегодскую и далее на Великий Устюг [6]. Это подтверждается в отписках [2, № 110 (II), с. 212]. По мнению И.О. Тюменцева, население Устюга Великого и других городов Северного и Восточного Поморья, Сибири заняло выжидательную позицию [21, с. 255]. О.В. Семенов обозначил позицию региона в деле мобилизации ратников как двусмысленную: Пермь Великая «не последовала примеру многих областей государства, присягнувших Вору», но «не спешила и с оказанием помощи В. Шуйскому» [17, с. 39–40]. В то же время, оценивая различные ситуации в системе управления Пермью Великой, возникавшие на протяжении всей Смуты, историк не согласился с утверждением А.А. Дмитриева о связи безде-

ятельности Перми Великой только с личной позицией Ф.П. Акинфова как «человека небольших способностей» (к этому А.А. Дмитриев пришел, анализируя в целом 1609 г.) [3, с. 109]. О.В. Семенов сделал заключение, что «подлинными хозяевами положения были “миры”» [17, с. 45]. Неопубликованные документы Соликамского архива позволяют внести ясность по этому вопросу.

19 января 1609 г. в Чердынь, административный центр Перми Великой, Ф.П. Акинфова и Н. Романову были доставлены две отписки. Первая – от старосты Соли Камской Васьки Елисеева [8], вторая – от соликамских десятников ратных людей Тихона Андреева и Гаврилы Корытова [7]. Из них мы узнаем, что 10 января 1609 г. из Соли Камской по распоряжению пермских приказных Ф.П. Акинфова и Н. Романова были отпущены в сбор с городами на помощь государю В.И. Шуйскому 20 ратных людей с «бережатым целовальником» Симоном Докшиным. Ф.П. Акинфов и Н. Романов дали подорожную грамоту, по которой им следовало взять подводы от Соли Камской до Устюга «без прогонов». В Кайгородке, также находившемся в административном подчинении Перми Великой, якобы по «научению кайгородских земских людей», их проводники сбежали, украв коней и ратное оружие – боевые луки, стрелы, самопалы, топоры и рогатины. Соликамские ратные люди пошли в судную кайгородскую избу просить по подорожным подводу, но староста и земские люди подводу не дали, сославшись на то, что подорожная не содержит указания кто, когда, откуда, куда идет, и смеялись над ней. Ратных людей называли «ворами», а предъявленные отписки Ф.П. Акинфова и Н. Романова воеводам и наказная память шедшему с ними целовальнику действия не возымели. Староста Соли Камской и десятники спрашивали пермский приказных, что им дальше делать. 28 января 1609 г. Ф.П. Акинфов отписал кайгородскому земскому судье Терентию Дементьеву: «...и вы то делаете негораздо, что государевым ратным делом не радеете». По получении памяти им велено было дать подводы соликамским ратным людям по подорожной, собрать ратных людей с Кайгородка «тем же числом», что и с Соли Камской и отпустить к Устюгу Великому. Из

Чердыни приказные администраторы обещали выдать им также на сбор ратных людей взаймы 60 рублей, которые были собраны на них в государеву казну в 1607/08 году [1, № 142 (II), с. 164–165].

Таким образом, обмана со стороны приказного человека Ф.П. Акинфова и подьячего Наума Романова не было, как и промедления в сборе ратных людей. 1 января 1609 г. после получения списка с указной грамоты В.И. Шуйского в течение 10 дней в Соли Камской собрали 20 ратных людей, выделили им денег, оружие, и 10 января 1609 г. они вышли из Соли Камской. Ф.П. Акинфов во всех своих отписках указывал, что отправили ратных людей 8 января 1609 г. «вдвое против прежнего государева указу». Как видно по документам, речь идет об одних и тех же ратных людях, из Соли Камской, а не чердынцах, которые вышли и по какой-то причине никуда не дошли, как показано в работе А.А. Дмитриева [3, с. 87].

В дальнейшем становится ясно, что первые 20 человек соликамских ратных людей продолжили свой путь, к ним присоединились ратные люди из Кайгородка, также 20 человек, и, по свидетельству устюжан, они прошли Устюг «на масленой неделе» (20–26 февраля 1609 г. – *Н. Р.*) [2, № 111, с. 214; № 110 (II), с. 211–212]. Факт промедления, определенно, присутствует, но он связан не с намеренной задержкой со стороны пермских приказных людей, а с возникшими по пути проблемами передвижения ратников.

К 1 марта 1609 г. ратных людей собрали и в Чердыни – 50 человек, привели к крестному целованию и отправили дорогой до Соли Вычегодской, затем на Устюг Великий и далее в государевы полки для соединения с пермскими людьми из Соли Камской и Кайгородка [2, № 110 (I), с. 211; № 110 (II), с. 211–212]. 8 марта 1609 г. пермичи написали об этом описку государю в Москву [2, № 110 (III), с. 212–213]. Со слов устюжан, 17 марта 1609 г. через Устюг Великий они еще не проходили [2, № 111, с. 214; № 110 (II), с. 211–212]. Но 21 марта 1609 г. до Вологды дошли 20 ратных людей из Соли Камской, 12 – из Кайгородка, 66 вымских ратных людей, о чем отписали в Пермь Великую вологжане [1, № 180, с. 209]. Таким образом, из Перми Великой в целом

вышли 90 человек ратных людей, пришли в Вологду 96. Вероятно, указанные «вымские люди» – это и есть отправленные из Перми Великой чердынцы, так как ранее ни о каких вымских людях в документах не упоминается.

После 24 января 1609 г. в Перми Великой получили список со второй за рассматриваемый период указной грамоты царя В.И. Шуйского от 23 декабря 1608 г., адресованной в Устюжну Железнопольскую [2, № 93, с. 188–190]. Писал ее также от имени царя думный дьяк Новгородского разряда Томило Иудич Луговской «на стану на Волоцкой дороге». Грамота похожа по содержанию и употребляемым выражениям на первую грамоту, но не идентична. В грамоте содержится похвала духовенству и мирским людям всех сословий Устюжны Железнопольской за верность государю и призыв к действию – подняться всем городом, защищать свои земли от литовских людей, направить ратных людей в Ярославль для объединения сил разных городов и воеводы Ф.И. Шереметьева. Устюжанам велено было написать об этом «во все города», и если кто будет «изменные слова говорить» или идти не захочет, то им «делать наказанье», «кто чего достоин». Также более детально были расписаны будущие пожалования разным сословиям за верность В.И. Шуйскому. 24 января 1609 г. привез грамоту в Устюжну пристав Степанко Захарьин. Список с грамоты послали из Тотьмы на Устюг Великий с рассыльщиком Степанко Захарьиным [2, № 103 (I), с. 202].

В феврале – марте 1609 г. была сделана массовая рассылка государевых грамот о ратном и земском деле от царя В.И. Шуйского: в Устюг 2 грамоты – к приказному человеку И. Стрешневу и посадским людям (доставлены 16 марта 1609 г.), в Пермь Великую 2 грамоты – к приказному человеку Ф. Акинфovu и к посадским людям (доставлены 25 марта 1609 г.), в Вятку, Соль Вычегодскую, Тотьму, на Вагу, на Двину «к приказным людям и к миру» [2, № 111, с. 213–214]. 26 марта 1609 г. список с государственной грамоты из Чердыни отправили в Кайгородок, а подлинную государеву грамоту – в Соль Камскую с распоряжением списать список и отправить обратно в Чердынь [1, № 179 (I), с. 208; № 179 (II), с. 208–209]. Вероятно, о таких же

грамотах упоминают вологжане и пишут, что получили их 25 марта [1, № 180, с. 209].

4 апреля 1609 г. в Пермь Великую снова пришел запрос из городов на новых ратных людей и грамота князя и воеводы М.В. Скопин-Шуйского о необходимости идти на помощь государю [1, № 190, с. 221]. 11 апреля 1609 г. в Перми Великой получили грамоту от В.И. Шуйского, составленную на имя пермских приказных Ф.П. Акинфова и Н. Романова в феврале 1609 г. с тем же призывом – собирать ратных людей и отправлять к Вологде [2, № 106, с. 207–208].

Помимо организации ратной службы, второй вопрос системы управления касался государственной казны. Территория Перми Великой была в ведении Новгородского четвертного приказа. Доходы в государственную казну отправляли ежегодно по зимнему пути после получения соответствующей грамоты, содержащей разъяснение о том, как распорядиться государственной казной.

Государева казна за 1607/08 г. была собрана и 17 января 1609 г. приказный человек Перми Великой Ф.П. Акинфов интересовался у приказного человека Устюга Великого И.Ф. Стрешнева возможностью выслать ее и сметный список за 1607/08 г. в Москву устюжской дорогой [1, № 138, с. 160]. 25 января 1609 г. И.Ф. Стрешнев ответил, что дорога от Устюга до Вологды чиста, а «далее ехать нельзя, поэтому государеву казну посылать не поспешите» [1, № 141, с. 163].

Вместе с тем в Новгородском четвертном приказе дьяки Григорий Елизаров и Андрей Иванов составили 3 указные грамоты от имени царя В.И. Шуйского, адресованные пермским приказным людям. Они датированы 19 января 1609 г. [2, № 101, с. 198], 4 февраля 1609 г. [22], 19 февраля 1609 г. [23] Эти грамоты посвящены одному вопросу: каким образом следует осуществить организацию отправки в Сибирские города из Перми Великой хлебных запасов на жалование сибирским служилым людям из собранной государственной казны и плотников на Верхотурье. Грамоты составлены в спокойном тоне, в каждой следующей идет отсылка к тексту предыдущей, никакой особой новой информации не добавляется, хотя они разные по объему – отличаются степенью детализации. Г. Елизарову и

А. Иванову было известно, что расстояние между Москвой и Пермью Великой в зимнее время преодолевалось обычно за 1 месяц в одну сторону. Это показывает анализ приказной переписки за 1607–1608 годы [15]. Можно предположить, что, отправляя грамоты с похожим содержанием и с разницей в 2 недели, дьяки учитывали существовавшие проблемы на дорогах и надеялись, что хотя бы какая-то из них дойдет до адресата. В мирное время писать грамоты с такими короткими промежутками времени по одному и тому же вопросу практики не было. В Пермь Великую эти грамоты дошли практически в одно время с разницей в 1 день: февральские привез из Соли Вычегодской Жданко Федоров 30 марта 1609 г., январскую – тобольский жилец Семен Кисель 31 марта 1609 года. Пометы о доставке есть на обороте самих грамот.

В целом за период с 1 января и до середины апреля 1609 г. в Перми Великой от имени царя В.И. Шуйского были получены 5 указных грамот из Новгородского разрядного приказа по вопросу сбора ратных людей и отправки к Москве для борьбы с тушинцами (1 адресована в Галич, 1 – в Устюжну Железнопольскую, 3 – в Пермь Великую) и 3 указные грамоты из Новгородского четвертного приказа в Пермь Великую о государственной казне и отправке хлеба в сибирские города на жалование служилым людям.

Результаты. Анализ документов Соликамского архива подтверждает наблюдение, сделанное С.Ф. Платоновым о том, что «полной блокады Москвы не осуществилось» [11, с. 279]. Однако регулярное сообщение Москвы с городами Поморья было нарушено. Благодаря начавшемуся в декабре 1608 г. активному взаимодействию между городами, реализованному в земской переписке, удалось избежать информационного вакуума даже в отдаленных регионах северных территорий.

Прямые распоряжения верховной власти в указных грамотах В.И. Шуйского воспринимались приказными людьми в Перми Великой как руководство к действию. Приказный человек Федор Петрович Акинфов и подьячий Наум Романов старались исполнять распоряжения царя, но им это не всегда удавалось сделать так быстро, как от них ожи-

далось. Нет оснований считать возникшее промедление с отправкой пермских ратных людей нежеланием приказных людей, назначавшихся из Москвы на 2–3 года, участвовать в поддержке царя В. Шуйского и земского движения. Промедление скорее было связано с отсутствием четкого административного управления на местном уровне: если в Соли Камской быстро отреагировали на запрос и выставили ратных людей, то в Кайгородке стали чинить препятствия не только в виде разбоя, но и на уровне мирского самоуправления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею : в 5 т. Т. 2 : 1598–1613 гг. – СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. – 482 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской академии наук : в 4 т. Т. 2. – СПб. : в Тип. 2-го отд-ния Собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. – 392 с.
3. Дмитриев, А. А. Первые годы после Ермака и Смутное время / А. А. Дмитриев // Пермская старина : сб. ист. ст. и материалов преимущественно о Пермском крае. – Вып. VI. – Пермь : Тип. П.Ф. Каменского, 1895. – С. 1–128.
4. Козляков, В. Н. Василий Шуйский / В. Н. Козляков. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 301 с.
5. Любомиров, П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения / П. Г. Любомиров // Подвиг Нижегородского ополчения. В 2 т. – Н. Новгород : Изд-во «Книги», 2011. – Т. 2. – С. 13–398.
6. Николаев, Ю. К. Большая «государева дорога» в Сибирь на участке от Кай-городка до Соликамска через села Юсеево и Коса / Ю. К. Николаев // География и туризм : сб. науч. тр. – Пермь : Б. и., 2011. – Вып. 10. – С. 73–88.
7. Отписка Соли Камской ратных людей Тихона Андреева и Гаврилы Корытова с товарищами пермскому приказному Федору Петровичу Акинфому с известием о нежелании кайгородцев давать подводы соликамским ратным людям и о присылке распоряжения по этому поводу, 1609 г., между 11 и 18 января // Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (СПбИИ РАН). – Кол. 122. – Оп. 1. – № 153. – 2 л.
8. Отписка Соли Камской старосты Василия Елисея пермскому приказному Федору Петровичу Акинфому о недаче кайгородцами подвод для ратных людей Соли Камской, 1609 г., 19 января // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 122. – Оп. 1. – № 147. – 1 л.
9. Отписка соликамского старосты Ивана Никитина в Чердынь Федору Петровичу Акинфому и Науму Романову о посылке к ним денег за ратных людей, таможенного сбора, судебных пошлин и целовальника с таможенными и кабацкими деньгами, 12 июля 1608 г. // Архив (СПбИИ РАН). – Кол. 122. – Оп. 1. – № 114. – 2 л.
10. Платонов, С. Ф. Лекции по русской истории / С. Ф. Платонов // Платонов С. Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. – СПб., 1993. – 734 с.
11. Платонов, С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. : (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время) / С. Ф. Платонов. – 2-е изд. – СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1901. – 520 с.
12. Рыбалко, Н. В. Воеводская инициатива и подъем земского движения в конце 1608 г. (по материалам Соликамского архива) / Н. В. Рыбалко // Смутные времена в России начала XVII и начала XX столетий: природа и уроки. – Волгоград : Изд-во РАНХиГС, 2018. – С. 397–408.
13. Рыбалко, Н. В. Организация Соликамского яма и ямской службы в Перми Великой в 1607 году / Н. В. Рыбалко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 2. – С. 120–136. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.11>.
14. Рыбалко, Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII века / Н.В. Рыбалко. – М. : МБА : Квадрига, 2011. – 656 с.
15. Рыбалко, Н. В. Соликамский архив: реконструкция и источниковедческий анализ (1605–1608 годы) / Н. В. Рыбалко, Е. Г. Дмитриева. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. – 319 с.
16. Рыбалко, Н. В. Управление в Перми Великой конца XVI – начала XVII века: от приказных людей к воеводской власти / Н. В. Рыбалко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 100–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.9>.
17. Семенов, О. В. К вопросу о позиции Перми Великой в годы Смуты / О. В. Семенов // Мининские чтения : материалы науч. конф., Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (29–30 октября 2004 г.). – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 2005. – С. 36–45.
18. Скрынников, Р. Г. Василий Шуйский / Р. Г. Скрынников. – М. : АСТ, 2002. – 400 с.
19. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев // Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IV. Т. 8. – М. : Голос, 1994. – 768 с.
20. Тюменцев, И. О. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Тексты, переводы, комментарии

/ И. О. Тюменцев (рук.), Н. А. Тупикова, Н. Е. Тюменцева, Н. В. Рыбалко, С. В. Мирский. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2012. – 688 с.

21. Тюменцев, И. О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II / И. О. Тюменцев. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – 582 с.

22. Указная грамота в Пермь Великую приказным людям Федору Петровичу Акинфому и Науму Романову о сборе с Пермской земли хлебных запасов для отсылки в Сибирь на жалование ратным людям и о посылке туда же плотников для постройки судов, 1609 г., 4 февраля // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 122. – Оп. 1. – № 172. – 5 л.

23. Указная грамота в Пермь Великую приказным людям Федору Петровичу Акинфому и Науму Романову о сборе хлебных запасов и присылке их вместе с плотниками на Верхотурье, 1609 г., 19 февраля // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 122. – Оп. 1. – № 173. – 1 л.

24. Шепелев, И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. / И. С. Шепелев // Шепелев И. С. Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия : в 2 т. Т. 2. – Волгоград : Перемена, 2012. – 508 с.

REFERENCES

1. *Akty istoricheskoye, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiyu: v 5 t. T. 2: 1598–1613 gg.* [Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. In 5 Vols. Vol. 2. 1598–1613]. Saint Petersburg, Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1841. 482 p.

2. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i archivakh Rossiyskoy imperii arkheograficheskoyu ekspeditsiiyu imperatorskoy akademii nauk: v 4 t. T. 2* [Acts, Collected in Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, v Tipografii 2 otdeleniya Sobstvennoy Ye.I.V. kantselyarii, 1836. 392 p.

3. Dmitriev A.A. *Pervye gody posle Ermaka i Smutnoye vremya* [The First Years After Ermak and the Time of Troubles]. *Permskaya starina: sb. ist. st. i materialov preimushchestvenno o Permskom krae. Вып. VI* [Perm Antiquity: Collection of Historical Articles and Materials Mainly About Perm Krai. Issue VI]. Perm, Tipografiya P.F. Kamenskogo, 1885, pp. 1-128.

4. Kozlyakov V.N. *Vasilij Shujskij* [Vasily Shuisky]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 2007. 301 p.

5. Lyubomirov P.G. *Ocherk istorii Nizhegorodskogo opolcheniya* [Essay on the History of the Nizhny Novgorod Militia]. *Podvig Nizhegorodskogo opolcheniya. V 2 t., t. 2* [The Feat of the Nizhny Novgorod Militia. In 2 Vols. Vol. 2]. Nizhny Novgorod, Izd-vo «Knigi», 2011, pp. 1-398.

6. Nikolaev Yu.K. Bol'shaya «gosudareva doroga» v Sibir' na uchastke ot Kaj-gorodka do Solikamska cherez sela Yukseevo i Kosa [The Big "Sovereign's Road" to Siberia on the Section from Kai-Gorodok to Solikamsk Through the Villages of Yukseevo and Kos]. *Geografiya i turizm: sb. nauch. tr.* [Geography and tourism. Collection of Scientific Papers]. Perm, s.l., 2011, iss. 10. pp. 73-88.

7. *Otpiska Soli Kamskoj ratnyh lyudej Tihona Andreeva i Gavrily Korytova s tovarishchami permskomu prikaznomu Fedoru Petrovichu Akinfomu s izvestiem o nezhelanii kajgorodcev davat' podvody solikamskim ratnym lyudyam i o prisylike rasporyazheniya po etomu povodu*, 1609 g., mezhdue 11 i 18 yanvarya [The Letter from the Solikamsk Military Men Tikhon Andreev and Gavrila Korytov with Comrades to the Perm Clerk Fedor Petrovich Akinfov with the News About the Reluctance of the Kaigorod People to Give Carts to the Solikamsk Military Men and to Send an Order on This Matter, 1609, Between January 11 and 18]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], col. 122. op. 1. no. 153. 21.

8. *Otpiska Soli Kamskoj starosty Vasiliya Eliseeva permskomu prikaznomu Fedoru Petrovichu Akinfomu o nedache kajgorodcami podvod dlya ratnyh lyudej Soli Kamskoj*, 1609 g., 19 yanvarya [The Letter from the Solikamsk Elder Vasily Eliseev to the Perm Clerk Fedor Petrovich Akinfov About the Failure of the Kaigorod People to Supply Carts for Military Men of Solikamsk, 1609, January 19]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], col. 122. op. 1. no. 147. 1 l.

9. *Otpiska solikamskogo starosty Ivana Nikitina v Cherdyn' Fedoru Petrovichu Akinfomu i Naumu Romanovu o posylke k nim deneg za ratnyh lyudej, tamozhennogo sbora, sudnyh poshlin i celoval'nika s tamozhennymi i kabackimi den'gami*, 12 iyulya 1608 g. [The Letter of the Solikamsk Mayor Ivan Nikitin in Cherdyn to Fedor Petrovich Akinfov and Naum Romanov About Sending Money to Them for Military Men, Customs Duty, Court Duties and a Kissing Man with Customs and Tavern Money, July 12, 1608]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], col. 122. op. 1. no. 114. 2 l.

10. Platonov S.F. *Lekcii po russkoj istorii* [Lectures on Russian History]. *Platonov S.F. Sochineniya: v 2 t. T. 1* [Works. In 2 Vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, 1993. 734 p.

11. Platonov S.F. *Ocherki po istorii smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv.* (Opyt

izuchenija obshhestvennogo stroja i soslov. otnoshenij v Smutnoe vremja) [Essays on the History of Distemper in the Moscow State in 16th – 17th Centuries: (Experience of the Study of the Social System and the Estate. Relations in the Time of Troubles)]. Saint Petersburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1901. 520 p.

12. Rybalko N.V. Voevodskaya iniciativa i podym zemskogo dvizheniya v konce 1608 g. (po materialam Solikamskogo arhiva) [Voevodsk Initiative and the Rise of the Zemstvo Movement at the End of 1608 (Based on the Materials of the Solikamsk Archive)]. *Smutnye vremena v Rossii nachala XVII i nachala XX stoletij: priroda i uroki* [The Time of Troubles in Russia at the Beginning of the 17th and Beginning of the 20th Centuries: Nature and Lessons]. Volgograd, Izd-vo RANKhiGS, 2018, pp. 397-408.

13. Rybalko N.V. Organizatsiya Solikamskogo yama i yamskoy sluzhby v Permi Velikoy v 1607 godu [Organizing Solikamsk Coach Station and Coachman Service in Great Perm in 1607]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 120-136. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.2.11>.

14. Rybalko N.V. *Rossiyskaya prikaznaya byurokratiya v Smutnoe vremya nachala XVII veka* [Russian Order Bureaucracy in the Time of Troubles in the Early 17th Century]. Moscow, MBA Publ., Kvadriga Publ., 2011. 656 p.

15. Rybalko N.V., Dmitrieva E.G. *Solikamskij arhiv: rekonstrukcija i istochnikovedcheskij analiz (1605–1608 gody)* [Solikamsk Archive: Reconstruction and Source Study Analysis (1605–1608)]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017. 319 p.

16. Rybalko N.V. Upravlenie v Permi Velikoy kontsa XVI – nachala XVII veka: ot prikaznykh lyudey k voevodskoy vlasti [Great Perm Governance in the Late 16th – Early 17th Century: From Administrators to Voivodes]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 100-112. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.9>.

17. Semenov O.V. K voprosu o pozicii Permi Velikoj v gody Smuty [On the Question of the Position of Perm the Great During the Time of Troubles]. *Mininskie Chteniya: materialy nauch. konf., Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I. Lobachevskogo (29–30 oktyabrya 2004 g.)* [Minin Readings. Proceedings of a Scientific Conference, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky (October 29-30, 2004)]. Nizhny

Novgorod, Izd-vo Nizhegorodskogo universiteta, 2005, pp. 36-45.

18. Skrynnikov R.G. *Vasilij Shujskij* [Vasily Shuisky]. Moscow, AST Publ., 2002. 400 p.

19. Solov'ev S.M. *Istorija Rossii s drevnejshikh vremen* [History of Russia from Ancient Times]. *Solov'ev S.M. Sochineniya. V 18 kn. Kn. IV. T. 8* [Works. In 18 Books. Book IV. Vol. 8]. Moscow, Golos Publ., 1994. 768 p.

20. Tyumentsev I.O., Tupikova N.A., Tyumentseva N.E., Rybalko N.V., Mirsky S.V. *Russkij arhiv Yana Sapegi 1608–1611 godov. Teksty, perevody, kommentarii* [Russian Archive of Yan Sapega 1608–1611. Texts, Translations, Comments]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala RANKhiGS, 2012. 688 p.

21. Tjumencev I.O. *Smuta v Rossii v nachale XVII stoletija: dvizhenie Lzhedmitrija II* [The Time of Troubles in Russia at the Beginning of the 17th Century: The False Dmitriy II Movement]. Volgograd, VolGU Publishing, 1999. 582 p.

22. Ukaznaya gramota v Perm' Velikuyu prikaznym lyudyam Fedoru Petrovichu Akinfov i Naumu Romanovu o sbore s Permskoj zemli hlebnih zapasov dlya otsylki v Sibir' na zhalovan'e ratnym lyudyam i o posylke tuda zhe plotnikov dlya postrojki sudov, 1609 g., 4 fevralya [A Decree to Perm the Great to the Clerks Fyodor Petrovich Akinfov and Naum Romanov on the Collection of Grain Reserves from the Perm Land for Sending to Siberia for Salaries to Military Men and on Sending Carpenters There to Build Ships, 1609, February 4]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], col. 122. op. 1. no. 172. 5 l.

23. Ukaznaya gramota v Perm' Velikuyu prikaznym lyudyam Fedoru Petrovichu Akinfov i Naumu Romanovu o sbore hlebnih zapasov i prisylke ih vmeste s plotnikami na Verhotur'e, 1609 g., 19 fevralya [The Decree to the Great Perm to the Clerks Fedor Petrovich Akinfov and Naum Romanov About the Collection of Grain Reserves and Sending Them Together with Carpenters to Verkhotur'e, 1609, February 19]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], col. 122. op. 1. no. 173. 1 l.

24. Shepelev I.S. *Osvoboditel'naja i klassovaja bor'ba v Russkom gosudarstve v 1608–1610 gg.* [The Liberation and Class Struggle in the Russian State in 1608–1610]. *Shepelev I.S. Trudy po istorii Smuty v Rossii v nachale XVII stoletija: v 2 t. T. 2* [Works on the History of the Time of Troubles in Russia at the Beginning of the 17th Century. In 2 Vols. Vol. 2]. Volgograd, Izd-vo VGSPU «Peremena», 2012. 508 p.

Information About the Author

Natalia V. Rybalko, Candidate of Sciences (History), Assistant Professor, Department of National and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-0902>

Информация об авторе

Наталья Владимировна Рыбалко, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-0902>

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ СОВРЕМЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.8>

UDC 323.2-055.2(438)“2020”

LBC 66.3(4Пол),133

Submitted: 16.04.2021

Accepted: 08.07.2021

OCTOBER 2020 PROTESTS IN POLAND. A CASE STUDY OF OLKUSZ

Mateusz Kamionka

Pedagogical University of Cracow, Cracow, Poland

Abstract. *Introduction.* In October 2020 the most extensive social protests took place in Poland since the democratic transformation in 1989. They were caused pertinently by the Polish Constitutional Tribunal's decision and government policy on abortion. Numerous protests were held all over the country, both in larger cities, smaller towns and villages. *Methods and materials.* The study presents the results of the internet surveying method (CAWI) and snowball sampling. These were the only methods which can be used to study protest participants themselves (busy straightening in the streets), but also useful because of the pandemic situation in Poland. A 30 question survey was filled by about 200 people who took part in the protest in Olkusz city. *Analysis.* Research was made in time of “first main wave of protests” period, i.e. October 24–26, 2020. The author underlines the role of youth in the protests, and wants to answer two main research questions, first of all: what was the role of ‘Generation Z’ in October protests, and as well: what are the political views of the protesters. Researches about the first “hours” of protest are mostly extremely rare, the article also allows to see not only new youth Gen Z, but also modern civil protests. *Results.* Results show that the participants comprising mostly youth were not conservative, and could easily be considered a new generation of Poles – quite different from their older colleagues. But how and why are youngsters so politically different?

Key words: “Women’s hell” protests, protest, youth, Poland, Generation Z.

Citation. Kamionka M. October 2020 Protests in Poland. A Case Study of Olkusz. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 97-111. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.8>

УДК 323.2-055.2(438)“2020”

ББК 66.3(4Пол),133

Дата поступления статьи: 16.04.2021

Дата принятия статьи: 08.07.2021

ОКТАБРЬСКИЕ ПРОТЕСТЫ В ПОЛЬШЕ В 2020 ГОДУ. ПРИМЕР ИЗ ПРАКТИКИ г. ОЛЬКУШ

Матеуш Камиионка

Педагогический университет Кракова, г. Краков, Польша

Аннотация. *Введение.* В октябре 2020 г. в Польше произошли самые масштабные социальные протесты со времен демократической трансформации в 1989 году. Прежде всего они были вызваны решением Конституционного трибунала Польши и политикой правительственной партии о запрете аборт. По всей стране прошли многочисленные акции протеста, как в крупных, так и небольших городах и деревнях. *Мето-*

ды и материалы. В исследовании представлены результаты применения метода интернет-опроса (CAWI), осуществленного с помощью «снежного кома». Это сочетание позволило опросить участников уличного протеста в условиях распространения пандемии в Польше. Анкету из 30 вопросов заполнили около 200 человек, принявших участие в акции протеста в городе Олькуш. *Анализ.* Исследование проводилось в период «первой основной волны протестов», то есть с 24-го по 26 октября 2020 года. Участниками были в основном молодые люди, студенты средних школ и университетов. В статье автор подчеркивает роль молодежи в протестах и прежде всего отвечает на два основных исследовательских вопроса: какова была роль «поколения Z» в октябрьских протестах, каких политических взглядов придерживались протестующие. Исследования первых «часов» развития протеста крайне редки, поэтому статья так важна для изучения не только молодежи «поколения Z», но и современных гражданских протестов. *Результаты.* Результаты показывают, что участники протеста (в основном это была молодежь), не относятся к консервативной молодежи и их можно считать новым поколением поляков, которые немного отличаются от своих старших сограждан. Но как и почему молодежь так отличается политическими взглядами?

Ключевые слова: протесты «Женский ад», протест, молодежь, Польша, «поколение Z».

Цитирование. Каминька М. Октябрьские протесты в Польше в 2020 году. Пример из практики г. Олькуш // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 97–111. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.8>

Introduction. How it began. At the end of October 2020, Poles began a protest against the prospect of tightening abortion laws in Poland. Before the recent legislative amendments that sparked the protest movement, Poland had already been recognized as a country with one of the most restrictive abortion laws among the world's wealthier nations since 1993, when this regulation was adopted [39]. The 3 cases that allowed for abortion in Poland were:

1. When the continuation of pregnancy endangers the woman's life or health.
2. When the pregnancy is a result of a criminal act.
3. When there is a high probability of a severe and irreversible fetal impairment [1].

The prime cause for protests was the judgment issued on October 22, 2020, by the Constitutional Tribunal, which ruled that the possibility of an abortion due to a severe and irreversible fetal impairment or an incurable life-threatening disease is unconstitutional. The protests turned into anti-government and often anti-clerical rallies (participants advocated the separation of church and state). Protests were also organized in churches and near bishops' residences, as the Polish episcopate supported the decision to tighten the abortion law. The protests took place in several hundred cities in Poland and around the world (mostly in front of Polish Embassies), and according to police data, several hundred thousand people took part in them. They are the largest mass demonstrations in Poland since the political transformation in 1989 [35]. On

October 29, 2020, 410 protests were recorded across the country, in which over 430,000 people took part [23]. The protests can be considered as the first signs of political and social changes in Polish society, and it is reasonable to examine its initial stage of development.

The study presents the results of the internet survey in the Facebook group "Women's Hel" from the city of Olkusz (about 40,000 inhabitants – Lesser Poland). Author of the research wants to focus primarily on the role of youth from Generation Z which took part in the October protests. Furthermore, the results were obtained in the first hours of the protest's development, giving pure information about the core participants of the protests.

Review of the literature. It is hard not to notice that the protests that began in Poland are a manifestation of the development of classic new social movements, created mainly by the new generation slowly entering the political scene. This fact prompted the author to present the theory related to new social movements, emphasizing young people's participation and describing the generation that is changing the rules of the political game in Poland. One of the theoretical trends, the emergence of new social movements, is associated with the theory of rising aspirations and the theory of defence of endangered needs [21, p. 8]. Researchers indicate that the emergence of movements is related mainly to the response to modernization processes' adverse effects. The development led to the loss of identity of many social groups, while many other groups

became full participants of public life and often expressed dissatisfaction with the current state of affairs. New social movements persistently present alternative systems of values, somehow opposing those presented by the authorities. One of the most popular is the concept created by Claus Offe. According to the author, the social movement is an effect of a civilization breakthrough related to the modernization process. The takeover of these changes is the collapse of the old social, political and economic order, which is based on the broad liberal-democratic consensus of the welfare state, where economic growth, distribution of wealth and social security mattered the most [30, p. 228]. C. Offe stresses that, in addition to the new middle class and part of the old middle class, the most active group is outside the labour market, such as the unemployed or students. They are represented at the protests by the youth of the Z generation. Treating culture mentioned above as the dominant factor in the perception of youth is postulated by J. Chałasiński [5, p. 39], who writes that “youth is not a natural physiological and hormonal state, but an element of culture, a “social institution” the shape of which entirely depends on the structure and culture of the society. When observing protest movements, which often give rise to social movements, there can be the impression that at least some of them may pose a threat to democracy. They often take on a destructive character, typical of fascism, radical forms of nationalism or totalitarian communism, racism, religious fundamentalism, inciting violence or even terror. These are examples of what the French sociologist M. Wieviorka calls “anti-social movements” [40]. Worth mentioning that young people in Central and Eastern Europe (Generation Z) do not fully believe in democracy, this may affect their propensity to protest as a manifestation of their rights and influence over the state [18, p. 12].

Protests had the most significant number of supporters among the youngest respondents aged 18–24 – in this group almost every third, 29 % – participated in “walks” [38]. The “Z” generation, unlike their predecessors, does not know the world without a computer, telephone, Internet, electronic gadgets. On the one hand, young people (which are their great advantage) show great freedom in using modern technology; they treat its ubiquity as normal. They can function in parallel in the

real and virtual world and smoothly move from one to another (in their opinion, both worlds complement each other). On the other hand, most of the “Z” generation cannot imagine their lives without the new technology and the Internet to which they are connected 24/7. They often stress that they are addicted to it. Besides, many researchers point out that young people impair their verbal communication skills and establish interpersonal contacts in the real world by living online [13; 26]. Most of the logistics related to the October protests took place on the Internet. Even in the smallest cities, such as the discussed Olkusz, an event and a group were created on social networks. Young people could protest in many places and on such a huge scale in Poland due to the development of new technologies and “Facebook events” – first time on such big scale. This shows that the protests, especially in smaller centers, were driven by young Internet users. As analyzed by Polish researcher A. Zietek civic activity in the first two decades of the 21st century, which manifested itself, among other things, in the intensification of the protest movement actions, one may agree with the thesis about the need to redefine the classical understanding of the civic culture. Therefore, it will no longer be a culture based mainly on passive acceptance of actions and decisions made by authorities (both at the local and national level) and adherence to top-down imposed “rules of the game” and behavioural patterns. These principles are increasingly becoming the area of social “struggle” to meet individual social groups’ needs while perceiving the sphere of politics as distortion and caricature of the system of liberal democracy [43, p. 168]. Some studies show that “Gen Z” would like to achieve a stunning career immediately and effortlessly [17, p. 390]. This directness of young people and the pursuit of goals “here and now”, may also explain why the participants of the march are so vulgar, often using slogans considered obscene in Poland. According to the Polish news portal, OKO.PRESS, as many as 80% of the slogans shouted out by protesters contained vulgar words [8]. Generational behavioral characteristics of different age groups can be found in the research conducted by the Central Europe researchers A. Bencsik and R. Machová. For them Z generation members always live for the present that questions the need for self realization;

they feel at home anywhere with lack of consequential thinking. And abilities that “help” with protest activity: rapid reaction to everything, initiator, brave, rapid information access and content search [3, p. 42]. Unlike egoistic and arrogant attitudes of Millennials, generation Z representatives have more protest disposition with their willingness to change the political and social situation “here and now”, regardless of the costs that they demonstrated in October protests. We can not forget that most of Poland’s protests are still in high school, which does not bode well for those Polish political powers that will rule when generation Z receives political rights on a big scale. In sum, a half-century ago the Russian sociologist, V. Lisovski, defines the essence of young people and their social characteristics as a transitional generation, as a stage of socialization, professional and cultural assimilation [24]. However, Polish Protests show that nowadays young people increasingly want to create their cultural socialization and not to rely on the existing one.

Methodology. The survey was prepared practically from scratch, the questionnaire was developed in response to public protest and the desire to learn about the motivations of young protesters, and then it was published on the group where the future protesters were organizing themselves. Two hundred people filled the survey with 30 questions. It gives 20% of all persons who were members of the Facebook group at the end of the research. It is difficult to prove that the sample structure reflects the structure of protest participants in Poland as full. Indeed in Olkusz, as in other Polish cities, there were protests in the so-called first wave [36] (e.g. in smaller towns and cities in the region, they were held in the following days). The research comes from the same initial protests period, i.e. October 24–26, 2020. Taking into account the results presented below, namely the number of women participants (79.5%), and the age of the protesters (almost 80% under 35 y.o.), it is hard not to notice that the proportions are typical for protests of the same or similar nature.

The presented results were obtained using an internet survey which was formed according to the “snowball” method, within the Facebook group “Protest Piekio Kobiet Olkusz” (*Women’s Hell protest in Olkusz*)². At the initial stage of its creation, when the numbers of participants were

less than 1000³. The advantages of this internet type research (compared to traditional surveys and questionnaires) included the possibility of collecting personal information and capturing sensitive data [11]. However, the questionnaires were filled in entirely anonymously. Author kept all ethical issues by receiving consent both from the group administrators and participants. The group was hidden at the early stage of the protests and all the new members could get in only by means of personal invitations. Nevertheless, members’ invitation to this group showed that it could be compared to a snowball sampling methodology, which is a convenience sampling method. This method is applied when it is challenging to access subjects with the target characteristics or with hidden populations, the formalization of the sample biases seems to be beyond the reach of current statistics, although admirable attempts have been made [12]. In snowball sampling, selection can be modelled as a stochastic process that permits the calculation of sample weights inversely proportional to the probabilities of selection and can generate unbiased estimates [2, p. 110]. As Ch. Kaplan wrote, sample selection bias formulated in this manner offers a reliable sampling frame, mainly when data from initial respondents, other than other respondents’ selections, are not recorded, and subsequent respondents are selected at random [20]. When connected this method with the trust which gains researcher, it is hard to not agree with A. Cicourel who wrote that the interview is not only a research technique but can and should also be perceived as social interaction [6, pp. 95, 99-100]. Since collecting data was conducted in a few hours after creating the group, and at times of the initial implementation of the protest plans, the survey was one of the few possibilities to reach the respondents during the pandemic. The anonymity of research also allowed reaching those protest participants, who were often afraid due to the authorities’ threats to different social groups, especially the minorities [29]. There was also official information from the ministry of education that “If it is confirmed that some teachers persuaded students to participate in the protests or took part in them themselves, causing a threat during the epidemic and behaving in a way that offends the ethos of their profession, the legal consequences

will be drawn” [31]. It is also worth emphasizing that the people who participated in the protests were young and active internet users. It would be not easy to reach this group with other classic tools such as telephone or paper questionnaires. In addition to methodological advantages, there are also numerous disadvantages. The most serious and widely debated allegation concerns the unavailability of the full-frame Internet user draw. This type of research is often considered not representative and unable to conclude the studied sample on the population. This allegation may be formulated more emphatically: where there is no full or nearly the full sampling frame (i.e. the set that will be used to select the sample), one cannot speak of quantitative research. There are several known ways to solve this problem with many conflicting views focusing on this technique’s methodological aspects. Therefore, many researchers precisely analyzed it [7; 25].

Local news media reported that about 1000 people took part in the protest, which shows that most of them can be members of the FB group [33]. It was interesting in a scientific way to observe how the youth have been organizing and channelizing themselves for the protest. The survey was active only one day before and one after the protest. It is the reason why all collected data can be regarded as probable and authoritative. According to Silverman [37], the choice of qualitative research cases should always be theoretically guided. Yin concludes that qualitative research (case studies in particular) can be generalized to theoretical propositions, but not to populations [41]. For Silverman, the goal much rather is to “expand and generalize theories (analytic generalization) and not to enumerate frequencies (statistical generalization)” [37]. In this particular case study, a full generalization of the findings is less critical, than scientific capture the moment of formation of a youth protest and collect data conjunction to that case [4; 37]. Gobo proposes applying “interactive, progressive, and iterative sampling” to achieve representativeness. In sum, while the small size and specific characteristics of this sample preclude any broader generalizations, this study aims to use this critical case’s strategic nature to achieve theoretical generalizability [16], through highlighting striking patterns or issues of the most substantial theoretical interest. Summing up, the research is

not representative. Nevertheless, it provides an engaging approach to the social problem of new social movements’ emergence in a powiat-type¹ town during one of the largest social protests in the present-day Poland. It is worth reading the results and using the additional analysis as an exciting voice in the discussion on youth participation (generation Z) in social movements.

The research aims at attempting to describe and explain the social-political profile of the first “Women Hell” protest participants drawing on the example of Olkusz. In the course of the data analysis, the following research questions were considered:

1) What was the role of ‘Generation Z’ in October protests?

2) What are the political views of the protesters?

Results and discussion. The first results shows that most of the relevant Olkusz FB group active participants wanted to participate in the event (87.5%), while only 4.5% refused, and 8% answered ‘hard to say’. The high quantity of determined participants of the group proves the strong aspiration for the protest. A most random person that got added to the Facebook group did not have problems with participation in the demonstration. It shows that for inhabitants “protesting way” to manifest their dissatisfaction for political decisions is quite popular. During the first wave of protests, in the case of Olkusz on October 25, 2020, there was a higher number of cases of COVID-19 (exactly this day there were 30 new cases of COVID-19 in Olkusz region) [14]. Despite this, 68% of respondents were not afraid of going out into the streets and only for over 20% of respondents, it was the information that influenced their decisions. The Foundation Institute asked a similar question for Market and Social Research (IBRiS), which conducted a study on the support of demonstrations during the pandemic. The question whether the protests had to continue in the streets of Polish cities in the current epidemic situation was answered positively by 60.5% of respondents. Concerns about protesting during the epidemic were expressed by 32.4%. The rest, i.e. 7%, were not sure about the issue [28]. But we can not forget that an October protest was for Polish youth, as well opportunity for meet up. As we can notice, most of the people there know one

other for local schools in town. When we add the information that, most of the people taking part in the protests did not believe in their success. We can assume that also a joint meeting had an aim to mobilize young people to go out on the street. Only 26.5% of the respondents believed that the slogans of the protests would bring about a change. 16% of people had a different opinion, and 57.5% did not know the answer. However, even without faith in success, the protests could hardly be called unpopular within the city's inhabitants. Although the participants did not believe that they would be able to win, 78% of them declared that would be still prepared for long-term protests to achieve their goal. Only 3% of the respondents were of the opposite opinion.

At the same time the majority (52.5%) of the respondents did not want to participate in the formation of the government but preferred to be merely well-governed. With 11% of those who do not have an opinion, 36.5% want to participate in political governance. It shows that participants do not dream of taking power; they simply do not support government policy and it had risen to a protest.

60.5% of the respondents believed that Poland does not have democracy. It is a very substantial result, and despite even the negligible representativeness of the research, it is a wake-up call for the authorities. 27.5% believe that there is probably no democracy, about 7% of the respondents have a different opinion, and 5% do not have any opinion at all. Data should be

compared with the representative results, where students from all around Poland answer the same question. The results are opposite – 9.1% of the youth answered that there is “definitely” democracy in Poland, “rather yes” – 43.8%, “rather no” – 23.5% and “not at all” – 5.8%. 17.8% of the respondents were unable to choose any of the above answers [18, p. 11]. The people participating in the research (and protests) assess democracy through the ruling party's prism and their relation to its policy.

Responses about the influence on political power were divided. Nevertheless, most people believed that they do not influence the national government (definitely not – 17%) (Fig. 2).

On the other hand, when it comes to the sense of influence on political power at the city level, it is much better than at the national level. Thus, only 30.5% (in the previous question, the number was almost 50%) believed that there is no influence on – in this case – local government. The number of people who believed that they had influence had grown from 27.5% to 34.5% (Fig. 3).

A significant number of respondents believed that they had no influence on politics both on national and local levels. 86% of people believed that young people's interests and problems were not represented in the public debate (Fig. 4). The protests that took place can be called the “speaker” of the problems of Polish youth, whose voice has long been skipped in the discourse of the government party.

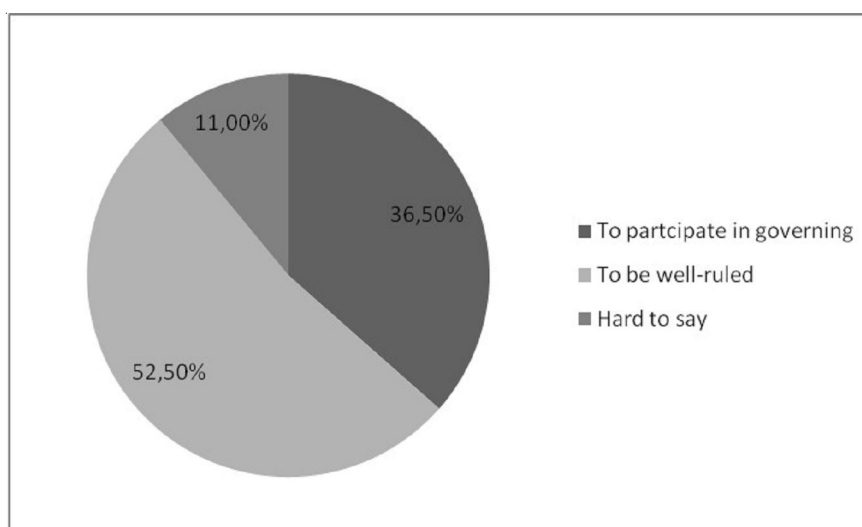

Fig. 1. Question: What do you personally care more about?

Source. Own research.

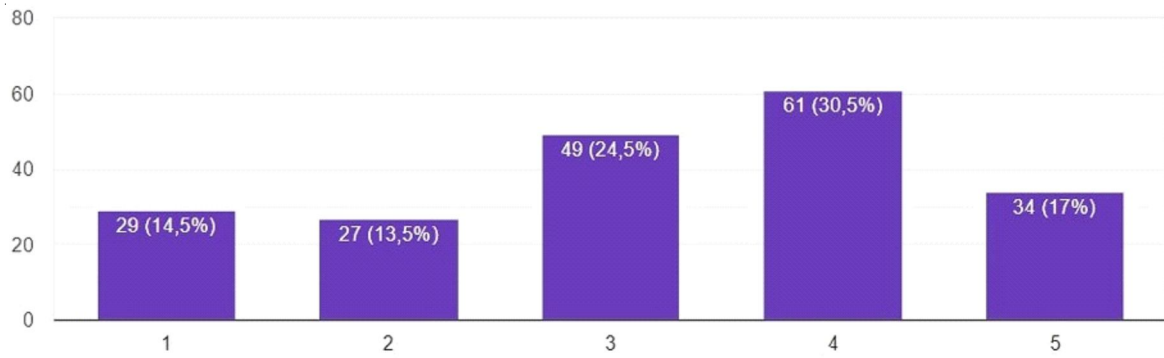

Fig. 2. Question: Do people like you influence the affairs of your country (1 – Definitely yes; 5 – Definitely no)
Source. Own research.

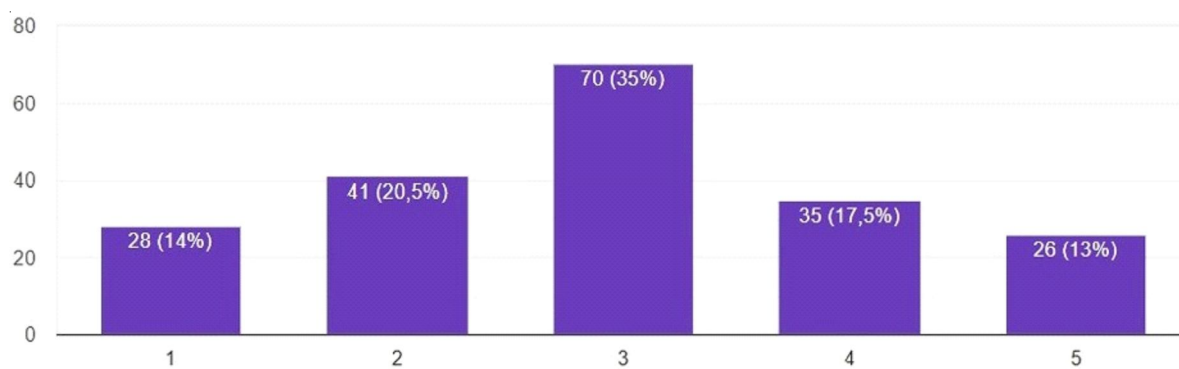

Fig. 3. Question: Do people like you influence the affairs of your Town/village (1 – Definitely yes; 5 – Definitely no)
Source. Own research.

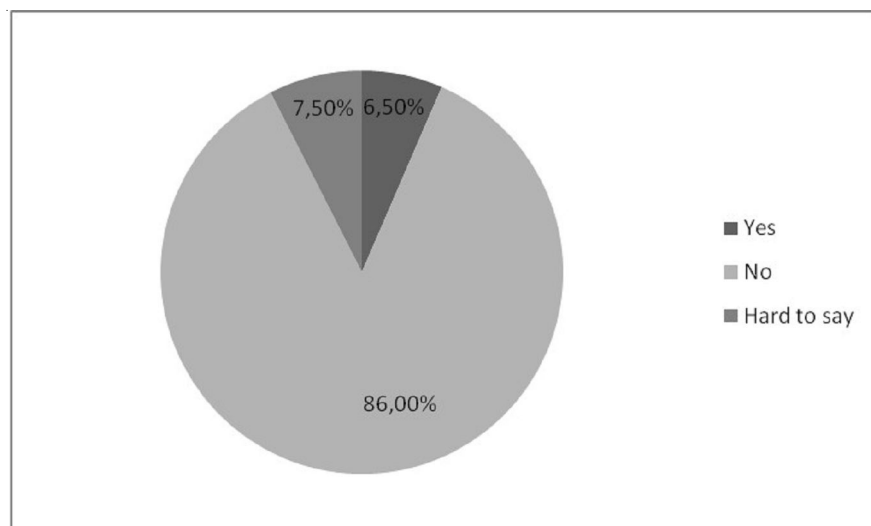

Fig. 4. Question: Do you think young people's interests and problems are sufficiently represented in the public debate

Source. Own research.

A decisive number of respondents (76%) also believed that Poland's Catholic Church played an active part in the conflict; while only 10% of the respondents had the opposite opinion. It should also be emphasized here that these events are not the first, but still one of the most significant symbols of problems which the Polish Catholic Church cannot cope with. Until now, young people were (as it was believed) entirely under the church's ideological influence (e.g. through religion lessons, often starting in kindergarten). However the 25–34 age group is the least religious in Poland – more than half of respondents in this group (51%) are either religiously uncommitted or outside of any religion, and just 17% are either strongly or moderately committed [22]. In 2010, 93% of the surveyed by CBOS youth attended religion classes in schools. However, what is worth noting that, according to research, in the last five years (2013–2018) the number of young people attending religion lessons decreased by 19%. Ipsos research also shows the “retreat” of the church in the minds of young Poles. In the research conducted on 25–27 November 2020, as many as 70% of people aged 18–29 believe that religion lessons should be transferred from schools to churches [32]. This may also indicate a change in the worldview among young people, and explain the significant number of protesters [15, p. 157]. The protests showed that the significant “loud” part of the new youth generation, is not so indifferent but hostile to the church. Even though

the research results suggest that respondents believed the church is involved in the problem, almost half of them (47%) described themselves as believers, 34.5% as atheists, and 18.5% of the respondents found it difficult to answer the question, whether they believed in God. Polish Centre for Public Opinion Research in their report Young 2018 showed quite similar data. 63% (+16%) was believers, 17% (-17.5%) declare that are atheists and there was 21% (-3.5%) undecided. It is not difficult to notice that the youth surveyed in Olkusz are less religious than their colleagues surveyed in 2018. However, it should also be emphasized that, compared to 2016, the number of believing young people decreased by 6%. It may explain the downward trend [15, p. 157]. The research data concerning the 500+ social program⁴, an essential idea of the PiS party to win over voters during the elections, was also impressive. As we can see in the diagrams below, as many as 63.3% of people were the program's opponents, while only 8.7% had a positive attitude towards it, and some 28% of research participants were in two minds (Fig. 1, 4–6, 9–11). Youth that take part in research definitely have a (pro) feminist attitudes. However, according to the CBOS survey results in March 2017, the majority of Poles – 77% – approved of the “500+ Family” programme [9; 10].

It was also important to ask participants about their social activity. It could show how active they were socially and politically. Most of the respondents replied that they had been active in the last year for

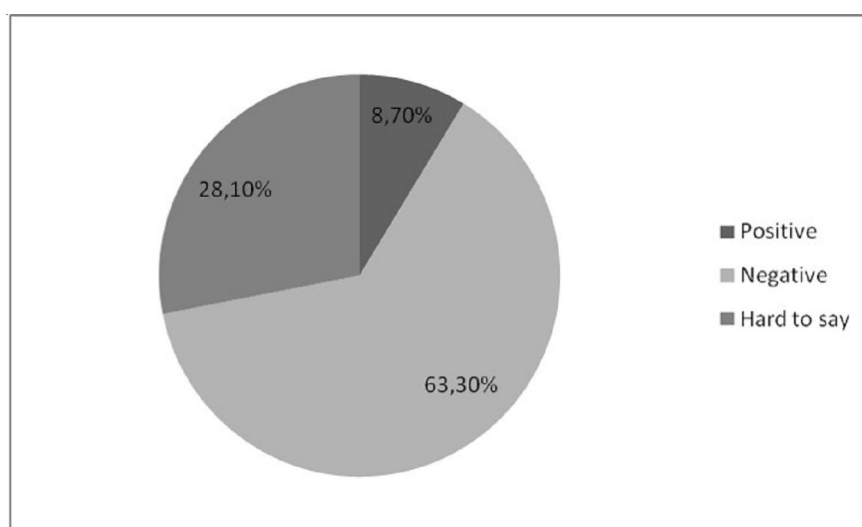

Fig. 5. Question: What is your attitude towards the 500+ program (social benefits for having kids: about 130\$ per child every month until he/she turns 18)
Source. Own research.

their local homeland (57%), while 43% denied such activity. Most people were also active only in signing petitions (54.5%), 17% of people did not undertake any social activity, only less than 10% of people this year participated in protests. The majority of people also believed that Poland's participation in the European Union had brought Poland more benefits than losses (62.5%). Only 3% of the respondents were of the opposite view. 18% of people did not have an opinion on this topic, which shows that many people should be educated and given substantial explanations. This issue is illustrated in figure 6.

In addition 42.5% of the respondents felt as much European as Pole, 22% more Polish than European, and 18.5% more European than Pole. The respondents were also asked whom they voted for in the previous parliamentary elections. As we can see, as many as 19% did not have voting rights a year ago, 6% did not vote. The results show how many young people took part in the protests in Olkusz. For many of the protesters, that was "the first contact with politics". Most of the respondents from Olkusz voted for the Civic Platform and the Democratic Left Alliance. Simultaneously, there were 9% of the far-right "Confederation" party's supporters and some 1% of the ruling Law and Justice party's voters. However, the exit poll research after the first round of presidential elections in June 2020 shows different results. Most voters between 18 and 29 y.o. declared that they voted for Rafał Trzaskowski (Citizens' Platform). Among the youngest voters, he received 23.8%. Just behind

him was Krzysztof Bosak, who collected 23% of votes (Confederation). Szymon Hoiownia gained slightly less support in this group of voters – 22.3% (his party did not run in the last parliamentary elections in 2019). The incumbent President Andrzej Duda, among 18–29 voters, gathered "only" 19.3%. The left-wing candidate – a declared homosexual – Robert Biedroń obtained 7.2% of their voices (Democratic Left Alliance-Spring) [27]. It clearly shows that those who attended the protests in Olkusz had liberal and leftist views (Fig. 7). However, when looking at the results across society, this is only the "noisy minority". The vast majority described their political views as leftist (almost 60%), 32.5% as a centrist, only 10% are people who consider themselves rightists.

The next issue is the approach to sexual relations among people participating in protests. It is reflected in the attitudes towards same-sex marriage since 84% of the respondents supported their legalization in Poland (Fig. 8). Pew Research Center in their "Spring 2019 Global Attitudes Survey" are showing similar conclusions, 60% of interviewed Poles in age 18-29 y.o. answered that "homosexuality should be accepted by society". As for the other age groups the researchers obtained the following results: people of 30–49 y.o. – 59%, those who are older than 50–33% [34].

Most of the respondents were young people, with 56.5% under 26 years old. It clearly shows that it was the youth that constituted the "core" of the protests at the very beginning.

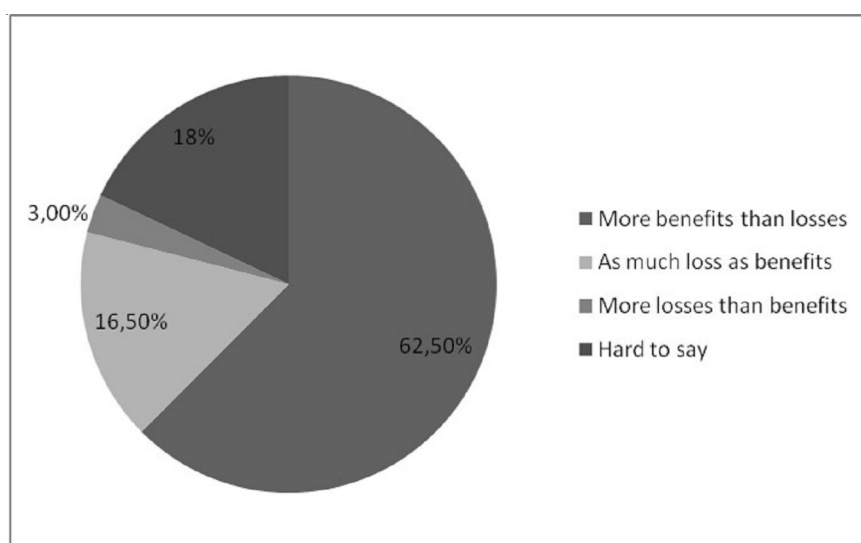

Fig. 6. Question: In your opinion, has membership in the European Union brought Poland
Source. Own research.

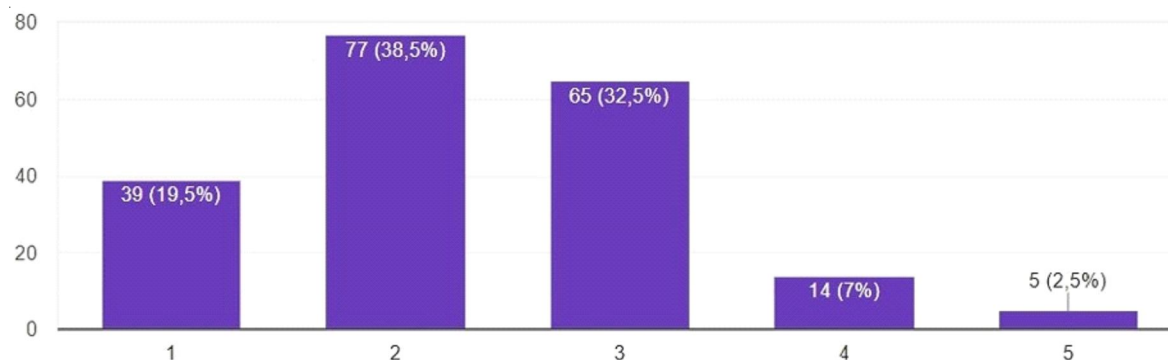

Fig. 7. Question: Where would you place political views on the scale (1 – left-wing views; 5 – right-wing views)

Source. Own research.

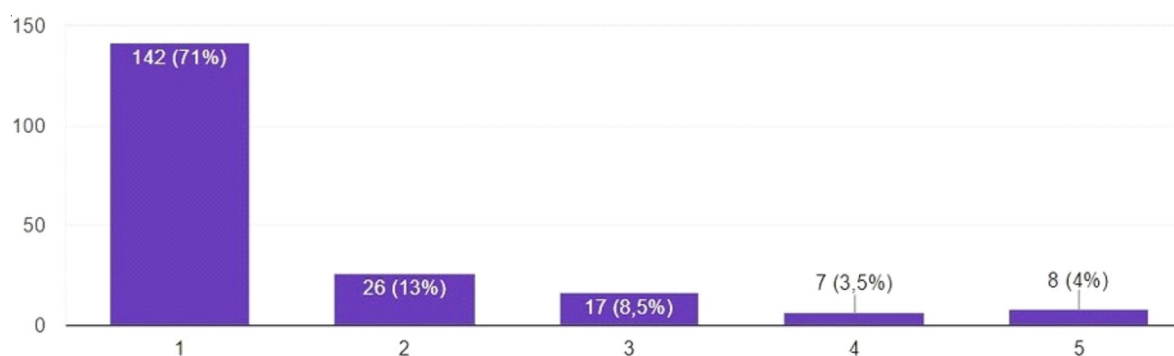

Fig. 8. Question: Please mark your opinion on the following points on the scale

Source. Own research. 1 – The law should allow same-sex partnership; 5 – The law should not allow same-sex partnership.

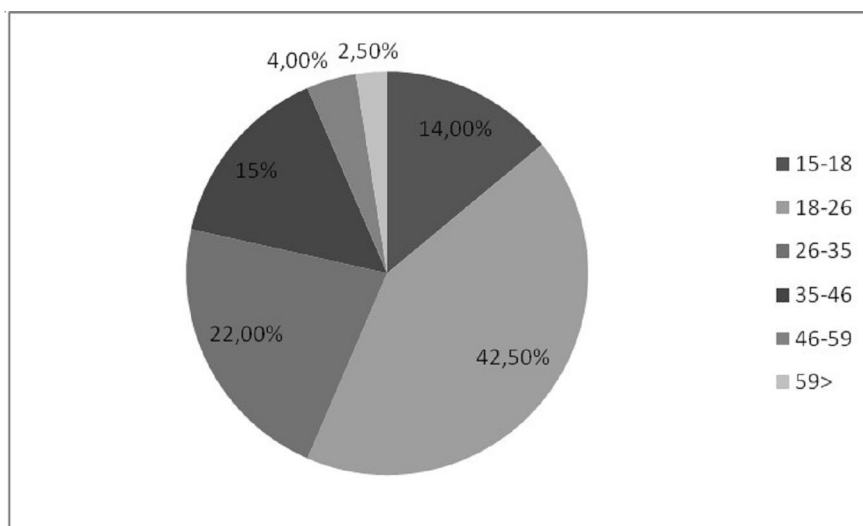

Fig. 9. Question: How old are you?

Source. Own research.

Almost 80% were women, which was obvious considering the subject of the protests.

Only 27.5% of those taking part in the protests were married. The vast majority of the study participants are either single or in an informal relationship, which is quite obvious considering the age of the people participating in the research.

Furthermore, almost 50% of the surveyed people were studying at school or university at the moment. It confirms the thesis that the events were new social movements (taking into account the Claus Offe's definition mentioned above of youth participation in new social movements).

Conclusions. More than half of the surveyed citizens were representatives of the Generation Z. The vast majority of demonstrators (56.5%) were young people (up to 26 years old). Almost 80% were women, and 70% of them were not married. 35 % were still students at a high school or university. "Gen Z" is often described as the generation open to new experiences, creative and innovative, tech-savvy, self-confident, ambitious, flexible, willing to develop and improve their skills continually, quickly adapting to changes. It also promotes freedom and space to be oneself, establishing interpersonal contacts, versatile and

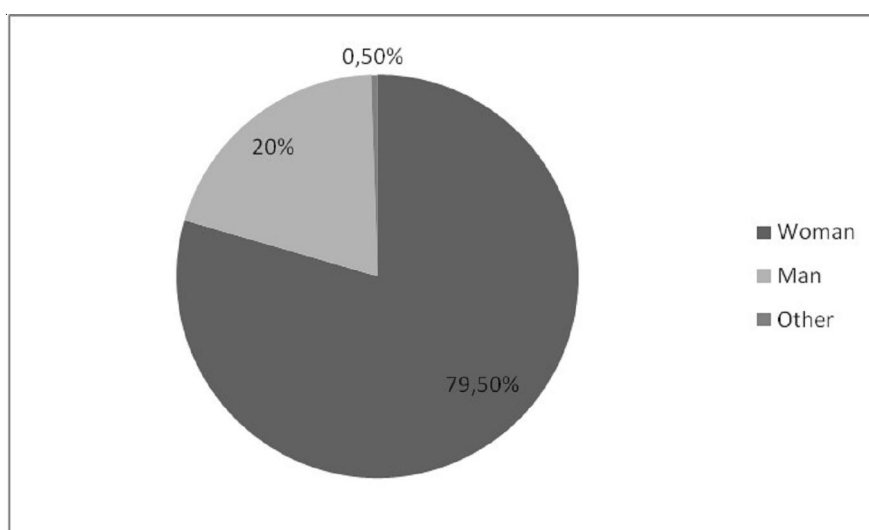

Fig. 10. Question: What is your gender?

Source. Own research.

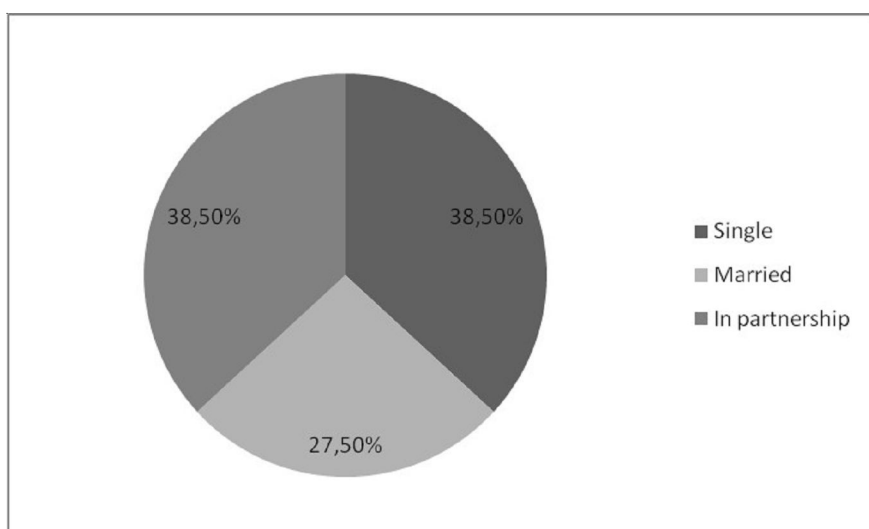

Fig. 11. Question: What is your marital status?

Source. Own research.

multi-tasking, honest and conciliatory and demanding, and full of enthusiasm for work, mutually motivating. This generation also has many negative qualities, like slyness, posturing, entitlement, internet addiction, lack of intrinsic motivation or low motivation, laziness, and unwillingness to become independent [42, p. 409]. Was it the representatives of the generation with these features that we dealt with? It is difficult to get a complete result from the research results, but there are indications that conclude an yes. It is hard not to notice that the organization of the meetings itself, the creation of events on social networks and internet groups show that we deal with people who use new technologies for contact. The generation using this channel on such level is generation Z – maybe this was the reason why there were so many protests in small cities – “magic of social networking events” which were not so popular earlier. The October protests were also a way for some youth to express their views beyond the internet – but what was important for some participants was that it was the only opportunity to meet each other during the pandemic. The youth did not believe in the success of the protests, but the possibility of protesting as a meeting, could also influence the number of youth participants – sometimes it could be first meeting of the full school classes since the beginning of the pandemic. However, it is worth emphasizing that the protesters in Olkusz (and probably also the participants of the protests in other cities) and Polish youth as a whole are not an ideological monolith, what was showed in question about European identification and which political parties they did support. Nevertheless, it should definitely be emphasized that the Olkusz youth participating in the research had feminist views, what they showed by their attitude to the program 500+. Research shows trends in the protesters’ social and political worldviews – the “loudest” part of Polish youth.

Protests wake up political requirements in the new generation. “Loud” part of generation Z, looks like it is not only different than their older colleagues but indeed this is not the youth that have conservative political views – what can be notice in Olkusz data. The research clearly shows that active youth in Olkusz who go out to the streets to protest (thus showing their civic attitudes) have left-wing or liberal political and social views. The success of the protests depends

on how big and strong the social movement will be and what will be the next polish social problems, but it will be as well first political experience for many youth Poles. However, it is worth considering whether the youth will still participate in the protests. It is difficult to predict whether they will continue to be so active after the pandemic. Persistence of the protests cannot be built on spontaneous meetings, but it should be established on the movement’s future institutionalization. Olkusz youth do not believe in the old government, for most of them system in Poland is not a pure democracy, and they see that polish politicians not at all understood their problems. It is also impossible not to notice the vast crisis in which the Catholic Church in Poland found itself – even when we only are analyzing Olkusz case study. “Louders” that took part in research are very liberal, most of them did not vote yet, but they will support the opposition in the next election. The case study of Olkusz clearly shows that we are at a historical moment where the new generation is slowly taking small steps to come to Poland’s political power. Research shows that it is not radical ideology that is pushing the young people to protest [19, p. 232], then the question remains open – is the participation of young people in these protests not a sign of a new generation slowly entering the political arena? On the other hand youth protest in new-Z Gen-type way, which can be characteristic like “vulgar, rude and instant”. An important factor is the lack of understanding of young people by the older generation of politicians. For them, young people, due to their low turnout in elections, are not an exciting target for election promises. However, what should be underlined currently is that, any decision, made by the conservative government aimed at young people may spark further protests. Nevertheless, it is necessary to emphasize that the presented studies are not representative, but they show the characteristics of people who first started organizing protests in a small town of Olkusz. It can be the first bell of change based on the new generation that will come to the political scene.

NOTES

¹ Powiat is the second-level local government and administration unit in Poland, equivalent to a county, district or prefecture in other countries.

² All over Poland in every cities there was made FB groups with information about the protest. It was mostly only possible to exchange information about organization moments – and main: “when and where”.

³ As of December 6, 2020, the number of members in the group is approximately 5800 people.

⁴ The “500+ Family” (“Rodzina 500+”) programme was launched on April 1 2016. By the end of July 2017, more than 3.99 million children under the age of 18 had received support from the government’s “Family 500+” programme, and over 2.6 million families had been provided with benefits totalling over PLN 31.2 billion [9]. One of the major concerns of the “Family 500+” programme is that the additional non-work income may hurt the labour market. Workers with low wages may have lower incentives to be active, and women, in particular, might be encouraged to stay home and take care of children [10].

REFERENCES

1. *Act of January 7, 1993, on Family Planning, Protecting the Fetus and Conditions for Permitting Termination*. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19930170078> (accessed 1 April 2021).
2. Avico U., Kaplan C.D., Korczak D., Van Meter K.M. *Cocaine Epidemiology in Three European Community Cities: A Pilot Study Using a Snowball Sampling Methodology. Research Report of the Cocaine Steering Group, Health Directorate Commission of the European Communities*. Brussels. Belgium, Research Report for European Communities, 1988. 151 p.
3. Bencsik A., Machova R. Knowledge Sharing Problems from the Viewpoint of Intergeneration Management. *ICMLG2016 – 4th International Conference on Management, Leadership and Governance*. Saint Petersburg, Curran Associates Inc., 2016, pp. 42-50.
4. Bryman A. *Social Research Methods*. 4th ed. New York, Oxford University Press, 2012. 766 p.
5. Chałasiński J. *Spółeczeństwo i wychowanie*. Warszawa, PWN, 1958. 335 p.
6. Cicourel A. *Method and Measurement in Sociology*. New York, Free Press, 1964. 247 p.
7. Couper M., Baker R., Bethlehem J., Clark C., Martin J., Nicholls II W., O’Reilly J. *Computer Assisted Survey Information Collection*. New York, John Wiley & Sons Inc. 1998. 680 p.
8. Danielewski M. *Nie cmokaj z niesmakiem na krzyk „Wypierdalać!”*. *Wulgarna jest tortura, nie gniew*. 2020, October 25. URL: <https://oko.press/nie-cmokaj-z-niesmakiem-na-krzyk-wypierdalac-wulgarna-jest-tortura-nie-gniew> (accessed 1 April 2021).
9. Family 500+ Programme. *Ministry of Family and Social Policy*, 2017, September 14. URL: <https://www.gov.pl/web/family/family-500-programme> (accessed 1 April 2021).
10. First Results of Poland’s Family 500+ Programme Released. *European Commission Employment, Social Affairs & Inclusion*. 2018, May 16. URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=89&furtherNews=yes&newsId=9104&langId=en> (accessed 1 April 2021).
11. Forster E. Computer Assisted Personal Interviewing: A Method of Capturing Sensitive Information. *IASSIST Quarterly*, 1999, no. 23 (2), pp. 26-38. DOI: <https://doi.org/10.29173/iq727>.
12. Frank O. Estimation of Population Totals by Use of Snowball Samples. Holland P.W., Leinhardt S.L., eds. *Perspectives on Social Network Research*. New York, Academic, 1977, pp. 319-347.
13. Friedrich R., Peterson M. *The Rise of Generation C. Implications for the World of 2020*. 2010, March 26. URL: <http://www.strategyand.pwc.com> (accessed 1 April 2021).
14. Gleń M. *Koronawirus – raport z 25 października. Nowe zakażenia w powiatach wadowickim, oświęcimskim, olkuskim i chrzanowskim. Zmarła jedna osoba*, 2020, October 25. URL: www.olkusz.naszemiasto.pl/koronawirus-raport-z-25-pazdziernika-nowe-zakazenia-w/ar/c1-7964133 (accessed 1 April 2021).
15. Głowacki A. Religijność młodzieży i uczestnictwo w lekcjach religii w szkołach. Grabowska M., Gwiazda M., eds. *Opinie i Diagnozy nr 43: Młodzież 2018*. Report CBOS, 2019, pp. 153-166.
16. Gobo G. Re-Conceptualizing Generalization: Old Issues in a New Frame. Alasuutari P., Bickman L., Brannen J., eds. *The SAGE Handbook of Social Research Methods*. London, SAGE Publications Ltd., 2008, pp. 193-213.
17. Hysa B. Zarządzanie różnorodnością pokoleniową. *Zeszyty Naukowe Politechniki Śląskiej. Organizacja i Zarządzanie*, 2016, no. 97, pp. 385-398.
18. Kamionka M. The Attitude of Ukrainian Student Youth Towards Democracy in Ukraine. *Sociological Studies*, 2020, 1 (16), pp. 6-13. DOI: <https://doi.org/10.29038/2306-3971-2020-01-06-13>.
19. Kamionka M.M. Yunyy revolyutsioner? Uroven’ radikalizma kak faktor protestnykh nastroyeniy ukrainskoy molodezhi [A Young Revolutionary? The Level of Radicalism As a Factor Determining Ukrainian Youth’s Mood to Protest]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2020, no. 57, pp. 224-235. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/57/21>.
20. Kaplan C.D., Korf D., Sterk C. Temporal and Social Contexts of Heroin-Using Populations: An Illustration of the Snowball Sampling Technique.

Journal of Nervous and Mental Disease, 1987, no. 175 (9), pp. 566-574. DOI: <https://doi.org/10.1097/00005053-198709000-00009>.

21. Klandermans B., Tarrow S., Mobilization into Social Movements: Synthesizing European and American Approaches. Klandermans B., Kriesi H., Tarrow S., eds. *From Structure to Action*. Greenwich, Ct: JAI Press, 1988, pp. 1-39.

22. Koschalka B. *Most Poles Religious but Few "Strongly Committed" to Their Faith, New Data Show*. 2020, March 12. URL: <https://notesfrompoland.com/2020/03/12/most-poles-are-religious-but-few-are-strongly-committed-to-their-faith-show-new-data> (accessed 1 April 2021).

23. Kuźniar A. *Komendant Główny Policji o protestach: zatrzymano blisko 80 osób; prowadzonych jest ponad 100 postępowań ws. Dewastacji*, 2020, October 29. URL: <https://www.gazetaprawna.pl/artykuly/1494857,komendant-glowny-policji-o-protestach-zatrzymano-blisko-80-osob-prowadzonych-jest-ponad-100-postepowan-ws-dewastacji.html> (accessed 1 April 2021).

24. Lisovskiy T.V. *Eskiz k portretu: zhiznennyye plany, interesy i stremleniya sovetskoy molodozhi* [Sketch for the Portrait. Life Plans, Interests, Aspirations of Soviet Youth]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1969. 208 p.

25. Lozar Manfreda K., Bosnjak M., Berzelak J., Haas I., Vehovar V. Web Surveys Versus Other Survey Modes – A Meta-Analysis Comparing Response Rates. *Int. J. Market Res*, 2008, no. 50, pp. 79-104. DOI: 10.1177/147078530805000107.

26. Mizuko I. *Living and Learning with New Media: Summary of Findings from the Digital Youth Project*. MacArthur Foundation Reports on Digital Media and Learning, The MIT Press, 2008. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED536072.pdf> (accessed 1 April 2021).

27. Miodzi wyborcy wskazali swojego faworyta. Duda poza podium. *Polsat News*, 2020, November 22. URL: <https://www.polsatnews.pl/wiadomosc/2020-06-28/mlodzi-wyborcy-wskazali-swojego-faworyta-duda-pozza-podium> (accessed 1 April 2021).

28. Molga T. *Strajk Kobiet i protesty uliczne. Sondaż wskazuje zaskakujących sojuszników*, 2020, November 2. URL: <https://wiadomosci.wp.pl/strajk-kobiet-i-protesty-uliczne-sondaz-wskazuje-zaskakujacych-sojusznikow-6571063641701056a> (accessed 1 April 2021).

29. Nowakowska K. *MEN każe zbierać dane o uczniach i nauczycielach biorących udział w strajku kobiet. Bez nazwisk, ale kary i tak będą*, 2020, November 3. URL: <https://serwisy.gazetaprawna.pl/edukacja/artykuly/1495239,men-dane-o-uczniach-nauczycielach-udzial-strajk-kobiet-kary.html> (accessed 1 April 2021).

30. Offe C. Nowe ruchy społeczne: przekraczanie granic polityki instytucjonalnej. Szczupaczyński J., ed. *Władza i społeczeństwo. Antologia tekstów z zakresu socjologii polityki*. Warszawa, Publisher Wydawnictwo Naukowe Scholar, 1995, vol. 1, pp. 226-233.

31. Ostrowska A. *Komentarz rzecznika prasowego MEN*, 2020, November 2. URL: <https://www.gov.pl/web/edukacja/komentarz-rzecznika-prasowego-men> (accessed 1 April 2021).

32. Pacewicz P. *NIE dla religii w szkole. Aż 68 proc. za odesłaniem katechezy do parafii*, 2020, December 25. URL: <https://oko.press/nie-dla-religii-w-szkole-68-proc-za-odeslaniem-katechezy-do-parafii-sondaz-oko-press> (accessed 1 April 2021).

33. Pasternak M. *Prawie 1000 osób protestowało w Olkuszu przeciw wyrokowi TK w sprawie zakazu aborcji*, 2020, October 26. URL: <https://kurierolkuski.pl/prawie-1000-osob-protestowalo-w-olkuszu-przeciw-wyrokowi-tk-w-sprawie-zakazu-aborcji> (accessed 1 April 2021).

34. Poushter J., Kent N. *The Global Divide on Homosexuality Persists*, 2020, June 25. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/06/25/global-divide-on-homosexuality-persists> (accessed 1 April 2021).

35. Pronczuk M. *How Poland's New Abortion Law Became a Flash Point*, 2020, October 27. URL: <https://www.nytimes.com/2020/10/27/world/europe/poland-abortion-ruling-protests.html> (accessed 1 April 2021).

36. *Protesty ws. aborcji. Policyjny bilans*, 2020, October 26. URL: <https://www.polsatnews.pl/wiadomosc/2020-10-26/protesty-ws-aborcji-policyjny-bilans> (accessed 1 April 2021).

37. Silverman D. *Doing Qualitative Research*. London, SAGE Publications, 2017. 592 p.

38. Sondaż Kantaru: 70 proc. badanych popiera protest Strajku Kobiet. *Rzeczpospolita*, 2020, November 19. URL: <https://www.rp.pl/Spoleszenstwo/201119278-Sondaz-Kantaru-70-proc-badanych-popiera-protest-Strajku-Kobiet.html> (accessed 1 April 2021).

39. Tilles D. *Polish Prosecutors Seek Charges Against Organizers of Abortion Protests for Endangering Public*, 2020, October 29. URL: <https://notesfrompoland.com/2020/10/29/polish-prosecutors-seeks-charges-against-organisers-of-abortion-protests-for-endangering-public> (accessed 1 April 2021).

40. Wieviorka M. Grand résumé de Neuf leçons de sociologie. *Journal Sociologie*S. Paris, 2010, December 27. URL: <http://journals.openedition.org/sociologies/3367> (accessed 1 April 2021).

41. Yin R.K. *Case Study Research and Applications: Design and Method*. Thousand Oaks, SAGE Publications, California, 2014. 282 p.

42. Żarczyńska-Dobiesz A., Chomętowska B., Pokolenie „Z” Na Rynku Pracy – Wyzwania Dla Zarządzania Zasobami. *Research Papers of Wrocław University of Economics*, 2014, no. 350, pp. 405-415. DOI: 10.15611/pn.2014.350.36.

43. Ziętek A. Ruchy Protestu Jako Przykład Asertywnej Kultury Obywatelskiej. Przypadek Ogólnopolskiego Strajku Kobiet. *Athenaeum. Polskie Studia Politologiczne*, 2020, vol. 65 (1), pp. 156-172. DOI: <https://doi.org/10.15804/athena.2020.65.10>.

Information About the Author

Mateusz Kamionka, PhD in Political and Public Administration Sciences, Assistant Professor, Institute of Political and Administration Science, Pedagogical University of Cracow, Podchorążych St, 2, 30-084 Cracow, Poland, mattkamionka@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7316-145X>

Информация об авторе

Матеуш Камсионка, PhD по политическим наукам и публичному управлению, доцент, Институт политических и административных наук, Педагогический университет Кракова, ул. Подхоронжих, 2, 30-084 г. Краков, Польша, mattkamionka@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7316-145X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.9>

UDC 323.1(470.6)+323.2

LBC 66.5(2Poc)

Submitted: 13.07.2020

Accepted: 24.11.2020

ETHNOPOLITICAL PROCESSES IN THE CAUCASUS: IDENTITY CONFLICT AND POLITICAL ACTIVITY OF YOUTH¹

Aleksej M. Erohin

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Sergej M. Vorobev

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Evgenii A. Avdeev

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article presents the results of the research, which helped to determine the assessments and perceptions of young people in the Caucasus region about the state, nature and direction of the development of ethno-political processes, to identify common and special in the views of youth in the North and South Caucasus. **Methods and Materials.** Sociological research within the framework of the scientific project "Ethno-Political Processes in the Caucasus in the Assessments and Perceptions of Modern Youth" was carried out by the authors of the article in 2019 using the online survey method. 2,000 respondents were interviewed, namely students of leading universities of the region (1,000 respondents were interviewed in the North Caucasus and 1,000 respondents in the South Caucasus), the age of the respondents being 18-24 years old. The role of state authorities in the formation of civic and national identity among youth of the North Caucasus was revealed as a result of the content analysis of regional programs and other information materials in 2018. **Analysis.** It was found that the spectrum of the main ethno-political issues of concern to young people in the Caucasus region is largely identical for both the North and South Caucasus. It was revealed that civic, national, and religious identities are of priority and equal importance for the vast majority of youth. Civic and national identity for the absolute majority of Caucasian respondents is associated with the preservation of national culture and history, pride of their country and its achievements, protection of the Fatherland, and the guarantee of human rights and freedoms. Regional identity is a priority for the overwhelming majority of young people in the Caucasus. It can be assumed that risks of conflict between civil, national, and confessional identities persist among young people in the region. Youth in the Caucasus have a high level of political activity and consider their active participation in the political life of the region necessary. At the same time, they are more inclined towards a constructive solution to socio-political problems, volunteering, as well as dialogue and cooperation with state authorities. The main actors forming political views, according to the majority of respondents, are the environment in which they communicate, close relatives, as well as the blogosphere and social networks. The role of state administration in the formation of civil and national identity among young people in the North Caucasus is analyzed. The conclusion is that it is necessary to strengthen work in the region to develop public initiatives among youth, to involve them in socially significant activities, to activate their creative potential, and to develop their participation in various civil society institutions, especially volunteer organizations. **Results.** The conclusion is made about the need for a wide integration of young people of the region into the all-Russian socio-cultural space, the implementation of equal partnership between youth, civil society institutions and state authorities, greater involvement of young people in activities that contribute to the economic, socio-political and cultural development of the region.

Key words: youth, ethno-political processes, Caucasus, political activity, civic identity, national identity.

Citation. Erohin A.M., Vorobev S.M., Avdeev E.A. Ethno-political Processes in the Caucasus: Identity Conflict and Political Activity of Youth. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 112-125. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.9>

УДК 323.1(470.6)+323.2
ББК 66.5(2Рос)

Дата поступления статьи: 13.07.2020

Дата принятия статьи: 24.11.2020

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА КАВКАЗЕ: КОНФЛИКТ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ¹

Алексей Михайлович Ерохин

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Сергей Михайлович Воробьев

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Евгений Александрович Авдеев

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследования, позволившего определить оценки и представления молодежи Кавказского региона о состоянии, характере и направленности развития этнополитических процессов, выявить общее и особенное в представлениях молодежи Северного Кавказа и Южного Кавказа. Было установлено, что спектр основных этнополитических проблем, которые беспокоят молодежь Кавказского региона, во многом идентичен как для Северного Кавказа, так и для Южного Кавказа. Выявлено, что гражданская, национальная и религиозная идентичности являются приоритетными и равнозначными для абсолютного большинства молодых людей. Национальная идентичность для преобладающего числа респондентов Кавказа связана с сохранением национальной культуры и истории, гордостью за свою страну и ее достижения, защитой Отечества. Можно предположить, что среди молодежи региона сохраняются риски конфликтности гражданской, национальной и конфессиональной идентичностей. У молодых людей на Северном и Южном Кавказе выявлен высокий уровень политической активности, большинство опрошенных желает участвовать в общественно-политической жизни страны. При этом молодежь региона настроена в большей степени на конструктивное решение социально-политических проблем, волонтерскую деятельность, а также диалог и сотрудничество с органами государственной власти. Главными акторами, формирующими политические взгляды, по мнению большинства респондентов, являются среда, в которой они общаются, близкие родственники, а также блогосфера и социальные сети. Анализируется роль органов государственного управления в формировании гражданской и национальной идентичности у молодежи Северного Кавказа. Делается вывод о необходимости широкой интеграции молодежи региона в общероссийское социокультурное пространство, реализации равноправного партнерства молодежи, институтов гражданского общества и органов государственного управления, большее включение молодых людей в деятельность, способствующую экономическому, социально-политическому и культурному развитию региона. *Вклад авторов.* Создание концепции статьи, написание вводного раздела принадлежит А.М. Ерохину. Разработка и описание методологии исследования принадлежит С.М. Воробьеву и Е.А. Авдееву. Анализ результатов исследования конфликта идентичностей и политической активности молодежи принадлежит А.М. Ерохину, С.М. Воробьеву, Е.А. Авдееву. Оценка роли органов государственного управления в формировании гражданской и национальной идентичности у молодежи Северного Кавказа на основе контент-анализа проведена Е.А. Авдеевым. Выводы и рекомендации сформулированы С.М. Воробьевым и Е.А. Авдеевым.

Ключевые слова: молодежь, этнополитические процессы, Кавказ, политическая активность, гражданская идентичность, национальная идентичность.

Цитирование. Ерохин А. М., Воробьев С. М., Авдеев Е. А. Этнополитические процессы на Кавказе: конфликт идентичностей и политическая активность молодежи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 112–125. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.9>

Введение. Кавказ является значимым геостратегическим макрорегионом, сочетающим в себе сложную палитру этнополитичес-

ких проблем, несущих риски и угрозы безопасности, сепаратизма и экстремизма в России. Взаимодействие Российской Федерации

со странами Южного Кавказа является основным фактором стабилизации этнополитических процессов, укрепления интеграционных связей, мира и добрососедства в регионе. Латентная конфликтность в сфере этнополитических процессов и постоянная угроза дестабилизации этнополитического пространства региона – фундаментальная проблема, требующая научного анализа и конструктивного решения для обеспечения политической стабильности и дальнейшей экономической и социокультурной интеграции. Кавказ – полиэтнический и поликонфессиональный регион, и это обуславливает наличие рисков конфликтности в этнополитических процессах. В 2019 г. авторами статьи в рамках научного проекта «Этнополитические процессы на Кавказе в оценках и представлениях современной молодежи» (грант РФФИ № 19-011-31300) было проведено исследование оценок и представлений молодежи Кавказа о состоянии, характере и направленности развития этнополитических процессов в регионе методом социологического опроса. Контент-анализ региональных программ и других информационных материалов региональных органов публичной власти позволил изучить передовой опыт и выявить инновационные, социально значимые молодежные мероприятия, проводившиеся в регионе.

Методы и материалы. Методологической основой анализа является нормативно-ценностная концепция М. Вебера, основанная на идеях о коллективных представлениях, убеждениях, целях и ценностях, лежащих в основе идентичности [2], структурный функционализм Т. Парсонса, который позволяет рассмотреть роль политических акторов в социальных взаимодействиях [6], теория социальной коммуникации К. Дойча в аспектах роли коммуникации в формировании национальных и государственных общностей [14]. Также методологической основой выступает концепция формирования гражданской идентичности Ч. Тилли на основе укрепления устойчивой связи между индивидом и государством [19] и концепция расширения инфраструктурной власти государства М. Манна, предполагающая усиливающееся влияние государства на все сферы общественной жизни, которое замещает традиционные механиз-

мы регламентации социальных отношений [15]. При этом происходит и возрастание воздействия гражданского общества на институты государственной власти. Применение подходов Ч. Тилли и М. Манна для исследования специфики взаимодействия государственной власти и гражданского общества на Кавказе теоретически обосновывается Н.Ю. Силаевым [8].

Понятие «конфликты идентичностей» было рассмотрено Дж. Бертоном и Дж. Ротманом. Согласно Дж. Бертону, базовыми для человека становятся потребности в идентичности и безопасности. Риски размывания и потери идентичности рассматриваются им как одна из главных угроз безопасности. Дж. Ротман отмечает такие важные свойства конфликта идентичностей (с трудом поддающиеся управлению), как иррациональность и субъективность [17]. По мнению Э. Смита, в основе формирования современных гражданских наций лежат этническая идентичность, этническая солидарность, культура и историческая память [18, с. 16]. При рассмотрении статуса этнической идентичности в содержании региональных конфликтов четко прослеживается связь с социокультурными ценностями традиционных обществ, при этом гражданская идентичность и индивидуалистические ценности не имеют большого значения. Участие молодежи в политической жизни важно в силу ряда причин, таких как: возможность влиять на процессы принятия решений с целью защиты групповых интересов; политическое участие предполагает развитие политической социализации, усиливает чувство личной принадлежности, что развивает гражданскую идентичность. Все это важно при урегулировании межнациональных конфликтов, развитии гражданской идентичности в полиэтнических и поликультурных сообществах.

В ходе проведенного авторами статьи в 2019 г. социологического исследования в рамках научного проекта «Этнополитические процессы на Кавказе в оценках и представлениях современной молодежи» было опрошено 2 000 респондентов – студентов ведущих вузов региона (1 000 чел. на Северном и 1 000 чел. на Южном Кавказе), возраст опрошенных – 18–24 года. На Северном Кавказе респондентами стали студенты – представители всех

субъектов СКФО РФ, на Южном Кавказе – студенты Республик Южная Осетия, Абхазия, Армения и Азербайджан. Опрос был проведен в онлайн-форме, вопросы анкеты были сформированы с помощью облачных инструментов (Google Формы). Роль органов государственного управления в формировании гражданской и национальной идентичности у молодежи Северного Кавказа была раскрыта в результате контент-анализа региональных программ и других информационных материалов, отражающих работу органов публичной власти по формированию межнационального согласия, гражданской ответственности и патриотизма современной молодежи субъектов СКФО РФ в 2018 году.

Анализ. На основе исследования было установлено, что этнополитические процессы на Кавказе характеризуются высокой политической активностью молодежи, в молодежной среде сохраняется риск возникновения конфликта гражданской, национальной и религиозной идентичности. Северный Кавказ проходит сложный этап модернизации и урбанизации, сопровождающийся разрушением традиционного образа жизни, снижением значения прежних общественных отношений, ведущую роль в которых играли род и община. Молодежь региона, предпочитающая городской образ жизни, ценности индивидуализма, самореализации и материального благополучия, в большей степени подвержена данным трансформациям, которые зачастую носят конфликтный характер [9]. Результаты проводившихся в Северо-Кавказском регионе социологических исследований показывают, что здесь общая государственность является определяющей формирование гражданской идентичности. Так, по словам В.А. Тишкова, общероссийская идентичность представляет собой «солидарность и повседневную лояльность, чувство принадлежности к одному народу и признание государства своим» [11, с. 66]. В основе формирования межнационального согласия, солидарности и укрепления социально-политической стабильности на Северном Кавказе лежит идея «единства России как поликультурной страны и единения россиян как многонационального народа с общей историей, с тысячелетним уникальным цивилизационным ресурсом» [4, с. 11]. Гражданская идентичность является приоритетной для аб-

солютного большинства россиян (по данным исследования ИС РАН, она была зафиксирована у 75 % опрошенных; согласно опросам ВЦИОМ по заданию ФАДН в конце 2017 г., – у 84 % респондентов). Как отмечает Л.М. Дробижева, «на повседневном уровне наши граждане вполне разделяют российскую, гражданскую идентичность, отделяя ее от этнической (этнонациональной)» [3, с. 107–108].

По результатам региональных исследований, проводившихся в 2017–2018 гг., можно заключить, что в СКФО сохраняются корни и конкретные источники этнополитической напряженности, что придает сформировавшемуся в последние годы позитивному тренду развития межэтнических отношений неустойчивый характер и повышает риски дестабилизации этнополитической ситуации [5; 13]. Региональными экспертами также отмечается, что в молодежной среде на Северном Кавказе продолжает сохраняться риск возникновения конфликта гражданской, этнической и религиозной идентичностей. Ксенофобия хотя и не является в современной молодежной среде преобладающей тенденцией, но иногда проявляется в бытовых взаимоотношениях и в интернет-пространстве [3; 12, с. 10–12]. Исследование 2013 и 2014 г., проведенное группой экспертов под руководством академика В.А. Тишкова, показало, что ассоциации с образом Родины разделились практически поровну между своим регионом (56 % опрошенных) и страной в целом (51 % опрошенных) [10, с. 81–83]. Результаты исследования Института социологии РАН свидетельствуют о том, что главными чувствами, которые выражают личное отношение россиян к сегодняшней России, являются любовь, гордость и уважение [7, с. 159]. В.А. Авксентьев и Г.Д. Гриценко отмечают, что в регионе сохраняется вероятность конфликта общероссийской, этноконфессиональной и региональной идентичностей [1, с. 81].

Молодежь в XXI в. по-прежнему характеризуется высоким уровнем политической активности, при этом процессы ее формирования и направленность деятельности во многом отличаются от предыдущих поколений. Наряду с прежними социальными институтами формирования личности молодых людей большую роль играют социальные сети и но-

вые медиа. Цифровая среда формирует новые системы социальной коммуникации, Интернет становится альтернативой, дополняющей реальное существование молодых людей [16, с. 347]. Особенностью политического участия молодежи становится его неформальность, обращение к новым, зачастую неинституционализированным политическим практикам и инструментам [20].

Результаты. По результатам исследования «Этнополитические процессы на Кавказе в оценках и представлениях современной молодежи», проведенного в 2019 г. авторами статьи, установлено: наиболее важными для абсолютного большинства молодых людей Кавказа являются гражданская, национальная и религиозная идентичности, что может привести к конфликтности этих свойств. Религиозные нормы в большей степени являются основой поведения для студентов Северного Кавказа, а правовые нормы – Южного Кавказа. Гражданская идентичность является важной для абсолютного большинства респондентов (81 % опрошенных на Северном и 76 % – на Южном Кавказе). Две трети респондентов отметили важность для себя и национальной идентичности (67 % опрошенных на Северном и 75 % – на Южном Кавказе). Таким образом, в структуре идентичностей студентов как Северного, так и Южного

Кавказа одинаково приоритетными являются как национальная, так и гражданская идентичности (рис. 1).

Значимость гражданской, национальной и религиозной идентичностей проявляется и в нормах, которые являются основой поведения молодежи. Среди них выделяются правила поведения, которые приняты в их окружении, – 20 % на Северном и 25 % на Южном Кавказе, а также традиции и обычаи народа, к которому они принадлежат, – 24 % на Северном и 18 % на Южном Кавказе. Религиозные нормы являются основой поведения для 24 % студентов Северного Кавказа и 11 % студентов Южного Кавказа. Правовые нормы являются основой поведения для 20 % студентов Северного и 30 % Южного Кавказа. Основой поведения студентов и Северного, и Южного Кавказа являются общие нормы, принятые в их окружении, традиции и обычаи народа, к которому они принадлежат, а также основы светской этики. Религиозные нормы более значимы для студентов Северного Кавказа, а правовые нормы – для студентов Южного Кавказа (см. рис. 2).

Абсолютное большинство опрошенных студентов Северного и Южного Кавказа считает важным для себя осознание связи со своей страной, с малой родиной, ближайшими родственниками и людьми своей национальности (см. рис. 3).

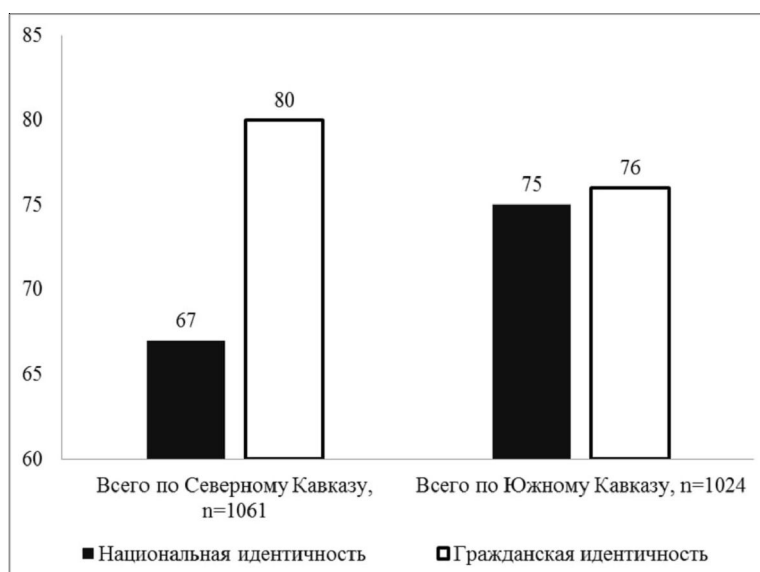

Рис. 1. Какие из идентичностей для Вас являются наиболее важными? (в %)

Fig. 1. Which of the identities are most important to you? (%)

Рис. 2. Какие нормы, прежде всего, являются основой Вашего поведения? (в %)

Fig. 2. What norms, first of all, are the basis of your behavior? (%)

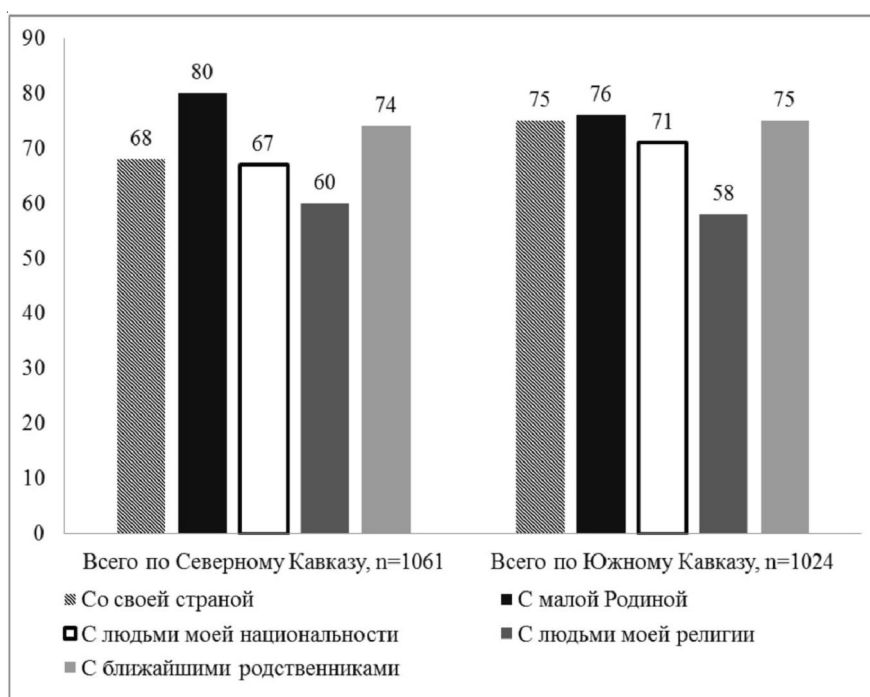

Рис. 3. Насколько важно для Вас осознавать свою связь... (в %)

Fig. 3. How important is it for you to be aware of your connection... (%)

Результаты исследования показали, что гражданская и национальная идентичности для абсолютного большинства респондентов Кавказа связаны с сохранением национальной культуры и истории, гордостью за свою страну и ее достижения, защитой Отечества. Можно отметить, что в понимании патриотизма молодежь Кавказа сочетаются как традиционные, так и современные ценности, что может являться фактором их политичес-

кой активности. Патриотизм у молодежи Кавказа ассоциируется в первую очередь с сохранением национальной культуры и истории (82 % студентов Северного и 87 % студентов Южного Кавказа), с гордостью за свою страну и ее достижения (74 % – Северного, 78 % – Южного Кавказа) и защитой территориальной целостности и суверенитета страны (73 % – Северного и 71 % – Южного Кавказа), а также с защитой прав и свобод

(70 % – студентов Северного и 71 % – Южного Кавказа). Значимых различий во взглядах студентов Северного и Южного Кавказа нет (рис. 4).

Гражданская и политическая активность студенческой молодежи Кавказа. По данным настоящего исследования, студенческая молодежь Кавказского макрорегиона отличается высоким уровнем политической активности и считает для себя важным и значимым участие в общественно-политической жизни страны. При этом она настроена в большей степени на конструктивное решение социально-политических проблем, волонтерскую деятельность, а также диалог и сотрудничество с органами государственной власти. Абсолютное большинство респондентов отметили, что считают необходимым активное участие молодежи в политической жизни своего региона (республики) (77 % опрошенных на Северном и 84 % на Южном Кавказе) (см. рис. 5).

Большинство респондентов указало, что хотели бы более активно влиять на политическую ситуацию (см. рис. 6).

Большинство опрошенных считает, что их общественная активность способна оказать влияние на улучшение социально-политической ситуации. Различий во взглядах сту-

дентов Северного и Южного Кавказа по этому вопросу нет (см. рис. 7).

Студенческая молодежь Кавказа продемонстрировала высокий уровень готовности участвовать в общественно-политической жизни и вовлеченности в политические процессы. Так, абсолютное большинство респондентов (82 % опрошенных на Северном Кавказе и 87 % на Южном Кавказе) готово участвовать в голосовании на выборах. Меньше всего студенты Северного (38 %) и Южного Кавказа (37 %) хотят посещать митинги и демонстрации. Нет желания большинства опрошенных участвовать в деятельности политических партий, за исключением студентов республики Армения (51 %). Хотелось бы отметить, что большинство студентов как Северного (60 %), так и Южного Кавказа (59 %) готовы участвовать в такой форме общественной деятельности, как социальное волонтерство (см. рис. 8).

Ведущую роль в формировании политических взглядов респондентов и на Северном, и на Южном Кавказе играет среда, в которой они общаются, близкие родственники, органы государственной власти, блогосфера и социальные сети, а также ведущие СМИ (см. рис. 9).

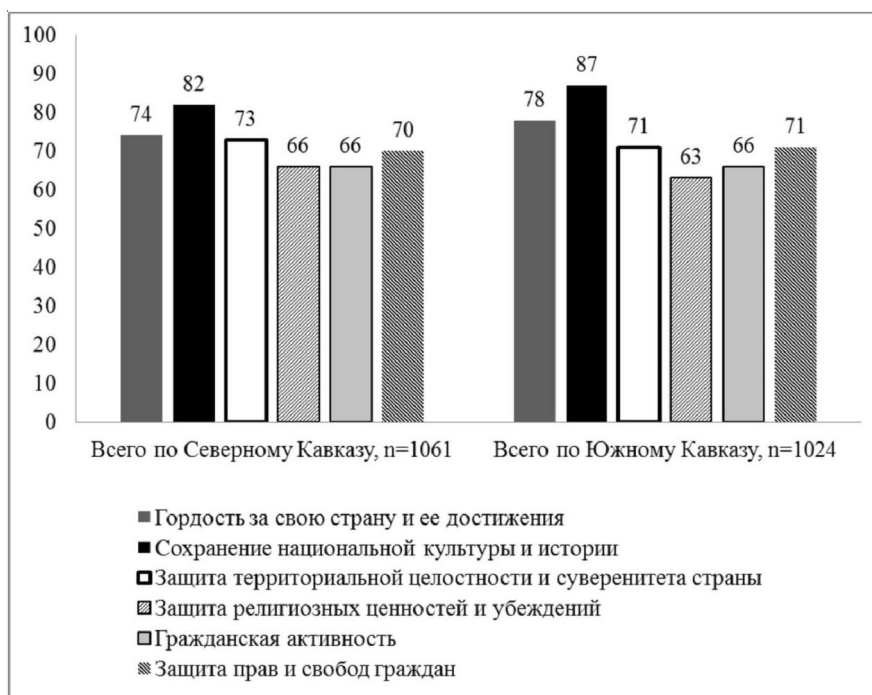

Рис. 4. Что для Вас означает патриотизм? (в %)

Fig. 4. What does patriotism mean to you? (%)

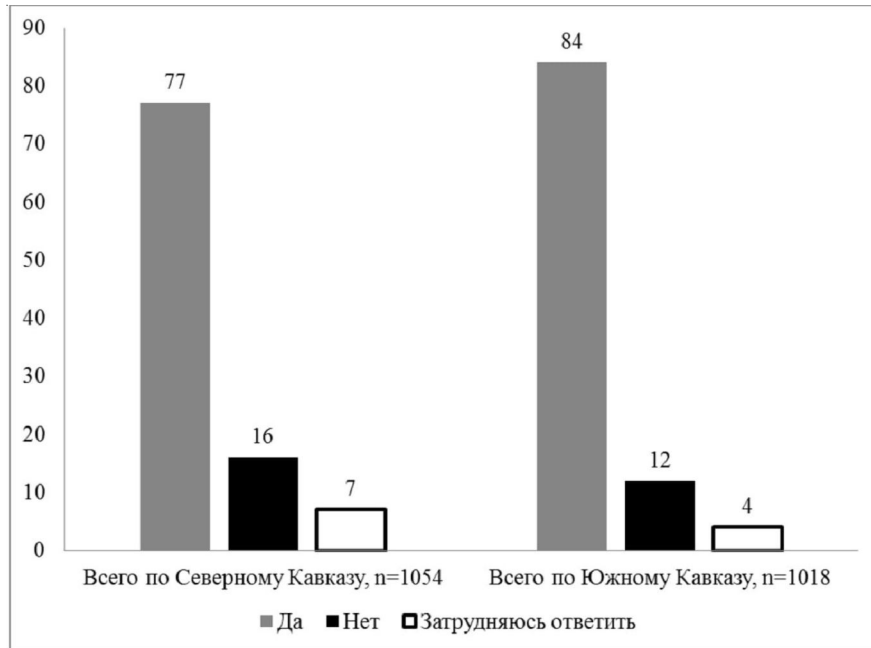

Рис. 5. Считаете ли Вы активное участие молодежи в политической жизни Вашего региона (республики, страны) необходимым? (в %)

Fig. 5. Do you consider the active participation of youth in political life your region (republic, country) necessary? (%)

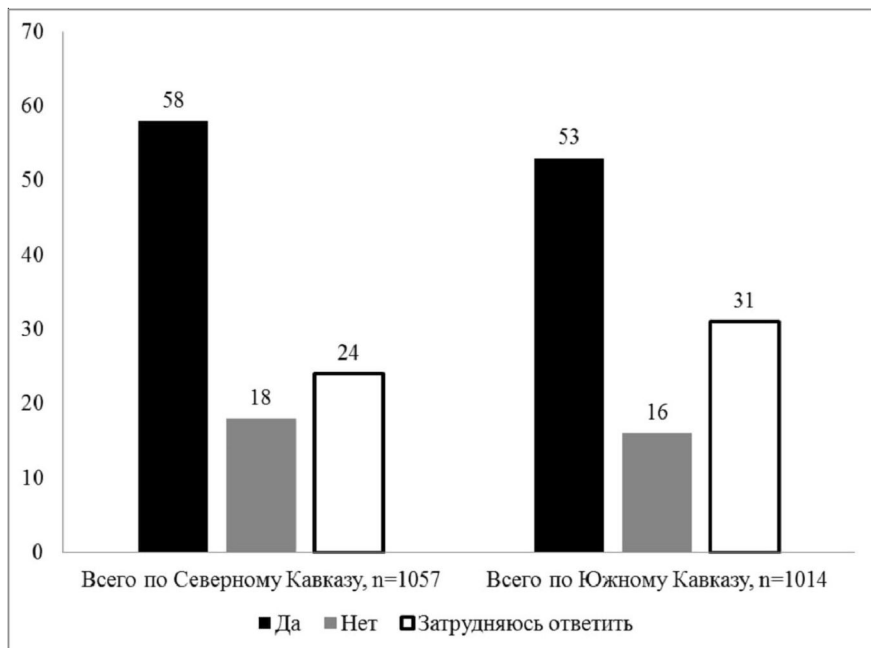

Рис. 6. Хотели ли бы Вы более активно влиять на политическую ситуацию в Вашем регионе (республике, стране)? (в %)

Fig. 6. Would you like to more actively influence the political situation in your region (republic, country)? (%)

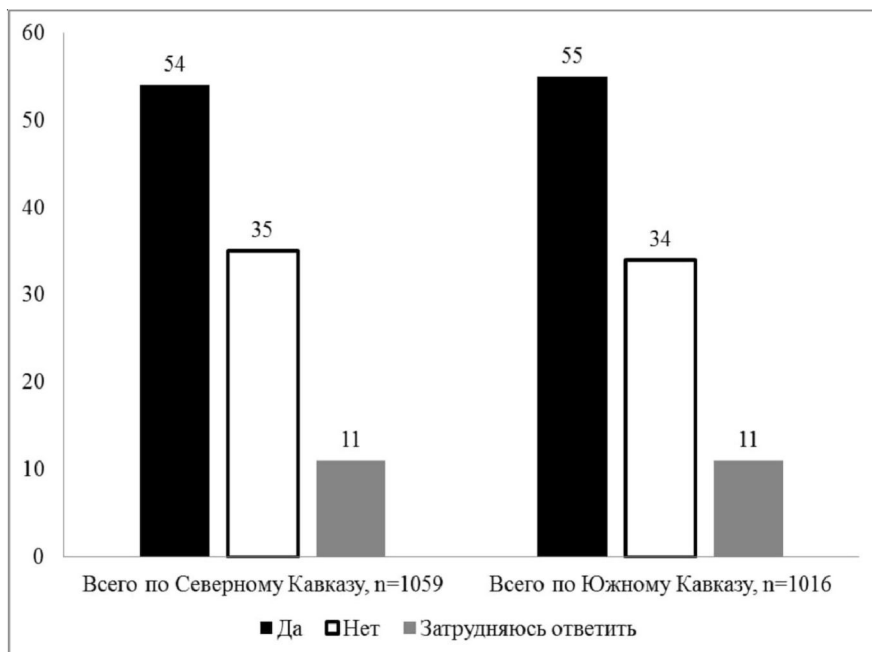

Рис. 7. Считаете и Вы, что Ваша общественная активность повлияет на изменение социально-политической ситуации в Вашем регионе (республике, стране) в лучшую сторону? (в %)
 Fig. 7. Do you believe that you, as well as your public activity would have any positive effect on the social and political situation in your area (republic, country)? (%)

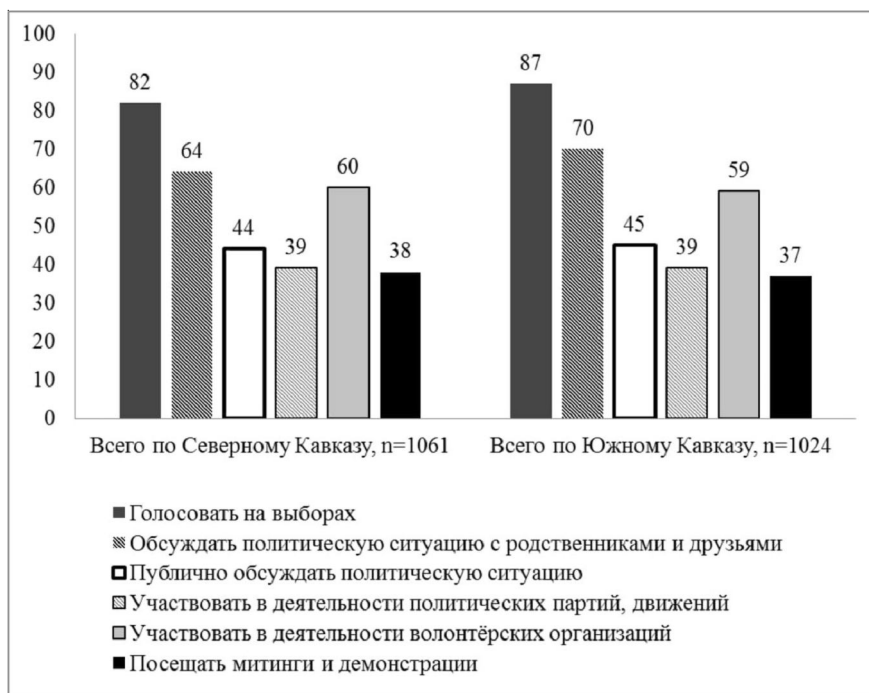

Рис. 8. В каких формах политической активности Вы готовы участвовать? (в %)
 Fig. 8. In what forms of political activity are you ready to participate? (%)

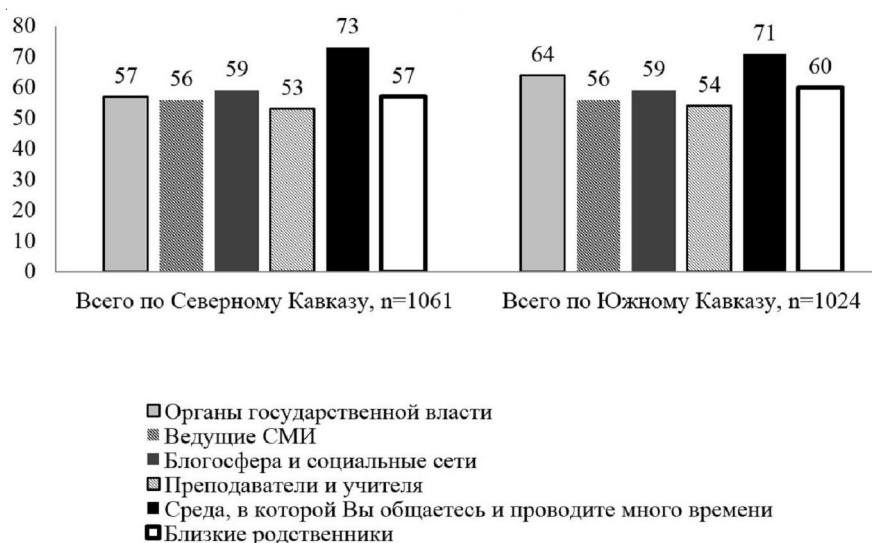

Рис. 9. Кто, по Вашему мнению, повлиял на формирование Ваших политических взглядов? (в %)

Fig. 9. Who, in your opinion, influenced the formation of your political views? (%)

Роль органов государственного управления в формировании гражданской и национальной идентичности у молодежи Северного Кавказа. В ходе контент-анализа, проведенного авторами статьи, были проанализированы региональные программы молодежной и национальной политики и другие информационные материалы, отражающие работу органов публичной власти, способствующую формированию межнационального согласия, гражданственности и патриотизма у молодежи региона в 2018 году. Органами публичной власти было проведено около 200 социально значимых мероприятий общественно-политической направленности с привлечением большого числа участников (более 200 тыс. чел.).

Среди них преобладают мероприятия, способствующие формированию межэтнического диалога и согласия, в ходе которых развивалось межэтническое взаимодействие на основе знакомства с национальной культурой и историей народов, проживающих в регионе. Это способствовало развитию этнического самосознания и усиливало этническую идентичность молодежи. Среди наиболее значимых мероприятий меньше тех, которые связаны с формированием патриотизма и гражданственности (см. таблицу). Можно констатировать, что общероссийской гражданской идентичности молодежи Северного Кавказа уделяется меньше внимания.

Это может являться одной из причин конфликтности национальной, религиозной и гражданской идентичностей.

На основе исследования можно сделать вывод о необходимости синхронизации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. и Основ государственной молодежной политики до 2025 года. Следует сформировать единые общие подходы и общее концептуальное видение реализации целей и задач молодежной и национальной политики в субъектах СКФО, включение целей и задач национальной политики в молодежную политику региона. В системе государственного управления субъектов СКФО РФ отсутствует глубокая координация программ национальной и молодежной политики между субъектами СКФО РФ. Необходимо выявление и распространение лучших практик в сфере национальной и молодежной политики во всех субъектах СКФО РФ. Эти предложения могут быть реализованы путем создания единого центра координации и развития молодежной и национальной политики в регионе, что позволит полнее и последовательнее осуществлять курс на формирование общероссийской гражданской идентичности, интеграцию различных этнических и конфессиональных общностей в российское цивилизационное пространство.

Основные мероприятия по формированию межнационального согласия, гражданственности и патриотизма молодежи в субъектах СКФО РФ

The main activities for the formation of interethnic harmony, citizenshipness and patriotism of youth in the subjects of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation

Субъекты СКФО РФ	Количество мероприятий			Всего мероприятий
	Межнациональное согласие	Гражданственность	Развитие общественных инициатив	
Ставропольский край	26	19	12	57
Чеченская Республика	24	18	4	46
Республика Дагестан	19	13	6	38
Республика Ингушетия	7	3	3	13
Кабардино-Балкарская Республика	6	1	1	8
Карачаево-Черкесская Республика	9	4	2	15
Республика Северная Осетия – Алания	2	3	5	10
Всего по СКФО	93	61	33	187

Продолжение таблицы

Continuation of Table

Субъекты СКФО РФ	Количество участников			Всего участников
	Межнациональное согласие	Гражданственность	Развитие общественных инициатив	
Ставропольский край	32 233	29 150	9 223	68 606
Чеченская Республика	4 650	62 132	520	67 302
Республика Дагестан	10 580	4 330	1 458	16 368
Республика Ингушетия	600	23 000	500	24 100
Кабардино-Балкарская Республика	9 276	–	200	9 476
Карачаево-Черкесская Республика	1 410	3 000	320	4 730
Республика Северная Осетия – Алания	90	–	600	700
Всего по СКФО	58 839	121 612	12 821	191 282

Окончание таблицы

End of Table

Субъекты СКФО РФ	Уровень проведения				
	международный	федеральный	межрегиональный	региональный	муниципальный
Ставропольский край	–	6	10	24	17
Чеченская Республика	1	2	13	26	4
Республика Дагестан	2	–	7	22	7
Республика Ингушетия	1	–	–	9	3
Кабардино-Балкарская Республика	–	–	2	5	1
Карачаево-Черкесская Республика	–	–	–	12	3
Республика Северная Осетия – Алания	1	–	3	3	3
Всего по СКФО	5	8	35	101	38

В сознании молодежи региона снижается роль традиционных духовно-нравственных ценностей и возрастает значение норм и ценностей, сформированных под влиянием блогосферы и социальных сетей. При возрастании роли гражданской идентичности в сознании молодежи, национальная и религиозная идентичности продолжают оставаться значимыми для абсолютного большинства молодых людей Кавказа. Можно констатировать, что среди молодежи региона сохраняются риски конфликтности гражданской, национальной и религиозной идентичностей.

Сформировался запрос молодежи на активное участие в социально-политической жизни региона. Молодежь видит себя субъектом социально-политических процессов, по результатам исследования она в большей степени настроена на конструктивное сотрудничество с региональными органами государственного и муниципального управления. В условиях социокультурных трансформаций, обусловленных процессами модернизации и урбанизации в регионе, сложной экономической ситуации, внешнего идеологического воздействия выход молодого поколения на политическую авансцену может повлечь за собой риски политизации этнической и религиозной идентичностей. Результаты исследования свидетельствуют о значительном влиянии новых медиа – блогосферы и социальных сетей – на формирование социально-политических взглядов молодежи, это актуализирует задачи противодействия распространению негативного контента, формирования позитивной информационной повестки, отвечающей интересам российского государства. Необходимы реализация равноправного партнерства молодежи, институтов гражданского общества и органов государственного и муниципального управления, большее включение молодых людей в деятельность, способствующую экономическому, социально-политическому и культурному развитию региона.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-431.2021.2.

The research was supported by the grant of the President of the Russian Federation No. MK-431.2021.2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авксентьев, В. А. Рискогенные факторы в этнополитической сфере Северного Кавказа / В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко // Научная мысль Кавказа. – 2018. – № 4 (96). – С. 81–91. – DOI: 10.18522/2072-0181-2018-96-4-81-91.
2. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 2. Общности / М. Вебер. – М. : Высш. шк. экономики, 2017. – 429 с.
3. Дробижева, Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания / Л. М. Дробижева // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 100–115. – DOI: 10.17976/jpps/2018.05.09.
4. Ерохин, А. М. Перспективы теологического образования в поликультурном регионе / А. М. Ерохин, С. Ю. Иванова, А. А. Лагунов // Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 4. – С. 11–18. – DOI: 10.18522/2070-1403-2018-69-4-11-18.
5. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе. Второе полугодие и итоги 2018 г. : эксперт. докл. : науч. моногр. изд. / Р. И. Абакаров [и др.] ; под общ. ред. В. А. Тишкова. – Пятигорск : ПГУ, 2018. – 154 с.
6. Парсонс, Т. Социальная система / Т. Парсонс. – М. : Академ. проект, 2018. – 529 с.
7. Российское общество и вызовы времени / М. К. Горшков [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. – М. : Весь Мир, 2015. – Кн. 1. – 336 с.
8. Силаев, Н. Ю. «Кавказская специфика»: теоретическое осмысление / Н. Ю. Силаев // Россия и АТР. – 2017. – № 4 (98). – С. 31–46.
9. Стародубровская, И. В. Северокавказские города: территория конфликтов / И. В. Стародубровская, К. И. Казенин // Общественные науки и современность. – 2014. – № 6. – С. 70–82.
10. Тишков, В. А. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России / В. А. Тишков, Р. Э. Бараш, В. В. Степанов // Социологические исследования. – 2017. – № 8 (401). – С. 81–87. – DOI: 10.7868/S0132162517080098.
11. Тишков, В. А. Российский народ. История и смысл национального самосознания / В. А. Тишков. – М. : Наука, 2013. – 649 с.
12. Шульга, М. М. Проблемы социокультурной социализации молодежи Северо-Кавказского федерального округа / М. М. Шульга // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 12. – С. 10–12. – DOI: 10.24158/tipor.2017.12.1.
13. Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа. Первое полугодие 2018 г. : эксперт. докл. / Р. И. Абакаров [и др.]. – Ставрополь : СКФУ, 2018. – 168 с.

14. Deutsch, K. Nationalism and Social Communication / K. Deutsch. – Cambridge : The MIT Press, 1966. – 345 p.

15. Mann, M. The Sources of Social Power. In 4 vols. Vol. 2. The Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914 / M. Mann. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – 824 p.

16. Percy-Smith, B. Recognition, Inclusion and Democracy: Learning from Action Research with Young People / B. Percy-Smith, G. McMahon, N. Thomas // Educational Action Research. – 2019. – Vol. 27, iss. 3. – P. 347–361.

17. Rothman, J. Resolving Identity-Based Conflict: In Nations, Organizations, and Communities / J. Rothman. – San Francisco : Jossey-Bass Publishers, 1997. – 224 p.

18. Smith, A. The Ethnic Origins of Nations / A. Smith. – Oxford : Basil Blackwell, 1986. – 312 p.

19. Tilly, Ch. The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere / Ch. Tilly // International Review of Social History. – 1996. – Vol. 40, iss. 3. – P. 223–236. – DOI: 10.1017/S0020859000113653.

20. Winter, F. Doing Politics Differently: Middle-Class Youth and Politics in Contemporary Lima / F. Winter // Latin American Perspectives. – 2019. – Vol. 46, iss. 5. – P. 73–89.

REFERENCES

1. Avksentev V.A., Gricenko G.D. Riskogennyye faktory v etnopoliticheskoy sfere Severnogo Kavkaza [Risk Factors in the Ethnopolitical Sphere of the North Caucasus]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of Caucasus], 2018, no. 4 (96), pp. 81–91. DOI: 10.18522/2072-0181-2018-96-4-81-91.

2. Weber M. *Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii. V 4 t. T. 2. Obshchnosti* [Economy and Society. Essays on Understanding Sociology. In 4 Vols. Vol. 2. Commonalities]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki, 2017. 429 p.

3. Drobizheva L.M. Rossijskaya identichnost': diskussii v politicheskom prostranstve i dinamika massovogo soznaniya [Russian Identity: Discussions in the Political Space and Dynamics of Mass Consciousness]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2018, no. 5, pp. 100–115. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.09.

4. Erohin A.M., Ivanova S.Y., Lagunov A.A. Perspektivy teologicheskogo obrazovaniya v polikulturnom regione [Prospects for Theological Education in a Multicultural Region]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [The Humanities and Social Sciences], 2018, no. 4, pp. 11–18. DOI: 10.18522/2070-1403-2018-69-4-11-18.

5. Abakarov R.I. et al. *Mezhjetnicheskie otnosheniya i religioznaya situatsiya v Severo-*

Kavkazskom federalnom okruge. Vtoroe polugodie i itogi 2018 g.: ekspert. dokl. : nauch. monogr. izd. [Interethnic Relations and Religious Situation in the North Caucasus Federal District. The Second Half and the Results of 2018. Expert Report]. Pyatigorsk, PGU, 2018. 154 p.

6. Parsons T. *Socialnaya sistema* [The Social System]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2018. 529 p.

7. Gorshkov M.K. et al. *Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and the Challenges of Time]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2015, book 1. 336 p.

8. Silaev N.Ju. «Kavkazskaja specifika»: teoreticheskoe osmyslenie [“The North Caucasus peculiarities”: An Attempt to Theorize]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific], 2017, no. 4 (98), pp. 31–46.

9. Starodubrovskaja I.V., Kazenin K.I. Severokavkazskie goroda: territorija konfliktov [North Caucasian City: Territory of Conflicts]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2014, no. 6, pp. 70–82.

10. Tishkov V.A., Barash R.E., Stepanov V.V. Identichnost i zhiznennyye strategii studenchestva v Rossii [Identity and Students' Vital Strategies in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2017, no. 8 (401), pp. 81–87. DOI: 10.7868/S0132162517080098.

11. Tishkov V.A. *Rossijskij narod. Istorija i smysl nacionalnogo samosoznaniya* [Russian People. The History and Meaning of National Identity]. Moscow, Nauka Publ., 2013. 649 p.

12. Shulga M.M. Problemy sociokulturnoj socializatsii molodezhi Severo-Kavkazskogo federalnogo okruga [Problems of the Youth Sociocultural Socialization in the North Caucasus Federal District]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2017, no. 12, pp. 10–12. DOI: 10.24158/tipor.2017.12.1.

13. Abakarov R.I. et al. *Etnokonfessionalnaya situatsiya v subyektah Rossijskoj Federatsii Severo-Kavkazskogo federalnogo okruga. Pervoe polugodie 2018 g.: ekspert. dokl.* [Ethnic and Confessional Situation in the Entities of the Russian Federation of the North Caucasus Federal District. First Half of 2018. Expert Report]. Stavropol, SKFU, 2018. 168 p.

14. Deutsch K. *Nationalism and Social Communication*. Cambridge, The MIT Press, 1966. 345 p.

15. Mann M. *The Sources of Social Power. In 4 Vols. Vol. 2. The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993. 824 p.

16. Percy-Smith B., McMahon G., Thomas N. Recognition, Inclusion and Democracy: Learning from

Action Research with Young People. *Educational Action Research*, 2019, vol. 27, iss. 3, pp. 347-361.

17. Rothman J. *Resolving Identity-Based Conflict: In Nations, Organizations, and Communities*. San Francisco, Jossey-Bass Publishers, 1997. 224 p.

18. Smith A. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, Basil Blackwell, 1986. 312 p.

19. Tilly Ch. The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere. *International Review of Social History*, 1996, vol. 40, iss. 3, pp. 223-236. DOI: 10.1017/S0020859000113653.

20. Winter F. Doing Politics Differently: Middle-Class Youth and Politics in Contemporary Lima. *Latin American Perspectives*, 2019, vol. 46, iss. 5, pp. 73-89.

Information About the Authors

Aleksej M. Erohin, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russian Federation, a_erohin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8315-3250>

Sergej M. Vorobev, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russian Federation, sergey_vorobev_54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8893-2595>

Evgenii A. Avdeev, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russian Federation, ewg.avdeev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-9610>

Информация об авторах

Алексей Михайлович Ерохин, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Российская Федерация, a_erohin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8315-3250>

Сергей Михайлович Воробьев, кандидат политических наук, доцент кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Российская Федерация, sergey_vorobev_54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8893-2595>

Евгений Александрович Авдеев, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Российская Федерация, ewg.avdeev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-9610>

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ И ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.10>

UDC 94(47+57)“1918/1930”:347.176.2

LBC 63.3(2)61-36

Submitted: 28.04.2021

Accepted: 05.08.2021

CONTROL BY THE SPECIAL SERVICES (OGPU-NKVD): FOREIGN SPECIALISTS AND REPRESENTATIVES OF NON-TITULAR NATIONS IN THE TRUST ‘VODOKANALIZATSIYA’ (1918 – FIRST HALF OF THE 1930s)¹

Olga Yu. Malinova-Tziafeta

Friedrich–Alexander University Erlangen–Nuremberg, Erlangen, Germany

Abstract. Introduction. This article deals with foreign workers and specialists in the ‘Vodokanalizatsiya’ trust in Leningrad. The trust was involved in the design, construction and operation of water supply and sewerage – the most important systems for the modernization of urban space. Obviously, the attitude towards foreigners could have its own specifics in relation to other enterprises, since the trust did not belong to the most important industrial branches. So, in particular, the so-called Secret Section with a number of secret departments or the Special Bureau, a kind of branch of the OGPU-NKVD, are gradually beginning to play an increasingly important role in the management of this enterprise. **Methods and materials.** The article is based on materials from the Central State Archives of St. Petersburg, ‘Vodokanalizatsiya’ trust, and one of the secret departments. **Analysis.** Through the Special Bureau in the late 1920s – 1930s new principles of interaction with employees were introduced. The Special Bureau paid special attention to the so-called “former people”, representatives of non-titular peoples of the USSR and, of course, foreigners. All this took place under conditions of an acute shortage of skilled labour in Leningrad. **Results.** Thus, the interests of the economic development of the state came into conflict with other interests, which in literature are designated to be “ideological” and are rarely analysed in detail. In the course of this analysis, it was possible to establish that the foreigners were not too closely associated with ideology. On the contrary, education of labour discipline and counteraction to sabotage, as well as domestic and foreign political events, came to the fore. The secret branch of the trust did exercise control over the work of its employees and, if necessary, could directly contact the police or the OGPU-NKVD. Apparently, there were no obvious problems with foreigners at the enterprise, however, there was noticeable observation of a preventive nature. Thus, the role of the OGPU-NKVD in the development of Soviet industry in the 1930s is studied using the example of the ‘Vodokanalizatsiya’ trust.

Key words: water infrastructures, urban history, Stalinism, OGPU, NKVD, industry, industrialization, “war scare” of 1927, right terrorism, foreign experts, foreign policy of the USSR.

Citation. Malinova-Tziafeta O.Yu. Control by the Special Services (OGPU-NKVD): Foreign Specialists and Representatives of Non-Titular Nations in the Trust ‘Vodokanalizatsiya’ (1918 – First Half of the 1930s). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 126–138. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.10>

КОНТРОЛЬ ОГПУ-НКВД: ИНОСТРАННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ НЕТИТУЛЬНЫХ НАРОДОВ В ТРЕСТЕ «ВОДОКАНАЛИЗАЦИЯ» (1918 – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1930-х гг.)¹

Ольга Юрьевна Малинова-Тзиафета

Университет им. Фридриха – Александра в Эрлангене и Нюрнберге, г. Эрланген, Германия

Аннотация. *Введение.* В статье идет речь об иностранных рабочих и специалистах, работавших в тресте «Водоканализация» по контракту или приглашенных на короткое время для консультации по проекту. Трест занимался вопросами проектирования, строительства и эксплуатации водопровода и канализации – важнейших систем модернизации городского пространства. Очевидно, что отношение к иностранцам и представителям некоторых нетитульных народов СССР могло иметь свою специфику по отношению к другим предприятиям, так как трест не относился к важнейшим отраслям промышленности. Так, в частности, постепенно все более важную роль в управлении предприятием начинает играть так называемая Секретная часть с рядом Секретных отделов или Спецбюро, своеобразный филиал ОГПУ-НКВД. *Методы и материалы.* Статья основана на материалах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, треста «Водоканализация», секретного отдела. Посредством Секретного отдела в конце 1920-х – 1930-х гг. здесь внедрялись новые принципы взаимодействия с сотрудниками. *Анализ.* В зоне особенного внимания Отдела оказались так называемые «бывшие люди», а также представители нетитульных народов СССР и, конечно, иностранцы. Все это происходило в условиях острого дефицита квалифицированной рабочей силы в Ленинграде. Таким образом, интересы экономического развития государства вступали в противоречие с другими интересами, которые в литературе обозначаются как «идеологические» и редко анализируются подробно. *Результаты.* В ходе анализа удалось установить, что эти последние были не слишком тесно связаны с идеологией. Напротив, на первый план выходит воспитание трудовой дисциплины и противодействие саботажу, а также внутри- и внешнеполитические события. Секретная часть действительно осуществляла контроль за работой своих сотрудников и в случае необходимости могла напрямую обратиться в милицию или ОГПУ-НКВД. Каких-либо явных проблем с иностранцами и представителями нетитульных народов на предприятии, по-видимому, не было, однако заметно наблюдение профилактического характера. Так, на примере треста «Водоканализация» исследуется роль ОГПУ-НКВД в развитии советской промышленности 1930-х годов.

Ключевые слова: водные инфраструктуры, городская история, сталинизм, ОГПУ, НКВД, промышленность, индустриализация, военная тревога 1927, правый терроризм, иностранные специалисты, внешняя политика СССР.

Цитирование. Малинова-Тзиафета О. Ю. Контроль ОГПУ-НКВД: иностранные специалисты и представители нетитульных народов в тресте «Водоканализация» (1918 – первая половина 1930-х гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 126–138. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.10>

Введение. Напряженные отношения с иностранными специалистами и рабочими, сотрудничавшими с промышленными предприятиями СССР, давно рассматриваются в исторической литературе. С одной стороны, развивающаяся социалистическая промышленность не могла отказаться от сотрудничества с иностранными фирмами, но с другой – отношение к иностранцам оставалось чрезвычайно подозрительным. Знаменитые показательные процессы 1920-х гг. (Шахтинский, дело Промпартии), где вина за затягивание проектов возлагалась на инженеров, в том числе иностранных, проявили отчетливое не-

доверие к иностранцам со стороны власти [34, с. 65; 41, с. 223–225; 43, с. 70–108; 48, с. 376–377]. Однако, несмотря на недвусмысленный сигнал опасности, западные фирмы продолжили активное сотрудничество с СССР [10, с. 19; 38, с. 192–199, 345–346, 352–253, 359–360]. Дело выглядело так, как будто немецкие фирмы предпочли закрыть глаза на то, что их сотрудников взяли под стражу в ходе Шахтинского процесса, а нескольких лиц даже собирались расстрелять. Это во многом объяснялось экономическими интересами концернов, так как СССР славился щедрой и регулярной оплатой труда их сотрудников, поставок, инже-

нерных проектов и научных разработок [23, с. 87, 89–90]. Несмотря на то что иностранцев старались не обвинять больше в ходе показательных процессов [5, с. 19–20; 13, с. 13; 46, с. 294], они все же трудились в СССР под усиленным контролем своих работодателей.

В этой статье предлагается обсудить характер взаимоотношений между иностранцами и трестом «Водоканализация», куда входили все организации по проектированию, строительству и эксплуатации водных инфраструктур в Ленинграде. Этот *case study* поможет главным образом рассмотреть роль секретных служб в сфере коммунального хозяйства [6] и в конечном счете промышленности в целом. Рабочая гипотеза заключается в том, что ОГПУ-НКВД на промышленных предприятиях через Секретную часть помогали осуществлять программы развития индустриализации, фактически являясь важной движущей силой экономики СССР. До настоящего времени Секретной части уделялось не слишком много внимания в исторической литературе [28]. Масштабные исследования, посвященные отдельным предприятиям эпохи сталинской индустриализации, задали тон для изучения «биографии» заводов и инфраструктурных объектов [40], повседневной жизни сотрудников, в том числе «иностранцев» и «иноспециалистов», восприятия ими советских реалий, а также их правового положения [3; 4; 10; 11; 15; 36], однако же роль Секретных частей и вообще механизма управления предприятием не рассматривается там подробно. Во многом тема оказалась «ничей землей» потому, что собственно история городской инфраструктуры, особенно водной, пока еще мало изучалась на материале городов Восточного блока [17]. История водопровода и канализации Ленинграда привлекала внимание историков – правда, скорее как технологических систем [8; 9].

Ленинградский трест «Водоканализация» находился как будто на особом положении, поэтому и рассматривать его отношение к сотрудникам стоит отдельно. С одной стороны, городская канализация была стратегически важным объектом, одним из символов модерна во всем мире [44], но Петербург, а затем и Ленинград, находился среди европейских городов в числе отстающих [33, с. 268;

37, с. 50–51, 57–58; 49, с. 18–19]. По этой причине строительство и эксплуатация водных инфраструктур в 1920–1930-х гг. велись под повышенным контролем государства. Кроме того, их особым образом охраняли от возможного нападения врага, так как разрушение этих коммуникаций грозило самыми неприятными последствиями для города. Но с другой стороны, они все же не могли сравниться по степени засекреченности с такими важными для государства отраслями промышленности, как горнодобывающая, выработка металла, строительство машин (тракторов, танков) или оборонная промышленность. Таким образом, отношение к иностранцам в этой организации выступает как особый случай, требующий специального исследования. В том числе здесь важен системный подход, то есть рассмотрение историй, связанных с иностранцами, в контексте подозрений по отношению к представителям других социальных групп. Роль иностранных специалистов в развитии ленинградской канализации и водопровода предполагается рассмотреть в последующих публикациях.

Методы и материалы. Источниками для работы послужили преимущественно архивные материалы, относившиеся к деятельности Секретного отдела (секретной части) в Тресте (ф. 7068 – Ленинградский коммунальный трест «Водоканализация» Центрального государственного архива Санкт-Петербурга). Секретная часть стала филиалом ОГПУ-НКВД на крупных промышленных предприятиях в СССР и в «Водоканализации» в частности. По сути, это подразделение – один из важнейших инструментов по организации работы в промышленности. В числе прочих многочисленных задач оно осуществляло контроль над сотрудниками и их деятельностью на предприятии, проверяло их биографии, а в случае серьезных подозрений – скажем, в совершении уголовного преступления – напрямую связывалось с милицией, прокуратурой или ОГПУ-НКВД [16].

В Тресте Секретная часть стала работать начиная с 1927 г., а в усиленном режиме – после разгромной «Проверки выполнения постановлений Президиума ВКП(б) от 21 октября 1931 года» (1932). Комиссия выявила срыв плана проектирования канализации

и невыполнение плана в целом, при этом указывалось, что руководство пыталось скрыть неудовлетворительные результаты работы [26, л. 55]. Уголовного преследования при этом возбуждено не было, так как удалось доказать, что строительство объектов шло медленными темпами по вине халатности других учреждений, поставлявших стройматериалы и возводивших жилье для рабочих. Однако руководство «Водоканализации» предупредило, что в дальнейшем халатность на производстве будет расследоваться уже прокуратурой. Таким образом, задачей организации стала борьба «с аполитичной нейтральностью инженерно-технических работников», а также работа по установлению трудовой дисциплины [26, л. 91]. На практике это выразилось в самом пристальном контроле за ходом работы, поставками, а также за составом персонала. Очевидно было, что в ближайшем будущем многих сотрудников – в основном из «бывших» – ожидала замена, и помехой тому не могла стать даже очевидная нехватка квалифицированных кадров в Ленинграде.

Под прицелом спецслужб оказались «бывшие», то есть лица из (детей) дворян, ранее осужденные специалисты, бывшие крупные собственники, судимые по статьям 58 и 59 Уголовного кодекса 1926 года (контрреволюционные преступления) [29], бывшие белые офицеры, бывшие офицеры царской армии [25, л. 7]. Известно, что в 1920-х гг. их принимали на работу ввиду отсутствия квалифицированных кадров [32, с. 167–169], а начиная с политического кризиса 1927 г. старались заменить на сотрудников из числа «социально близких» [12, л. 11]. Нужно сказать, что за проверкой совсем не обязательно следовало увольнение. По-видимому, решающими все же признавались квалификация и ответственное отношение к труду, а также политическая лояльность [16]. Однако же за сокрытие деталей биографии увольняли уже безоговорочно. Кроме того, виновного исключали из партии [20, л. 129], что означало в лучшем случае значительное понижение в должности на новой работе, а в самом худшем – арест.

В таких условиях иностранные подданные подлежали обязательной проверке. В частности, инструкция, данная всем Райсоветам

Ленинграда, Пригородному РИКу, Горотделам и коммунальным трестам (январь 1933), требовала предоставить самые подробные сведения на иноспециалистов, инорабочих, на их прибытие и отъезд из СССР, а также сведения обо всех переводчиках-иностранцах. Они включали в себя не только данные о фамилии, месте рождения и проч., но и обо всей его семье, включая родителей, братьев и сестер, племянников, места их жительства [22, л. 2].

Нужно сказать, что иностранцев в тресте в начале 1930-х гг. было совсем не много. Масштабное сотрудничество с фирмой Siemens-Bauunion (Берлин, Германия) по поводу проектирования канализации хоть и планировалось, однако сорвалось ввиду резкого ограничения финансирования гражданских объектов после политического кризиса 1927 г. [14; 39; 47, с. 45–117]. Тогда противостояние между Великобританией и СССР по поводу дел в Китае вылилось в угрозу войны, к которой СССР был решительно не готов. В этом контексте был совершен резкий поворот в сторону коллективизации и ускоренной индустриализации, а также повышения обороноспособности страны. Для треста «Водоканализация» это совсем не означало прекращения сотрудничества с западными фирмами как с поставщиками оборудования. Однако же совместных программ вроде обмена рабочими и инженерами между заводами Форда (США) и Харьковским тракторным заводом [7; 15, с. 57, 67–69, 80, 126–133, 170–172; 42; 45] здесь не проводили – как, впрочем, и на Электрозаводе в Москве [11, с. 42–43].

Учет и наблюдение за иностранными гражданами входили в компетенцию Секретного отдела. Очевидно, что инициаторами проверок становились или Ленинградский областной отдел труда – он разрабатывал инструкции и необходимые вопросы для отчетов по работе иностранных специалистов, или ОГПУ-НКВД с его запросами по поводу отдельных граждан либо даже представителей определенных социальных групп и национальностей.

В частности, проверке подлежали все работники «Водоканализации», как-либо связанные с иностранцами, – например, по распоряжению Ленинградского областного отде-

ла труда (июнь 1931) следовало проверить состав советских переводчиков, работающих с иностранными специалистами и рабочими по техническим переводам. Под такими переводами часто понимались инструкции и сопроводительные материалы к иностранной технике. Инструкция Президиума Ленсовета настоятельно рекомендовала отдавать приоритет «социально близким» переводчикам и по возможности отстранять от работы «бывших» и прочих «чуждый элемент» [19, л. 53 об., 57].

Эти распоряжения, безусловно, можно оценивать как проявление шпиономании и предотвращение заговора между иностранными специалистами и переводчиками. Однако в архивных материалах по тресту нет ни одной ссылки на подобные опасения. Можно предположить, что инструкция была во многом направлена на предотвращение (не)намеренного саботажа со стороны специалистов, который мог бы привести к порче техники и ослаблению работы других машин и механизмов на водопроводных станциях и канализационной системе.

Техника была очень дорогой, чаще всего – импортной. Собственно, замещение импортных машин стало приоритетным направлением в СССР в 1930-х гг., однако же «Водоканализация» продолжала использовать западную продукцию. Например, план наладить производство измерительных приборов для водопроводных станций в СССР (1933) решительно провалился и импортные закупки продолжались. Так же обстояло дело и с фильтрами для водопроводных станций: они лишь частично были заменены на советские, но их не хватало и трест вынужден был использовать старые английские [26, л. 71, 156]. Соответственно, переводчики ни в коем случае не должны были допускать ошибки в своих текстах, так как по их вине рабочие своими неверными действиями могли спровоцировать поломку дорогостоящей техники, советской или импортной.

Забота о технике, в свою очередь, объяснялась тем, что в 1930-х гг. самые серьезные усилия треста были направлены на качественную работу водопроводной и канализационной сетей. Спецотделы на предприятиях выявляли недобросовестных рабочих, по вине которых происходили или потенциально могли про-

изойти поломки машин и механизмов, избыточное хлорирование водопроводной воды и другие неполадки, грозящие здоровью горожан. В начале 1930-х гг. недисциплинированных, безынициативных и аполитичных рабочих увольняли вне зависимости от социального происхождения [21, л. 8; 22, л. 75; 27, л. 10, 12]. С приближением Большого террора рассматривались и более радикальные меры. Например, начальник Южного района городской канализации официально предлагал Техническому отделу канализации рассмотреть вопрос о введении повышенного штрафа (100 руб.) и даже уголовной ответственности для лиц, «злостно не выполнявших требования района в части очистки, ремонта, устранения конструктивных дефектов» (декабрь 1936). Прежний штраф (25 руб.), по его мнению, не слишком-то пугал горе-сотрудников, и канализационная сеть то и дело оказывалась неисправной [24, л. 29–29 об.]. Таким образом, вполне возможно, что и контроль за переводчиками тоже в немалой степени был обусловлен соображениями эксплуатационной безопасности.

Среди материалов по работе Секретной части треста мне не встретились ни жалобы на работу иностранцев, ни подозрения / обвинения их во вредительстве. Однако же Секретная часть треста «Водоканализация» нередко получала от ОГПУ-НКВД запросы на подробную информацию об иностранных сотрудниках, а также о представителях тех национальностей, что не входили в состав так называемых титульных народов СССР – прежде всего, поляков, немцев и финнов (1932) [25, л. 7]. Интерес НКВД вызывали также татары (в запросе не указывается, крымские или казанские), а также армяне и грузины (1936) [27, л. 56–57, 97]. Вне всякого сомнения, эти распоряжения поступали на все промышленные предприятия без исключения. Они были связаны с напряженными политическими взаимоотношениями с Польшей (по причине территориальных притязаний СССР на Западную Украину) [35], Финляндией (территориальных притязаний на Карельский перешеек), Германией (усиления антикоммунистических сил и приход к власти НСДАП) [2, с. 151–155, 205–216, 234–237, 499–556]. Особенную роль играло осложнение политических отношений с

Турцией (1936), проходившее на фоне частых в 1930-х гг. пограничных конфликтов, которые то и дело регулировали советские и турецкие пограничные службы. Со стороны Турции в них участвовали группировки, среди которых активную позицию часто занимали антисоветски настроенные белоэмигранты [2, с. 325–326]. Со стороны Армянской и Грузинской ССР – группы иммигрантов, прибывших на территорию Российской империи после Геноцида армян (1915), а к 1930-м гг. желавшим снова покинуть СССР и вернуться назад в оставленные когда-то турецкие города [1, с. 110–111; 30; 31].

В тресте «Водоканализация», по-видимому, не работали ни поляки, ни финны. Спецотдел составил список из шестнадцати татар (если судить по месту рождения – скорее казанских), двух грузин [27, л. 57, 58, 59, 97, 98] и двух немцев, родившихся в Российской империи. Немцы, К.К. Гейне (уроженец, по-видимому, нынешней Смоленской области, дер. Милохово) и Г.И. Гартман (уроженец Риги), были сыновьями зажиточных людей, имевших до революции скот и использовавших наемный труд. После революции оба сотрудника не были замечены ни в чем компрометирующем [20, л. 98; 27, л. 112]. Один из них к моменту запроса уже уволился из треста, претензий к другому в материалах дела не обнаружено. Очевидно, речь шла о плановом контроле над всеми немцами в городе и в данном случае он не выявил ничего подозрительного.

Более пристальное внимание Секретная часть уделила иностранцу, тридцатилетнему Альберту Николаевичу Боруки, действительному члену Коммунистической партии Германии, уроженцу г. Эссен (Германия). В СССР он изначально прибыл по контракту с «Востокоуглем» и работал забойщиком на угольной шахте в Кузбассе (1931–1932). На родине кроме восьмилетнего среднего образования он закончил двухгодичную вечернюю школу по специальности «Водопровод и канализация» и потому перешел на работу в «Водоканализацию» инструктором по двигателям бюро механизации. Его договор не мог быть расторгнут ранее, чем через год, но дальнейших ограничений не имел. Вместе с ним приехала и его жена, став в Ленинграде студенткой Ин-

ститута иностранных языков. В Эссене остались его родители, два брата и четыре сестры. Боруки приобрел репутацию добросовестного и знающего работника, это подтвердил в своей рукописной характеристике начальник участка [21, л. 2, 4, 123, 124, 154]. В деле несколько раз повторяется эта характеристика, а также требования передать сведения о нем в другие учреждения коммунального хозяйства. Каких-либо претензий и нареканий к Боруки не было. К сожалению, получить сведения о его дальнейшей судьбе не представлялось возможным, вероятно, потому, что он был рядовым специалистом.

Очевидно, что Секретный отдел в данном случае также осуществлял плановый контроль над своим сотрудником, согласуясь с инструкцией. В конце концов подробные данные и характеристику могли в любой момент потребовать милиция и ОГПУ-НКВД. Например, в случае, когда у человека украли все документы, требовалось официальное подтверждение его личности – тогда обращались по месту его (бывшей) работы [27, л. 67]. Так же поступали при возникновении каких-либо сомнений в правильности его трудовой характеристики. Одним словом, вполне возможно, что, хоть Боруки и вынужден был сообщить самые подробные данные о себе, больше не встретил какого-либо явного вмешательства в свою частную жизнь. А вот Секретная часть выполняла важную функцию учета и контроля за кадрами в структурах милиции и секретных служб.

Сложности у Секретной части возникли в другом случае, когда по окончании контракта с «Водоканализацией» некий Петро Роллеро собрался вернуться на родину. На границе у него изъяли расчетную книжку, передали ее Пожарной охране ОГПУ, та потребовала от Секретной части разобраться и наложить дисциплинарное взыскание на виновных в халатном и небрежном отношении к важному документу, так как при определенных обстоятельствах его могли бы использовать в диверсионных целях. В ответ Спецбюро «Водоканализации» попросило дать разъяснения по инциденту: по его данным, Роллеро был нанят на работу на тех же основаниях, что и советские граждане, поэтому при увольнении он, согласно закону, получил расчетную книж-

ку на руки. Значит, Спецбюро просит в дальнейшем установить новые правила порядка выдачи документов иностранным гражданам при увольнении и отъезде на родину [19, л. 59, 63]. Эти два случая показывают, что, с одной стороны, контроль Секретной части, по-видимому, не был слишком навязчивым, но с другой – он не был и вполне формальным. Более того, правила обращения с иностранными специалистами, как видно, формировались и менялись «на ходу», в зависимости от политической ситуации.

Президиум Ленсовета поспешил составить инструкцию по учету и работе с иностранными специалистами (апрель 1932). Из нее видно, что власти лишь тогда распорядились узнать, сколько иностранных рабочих трудится в Ленинграде и каково их распределение по отраслям промышленности. Техническим руководителям предприятий предписано было следить за эффективностью работы «иноспециалистов». В частности, высококвалифицированных рабочих следовало использовать как бригадиров, а сами бригады ни в коем случае не должны были состоять из иностранцев, так как советские рабочие должны были учиться и перенимать опыт. Отделу труда следовало составить списки специальностей, где иноспециалисты были бы особенно востребованы, приглашать на работу иностранцев лишь в силу самой серьезной необходимости. Ленинградскому областному совету профсоюзов следовало также наладить политвоспитательную работу среди них [19, л. 56, 57]. Любопытно, что работников для ленинградской промышленности не только специально выписывали из-за рубежа, но и принимали на работу сотрудников из числа иностранных туристов [19, л. 57]. К сожалению, в архивных делах не отложилось внятного отчета о реальных действиях, предпринятых в ответ на эту инструкцию – вполне возможно, потому, что в тресте работало слишком мало иностранцев.

Вероятно, поэтому в делах Секретной части не сохранилось каких-либо специальных замечаний по отношению к иностранным сотрудникам, скандалов или случаев общего недовольства их работой или их поведением. Это особенно заметно на фоне множества сообщений об увольнениях «чуждых элементов» и кляуз по отношению к коллегам – например,

к дворянским сыновьям. Молодые люди хотели учиться в институтах, но руководство посчитало их недостойными такой чести и объясняло это равнодушным отношением к общественной работе [19, л. 60, 60 об.].

Не заметны и случаи конкуренции между советскими и иностранными рабочими. Впрочем, это можно объяснить не только малым числом иностранных сотрудников, но и относительно равной оплатой труда и дефицитом кадров в Ленинграде. Лишь однажды инженеры проектного отдела высказались против приглашения иностранных специалистов по проектированию канализации (1927). Правда, это официальное заявление было явно инспирировано руководством и служило скорее для того, чтобы закрыть программу сотрудничества между немецкими инженерами и проектировщиками ленинградской канализации. Причинами послужило то, что на нее в последний момент отказались выделить финансирование и усиление секретности. Аргументами советских инженеров стали слишком высокие гонорары иностранцев, приглашенных на краткую консультацию: им необходимо было оплатить дорогу, проживание, а гонорар должен был соответствовать их зарплате на родине (на эти деньги можно было нанять сразу много чертежников). Также мешало их незнание сложных условий местности, что требовало дополнительных лекций и разъяснений и потому лишь усложняло работу советской стороны [18, л. 91–91 об.]. Однако же ранее те же инженеры высказывались в пользу приглашения западных экспертов, так что позицию их никак нельзя отнести к конкуренции или профессиональной ревности.

Итак, при сплошном просмотре дел Секретной части треста «Водоканализация» заметен контроль ОГПУ-НКВД к иностранцам и представителям нетитульных народностей СССР, особенно – полякам, финнам, немцам, татарам, армянам и грузинам. Для исследования о роли Секретной части в работе треста «Водоканализация» особенно примечательно то, что в делах не содержится никаких сведений о репрессивных действиях по отношению к этим людям, будь то увольнения, исключение из партии, передача дел в прокуратуру и т. д. Одновременно подобное было вполне типично как по отношению к «чуждым

элементам», так и к «социально близким» советским гражданам. Очевидно, что такие проверки иностранцев и представителей нетитульных народностей были вызваны нестабильностью во внешнеполитических делах, а также желанием предупредить саботаж на предприятии в целом в СССР. Сотрудники находились под контролем вне зависимости от каких-либо реальных, совершенных ими поступков или высказанных слов. По-видимому, введение спецчастей на предприятиях служило определенным бюрократическим задачам, с которыми они справлялись.

Кроме того, эти несколько случаев еще более поддерживают идею о роли Секретного отдела как филиала ОГПУ-НКВД и милиции на предприятии, которому делегированы важные полномочия этих силовых структур. Отношения с сотрудниками-иностранцами и представителями нетитульных народов СССР в тресте были, по-видимому, вполне мирными, поэтому здесь речи не идет о репрессивных намерениях или действиях этой структуры. Разумеется, в случае возникновения конфликта Секретная часть могла отреагировать быстро и компетентно, с отличным знанием ситуации на предприятии и даже биографий сотрудников. Таким образом, утверждение о повсеместном контроле со стороны ОГПУ-НКВД стоит признать верным. Секретная часть с сетью Секретных отделов приняла на себя все вопросы, касающиеся государственной безопасности на предприятии и отчасти вопросы регулирования эксплуатационной безопасности и целевого использования трудовых ресурсов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование проводилось при поддержке германского фонда Die Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG).

The study was supported by the German foundation Die Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблажей, Н. Н. Тема османской и советской депортации в коллективной памяти армян-репатриантов / Н. Н. Аблажей // Устная история (Oral history) в современной исследовательской практи-

ке на постсоветском пространстве. – Барнаул : Алт-ГПУ, 2017. – С. 7–20.

2. Айрапетов, О. Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй Мировой войны / О. Р. Айрапетов. – М. : Алисторус, 2020. – 800 с.

3. Белковец, Л. П. Иностранцы в Советской России (СССР): регулирование правового положения и порядка пребывания (1917–1939-е гг.). Первая часть / Л. П. Белковец // ВВ: Вопросы права и политики. – 2013. – № 5. – С. 296–350.

4. Белковец, Л. П. Иностранцы в Советской России (СССР): регулирование правового положения и порядка пребывания (1917–1939-е гг.). Вторая часть / Л. П. Белковец // ВВ: Вопросы права и политики. – 2013. – № 6. – С. 220–284.

5. Блюм, А. Предисловие / А. Блюм // Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. Кн. 2 / отв. ред. С. А. Красильников. – М. : Рос. полит. энцикл., 2012. – 1088 с.

6. Бубненко, О. В. Роль НКВД в управлении местным хозяйством в 20-е гг. XX века / О. В. Бубненко // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 4. – С. 35–39.

7. Васильев, В. М. Сто дней у Форда / В. М. Васильев. – М. : Труд и книга, 1927. – 93 с.

8. Дмитриев, В. Д. История развития водоснабжения и водоотведения Санкт-Петербурга / В. Д. Дмитриев. – СПб. : Стройиздат СПб, 2002. – 287 с.

9. Дмитриев, В. Д. Водоснабжение и канализация Ленинграда в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / В. Д. Дмитриев, А. А. Буренина, И. А. Краснов ; под общ. ред. Г. П. Медведева. – СПб. : Стройиздат, 2005. – 158 с.

10. Журавлев, С. «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг. / С. Журавлев. – М. : РОССПЭН, 2000. – 352 с.

11. Журавлев, С. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. / С. Журавлев, М. Мухин. – М. : РОССПЭН, 2004. – 240 с.

12. Завод Оборона-монолит Ленгороткомхоза. Именные списки рабочих и служащих Завода за 1927, 1929 и 1930 гг. // ЦГА СПб. – Ф. 7068. – Оп. 1. – Д. 1. – 6 л.

13. Красильников, С. А. Шахтинский политический процесс 1928 года: источники в контексте эпохи / С. А. Красильников // Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. С. А. Красильников. – М. : РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 975 с.

14. Лившин, А. Я. «Военная тревога» 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе / А. Я. Лившин // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – Вып. 50. – С. 190–206.

15. Любавський, Р. Г. Повсякденне життя робітників Харкова в 1920-ті – на початку 1930-х років / Р. Г. Любавський. – Харків : Раритети України, 2016. – 226 с.

16. Малинова-Тзифета, О. Ю. Контроль спецслужб в коммунальном хозяйстве Ленинграда и борьба за дисциплину (1918 – первая половина 1930-х гг.) / О. Ю. Малинова-Тзифета // Новейшая история России. Междисциплинарный научно-теоретический журнал. – 2021. – № 4. – (В печати).

17. Малинова-Тзифета, О. Ю. История городов и водные инфраструктуры в Российской империи и СССР / О. Ю. Малинова-Тзифета, Ю. Обертрайс // Новейшая история России. Междисциплинарный научно-теоретический журнал. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 173–201. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://modernhistory.ru/f/obertreis_malinova-tziafeta.pdf (дата обращения: 02.04.2021). – Загл. с экрана.

18. Материалы по организации экспертной комиссии для разработки подкомиссии, переписка с экспертами и др. 25 мая 1927 – 28 июля 1928 // ЦГА СПб. – Ф. 3167. – Оп. 1. – Д. 290. – 185 л.

19. Переписка с Ленсоветом о водоснабжении Сестрорецка и Коломяг. Список военнообязанных треста. Имеется компромат. 23 июля 1932 – 31 декабря 1932 // ЦГА СПб. – Ф. 7068. – Оп. 1. – Д. 6. – 280 л.

20. Переписка с учреждениями Ленинграда по личному составу с компрометирующими данными. Анкеты. Списки бывших дворян и торговцев и работников учреждений треста, допущенных к секретной работе. 15 января 1935 – 26 декабря 1935 // ЦГА СПб. – Ф. 7068. – Оп. 1. – Д. 27. – 151 л.

21. Переписка с учреждениями по личному составу. Списки рабочих, служащих и иностранных специалистов. 13 января 1933 – 28 декабря 1933 // ЦГА СПб. – Ф. 7068. – Оп. 1. – Д. 16. – 161 л.

22. Переписка с учреждениями треста по личному составу. 3 января 1934 – 21 декабря 1934 // ЦГА СПб. – Ф. 7068. – Оп. 1. – Д. 23. – 159 л.

23. Пивненко, Р. Р. Шахтинское дело 1928 г. и советско-германские отношения / Р. Р. Пивненко // Вопросы истории Европейского Севера. Проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв. / под ред. А. А. Афанасьева, М. А. Мишенев. – Петрозаводск : [б. и.], 1995. – С. 82–90.

24. Постановления и распоряжения Ленсовета о строительстве и эксплуатации канализационных сетей. 5 января 1937 – 19 декабря 1937 // ЦГА СПб. – Ф. 7068. – Оп. 2. – Д. 180. – 123 л.

25. Протоколы совещаний при Спецбюро треста. 13 января 1932 года – 28 декабря 1932 года // ЦГА СПб. – Ф. 7068. – Оп. 1. – Д. 5. – 320 л.

26. Рабочие программы, постановления, предложения и выводы обследований органами Госу-

дарственного и партийного контроля. 21 февраля 1931 – 13 ноября 1932 // ЦГА СПб. – Ф. 7068. – Оп. 2. – Д. 6. – 160 л.

27. Сведения о количестве рабочих и служащих треста. Переписка с учреждениями Ленинграда по личному составу. Список рабочих татарской национальности. 3 января 1936 – 15 декабря 1936 // ЦГА СПб. – Ф. 7068. – Оп. 1. – Д. 29. – 124 л.

28. Тепляков, А. Г. Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ-НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. / А. Г. Тепляков // Урал и Сибирь в сталинской политике. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. – С. 173–185.

29. Уголовный кодекс РСФСР (1926). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 02.04.2021). – Загл. с экрана.

30. Харатян, Г. С. Выселение Армян „навечно“ 1949 года : доклад на семинаре кафедры Нового и новейшего времени с углубленным изучением Восточной Европы проф. Юлии Обертрайс (университет Эрланген-Нюрнберг, Германия), 28 апреля 2021 / Г. С. Харатян // Личный архив автора.

31. Харатян, Г. С. Политика покорения памяти, или «приказано забыть»: превращение памяти в социальную и семейную «тайну» и оружие против носителей памяти (на примере Геноцида армян) / Г. С. Харатян // Устная история (Oral history) в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – С. 126–154.

32. Чуйкина, С. Дворяне на советском рынке труда (Ленинград, 1917–1941) / С. Чуйкина // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920–30-е годы / под ред. Т. Вихавайнен. – СПб. : Журн. «Нева», 2000. – С. 151–192.

33. Bate, J. H. St. Petersburg. Industrialization and Change / J. H. Bate. – L. : McGill-Queen's University Press, 1976. – 474 p.

34. Beyrau, D. Geiseln und Gefangene eines visionären Projekts: Die russischen Bildungsschichten im Sowjetstaat / D. Beyrau // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung / hrsg. von M. Hildermeier. – Oldenbourg : De Gruyter Oldenbourg, 1998. – S. 55–77.

35. Ken, O. «Alarm wojenny» wiosną 1930 roku a stosunki sowiecko-polskie. Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. XXXV / O. Ken. – 1999. – P. 41–74. – Electronic text data. – Mode of access: http://olegken.ru/work/hid/article/Voen-naia_trevoga_vesny_1930_g.pdf (date of access: 02.04.2021). – Title from screen.

36. Kotkin, S. Magnetic Mountain: Stalinism As Civilization / S. Kotkin. – Berkeley : University of California Press, 1995. – 728 p.

37. Lenger, F. Metropolen der Moderne. Eine europäische Stadtgeschichte seit 1850 / F. Lenger. – München : C.H.Beck, 2014. – 757 p.

38. Lutz, M. Siemens im Sowjetgeschäft: eine Institutionengeschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen 1917–1933 / M. Lutz. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2011. – 391 p.

39. Meyer, A. G. The Great War Scare of 1927 / A. G. Meyer // Soviet Union / Union Soviétique. – 1978. – Vol. 1, № 5. – P. 1–27.

40. Neutatz, D. Die Moskauer Metro: von den ersten Plänen bis zur Großbaustelle des Stalinismus (1897–1935) / D. Neutatz. – Köln : Böhlau Verlag, 2001. – 694 p.

41. Neutatz, D. Träume und Alpträume. Eine Geschichte Russlands im 20. Jahrhundert / D. Neutatz. – München : C.H.Beck, 2013. – 688 S.

42. Rukeyser, W. A. Working for the Soviets: An american Engineer in Russia / W. A. Rukeyser. – N. Y. : Covici-Friede, 1932. – 280 p.

43. Schattenberg, S. Stalins Ingenieure. Lebenswelten zwischen Technik und Terror in den 1930er Jahren (Ordnungssysteme, Bd. 11) / S. Schattenberg. – München : De Gruyter Oldenbourg, 2002. – 457 S.

44. Schott, D. Die Vernetzung der Stadt. Kommunale Energiepolitik, öffentlicher Nahverkehr und die „Produktion“ der modernen Stadt. Darmstadt – Mannheim – Mainz (1880–1918) / D. Schott. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999. – 787 S.

45. Scott, J. Behind the Urals: An American Worker in Russia's City of Steel / J. Scott. – N. Y. : Houghton Mifflin, 1942 ; Bloomington : Indiana University Press, 1973. – 352 p.

46. Sutton, A. C. Western Technology and Soviet Economic Development: 1917 to 1930 / A. C. Sutton. – Stanford University : Hoover Institution publication, 1968. – 381 p.

47. Velikanova, O. Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s: Disenchantment of the Dreamers / O. Velikanova. – L. : Palgrave Macmillan, 2013. – 251 p.

48. Wehner, M. Stalinismus und Terror / M. Wehner // Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte / hrsg. von S. Plaggenborg. – Berlin : Berliner Wissenschafts-Verlag, 1998. – S. 365–390.

49. Zimmermann, C. Die Zeit der Metropolen. Urbanisierung und Großstadtentwicklung / C. Zimmermann. – Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1996. – 192 S.

REFERENCES

1. Ablazhej N.N. Tema osmanskoj i sovjetskij deportacij v kollektivnoj pamjati armjan-repatriantov

[The Issue of Ottoman and Soviet Deportations in the Collective Memory of the Armenian Repatriates]. *Ustnaja istorija (Oral history) v sovremennoj issledovatel'skoj praktike na postsovet'skom prostranstve* [Oral History in Modern Research Practice in the Post-Soviet Space]. Barnaul, AltGPU, 2017, pp. 7–20.

2. Ajrapetov O.R. *Vneshnjaja politika Sovetskij Rossii i SSSR v 1920–1939 godah i istoki Vtoroj mirovoj vojny* [Foreign Policy of Soviet Russia and the USSR in 1920–1939 and the Origins of World War II]. Moscow, Alistorus Publ., 2020. 800 p.

3. Belkovec L.P. Inostrancy v Sovetskij Rossii (SSSR): regulirovanie pravovogo polozhenija i porjadka prebyvanija (1917–1939-e gg.). Pervaja chast' [Foreigners in Soviet Russia (USSR): Regulation of the Legal Status and Order of Stay (1917–1939). Part 1]. *NB: Voprosy prava i politiki*, 2013, no. 5, pp. 296–350.

4. Belkovec L.P. Inostrancy v Sovetskij Rossii (SSSR): regulirovanie pravovogo polozhenija i porjadka prebyvanija (1917–1939-e gg.) Vtoraja chast' [Foreigners in Soviet Russia (USSR): Regulation of the Legal Status and Order of Stay (1917–1939). Part 2]. *NB: Voprosy prava i politiki*, 2013, no. 6, pp. 220–284.

5. Bljum A. Predislovie [Foreword]. Krasil'nikov S.A., ed. *Shakhtinskij protsess 1928 g.: podgotovka, provedenie, itogi. V 2 kn. Kn. 2* [Shakhty Process of 1928. Preparation, Implementation, Results. In 2 Books. Book 2]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija Publ., 2012. 1088 p.

6. Bubnenkova O.V. Rol' NKVD v upravlenii mestnym hozjajstvom v 20-e gg. XX veka [The Role of the NKVD in the Management of the Local Economy in the 20-ies of the 20th Century]. *Vestnik Akademii jekonomicheskij bezopasnosti MVD Rossii* [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2009, no. 4, p. 35–39.

7. Vasil'ev V.M. *Sto dnej u Forda* [One Hundred Days at Ford]. Moscow, Trud i kniga Publ., 1927. 93 p.

8. Dmitriev V.D. *Istorija razvitija vodosnabzhenija i vodootvedeniia Sankt-Peterburga* [The History of the Development of Water Supply and Sewerage in Saint Petersburg]. Saint Petersburg, Strojizdat SPb Publ., 2002. 287 p.

9. Dmitriev V.D., Burenina A.A., Krasnov I.A. *Vodosnabzhenie i kanalizacija Leningrada v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Water Supply and Sewerage of Leningrad During the Great Patriotic War of 1941–1945]. Saint Petersburg, Strojizdat SPb Publ., 2005. 158 p.

10. Zhuravlev S. «Malen'kie ljudi» i «bol'shaja istorija». *Inostrancy moskovskogo Jelektrozavoda v sovetskom obshchestve 1920–1930 gg.* [“Small People” and “Big History”. Foreigners of the Moscow Electroavod in Soviet Society in the 1920s and 1930s]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2000. 352 p.

11. Zhuravlev S., Muhin M. «*Krepost' socializma*»: *Povsednevnost' i motivacija truda na sovetskom predpriyatii, 1928-1938 gg.* [“The Fortress of Socialism”: Daily Life and Labor Motivation at a Soviet Enterprise, 1928–1938]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2004. 240 p.

12. Zavod Oborona-monolit Lengorotkomhoza. Imennye spiski rabochih i sluzhashhih Zavoda za 1927, 1929 i 1930 gg. [The Plant Oborona-Monolit of Lengorotkomhoz. Name Lists of Workers and Employees of the Plant for 1927, 1929 and 1930]. *Tsentralnyi Gosudarstvennyi Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archives of Saint Petersburg], f. 7068, op. 1, d. 1. 61.

13. Krasil'nikov S.A. Shahtinskij politicheskij process 1928 goda: istochniki v kontekste epohi [Shakhty Trial Process of 1928: Sources in the Context of the Era]. Krasil'nikov S.A., ed. *Shahtinskij process 1928 g.: podgotovka, provedenie, itogi. V 2 kn. Kn. 1* [Shakhty Process of 1928: Preparation, Implementation, Results. In 2 Books. Book 1]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2011. 975 p.

14. Livshin A.Ja. «Voennaja trevoga» 1927 goda i obshhestvennye nastroyeniya v Sovetskom Sojuze [“The Military Alert” of 1927 and Public Moods in the Soviet Union]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik* [Public Administration. E-Journal], 2015, iss. 50, p. 190-206.

15. Ljubavskij R.G. *Povsjakdenne zhitija robotnikov Harkova v 1920-ti – na pochatku 1930-h rokov* [Everyday Life of Kharkiv Workers in the 1920s – Early 1930s]. Harkiv, Rariteti Ukraïny, 2016. 226 p.

16. Malinova-Tziafeta O.Yu. Kontrol' specslozhib v kommunal'nom hozjajstve Leningrada i bor'ba za disciplinu (1918 – pervaja polovina 1930 gg.) [Control of Special Services in the Communal Services of Leningrad and the Struggle for Discipline (1918 – the First Half of the 1930s)]. *Novejshaja istorija Rossii*, 2021, no. 4. (In Print).

17. Malinova-Tziafeta O.Yu., Obertreis Ju. Istorija gorodov i vodnye infrastruktury v Rossijskoj imperii i SSSR [Urban History and Water Infrastructures in the Russian Empire and the Soviet Union]. *Novejshaja istorija Rossii. Mezhdisciplinarnyj nauchno-teoreticheskij zhurnal* [Modern History of Russia], 2019, vol. 9, no. 1, pp. 173-201. URL: http://modernhistory.ru/f/obertreis_malinova-tziafeta.pdf (accessed 2 April 2021).

18. Materialy po organizacii jekspertnoj komissii dlja razrabotki podkomissii, perepiska s jekspertami i dr. 25 maja 1927 – 28 ijulja 1928 [Materials on the Organization of an Expert Commission for the Development of a Subcommittee, Correspondence with Experts. May 25, 1927 – July 28, 1928]. *Tsentralnyi Gosudarstvennyi Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archives of Saint Petersburg], f. 3167, op. 1, d. 290. 185 l.

19. Perepiska s Lensovetom o vodosnabzhenii Sestrorecka i Kolomjag. Spisok voennoobjazannyh tresta. Imeetsja kompromat. 23 ijulja 1932-31 dekabnja 1932 [Correspondence with the Leningrad City Council About Water Supply to Sestroretsk and Kolomyagi. List of Trusts Liable for Military Service. Contains Compromising Evidence. July 23, 1932 – December 31, 1932]. *Tsentralnyi Gosudarstvennyi Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archives of Saint Petersburg], f. 7068, op. 1, d. 6. 280 l.

20. Perepiska s uchrezhdenijami Leningrada po lichnomu sostavu s komprometirujushimi dannymi. Ankety. Spiski byvshih dvorjan i torgovcev i rabotnikov uchrezhdenij tresta, dopushhennyh k sekretnoj rabote. 15 janvarja 1935 – 26 dekabnja 1935 [Correspondence with Institutions of Leningrad on Personnel with Incriminating Data. Questionnaires. Lists of Former Noblemen and Merchants and Employees of Trust Institutions Admitted to Secret Work]. *Tsentralnyi Gosudarstvennyi Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archives of Saint-Petersburg], f. 7068, op. 1, d. 27. 151 l.

21. Perepiska s uchrezhdenijami po lichnomu sostavu. Spiski rabochih, sluzhashhih i inostrannyh specialistov. 13 janvarja 1933 – 28 dekabnja 1933 [Correspondence with Institutions on Personnel. Lists of Workers, Employees and Foreign Specialists. January 13, 1933 – December 28, 1933]. *Tsentralnyi Gosudarstvennyi Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archives of Saint-Petersburg], f. 7068, op. 1, d. 16. 161 l.

22. Perepiska s uchrezhdenijami tresta po lichnomu sostavu. 3 janvarja 1934 – 21 dekabnja 1934 [Correspondence with the Institutions of the Trust About Personnel. January 3, 1934 – December 21, 1934]. *Tsentralnyi Gosudarstvennyi Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archives of Saint-Petersburg], f. 7068, op. 1, d. 23. 159 l.

23. Pivnenko R.R. Shahtinskoe delo 1928 g. i sovetsko-germanskije otnosheniya [Shakhty Trial of 1928 and the Soviet-German Relations]. Afanas'eva A.A., Mishenev M.A., eds. *Voprosy istorii Evropejskogo Severa. Problemy social'noj jekonomiki i politiki: 60-e gody XIX–XX vv.* [Questions of the History of the European North. Problems of Social Economy and Politics: 60s of the 19th – 20th Centuries]. Petrozavodsk, s. n., 1995, pp. 82-90.

24. Postanovlenija i rasporyazhenija Lensoвета o stroitel'stve i jekspluatacii kanalizacionnyh setej. 5 janvarja 1937-19 dekabnja 1937 [Resolutions and Orders of the Leningrad City Council About the Construction and Operation of Sewage Networks. January 5, 1937 – December 19, 1937]. *Tsentralnyi Gosudarstvennyi Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archives of Saint Petersburg], f. 7068, op. 2, d. 180. 123 l.

25. Protokoly soveshhanij pri Specbjuro tresta. 13 janvarja 1932 goda – 28 dekabnja 1932 goda

[Minutes of Meetings at the Special Bureau of the Trust. January 13, 1932 – December 28, 1932]. *Tsentralnyi Gosudarstvennyi Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archives of Saint Petersburg], f. 7068, op. 1, d. 5. 320 l.

26. Rabochie programmy, postanovlenija, predlozhenija i vyvody obsledovanij organami Gosudarstvennogo i partijnogo kontrolja. 21 fevralja 1931 – 13 nojabrja 1932 [Work Programs, Decrees, Proposals and Conclusions of Surveys by the State and Party Control Bodies]. *Tsentralnyi Gosudarstvennyi Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archives of Saint Petersburg], f. 7068, op. 2, d. 6. 160 l.

27. Svedenija o kolichestve rabochih i sluzhashchih tresta. Perepiska s uchrezhdenijami Leningrada po lichnomu sostavu. Spisok rabochih tatarskoj nacional'nosti. 3 janvarja 1936 – 15 dekabrja 1936 [Information About the Number of Workers and Employees of the Trust. Correspondence with the Institutions of Leningrad on Personnel. List of Workers of Tatar Nationality. January 3, 1936 – December 15, 1936]. *Tsentralnyi Gosudarstvennyi Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archives of Saint Petersburg], f. 7068, op. 1, d. 29. 124 l.

28. Tepljakov A.G. Institut zamestitelej nachal'nikov politotdelov po rabote OGPU-NKVD v MTS i sovhozah Sibiri v seredine 1930 gg. [Deputy Chiefs of Political Departments for the Work of the OGPU-NKVD in the MTS and State Farms of Siberia in the Mid-1930s]. *Ural i Sibir' v stalinskoj politike* [The Urals and Siberia Within Stalin's Policy]. Novosibirsk, Sibirskij khronograf Publ., 2002, pp. 173-185.

29. *Ugolovnyj kodeks RSFSR (1926)* [The Criminal Code of the RSFSR (1926)]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374> (accessed 2 April 2021).

30. Haratjan G.S. Vyselenie Armjan „navechno“ 1949 goda: doklad na seminare kafedry Novogo i novejshego vremeni s ugublennym izucheniem Vostochnoj Evropy prof. Julii Obertrejs (universitet Jerlangen-Njurnberg, Germanija), 28 aprelja 2021 [Permanent Eviction of Armenians in 1949. Professor Julia Obertreis' Report at the seminar of the Department of Modern and Contemporary History with a Focus on the History of Eastern Europe (Erlangen-Nürnberg University, Germany), April 28, 2021]. *Lichnyj arkhiv avtora* [Author's Personal Archive].

31. Haratjan G.S. Politika pokorenija pamjati, ili «prikazano zabyt'»: prevrashhenie pamjati v social'nuju i semejniju «tajnu» i oruzhie protiv nositelej pamjati (na primere Genocida armjan) [Politics of Memory Conquer or “Ordered to Forget”: Making the Memory into a Social and Family “Secret” and a Weapon Against Memory Holders (The Case of the Armenian Genocide)]. *Ustnaja istorija (Oral history) v sovremennoj issledovatel'skoj praktike na postsovetkom prostranstve* [Oral History in Modern

Research Practice in the Post-Soviet Space]. Barnaul, AltGPU, 2017, pp. 126-154.

32. Chujkina S. Dvorjane na sovetskom rynke truda (Leningrad, 1917–1941) [The Nobility in the Soviet Labor Market (Leningrad, 1917–1941)]. Vihavajnen T., ed. *Normy i cennosti povsednevnoj zhizni. Stanovlenie socialisticheskogo obraza zhizni v Rossii, 1920–30-e gody* [Norms and Values of Everyday Life. The Formation of a Socialist Way of Life in Russia, 1920–30s]. Saint Petersburg, Zhurnal «Neva», 2000, pp. 151-192.

33. Bate J.H. *St. Petersburg. Industrialization and Change*. London, McGill-Queen's University Press, 1976. 474 p.

34. Beyrau D. Geiseln und Gefangene eines visionären Projekts: Die russischen Bildungsschichten im Sowjetstaat. Hildermeier M., Hrsg. *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung*. Oldenbourg, De Gruyter Oldenbourg, 1998, S. 55-77.

35. Ken O. «Alarm wojenny» wiosny 1930 roku a stosunki sowiecko-polskie. *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. XXXV, 1999, pp. 41-74. URL: http://olegken.ru/work/hid/article/Voennaia_trevoga_vesny_1930_g.pdf (accessed 2 April 2021).

36. Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism As Civilization*. Berkeley, University of California Press, 1995. 728 p.

37. Lenger F. *Metropol der Moderne. Eine europäische Stadtgeschichte seit 1850*. München, C.H.Beck, 2014. 757 S.

38. Lutz M. *Siemens im Sowjetgeschäft: eine Institutionengeschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen 1917–1933*. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2011. 391 S.

39. Meyer A.G. The Great War Scare of 1927. *Soviet Union / Union Soviétique*, 1978, vol. 1, no. 5, iss. 1, pp. 1-27.

40. Neutatz D. *Die Moskauer Metro: von den ersten Plänen bis zur Großbaustelle des Stalinismus (1897–1935)*. Köln, Böhlau Verlag, 2001. 694 S.

41. Neutatz D. *Träume und Alpträume. Eine Geschichte Russlands im 20. Jahrhundert*. München, C.H.Beck, 2013. 688 S.

42. Rukeyser W.A. *Working for the Soviets: An American Engineer in Russia*. New York, Covici-Friede, 1932. 280 p.

43. Schattenberg S. *Stalins Ingenieure. Lebenswelten zwischen Technik und Terror in den 1930er Jahren (Ordnungssysteme, Bd. 11)*. München, De Gruyter Oldenbourg, 2002. 457 S.

44. Schott D. *Die Vernetzung der Stadt. Kommunale Energiepolitik, öffentlicher Nahverkehr und die „Produktion“ der modernen Stadt. Darmstadt – Mannheim – Mainz (1880–1918)*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999. 787 S.

45. Scott J. *Behind the Urals: An American Worker in Russia's City of Steel*. New York, Houghton Mifflin, 1942; Bloomington, Indiana University Press, 1973. 352 p.

46. Sutton A.C. *Western Technology and Soviet Economic Development: 1917 to 1930*. Stanford University, Hoover Institution publication, 1968. 381 p.

47. Velikanova O. *Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s: Disenchantment of*

the Dreamers. London, Palgrave Macmillan, 2013. 251 p.

48. Wehner M. Stalinismus und Terror. Stefan Plaggenborg Plaggenborg S., Hrsg. *Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte*. Berlin, Berliner Wissenschafts-Verlag, 1998, S. 365-390.

49. Zimmermann C. *Die Zeit der Metropolen. Urbanisierung und Großstadtentwicklung*. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 1996. 192 S.

Information About the Author

Olga Yu. Malinova-Tziafeta, Candidate of Sciences (History), Researcher, Friedrich–Alexander University Erlangen–Nuremberg, Bismarkstrasse 12, 91054 Erlangen, Germany, olga.malinova@fau.de, o_malin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3922-8091>

Информация об авторе

Ольга Юрьевна Малинова-Тзиафета, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Университет им. Фридриха – Александра в Эрлангене и Нюрнберге, Бисмаркштрассе, 12, 91054 г. Эрланген, Германия, olga.malinova@fau.de, o_malin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3922-8091>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.11>

UDC 32.019.51
LBC 66.2(2Poc)

Submitted: 29.10.2020
Accepted: 06.07.2021

SHARING ECONOMY IN RUSSIA: A POSSIBLE NEW SOURCE OF POLITICAL PARTICIPATION AND DEMOCRATIZATION?¹

Sergey Yu. Belokonev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Murat Z. Shogenov

Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russian Federation

Anzor A. Khokonov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Scientific understanding of current and future trends in the development of society, the formulation of problems of social development, and even more so its prediction is associated with the analysis of the role and place of modern and promising communication technologies in the complex architecture of social interactions. Today, such technologies determine the direction of restructuring traditional political and economic institutions contribute to the formation of fundamentally new formats of social interactions. The beginning of the 21st century was marked by a wide spread of sharing relations – old socio-economic practices of joint (shared) use of goods in a new technical and technological design. The driver of the development of joint consumption practices has also been the spread of global trends in the transition from a system of strong fundamental links between socio-economic entities to weaker but numerous temporary links. *Methods and materials.* In the course of the study, the sharing economy was considered through the prism of structural-functional, neoinstitutional and network approaches. The authors used system analysis, interdisciplinary and empirical methods (questionnaire, expert survey), as well as the method of social modeling. The materials for the study were the publications of leading foreign and domestic researchers of the issue in peer-reviewed scientific publications, as well as the results of a cross-regional sociological study conducted by the authors. *Analysis.* Currently, an institutional formation of a new ontological reality within which self-regulating, more autonomous from the state, sharing communities built on the network principle function is taking place. Through the liberalization of access to a wide range of benefits through low-cost channels, sharing contributes to the growth of trust, social well-being, and reduction of social tension. At the same time, the uncontrolled spread of sharing practices is fraught with a drop in the level of institutional and interpersonal trust, an increase in conflict in society, and the deformation of regional and sectoral labor markets, which will naturally affect social well-being and political stability. *Results.* The obtained results confirmed the hypothesis of the study that the practices of joint consumption in Russia have a pronounced development potential and a growing influence on the political sphere through the growth of political activity of the population participating in these practices, through the actualization of microsocial contracts and the subsequent translation of their content to the macro level.

Key words: sharing economy, democracy, trust, microsocial contract, political participation, social capital.

Citation. Belokonev S.Yu., Shogenov M.Z., Khokonov A.A. Sharing Economy in Russia: A Possible New Source of Political Participation and Democratization? *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 139-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.11>

**ШЕРИНГ-ЭКОНОМИКА В РОССИИ: НОВЫЙ ИСТОЧНИК
ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ И ДЕМОКРАТИЗАЦИИ? ¹****Сергей Юрьевич Белоконов**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Мурат Замирович Шогенов

Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик, Российская Федерация

Анзор Альбертович Хоконов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются факторы возникновения, распространения и возможные социальные и политические последствия развития экономики совместного потребления в современной России. Анализируется трансформативный потенциал шеринг-экономики по отношению к политическим явлениям, процессам и институтам. В частности, шеринг рассматривается в качестве фактора роста политического участия, драйвера демократических процессов. По мнению авторов, становление и развитие шеринг-сообществ актуализирует необходимость внедрения принципиально новых политических технологий, применение которых, в свою очередь, будет способствовать формированию нового диалогического коммуникативного пространства в системе «власть – общество». Появление же подобного пространства станет с одной стороны индикатором, а с другой – основой для дальнейшей трансформации политической системы в сторону ее большей демократизации, в первую очередь на низовом уровне непосредственного функционирования хозяйствующих субъектов. *Вклад авторов.* С.Ю. Белоконов – общий дизайн исследования, проведение экспертного опроса, составление структуры публикации. М.З. Шогенов – формирование программы и проведение социологического исследования, анализ и интерпретация результатов исследования, написание отдельных блоков текста. А.А. Хоконов – подготовка аналитической части работы, написание отдельных блоков текста. Подготовка статьи – С.Ю. Белоконов, М.З. Шогенов, А.А. Хоконов.

Ключевые слова: шеринг-экономика, демократия, доверие, микросоциальный контракт, политическое участие, социальный капитал.

Цитирование. Белоконов С. Ю., Шогенов М. З., Хоконов А. А. Шеринг-экономика в России: новый источник политического участия и демократизации? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 139–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.11>

Введение. В начале XXI в. идеология сверхпотребления, доминировавшая в массовом сознании долгие десятилетия, столкнулась с естественными и очевидными ограничениями в виде исчерпания сырьевых ресурсов, общей деградации естественных экосистем, наблюдающейся во всем мире эрозии среднего класса и углубления имущественной дифференциации. Все обозначенное актуализировало необходимость появления новых моделей общественно-политического развития, базирующихся на концепции справедливого распределения благ, в основе которой лежит идея использования потребительских свойств блага (юр. пользование) без приобретения

права собственности (юр. владение). Таким образом, сформировались условия для широкого, многовекторного распространения шеринг-экономики – старых социально-экономических практик совместного (долевого) пользования благами в новом технико-технологическом оформлении [2]. Осмысление указанных процессов в социальных и политических науках привело к появлению термина «политический консюмеризм». Политически мотивированное потребление рассматривается как переход от пассивного индивидуалистского к активному осознанному, ориентированному на общественное благополучие, при этом рынок становится пространством восстано-

ления социальной справедливости через новые формы политического участия [9].

Методы и материалы. В ходе проведенного исследования шеринг-экономика рассматривалась через призму структурно-функционального, неинституционального и сетевого подходов. В работе были использованы системный анализ, междисциплинарный и эмпирические методы (анкетирование, экспертный опрос), а также метод социального моделирования. Материалами для исследования послужили публикации ведущих зарубежных и отечественных исследователей вопроса в рецензируемых научных изданиях, а также результаты кроссрегионального эмпирического исследования, проведенного авторами.

Анализ. Доверие, сотрудничество и демократическое развитие. При изучении различных аспектов функционирования шеринг-экономики на первый план исследовательского интереса всегда выходят вопросы, связанные с доверием, сотрудничеством и уровнем социального капитала. Это обусловлено тем, что высокая степень доверия является ключевым источником дохода в шеринг-экономике и параллельно одним из важнейших элементов системы ее саморегуляции. При этом, что в деятельности шеринг-сообществ, по мнению Е.С. Земсковой, саморегуляция играет значительно более важную роль, чем государственное регулирование [4].

Американский политолог Р. Патнэм в работе «Чтобы демократия работала: Гражданские традиции в современной Италии» [23] связал экономическое развитие и успешность демократизации государственного управления с уровнем социального капитала в обществе. Он определил роль превалирования горизонтальных связей в сообществе для воспроизводства социального капитала, необходимого в дальнейшем для выстраивания политических и социальных взаимодействий и повышения эффективности деятельности органов власти. Исследования, проведенные позже С. Кнэк и Ф. Кифер [20], выявили положительную корреляцию темпов экономического роста и эффективности государственной бюрократии в странах с высоким уровнем доверия.

Ряд исследований подтверждает взаимосвязь высокого уровня социального капитала с более эффективным производством и управ-

лением общественными благами на уровне отдельных сообществ. Примерами могут служить исследования особенностей управления ресурсами общего доступа (земельные, водные, лесные и т. д.) [22] и коллективной собственностью жилых домов [25], которые показали, что издержки по организации коллективных действий меньше в сообществах, где ее члены разделяют общие ценности и вступают на этой основе в кооперацию. «Эти данные характеризуют эффективность институтов самоорганизации, которые влияют на благосостояние конкретного сообщества через повышение уровня доверия, социальной и гражданской активности его членов» [5]. Аналогичное исследование, проведенное в России Л.И. Полищук, А.А. Пересецким и Е.Н. Борисовой, привело авторов к выводу, что одним из главных препятствий коллективного управления жилыми домами в российских городах является низкая склонность граждан к самоорганизации и участию в различных коллективных действиях [8].

Связь уровня социального капитала с эффективностью государственной бюрократии, выраженной в степени подотчетности органов власти подтверждается рядом кейсов в итальянских регионах. Так, наличие выраженной связи между уровнем социального капитала и развитием демократических процессов определено в работах Г. Табеллини [21].

Низкое качество формальных институтов управления является одним из следствий дефицита социального капитала, поскольку сообщества, характеризующиеся низким уровнем солидарности, артикулируют спрос на внешнее (государственное) управление, не имея при этом возможности осуществлять гражданский контроль, то есть имеет место выраженная зависимость – чем ниже степень доверия и солидарности в обществе, тем больше пространства для неконтролируемого государства. Подобная ситуация является коррупциогенной и в дальнейшем способствует падению эффективности системы распределения общественных благ и снижению эффективности деятельности государственных органов [11].

Повышение уровня солидарности в обществе на основе потребностно ориентирован-

ной идентичности способствует повышению социальных ожиданий к органам власти. Прямая зависимость между уровнем политического участия (определяемого на основе явки на выборах) и уровнем социального капитала подтверждена, в частности, в работах, посвященных периоду становления и развития демократических традиций в Италии в конце XIX – начале XX в. [18].

Важным направлением исследований социального капитала и его динамики является изучение механизмов его воспроизводства в ходе индивидуального опыта и трансмиссии в процессе социализации. Результаты исследования практик микрофинансирования в Индии [15], предполагающих коллективную ответственность, подтвердили, что одним из факторов роста уровня доверия и формирования норм кооперации является плотность и частота социальных взаимодействий.

Шеринг-экономика как новый источник социального капитала и практик сотрудничества. Для объяснения сотрудничества в рамках шеринг-экономики наиболее перспективным является рациональный подход к интерпретации природы доверия, принимающая во внимание такие ключевые типологические характеристики экономики совместного пользования, как: 1) возможность вступать в обмен с ранее неизвестными людьми благодаря новым источникам доверия, не связанным с локальным социальным и культурным капиталом; 2) цифровые информационные технологии, обеспечивающие мгновенный краудсорсинг репутационной информации об участниках [24].

В шеринг-экономике условия сотрудничества возникают благодаря повторяющимся в неопределенной перспективе взаимодействиям, множественности транзакций, возможности получения выгоды каждым из участников, а также скорости коммуникации, формирующей репутационный капитал. Доступные для всех участников индивидуальные профили и страхование сделок создают условия для их безопасности и роста доверия. Исследования показывают, что люди склонны доверять групповым рейтингам продуктов и услуг, то же самое справедливо и в отношении оценок отдельных людей. Пока у участников есть стимулы избегать необоснованного со-

трудничества из-за угрозы получения плохих отзывов и возникновения репутационных рисков, шеринг-платформа будет воспроизводить сценарии сотрудничества и минимизировать появление других сценариев [10].

В рассматриваемом контексте интерес для политической науки прежде всего представляет вопрос, имеет ли опыт сотрудничества и репутационный капитал участников обмена, возникающий в рамках шеринг-сообществ, потенциал к трансформации в иные формы сотрудничества. Отдельными исследователями оспаривается символическое значение накопленного группой социального капитала, то есть признание его другими социальными группами в качестве легитимной компетенции, достаточной для вступления в межгрупповое сотрудничество в иных сферах общественных отношений, в частности в гражданском и политическом секторах. Между тем, сегодня все большее число гражданских активистов, членов социальных движений становятся активными участниками шеринг-практик, определяя процесс их распространения в качестве фактора развития политического участия (низовая гражданская активность) в будущем. Прецеденты трансформации опыта шеринг-сотрудничества в модели гражданского и политического участия, сотрудничества граждан, объединенных территориальным признаком и общностью интересов, выходящих за рамки экономического обмена, уже существуют и представляют значительный исследовательский интерес.

Существующие шеринг-платформы потенциально могут управляться пользователями и быть в кооперативной собственности. В свою очередь, институты и организации гражданского общества, союзы, социальные группы могут создавать собственные платформы для достижения общественных и политических эффектов сотрудничества, направленных на перераспределение благ, стимулирование гражданского участия, защиту экологии и укрепление социальных связей. Д. Шор утверждает, что способность новых шеринг-практик выступать инструментом преодоления социального неравенства зависит от перспектив их трансформации в социальные движения муниципального уровня – чем больше подобная вероятность, тем больше и вероят-

ность достижения указанных целей [26]. По ее мнению, технологии, которые лежат в основе шеринга и позволяют обмениваться информацией, создавать социальные связи и кооперацию с ранее неизвестными людьми, социально трансформативны и представляют собой мощный инструмент формирования социальной солидарности, фактор демократизации публичной власти на всех уровнях.

«Чрезвычайное государство» (the state of exception), публичное пространство и шеринг-экономика. Для объяснения возможных причин развития шеринг-экономики в России как перспективного фактора демократизации политической системы можно обратиться к концепции сфер суверенитетов Е.С. Алексеенковой и В.М. Сергеева [1]. Данные авторы внутри одного социально-политического поля выделяют три сферы суверенитетов: индивида, государства и сферу отсутствия суверенитета – публичную. Суверенитет индивида определяется как эквивалент понятия «приватная сфера» (privacy) – пространство функционирования саморегулирующегося субъекта. В приватной сфере государства политика реализуется через неформальные сети (представители лоббистских групп среди чиновников и др.) и латентные формы взаимодействия участников (сотрудники спецслужб), а также в период различных «чрезвычайных» ситуаций, не регулируемых формальными институтами. В условиях такой «чрезвычайности» трансформируются границы суверенитетов, а следовательно, и структура взаимодействия индивида и государства.

Современная российская общественно-политическая действительность демонстрирует все признаки стремительного сокращения публичного пространства и расширения приватной сферы государства. Количество зон, внутри которых индивиду неизвестны правила взаимодействия, а власть остается антропологическим фактом, не имеющим институциональные ограничения, растет. Это зоны отсутствия публичной сферы, а, следовательно, отсутствия гарантий контролируемого функционирования социальных норм и институтов [1]. В соответствии с этим растущее участие граждан в шеринг-сообществах можно рассматривать как выбор некой стратегии, которая позволяет не только сохранить внутрен-

нюю субъектность индивида при сохранении подвластности, но и сформировать необходимое для его выживания публичное пространство в измерении недоступном для «нормирующего» государства.

Т. Дональдсон и Т. Данфи [13] в своей интегральной теории социальных контрактов предлагают понятие свободного морального пространства как сферы микросоциальных контрактов, затрагивающих потребности конкретных сообществ и наилучшим образом служащих их интересам, но не регулируемых напрямую макросоциальным контрактом [2]. Концепт свободного морального пространства можно рассматривать как эквивалент понятия приватной сферы Е.С. Алексеенковой и В.М. Сергеева, но на уровне отдельных сообществ. Государство, в соответствии с таким подходом, может рассматриваться, как сфера макросоциального контракта, а микросоциальный контракт – как локальная и эксклюзивная для членов сообществ версия публичной сферы – сферы суверенитета норм, сформированных в результате частных соглашений субъектов данного сообщества. В условиях растущего структурного насилия со стороны государства не только сохраняется, но и возрастает актуальность ценностей выживания, которые стимулируют поиск гражданами новых способов удовлетворения базовых потребностей, в том числе, через объединение в различные шеринг-сообщества. В ситуации всеобщего кризиса доверия новые формы кооперации нуждаются в альтернативных его источниках, необходимых для обеспечения сотрудничества в интересах всех и каждого. Появление сообществ по Т. Дональдсону и Т. Данфи связано с перспективой конфликта норм и необходимостью определения приоритетов. Одним из ключевых критериев определения приоритетности нормы является ее значимость для поддержания среды, в которой происходит обмен, перед нормами, потенциально разрушительными для этой среды. «Конфликт норм, в рассматриваемом контексте, может быть рассмотрен в связи с растущими объемами участия граждан в шеринг-сообществах и потенциальной приоритетностью норм локальных микросоциальных контрактов над нормами макросоциального» [2], условия и требова-

ния, которого становятся все менее понятными, прозрачными и гарантированными в «чрезвычайном» государстве, вытесняющем собой публичное пространство на макроуровне. Доминирование в российских условиях норм микросоциальных контрактов над положениями макросоциального связано и с отсутствием в массовом сознании представления о безусловной взаимосвязи «благо для государства – благо для граждан». В сумме обозначенные факторы обуславливают дистанцирование широких масс общества от политики. В политической социологии подобная ситуация получила название «негативный консенсус общества и власти – мы вас не трогаем, и вы нас не трогайте, мы от вас ничего не ждем, но и вы не лезьте в наши дела. Этот негативный консенсус на самом деле и послужил основой, так называемой путинской стабильности» [3].

В этих условиях граждане вынуждены искать альтернативные способы решения актуальных для них проблем, не предполагающие сотрудничество с властными структурами.

Результаты экспертного опроса проведенного в рамках исследования «Экономика совместного пользования, социальный капитал и политические институты». Для изучения перспектив шеринга как фактора роста доверия, политического участия, авторами было разработано и проведено кроссрегиональное эмпирическое исследование. Полевая часть исследования, включившего в себя анкетирование пользователей услуг шеринг-платформ (подбор респондентов на основе таргетированной рекламы) и экспертный опрос, была проведена в октябре – ноябре 2019 года.

Анализ непосредственно политических аспектов (трансформация политических институтов, рост политического участия) развития шеринг-экономики проводился в непосредственной увязке с социально-экономическими процессами и явлениями. Совместное потребление благ рассматривалось как глубоко политизированный процесс, как проявление политического консьюмеризма, формы политического участия, ориентированного на преодоление социальной несправедливости в пространстве рынка по-

средством осознанного коллективного потребления.

Вопросы, использованные для экспертного опроса, охватывали широкий круг проблем, связанных с распространением экономики совместного пользования. В то время как ответы на другие вопросы должны были показать контекст развития шеринг-практик в России (политический, социально-экономический, культурный) и отношение в целом к шерингу, ответы на вопросы № 1, 2, 7, 11, 12 должны были отразить мнение экспертного сообщества относительно ключевой составляющей гипотезы проведенного исследования – трансформативного потенциала шеринг-практик по отношению к политическим процессам и институтам.

Первый блок вопросов был направлен на выявление общего мнения экспертов о дальнейшем развитии экономики совместного пользования в России. По мнению большинства экспертов, в дальнейшем шеринг-практики продолжат развитие, расширяя сферы своего присутствия – 75 %. Часть экспертов – 25 % считает, что шеринг-практики будут развиваться скачкообразно, в зависимости от конкретного социально-экономического контекста и технико-технологических условий (см. рис. 1). Считающих, что шеринг-практики столкнутся с естественными ограничениями (не со стороны органов власти) и перестанут развиваться среди опрошенных не оказалось.

Часть экспертов – 41,7 % отвечая на вопрос о роли государства в экономике совместного пользования, отметила, что государство должно полностью абстрагироваться от шеринг-практик, потому как шеринг-сообществам имманентно присущи механизмы саморегуляции и дополнительная внешняя регуляция в данном случае будет избыточной (см. рис. 2). По мнению большей части экспертов 58,3 % государство должно стать регулятором шеринг-процессов в стране, осуществляя законодательную и контрольно-надзорную деятельность, но при этом не реализуя прямое административное воздействие. Считающих, что государство должно ограничивать деятельность шеринг-сервисов и их распространение из-за исходящих от них явных угроз общественной безопасности среди опрошенных не оказалось.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос № 1 «Как вы думаете, шеринг-практики продолжат многовекторное распространение или в ближайшее время столкнутся с естественными ограничениями (не со стороны государства)?»

Fig.1. Distribution of answers to question No. 1 “Do you think sharing practices will continue to spread in a multi-vector manner or face natural restrictions (not from the state) in the near future?”

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос № 2 «Как Вы думаете, какой должна быть роль государства в развитии шеринг-практик?»

Fig. 2. Distribution of answers to question No. 2 “What do you think should be the role of the state in the development of sharing practices?”

При этом, по мнению экспертов, основными препятствиями на пути развития шеринг-практик будут: относительно невысокая безопасность сделок; неуверенность пользователей в качестве предоставляемых товаров и услуг; отсутствие полноценной правовой базы шеринг-платформ, которая бы позволила пользователям чувствовать себя увереннее.

Большее половины респондентов – 66,7 % считает, что именно развитие шеринг-сервисов в условиях отсутствия иных источников, благодаря высокой степени межличностного взаимодействия и растущей потребности ориентированной идентичности будет одним из факторов роста доверия в России (см. рис. 3). 8,3 % экспертов, акцентируя внимание на небезопасности сделок между гражданами в нерегулируемом пространстве, считают, что шеринг-практики рано или поздно приведут к па-

дению доверия, так как пространство шеринга представляет собой одно большое поле для злоупотреблений и на определенном этапе в зависимости от типа поведения участников каждый (по Р. Аксельроду) [13] столкнется с недобросовестностью другого участника (предлагающего благо ненадлежащего качества). 25 % опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос.

Большая часть экспертов – 85,3 % считает, что всестороннее вовлечение в сферу шеринга будет влиять на рост политической активности населения. При этом 24,4 % опрошенных считает, что граждане получают опыт решения проблем своими силами, что повлечет значительный рост их политической активности. 60,9 % экспертов считают, что влияние на политическую активность будет иметь место, но данное влияние будет незна-

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос № 7 «Как Вы думаете, будут ли шеринг-сервисы способствовать росту доверия в нашей стране?»

Fig. 3. Distribution of answers to question No. 7 “Do you think sharing services will contribute to the growth of trust in our country?”

чительным. 7,3 % опрошенных считает, что именно частная собственность со всеми вытекающими правовыми последствиями является базисным фактором политической активности граждан. Еще 7,3 % респондентов затруднились с ответом (см. рис. 4).

Большинство экспертов – 66,7 % считает, что многовекторное распространение практик совместного использования благ (ресурсы, инфраструктурные объекты) станет фактором трансформации традиционных политических институтов уже в среднесрочной перспективе. По мнению опрошенных в первую очередь изменения коснутся местного самоуправления в сторону наполнения его реальным функционалом и института представительства. Из них 16,7 % считают, что шеринг станет детерминантой политического развития и фактором коренной трансформации политических институтов. Ровно половина опрошенных экспертов считает, что политические институты будут меняться под воздействием проникновения шеринг-практик во все сферы общества, но характер этих изменений не будет иметь определяющего значения по отношению к российскому политическому процессу. И лишь 25 % опрошенных отметили отсутствие выраженных причинно-следственных связей между развитием шеринг-экономики, ростом политической активности и трансформацией политических институтов (см. рис. 5).

Результаты кроссрегионального эмпирического исследования подтвердили гипотезу, что практики совместного потребления имеют в России выраженный потенциал развития

и обладают растущим влиянием на политическую сферу через рост политической активности населения – участников этих практик.

Благодаря либерализации доступа к широкой линейке благ через низкзатратные каналы шеринг способствует росту доверия и социального благополучия, а также сокращению уровня социальной напряженности. Вместе с тем бесконтрольное распространение шеринг-практик чревато падением уровня институционального и межличностного доверия, ростом конфликтности в социуме, деформацией региональных и отраслевых рынков труда, что естественным образом отразится на социальном самочувствии и политической стабильности.

В российском обществе сегодня складывается конфликт, в котором с одной стороны общество демонстрирует низкий уровень межличностного доверия, выражающийся в отсутствии гражданской самоорганизации, политическом абсентеизме и вере в государство-патерналиста, а с другой – власть демонстрирует низкую эффективность государственной бюрократии, растущее структурное насилие в условиях «чрезвычайности» («темный колодезь власти»), что сопровождается приватизацией власти ее носителями на местах, схлопыванием публичного пространства и отсутствием гарантий контролируемого функционирования социальных норм и институтов, производства и распределения общественных благ (односторонний пересмотр общественного договора и самоустранение от социальных обязательств со стороны власти).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос № 11 «Экономическая независимость и самостоятельность граждан, базирующаяся на защищенной частной собственности является основой развития гражданского общества. Благодаря участию в шеринг-практиках граждане получают, с одной стороны, доступ к большей номенклатуре благ с минимальными издержками, а с другой стороны, учатся самостоятельно без помощи государства удовлетворять свои потребности, не приобретая собственность. Как Вы думаете, будет ли участие в шеринг-практиках способствовать росту политической активности населения?»

Fig. 4. Distribution of answers to question No. 11 “Economic independence and independence of citizens based on protected private property is the basis for the development of civil society. Through participation in sharing practices, citizens, on the one hand, get access to a larger range of goods at minimal cost, and on the other hand, learn to meet their own needs without the help of the state, without acquiring property. Do you think participation in sharing practices will contribute to the growth of political activity of the population?”

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос № 12 «Считаете ли Вы, что дальнейшее распространение шеринг-практик повлечет трансформацию “традиционных” политических институтов (представительства, местное самоуправление и т. д.) и появление новых политических институтов?»

Fig. 5. Distribution of answers to question No. 2 “Do you think further spread of sharing practices will lead to the transformation of ‘traditional’ political institutions (representative offices, local self-government, etc.) and the emergence of new political institutions?”

В этих условиях широкое, многовекторное распространение практик совместного пользования имеет значительный потенциал влияния на политические процессы, параметры функционирования традиционных и складывающихся социальных институтов, демократизацию политической системы в целом, через актуализацию микросоциальных контрактов и последующую трансляцию их содержания на макроуровень [2]. В связи с этим особую актуальность приобретают проблемы изучения сообществ шеринг-экономики как формирующегося структурного элемента российского общества в рамках «политэкономии небольших анонимных сообществ», институционализация которых происходит здесь и сейчас.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект 19-011-31495 «Факторы, содержание и сценарии трансформации политических институтов в условиях развития экономики совместного потребления (sharing economy) и сетевых информационных технологий».

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for basic research. Project 19-011-31495 «Factors, content and scenarios of transformation of political institutions in the context of the development of the sharing economy and network information technologies».

² Основные результаты анкетирования находятся в свободном доступе [10].

³ Учитывая относительно слабую разработанность проблематики шеринг-экономики в российской науке, в качестве экспертов в рамках экспертного опроса выступили отечественные ученые, имеющие одну или более публикаций в рецензируемых научных изданиях по соответствующей теме. Экспертным опросом было охвачено 36 исследователей (социологи, политологи, экономисты) и 5 специалистов – практиков (организаторы шеринг-экономических проектов).

⁴ Низкий уровень социального доверия в Российской Федерации подтверждается результатами многочисленных исследований реализованных в рамках World Value Survey, European Social Survey и International Social Survey Programme. Россия по данному показателю традиционно занимает последние места и в рейтинге Trust Barometer формируемом компанией Edelman.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенкова, Е. С. Темный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности) / Е. С. Алексеенкова, В. М. Сергеев // Полис. – 2008. – № 3. – С. 148–165.
2. Белоконов, С. Ю. Социальные эффекты совместного потребления (sharing economy): сетевые экономические и политические сообщества / С. Ю. Белоконов, А. А. Хоконов, М. З. Шогенов // Власть. – 2019. – Т. 27, № 6. – С. 115–123.
3. Голубева, Т. Г. К вопросу о политических условиях введения местного самоуправления в современной России / Т. Г. Голубева // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2009. – № 3. – С. 131–143.
4. Земскова, Е. С. Шеринг как отражение ценностных ориентиров потребителя в цифровой экономике / Е. С. Земскова // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2019. – № 3. – С. 17–27.
5. Иванов, В. В. Формирование социального капитала в России / В. В. Иванов, П. Н. Павлов, В. А. Козлов, Т. А. Сутырина // Вестник московского университета. Серия 6, Экономика. – 2014. – № 3. – С. 3–16.
6. Максимов, В. «Для людей это шоу»: Россияне воспринимают политику как развлечение, не влияющее на их жизнь / В. Максимов // Новые известия. – 2005. – 27 дек.
7. Полищук, Л. И. Экономическое значение социального капитала / Л. И. Полищук, Р. Ш. Меньшев // Вопросы экономики. – 2011. – № 12. – С. 46–65.
8. Полищук, Л. И. Управление коллективной собственностью в российских городах: анализ товариществ собственников жилья / Л. И. Полищук, А. А. Пересецкий, Е. Н. Борисова // Вопросы экономики. – 2010. – № 11. – С. 115–135.
9. Романова, Р. И. Что политического в потреблении? / Р. И. Романова // Экономическая социология. – 2018. – Т. 19. – № 1. – С. 168–187.
10. Шогенов, М. З. Шеринг-экономика, доверие и политическое участие в современном информационном обществе: по материалам социологического исследования / М. З. Шогенов, А. А. Хоконов // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 4. – С. 128–152. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-4-128-152>.
11. Aghion, P. Regulation and Distrust / P. Aghion, Y. Algan, P. Cahuc // The Quarterly J. of Economics. – 2010. – Vol. 125. – No. 3. – P. 1015–1049.
12. Algan, Y. Teaching Practices and Social Capital / Y. Algan, P. Cahuc, A. Shleifer // American Economic Journal: Applied Economics. – 2013. – No. 5 (3). – P. 189–210.

13. Axelrod, R. The Evolution of Cooperation / R. Axelrod. – New York : Basic Books, 1984. – 241 p.
14. Donaldson, T. Ties That Bind: A Social Contracts Approach to Business Ethics / T. Donaldson, T. W. Dunfee. – Cambridge : Harvard Business School Press, 1999. – 306 p.
15. Feigenberg, B. The Economic Returns to Social Interaction: Experimental Evidence from Microfinance / B. Feigenberg, E. Field, R. Pande // *Rev. of Economic Studies*. – 2013. – Vol. 80, no. 4. – P. 1459–1483.
16. Fisher, G. Beyond Binary Choices: Integrating Individual and Social Creativity / G. Fisher, E. Giaccardi, H. Eden // *International Journal of Human-Computer Studies (IJHCS)*. – 2005. – No. 12. – P. 428–512.
17. Glaeser, E. Why Does Democracy Need Education? / E. Glaeser, G. Ponzetto, A. Shleifer // *J. of Economic Growth*. – 2007. – Vol. 12, no. 2. – P. 77–99.
18. Guizo, L. Democratization and Civic Capital / L. Guizo, P. Pinotti // *CEPR Discussion Paper*. – 2012. – No. 8847. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ssrn.com/abstract=2013840> (date of access: 08.02.2020). – Title from screen.
19. Helliwell, J. Education and Social Capital / J. Helliwell, R. Putnam // *Eastern Economics J.* – 2007. – No. 1. – P. 1–19.
20. Knack, S. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross Country Investigation / S. Knack, Ph. Keefer // *Quarterly J. of Economics*. – 1997. – Vol. 112. – No. 4. – P. 1251–1288.
21. Nannicini, T. Social Capital and Political Accountability / T. Nannicini, A. Stella, G. Tabellini // *FEEM Working Paper*. – 2010. – No. 58. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ssrn.com/abstract=1622136> (date of access: 18.02.2020). – Title from screen.
22. Ostrom, E. Collective Action and the Evolution of Social Norms / E. Ostrom // *J. of Economic Perspectives*. – 2000. – Vol. 14, no. 3. – P. 137–158.
23. Putnam, R. Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy / R. Putnam, R. Leonardi, R. Nanetti. – New Jersey : Princeton University Press, 1993. – 122 p.
24. Reisch, L. A. Handbook on Research on Sustainable Consumption / L. A. Reisch, J. Thøgersen. – Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2015. – 488 p.
25. Saegert S. Social Capital and the Revitalization of New York City's Distressed Inner-City Housing / S. Saegert, G. Winkel // *Housing Policy Debate*. – 1998. – Vol. 9, no. 1. – P. 17–61.
26. Schor, J. Debating the Sharing Economy / J. Schor // *Great Transition Initiative*. – 2014. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.greattransition.org/publication/debating-the-sharing-economy> (date of access: 11.01.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Alekseenkova E.S., Sergeev V.M. Temnyj kolodec vlasti (o granice mezhdru privatnoj sferej gosudarstva i privatnoj sferej lichnosti) [The Dark Well of Power (About the Border Between the Private Sphere of the State and the Private Sphere of the Individual)]. *Polis*, 2008, no. 3, pp. 148–165.
2. Belokonev S.Yu., Khokonov A.A., Shogenov M.Z. Social'nye efekty sovmestnogo potrebleniya (sharing economy): setevye ekonomicheskie i politicheskie soobshchestva [Social Effects of Shared Consumption (Sharing Economy): Network Economic and Political Communities]. *Vlast'*, 2019, vol. 27, no. 6, pp. 115–123.
3. Golubeva T.G. K voprosu o politicheskikh usloviyakh vvedeniya mestnogo samoupravleniya v sovremennoj Rossii [On the Question of the Political Conditions for the Introduction of Local Self-Government in Modern Russia]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, 2009, no. 3, pp. 131–143.
4. Zemskova E.S. Shering kak otrazhenie cennostnyh orientirov potrebitelya v cifrovoj ekonomike [Sharing As a Reflection of the Consumer's Value Orientations in the Digital Economy]. *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskij menedzhment*, 2019, no. 3, pp. 17–27.
5. Ivanov V.V., Pavlov P.N., Kozlov V.A., Sutyryna T.A. Formirovanie social'nogo kapitala v Rossii [Formation of Social Capital in Russia]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 6, Ekonomika*, 2014, no. 3, pp. 3–16.
6. Maksimov V. «Dlya lyudej eto shou»: Rossiyanе vosprinimayut politiku kak razvlechenie, ne vliyayushchee na ih zhizn' [“This is a Show for People”: Russians Perceive Politics As Entertainment that Does Not Affect Their Lives]. *Novye izvestiya*, 2005, December 27.
7. Polishchuk L.I., Menyashev R.Sh. Ekonomicheskoe znachenie social'nogo kapitala [The Economic Significance of Social Capital]. *Voprosy ekonomiki*, 2011, no. 12, pp. 46–65.
8. Polishchuk L.I., Pereseckij A.A., Borisova E.N. Upravlenie kollektivnoj sobstvennost'yu v rossijskikh gorodakh: analiz tovarishchestv sobstvennikov zhil'ya [Collective Property Management in Russian Cities: Analysis of Homeowners' Associations]. *Voprosy ekonomiki*, 2010, no. 11, pp. 115–135.
9. Romanova R.I. Chto politicheskogo v potreblenii? [What is Political About Consumption?]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2018, vol. 19, no. 1, pp. 168–187.
10. Shogenov M.Z., Khokonov A.A. Shering-ekonomika, doverie i politicheskoe uchastie v sovremennom informacionnom obshchestve: po materialam sociologicheskogo issledovaniya [Sharing Economy, Trust and Political Participation in Modern Information Society: Based on Sociological Survey Materials]. *Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya»*, 2019, no. 4, pp. 128–152. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-4-128-152>.

11. Aghion P., Algan Y., Cahuc P. Regulation and Distrust. *The Quarterly J. of Economics*, 2010, vol. 125, no. 3, pp. 1015-1049.
12. Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. Teaching Practices and Social Capital. *American Economic Journal: Applied Economics*, 2013, no. 5 (3), pp. 189-210.
13. Axelrod R. *The Evolution of Cooperation*. New York, Basic Books, 1984. 241 p.
14. Donaldson T., Dunfee T.W. *Ties That Bind: A Social Contracts Approach to Business Ethics*. Cambridge, Harvard Business School Press, 1999, 306 p.
15. Feigenberg B., Field E., Pande R. The Economic Returns to Social Interaction Experimental Evidence from Microfinance. *Rev. of Economic Studies*, 2013, vol. 80, no. 4, pp. 1459-1483.
16. Fisher G., Giaccardi E., Eden H. Beyond Binary Choices: Integrating Individual and Social Creativity. *International Journal of Human-Computer Studies (IJHCS)*, 2005, no. 12, pp. 428-512.
17. Glaeser E., Ponzetto G., Shleifer A. Why Does Democracy Need Education? *J. of Economic Growth*, 2007, vol. 12, no. 2, pp. 77-99.
18. Guiso L., Pinotti P. Democratization and Civic Capital. *CEPR Discussion Paper*, 2012, no. 8847. URL: <https://ssrn.com/abstract=2013840> (accessed 8 February 2020).
19. Helliwell J., Putnam R. Education and Social Capital. *Eastern Economics J.*, 2007, no. 1, pp. 1-19.
20. Knack S., Keefer Ph. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross Country Investigation. *Quarterly J. of Economics*, 1997, vol. 112, no. 4, pp. 1251-1288.
21. Nannicini T., Stella A., Tabellini G. Social Capital and Political Accountability. *FEEM Working Paper No. 58*, 2010. URL: <https://ssrn.com/abstract=1622136> (accessed 18 February 2020).
22. Ostrom E. Collective Action and the Evolution of Social Norms. *J. of Economic Perspectives*, 2000, vol. 14, no. 3, pp. 137-158.
23. Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. *Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy*. New Jersey, Princeton University Press, 1993. 122 p.
24. Reisch L.A., Thøgersen J. *Handbook on Research on Sustainable Consumption*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2015. 488 p.
25. Saegert S., Winkel G. Social Capital and the Revitalization of New York City's Distressed Inner-City Housing. *Housing Policy Debate*, 1998, vol. 9, no. 1, pp. 17-61.
26. Schor J. Debating the Sharing Economy. *Great Transition Initiative*, 2014. URL: <https://www.greattransition.org/publication/debating-the-sharing-economy> (accessed 11 January 2020).

Information About the Authors

Sergey Yu. Belokonev, Candidate of Sciences (Politics), Academic Adviser of Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Prosp. Leningradsky, 49, 125993 Moscow, Russian Federation, departpol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>

Murat Z. Shogenov, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher of Center for Sociological Research, Kabardino-Balkarian State University, Chernyshevskogo St, 173, 360004 Nalchik, Russian Federation, shogen@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-3062>

Anzor A. Khokonov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Prosp. Leningradsky, 49, 125993 Moscow, Russian Federation, dr_enzo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6371-8173>

Информация об авторах

Сергей Юрьевич Белоконев, кандидат политических наук, научный руководитель Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, просп. Ленинградский, 49, 125993 г. Москва, Российская Федерация, departpol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>

Мурат Замирович Шогенов, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социологических исследований, Кабардино-Балкарский государственный университет, ул. Чернышевского, 173, 360004 г. Нальчик, Российская Федерация, shogen@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-3062>

Анзор Альбертович Хоконов, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, просп. Ленинградский, 49, 125993 г. Москва, Российская Федерация, dr_enzo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6371-8173>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.12>

UDC 338.28

LBC 66.3(2Poc)

Submitted: 13.07.2021

Accepted: 07.08.2021

**IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS OF THE “SECOND WAVE”
IN THE SOUTHERN REGIONS OF RUSSIA WITHIN REFERENCE POINTS
“COMPETITIVENESS, SUSTAINABILITY, SECURITY, BALANCE”:
ECONOMIC AND POLITICAL ANALYSIS¹**

Alla E. Kalinina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Inna V. Mitrofanova

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Tatiana B. Ivanova

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The study is devoted to the results of the implementation of regional projects by the federal entities of the Southern Federal District in 2019 within the reference points of competitiveness, sustainability, security, balance. Its peculiarity consists in the analysis of the interrelations between the achieved state of competitiveness, sustainability, security, balance, the level of socio-economic development in a particular region, the quality of the implementation of regional projects in the context of the specifics of the regional management system, the existing relations between authorities, economic entities, civil society institutions. At the same time, along with the quality of life, it is important to achieve political stability and security. *Methodology and methods.* The research methodology is based on the systemic paradigm of the relationship between the instruments of state regulation of regional development and the results of regional development within the reference points of competitiveness, sustainability, security, balance of regions, for which a database on the regional implementation of national projects was formed. In order to obtain quantitative characteristics, an integral scoring method of ranking with a correlation and regression analysis was applied. *Analysis.* The research showed that the higher the indicators of competitiveness, sustainability, security, balance, the better the quality of regional projects' implementation. In turn, the reference points: competitiveness, sustainability, security, balance are higher in the regions with high values of gross regional product in general and per capita, as well as these federal entities have higher values of the achieved standard of living. *Results.* The correlation between efficiency level of territorial economic systems, assessed on the basis of indicators of competitiveness, sustainability, security, balance and the quality of the results of national projects' implementation was studied, which made it possible to determine that the higher the level of regional development, the better national projects are realized. The idea is justified that the existing form of regional projects' implementation becomes a factor not smoothing, but strengthening the territorial differentiation, since regions with a better level of development and large gross regional product values due to regional projects receive an additional stimulus for further changes. The conclusion about the limited character of the approach that connects the issues of territories mainly with the lack of financial resources is made. Significant role of the institutional factor of regional development, especially risk-oriented management, in the implementation of national projects is shown.

Key words: regional management systems, political stability, regional asymmetry, national projects, regional projects, competitiveness, sustainability, balance, Southern macroregion, express assessment.

Citation. Kalinina A.E., Mitrofanova I.V., Ivanova T.B. Implementation of National Projects of the “Second Wave” in the Southern Regions of Russia Within Reference Points “Competitiveness, Sustainability, Security, Balance”: Economic and Political Analysis. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 151-166. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.12>

**РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ «ВТОРОЙ ВОЛНЫ»
В ЮЖНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ В КООРДИНАТАХ «КУБС»:
ЭКОНОМИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹****Алла Эдуардовна Калинина**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Инна Васильевна МитрофановаФедеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Татьяна Борисовна ИвановаВолгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Исследование посвящено итогам выполнения региональных проектов субъектами ЮФО в 2019 г. в координатах КУБС – конкурентоспособность, устойчивость, безопасность, сбалансированность. Его особенность состоит в анализе взаимосвязей между достигнутым состоянием КУБС, уровнем социально-экономического развития в конкретном регионе и качеством реализации региональных проектов в контексте специфики региональной системы управления, сложившихся отношений между органами власти, хозяйствующими субъектами, институтами гражданского общества, так как наряду с качеством жизни важно достижение политической стабильности и безопасности. *Методология и методы.* Методология исследования базируется на системной парадигме взаимосвязи инструментов государственного регулирования регионального развития и уровнем КУБС территорий, для чего была сформирована база данных о региональной реализации национальных проектов, а для получения количественных характеристик применен интегральный балльный метод ранжирования с проведением корреляционно-регрессионного анализа. *Анализ.* Исследование показало: чем выше показатели КУБС, тем лучше качество выполнения региональных проектов. В свою очередь, КУБС выше у регионов, имеющих большие значения ВРП в целом и на душу населения, а также более высокие значения достигнутого уровня жизни. *Результаты.* Исследована зависимость между уровнем эффективности территориальных экономических систем, оцениваемым на основе показателей КУБС и качества результатов исполнения национальных проектов, позволившая определить, что чем выше уровень регионального развития, тем более полно выполняются национальные проекты. Обоснована идея, что существующая форма реализации региональных проектов становится фактором не сглаживания, а усиления территориальной дифференциации, так как регионы лучшего уровня развития и больших величин ВРП за счет региональных проектов получают дополнительный импульс дальнейших изменений. Сделан вывод об ограниченности подхода, связывающего проблемы территорий преимущественно с недостатком финансовых ресурсов, показана значительная роль в реализации национальных проектов институционального фактора регионального развития, прежде всего, риск-ориентированного менеджмента.

Ключевые слова: региональные системы управления, политическая стабильность, региональная асимметрия, национальные проекты, региональные проекты, конкурентоспособность, устойчивость, сбалансированность, Южный макрорегион, экспресс-оценка.

Цитирование. Калинина А. Э., Митрофанова И. В., Иванова Т. Б. Реализация национальных проектов «второй волны» в южных регионах России в координатах «КУБС»: экономико-политологический анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 151–166. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.12>

Введение. Данная статья представляет собой исследование двух активно рассматриваемых российскими учеными проблем –

связанных с региональным развитием в координатах «КУБС» и оценивающих реализацию региональных и национальных проектов. Пер-

вая изучается не одно десятилетие, анализируются конкурентоспособность, устойчивость, безопасность и сбалансированность (КУБС) территориального развития, обсуждаются вопросы региональной дифференциации и возможностей ее нивелирования. Изучение второй проблемы – национальных проектов имеет более короткую историю вследствие незначительного времени существования самого объекта исследования, но число статей по данному направлению исследования постоянно растет. Так, Д. Рубан указывает, что с 2018 г. подобная тематика стала освещаться и в работах, опубликованных в международных базах цитирования – Scopus и WoS [23].

Цель данной статьи – оценить влияние достигнутого состояния регионального развития в координатах КУБС на возможности регионов реализовывать национальные проекты с точки зрения устойчивости государства и дальнейшего развития федеративных отношений по линии Федеральный центр – регионы РФ. Это позволит выявить новые закономерности решения двух существенных направлений исследований российского общества, предложить меры по совершенствованию рассматриваемых процессов, оценку значимости реализации нацпроектов в регионах с точки зрения устойчивости государства, дальнейшего развития федеративных отношений по линии Федеральный центр – регионы РФ. Исследование проведено на основе статистических данных субъектов Южного федерального округа.

Как справедливо отмечает С. Панкратов, разработку и реализацию национальных проектов следует рассматривать как целенаправленную политику постепенной социализации государства с перспективой его трансформации в полноценное социальное государство. Этот процесс согласуется с признанными целями и индикаторами устойчивого развития и реализует базовые принципы Конституции РФ [17, с. 324–325].

Авторы исследования [11], отмечая такие проблемы реализации региональных проектов, как диспропорции развития, отсутствие корреляции нацпроектов и госпрограмм, предлагают продолжать исследования по их реализации, так как это позволит обеспечить горизонтальную и вертикальную согласованность различных видов российских проектов и программ между собой.

Приращение знаний в данной статье состоит в анализе вопроса, который не ставился в исследованиях ни национальных проектов, ни показателей регионального развития, а именно – как связаны между собой состояние регионов в координатах КУБС и реализация национальных и региональных проектов на их территории, то есть корреляция политического развития субъектов РФ и страны в целом с социально-экономической составляющей.

Методология исследования. Методология исследования состоит в применении интегрального балльного метода ранжирования с проведением на основе полученной базы данных корреляционно-регрессионного анализа. За основу взяты результаты исследований регионального развития волгоградской научной школы (О. Иншаков, А. Плякин, О. Ломовцева, М. Буянова, Е. Петрова и др.). Конкретизация примененной авторами статьи методологии состоит в следующем:

1. Проведение анализа исполнения тройственного проектного ограничения – по стоимости, срокам и качеству путем сопоставления плановых и фактических показателей региональных проектов, что связано с необходимостью формирования соответствующей базы данных.

2. Разработка экспресс-методики оценки КУБС-региона. В ее основу положено использование существующих рейтинговых оценок регионального развития:

– конкурентоспособности (Ко) – рейтинг конкурентоспособности регионов России AV RCI (был представлен на Петербургском инвестиционном форуме) [21];

– устойчивости (Ус) – рейтинг Российского экспортного центра по объему и динамике экспорта, так как устойчивость трактуется как сопротивление внешним воздействиям, поэтому чем больше экспорт, тем большие возможности имеет регион для расширения рынков сбыта и получения добавленной стоимости [2];

– безопасности (Без) – есть разные виды безопасности – продовольственная, информационная, экологическая, но наиболее связана с местом проявления дорожная, тем более что ей посвящены и отдельные региональные проекты, поэтому для ее оценки использован рейтинг регионов по безопасности на дорогах [22];

– сбалансированности (Сбал) – ее квинтэссенцией является долговая устойчивость

регионов, рассчитываемая Министерством финансов РФ [13].

Интегральный показатель КУБС – ИОР_{КУБС} рассчитывается по формуле 1:

$$\text{ИОР}_{\text{КУБС}} = ((A1 - K_0)^2 + (A2 - Y_c)^2 + (A3 - B_{\text{БЗ}})^2 + (A4 - C_{\text{БЛ}})^2)^{0,5}, (1)$$

где A_i ($A1, A2, A3, A4$) – значения лучших показателей по рассматриваемым регионам для конкурентоспособности, устойчивости, безопасности и сбалансированности.

3. Оценка взаимосвязи между степенью исполнения региональных проектов и территориальными значениями КУБС проводится на основе корреляционного анализа.

Результаты исследования. Специфика формирования информационной базы, достаточной для исследования, определила необходимость использования данных 2019 г., так как получить их по итогам 2020 г. в необходимом объеме пока не представляется возможным. Вся последующая информация дана в оценках 2019 года.

Для анализа выполнения тройственного ограничения региональных проектов в субъектах ЮФО авторами была сформирована собственная база данных, которая позволяет сделать следующие выводы: не у всех регионов есть единая отдельная страница с перечнем региональных проектов, принятых в соответствии с национальными; однотипен перечень проектов, принятых в социальной сфере (демография, образование, здравоохранение, развитие МСП, дорожной и транспортной сфер); отличия между регионами по развиваемым направлениям связаны с созданием условий для решения производственных вопросов (производительность труда, поддержка занятости, экспорт товаров и услуг) и экологии.

Основным общедоступным документом по каждому проекту является его паспорт. Регионы разместили свои паспорта, которые в ряде случаев по результатам 2019 г. были скорректированы (например, в Ростовской области). В 2020 г. они вновь корректировались.

По отчету об исполнении региональных проектов существует два направления представления информации: описание проводимых мероприятий, итоговые характеристики выполнения отдельных проектов.

Сводным документом об исполнении национальных проектов является «Аналити-

ческий отчет о ходе исполнения федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года» Счетной палаты РФ [1]. В нем указано, что для анализа были использованы данные ГИИС «Электронный бюджет» по отчетам о выполнении федеральных проектов отдельными территориями. Эта информация имеет закрытый доступ, поэтому можно получить только обобщенные по всем регионам сведения в приложении 7 к цитируемой записке «Информация о недостатках в рамках реализации национальных проектов (программ) и Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры». Непосредственно к ЮФО в ней относятся позиции по следующим национальным проектам:

– «Демография»: для минимизации рисков Минспорт РФ предложил сформировать дорожную карту завершения строительства объектов спорта – «Центра водных и гребных видов спорта» по адресу: Астраханская область Приволжского района, с. Яксатово, I этап;

– «Жилье и городская среда»: не заключены соглашения с Республикой Крым, Астраханской областью о реализации регионального проекта «Жилье» сроком до 31.12.2024 г. для установления целевых и дополнительных показателей, в соответствии с паспортом указанного федерального проекта;

– «Экология»: уровень исполнения расходов федерального бюджета, предусмотренных на реализацию федерального проекта «Сохранение биоразнообразия» составил 31,2 % в связи с не завершением процедуры государственной регистрации в ЕГРЮЛ ФГБУ «Объединенная дирекция ООПТ “Заповедный Крым”» и не заключением соглашения о доведении субсидии учреждению на проведение мероприятий по внесению в ЕГРН сведений о границах ООПТ (КБК 051 0603 121 G942200 600);

– «Культура»: в рамках федерального проекта «Культурная среда» (98,5 %) сложилась экономия средств при строительстве дворца культуры в п. Волжский Астраханской области (остаток – 8,1 млн руб.) [6].

В связи с отсутствием обобщенного отчета об исполнении национальных проектов в региональном разрезе был проведен сбор соответствующих данных по региональным сай-

там. В Краснодарском крае информацию по итогам 2019 г. предоставляет региональный портал национальных проектов [18]. Он является подробным и позволяет увидеть не только выполнение показателей национальных проектов за 2019 г., но и планы по их дальнейшим изменениям. Аккумулированная информация за 2019 г. представлена в таблице 1 (по каждому проекту приведено число показателей и характеристика их выполнения, например, для оценки выполнения проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей» установлено 3 показателя и все они выполнены). Строительство объектов к ЧМ-2018, значительный туристический потенциал, особенно на фоне закрытых из-за пандемии границ, привлекательные природные условия обуславливают в край значительные миграционные потоки. Это усиливает нагрузку на инфраструктуру, и нацпроекты становятся одним из существенных инструментов, способных обеспечить политическую стабильность на территории.

Как видно из данных таблицы 1, основная часть показателей выполнена и перевыполнена. Из 137-ми показателей оказались не выполненными 19, что составляет 13,8 %, то есть выполнение более 86 %.

В Республике Адыгея на официальном сайте исполнительных органов государственной власти сформирован раздел «Национальные проекты» [14], но преимущественно на нем представлены плановые материалы – паспорта региональных проектов, отдельные сведения об объемах освоенных средств. В отчетных данных указано, что по итогам 2019 г. общее освоение средств, предусмотренных на реализацию мероприятий проекта «Спорт – норма жизни», составляет 100 %. Ранее, до 1990 г., Республика Адыгея являлась частью Краснодарского края как Адыгейская автономная область. Это влияние ощущается и сейчас, например, в схожих подходах к стратегическому планированию социально-экономического развития. Близость характеристик развития этих двух регионов приводит к тому, что политическая роль реализации нацпроектов здесь оказывается не меньше и связана, как и в Краснодарском крае, с отстаиванием интересов России в Закавказье, Среднем и Ближнем Востоке.

В Республике Калмыкия информация о выполнении отдельных показателей регио-

нальных проектов в 2019 г. не представлена, опубликованы лишь данные о том, что на 27.12.2019 г. общее исполнение нацпроектов в Республике составило 84 % [4]. Историко-политическое развитие этого региона (депортация в годы Великой Отечественной войны, передача части территорий Черных земель Астраханской области, войны политической элиты прошлых десятилетий рыночных преобразований, преобладание сельскохозяйственного производства при оттоке населения за пределы Республики) делает реализацию национальных проектов не просто важным инструментом социально-экономического развития, а возможностью сохранения территориальной целостности России при обеспечении достаточного уровня защиты ее границ.

По Республике Крым итоговые показатели по итогам года отсутствуют. В сети размещены итоги экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг хода реализации национальных проектов на территории Республики Крым», в котором приводятся данные на 01.12.2019 г. [7]. Систематизированная информация на основе этого материала представлена в таблице 2.

Проблемы реализации региональных проектов связаны в Республике Крым в основном с институциональными факторами начальной стадии реализации «дорожной карты». Например, смещение сроков процедур закупки, нарушение сроков принятия документов, затраты времени на оформление отношений собственности, неучастие в подаче грантовых заявок. Всего приведена информация по 24-м региональным проектам из 5-ти национальных, принятых к реализации, то есть около 50 %, из них по 6-ти проектам указано на 100%-е исполнение бюджета. Это отражает сложности процессов воссоединения Крыма не только с политической, но и социально-экономической стороны, предполагая необходимость проведения существенной перестройки региональной системы управления в соответствии с российскими реалиями, затрагивая интересы всего гражданского общества и вызывая тем самым необходимость активного формирования инструментов, позволяющих эффективно отслеживать степень гармонизации отношений между органами власти, хозяйствующими субъектами, населением [8].

Таблица 1. Выполнение региональных проектов в Краснодарском крае в 2019 году

Table 1. Implementation of regional projects in Krasnodar Krai in 2019

Наименование проекта	Показатель *
Финансовая поддержка семей при рождении детей	в в в
Содействие занятости женщин (условия дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет)	нв пв пв в
Старшее поколение	пв пв пв пв нв
ЗОЖ, укрепление общественного здоровья	нв нв нв нв в
Массовые спорт, спортивные объекты, спортивный резерв, спорт – норма жизни	в в в в в
Оказание первичной медико-санитарной помощи	в в
Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями	в в
Борьба с онкологическими заболеваниями	в в в
Современная инфраструктура оказания медицинской помощи детям	в в
Медицинские квалифицированные кадры	нв нв нв
Единая государственная информационная система здравоохранения (цифровой контур)	в в
Развитие экспорта медицинских услуг	пв
Современная школа	в в в
Успех каждого ребенка	в в в пв
Социальная активность	в в в пв
Цифровая образовательная среда	в в в
Учитель будущего	не запл.
Молодые профессионалы	в в в
Поддержка семей, имеющих детей	пв
Новые возможности для каждого	в
Комфортная городская среда	в в в в в в
Сокращение непригодного фонда	пв пв
Жилье	нв в
Чистая вода	нв в
Сохранение лесов	нв в
Дорожная сеть	в в в в
Развитие дорожного хозяйства	в в в
Безопасное движение	пв
Информационная инфраструктура	в в в в
Кадры для ЦЭ	не запл.
Информационная безопасность	пв
Цифровые технологии	не запл.
Цифровое госуправление	и
Системные меры по повышению производительности труда	в в
Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях	в в в
Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда	в в в в
Культурная среда	в
Творческие люди	пв в
Цифровая культура	не запл.
Экспорт продукции АПК	в в в в в в нв
Системные меры международной кооперации и экспорта	не запл.
Экспорт услуг	нв нв нв нв нв
Акселерация МСП	в в в в нв
Популяризация МСП	пв пв пв пв
Расширение доступа к финансовым ресурсам	пв пв пв пв
Улучшение условий ведения МСП	в в в нв
Поддержка фермеров и сельской кооперации	в в в в

Примечание. Составлено по: [18]. * – буквами отмечено выполнение показателей региональных проектов, приведенных на региональном портале: пв – перевыполнено; в – выполнено; нв – невыполнено. Количество отмеченных позиций (число сочетаний букв) показывает количество показателей, установленных по конкретному проекту, и качество их выполнения.

Таблица 2. Выполнение региональных проектов в Республике Крым (данные на 01.12.2019)

Table 2. Implementation of regional projects in Republic of Crimea (data as of December 1, 2019)

Наименование	Показатель *
Содействие занятости женщин (условия дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет)	К
Оказание первичной медико-санитарной помощи	100 % расходов
Медицинские квалифицированные кадры	р, к
Единая государственная информационная система здравоохранения (цифровой контур)	100 % расходов
Социальная активность	100 % расходов
Поддержка семей, имеющих детей	К
Комфортная городская среда	р, к, рез
Сокращение непригодного фонда	К
Чистая вода	р, б, к
Сохранение лесов	100 % расходов
Сохранение уникальных водных объектов	не исп.
Дорожная сеть	р, к
Развитие дорожного хозяйства	р, к
Безопасное движение	не реал.
Информационная инфраструктура	не реал.
Информационная безопасность	не реал.
Цифровые технологии	не реал.
Цифровое госуправление	не реал.
Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях	не исп.
Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда	не реал.
Цифровая культура	100 % расходов
Экспорт услуг	К
Промышленный экспорт	не исп.
Акселерация МСП	нет данных
Популяризация МСП	100 % расходов

Примечание. Составлено по: [7]. * – буквами показано выполнение показателей региональных проектов, приведенных на региональном портале: р – риски; б – бюджет; к – контрольные точки; рез – результаты.

На официальном портале органов государственной власти Правительства г. Севастополя приводится информация о национальных проектах, размещены их региональные паспорта, но реализация показана в виде новостной строки, описывающей отдельные мероприятия реализации программ, например, продолжается серия образовательных вебинаров для молодежи Севастополя [15]. Приведены лишь отчетные данные о том, что перевыполнены показатели по региональному проекту «Культура». Акцент внимания общества именно на выделенных направлениях реализации нацпроектов имеет существенную политическую подоплеку. Работа с молодежью обеспечивает формирование неприятия антироссийских санкций, патриотических чувств по отношению к России, показывает открывающиеся для них перспективы. Культурные мероприятия расширяют подобное воздействие и на другие слои населения.

На сайте Правительства Астраханской области размещены только паспорта региональных проектов. Информация об их выполнении представлена в прессе [19], из которой можно сделать вывод, что область отстает по выполнению нацпроектов по сравнению со среднероссийскими показателями (85,6 %) на 17 %, то есть выполнение составляет 68,2 % (см. табл. 3). Такой уровень реализации нацпроектов может считаться серьезной политической ошибкой в контексте динамичного взаимодействия Астраханской области, наряду с Республикой Калмыкия, прикаспийскими государствами.

Объекты, выполненные менее чем на 50 % (образование и демография), будут теперь реализовываться за счет средств собственного бюджета. Основные проблемы были связаны с невыполнением проектных и строительных работ.

Таблица 3. Показатели выполнения нацпроектов по Астраханской области и в среднем по России за 2019 г., %

Table 3. Indicators of national projects' implementation in Astrakhan region and in average in Russia for 2019, %

Название проекта	% выполнения	
	по Астраханской области	по РФ
Здравоохранение (не выполнены показатели по детской смертности, инсультам, онкологии)	95,9	96,3
Культура	89,9	98,1
Безопасные и качественные автомобильные дороги	89,9	93,8
Жилье и городская среда	84,7	92,1
Экология	57,6	61,7
Демография	49,1	94,5
Образование	44,6	88,7
Международная кооперация и экспорт	100	85,8
МСП	100	92,0
Цифровая экономика (позднее перечисление (только в ноябре) средств из федерального бюджета)	0	53,6

Примечание. Составлено по: [5; 19].

В Волгоградской области информация о реализации национальных проектов представлена материалами ГКУ ВО «Аналитический центр» [20] (см. табл. 4). Обращают на себя внимание низкие показатели выполнения проектов, связанных с цифровой экономикой, хотя цифровое госуправление, цифровая культура сами имеют политологическую окраску, то есть существует значительный потенциал роста взаимосвязей гражданского общества.

По проектам «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт» задачи на 2019 г. полностью выполнены [3]. На 96 % выполнен нацпроект «Безопасные и качественные автомобильные дороги», на 83 % – здравоохранение, 73 % – образование, 70 % – демография, 63 % – жилье и городская среда. Область, по предварительным итогам выполнения нацпроектов в 2019 г., смогла даже опередить ряд регионов страны [24].

На сайте Правительства Ростовской области приведены только паспорта реализуемых региональных проектов, которые были в начале 2020 г. актуализированы, дано описание, что получит от их реализации население к 2024 году. Данных об их выполнении не опубликовано. На сайте Правительства Ростовской области есть упоминания, что О. Го-

лодец отметила эффективную работу субъекта по реализации проектов «Спорт – норма жизни», а Т. Голикова – по организации первичной санитарно-медицинской помощи [16]. Такой подход показывает меньшую политическую заинтересованность, по крайней мере в 2019 г., в популяризации нацпроектов в Ростовской области по сравнению с Краснодарским краем. Это может быть связано и с особой ролью, которую город играет в ЮФО, являясь его столицей.

Анализ сформированной базы данных о реализации региональных проектов в 2019 г. показал следующее:

1. Ни один регион ЮФО в полной мере не справился с выполнением паспорта региональных проектов на 2019 г.; причинами этого стали недостаточность проработки институциональных вопросов (оформлений отношений собственности, длительные сроки проведения закупок), нехватка проектных, строительных мощностей.

2. С учетом корректировок региональных проектов по итогам 2019 г., можно говорить, что регионы, получив не соответствующие планам показатели реализации, стали их менять, изменяя сроки выполнения работ.

3. Не сложилась практика оценки выполнения проектов через проектную триаду – сроки, стоимость, результат (качество). Субъекты РФ рапортуют о своих мероприятиях бе-

Таблица 4. Выполнение ряда региональных проектов в Волгоградской области (данные на сентябрь 2019 г.)

Table 4. Implementation of a number of regional projects in Volgograd region (data as of September 2019)

Наименование проекта	План	Факт	Доля бюджета, % *
<i>Экология в целом</i>			55
Чистая вода (доля населения, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения, %)	83,7	83,7	0
Системы обращения с ТКО			32
– ликвидация несанкционированных свалок, шт.	1	1	
– доля ТБО, направленных на переработку, %	9,84	0	
Сохранение лесов (отношение площади лесовосстановления и лесоразведения к площади вырубленных и погибших лесных насаждений, %)	100	0	92
Чистая страна (показатели не приведены)			100
Сохранение уникальных водных объектов (протяженность расчищенных участков русел рек, тыс. м)	0	0	0
Оздоровление Волги (протяженность восстановленных водных объектов Нижней Волги, тыс. м)	4,72	0	48
<i>Цифровая экономика в целом</i>			71
Информационная инфраструктура (доля муниципальных образований, имеющих возможность подключения фиксированного шлюза ШПД в Интернет, %)	<64	–	38
Кадры для ЦЭ (количество человек, прошедших обучение по развитию компетенций цифровой экономики в рамках государственной системы персональных сертификатов, тыс. чел.)	1,2	–	99
Информационная безопасность (средний срок простоя государственных информационных систем в результате компьютерных атак, часов)	48	–	80
Нормативное регулирование цифровой среды (показатели не приведены)			38
Цифровое госуправление (доля заявлений на предоставление услуг из числа подлежащих очередной оптимизации, определенных распоряжением Правительства РФ от 25.12.13 г. № 2516-р, поданных в электронной форме, %)	33	–	78
<i>Культура в целом</i>			6
Культурная среда (количество организаций культуры, получивших современное оборудование, ед.)	7	0	4
Творческие люди			0
Цифровая культура (количество созданных виртуальных концертных залов)	2	0	100

Примечание. Составлено по: [3; 20; 24]. * – доля бюджета – доля освоенных и законтрактованных средств в общем объеме расходов, запланированных по всем источникам финансирования, – не выполнено, прочерк – не запланировано или нет данных.

зотносительно к тому, как они соотносятся с паспортами региональных проектов. Упор при оценке делается на объем освоенных средств. Именно эти цифры были использованы и Счетной палатой РФ как характеристика уровня выполнения проектов. В определенной степени это оправдано – если финансовые ресурсы освоены, то с большой вероятностью можно считать, что получены запланированные результаты и в физическом плане.

4. На уровне плановых показателей (инфографика, паспорта проектов, информация по

выполнению отдельных мероприятий, участие в совещаниях, конференциях) данные по проектам доступны по всем регионам.

5. Характеристика выполнения проектов среди регионов ЮФО наиболее качественно осуществляется в Краснодарском крае.

6. Наибольшее число негативной информации о выполнении региональных проектов опубликовано по Астраханской области и Республике Крым.

7. По Волгоградской области можно через анализ презентаций органов исполнитель-

ной власти провести анализ выполнения отдельных показателей проектов, из которого вытекает, что, как и по другим регионам, не все оказалось выполнено.

8. Материалы Республик Калмыкия и Адыгея, Ростовской области лаконичны, но создают впечатление о проведении работы по выполнению региональных проектов на достаточно высоком уровне, превышающем результаты по Астраханской области и Республике Крым.

9. Информация по г. Севастополю настолько ограничена и не обобщена, что оценить реализацию в нем региональных проектов чрезвычайно сложно – судя по сведениям по отдельным мероприятиям, процесс идет, но насколько он соответствует плану сказать сложно.

В целом ни один из южных регионов по итогам 2019 г. не показал 100%-го выполнения плановых значений. Обобщенная оценка выполнения региональных проектов по

субъектам ЮФО в 2019 г. приведена в таблице 7 [9; 10; 12].

Агрегированные данные по рейтингам, отражающим конкурентоспособность, устойчивость, безопасность и стабильность регионального развития, представлены в таблице 5.

В таблице 6 приведены расчеты корреляции между показателями КУБС, если отдельные составляющие измерять по месту региона в общероссийском рейтинге. Данные таблицы 6 показывают, что наибольшее значение коэффициента корреляции между конкурентоспособностью и устойчивостью региона. Несколько ниже, но тоже достаточно высок, между безопасностью и сбалансированностью. Между остальными параметрами взаимосвязь менее 0,5, то есть связь чрезвычайно низкая. То есть взаимообуславливают друг друга две пары показателей КУБС: 1) региональные конкурентоспособность и устойчивость; 2) безопасность и сбалансированность. Первая отражает динамику региональ-

Таблица 5. Рейтинги регионов ЮФО в координатах КУБС

Table 5. Ranking of the regions of the Southern Federal District within the reference points of competitiveness, sustainability, security, balance

Наименование	КК *	РА *	РК *	Крым *	Сев *	АО *	ВО *	РО *
<i>Конкурентоспособность, 2019</i>								
Место среди регионов РФ	5	77	83	70	81	45	28	9
Баллы	3,42	0,63	0,28	0,84	0,31	1,52	2,18	2,96
<i>Устойчивость, 2019</i>								
Место по РФ, 2019	10	77	80	74	82	56	32	14
Прирост за январь – февраль 2020 г., %	-13,41	-39,62	32,28	133,39	66,4	12,93	-16,8	-20,0
<i>Безопасность, 2019</i>								
Место среди регионов РФ (с населением более 1 млн чел.)	57	16	63	70	67	61	15	5
Количество ДТП с пострадавшими на 100 тыс. автомобилей	357	212	384	408	399	373	212	183
Изменение количества ДТП с пострадавшими по сравнению с 2018 г., %	5,0	-6,4	-5,9	-7,2	14,4	6,4	2,8	-21,9
Число пострадавших (погибших и раненых) на 100 тыс. чел. в 2019 г.	185	159	275	145	177	177	152	102
Число погибших на 1 000 пострадавших в 2019 г.	90	123	107	101	23	47	75	103
<i>Сбалансированность, 2018</i>								
Место среди регионов РФ	24	7	47	81	49	51	30	14
Баллы	93,68	97,16	88,97	84,65	88,82	88,23	91,60	95,33
Группа долговой устойчивости	1	1	2	2	2	2	2	1

Примечание. Составлено по: [2; 13; 21; 22]. * – условные обозначения: КК – Краснодарский край; Крым – Республика Крым; РА – Республика Адыгея; РК – Республика Калмыкия; Сев – г. Севастополь; АО – Астраханская область; ВО – Волгоградская область; РО – Ростовская область.

Таблица 6. Коэффициенты корреляции между рейтингами регионов по показателям КУБС

Table 6. Correlation coefficients between the ratings of the regions according to indicators of competitiveness, sustainability, security, balance

Показатели	Ко	Ус	Без
Ко	–	0,99	0,43
Ус	0,99	–	0,46
Без	0,43	0,46	–
Сбал	0,44	0,49	0,79

Примечание. Рассчитано авторами.

ного развития – быть более привлекательной территорией по сравнению с иными. Вторая – статику – поддерживать установившиеся пропорции и за счет этого стабильность развития.

Результаты расчета интегрального показателя КУБС – ИОР_{КУБС}, исходя из лучших значений показателей А1, А2, А3, А4, получены по формуле (2) и приведены в таблице 7:

$$\text{ИОР}_{\text{КУБС}} = ((5 - \text{Ко})^2 + (10 - \text{Ус})^2 + (5 - \text{Без})^2 + (7 - \text{Сбал})^2)^{0,5}. \quad (2)$$

По величине баллов резко выделяется незначительной величиной показателя ИОР_{КУБС} Ростовская область, являющаяся регионом – лидером. Во вторую группу по схожести полученного показателя входят Вол-

гоградская область и Краснодарский край, третья группа – Астраханская область и Республика Адыгея, последняя, четвертая – Республика Калмыкия, Республика Крым, г. Севастополь. Разрыв между 1-й и 4-й группой (по наибольшим показателям) составляет 14,9 раза.

В целом очевиден следующий вывод: чем выше показатели КУБС, тем лучше качество выполнения региональных проектов. Это означает, что регионы лучшего уровня развития за счет региональных проектов получают дополнительный импульс дальнейших изменений; эффект от реализации региональных проектов получают все территории, но его величина зависит от качества территориального менеджмента, что может при-

Таблица 7. Результаты расчета интегральной оценки регионов в показателях КУБС и оценки исполнения региональных проектов по сравнению с плановыми показателями, упорядоченные по снижению качества результата

Table 7. Calculation results of integral assessment of regions within the reference points of competitiveness, sustainability, security, balance and implementation assessment of regional projects in comparison with planned indicators, arranged by the decrease in the quality of results

Регион	Баллы	Рейтинг	Оценка выполнения региональных проектов за 2019 г.
Ростовская область	9,0	1	Негативная информация отсутствует, обобщенные данные не опубликованы
Волгоградская область	40,5	2	Большая часть показателей выполнена
Краснодарский край	54,7	3	Большая часть показателей выполнена
Республика Адыгея	99,0	5	Негативная информация отсутствует, обобщенные данные не опубликованы
Астраханская область	93,7	4	Выполнение 68,2 %
Республика Калмыкия	126,3	6	Выполнение 84 %
г. Севастополь	128,7	7	Негативная информация отсутствует, обобщенные данные не опубликованы
Республика Крым	134,2	8	Не реализуется 9 программ, по 6 расходы выполнены на 100 %

Примечание. Рассчитано авторами.

водить к наращиванию уже существующей дифференциации.

В свою очередь, КУБС выше у регионов, имеющих большие значения ВРП как в целом, так и на душу населения, более высокие значения достигнутого уровня жизни.

Выводы. Разработка и реализация национальных и региональных проектов являются в целом эффективным инструментом перехода от управления расходами к управлению результатами, который был встроен в принятую ранее систему государственных программ, обеспечивая их расширение и в ряде случаев новое прочтение. Тем не менее пока еще не достигнуто использование их потенциала в полном объеме, что связано с недостаточным качеством принимаемых нормативно-правовых актов и подготовкой проектов, невысоким доверием населения к информации о нацпроектах, отставанием фактических результатов от плановых показателей, отсутствием системы мониторинга выполнения проектов, доступной бизнесу и гражданскому обществу, низкой преемственностью принимаемых решений. Сформированная авторами база данных о результатах исполнения региональных проектов по итогам 2019 г. показала, что сформулированные в научной литературе проблемы планирования региональных проектов проявляются и при подведении итогов их выполнения. Фактически в открытом доступе слабо представлена оценка проектной триады – сроков, стоимости, результата (качества). В большинстве регионов ЮФО (исключение составляет Краснодарский край) отсутствует системное изложение достигнутых фактических значений, что не позволяет осуществлять общественный контроль за их реализацией. Чем больше отставание фактических результатов от плановых, что определялось по общим опубликованным в печати сведениям о результатах реализации проектов, тем более ограниченной является опубликованная по ним информация. Вместо обобщающих показателей исполнения того или иного регионального проекта преобладают сведения о выполнении отдельных мероприятий, как правило, вырванных из общего контекста реализации регионального проекта.

Проведенная экспресс-оценка КУБС на основании существующих в научной литерату-

ре рейтингов конкурентоспособности, устойчивости, безопасности и сбалансированности подтвердила гипотезу, что существующая форма реализации региональных проектов становится фактором не сглаживания, а усиления территориальной дифференциации, так как регионы лучшего уровня развития, больших величин ВРП за счет региональных проектов получают дополнительный импульс дальнейших изменений. И хотя эффект от реализации региональных проектов получают все территории, но его величина зависит от качества территориального менеджмента, что может приводить к наращиванию уже существующей дифференциации.

Решению таких проблем будет способствовать риск-ориентированный мониторинг – усиление контроля за реализацией региональных проектов в регионах с низким развитием показателей КУБС. В рамках этого вывода выглядит логичным принятое в Правительстве РФ решение о назначении вице-премьеров кураторами социально-экономического развития конкретных округов, в том числе дальнейшей реализации национальных проектов. Конкретные результаты введения данной меры еще предстоит исследовать, но сам этот факт изменения конфигурации управления, усиления ответственности Федерального центра за улучшение как качества жизни, так и обусловленной им политической стабильности в отдельных регионах позволяет говорить о высокой степени заинтересованности и готовности принять все возможные меры для достижения запланированных результатов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания Южного научного центра РАН, № государственной регистрации проекта AAAA-A19-119011190184-2.

The publication was prepared as part of the implementation of the State Assignment of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, No. of state registration of the project AAAA-A19-119011190184-2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аналитический отчет о ходе исполнения федерального бюджета и бюджетов государствен-

ных внебюджетных фондов Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://audit.gov.ru/promo/analytical-report-federal-budget-2019-4/index.html> (дата обращения: 15.03.2020). – Загл. с экрана.

2. АО «Российский экспортный центр». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.exportcenter.ru/> (дата обращения: 20.04.2020). – Загл. с экрана.

3. В Волгоградской области подведены итоги года по проектам развития МСП, 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://riac34.ru/news/110908/> (дата обращения: 22.02.2021). – Загл. с экрана.

4. В Калмыкии подведены предварительные итоги реализации нацпроектов, 2019. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.mk-kalm.ru/politics/2019/12/30/v-kalmykii-podvedeny-predvaritelnye-itogi-realizacii-nacproektov.html> (дата обращения: 21.06.2020). – Загл. с экрана.

5. Губернатор с сожалением подвел итоги реализации нацпроектов в Астраханской области, 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://ast-news.ru/node/gubernator-s-sozhaleniem-podvel-itogi-realizatsii-natsproektov-v-astrakhanskoy-oblasti/> (дата обращения: 19.03.2021). – Загл. с экрана.

6. Единый портал бюджетной системы РФ в разделе «Бюджет. Расходы. Оперативное исполнение бюджета по расходам», 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://budget.gov.ru/erbs/faces/p/Бюджет/Расходы/Оперативное%20исполнение%20бюджета%20по%20расходам?_adf.ctrl-state=laq5fuyfw_4&regionId=45 (дата обращения: 20.04.2021). – Загл. с экрана.

7. Информация об основных итогах экспертно-аналитического мероприятия, 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sp-rc.ru/wp-content/uploads/2020/01/ЭАМ-1.pdf> (дата обращения: 12.04.2021). – Загл. с экрана.

8. Кирсанова, Е. Г. Воссоединение Крыма с Россией в контексте тенденций и противоречий развития современного политического процесса / Е. Г. Кирсанова, С. А. Панкратов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21, № 6. – С. 76–82. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.6.8>.

9. Митрофанова, И. В. Приоритетные национальные проекты как инструмент социально-экономической и политической модернизации старопромышленных регионов Юга России / И. В. Митрофанова, О. А. Чернова, О. Ю. Патракеева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 213–233. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.17>.

10. Митрофанова, И. В. Национальные проекты России: дайджест изменений, ожидаемых с 2021 года / И. В. Митрофанова, К. Г. Юрченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2021. – Т. 23, № 1. – С. 6–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.1.1>.

11. Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Экономический блок : науч.-аналит. изд. / кол. авт.; под науч. рук. В. А. Ильина, Т. В. Усковой. – Вологда : ВолНЦ РАН, 2019. – 93 с.

12. Национальные проекты: открытость власти и информированность общества : аналит. докл. Центра полит. технологий. 11.10.2019. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://politcom.ru/23582.html> (дата обращения: 12.02.2021). – Загл. с экрана.

13. Открытое Правительство Новосибирской области, 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://openbudget.mfnso.ru/novosibirskaya-oblast-i-regioni-rossii/stranitsa-rejting-sub-ektov-rf-porezultatam-otsenki-kachestva-upravleniya-finansami> (дата обращения: 12.04.2021). – Загл. с экрана.

14. Официальный сайт органов исполнительной власти Республики Адыгея, 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.adygheya.ru/prioritetnye-natsionalnye-proekty-v-respublike-adygeya/> (дата обращения: 21.04.2021). – Загл. с экрана.

15. Официальный портал органов государственной власти Правительства Севастополя, 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sev.gov.ru/government/national-projects/> (дата обращения: 11.04.2021). – Загл. с экрана.

16. Официальный портал Правительства Ростовской области, 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.donland.ru/activity/2505/> (дата обращения: 22.04.2021). – Загл. с экрана.

17. Панкратов, С. А. Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития (теоретический аспект) : дис. ... д-ра полит. наук / Панкратов Сергей Анатольевич. – Волгоград, 2006. – 395 с.

18. Портал национальных проектов Краснодарского края, 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://np.krasnodar.ru/> (дата обращения: 20.04.2021). – Загл. с экрана.

19. Реализация нацпроектов в Астраханской области (от 24.01.2020). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://punkt-a.info/news/glavnoe/realizatsiya-natsproektov-v-astrakhanskoy-oblasti-cto-sdelano-a-cto-provaleno> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.

20. Реализация национальных проектов Волгоградской области, 2019. Цели и основные результаты. Сентябрь 2019 года. – Электрон. текстовые дан. –

Режим доступа: http://www.volgograd.ru/vo-project/biblioteka/!2019_Реализация%20НП%20в%20Волгоградской%20области,Основные%20цели%20и%20результаты%20на%202019.pdf (дата обращения: 12.12.2020). – Загл. с экрана.

21. Рейтинг конкурентоспособности регионов России AV RCI, 2019. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://lc-av.ru/wp-content/uploads/2019/11/AV_RCI_2019_beta.pdf (дата обращения: 25.04.2021). – Загл. с экрана.

22. Рейтинг российских регионов по аварийности на дорогах, 2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ria.ru/20200224/1564977090.html> (дата обращения: 20.04.2021). – Загл. с экрана.

23. Рубан, Д. А. Национальные проекты России как объект международных научных исследований / Д. А. Рубан // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2020. – № 2. – С. 50–53.

24. Удачи и неудачи в продвижении национальных проектов в 2019 году, 2020 // Портал «Новости Волгограда». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://novostivolgograda.ru/article/general/10-01-2020/udachi-i-neudachi-v-prodvizhenii-natsionalnyh-proektov-v-2019-godu> (дата обращения: 22.04.2021). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. *Analiticheskiy otchet o khode ispolneniya federal'nogo byudzheta i byudzhetrov gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov Rossiyskoy Federatsii za yanvar' – dekabr' 2019 goda* [Analytical Report on the Implementation of the Federal Budget and the Budgets of State Extra-Budgetary Funds of the Russian Federation for January-December 2019]. URL: <http://audit.gov.ru/promo/analytical-report-federal-budget-2019-4/index.html> (accessed 15 March 2020).
2. *АО «Rossiyskiy eksportnyy tsentr»* [JSC Russian Export Center]. URL: <http://www.exportcenter.ru> (accessed 20 April 2020).
3. *V Volgogradskoy oblasti podvedeny itogi goda po proyektam razvitiya MSP*, 2020 [In the Volgograd Region, the Results of the Year on Projects for the Development of SMEs are in]. URL: <http://riac34.ru/news/110908> (accessed 22 February 2021).
4. *V Kalmykii podvedeny predvaritel'nyye itogi realizatsii natsroyektov*, 2019 [In Kalmykia, the Preliminary Results of the Implementation of National Projects Have Been Summed up]. URL: <http://www.mk-kalm.ru/politics/2019/12/30/v-kalmykii-podvedeny-predvaritelnye-itogi-realizatsii-nacproektov.html> (accessed 21 June 2020).
5. *Gubernator s sozhaleniyem podvel itogi realizatsii natsproektov v Astrakhanskoy oblasti*, 2020 [The Governor Summed up the Results of the Implementation of National Projects in the Astrakhan Region with Regret]. URL: <http://ast-news.ru/node/gubernator-s-sozhaleniyem-podvel-itogi-realizatsii-natsproektov-v-astrakhanskoy-oblasti> (accessed 19 March 2021).
6. *Yedinyy portal byudzhetroy sistemy RF v razdele «Byudzheta. Raskhody. Operativnoye ispolneniye byudzheta po raskhodam»*, 2020 [The Unified Portal of the Budgetary System of the Russian Federation in the Section “Budget. Costs. Operational Execution of the Budget for Expenditures”]. URL: http://budget.gov.ru/epbs/faces/p/Budget/Expenses/Operational%20execution%20budget%20%20expenses?_adf.ctrl-state=laq5fuyfw_4&regionId=45 (accessed 20 April 2021).
7. *Informatsiya ob osnovnykh itogakh ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya*, 2020 [Information About the Main Results of the Expert-Analytical Event]. URL: <http://sp-rc.ru/wp-content/uploads/2020/01/ЭАМ-1.pdf> (accessed 12 April 2021).
8. Kirsanova E.G., Pankratov S.A. Vossoyedineniye Kryma s Rossiyey v kontekste tendentsiy i protivorechiy razvitiya sovremennogo politicheskogo protsessa [Reunion of Crimea and Russia in the Context of Trends and Contradictions of Contemporary Policy-Making]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 6, pp. 76–82. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.6.8>.
9. Mitrofanova I.V., Chernova O.A., Patrakeeveva O.Yu. Prioritetnyye natsional'nyye projekty kak instrument sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy modernizatsii staropromyshlennykh regionov Yuga Rossii [Priority National Projects as a Tool of Social, Economic and Political Modernization of Old Industrial Regions of the South of Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 213–233. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.17>.
10. Mitrofanova I.V., Yurchenko K.G. Nacional'nye projekty Rossii: dajdzhest izmenenij, ozhidaemyh s 2021 goda [National Projects of Russia: A Digest of Changes Expected from 2021]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Journal of Volgograd State University. Economics], 2021, vol. 23, no. 1, pp. 6–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.1.1>.
11. Il'in V.A., Uskova T.V., eds. *Natsional'nye projekty 2019–2024 gg.: analiz i klyuchevye riski ikh realizatsii. Ekonomicheskii blok: nauch.-analit. izd.*

[National Projects 2019-2024: Analysis and Key Risks of Their Implementation. Economic Block. Scientific and Analytical Edition]. Vologda, VolNTs RAN, 2019. 93 p.

12. *Natsional'nye proekty: otkrytost' vlasti i informirovannost' obshchestva: analit. dokl. Tsentra polit. tekhnologii. 11.10.2019* [National Projects: Government Openness and Public Awareness. Analytical Report of the Center for Political Technologies. October 11, 2019]. URL: <http://politcom.ru/23582.html> (accessed 12 February 2021).

13. *Otkrytoye Pravitel'stvo Novosibirskoy oblasti, 2020* [Open Government of Novosibirsk Region, 2020]. URL: <http://openbudget.mfnso.ru/novosibirskaya-oblast-i-regioni-rossii/stranitsa-rejting-sub-ektov-rf-po-rezultatam-otsenki-kachestva-upravleniya-finansami> (accessed 12 April 2021).

14. *Ofitsial'nyy sayt organov ispolnitel'noy vlasti Respubliki Adygeya, 2020* [Official Website of the Executive Authorities of the Republic of Adygea]. URL: <http://www.adygheya.ru/prioritetnye-natsionalnye-proekty-v-respublike-adygeya> (accessed 21 April 2021).

15. *Ofitsial'nyy portal organov gosudarstvennoy vlasti Pravitel'stva Sevastopolya, 2020* [The Official Portal of the Government Bodies of the Government of Sevastopol]. URL: <http://sev.gov.ru/government/national-projects> (accessed 11 April 2021).

16. *Ofitsial'nyy portal Pravitel'stva Rostovskoy oblasti, 2020* [Official Portal of the Government of Rostov Region]. URL: <http://www.donland.ru/activity/2505> (accessed 22 April 2021).

17. Pankratov S.A. *Politicheskaya modernizatsiya Rossii v kontekste ustoychivogo razvitiya (teoreticheskiy aspekt): dis. ... d-ra polit. nauk* [Political Modernization of Russia in the Context of Sustainable Development (Theoretical Aspect). Dr. polit. sci. dis.]. Volgograd, 2006. 395 p.

18. *Portal natsional'nykh projektov Krasnodarskogo kraya, 2020* [Portal of National Projects of the Krasnodar Territory]. URL: <https://np.krasnodar.ru> (accessed 20 April 2021).

19. *Realizatsiya natsproyektov v Astrakhanskoy oblasti (ot 24.01.2020)* [Implementation of National Projects in Astrakhan Region (As of January 24, 2020)]. URL: <http://punkt-a.info/news/glavnoe/realizatsiya-natsproektov-v-astrakhanskoy-oblasti-chto-sdelano-a-chto-provaleno> (accessed 1 April 2021).

20. *Realizatsiya natsional'nykh projektov Volgogradskoy oblasti, 2019. Tseli i osnovnyye rezultaty. Sentyabr' 2019 goda* [Implementation of National Projects of Volgograd region, 2019. Objectives and Main Results. September 2019]. URL: http://www.volgograd.ru/vo-project/biblioteka/!2019_Realization%20NP%20in%20of%20the%20Volgograd%20Region,%20Main%20goals%20and%20results%20for%202019.pdf (accessed 12 December 2020).

21. *Reiting konkurentosposobnosti regionov Rossii AV RCI, 2019* [AV RCI Regional Competitiveness Rating]. URL: http://lc-av.ru/wp-content/uploads/2019/11/AV_RCI_2019_beta.pdf (accessed 25 April 2021).

22. *Reiting rossiiskikh regionov po avariinosti na dorogakh, 2020* [The Rating of Russian Regions According to the Accident Rate on the Roads]. URL: <https://ria.ru/20200224/1564977090.html> (accessed 25 April 2021).

23. Ruban D.A. *Natsional'nye proekty Rossii kak obyekt mezhdunarodnykh nauchnykh issledovaniy* [National Projects of Russia As an Object of International Scientific Research]. *Vestnik Taganrogskego instituta upravleniya i ekonomiki* [Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics], 2020, no. 2, pp. 50-53.

24. *Udachi i neudachi v prodvizhenii natsional'nykh projektov v 2019 godu, 2020* [Luck and Failure in Promoting National Projects in 2019, 2020]. *Portal «Novosti Volgograda»* [Portal "News of Volgograd"]. URL: <http://novostivolgograda.ru/article/general/10-01-2020/udachi-i-neudachi-v-prodvizhenii-natsionalnyh-proektov-v-2019-godu> (accessed 22 April 2021).

Information About the Authors

Alla E. Kalinina, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Rector, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, rector@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1354-2015>

Inna V. Mitrofanova, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Laboratory of Regional Economics, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhova St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Professor, Department of Economic Theory, World and Regional Economy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mitrofanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1685-250X>

Tatiana B. Ivanova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>

Информация об авторах

Алла Эдуардовна Калинина, доктор экономических наук, профессор, ректор, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, rector@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1354-2015>

Инна Васильевна Митрофанова, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, лаборатория региональной экономики, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; профессор кафедры экономической теории, мировой и региональной экономики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mitrofanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1685-250X>

Татьяна Борисовна Иванова, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.13>

UDC 32.019.5+327.8/351/354

LBC 60.82/60.84+66.2.4.8

Submitted: 29.06.2021

Accepted: 08.09.2021

COVID-19 COUNTRY STRATEGIES COUNTERACTION: A SYSTEM ANALYSIS EXPERIENCE

Marian A. Abisheva

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan,
Nur-Sultan, Kazakhstan

Taissiya V. Marmontova

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan,
Nur-Sultan, Kazakhstan

Raushan T. Dulambayeva

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan,
Kazakhstan

Bauyrzhan Baglay

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan,
Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* The article discusses the features of the regulation of counteraction measures in the initial period of the pandemic. When choosing the object of the study, the authors proceeded from the assumption that the effectiveness of responding to COVID-19 threats is related to the capabilities of public administration systems to be adaptive and respond promptly to changes in the situation. The authors focused on studying the process of adaptation of management systems to a new type of threat, for this purpose the situation in countries with maximum and minimum mortality rates was studied. *Methods and materials.* The methodology is based on the use of the Evidence-based policy principle, implemented through desk research and event analysis. The chosen methodology made it possible to identify a number of typical response strategies based on attempts of “suppression and deterrence”, “mitigation and struggle”, “support and assistance”, expressed in lockdowns of varying degrees of severity. *Analysis.* Typical measures in the political sphere include the creation of government crisis response headquarters and the development of national plans to combat the epidemic. Most of the damage received by States during the COVID-19 pandemic is due to underestimation of the situation and risks of biological safety, lack of experience in responding. *Results.* Conclusions were drawn about the economic and political consequences of the implementation of state strategies, their impact on national security. In particular, it was noted that administrative measures (China) give a quick effect with great complexity of implementation, but most states prefer to balance between the necessary restrictions and maintaining the viability of economies. As a result, the final conclusion was made that the practice of crisis management should become an integral part of government responses to shocks in the future.

Key words: public administration, COVID-19, state of emergency, state support, social regulation, quarantine, security.

Citation. Abisheva M.A., Marmontova T.V., Dulambayeva R.T., Baglay B. COVID-19 Country Strategies Counteraction: A System Analysis Experience. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 167-179. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.13>

**СТРАНОВЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ COVID-19:
ОПЫТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА****Мариан Асаровна Абишева**Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан,
г. Нур-Султан, Казахстан**Тансия Викторовна Мармونتова**Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан,
г. Нур-Султан, Казахстан**Раушан Тлегеновна Дуламбаева**Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан,
г. Нур-Султан, Казахстан**Бауыржан Баглай**Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан,
г. Нур-Султан, Казахстан

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются особенности регулирования мер противодействия в начальный период пандемии. Авторы сосредоточились на изучении процесса адаптации управленческих систем к угрозе нового типа. *Методы и материалы.* В основе методологии лежит использование принципа Evidence-based policy, реализованного через кабинетное исследование и ивент-анализ. *Анализ.* К числу типичных мер в политической сфере стоит отнести создание правительственных штабов кризисного реагирования и выработку национальных планов борьбы с эпидемией. Большая часть ущерба, полученного государствами в период пандемии COVID-19, связана с недооценкой ситуации и рисков биологической безопасности, отсутствием опыта реагирования. *Результаты.* Были сделаны выводы об экономических и политических последствиях реализации государственных стратегий, об их влиянии на национальную безопасность. Практика кризисного регулирования должна стать неотъемлемой частью государственных мер реагирования на потрясения в будущем. *Вклад авторов.* М.А. Абишева – заключение о типах страновых стратегий в процессе противодействия COVID-19. Т.В. Мармونتова – подготовка структуры статьи, методология и анализ литературы. Р.Т. Дуламбаева – подготовка рекомендаций по поводу адаптивного потенциала управления в процессе антикризисного менеджмента. Б. Баглай – сбор материала, проведение сравнительного анализа.

Ключевые слова: государственное управление, COVID-19, чрезвычайное положение, государственная поддержка, социальное регулирование, карантин, безопасность.

Цитирование. Абишева М. А., Мармونتова Т. В., Дуламбаева Р. Т., Баглай Б. Страновые стратегии противодействия COVID-19: опыт системного анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 167–179. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.13>

Введение. COVID-19 стал серьезным вызовом для современного мира. По состоянию на 20 июня 2021 г. число умерших в мире от COVID-19 превысило 3,8 млн человек, практически нет стран, которые не пострадали от пандемии [20]. Мир в период пандемии – это мир мгновенных изменений, и потому важно работать над повышением адаптивного потенциала управленческих систем. Управление

на основе данных, применение прогнозных моделей развития ситуации позволят упреждать проблемы, своевременно корректировать меры воздействия. При подготовке статьи использованы данные исследовательского отчета, подготовленного авторами в составе исследовательской группы под руководством М.А. Абишевой, Р.Т. Дуламбаевой по теме «Государственное управление в условиях пан-

демии» в рамках проекта Астанинского хаба государственной службы по поддержке научной школы госуправления (далее – Хаб). С полной версией отчета на трех языках можно ознакомиться на веб-сайте Хаба (см.: [12]). Данная статья публикуется с разрешения Хаба.

Цель работы – сравнительный анализ страновых стратегий противодействия распространению коронавирусной инфекции с учетом их результативности и степени адаптивности управленческих механизмов к новой системной угрозе.

Предмет исследования – реакция правительств ряда государств на раннем этапе (первая волна) противодействия распространению COVID-19.

Анализ стратегий антикризисного реагирования позволит сформировать генерализованную «повестку дня» для правительств в кризисный и посткризисный восстановительный периоды. Для анализа стратегии правительств условно разделены на стратегии масштабного и сфокусированного локдауна.

Методы. Исследование базируется на системном подходе и реализации принципа доказательной политики Evidence-based policy: кабинетное исследование; ивент-анализ событийных рядов по принятым мерам правительства в период пандемии. Был использован ограниченный по времени набор данных, связанных с изучением реакции государств на первую волну пандемии.

Обзор литературы. При росте неопределенности и непредсказуемости внешних условий (пандемия COVID-19) государство вынуждено решать управленческие задачи новыми методами, с привлечением новых сил и зачастую с непредсказуемыми результатами. Так, в рамках изучения данной проблемы осуществляется поиск надежных управленческих решений в условиях пандемии (см., например: [15]), особое внимание уделяется вопросам включения кризисного управления в исследовательские программы [26].

Наработан солидный объем данных по реакции стран на вызовы пандемии: рассмотрен кейс Швеции [29], проведен сравнительный анализ ситуации в странах АСЕАН [19], а также в странах Центральной и Восточной Европы [27]. Анализ стратегий управления показывает, насколько важными факторами управления яв-

ляются создаваемые институциональные условия и системное администрирование [23].

Анализ. Коронавирус можно определить как вызов системного типа, требующий использования комплексных стратегий противодействия. Государство вынуждено балансировать между необходимостью спасения жизней людей и жизнеспособностью основных социальных и политических систем [7].

Для того чтобы иметь возможность адекватной оценки государственной активности, важно использовать устойчивый набор критериев для ее измерения. Единых критериев не существует и на второй год пандемии. С учетом идущих в разных академических центрах исследований приведенный далее набор критериев информативен в плане оценки результативности реагирования.

Boston Consulting Group (см. табл. 1) анализируя процесс развития ситуации выделила три типа управленческих стратегий.

Первая стратегия при кажущейся жесткости дает возможность быстрого подавления инфекции и восстановления, вторая стратегия, построенная на балансе, требует от управленцев умения постоянно адаптировать набор антикризисных мер, третья стратегия требует высокой самодисциплины и сознательности от населения. Реализуются названные стратегии посредством разного уровня локдаунов (см. табл. 2).

Причем при кажущейся комфортности второго варианта чаще власти шли на применение максимально жестких мер реагирования. Важным при выборе той или иной стратегии является набор критериев, который предлагают использовать разработчики индекса оценки степени эффективности управленческих решений (см. табл. 3).

В рамках данного исследования эффективность политики оценивается исходя из первых трех пунктов индекса, исключая вопросы вакцинации, в связи с фактором времени (первая волна COVID-19, до начала официальных кампаний вакцинации).

Стратегия «подавления и сдерживания» в действии. Данный тип стратегий реализовывался в относительно небольшом числе стран. В первые месяцы пандемии успехи таких стран, как Китай, Южная Корея, Тайвань, были очевидны, им удалось достаточно быстро остановить заражение.

Таблица 1. Типология стратегий реагирования управленческих систем

Table 1. Typology of response strategies of management systems

Стратегия	Цель	Предпосылки для восстановления экономики	Условия реализации стратегии
«Подавление и сдерживание»	Быстрое подавление роста числа инфицированных посредством введения ограничительных мер, отслеживание контактов, карантины	Быстрое возобновление экономической активности в изолированном регионе	Быстро вводимый локдаун. Строгий пограничный контроль. Высокие объемы тестирования
«Смягчение и борьба»	Жесткие меры сдерживания для контроля над числом заражений с целью сохранения функционала системы здравоохранения	Последовательное снятие ограничительных мер по мере снижения нагрузки на систему здравоохранения	Контроль работоспособности системы здравоохранения. Тестирование, отслеживание контактов с целью мониторинга. Четкие протоколы безопасности
«Поддержание и помощь»	Отказ от жестких мер, ставка на добровольные самоограничения	Длительный карантин для уязвимых категорий населения	Возможности государства изолировать уязвимые категории населения и поддержать их уровень жизни. Высокий уровень доверия правительству

Примечание. Составлено по: [14].

Таблица 2. Инструменты антикризисного реагирования

Table 2. Crisis response tools

Тип инструментария	Особенности	Страна
Масштабный (максимальный) локдаун	Запрет на передвижение между регионами, городами; запрет на выход из дома; ограничение работы заведений, кроме банков и магазинов; фокусировка на массовое тестирование	Германия, Испания, Италия, Китай, Турция, США
Сфокусированный (среднего уровня) локдаун	Запрет на передвижение вне места изоляции для некоторых социальных групп – инфицированных, с явными симптомами или лиц, контактировавших с инфицированными; запрет работы образовательных и религиозных учреждений; тестирование всей цепочки инфицированных и добровольное тестирование	Южная Корея

Таблица 3. Критерии оценки эффективности управленческих стратегий в период пандемии

Table 3. Criteria for assessing the effectiveness of management strategies during the period of pandemics

Критерии	Описание
Политика сдерживания и закрытия	Фиксирует информацию о политике сдерживания и закрытия
Экономическая политика	Фиксирует экономическую политику
Политика системы здравоохранения	Регистрирует политику системы здравоохранения
Политика вакцинации	Фиксирует политику вакцинации

Примечание. Составлено по: [21].

Политика сдерживания и закрытия в Китае строилась на активном применении жесткого локдауна. Карантин объявили во всех городах провинции Хубэй. Жителям запрещалось покидать свои дома, передвижения и контакты отслеживались. Экономическая поддержка населения строилась на выплате пособий (до 1 400 долл. США) в случае, если сообщалось о заболевании и оно подтверждалось; тем, у кого коронавирус не был обнаружен, выплачивали 150 долл. США [22]. Вводился упрощенный порядок предоставления пособий по безработице, налоговые льготы и отказ от взносов на социальное обеспечение, компенсировалась месячная квартплата для тех, кто проживает в государственных домах. 15 млрд долл. США было выплачено жителям Гонконга в возрасте от 18 лет в качестве так называемых «вертолетных денег» [3]. Для помощи бизнесу государство ввело нулевую процентную ставку кредитования. Местные банки увеличили кредитные потоки для поддержки малого и среднего бизнеса от 30 до 40 % [25]. В рамках комплекса мер, связанных с реакцией системы здравоохранения, проводилось массовое тестирование людей за государственный счет. Нарастивалось производство средств индивидуальной защиты для их безвозмездной раздачи гражданам. Было выделено 15 млрд долл. США на повышение заработной платы медперсоналу, установку в больницах новейшего оборудования [9].

Опыт Турции показателен в плане эффективного ответа за счет реализации масштабного локдауна [30]. Ограничительные меры включали: комендантский час для лиц, достигших 65 лет, а также для лиц моложе 20 лет, регламентацию возможности внутренних поездок. Медики получили максимальные денежные выплаты. Тем рабочим, чьи трудовые договоры были расторгнуты до 15 марта 2020 г. было выплачено 1 177 лир (примерно 179 долл. США); вводился запрет на увольнение работников на 3 месяца. Было увеличено финансирование программ социальной помощи и солидарности до 180 млн лир (26 млн долл. США) с дополнительными инвестиционными ресурсами в эти фонды на сумму до 353 млн лир (около 51 млн долл. США) [28]. Для ускорения обеспечения медицины были

введены таможенные послабления для ввоза соответствующих товарных групп [24].

Для Турции было важно не допустить катастрофического падения показателей экономического развития. Было разрешено отсрочить платежи по кредитам для наиболее пострадавших отраслей на 6 месяцев. Всего до конца июня 2020 г. Турция выделила на борьбу с COVID-19 около 498 млрд турецких лир, что составило около 10,8 % ВВП, или 72 млрд долл. США [29]. Но в последующие волны пандемии турецкий вариант противодействия не был столь успешным.

Второй год пандемии демонстрирует невозможность унифицировать стратегии противодействия и, как результат, сформировать общие инструменты реагирования на кризис. Есть определенные сходства в динамике принятия решений в странах с развитыми либеральными экономиками. В результате первой волны коронавируса Германия достаточно хорошо справилась с кризисом. В отличие от Турции или Китая, в этой стране на первых порах не было выставлено жестких требований по социальному дистанцированию, тестирование проводили частные лаборатории, цена была очень высокой. Недостаточно оперативно действовали в отношении туристов, мигрантов из опасных регионов. Были проблемы с защитным снаряжением, отслеживанием контактов и ажиотажным спросом на тесты (Северный Рейн – Вестфалия и Бавария). Опираясь на набор показателей из индекса эффективности управленческих решений, было выявлено, что власти действовали не совсем последовательно, сосредоточившись на удержании экономической ситуации и мерах социальной поддержки. Во время первой волны распространения COVID-19 Федеральное правительство приняло два бюджета: 156 млрд евро (4,9 % собственного ВВП) в марте и 130 млрд евро (4 % собственного ВВП) в июне с долгом около 218 млрд евро для его финансирования [22].

Ключевые меры поддержки были направлены на сохранение занятости и уровня доходов, облегчение доступа к социальным пособиям, налоговые послабления и т. д. [13; 17; 19]. Сами власти ФРГ посчитали выбранную ими на первых порах стратегию правильной, министр экономики и энергетики П. Альтмай-

ера говорил о том, что ответ Германии на вызов пандемии был успешным, а меры – «жесткими и трудными, но необходимыми» [18]. При этом очевидным слабым местом такой стратегии была высокая стоимость ее имплементации, даже для мощной экономики Германии.

Стратегия «смягчения и борьбы».

Наиболее применимым оказался путь борьбы с пандемией на основе баланса, который строится на необходимости сохранить жизнеспособность экономики и не допустить перегрузки системы общественного здравоохранения посредством введения различного рода ограничений. Выбор в большинстве случаев приходится делать «непопулярный», ведущий к росту социальной напряженности, усилению социальных противоречий.

Как эффективную можно оценить стратегию противодействия, выбранную в Южной Корее. План борьбы с COVID-19 основан на опыте борьбы со вспышками SARS и MERS. Здесь удалось «сбить» рост числа новых случаев, не вводя блокаду и не парализуя экономику. Составляющими корейского плана стали: быстрое тестирование, отслеживание контактов, изоляция пациентов и последовательная правительственная коммуникация для обеспечения широкого сотрудничества [31]. Меры поддержки предусматривали максимальное сохранение трудовой занятости, помощь малообеспеченным семьям, финансовую помощь предприятиям, развитие цифровой и зеленой промышленности и пр. В общей сложности расходы на 6,3 трлн вон были включены в дополнительный бюджет 2020 года.

В случае с Казахстаном также имеет место названная стратегия. Власть пошла на объявление чрезвычайного положения. Повторно идти на меры ограничительного характера пришлось в июле 2020 г., когда был объявлен локдаун. С начала пандемии Казахстан занимает 110-е место с показателем 14 565 заболевших на миллион населения в рейтинге стран по числу заражений; по количеству смертей от COVID-19 Казахстан на 107-м месте в мире [1]. Пандемия стоила Казахстану 3%-ного падения ВВП, уровень роста экономики в оптимистическом сценарии прогнозировался в половину от роста 2019 г. [4]. Кризис привел к росту числа бедных, доля которых достигла

12,7 %, что соответствует более 800 тыс. человек [5]. Казахстан потратил на меры антикризисной поддержки экономики 8,7 % ВВП (больше, чем другие участники ЕАЭС) [11].

Стратегии, основанные на смягчении и борьбе, оказались наиболее распространенными в плане противодействия кризису, а вот инвариантность результатов и последствий была гораздо шире и менялась по мере того, как накатывались новые волны вируса.

Стратегия «поддержания и помощи». Третий тип стратегий, направленный на поддержание и помощь, носит в большей степени персонифицированный характер и связан с опытом Швеции. При этом однозначно говорить об успехе или провале стратегии сложно, так как в начале мая 2020 г. число смертей от COVID-19 серьезно превышало число смертей в других скандинавских странах [14].

Опыт «неудачной» имплементации стратегий противодействия. США не демонстрируют четкого и выверенного ответа на вызовы пандемии. 12 апреля 2020 г. впервые в истории США федеральные власти страны приняли декларацию о чрезвычайной ситуации одновременно во всех американских штатах и столичном округе Колумбия [16]. США вступили в первую волну пандемии позже других государств, но лидируют по численности заражений. В качестве одной из причин эксперты называют неслаженную работу системы здравоохранения [8], недофинансированной остается первичная медицинская помощь. Препятствуют эффективной реакции особенности государственного устройства. Например, дефицитные аппараты ИВЛ дорожают на фоне конкуренции между штатами [10].

На первом этапе развития пандемии ситуация с динамикой роста заболеваний в Италии стала примером одного из самых неудачных кейсов. Режим чрезвычайного положения был введен 31 января 2020 г. сроком на 6 месяцев [2]. Были изолированы все северные области Ломбардии, а также 14 северных провинций [6]. Меры противодействия были типичны и включали стандартный набор запретов и ограничений. Высокий уровень смертности от коронавируса в Италии в первую волну его распространения эксперты связывали с высокой долей пожилого населения и плохой

координацией лечебных мероприятий, что поставило систему здравоохранения на грань коллапса.

Обсуждение. Проведенный анализ показал, что не существует общих регламентирующих правил борьбы и сдерживания распространения COVID-19: каждое государство принимает собственные меры, опираясь на уровень развития своей экономики и качества системы здравоохранения (табл. 4). Политические факторы также повлияли на выбор стратегии. В странах, где ранее прослеживался наиболее централизованный характер ведения государственной политики, борьба с коронавирусом шла в жестких условиях, при этом введение жестких мер показало опреде-

ленную эффективность. К примеру, в Китае закрытие провинции Хубэй и близлежащих населенных пунктов предоставило возможность остальной части страны подготовиться к пандемии основательно. Однако те же жесткие меры не сработали в других странах. Так, несмотря на введение чрезвычайного положения и выделение на систему здравоохранения значительных финансовых средств, Италия и Испания лидировали среди европейских стран по количеству смертельных исходов от коронавируса. Тяжелой и наиболее серьезной оказалась ситуация в Соединенных Штатах Америки, где чрезвычайная ситуация была введена несколько позже, чем того требовало истинное положение, а каран-

Таблица 4. Меры антикризисного реагирования и последовательность их выполнения

Table 4. Anti-crisis response measures and the sequence of their implementation

Типы мер	Шаги по имплементации	Последовательность выполнения
Экономические меры	Налоговые льготы для бизнеса	Послабления для пострадавших предприятий
	Планы экономической поддержки пострадавших секторов экономики	Начали разрабатываться в начале пандемии, в настоящее время имеются практически во всех странах
	Компенсационные выплаты населению	Раздача так называемых «вертолетных денег», пособия для заболевших и лишившихся работы
Политические меры	Создание правительственных штабов	Созданы специальные комитеты для координации усилий
	Выработка национальных планов борьбы с эпидемией	Успешно применен в Южной Корее, имеется в Великобритании и других странах
	Ввод в стране положения чрезвычайного положения	Практически повсеместно
	Закрытие государственных границ	Практически повсеместно
	Приостановка выдачи виз, а также запреты на выезд за рубеж	Для граждан из стран с высоким риском заражения
	Ограничение полетов или полная отмена авиарейсов в страны, где отмечается всплеск пандемии	Применили фактически все государства мира, в особенности в направлении стран Азии
	Полное закрытие городов и регионов для внутреннего передвижения	В Китае и Италии
Медицинские меры	Ввод специального карантина в аэропортах, населенных пунктах, организациях с применением технических средств	В Китае внедрены сканеры с одновременным определением персональных данных гражданина
	Помещение граждан на закрытый карантин	До 2 недель для изоляции и наблюдения
	Усиление работы госпиталей	Италия – сортировка пациентов. Скандинавия – рекомендация для уязвимых слоев населения избегать госпитализации при легком течении болезни
	Увеличение числа лабораторий по выявлению вируса и увеличение медицинского персонала, привлеченного к этой работе	В Испании число лабораторий для тестирования образцов увеличено с 4 до 8
	Подготовка к разным сценариям эпидемии	Ввод мер по «повышению чувствительности» системы здравоохранения для выявления новых случаев. Вводятся новые медицинские тесты

Окончание таблицы 4

End of Table 4

Типы мер	Шаги по имплементации	Последовательность выполнения
Административные меры	Отмена всех крупных и массовых публичных мероприятий	В Италии отменили футбольные матчи и в Венецианский карнавал; в Японии – Фестиваль цветения сакуры; в КНР – впервые Ежегодную сессию ВСНП. Аналогичные меры приняты в Германии, Швейцарии, Кувейте и Франции
	Временное закрытие публичных мест для посещения	От крупных торговых центров (КНР, Италия) до музеев и кинотеатров (Франция, Италия, Иран)
	Ограничения выхода на работу	Практически повсеместно. Позволило снизить риск распространения вируса
	Временное закрытие школ и университетов	Онлайн-формат обучения
	Запрет на массовые скопления людей	Во Франции запрещено собираться более 5 000 человек, а в Швейцарии – более 1 000 человек
	Штрафы за нарушение гражданами правил по ограничению внутреннего передвижения	Для людей, которые предоставляют ложные данные о поездках в эпидемиологически опасные страны
Информационные меры	Контроль за ценами и обеспечением лекарственными и профилактическими средствами	В России, Китае, Франции, Великобритании и других странах
	Регулярное распространение достоверной информации об эпидемиологической ситуации	Размещение постоянно обновляемой информации о всех мерах на специально созданных онлайн-платформах, что обеспечило легкий доступ общественности к ней
Социальные меры	Выпуск и распространение мотивирующих материалов. Запрет на публикации алармистского характера	Размещение в социальных сетях роликов с правдивой и проверенной информацией. Борьба с фейками, через судебные предписания на удаление ложных материалов
	Социальные акции	Телеканал CCTV транслировал репортаж, как пациенты и медицинские работники временного госпиталя в провинции Хубэй танцуют для поднятия духа
Цифровые меры	Выдача медицинских масок населению	В Южной Корее организовали раздачу более 7 млн масок
	Создание специальных приложений для смартфонов, позволяющих отслеживать статус здоровья граждан по районам проживания	Масштабно внедрены в Китае, Южной Корее, Японии. Есть опыт проекта «Ашык» в Казахстане

тинные меры определялись каждым штатом самостоятельно. Южная Корея, в сравнении с другими странами, благодаря оперативности, инновационности руководства и осознанному поведению граждан смогла успешно предотвратить массовую и продолжительную пандемию. Соответственно, эффективность той или иной государственной стратегии реагирования на пандемию зависит не только от уровня жесткости ограничительных мер, но и от таких показателей, как интенсивность, продолжительность и адекватность их реализации, готовность системы здравоохранения, правительства, бизнеса и граждан к этим мерам.

Результаты исследования. Жизнеспособность экономики определяет способность

государства противостоять давлению пандемии. Возможности и эффективность поддержки для каждого государства индивидуальны и зависят от его развитости, наличия резервов, демографии, специфики менталитета и даже особенностей политической системы.

Вне зависимости от особенностей политической системы страновые стратегии противодействия кризиса (при явном частотном повторении попыток смягчения и баланса) оперируют политическими и административными инструментами. Упор делается на то, чтобы сохранить функционал медицинской системы и не допустить критического падения экономической активности.

Заключение. Пандемия – вызов нового порядка, имеющий отношение к системе

государственного управления, безотносительно к политическому устройству. Ввиду масштаба явления сложно выделить комплекс универсальных мер реагирования, результат виден только в случае комплексного выбора. И здесь есть несколько вариантов действия. Первый – быстрый и достаточно эффективный, но выстроенный на активном применении административного ресурса – нашел применение в Китае. Слабым местом данной стратегии является высокая стоимость реализации. Более применима стала стратегия баланса, которая была взята на вооружение большей частью государств, когда активность ограничительных мер менялась исходя из интенсивности эпидемического процесса и регулировалась возможностями страновых экономик. При этом мощные либеральные экономики, несмотря на большие возможности, справились с ударом пандемии не совсем удачно. В определенный период все равно приходилось включать административный ресурс. Сопоставительный анализ мер государственного регулирования кризиса показывает, что модель реагирования в ее генерализованном виде строится на попытках баланса в жестких рамках, определяемых функциональными особенностями систем здравоохранения.

Анализ ситуации и оценка эффективности государственных мер позволили сделать вывод о высокой функциональности именно гибкой политики ограничений на основе оценки рисков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борьба с пандемией: правительственные меры в Казахстане дали результаты // Литер. – 2021. – 16 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://liter.kz/borba-s-pandemiej-pravitelstvennyemy-v-kazahstane-dali-rezultaty/> (дата обращения: 15.06.2021). – Загл. с экрана.
2. В Италии из-за коронавируса на полгода ввели чрезвычайное положение // Интерфакс. – 2020. – 31 янв. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/693536> (дата обращения: 14.06.2021). – Загл. с экрана.
3. Гонконг выплатит жителям по \$1280 наличными для стимулирования экономики // Ведомости. – 2020. – 26 февр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/02/26/823871-gonkong-viplatit-zhitelyam> (дата обращения: 21.06.2021). – Загл. с экрана.
4. Доклад об экономике Казахстана: Преодолевая кризис // Всемирный банк. – 2021. – 16 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/kazakhstan/publication/economic-update-summer-2020> (дата обращения: 18.06.2021). – Загл. с экрана.
5. Из-за пандемии доля неимущих в Казахстане может достичь 12,7 процента // Новости ООН. – 2020. – 25 июля. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2020/07/1382661> (дата обращения: 19.06.2021). – Загл. с экрана.
6. Итальянский премьер ввел карантин в Ломбардии и еще 14 провинциях // Интерфакс. – 2020. – 8 февр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/698202> (дата обращения: 14.06.2021). – Загл. с экрана.
7. Как коронавирус изменит нашу жизнь в 2021 году: прогнозы на будущее // Счетная палата Российской Федерации. – 2020. – 28 дек. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/COVID-Italy.pdf> (дата обращения: 24.06.2021). – Загл. с экрана.
8. Какие ошибки разные страны допустили в борьбе с COVID-19. И можно ли было изменить ситуацию // Курсив. – 2020. – 19 мая. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://kursiv.kz/news/kursiv-guide/2020-05/kakie-oshibki-raznye-strany-dopustili-v-borbe-s-COVID-19> (дата обращения: 11.06.2021). – Загл. с экрана.
9. Мертвая зона, халява, диктатура. Каким образом Китай победил коронавирус? // Аргументы и факты. – 2020. – 17 марта. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://aif.ru/health/coronavirus/mertvaya_zona_halyava_diktatura_kakim_obrazom_kitay_pobedil_koronavirus (дата обращения: 21.06.2021). – Загл. с экрана.
10. Первые результаты борьбы с коронавирусом в США и смена курса в отношении Венесуэлы // Евразийские стратегии. – 2020. – 3 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/pervye-rezultaty-borby-s-koronavirusom-v-ssha-i-smena-kursa-v-otnoshenii-venesujely/> (дата обращения: 11.06.2021). – Загл. с экрана.
11. Последствия года пандемии в ЕАЭС оценили аналитики // Капитал. – 2021. – 27 марта. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://kapital.kz/economic/94414/posledstviya-goda-pandemii-v-yeaes-otsenili-analitiki.html> (дата обращения: 20.06.2021). – Загл. с экрана.
12. Результаты исследований 2020. Астанинский хаб государственной службы // Астанинский хаб государственной службы. – 2021. – 17 февр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://>

www.astanacivilservicehub.org/ru/research2020 (дата обращения: 20.06.2021). – Загл. с экрана.

13. Страновой обзор: опыт Германии в борьбе с COVID-19 // Счетная палата Российской Федерации. – 2020. – 26 мая. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Germany-COVID-19.pdf> (дата обращения: 19.06.2021). – Загл. с экрана.

14. Три стратегии борьбы против коронавируса по версии Boston Consulting Group // Газета.uz. – 2020. – 25 июля. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/07/25/covid-strategies/> (дата обращения: 17.06.2021). – Загл. с экрана.

15. Ansell, C. The COVID-19 Pandemic As a Game Changer for Public Administration and Leadership? The Need for Robust Governance Responses to Turbulent Problems / C. Ansell, E. Sorensen, J. Torfing // Public Management Review. – 2021. – Vol. 23, iss. 7. – P. 946–990. – DOI: 10.1080/14719037.2020.1820272.

16. CNN: в США одобрили декларацию о чрезвычайной ситуации во всех штатах // ТАСС. – 2020. – 12 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/8222437> (дата обращения: 11.06.2021). – Загл. с экрана.

17. Coronavirus: Germany Infection Rate Rises As Lockdown Eases // BBC. – 2020. – 10 May. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-europe-52604676> (date of access: 19.06.2021). – Title from screen.

18. Country Policy Responses // Internal Labor Organization. – 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/regional-country/country-responses/lang=en/index.htm> (date of access: 20.06.2021). – Title from screen.

19. COVID-19 and ASEAN Responses: Comparative Policy Analysis / R. Djalante [et al.] // Progress in Disaster Science. – 2020. – № 8. – P. 1–12. – DOI: doi.org/10.1016/j.pdisas.2020.100129.

20. COVID-19 Dashboard // Coronavirus Resource Center. – 2021. – 20 June. – Electronic text data. – Mode of access: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (date of access: 20.06.2021). – Title from screen.

21. COVID-19 Government Response Tracker // Blavatnic School of Government. University of Oxford. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/covid-19-government-response-tracker> (date of access: 19.06.2021). – Title from screen.

22. Employment Law Around the Coronavirus Outbreak in China // Withersworldwide. – 2020. – 5 March. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.withersworldwide.com/en-gb/insight/>

[employment-law-around-the-COVID-19-outbreak-in-china](https://www.withersworldwide.com/en-gb/insight/employment-law-around-the-COVID-19-outbreak-in-china) (date of access: 20.06.2021). – Title from screen.

23. European Coronationalism? A Hot Spot Governing a Pandemic Crisis / G. Bouckaert [et al.] // Public Admin Rev. – 2020. – Vol. 80, iss. 5. – P. 765–773. – DOI: doi.org/10.1111/puar.13242.

24. Government and Institution Measures in Response to COVID-19 // KPMG. – 2020. – 28 Oct. – Electronic text data. – Mode of access: <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2020/04/turkey-government-and-institution-measures-in-response-to-COVID.html> (date of access: 21.06.2021). – Title from screen.

25. International Monetary Fund // International Monetary Fund. – 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-COVID19/Policy-Responses-to-COVID-19#T> (date of access: 21.06.2021). – Title from screen.

26. Mascio, F. D. Public Administration and Creeping Crises: Insights From COVID-19 Pandemic in Italy / F. D. Mascio, A. Natalini, F. Cacciatore // The American Review of Public Administration. – 2020. – Vol. 50 (6/7). – P. 621–627. – DOI: 10.1177/0275074020941735.

27. Nemec, J. Public Policy During COVID-19: Challenges for Public Administration and Policy Research in Central and Eastern Europe / J. Nemec, W. Drechsler, G. Hajnal // NISPAcee Journal of Public Administration and Policy. – 2020. – № 2 (13). – P. 11–22. – DOI: doi.org/10.2478/nispa-2020-001.

28. Steps Taken by Countries in Fighting COVID-19 Pandemic // Anadolu Agency. – 2020. – 20 Apr. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.aa.com.tr/en/health/steps-taken-by-countries-in-fighting-COVID-19-pandemic/1812009> (date of access: 21.06.2021). – Title from screen.

29. Swedish Policy Analysis for COVID-19 / A. Kavaliunas [et al.] // Health Policy and Technology. – 2020. – № 9 (4). – P. 598–612. – DOI: doi.org/10.1016/j.hlpt.2020.08.009.

30. Terry, S. M. South Korea Minimized the Damage from COVID-19. North Korea Maximized It // Center for Strategic and International Studies. – 2020. – 1 Oct. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.csis.org/analysis/south-korea-minimized-damage-COVID-19-north-korea-maximized-it> (date of access: 20.06.2021). – Title from screen.

31. Turkey's Economic Policy Response to COVID-19 Swift, Comprehensive, Says World Bank // Daily Sabah. – 2020. – 12 Aug. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.dailysabah.com/business/economy/turkeys-economic-policy-response-to-COVID-19-swift-comprehensive-says-world-bank> (date of access: 21.06.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. Bor'ba s pandemiej: pravitel'stvennyye mery v Kazahstane dali rezul'taty [Fighting the Pandemic: Government Measures in Kazakhstan Have Yielded Results]. *Liter*, 2021, April 16. URL: <https://liter.kz/borba-s-pandemiej-pravitelstvennyye-mery-v-kazahstane-dali-rezultaty/> (accessed 15 June 2021).
2. V Italii iz-za koronavirusa na polgoda vveli chrezvychajnoe polozhenie [Italy Introduced the State of Emergency for Six Months Due to Coronavirus]. *Interfax*, 2020, January 31. URL: <https://www.interfax.ru/world/693536> (accessed 14 June 2021).
3. Gonkong vyplatit zhiteljam po \$1280 nalichnymi dlja stimulirovaniya jekonomiki [Hong Kong will Pay Residents \$1,280 in Cash to Stimulate the Economy]. *Vedomosti*, 2020, February 26. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/02/26/823871-gonkong-viplatit-zhitelyam> (accessed 21 June 2021).
4. Doklad ob jekonomike Kazahstana: Preodolevaja krizis [Report on Economy of Kazakhstan: Overcoming the Crisis]. *Vsemirnyj bank*, 2021, April 16. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/kazahstan/publication/economic-update-summer-2020> (accessed 18 June 2021).
5. Iz-za pandemii dolja neimushhih v Kazahstane mozhet dostich' 12,7 procenta [Due to the Pandemic, the Share of the Poor in Kazakhstan May Reach 12.7 Percent]. *Novosti OON*, 2020, July 25. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/07/1382661> (accessed 19 June 2021).
6. Ital'janskij prem'er vvel karantin v Lombardii i eshhe 14 provincijah [Italian Prime Minister Introduced Quarantine in Lombardy and 14 Other Provinces]. *Interfax*, 2020, February 8. URL: <https://www.interfax.ru/world/698202> (accessed 14 June 2021).
7. Kak koronavirus izmenit nashu zhizn' v 2021 godu: prognozy na budushhee [How Will Coronavirus Change Our Lives in 2021: Predictions for the Future]. *Schetnaja palata Rossijskoj Federacii*, 2020, December 28. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/COVID-Italy.pdf> (accessed 24 June 2021).
8. Kakie oshibki raznye strany dopustili v bor'be s COVID-19. I mozno li bylo izmenit' situaciju [Which Mistakes Different Countries Make in the Fight Against COVID-19 and What Can be Done to Change the Situation]. *Kursiv*, 2020, May 19. URL: <https://kursiv.kz/news/kursiv-guide/2020-05/kakieoshibki-raznye-strany-dopustili-v-borbe-s-COVID-19> (accessed 11 June 2021).
9. Mertvaja zona, haljava, diktatura. Kakim obrazom Kitaj pobedil koronavirus? [Dead Zone, Freebies, Dictatorship. How Did China Defeat Coronavirus?]. *Argumenty i fakty*, 2020, March 17. URL: https://aif.ru/health/coronavirus/mertvaya_zona_halyava_diktatura_kakim_obrazom_kitaj_pobedil_koronavirus (accessed 21 June 2021).
10. Pervye rezul'taty bor'by s koronavirusom v SShA i smena kursa v otnoshenii Venesujely [First Results of the Fight Against Coronavirus in the United States and a Change in the Course Towards Venezuela]. *Evrazijskie strategii*, 2020, April 3. URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/pervye-rezultatyborby-s-koronavirusom-v-ssha-i-smena-kursa-v-otnoshenii-venesujely/> (accessed 11 June 2021).
11. Posledstviya goda pandemii v EAJeS ocenili analitiki [Analysts Assessed the Consequences of the Pandemic Year in the EAEU]. *Kapital*, 2021, March 27. URL: <https://kapital.kz/economic/94414/posledstviya-goda-pandemii-v-yeaes-otsenili-analitiki.html> (accessed 20 June 2021).
12. Rezul'taty issledovanij 2020. Astaninskij hab gosudarstvennoj sluzhby [Research Results of 2020. Astana Civil Service Hub]. *Astaninskij hab gosudarstvennoj sluzhby*, 2021, February 17. URL: <https://www.astanacivilservicehub.org/ru/research-2020> (accessed 20 June 2021).
13. Stranovoj obzor: opyt Germanii v bor'be s COVID-19 [Country Profile: Germany's Experience in Combating COVID-19]. *Schetnaja palata Rossijskoj Federacii*, 2020, May 26. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Germany-COVID-19.pdf> (accessed 19 June 2021).
14. Tri strategii bor'by protiv koronavirusa po versii Boston Consulting Group [Three Strategies to Combat Coronavirus According to Boston Consulting Group]. *Gazeta.uz*, 2020, July 25. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/07/25/covid-strategies/> (accessed 17 June 2021).
15. Ansell C., Sorensen E., Torfing J. The COVID-19 Pandemic As a Game Changer for Public Administration and Leadership? The Need for Robust Governance Responses to Turbulent Problems. *Public Management Review*, 2021, vol. 23, iss. 7, pp. 949-960. DOI: 10.1080/14719037.2020.1820272.
16. CNN: v SShA odobrili deklaraciju o chrezvychajnoj situacii vo vseh shtatah [The United States Approved a Declaration of Emergency in All States]. *TASS*, 2020, April 12. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8222437> (accessed 11 June 2021).
17. Coronavirus: Germany Infection Rate Rises As Lockdown Eases. *BBC*, 2020, May 10. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-52604676> (accessed 19 June 2021).
18. Country Policy Responses. *Internal Labor Organization*, 2020. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/regionalcountry/country-responses/langen/index.htm#ES> (accessed 20 June 2021).
19. Djalante R., Nurhidayah L., Van Minh H., Phuong N.T.N., Mahendradhata Y., Trias A., Lassa J.,

Miller M.A. COVID-19 and ASEAN Responses: Comparative Policy Analysis. *Progress in Disaster Science*, 2020, no. 8, pp. 1-12. DOI: doi.org/10.1016/j.pdisas.2020.100129.

20. Coronavirus Resource Center. COVID-19 Dashboard *Coronavirus Resource Center*, 2021, June 20. URL: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (accessed 20 June 2021).

21. COVID-19 Government Response Tracker. *Blavatnic School of Government. University of Oxford*. URL: <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/covid-19-government-response-tracker> (accessed 19 June 2021).

22. Employment Law Around the Coronavirus Outbreak in China. *Withersworldwide*, 2020, March 5. URL: <https://www.withersworldwide.com/en-gb/insight/employment-law-around-the-COVID19-outbreak-in-china> (accessed 20 June 2021).

23. Bouckaert G., Galli D., Kuhlmann S., Reiter R., Van Hecke S. European Coronationalism? A Hot Spot Governing a Pandemic Crisis. *Public Admin Rev*, 2020, vol. 80, iss. 5, pp. 765-773. DOI: doi.org/10.1111/puar.13242.

24. Government and Institution Measures in Response to COVID-19. *KPMG*, 2020, October 28. URL: <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2020/04/turkey-government-andinstitution-measures-in-response-to-COVID.html> (accessed 21 June 2021).

25. International Monetary Fund. *International Monetary Fund*, 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-andCOVID19/Policy-Responses-to-COVID-19#T> (accessed 21 June 2021).

26. Mascio F.D., Natalini A., Cacciatore F. Public Administration and Creeping Crises: Insights from COVID-19 Pandemic in Italy. *The American Review of Public Administration*, 2020, vol. 50 (6/7), pp. 621-627. DOI: 10.1177/0275074020941735.

27. Nemec J., Drechsler W., Hajnal G. Public Policy During COVID-19: Challenges for Public Administration and Policy Research in Central and Eastern Europe. *NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*, 2020, no. 2 (13), pp. 11-22. DOI: doi.org/10.2478/nispa-2020-0011.

28. Steps Taken by Countries in Fighting COVID-19 Pandemic. *Anadolu Agency*, 2020, April 20. URL: <https://www.aa.com.tr/en/health/steps-taken-by-countries-in-fighting-COVID-19-pandemic/1812009> (accessed 21 June 2021).

29. Kavaliunas A., Ocaya P., Mumper J., Lindfeldt I., Kyhlstedt M. Swedish Policy Analysis for COVID-19. *Health Policy and Technology*, 2020, no. 9 (4), pp. 598-612. DOI: doi.org/10.1016/j.hlpt.2020.08.009.

30. Terry S.M. South Korea Minimized the Damage from COVID-19. North Korea Maximized It. *Center for Strategic and International Studies*, 2020, October 1. URL: <https://www.csis.org/analysis/south-korea-minimized-damage-COVID-19-north-korea-maximized-it> (accessed 20 June 2021).

31. Turkey's Economic Policy Response to COVID-19 Swift, Comprehensive, Says World Bank. *Daily Sabah*, 2020, August 12. URL: <https://www.dailysabah.com/business/economy/turkeys-economicpolicy-response-to-COVID-19-swift-comprehensive-says-world-bank> (accessed 21 June 2021).

Information About the Authors

Marian A. Abisheva, Candidate of Sciences (Politics), Director, Institute of Diplomacy, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Abaya St, 33, 010000 Nur-Sultan, Kazakhstan, m.abisheva@apa.kz, <https://orcid.org/0000-0002-3516-828X>

Taissyia V. Marmontova, Candidate of Sciences (History), Professor, Institute of Diplomacy, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Abaya St, 33, 010000 Nur-Sultan, Kazakhstan, t.marmontova@apa.kz, <https://orcid.org/0000-0001-9162-297X>

Raushan T. Dulambayeva, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Institute of Management, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Abaya St, 33, 010000 Nur-Sultan, Kazakhstan, R.Dulambayeva@apa.kz, <https://orcid.org/0000-0003-3942-8875>

Bauyrzhan Baglay, Master Student in International Relations, Assistant, Institute of Diplomacy, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Abaya St, 33, 010000 Nur-Sultan, Kazakhstan, b.baglay@apa.kz, <https://orcid.org/0000-0003-2108-3362>

Информация об авторах

Мариан Асаровна Абишева, кандидат политических наук, директор, институт дипломатии, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, ул. Абая, 33, 010000 г. Нур-Султан, Казахстан, m.abisheva@apa.kz, <https://orcid.org/0000-0002-3516-828X>

Таисия Викторовна Мармونتова, кандидат исторических наук, профессор, институт дипломатии, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, ул. Абая, 33, 010000 г. Нур-Султан, Казахстан, t.marmontova@apa.kz, <https://orcid.org/0000-0001-9162-297X>

Раушан Тлегиеновна Дуламбаева, доктор экономических наук, профессор, институт управления, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, ул. Абая, 33, 010000 г. Нур-Султан, Казахстан, R.Dulambayeva@apa.kz, <https://orcid.org/0000-0003-3942-8875>

Бауыржан Баглай, магистр международных отношений, ассистент, институт дипломатии, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, ул. Абая, 33, 010000 г. Нур-Султан, Казахстан, b.baglay@apa.kz, <https://orcid.org/0000-0003-2108-3362>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.14>

UDC 94(44).026+94(410)«1413/1415»+929Генрих(410)*5+327
LBC 63.3(4)4

Submitted: 15.03.2021
Accepted: 29.03.2021

DIPLOMATIC PREPARATION FOR THE ENGLISH INVASION OF FRANCE IN 1415

Valery A. Sanzharov
Gorlovka

Galina F. Sanzharova
Borys Grinchenko Kyiv University, Kyiv, Ukraine

Abstract. *Introduction.* According to the latest research, the managerial genius of Henry V was most fully manifested in the military, financial and diplomatic fields. The authors analyze in detail the royal diplomacy, which has not been the subject of special study. Diplomacy is analyzed as a space of political communication. *Methods and materials.* The basic methods of historical analysis were used to work with the material. The sources used in the work are diplomatic documents (treaties, “memorandums”, instructions to ambassadors and their correspondence with monarchs, decisions of royal councils, discussion of the course and results of negotiations in parliament) and chronicles. In historiography, the problem is traditionally considered within the framework of works devoted to the personality of Henry V or the history of the Hundred Years War. *Analysis.* The article analyzes three phases and three components of English diplomatic policy from the coming of Henry V of Lancaster to power to his invasion of Normandy: 1) negotiations with both sides of the intra-French conflict in order to prevent their reconciliation. 2) the territorial claims of Henry V in France (territory in exchange for giving up the “rights” of inheritance). 3) diplomatic activity as a disguise of preparation for war (territory in exchange for peace). *Results.* The authors concluded that the English in the years 1413–1415 are moving from military mercenarism on the side of one of the warring groups in the intra-French conflict to declaring themselves as one of the parties to the struggle for power in France with their rights and claims. The diplomacy of the English crown pursued the intentions of 1) demonstrating the impossibility of achieving the claims of the royal house of England on the continent peacefully; 2) maintaining schism and confrontation within the highest French nobility; 3) ensuring international recognition of the English monarch’s right to intervene in the intra-French conflict.

Key words: Hundred Years War, diplomacy, Henry V, treaty of Brétigny, communication, ceremony.

Citation. Sanzharov V.A., Sanzharova G.F. Diplomatic Preparation for the English Invasion of France in 1415. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 180-190. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.14>

УДК 94(44).026+94(410)«1413/1415»+929Генрих(410)*5+327
ББК 63.3(4)4

Дата поступления статьи: 15.03.2021
Дата принятия статьи: 29.03.2021

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА АНГЛИЙСКОГО ВТОРЖЕНИЯ ВО ФРАНЦИЮ В 1415 ГОДУ

Валерий Анатольевич Санжаров
г. Горловка

Галина Федоровна Санжарова

Киевский университет им. Бориса Гринченко, г. Киев, Украина

Аннотация. *Введение.* Согласно новейшим исследованиям управленческий гений Генриха V наиболее полно проявился в военной, финансовой и дипломатической сферах. Авторы подробно разбирают королевскую дипломатию, которая не была раньше предметом специального изучения. Дипломатия анализируется как пространство политической коммуникации. *Методы.* Для работы с материалом использованы основные методы исторического анализа. В качестве источников в работе используются дипломатические документы (договоры, «меморандумы», инструкции послам и их переписка с монархами, решения королевских советов, обсуждения хода и итогов переговоров в парламенте) и хроники. В историографии проблема традиционно рассматривается в рамках работ, посвященных личности Генриха V или истории Столетней войны. *Анализ.* В статье анализируются три фазы и три составляющих английской дипломатической политики от прихода Генриха V Ланкастера к власти до его высадки в Нормандии: 1) переговоры с обеими сторонами внутрифранцузского конфликта с целью не допустить их примирения; 2) территориальные притязания Генриха V во Франции (территории в обмен на отказ от «прав» наследования); 3) дипломатическая активность как маскировка подготовки к войне (территории в обмен на мир). *Результаты.* Авторы пришли к выводу о том, что англичане в 1413–1415 гг. переходят от военного наемничества на стороне одной из враждующих групп внутрифранцузского конфликта к заявлению себя как одного из акторов борьбы за власть во Франции со своими правами и притязаниями. Дипломатия английской короны преследовала цели: 1) демонстрации невозможности добиться мирным путем претензий королевского дома Англии на континенте; 2) поддержания раскола и противостояния внутри высшей французской знати; 3) обеспечения международного признания права английского монарха на вмешательство во внутрифранцузский конфликт. *Вклад авторов.* Идея, обсуждение концепции и плана работы, систематизация материала источников, структурирование, написание и оформление статьи – В.А. Санжаров, Г.Ф. Санжарова. Перевод документов с латыни и среднефранцузского, личностный аспект английской дипломатии: влияние характера, предшествующего опыта, планов монарха на ход и содержание переговоров – Г.Ф. Санжарова. Коммуникационная составляющая [состав посольств, согласование взаимных притязаний, инструкции, консультации, пределы компетенции, письменная и устная коммуникация (подготовка «исторических справок» и «меморандумов», зачитывание документов, речи послов и ответы принимающей стороны)] – В.А. Санжаров.

Ключевые слова: Столетняя война, дипломатия, Генрих V, договор в Бретињи, коммуникация, церемониал.

Цитирование. Санжаров В. А., Санжарова Г. Ф. Дипломатическая подготовка английского вторжения во Францию в 1415 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 180–190. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.14>

Введение. Образ короля-победителя Генриха V деформирован и мифологизирован не критичным восхищением современников [20, vol. 2, p. 618–620; 17, vol. 4, p. 9–10; 6, vol. 5, p. 556, 568, 576–580, 750; vol. 6, p. 162, 164, 480–482], ностальгией следующего поколения, при котором результаты его достижений и побед перешли в область воспоминаний, и столетиями конструирования «национальной исторической памяти». Современная историография возвращает проблемы правления Генриха V в область научного анализа. Согласно новейшим исследованиям управленческий гений монарха проявился наиболее полно в военной, финансовой и дипломатической сферах [2; 8; 12; 21]. Мы остановимся на последней, поскольку она не была предметом спе-

циального изучения для периода правления Генриха V. Современные подходы к изучению дипломатии предполагают ее анализ как пространства политической коммуникации: «условий коммуникации» (документы и организация канцелярии), «носителей связи» (послы и курьеры), «правил политического общения» (дипломатический церемониал) [5; 9; 10]. В дипломатической деятельности развитого средневековья проявляется сложная церемониальная практика приема посольств: встречи, торжественные въезды, обмен подарками, рыцарские турниры, шествия, представления, пиры. Таким образом, на первый план выходит изучение административной, коммуникативной и церемониальной составляющих дипломатии. Цель нашей работы – проанали-

зирать французскую составляющую дипломатической активности английской короны на протяжении двух лет с 1413 по 1415 г. от вступления Генриха V Ланкастера на престол до вторжения во Францию. Основными задачами являются: определить цели английской дипломатии на указанном временном отрезке; выяснить, были ли планы Генриха V изначально агрессивными и однозначными (корона), или он хотел под угрозой силы заставить французов вернуться к договору в Бретињи (уступить англичанам территории), ответить на вопрос, была ли английская дипломатическая активность только отвлекающим маневром, а требования их посольств «лже-претензиями» или на ход переговоров влияли внешние обстоятельства, которые корректировали первоначальные планы английской короны.

Методы. Английская дипломатия указанного периода обеспечена достаточным числом репрезентативных источников, позволяющих применение разных методологических подходов. Базовым для работы с материалом был принцип историзма, в соответствии с которым исторические явления и процессы рассматриваются в развитии под воздействием условий и факторов внешней среды и динамики внутреннего развития. Мы использовали системный подход, предполагающий включение дипломатической составляющей в более широкий исторический контекст: рассмотрение взаимосвязей и принципов принятия решений в системе государственного администрирования рассматриваемого периода (королевский совет, парламент). Помимо этого для работы с источниками привлекались политико-правовой, текстологический и терминологический методы. Для интерпретации текстов (выявления речевой составляющей в нарративных источниках) использовался дискурс-анализ. В качестве источников в работе используются дипломатические документы (договоры, «меморандумы», инструкции послам и их переписка с монархами, решения королевских советов, обсуждения хода и итогов переговоров в парламенте) [4; 11; 18], счета по оплате посольств [15], королевские и герцогские итинерарии [13; 24] и хроники [3; 6; 14; 17; 20]. Хроники (в отличие от традиционных источников, таких как договоры, «меморандумы» и т. д.) позволяют говорить о

растущем значении церемониальной составляющей придворной жизни и структурировании дипломатического церемониала развитого средневековья. В историографии проблема традиционно рассматривается в рамках работ, посвященных персоналиям английского короля Генриха V [1; 24], бургундского герцога Жана Бесстрашного [19; 23] или истории Столетней войны [2, ch. 4; 8, p. 55–78; 21, vol. 4, ch. 9].

Анализ. 1. Переговоры с обеими сторонами внутрифранцузского конфликта с целью не допустить их примирения. Территориальные уступки, на которые арманьяки были готовы пойти для Генриха IV в мае 1412 г., показали англичанам, чего можно добиться, вмешавшись во французскую гражданскую войну: состояние, заработанное герцогом Кларенсом и его капитанами в кампании без единого сражения и без единой захваченной крепости, рисовало перспективы легкой добычи, которой английское дворянство не видело уже целое поколение. Таким образом, внутренние разногласия во Франции стимулировали дипломатическую активность первых двух лет правления нового монарха.

Генрих V предпочитал иметь дело с бургиньонами [4]. Первое посольство от Жана Бесстрашного появилось в Вестминстере вскоре после его коронации [11, vol. 9, p. 27, 786–787] с предложением заменить англо-арманьякский союз англо-бургундским. В конце июля 1413 г. из Лондона в Париж отправилась представительная делегация из 200 человек во главе с епископом Сент-Дэвида Генрихом Чичели, Ричардом Бошаном, графом Уориком, Генрихом Скроупом. В Париже восстание кабошьенов. Переговоры состоялись неподалеку от Кале в церкви Лёлингема. Французская королевская делегация прибыла в конце августа 1413 г.: она была сформирована герцогом Бургундским – одно из его последних действий перед бегством из Парижа. Ее возглавлял советник герцога, епископ Турне Жан де Туази. Англичане начали с заявления прав на корону Франции. Французы привели старые юридические и исторические аргументы против. Англичане жаловались на отказ Франции от договора Бретињи. Французы ответили, что это англичане отвергли его и пересказали старые ссоры 1360-х годов. Настоящая цель английской делегации заключалась в

восстановлении англо-французского перемирия. Англичане призывали к продлению длительного перемирия 1396 года. Французы заявили, что их инструкции ограничивались обсуждением нарушений временных перемирий, согласованных во время правления Генриха IV. Постоянной темой подобных мероприятий на долгие годы станет спор о языке конференции: французы настаивали на французском, англичане требовали использовать латынь. Бесплодные споры и взаимные претензии были прерваны известием о поспешном бегстве герцога Бургундского из Парижа. Все участвовавшие в конференции французские королевские советники были отозваны, обсуждения прекращены [11, vol. 9, p. 34–38, 57–60].

Чичели и Уорвик продолжили переговоры с герцогом Бургундии уже не в качестве официального представителя интересов короны. Утрата власти в Париже заставила Жана решительнее пойти на сделку с англичанами, но вместе с тем означала, что он меньше мог предложить взамен за помощь. Англичане были ценным, но опасным союзником. Пока у герцога Бургундии оставалась хоть какая-то перспектива вернуться к власти в Париже, он не мог позволить себе ничего, что стоило бы ему политической поддержки там. С 15 по 19 сентября 1413 г. он принимал английских послов в Брюгге. Англичане вернулись в Кале за инструкциями, в октябре переговоры возобновились в Сен-Омере, а затем в Лилле. Жан предложил англичанам союз, который должен был скрепить брак короля с одной из его дочерей [13, p. 401, 402; 17, vol. 2, p. 406].

В начале октября 1413 г., когда Чичели и Уорик были во Фландрии, Генрих V согласился принять официальное французское посольство – первое «торжественное» посольство со времен правления Ричарда II. Его возглавили архиепископ Буржа, канцлер герцога Берри Гийом де Буаратье, конетабль Шарль д'Альбре и секретарь короля Гонтье Коль [11, vol. 9, p. 60, 69–70; 6, vol. 5, p. 228]. В течение следующих полутора лет они будут представлять французские интересы на всех переговорах. Французское посольство отправилось в Англию с герцогом Йорком (сторонником арманьякского варианта договоренностей). Они прибыли в Вестминстер 6 декабря 1413 года. Переговоры в Лондоне были такими же вяз-

кими, как и на неудавшейся конференции в Лёлингеме годом ранее. Возобновились споры о том, использовать ли латынь («общий язык») или французский («как принято у наших великих предков»). Французы подняли вопрос о браке между Генрихом и Екатериной Французской, который, предполагал перспективу прочного мира. По их мнению, брачный союз позволит создать механизм урегулирования старых территориальных претензий и достичь взаимоприемлемого соглашения. Но инструкции посольству не распространялись на обсуждение конкретных территориальных уступок. После двух недель переговоров, было решено, что французы вернуться в Париж в сопровождении английского посольства, чтобы там заняться этим вопросом. Генрих V обещал не связывать себя обязательствами с другими невестами как минимум до 1 мая. Между сторонами было заключено перемирие (на обоих языках) на год до 2 февраля 1415 г. [11, vol. 9, p. 88–89, 91–105].

4 марта 1414 г. послы Генриха V Генрих Скроуп, Хью Мортимер и Генрих Уэр прибыли в Париж. Задача посольства: обсудить территориальные уступки в обмен на брачный союз. Французов устроило временное перемирие: оно было гарантией, что в течение ближайшего года англичане не будут участвовать в гражданской войне во Франции. Карл VI его ратифицировал. Вплоть до апреля не было подвижек в территориальном вопросе [6, vol. 5, p. 228–230; 11, vol. 9, p. 102–104, 118–119]. Послы английского короля могли наблюдать за политическим кризисом в королевстве.

С 30 апреля по 29 мая 1414 г. заседал английский парламент в Лестере [3, p. 552]. Во вступительной речи канцлера Генриха Бофорта об отношениях с Францией речь не шла. В начале мая из Парижа вернулись Скроуп и Мортимер, парламентарии из первых уст смогли узнать о событиях во Франции. К ним присоединились 4 посла герцога Бургундии во главе с канцлером Фландрии Раулем Ле Мэром [19, p. 314, 320–321]. Их принимали открыто, даже демонстративно. Генрих V позаботился о том, чтобы французы узнали об их присутствии. Переговоры с бургундцами вел Генрих Чичели при поддержке Скроупа и Мортимера [23, p. 206–207]. Согласно отчете-

ту для английского короля, Ле Мэр и его коллеги начали с прежнего предложения Генриху V жениться на одной из дочерей герцога. Затем перешли к вопросу о военном союзе и предоставлении 500 английских воинов и 1 000 аршеров на срок не менее 3 месяцев за счет Генриха. Взамен Жан Бесстрашный обещал выставить такой же контингент для завоевания земель Бернара Арманьяка и Шарля д'Альбре на юго-западе королевства и графства Ангулем Жана Орлеанского. Затем предлагалось совместно приступить к захвату нормандских владений графов Э и Алансона и владений орлеанского дома на Луаре, в Шампани и Пикардии. После завоевания послы предлагали разделить эти территории между «братьями и партнерами» пропорционально их вкладу в кампанию. Таким образом, альянс был направлен только против принцев жьенской лиги. Жан Бесстрашный не хотел связывать себя войной с королем Франции или дофином. Английские представители встретили бургундские предложения скептически. Их уточняющие вопросы о том, как будет вести себя герцог в случае, если: 1) французский король прикажет ему отказаться от английского союза и заключить мир с арманьяками? 2) Карл VI начнет силовое противостояние планам Жана? 3) во время совместной кампании Генрих V нападет на замок, принадлежащий королю? – потребовали обращения послов за дополнительными инструкциями. Англичане ставили вопрос о гарантиях выполнения обещаний герцогом (по опыту отношений Эдуарда III с Карлом Злым). Бургундцы предлагали традиционный набор гарантий: печати, клятвы [4, № 2, S. 9].

Основная проблема расхождения позиций сторон: Жан Бесстрашный признавал суверенитет Карла VI, а Генрих V утверждал, что королем Франции является он. После консультаций с герцогом в начале июня переговоры ненадолго возобновились. Английских переговорщиков возглавил Генрих Скроуп. Позиция англичан: признание Генриха V королем Франции и принесение ему оммажа снимет для герцога дилемму суверенитета. Послы Жана не имели полномочий на столь радикальный разрыв с династией Валуа. Проекты статей соглашения не сохранились. Ве-

роятно, ничего не было согласовано [11, vol. 9, p. 136–138, 189].

При английском королевском дворе не было единодушия в вопросе о том, кого из противоборствующих во французском королевстве лагерей поддержать. Генрих V и герцог Бедфорд были за союз с герцогом Бургундии. Герцоги Кларенс, Йорк и Глостер настаивали на сделке с арманьяками, с которыми они уже имели дело в 1412 и 1413 гг. [7]. В течение следующего года Генрих V не делал окончательного выбора и пытался «продать» поддержку тому, кто больше заплатит. Грубая и прямолинейная политика короля преследовала цель сорвать любое возможное примирение противоборствующих сторон.

Генрих одновременно направил посольства к герцогу Бургундии и ко французскому двору. Скроуп и Мортимер вели переговоры с Жаном Бесстрашным. Им помогали два дипломата-новичка: спикер последнего парламента и сын поэта Томас Чосер и валлиец Филипп Морган. Они уехали во Фландрию в конце июня [11, vol. 9, p. 141, 142–143]. 16 июля 1414 г. герцог Бургундии принял их в Ипре с церемониями и шумом, чтобы гарантировать, что об их присутствии будет доложено лидерам арманьяков [13, p. 410]. Герцог возобновил переговоры с английскими послами как раз тогда, когда начиналась осада Арраса. Трудно сказать, кто кого обманул в этих двучинных переговорах. Жан Бесстрашный знал, что англичане одновременно вели переговоры с правительством арманьяков. Обе стороны рассматривали переговоры как средство для получения лучших условий от французского двора. Жан намеренно затягивал переговоры в Ипре на две недели, пока герцог Брабанта и графиня Энно изучали возможности сделки с дофином. Затем подробно обсуждал с послами приготовления к предполагаемой кампании. В проекты статей внесли изменения: графство Пуату Жана де Берри отходило англичанам. Но Жан по-прежнему уклонялся от ответа на основной вопрос, как он предполагал оказать военную поддержку вторжению Генриха V во Францию, сохраняя при этом верность Карлу VI. Жан обещал ответить в личном письме Генриху V. Он заявил, что поддержит английского короля даже в нападении на королевский замок и, возможно, согласит-

ся с притязаниями Генриха на французскую корону. Английские послы сомневались. Они зафиксировали свои требования в письменной форме и представили документ герцогу для письменного ответа. Уверенности, что слово Жана будет достаточной гарантией исполнения договоренностей, у них не было. Послы требовали материализации гарантий: 4 стратегических города-крепости – Булонь, Эден, Эперлек и Турнехем – должны быть переданы английскому королю сроком на 2 года с правом разместить там 500 воинов и 1 000 аршеров за счет Жана (арманьяки были убеждены, что Жан это обещал). По этому вопросу герцог просил отсрочки, но обещал, что в течение 6 недель отправит «вызов» королю и дофину. Вероятно, он имел в виду письмо о выходе из повиновения – формальный отказ от вассальных обязательств. Был согласован проект этого документа. 5 августа 1414 г. герцог Бургундский уехал в Лилль, а через несколько дней английские посланники вернулись в Кале в ожидании развития событий [4, S. 20–25, 26, 29; 13, p. 410–411].

2. Территориальные притязания Генриха V во Франции (территории в обмен на отказ от «прав» наследования). Через 2 недели английские послы ко двору Франции уехали в Дьеп, а не в Кале, чтобы избежать проезда через бургундские владения. Посольство было самым внушительным за последние 20 лет. Его возглавляли епископ Дарема Томас Лэнгли и епископ Нориджа Ричард Куртней. Лэнгли – бывший и будущий канцлер Англии, был, вероятно, самым опытным дипломатом Генриха. Куртней – казначей королевского двора, обязанный быстрым возвышением при новом монархе дружбе короля и родству с графами Девона [14, p. 281; 11, vol. 9, p. 131–133, 148, 150–152, 154]. Светская составляющая посольства – Грей и Монтегю – была представлена воинами. Ричард барон Грей из Коднора в предыдущее правление был адмиралом севера и сражался в Шотландии и Уэльсе. Томас Монтегю, граф Солсбери, сражался с герцогом Кларенсом во Франции. Таким образом, английские послы входили в ближний доверенный круг нового короля. Их сопровождала свита из 500 всадников.

8 августа 1414 г. английское посольство вошло в Париж с большой помпой: процессия

прелатов и советников парламента сопровождала их в королевский дворец. Принял послов герцог Берри, единственный оставшийся в Париже принц королевской крови. Им были предоставлены покои в княжеских особняках города, их осыпали подарками и ежедневно развлекали рыцарскими турнирами и пирами. К делу приступили через неделю. Переговоры с герцогом Берри проходили в королевском дворце. Англичане апеллировали к юридической стороне вопроса: они постоянно обращались к большому переплетенному тому прошлых договоров между Англией и Францией. Позицию короля Англии озвучил епископ Норвича: заинтересованность французских принцев в мире совпадает с интересами английской короны, но заключению мира должны предшествовать восстановление справедливости, возмещение за прошлые ошибки и доказательства дружеских намерений. Епископ напомнил, что Генрих требовал признания наследственного права на корону Франции, но поскольку он знал, что это неприемлемо для французов, то делегация была готова перейти к обсуждению других вопросов, по которым было бы легче достичь соглашения. Он потребовал уступить все территории в западной Франции, переданные Эдуарду III по договору в Бретињи, без каких-либо феодальных обязательств перед французской короной. Английский король претендовал на все территории, которыми его предки когда-либо управляли или утверждали, что правят: старые «анжуйские» провинции Нормандию, Турень, Анжу и Мэн, сюзеренитет над Бретанью и Фландрией, прибрежные территории между Фландрией и Соммой, половину графства Прованс, которую почти два столетия назад требовал Генрих III. Генрих V требовал оставшуюся невыплаченной часть выкупа за Иоанна II Доброго – 1 600 000 экю. Если соглашение будет достигнуто по этим пунктам, он был готов жениться на Екатерине Французской. Ее приданое можно будет обсудить, но Генрих ожидал по крайней мере 2 000 000 экю.

Английские требования составили примерно половину территории французского королевства, включая все его атлантическое побережье. Герцог Берри ответил послам, что не может дать окончательный ответ в отсутствие короля и дофина. Но он сформулировал

французский взгляд на проблему: 1) притязания англичан на французскую корону недостойны серьезного рассмотрения; 2) претензии на старые «анжуйские» провинции беспочвенны, а Прованс даже не является частью Франции; 3) французы в принципе готовы рассмотреть вопрос о восстановлении всех отошедших Англии земель и провинций по договору в Бретињи, за исключением Пуату (части его собственного апанажа) и Лимузена; 4) любая передаваемая территория должна оставаться частью французского королевства; суверенитет над этими землями принадлежит французскому королю; 5) французское правительство обсудит задолженность по выкупу после согласования территориальных уступок; 6) размер приданого Екатерины составит не 2 млн экю, а 600 000 (как обычно платили). Согласно хронисту из Сен-Дени, английские послы, похоже, удовлетворились ответом герцога Берри. Ключевым стал вопрос о суверенитете над Аквитанией. Сблизить позиции сторон по этому вопросу в течение следующих двух недель не удалось. В начале сентября послы отправились в Англию через Арфлёр [6, vol. 5, p. 376; 11, vol. 9, p. 186, 209–212; 14, p. 281].

22 сентября, через 3 недели после того, как он пообещал больше не вести переговоры с англичанами, Жан Бесстрашный встретился со Скроупом и Мортимером в аббатстве Сен-Бертен в Сент-Омере. Англичане уже знали о мире в Аррасе [16, p. 253]. Герцог признал, что это заставило его «отложить» разрыв с Карлом VI и дофином, о котором они договорились в Ипре. Он стремился продолжить переговоры, чтобы сохранить свою переговорную позицию с французским двором до тех пор, пока мир не будет официально подтвержден. Явная недоговороспособность герцога стала причиной быстрого сворачивания переговоров [13, p. 411; 4, S. 26–30].

Посольство Лэнгли и Куртнея возвратилось в Лондон 3 октября 1414 года. Куртней и граф Солсбери отправились с докладом к королю в Шине [11, vol. 9, p. 190, 204–205]. Вероятно, их сопровождал Филипп Морган, который вернулся из Сент-Омера с отчетом о переговорах с герцогом Бургундии. А. Карри полагает, что на данном этапе трудно понять настоящие цели дипломатических усилий Генриха [8]. В ответе герцога Берри говорилось,

что он и его союзники готовы уступить большую часть, а возможно, и все территории, переданные Эдуарду III согласно договору в Бретињи, но с сохранением суверенитета за французской короной. Это оставалось линией разлома англо-французской дипломатии более столетия [5; 9]. Для французов на карту была поставлена территориальная целостность их владений. Короли Франции предлагали уступить территорию в обмен на мир, но никогда не соглашались уступить суверенитет над Аквитанией, за исключением непродолжительных обстоятельств пленения Иоанна II. Англичане, несмотря на некоторые колебания в конце правления Ричарда II, никогда не были готовы принять меньшее.

3. Дипломатическая активность как маскировка подготовки к войне (территории в обмен на мир). Осень 1414 г. была временем, когда Генрих V окончательно и бесповоротно решил начать войну. В начале октября он председательствовал на большом совете в Вестминстере. Совет заслушал отчеты послов. Король сообщил пэрам и рыцарству о намерении начать войну, чтобы добиться соблюдения своих прав и требований во Франции [3, p. 552]. По решению совета, во Францию отправили еще одно посольство, чтобы использовать любые «разумные способы» достижения компромисса. Король начал готовить вторжение во Францию на случай, если попытка не удастся. Генрих V послал вестника в Париж, чтобы выяснить, готов ли совет французского короля продолжить переговоры. В последующие месяцы становилось все более очевидным, что английский король прибегал к дипломатическим мерам только как части тщательной подготовки общественного мнения к войне. Никто не ожидал, что французы уступят в вопросе суверенитета над Аквитанией. Англичане начали в огромных масштабах накапливать военное снаряжение – доспехи, луки и стрелы, осадные машины и штурмовые лестницы, пороховую артиллерию – и готовить корабли [24, vol. 1, p. 159–163, 447].

На ноябрьском Парламенте 1414 г. в Вестминстере преобладали вопросы отношений с Францией. Томас Чосер был избран спикером. Во вступительном слове канцлер Бофорт заявил, что пришло время королю восстано-

вить свое наследство и права короны за пределами королевства, и обрисовал перспективы нового вторжения во Францию. 12 декабря через 5 дней после закрытия Парламента епископы Лэнгли и Куртней отправились с последней «предвоенной» миссией в Париж [11, vol. 9, p. 183–188].

Английские послы, епископы Дарема и Норвича, Томас Бофорт, граф Дорсет и Ричард Грей, находились в Париже примерно с середины января 1415 года. Они незаметно вошли в город с небольшим эскортом, чтобы договориться о продлении перемирия, срок которого истекал. Послы расположились в отелях Бурбон и Наварра на правом берегу Сены: слушали сплетни и следили за развитием событий. Их формальный въезд во французскую столицу был отложен до 9 февраля. Церемония была еще более грандиозной, чем в августе. Послы появились в сопровождении кавалькады из 700 или 800 всадников. Были организованы рыцарские турниры на улице Сент-Антуан и банкеты в отеле Сен-Поль. Шум и веселье скрывали назревание серьезного кризиса. Перемирие было продлено до мая, чтобы покрыть текущие переговоры. Сообщения о заседаниях Вестминстерского парламента достигли Парижа. Все знали о двойной субсидии, одобренной Палатой общин, и о военных приготовлениях Генриха V. Но, как говорили бургундские послы, в окружении короля Франции были люди, которые ненавидели герцога Бургундского больше, чем боялись англичан [6, vol. 5, p. 408; 14, p. 321]. Совет Карла VI готовился к заключению договора с англичанами, чтобы иметь возможность сосредоточить свои силы против дома Бургундии. Чтобы обезопасить себя от нападения англичан, пока они боролись с Жаном Бесстрашным, арманьяки были готовы не только согласиться на брачный союз, но и уступить большую часть французского королевства Генриху V.

22 февраля 1415 г. были окончательно согласованы условия мира между послами Жана Бесстрашного и правительством арманьяков [14; 17, vol. 3, p. 46–47; 22; 16, p. 315–319]. Аппасский договор от 14 сентября 1414 г. обязывал герцога отказаться от любого союза с англичанами. Со своей стороны, англичане увидели, что их перехитрили [20, vol. 2,

p. 648]. К середине марта они отказались от претензий на Нормандию и в принципе согласились на брак между Генрихом V и Екатериной Французской при условии, что французы уступят все территории, обещанные в Бретиньи, в том числе Пуату и Лимузен, которые герцог Берри не предлагал годом ранее. Земли должны быть переданы с полным суверенитетом. Приданое должно составить 1 500 000 экю (первоначально требовали 2 000 000 экю). Французы предложили вместо Пуату и Лимузена пиренейское графство Бигор. Они согласились на увеличение приданого с 600 000 до 800 000 экю. Стороны обменялись меморандумами, в которых зафиксировали свои позиции [6, vol. 5, p. 408, 500–502; 11, vol. 9, p. 212–214]. Герцог Берри предложил продолжить переговоры весной в Англии. Англичане согласились.

12 апреля 1415 г. Генрих V запросил Париж о прибытии послов [6, vol. 5, p. 498–505, 507–511]. Вопрос обсуждался на совете в лондонском Тауэре при личном участии короля: рассматривали вопросы пропусков для безопасного проезда французских послов, поручение Моргану участвовать в переговорах, инструкции короля «недавно отправленным к императору» послам, приглашение на следующее заседание совета графа Солсбери с докладом о положении герцогства Гиени, вызов мэра Лондона для обсуждения вопроса о поставках и продаже доспехов и оружия в городе [18, vol. 2, p. 153–154]. Епископ Дарема представил копии писем, касающихся отношений с Францией. В протоколе зафиксировано присутствие архиепископа Кентербери (Чичели), герцогов Бедфорда и Глостера, епископов Винчестера (канцлера) и Дарема (Томас Лэнгли), графа Дорсета и хранителя тайной печати (Джон Профет, декан Йорка) [18, vol. 2, p. 154–156].

Во Франции 16 апреля 1415 г. дофин председательствовал на заседании совета, на котором было решено сделать последнюю попытку остановить надвигающееся английское вторжение. В мае в Париже большой совет обсудил инструкции послам в Англию. Герцогу Берри разрешили вернуться в столицу, чтобы воспользоваться его полувековым опытом борьбы с «древним врагом» Франции. Были назначены послы: архиепископ Буржа Гийом де Буаратье, епископ Лизьё Пьер Френель, его

опыт ведения дел в Англии и Шотландии насчитывал более 30 лет; Людовик граф Вандом; Шарль граф Иври; Гонтье Коль, оставивший описание поездки. 4 июня послы в сопровождении 350 всадников выехали из Парижа. В Париже тем временем строили планы набора войск по всему королевству. В Кале шли переговоры с Филипом Морганом о продлении перемирия на время пребывания посольства в Англии. Англичане согласились продлить его до 15 июля – всего за две недели до предполагаемой даты отплытия экспедиции Генриха V [11, vol. 9, p. 219–220, 262–268].

Французские послы высадились в Дувре 17 июня 1415 года. Генрих V назначил местом для переговоров Винчестер. 30 июня послов встретили епископы (Лэнгли и Куртней) и графы Дорсет и Солсбери. Король принял их в замке Вулси вместе с братьями, герцогами Кларенсом, Бедфордом и Глостером, в окружении дворян, епископов и придворных. Хронисты оставили подробное описание церемоний [6, vol. 5, p. 513–525; 17, vol. 3, p. 72–75; 24, p. 486–492]. Переговоры начались с ученой речи архиепископа Буржа о добродетелях мира. Канцлер Бофорт торопит послов. Французы не могли не замечать свидетельств военных приготовлений и прекрасно осознавали враждебность окружающих. Несмотря на очевидное нетерпение англичан, стороны собрались в часовне замка Вулси 2 июля. Канцлер Англии посоветовал французам сразу перейти к лучшему предложению. По его словам, задержки нарушили военные планы короля, и времени, чтобы достичь соглашения, осталось до ближайшей субботы, 6 июля. Буаратье ответил, что щедрые предложения были сделаны и письменно зафиксированы в меморандуме по итогам переговоров в Париже. Бофорт ответил, что этого недостаточно. Англичане не собирались отступать ни от одного из своих требований. Буаратье предложил начать с вопроса о приданом Екатерины Французской. За полтора дня сошлись на 850 000 экю. 4 июля перешли к вопросу территориальных уступок (или «справедливости», как его называли англичане). Для французов он был настолько болезненным, что только трое из них, сам Буаратье, граф Вандом и сеньор Иври, имели право его обсуждать, и только непосредственно с королем. Король, окру-

женный своими братьями и множеством епископов и дворян, принял их в покоях епископа Винчестера. Архиепископ Буржа сообщил о готовности в дополнение к территориям, которые герцог Берри предлагал уступить в августе 1414 г. и в марте 1415 г., добавить весь Лимузен, включая область Нижнего Лимузена вокруг Тюля, но не графство Пуату (владения Жана Берри). Это «щедрое», по словам Буаратье, предложение включало 15 соборных городов и 7 графств Франции. Некоторые члены совета Карла VI не хотели заходить так далеко, считая предыдущие предложения достаточными. Англичане остались недовольны [6, vol. 5, p. 516–520].

6 июля 1415 г. епископы Лэнгли и Куртней объявили французским послам об альтернативном предложении: длительное перемирие, по крайней мере, на 40 или 50 лет – англичане будут занимать уступленные провинции, а стороны продолжат вести переговоры о постоянном мире и решать такие сложные вопросы, как суверенитет. Если перемирие истечет до того, как будет согласован постоянный договор, провинции будут возвращены Франции. Если полномочий послов недостаточно, Генрих был готов отложить свою экспедицию на месяц: послы остаются в Англии, а королевский посланник обсуждает условия с французским королевским советом. Английский король хотел быть уверенным, что любое соглашение будет выполнено в кратчайшие сроки. Генрих V требовал гарантий, что принцесса, первая часть приданого и уступленные провинции будут в его руках к концу сентября. Ни по содержанию, ни по срокам выполнить требования было невозможно. Позицию французского королевского совета в вопросе о передаче трети земель королевства королю Англии без гарантии постоянного мира предугадать не сложно. Чеканка слитков для выплаты приданого займет время до конца года.

Вечером на торжественном приеме в присутствии короля, его окружения, иностранных послов, в том числе герольда в ливрее герцога Бургундии, послам был дан окончательный ответ. Архиепископ Кентербери рассказал на латыни об истории посольств, которыми обменивались Англия и Франция после вступления Генриха V на престол. Он критиковал французоз за нечеткость обещаний, об-

винил их в намеренной двусмысленности оснований, на которых передавались уступленные провинции, и в затягивании исполнения договоренностей. По словам Чичели, король Англии пошел на чрезвычайные уступки: 1) он не настаивал на своем праве на корону Франции; 2) он был готов отказаться от своих претензий на Нормандию, Мэн, провинции Луары и сюзеренитет над Бретанью и Фландрией. Но из ответа французов следовало, по мнению архиепископа, что они, со своей стороны, никогда не были искренними. Поскольку Генриху V было отказано в правосудии, он решил войти во Францию и силой вернуть себе свое [6, vol. 5, p. 520–526]. Речь архиепископа была написана заранее. Копии были вручены французским послам и другим присутствующим. Война из области предчувствий, слухов, одного из возможных вариантов развития событий, перешла в разряд неотвратимой реальности. Дипломатические игры закончились, и в тот же день английский король выехал к войску.

Результаты. Дипломатическая подготовка наивысшего военного успеха английской короны в XV в. преследовала цели: 1) демонстрации невозможности добиться мирным путем заявляемых «исторически оправданных» и «законных» претензий королевского дома Англии на континенте (для внутреннего использования: прежде всего, получения финансирования военной экспедиции); 2) поддержания раскола и противостояния внутри высшей французской знати (переговоры ведутся и с орлеанистами или арманьяками, и с бургиньонами; англичане переходят от военного наемничества на стороне одной из враждующих групп к формированию собственной повестки борьбы за власть во Франции и заявлению себя как одной из сторон конфликта со своими правами и притязаниями); 3) обеспечения международного (императорского, папского, соборного) признания права английского монарха на вмешательство во внутрифранцузский конфликт. Вероятно, именно последнему обстоятельству мы обязаны значительным количеством «меморандумов», излагающих английскую позицию и ее историческую составляющую. Вопрос о включенности нового витка англофранцузского противостояния в контекст общеевропейских процессов свое-

го времени (попыток укрепления авторитета императорской власти, преодоления раскола западной церкви на Констанцском соборе, устремлений единого папы выстраивать отношения с этнонациональными монархиями на основе конкордатов) требует отдельного специального рассмотрения. Отдельного рассмотрения требует и вопрос о том, как под прикрытием дипломатической активности шла военная подготовка к масштабному вторжению английского войска в пределы французского королевства.

REFERENCES

1. Allmand C. *Henry V*. Berkeley, University of California Press, 1992. 504 p.
2. Barker J. *Agin-court: The King, the Campaign and the Battle*. London, Little, Brown, 2005, XIX. 460 p.
3. Brie F., ed. *The Brut, or The Chronicles of England*. London, Trübner, 1906–1908, XIX. 607 p.
4. Cartellieri O. *Beiträge zur Geschichte der Herzöge von Burgund*. Heidelberg, C. Winter, 1912. 38 S.
5. Chaplais P. *English Diplomatic Practice in the Middle Ages*. London, New York, Hambledon, 2003, XIII. 277 p.
6. Bellaguet L.-F., éd. *Chronique du Religieux de Saint-Denis contenant le règne de Charles/VI de 1380 à 1422*. In 6 Vols. Paris, Crapelet, 1844, vol. V. 768 p.
7. Courroux P. L'alliance de 1413 entre Charles d'Albret, Bernard d'Armagnac et Thomas, duc de Clarence et fils du roi d'Angleterre. *Revue de Pau et du Béarn*, 2018, no. 45, pp. 285–296.
8. Curry A. *1415. Agincourt. A New History*. London, The History Press, 2015. 320 p.
9. Moeglin J.-M., Péquignot S., eds. *Diplomatie et 'relations internationales' au Moyen Age (IXe–XVe siècle)*. Paris, PUF, 2017. 1105 p.
10. Ferguson J. *English Diplomacy, 1422–1461*. Oxford, Clarendon Press, 1972, XXVI. 290 p.
11. Rymer T., ed. *Rymer's Foedera. British History Online*. London, 1739–1745, vol. 9. 923 p. URL: <http://www.british-history.ac.uk/-rymer-foedera/vol9> (accessed 17 March 2021).
12. Dodd G., ed. *Henry V. New Interpretations*. Woodbridge, York Medieval Press, 2013, XIII. 305 p.
13. Petit E., éd. *Itinéraires de Philippe le Hardi et de Jean sans Peur, ducs de Bourgogne (1363–1419)*. Paris, Impr. Nationale, 1888, XXXI. 719 p.
14. Godefroy T., éd. *Juvenal des Ursins, J. Histoire de Charles VI. roy de France*. Paris, Pacard, 1614. 600 p.

15. Mirot L., Déprez E. Les ambassades anglaises pendant la guerre de Cent ans. Catalogue chronologique (1327–1450). *Bibliothèque de l'école des chartes*, 1900, vol. 61, pp. 20–58. DOI: <https://doi.org/10.3406/bec.1900.452589>.

16. Mirot L. Autour de la paix d'Arras (1414–1415). *Bibliothèque de l'Ecole des Chartes*, 1914, vol. 75, pp. 253–327.

17. Douet d'Arcq L., éd. *La chronique d'Enguerran de Monstrelet*. Paris, Jules Renouard, 1857. T. I. XXXI, 416 p. 1858 ; T. II. XV, 478 p. 1859 ; T. III. XV, 429 p. 1860 ; T. IV. XIII, 482 p. 1861 ; T. V. IX, 488 p. 1862 ; T. VI. II, 479 p.

18. Harris Nicolas N., ed. *Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England*. London, G. Eyre, A. Spottiswoode, 1834, vol. II, XXXIX. 392 p.

19. Sumption J. *Cursed Kings: The Hundred Years War*. London, Faber & Faber, 2015, vol. 4, XIII. 909 p.

20. Thomas P. Le texte authentique de la “Paix d'Arras” (4 septembre 1414). *Revue du Nord*, 1914, vol. 5, no. 19, pp. 193–215.

21. Schnerb B. *Jean sans Peur. Le Prince meurtrier*. Paris, Payot, 2005. 824 p.

22. Taylor J., Childs W., Watkiss L., eds. *The St. Albans Chronicle. The Chronica Maiora of Thomas Walsingham*. New York, Oxford University Press, 2011, vol. II. C, 888 p.

23. Vaughan R. *John the Fearless: The Growth of Burgundian Power*. Woodbridge, Boydell Press, 2002. 324 p.

24. Wylie J., Waughn W. *The Reign of Henry the Fifth*. Cambridge, University Press, 1914, vol. I. 589 p.

Information About the Authors

Valery A. Sanzharov, Candidate of Sciences (History), Free Researcher, Kutuzova St, 5, 284601 Gorlovka, 6253693@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4075-8572>

Galina F. Sanzharova, Senior Lecturer, Chair of Romance Philology and Comparative-Typological Linguistics, Borys Grinchenko Kyiv University, Timoshenko St, 13B, 04212 Kyiv, Ukraine, h.sanzharova@kubg.edu.ua, <https://orcid.org/0000-0002-0557-9192>

Информация об авторах

Валерий Анатольевич Санжаров, кандидат исторических наук, свободный исследователь, ул. Кутузова, 5, 284601 г. Горловка, 6253693@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4075-8572>

Галина Федоровна Санжарова, старший преподаватель кафедры романской филологии и сравнительно-типологического языкознания, Киевский университет им. Бориса Гринченко, ул. Тимошенко, 13Б, 04212 г. Киев, Украина, h.sanzharova@kubg.edu.ua, <https://orcid.org/0000-0002-0557-9192>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.15>

UDC 94.47, 327

BBK 63.3(29=)

Submitted: 22.03.2021

Accepted: 21.05.2021

KALMYKIA IN THE SPACE OF RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS IN THE 20th – EARLY 21st CENTURIES: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECT¹

Nina G. Ochirova

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Nadmidyn Sukhebaatar

Mongolian State University of Education, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. *Introduction* This article within the framework of Russian-Mongolian relations examines the regional aspect of cultural cooperation between Mongolia and Kalmykia in the Soviet and post-Soviet periods. The authors investigated a wide range of problems related to the place and role of Kalmykia in the history of Russian-Mongolian relations, studied the development of multifaceted interaction between two kindred peoples. *Methods and materials.* From a methodological point of view, this study is an experience of building a comprehensive vision of the problem. An interdisciplinary, comprehensive approach to solving current research problems makes it possible to synthesize all relevant aspects of studying the historical and cultural aspects of regional cooperation between Kalmykia and Mongolia within the framework of Russian-Mongolian relations. *Analysis.* 2021 marks the 100th anniversary of the establishment of Soviet-Mongolian official diplomatic relations. The Agreement between Mongolia and Russia signed on November 5, 1921 strengthened the military-political cooperation between the two countries, served as a broad international recognition of Mongolia as a sovereign state and played an important stabilizing role in the difficult situation in the Far East. In the 90s of the last century, Russia and Mongolia engaged in profound transformations. The scale of the work carried out by our countries demanded to shift all their attention to solving internal problems, which undoubtedly had a negative impact on the level of relations between the two states. Later, having solved the problems of radical transformations of society, Russia and Mongolia began to restore relations, but on completely new principles. In these conditions, along with other industries, the sphere of cultural interaction between Russia and Mongolia, the development of regional cooperation, becomes significant. One of the Russian regions is Kalmykia, which is linked with Mongolia by ancient historical roots, the unity of culture, religion, language and tradition. These factors play an important role in the further strengthening of good neighborly relations between Russia and Mongolia, in the development of regional cultural cooperation. *Results.* Studying the history of interaction between the two fraternal peoples in the past and present in the aspect of Russian-Mongolian relations provides rich material for an objective assessment of events in specific historical conditions. Kalmykia, like the border regions of Russia, makes a certain contribution to the strengthening of Russian-Mongolian relations.

Key words: Russia, Mongolia, Russian-Mongolian relations, cooperation, regions, Kalmykia, history, culture.

Citation. Ochirova N.G., Sukhebaatar N. Kalmykia in the Space of Russian-Mongolian Relations in the 20th – Early 21st Centuries: Historical and Cultural Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 191-201. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.15>

**КАЛМЫКИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В XX – НАЧАЛЕ XXI в.: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ¹****Нина Гаряевна Очирова**Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация**Надмидын Сухэбаатар**

Монгольский государственный университет образования, г. Улан-Батор, Монголия

Аннотация. В 2021 г. исполняется 100 лет установлению советско-монгольских официальных дипломатических отношений, которым предшествовала Народная революция в Монголии. Подписанное 5 ноября 1921 г. Соглашение между Монголией и Советской Россией укрепило военно-политическое сотрудничество двух стран, послужило широкому международному признанию Монголии как суверенного государства и сыграло стабилизирующую роль в непростой обстановке на Дальнем Востоке. В 90-е гг. прошлого столетия Россия и Монголия занялись глубокими преобразованиями, которых не знала история. Масштабы работы, проводившейся странами и трудности, с которыми им пришлось столкнуться, потребовали все свое внимание переключить на решение внутренних проблем, что отрицательно сказалось на уровне отношений двух государств. Позже, решив задачи радикальных преобразований общества, Россия и Монголия приступили к восстановлению отношений, но уже на совершенно новых условиях, опираясь при этом на опыт традиционного, добрососедского сотрудничества. Наряду с такими сферами межгосударственных отношений, как политическая, военная и экономическая, не менее значимой становится сфера культурно-информационного взаимодействия России и Монголии. В своей внешней политике Россия и Монголия большое внимание уделяют развитию регионального сотрудничества. В данной статье в рамках российско-монгольских отношений рассматривается региональный аспект культурного сотрудничества Монголии с Республикой Калмыкия в советский и постсоветский периоды. Авторами исследован широкий круг проблем, связанных с местом и ролью Калмыкии в истории российско-монгольских отношений, изучены вопросы развития многогранного взаимодействия между двумя родственными народами, отмечен значительный вклад деятелей культуры Монголии и Калмыкии в укрепление российско-монгольских связей. Изучение истории двух братских народов в прошлом и настоящем дает богатый материал для объективной оценки событий в конкретных исторических условиях. *Вклад авторов.* Н.Г. Очирова и Н. Сухэбаатар разработали концепцию исследования; Н. Сухэбаатар собрал и обработал материал; Н.Г. Очирова обобщила и написала текст рукописи.

Ключевые слова: Россия, Монголия, российско-монгольские отношения, сотрудничество, регионы, Калмыкия, история, культура.

Цитирование. Очирова Н. Г., Сухэбаатар Н. Калмыкия в пространстве российско-монгольских отношений в XX – начале XXI в.: историко-культурный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 191–201. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.15>

Введение. Активизация российской политики в монгольском направлении в последние годы в значительной степени актуализировала проблему российско-монгольских отношений и поиск новых форм и методов для укрепления своих позиций в Северо-Восточной Азии для участия в интеграционных процессах в этом регионе. Кроме этого, здесь присутствует геополитический интерес России. Все это обуславливает и актуализирует

настоящее исследование. В данных условиях немаловажное значение приобретает региональное сотрудничество, которое получило свое развитие еще после революционных событий в Монголии в начале XX века. Представляя собой крупное и принципиально важное явление внутренней и международной жизни, советско / российско-монгольское сотрудничество сразу же вовлекло в свою орбиту представителей Бурятии и Тывы, Крас-

ноярского и Алтайского краев, Читинской области и др. Применительно к Калмыкии связи с Монголией имеют давнюю историю и восходят к началу Монгольской народной революции 1921 г., но систематическое изучение стало возможным лишь в 60-х гг. прошлого столетия после реабилитации и восстановления Калмыцкой АССР, возвращения калмыцкого народа из депортации. Новизна проведенного исследования заключается в комплексном системном рассмотрении процесса культурного сотрудничества Калмыкии и Монголии в пространстве российско-монгольских отношений и определяется также ее практическим значением. Изучение уникального опыта, полученного в результате более 70-летнего сотрудничества в советский и постсоветский периоды двух родственных народов позволит раскрыть и оценить сущность, ход и исторические итоги беспрецедентных событий, происшедших в XX – начале XXI в. с целью использования их в современной практике взаимодействия и укрепления отношений России и Монголии. Объектом исследования является региональный историко-культурный аспект в российско-монгольских отношениях в советский и постсоветский периоды (на примере Калмыкии). Цель исследования – выявление, изучение и обобщение особенностей исторического опыта культурного сотрудничества Калмыкии и Монголии в 1921–2000-е гг. в контексте российско-монгольских отношений. Это определило постановку и решение следующих задач: 1) дать содержательную характеристику государственной политике России и Монголии в вопросах сотрудничества двух стран в области культуры; 2) исследовать процесс становления и развития культурных связей между Калмыкией и Монголией в рамках российско-монгольских отношений; 3) обобщить опыт регионального сотрудничества в сфере культуры и его значение в укреплении связей между Россией и Монголией на примере Республики Калмыкия.

Методы и материалы. С методологической точки зрения данное исследование представляет собой опыт выстраивания комплексного видения проблемы. Междисциплинарный комплексный подход в решении текущих исследовательских задач дает возможность синтезировать все релевантные сторо-

ны изучения историко-культурного аспекта регионального сотрудничества Калмыкии и Монголии в рамках российско-монгольских отношений, осуществить целостное исследование. В работе применялись принципы историзма, научной объективности и системности. Авторами проанализированы культурные аспекты российско-монгольских отношений на примере Калмыкии в советский период и новейшее время, исследованы изменения в религиозной, духовной сферах. Источниковой основой послужили архивные материалы, отчетные документы партийных и советских органов власти Калмыкии и др. Изучение историографии рассматриваемой проблемы свидетельствует о возросшем числе публикаций, посвященных различным аспектам развития советско / российско-монгольских отношений. С самого начала формирования в России востоковедной науки монголоведение составляло ее органическую составную часть и уже к середине XIX в. сложилось как самостоятельное направление в отечественной науке. Широкую известность получили труды выдающихся ученых-монголоведов О.М. Ковалевского [19], А.М. Попова [25], К.Ф. Голстунского [8], А.М. Позднеева [24], Б.Я. Владимирцова [5].

Теме советско / российско-монгольских отношений в монголоведении традиционно уделялось большое внимание. Заметный вклад в изучение отношений между странами внесли И.Я. Златкин [18], Л.М. Гатауллина [7], С.К. Роштин [28], Г.С. Яскина [30], М.И. Гольман [9], В.Ц. Ганжуров [6], А.С. Железняков [16], Е.В. Бойкова [3], О.А. Джагаева [12], К.В. Орлова [23] и др. Советско / российско-монгольские отношения нашли достаточно широкое освещение в трудах монгольских ученых А. Амара [1], Ц. Пунцагнорова [27], Ш. Нацагдоржа [22], Б. Батбаяра [2], Ч. Дашдавы [10], Д. Жамбалсурэна, Р. Ганзориба [15] и др. Радикальные изменения, произошедшие в России и Монголии в конце XX в., которые детерминировали пересмотр концептуальных основ международных отношений соседних стран – с одной стороны, и отказ от идеологических постулатов марксистской парадигмы в гуманитарном знании – с другой, сформировали основания для пересмотра устоявшихся трактовок и взглядов на историю и перспективы российско-монгольских отношений.

Анализ. В Декларации, подписанной в Улан-Баторе в 2009 г. Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым и Президентом Монголии Ц. Элбэгдоржем, были поставлены задачи повышения эффективности двустороннего взаимодействия в духе стратегического партнерства, предполагающего вывод многосторонних связей между странами на более высокий и качественно новый уровень [11]. В настоящее время Россия и Монголия в основном решили задачу переходного периода – заменили устаревшую схему общественно-экономического устройства на современную модель, основанную на развитой демократии и рыночных принципах экономики. Позитивный сдвиг в отношениях между двумя государствами стал важной предпосылкой для оживления культурных контактов России и Монголии. Это дало возможность расширения и укрепления региональных связей в гуманитарной и иных сферах.

Одним из регионов РФ является Калмыкия, коренное население которой тесно связано своими истоками, общностью языка, культурными традициями с Монголией. Ойраты, предки калмыков, перекочевав из Центральной Азии в XVII в., добровольно вошли в состав Российского государства и положили начало формированию калмыцкого этноса, навсегда связав свою судьбу с народами многонациональной России. Несмотря на это, они никогда не забывали своих корней, историко-культурную общность с монгольскими народами, прародину, оставленную предками по воле судьбы более четырехсот лет назад. Учитывая данное обстоятельство, немало важным видится опыт культурного сотрудничества Калмыкии с Монголией в прошлом и настоящем в аспекте российско-монгольского сотрудничества.

Несмотря на удаленность региона от границ с Монголией, ростки сотрудничества между двумя родственными народами зародились еще в период борьбы монгольских аратов за новую Монголию. В 1920-х гг. группа бойцов и командиров Красной Армии во главе с Х.Б. Кануковым в составе частей народной армии участвовала в разгроме белогвардейцев и банд барона Унгерна в Монголии. С первых же дней своей работы в Урге Х.Б. Кануков активно включился в работу по оказанию

помощи в создании Монгольского ревсомола [17, л. 126, 145]. В сентябре 1921 г. командование народной армии назначило Х.Б. Канукова на должность инструктора 1-й Монгольской кавалерийской бригады, которую он вместе с командиром воинского формирования создавал из разрозненных партизанских отрядов [17, л. 125–126, 144–145]. Особую заботу для Х.Б. Канукова составляла культурно-просветительная работа. В течение трех лет более ста калмыцких инструкторов оказывали помощь братскому народу в создании армии молодого государства. За заслуги перед Монголией в 1925 г. Х.Б. Кануков был награжден орденом Красного Знамени – высшей в то время наградой молодой республики.

Представители Калмыкии участвовали в боях на Халхин-Голе, в которых советско-монгольские воины разбили японских интервентов в составе войск комкора Г.К. Жукова. Наиболее отличившиеся красноармейцы-калмыки были отмечены государственными наградами. Незадолго до Великой Отечественной войны Монголию посетил герой Гражданской войны, генерал – инспектор кавалерии РККА О.И. Городовиков. Следует отметить, что во время Великой Отечественной войны монгольский народ подарил Советскому Союзу в фонд обороны свыше 485 тыс. лошадей [20, с. 10], танковую колонну и эскадрилью военных самолетов, отправил 8 железнодорожных эшелонов с продуктами и вещами (валенки, шубы, шерстяные носки, перчатки и т. д.). В банк СССР было переведено более полумиллиона тугриков, в фонд помощи фронту передавались золотые и серебряные изделия, другие ценности.

В 60–70-е гг. XX в. все большее значение приобретают экономический, культурный и научный аспекты связей республики с Монголией. Еще в 1921–1924 гг. Х.Б. Кануков предпринял попытку изучения истории, культуры, быта братского народа, и его этнографические заметки до сих пор не потеряли своей ценности. В середине 20-х гг. прошлого столетия в Монголии дважды побывал впоследствии известный ученый – филолог, доктор филологических наук Ц.-Д. Номинханов. Проведенная им работа имеет важное значение для сравнительного изучения устного народного творчества, а также языка, литературы и эт-

нографии всех монгольских народов. В связи с ликвидацией Калмыцкой АССР в 1943 г. по ложному обвинению в предательстве и депортацией калмыцкого народа в восточные районы СССР контакты с Монголией были утрачены на целых 13 лет. В 1957 г. после реабилитации и восстановления республики, возвращения калмыков из ссылки связи с Монголией были возобновлены. Интенсивнее стали научные и культурные контакты, поездки и ознакомление с жизнью родственного народа, обмен опытом работы в сельском хозяйстве. В 1964 г. в Монголии побывал народный поэт Калмыкии А.И. Сусеев, заведующий сектором литературы и фольклора Калмыцкого НИИЯЛИ. В процессе визита были установлены связи с гуманитарными институтами Академии наук, архивными учреждениями Монголии, определены основные направления научного сотрудничества. В 1960-х гг. Калмыкию впервые посетили известные монгольские ученые Э. Вандуй, академик Б. Ринчен и Ц. Дамдинсурэн, их приезд явился значимым событием в культурной жизни республики. В сентябре 1968 г. Элиста и Улан-Батор стали центрами проведения совместной Международной научной конференции, посвященной 320-летию национальной письменности. Впервые публично была оценена роль выдающегося религиозного, государственного и политического деятеля, создателя национальной письменности Зая-Пандиты в истории монгольских народов. Материалы конференции изданы в 1970 г. в Элисте [31]. К тесному взаимодействию ученых привело создание в Калмыцком научно-исследовательском институте истории, филологии и экономики (далее – КНИИИФЭ) сектора монголоведения, который занимался разработками проблем монголоведения и алтаистики, устного народного творчества монгольских народов, героического эпоса «Джангар», старописьменных памятников и др.

После визита в 1966 г. руководителя Калмыкии Б.Б. Городовикова в составе официальной делегации СССР в Монголию было положено начало новому витку во взаимоотношениях двух родственных народов. В республике было создано Калмыцкое отделение Общества советско-монгольской дружбы (далее – ОСМД), председателем которого был

избран участник революционных событий в Монголии М.Т. Бимбаев. В данное образование входили целые трудовые коллективы [21]. В процессе своей деятельности Калмыцкое отделение ОСМД внесло заметную лепту в плодотворное взаимодействие субъекта РФ и Монголии. После установления прямой связи Калмыкии с Убурхангайским аймаком Монголии контакты близкородственных народов приняли более интенсивный характер. В советский период стороны обменялись более ста делегациями, члены которых представляли различные отрасли народного хозяйства. Согласно принятым планам культурного сотрудничества состоялись гастроли Калмыцкого государственного ансамбля песни и танца в Монголии, на концертах которого побывали свыше девяти тысяч зрителей. Коллектив ансамбля был награжден Почетной Грамотой Правительства Монголии, группа артистов – медалями «Дружба». В Монголии регулярно проводились Дни культуры Калмыкии, а в Калмыкии – Дни культуры Монголии и многие другие мероприятия, сближающие народы и укрепляющие российско-монгольские отношения. По линии профессиональных творческих союзов в Монголии побывали писатели, художники, музыканты и др. Многие произведения литераторов Калмыкии были переведены и опубликованы в журнале «Цог», выпущены отдельным сборником «Зурхни таалар». С творчеством монгольских писателей можно было познакомиться на страницах журнала «Теегин герл». Так, в 1971 г. один из номеров издания был полностью посвящен Монголии, в нем были опубликованы стихи и рассказы монгольских авторов, а также размещены произведения калмыцких литераторов на монгольскую тематику. В 1970–1980-е гг. в республике издан ряд книг о сотрудничестве Калмыкии с Монголией в разные периоды советской истории «С интернациональной миссией», «В бою в одном экипаже, в труде в одной бригаде» и др. [4; 29]. На важнейших участках народного хозяйства Монголии трудились строители, инженеры, врачи, учителя – посланцы Калмыкии. Благодаря помощи Советского Союза Монголия сумела создать собственную научно-техническую базу, систему среднего и высшего образования, здравоохранения, подготовить национальные кадры

ученых и специалистов в различных высокотехнологических областях. По словам монгольского политолога К. Дэмбэрэла, «СССР был своеобразным «Западом» для Монголии, то есть западная цивилизация проникала в Монголию в XX в. при помощи (посредничестве) СССР» [14]. Весной 1991 г. в Монголии с официальным визитом побывала делегация Калмыкии во главе с Председателем ВС Калмыкии В.М. Басановым, подписанный сторонами Протокол о сотрудничестве Калмыкии и Монголии положительно повлиял на развитие двустороннего регионального сотрудничества братских народов в культурно-гуманитарной сфере [12]. Таким образом, в социалистический период научно-культурное сотрудничество между двумя странами и регионами являлось значимым каналом укрепления союзнических отношений.

На рубеже веков вновь оживились научные и культурные связи между Россией и Монголией [13]. Этому во многом способствовали ставшие регулярными встречи на высшем уровне руководства двух государств, подписание ими основополагающих документов по российско-монгольскому сотрудничеству, в том числе в культурной сфере [26]. В рамках визита в РФ в 2001 г. Президент Монголии Ц. Элбэгдорж с официальным визитом побывал также в Калмыкии. На встречах он отмечал, что подписание с Россией в 2009 г. Соглашения о развитии стратегического партнерства обусловило новый этап в отношениях двух государств, что явилось определенным импульсом для активизации монголо-калмыцкого сотрудничества.

Одним из важных направлений в сотрудничестве двух стран является научная сфера. Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (далее – КИГИ РАН), который сейчас называется КалмНИЦ, является одним из признанных российских монголоведческих центров. Важное место в деятельности КИГИ РАН занимает сотрудничество с монголоведческими центрами России и зарубежья, с регионами проживания родственных калмыкам народов – Монголией и Китаем. В последние десятилетия подписаны и реализуются Соглашения о проведении совместных научных исследований с академическими институтами Монголии, Кобдоским госуниверситетом и др.

Важным этапом в укреплении сотрудничества с Монголией явилось подписание КИГИ РАН соглашения о сотрудничестве с общественной организацией «Тод номын гэрэл» («Свет ясного письма»), главная цель которой – изучение истории, религии, народного искусства, культуры и письменного наследия ойратов Монголии, воссоздание и развитие их традиций, всестороннее содействие молодым исследователям. В 2007 г. в Элисте проведена Международная научная конференция «Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая».

В 2007 г. впервые в постсоветский период состоялась крупная научная экспедиция российских (калмыцких) ученых в Монголию, посвященная 100-летию экспедиции академика Б.Я. Владимирцова. Во время пребывания в г. Кобдо члены экспедиции встретились с руководством аймака и города, посетили аймачный музей. На семинаре «Религия и культура Западной Монголии», состоявшемся в Кобдоском госуниверситете, были рассмотрены вопросы состояния и дальнейшего развития буддизма в Монголии и Калмыкии, строительства монастырей, обучения монахов и др. В период возрождения и возвращения буддизма в духовную сферу калмыцкого народа в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия монгольские служители культа внесли значительный вклад в восстановление этнокультурных и духовных традиций, в подготовку кадров священнослужителей, передавая утраченные в годы гонений основы буддийского учения. В Калмыкии в это время не было ни одного храма, поскольку их полностью разрушили в годы революции и Гражданской войны. В Монголии, укрепляя контакты с монгольскими общинами буддистов, неоднократно бывал Шажин-лама Калмыкии Т.Т. Ринпоче – почетный представитель Его Святейшества Далай-ламы в России, Монголии и странах СНГ.

В 2008 г. состоялась вторая экспедиция ученых КИГИ РАН в западные аймаки Монголии. Задачами совместного российско-монгольского лингвоэтнографического экспедиционного проекта были: исследование современного бытования ойратских диалектов, изучение этнических и субэтнических особенностей культуры современных монгольских кочевни-

ков-скотоводов и локальных конфессиональных черт этнических групп данного региона.

В ходе экспедиции ученые приняли участие в международном фольклорном фестивале «Наследие Алтая», состоявшемся 25–28 июля 2008 г., на котором были представлены все 5 аймаков Западной Монголии. Участники фольклорных коллективов из сомонов расположились в юртах, здесь же проходили выставки предметов материальной культуры монгольских народов. Гости ознакомились с образцами предметов быта кочевников, многие из них оказались раритетными музейными экспонатами, привезенными из отдаленных селений (сомонов). К сожалению, в Калмыкии эти уникальные предметы нашего общего культурного наследия не сохранились. В сомоне Манхан ученые провели опрос местного населения – захчинов, одного из относительно многочисленных монгольских народов, сделали записи песенного фольклора, фотокопии рукописей на ойратской письменности из частных собраний, осмотрели очень ценные рукописи в библиотеке буддийского храма «Тёргр кюрэ». Наиболее значимые письменные реликвии находятся в архиве Института языка и литературы АН Монголии. Для калмыков Захчинский храм имеет особое значение, так как он считается правопреемником знаменитого Большого монастыря Зая-Пандиты Огторгуйн Далай – выдающегося ойратского просветителя, создателя национальной письменности «Тодо бичиг». В сопровождении доктора Н. Сухэбаатар, соавтора этой статьи, и Л. Хангая экспедиция побывала в Увс аймаке и его административном центре – г. Улангом. В Увс аймаке в основном компактно живут дербеты и торгуты Монголии – субэтносы, наиболее близкородственные калмыкам. Прделанная работа по фиксации современной культуры ойратских народов Монголии представляется значимой в аспекте изучения постоянно трансформирующегося общества ойратов.

Совместное издание научных трудов – еще одно ключевое направление в сотрудничестве ученых Калмыкии и Монголии. В 2007 г. в Улан-Баторе издан на монгольском языке сборник статей ведущих сотрудников КИГИ РАН, в которых освещаются вопросы калмыцкого языка, культуры, истории и совре-

менного положения Калмыкии. Книга «Халимаг түүх, соёл» опубликована в издаваемой «Тод номын гэрэл» серии «Библиотека ойратика» V томом, а XVII томом в 2011 г. в этой серии изданы рукописные материалы известного ученого, этнографа и лингвиста, доктора филологических наук Ц.-Д. Номинханова, участника экспедиции 1920-х гг. под руководством академика Б.Я. Владимирцова. Всего опубликовано 8 архивных тетрадей в трех томах. В первом томе представлены материалы об обрядовом фольклоре дербетов Монголии с комментариями монгольских ученых. Во втором томе помещен текст ойратской былины «Бум-Эрдэнэ». В третий том вошли дербетская сказка и легенда об Амрсане и интересные для научных изысканий сведения о быте ойратов Монголии. Издание уникальных дневников ученого, хранящихся в Архиве АН Монголии, имеет важное научное значение. Неоценимый вклад в монголоведение внесен калмыцкими учеными-монголоведами Б.Х. Тодаевой и Г.Ц. Пюрбеевым, их труды широко известны в отечественной и мировой монголоведной науке.

В ряду наиболее важных аспектов сотрудничества остаются связи между высшими учебными заведениями. Так, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова подписал и реализует ряд договоров с вузами Монголии, среди которых Монгольский государственный университет, Ховдский государственный университет, Монгольский сельскохозяйственный университет и др. Наши университеты с 2000 г. в рамках действия бессрочного протокола занимаются подготовкой кадров высшего звена по гуманитарным, сельскохозяйственным, экономическим специальностям. Знакомая среда, близкородственный менталитет, язык способствуют монгольской молодежи быстрее адаптироваться к новой среде, кроме того, хорошее знание русского языка местными студентами помогает лучше освоить его гостям. Одним из ведущих направлений в системе культурных связей Калмыкии с Монголией остается сфера образования. Учителя родного языка Калмыкии совершают поездки в Монголию для обмена опытом работы с коллегами, изучают практику использования народных обычаев, традиций в воспитании подрастающего

поколения. С открытием консульства Монголии в Калмыкии эти выезды, обмен делегациями в образовательной сфере и туристические поездки стали регулярными.

Между Министерствами культуры Монголии и Калмыкии заключен договор о сотрудничестве, утвержден и реализуется план мероприятий. В рамках его реализации осуществляется обмен гастрольными поездками творческих коллективов двух стран. В последние годы с гастрольями в Монголию побывали Государственный театр танца Республики Калмыкия «Ойраты», Государственный ансамбль танца РК «Тюльпан», Национальный театр им. Б. Басангова и многие другие коллективы. Большим успехом пользуются в дружественной стране выступления народного джангарчи (рапсода) В. Каруева, композитора А. Манджиева и др. С ответным визитом в Калмыкии регулярно бывают творческие коллективы и известные деятели искусства Монголии, знаменитые джангарчи. Стали традиционными Международные фестивали сказителей «Эпосы мира на земле потомков Джангара» и др. В 2018 г. по инициативе монгольского общественного деятеля и бизнесмена Ж. Батсуха, при поддержке общественных и государственных органов власти Калмыкии, в Элисте состоялся фестиваль «Ойрад Тумэн». Художники Монголии участвовали во всех биеннале, а проведенных в Калмыкии, переданные ими в дар скульптурные композиции украшают Элисту.

Таким образом, региональное сотрудничество Калмыкии и Монголии, несмотря на сложности переходного периода, в культурно-гуманитарной области имеет определенные достижения.

Результаты. Как показывает проведенное исследование, начав свой отсчет с 1921 г., российско-монгольские отношения, проверенные временем, испытаниями военного лихолетья, на протяжении многих десятилетий отличались многогранностью и не имели аналогов в мире по своей масштабности и разнообразию направлений. Важнейшим каналом, «мягкой силой», в укреплении и дальнейшем развитии российско-монгольских отношений является культурное сотрудничество, которое способствует духовной близости народов, их взаимопониманию и доверию. На рубеже

XX – начале XXI в. процесс российско-монгольских культурных связей имеет тенденцию к сближению и интенсификации. В российско-монгольских отношениях лидерами двух стран важное место отводится региональному сотрудничеству. Республика Калмыкия, как и приграничные регионы России, вносит определенную лепту в укрепление российско-монгольского сотрудничества. В этих целях используются различные формы взаимодействия: обмен гастрольными творческими коллективами, проведение совместных научных исследований (в том числе по проблемам кочевой цивилизации), конференций и экспедиций, издание литературы, книгообмен и др. Сотрудничество вузов Монголии и Калмыкии в подготовке специалистов, традиционные связи средних образовательных учреждений, открытие консульства Монголии в республике и посещение республики высшими должностными лицами Монголии – все это поднимает на новый уровень взаимодействие сторон в рамках российско-монгольских отношений. Калмыцкий и монгольский народы связывают узы древнего родства, единство культуры, религии, языка. Эти факторы играют немаловажную роль в укреплении добрососедских отношений между Россией и Монголией, в развитии регионального сотрудничества.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8.

The publication was prepared within the framework of the implementation of the state assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Project No. АААА-А19-119011190182-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амар, А. Монголын товч туух / А. Амар. – Улан-Батор : Улсын хэвлэлийн газар, 1989. – 208 х.
2. Батбаяр, Б. XX зууны Монгол: нуудэл суудал, гарз олз : (Монголия XX века: кочевье и оседлость. Утраты и приобретения) / Б. Батбаяр. – Улан-Батор, 1996. – 533 с.
3. Бойкова, Е. В. К вопросу о культурном взаимодействии России и Монголии в XX веке / Е. В. Бойкова // Россия и Монголия в свете диалога евразий-

ских цивилизаций : материалы междунар. науч. конф. (Звенигород, 2–5 июня 2001 г.). – М. : ИВ РАН, 2002. – С. 61–62.

4. В бою – в одном экипаже, в труде – в одной бригаде : сб. / сост. Ю. О. Оглаев. – Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1981. – 222 с.

5. Владимирцов, Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / Б. Я. Владимирцов. – М. : Восточная литература, 2002. – 557 с.

6. Ганжуров, В. Ц. Россия – Монголия : История, проблемы, современность / В. Ц. Ганжуров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 181 с.

7. Гатауллина, Л. М. Строительство социалистической культуры в Монгольской Народной Республике / Л. М. Гатауллина. – М. : Наука, 1981. – 280 с.

8. Голстунский, К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши / К. Ф. Голстунский. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1880. – 144 с.

9. Гольман, М. И. Современная Монголия в оценках западных авторов / М. И. Гольман. – М. : ИВ РАН, 2009. – 192 с.

10. Дашдаваа, Ч. Проблемы культурного строительства в МНР на современном этапе (1961–1980) : дис. ... канд. ист. наук / Дашдаваа Чулууны. – М., 1983. – 189 с.

11. Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией (Улан-Батор, 25 августа 2009 г.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.mongolia.mid.ru/90years_4.html (дата обращения: 02.02.2021). – Загл. с экрана.

12. Джагаева, О. А. Развитие российско-монгольских отношений: основные направления проблемы и перспективы (1921–2005 гг.) / О. А. Джагаева. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – 320 с.

13. Джагаева, О. А. Россия и Монголия – новый этап культурного сотрудничества / О. А. Джагаева // Азия и Африка сегодня. – 2005. – № 5. – С. 56–59.

14. Дэмбэрэл, К. Влияние международной среды на развитие Монголии : Сравнительный анализ в историческом контексте XX века. – Иркутск : Оттиск, 2002. – 121 с.

15. Жамбалсурэн, Д. Монгол-Оросын харилцаа, хамтын ажиллагааны он жилууд, хэтийн төлөв (Монголо-российские отношения, совместная деятельность за многие годы) / Д. Жамбалсурэн, Р. Ганзориб. – Улаанбаатар, 2007. – 139 с.

16. Железняков, А. С. Монгольский полюс политического устройства мира / А. С. Железняков. – М. : Ин-т социологии РАН, 2009. – 272 с.

17. Заметки профессора Н. Н. Пальмова о переписке с Кануковым Х. Б. о военном и политическом

положении в Монголии и калмыцких кочевьях по Дону и Волге // Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). – Ф. Р-137. – Оп. – 1. – Д. 4. – 257 л.

18. Златкин, И. Я. Очерки истории новой и новейшей истории Монголии / И. Я. Златкин. – М. : ИВ РАН, 1957. – 300 с.

19. Ковалевский, О. М. Монгольско-русско-французский словарь / О. М. Ковалевский. – Казань : Тип. Казан. ун-та, 1844–1848. – 594 с.

20. Монголия во Второй мировой войне : фотоальбом / науч. ред. Ч. Дашдаваа, Л. В. Курас. – Иркутск : Оттиск, 2011. – 96 с.

21. Намсинов, И. Е. Всегда вместе / И. Е. Намсинов // В бою – в одном экипаже, в труде – в одной бригаде. – Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1981. – С. 20–21.

22. Нацагдорж, Ш. Из истории аратского движения во Внешней Монголии / Ш. Нацагдорж. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 122 с.

23. Орлова, К. В. Сотрудничество Калмыкии и Монголии в 20-х годах XX в. // *Oriental Studies*. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 546–559.

24. Позднеев, А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу / А. М. Позднеев. – Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1993. – 512 с.

25. Попов, А. М. Грамматика калмыцкого языка / А. М. Попов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1847. – 392 с.

26. Программа сотрудничества в области культуры, науки и образования между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии на 2003–2006 годы // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901866649> (дата обращения: 05.02.2021). – Загл. с экрана.

27. Пунцагноров, Ц. Монголын автономтын уеийн туух 1911–1919 / Ц. Пунцагноров. – Улан-Батор : Улсын хэвлэлийн газар, 1955. – 222 х.

28. Рошин, С. К. Политическая история Монголии: 1921–1940 / С. К. Рошин. – М. : ИВ РАН, 1999. – 325 с.

29. С интернациональной миссией : Воспоминания участников Монгольской Народной революции. – Элиста : Калмиздат, 1970. – 143 с.

30. Яскина, Г. С. Монголия в системе международных отношений после «холодной войны» / Г. С. Яскина // VIII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.). – М. : ИВ РАН, 2002. – С. 144–153.

31. 320 лет старокалмыцкой письменности : материалы науч. сессии. – Элиста : Респ. тип. управления по печати при СМ КАСР, 1970. – 236 с.

REFERENCES

1. Amar A. *Mongolyn товч туух* [History of Mongolia]. Ulaanbaatar, State Publishing House, 1989. 208 p.
2. Batbajar B. *XX зууны Монгол: нүүдэл суудал, гарз олз: (Монголија XX века: кочев'е и оседлост'. Утраты и приобретения)* [Mongolia of the 20th Century: Nomadism and Sedentary Life. Losses and gains]. Ulaanbaatar, 1996. 533 p.
3. Bojkova E.V. K voprosu o kul'turnom vzaimodejstvii Rossii i Mongolii v XX veke [On the Issue of Cultural Interaction Between Russia and Mongolia in the 20th Century]. *Rossija i Mongolija v svete dialoga evrazijskih civilizacij: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Zvenigorod, 2–5 ijunya 2001 g.)* [Russia and Mongolia in the Light of the Dialogue of Eurasian Civilizations. Proceedings of the International Scientific Conference (Zvenigorod, June 2–5, 2001)]. Moscow, IV RAN, 2002, pp. 61–62.
4. Oglaev Yu.O., ed. *V boju – v odnom jekipazhe, v trude – v odnoj brigade: sb.* [One Crew in Battle, One Brigade in Labor]. Elista, Kalmytskoe kn. izd-vo, 1981. 222 p.
5. Vladimircov B.Ja. *Raboty po istorii i jetnografii mongol'skih narodov* [Works on the History and Ethnography of the Mongolian Peoples]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. 557 p.
6. Ganzhurov V.C. *Rossija – Mongolija: Istorija, problemy, sovremennost'* [Russia – Mongolia: History, Problems, Present Day]. Ulan-Ude, Izd-vo BNTs SO RAN, 1997. 181 p.
7. Gataullina L.M. *Stroitel'stvo socialisticheskoj kul'tury v Mongol'skoj Narodnoj Respublike* [Construction of Socialist Culture in the Mongolian People's Republic]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 280 p.
8. Golstunskij K.F. *Mongolo-ojratskie zakony 1640 goda, dopolnitel'nye ukazy Galdan-Hun-Tajdzhija i zakony, sostavlennye dlja volzhskih kalmykov pri kalmyckom hane Donduk-Dashi* [Mongol-Oirat Laws of 1640, Additional Decrees of Galdan-Khun-Taijia and Laws Drawn up for the Volga Kalmyks Under the Kalmyk Khan Donduk-Dashi]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1880. 144 p.
9. Gol'man M.I. *Sovremennaja Mongolija v ocenkah zapadnyh avtorov* [Modern Mongolia in the Estimates of Western Authors]. Moscow, IV RAN, 2009. 192 p.
10. Dashdavaa Ch. *Problemy kul'turnogo stroitel'stva v MNR na sovremennom jetape (1961–1980): dis. ... kand. ist. nauk* [Problems of Cultural Construction in the Mongolian People's Republic at the Present Stage (1961–1980). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 1983. 189 p.
11. *Deklaracija o razvitii strategicheskogo partnerstva mezhdru Rossijskoj Federaciej i Mongoliej. (Ulan-Bator, 25 avgusta 2009 g.)* [Declaration on the Development of Strategic Partnership Between the Russian Federation and Mongolia. (Ulaanbaatar, August 25, 2009)]. URL: http://www.mongolia.mid.ru/90years_4.html (accessed 2 February 2021).
12. Dzhagaeva O.A. *Razvitie rossijsko-mongol'skih otnoshenij: osnovnye napravlenija problemy i perspektivy (1921–2005 gg.)* [Development of Russian-Mongolian Relations: The Main Directions of the Problem and Prospects (1921–2005)]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTs VSh, 2006. 320 p.
13. Dzhagaeva O.A. *Rossija i Mongolija – novyj jetap kul'turnogo sotrudnichestva* [Russia and Mongolia – A New Stage of Cultural Cooperation]. *Azija i Afrika segodnja* [Asia and Africa Today], 2005, no. 5, pp. 56–59.
14. Djembjergel K. *Vlijanie mezhdunarodnoj sredy na razvitie Mongolii: Sravnitel'nyj analiz v istoricheskom kontekste XX veka* [Influence of the International Environment on the Development of Mongolia: Comparative Analysis in the Historical Context of the 20th Century]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2002. 121 p.
15. Zhambalsurjen D., Ganzorib R. *Mongol-Orosyn harilcaa, hamтын азхиллагааны он зхилууд, хжетйн толев (Mongolo-rossijskie otnoshenija, sovmestnaja dejatel'nost' za mnogie gody)* [Mongolian-Russian Relations, Joint Activities Over Many Years]. Ulaanbaatar, 2007. 139 p.
16. Zheleznyakov A.S. *Mongol'skij poljus politicheskogo ustrojstva mira* [Mongolian Pole of the Political Order of the World]. Moscow, Institut sotsiologii RAN, 2009. 272 p.
17. Zametki professora N.N. Pal'mova o perepiske s Kanukovym H.B. o voennom i politicheskom polozhenii v Mongolii i kalmyckih kochev'jah po Donu i Volge [Notes of Professor N.N. Palmov About the Correspondence with Kh.B. Kanukov on the Military and Political Situation in Mongolia and Kalmyk Nomads Along the Don and Volga]. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya* [National Archives of the Republic of Kalmykia], f. R-137, op. 1, d. 4, 257 l.
18. Zlatkin I.Ja. *Ocherki istorii novoj i novejshej istorii Mongolii* [Essays on the Pistory of Modern and Recent History of Mongolia]. Moscow, IV RAN, 1957. 300 p.
19. Kovalevskij O.M. *Mongol'sko-russko-francuzskij slovar'* [Mongolian-Russian-French Dictionary]. Kazan, Tipografiya Kazanskogo universiteta, 1844–1848. 594 p.
20. Dashdavaa Ch., Kuras L.V., eds. *Mongolija vo Vtoroj mirovoj vojne: fotoal'bom* [Mongolia in World War II: Photo Album]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2011. 96 p.
21. Namsinov I.E. *Vsegda vmeste* [Always Together]. *V boju – v odnom jekipazhe, v trude – v*

odnoj brigade [One Crew in Battle, One Brigade in Labor]. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatelstvo, 1981, pp. 20-21.

22. Nacagdorzh Sh. *Iz istorii aratskogo dvizhenija vo Vneshnej Mongolii* [From the History of the Arat Movement in Outer Mongolia]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958. 122 p.

23. Orlova K.V. *Sotrudnichestvo Kalmykii i Mongolii v 20-h godah XX v.* [Kalmykia-Mongolia Cooperation in the 1920s of the 20th Century]. *Oriental Studies*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 546-559.

24. Pozdneevev A.M. *Ocherki byta buddijskikh monastyrej i buddijskogo duhovenstva v Mongolii v svjazi s otnoshenijami sego poslednego k narodu* [Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia in Connection with the Relationship of this Latter to the People]. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatelstvo, 1993. 512 p.

25. Popov A.M. *Grammatika kalmyckogo jazyka* [Grammar of the Kalmyk Language]. Kazan, Kazanskii universitet, 1847. 392 p.

26. *Programma sotrudnichestva v oblasti kul'tury, nauki i obrazovanija mezhdunarodnoj Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Mongolii na 2003–2006 gody* [Program of Cooperation in the Field of Culture, Science and Education Between the Government of the Russian Federation and the

Government of Mongolia for 2003–2006] URL: <http://docs.cntd.ru/document/901866649> (accessed 5 February 2021).

27. Puncagnorov C. *Mongolyn avtonomtyn ueijn tuuh 1911–1919* [Mongolyn Autonomous ueiin tuukh 1911–1919]. Ulaanbaatar, State Publishing House, 1955. 222 p.

28. Roshhin S.K. *Politicheskaja istorija Mongolii: 1921–1940* [Political History of Mongolia: 1921–1940]. Moscow, IV RAN, 1999. 325 p.

29. *S internacional'noj missiej: Vospominanija uchastnikov Mongol'skoj Narodnoj revoljucii* [With an International Mission. Memoirs of the Participants of the Mongolian People's Revolution]. Elista, Kalmizdat, 1970. 143 p.

30. Jaskina G.S. *Mongolija v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij posle «holodnoj vojny»* [Mongolia in the System of International Relations after the Cold War]. *VIII Mezhdunarodnyj kongress mongolovedov (Ulan-Bator, 5–12 avgusta 2002 g.)* [The 8th International Congress of Mongolian Studies (Ulaanbaatar, August 5–12, 2002)]. Moscow, IV RAN, 2002, pp. 144-153.

31. *320 let starokalmyckoj pis'mennosti: materialy nauch. sessii* [320 Years of Old Kalmyk Writing. Proceedings of the Scientific Session]. Elista, Rep. typ. Upravleniya po pečati SM KASSR, 1970. 236 p.

Information About the Authors

Nina G. Ochirova, Candidate of Sciences (Politics), Leading Researcher, Department of Humanitarian Studies, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhova St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, ngochirova00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7351-0250>

Nadmidyn Sukhebaatar, Candidate of Sciences (History), Professor, Department of History, Mongolian State University of Education, Baga Toyruu St, 14, 8 Dugaar Horoo, Sukhe Bator District, 210648 Ulaanbaatar, Mongolia, na_sukhbaatar4@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-9649-7773>

Информация об авторах

Нина Гаряевна Очирова, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела гуманитарных исследований, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ngochirova00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7351-0250>

Надмидын Сухэбаатар, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории, Монгольский государственный университет образования, р-н Сухэ-Батор, 8-й микрорайон, ул. Бага тойруу, 14, 210648 г. Улан-Батор, Монголия, na_sukhbaatar4@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-9649-7773>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.16>

UDC 327.7

LBC 66.4(4),3

Submitted: 01.06.2020

Accepted: 22.01.2021

DIFFERENTIATED INTEGRATION: PROJECT COMPETITION AND CONTRADICTIONS OF THE EU INTEGRATION PROCESS

Dmitriy V. Ofitserov-Belskiy

Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In 2017 the European Commission proposed five scenarios for the future of the EU, one of which was 'those who want to do more do more'. However, it was not specific enough and ignored the variability of this way of integration. *Methods and materials.* Ignoring the characteristics of various types of differentiated integration is a common problem in scientific research, which leads to uncertainty and incorrect conclusions. This is largely due to the fact that researchers miss the analysis of interests and the negotiation process, focusing more on finding a common institutional design for all participants of integration. The intergovernmentalism that sees differentiated integration as a special institutional design that helps overcome the impasse in negotiations caused by the growing heterogeneity of member states is lacking. This approach has the potential for research and planning of integration processes in other regions, especially in the Post-Soviet space. *Analysis.* The article shows that differentiated integration has a long tradition in the EU, but that has little relation to the projects of the European future discussed in recent years (often with the same name). We have focused on the differences in the positions of European governments and groups of countries, trying to explain their motives and to answer the question of whether an intergovernmental approach is justified. The greatest attention is paid to French-German discussions, analysis of the UK's role prior to EU secession, and the special stand of Scandinavian and Central-Eastern European countries. *Results.* The author concludes that the discussions on differentiated integration are not so much a search for unity in diversity, but are aimed at achieving ambitions, redistributing resources and fight against dirigisme. However, EU reform challenges integration leaders to choose between unprecedented concessions and the need to ignore the positions of many countries. In addition to EU heterogeneity, it also helps to exclude alternatives to differentiation in the future. Since the change of leadership in 2019, the EU has entered a new stage in its development, but there is nothing to suggest that its members are able to find common approaches. For the first time it is not possible to formulate a common compromise out of a wide variety of future options, and an attempt to avoid reform could aggravate the crisis of the integration process.

Key words: integration process theory, differentiated integration, enhanced cooperation, EU, multi-speed Europe, two-speed integration, eurozone, Eurasian integration.

Citation. Ofitserov-Belskiy D.V. Differentiated Integration: Project Competition and Contradictions of the EU Integration Process. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 202-216. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.16>

УДК 327.7

ББК 66.4(4),3

Дата поступления статьи: 01.06.2020

Дата принятия статьи: 22.01.2021

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: КОНКУРЕНЦИЯ ПРОЕКТОВ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В ЕС

Дмитрий Владимирович Офицеров-Бельский

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В 2017 г. Еврокомиссия предложила пять вариантов будущего ЕС, одним из которых стал проект дифференцированной интеграции. Однако он не содержал достаточной конкретики и игнорировал

различия между вариантами такого подхода. Та же проблема нередко наблюдается в научной литературе, что приводит к неопределенности и некорректным выводам. В значительной мере это является следствием того, что исследователи упускают анализ интересов и переговорного процесса, в большей степени сосредотачиваясь на поиске «общего знаменателя» для всех участников интеграции. Этого недостатка лишен межправительственный подход, рассматривающий дифференцированную интеграцию как особый институциональный дизайн, помогающий выйти из тупика переговоров, вызванного растущей неоднородностью государств-членов. Данный подход имеет потенциал для исследования и планирования интеграционных процессов в других регионах мира, особенно на постсоветском пространстве. В статье показано, что дифференцированная интеграция имеет давние традиции в ЕС, но они мало соотносятся с обсуждаемыми в последние годы (зачастую одноименными) проектами европейского будущего. В данной статье мы фокусировали свое внимание на различиях в позициях европейских правительств и групп стран, пытаясь объяснить их мотивы и дать ответ на вопрос об оправданности применения межправительственного подхода. Наибольшее внимание уделено франко-германским дискуссиям, анализу роли Великобритании до выхода из ЕС, а также особой позиции скандинавских и центрально-восточноевропейских стран. Автор приходит к выводу, что дискуссии о дифференцированной интеграции представляют собой не столько поиск единства в разнообразии, сколько нацеленность на реализацию амбиций, перераспределение ресурсов и расширение параметров свободы в отношениях с Брюсселем. Однако необходимость реформирования ЕС ставит лидеров интеграции перед выбором между беспрецедентными уступками и необходимостью игнорировать позиции ряда стран. Наряду с неоднородностью ЕС, это способствует исключению альтернатив дифференциации в будущем. После смены руководства в 2019 г. ЕС вступил в новый этап развития, однако ничто не указывает на то, что его члены способны найти общие подходы. Впервые в новейшей истории Европы из широкого разнообразия вариантов будущего невозможно сформулировать общий компромисс, а попытка отказа от реформирования может усилить кризис интеграционного процесса.

Ключевые слова: теория интеграционного процесса, дифференцированная интеграция, продвинутое сотрудничество, ЕС, многоскоростная Европа, двухскоростная Европа, еврозона, евразийская интеграция.

Цитирование. Офицеров-Бельский Д. В. Дифференцированная интеграция: конкуренция проектов и противоречия интеграционного процесса в ЕС // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 202–216. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.16>

Введение. Необходимость глубокого пересмотра принципов европейской интеграции была очевидна уже более десяти лет назад, когда в 2007 г. шло обсуждение компромиссного Лиссабонского соглашения. Разработка европейского проекта исторически велась по двум направлениям – по пути глубокой всесторонней интеграции и по пути, который обычно, упрощенно и очень обобщая, именуют концепцией «многих скоростей». Последняя была предложена в 1970-е гг. еврооптимистами, желавшими ускорения интеграции, чему могла помешать неготовность ряда стран к быстрым изменениям. В 1994 г. премьер-министр Франции Э. Балладюр предложил концепцию «концентрических кругов», предполагавшую, что ядро интеграции образуют Франция, Германия и страны Бенилюкса, второй круг составят Великобритания и ряд других стран, не готовых к ускоренным изменениям, в третьем окажутся страны, еще не являющиеся членами Евросоюза [5]. Великобритания выступила тогда против, опасаясь,

что за приемлемыми, на первый взгляд, формулировками, скрывается стремление предоставить стране своего рода второстепенное членство [27]. Однако против самой идеи многоскоростной Европы, только не предполагавшей формирования клубов и привилегий для лидеров процесса, Великобритания ничего не имела и впоследствии взяла ее на вооружение. Десятилетие назад с подачи британского премьера Э. Блэра об этом активно заговорили вновь, но уже как о концепции, способной затормозить интеграционный процесс. Именно так концепция многоскоростной Европы стала не совсем справедливо ассоциироваться с евроскептиками.

Поэтапное расширение ЕС привело к тому, что многоскоростная Европа фактически стала реальностью, и в дополнение к скандинавским странам и Великобритании, членами ЕС стали центрально-восточноевропейские страны, которые также не были участниками шенгенской и еврозоны. Противоречия порождались тем, что несмотря на различные

обязательства по соглашениям, страны ЕС располагали одинаковыми полномочиями касательно будущего объединения в целом. Ключевым же стал вопрос о том, должна ли Европа пытаться сгладить существующие различия, принять их или же целенаправленно проводить политику дифференцированной интеграции в дальнейшем. Иными словами, вопрос перешел в плоскость обсуждения концепций будущего ЕС.

Методы и материалы. Феномен дифференцированной интеграции изучается достаточно давно. Как правило, выделяют три ее варианта – многоскоростную, двухскоростную (переменной геометрии) и *a la carte* [18; 33; 34; 37]. Существенные содержательные различия между ними долгое время игнорировались и стали очевидными лишь в последние годы, когда вопросы реформирования ЕС приобрели особую дискуссионность. Чаще всего предметом обсуждения становится концепция «двух скоростей», предполагающая углубленную интеграцию на базе еврозоны. Однако, как правило, она также обозначается как интеграция многих скоростей, чтобы предупредить рассуждения о «второсортном» членстве в ЕС и подчеркнуть готовность приветствовать разнообразие подходов. Это приводит к своего рода терминологической неопределенности.

Методологические основы исследований дифференцированной интеграции также не отличаются согласованностью, что вполне естественно, учитывая то, что научные подходы очень часто являются одновременно и политическими, выражая в каждом случае вполне очевидный спектр интересов. Определенные проблемы связаны и с тем, что в экономическом плане интеграция продвинулась существенно дальше, чем в политическом, однако наиболее распространенные методологические подходы хотя и не игнорируют экономическую проблематику, однако имеют очень мало инструментов для ее интерпретации. Сейчас это приобретает особую актуальность, ввиду того, что одной из наиболее явных европейских тенденций становится слияние политической и экономической повестки.

Наиболее очевидным методологическим решением для изучения дифференцированной

интеграции представляется межправительственный подход, наиболее известными представителями которого являются Э. Моравчик и Ф. Шиммельфенниг. Данная теория объясняет европейскую интеграцию как «серию межправительственных сделок» [26], что создает хороший потенциал для анализа кризисных и эмерджентных проявлений интеграционного процесса, а также дифференцированной интеграции, так как во всех этих случаях важнейшее значение приобретает переговорный процесс и торг. Интересно, что до сих пор этот подход практически не применялся для таких целей. Исключение составляет только статья Ф. Шиммельфеннига [30], в которой автор делает лишь попытку обосновать перспективность применения подхода и очень немногочисленные статьи других авторов [17; 35], по сути констатирующих то же, но в более широком контексте методологического поиска. Важно, что подход имеет значительный потенциал экстраполяции и может быть успешно адаптирован для исследования других интеграционных кейсов, в особенности евразийской интеграции.

Существующая литература исходит из почти принятого предположения, что дифференцированная интеграция представляет собой особый институциональный дизайн, помогающий выйти из тупика переговоров, вызванного растущей неоднородностью государств-членов [14; 16; 24; 32; 37]. Неоднородность государственных предпочтений (отметим, что межправительственный подход избегает использования концепта «национального интереса», а в либеральном варианте не предполагает вообще), зависимостей и возможностей порождает спрос на дифференцированную интеграцию. Однако будет ли действительно реализована дифференцированная интеграция, также зависит от предложения жизнеспособных и взаимовыгодных решений для всех участников дифференциации. Впрочем, Ф. Шиммельфенниг не проводит различий между видами дифференцированной интеграции, что очень ослабляет его подход.

В данной статье мы фокусируем свое внимание на различиях в позициях европейских правительств и отдельных групп стран, пытаясь, с одной стороны, объяснить их мотивы в отстаивании того или иного варианта

дифференцированной интеграции, а с другой – дать ответ на вопрос об оправданности применения межправительственного подхода для ее изучения. Наибольшее значение для понимания применимости подхода и для объяснения причин и путей развития дифференцированной интеграции имеют франко-германские дискуссии, анализ роли Великобритании до выхода из ЕС, а также особая позиция скандинавских и центрально-восточноевропейских стран, которым уделено особенное внимание в данном исследовании.

Дифференцированная интеграция, ставшая характерной чертой европейского объединения на протяжении значительной части его истории, имеет очень мало общего с дифференцированной интеграцией как проектом будущего Европы – они представляют собой не только принципиально разные смыслы и явления, но и в значительной мере противоположны друг другу. Концепция двухскоростной Европы фактически стала вытеснять в интеграционном дискурсе прежнее классическое понимание дифференцированной интеграции, заложенное в европейский проект изначально.

Анализ. У заинтересованных стран были и по-прежнему остаются три опции, позволяющие проводить политику углубленной интеграции. Самая очевидная предполагает создание организаций вне институционально-правовой системы ЕС, примерами чего могут служить Северный совет, Бенилюкс, Европейское космическое агентство и Европейская организация ядерных исследований. Еще одним вариантом является создание «изъятий», то есть исключений из правил для той или иной страны. Подготовка ревизионного договора и его подписание требуют длительного времени и ратификации всеми государствами-членами. Изъятия не могут быть универсальным механизмом еще и потому, что предполагают инициативу и согласие страны, для которой делается исключение из правил. Третий вариант – «продвинутое сотрудничество», представляющее собой процедуру, при которой не менее девяти стран ЕС имеют возможность реализовывать интеграционные проекты и заключать соглашения отдельно от остальных членов. Продвинутое сотрудничество начало реализовываться с 2010 г. и по-

степенно стало инструментом решения важных вопросов, по которым затруднителен общий консенсус. Ряд авторов, в частности Л.О. Бабынина, рассматривают данный механизм как новый тренд [1]. Однако в нынешней форме процедуру нельзя считать эффективной, учитывая сложность и продолжительность выработки решений, ввиду множественных оговорок и ограничений, обозначенных в Статье 43 Договора о Европейском Союзе. Наиболее серьезным ограничением является то, что продвинутое сотрудничество не может распространяться «на области, которые являются исключительной компетенцией Сообщества», а это сферы денежной и общей торговой политики, правил конкуренции, таможенного союза и сохранения морских биологических ресурсов. Кроме того, Ниццским договором были определены несколько различные процедуры для разных опор интеграции.

Все перечисленные решения позволяют создавать при необходимости отдельную повестку сотрудничества, но неспособны обеспечить новый импульс интеграции. Наибольшей сложностью в продвижении интеграции сейчас является не отсутствие возможностей сотрудничества в избранных областях, представляющих интерес лишь для части членов ЕС, а сдерживание дальнейшей интеграции и реформирования институтов отдельными странами ЕС, заставляющими буксовать общеевропейские механизмы. «Речь идет о том, чтобы идти быстрее в кругу некоторых стран, не исключая других, но так, чтобы другие не смогли этому противостоять», – объяснил предыдущий президент Франции Ф. Олланд [28].

В отличие от прочих вариантов Европы многих скоростей, двухскоростная интеграция предполагает существование сильного ядра, сформированного заинтересованными в дальнейшем поступательном сближении странами. Это очень важный аспект, ввиду того, что страны так называемой новой Европы приобрели большой вес при увеличивающейся нелояльности Брюсселю и в целом европейскому проекту. Концепция двухскоростной Европы, по сути, представляет собой инструмент повышения дисциплины и солидарности для одних стран и дискриминационный механизм для других [4]. При этом почти очевидная возможность размежевания Европы активно

отрицается заинтересованными в таком варианте развития странами ЕС. Критика двухскоростной Европы, в частности со стороны В. Шмидт, также включает тезис о том, что этот концепт не отражает тот факт, что Европа уже является многоскоростной, с государствами-членами, участвующими в различных политических сообществах, и она вряд ли может быть функциональной, учитывая многообразные расхождения в идеях и интересах [31]. Последний тезис представляется принципиально неверным в силу того, что следующие ему авторы не проводят необходимых различий между различными форматами дифференцированной интеграции.

В настоящее время в ЕС происходит формирование своего рода клуба лидеров интеграционного процесса и обсуждается возможность отказа от прежнего либерализма в процессе принятия решений. Их в ближайшие годы предстоит немало – это вопросы полномочий институтов ЕС, общей внешней политики и политики безопасности, европейской армии (пока можно говорить лишь об изменении логики взаимодействия и обеспечении возможности полноценных совместных действий, не используя механизмы НАТО), системы перераспределения ресурсов, изменения миграционной политики, лучшей координации экономической политики в зоне евро, гармонизации налоговой и социальной сферы и др. Накануне саммита в Брюсселе, 6 марта 2017 г. канцлер ФРГ А. Меркель, президент Франции Ф. Олланд и премьер-министры Испании и Италии М. Рахой и П. Джентилонни провели встречу в Версале, на которой поддержали концепцию разных скоростей. Саммит в Версале и состоявшаяся на следующий день встреча глав парламентов вышеградских стран в Варшаве фактически олицетворяли раскол между старой и новой Европой.

Практика клубных консультаций о реформировании ЕС становится все более распространенной. Отдельным клубом стала зона валюты евро, которой требуется особая координация экономической политики и решения, отличные от тех, что предназначены для остальных стран. Несовершенство существующей институциональной системы ЕС проявляется в том, что страны еврозоны вправе рассчитывать на то, что остальные члены ЕС не

будут иметь голоса в важных для них решениях, однако эти решения влияют на экономические процессы в странах, сохраняющих приверженность национальным валютам. Это становится причиной напряженных дискуссий и стимулирует консультации об ускоренной интеграции зоны евро, наиболее сложным вопросом в которых является минимизация последствий практически неизбежного в этом случае раскола ЕС.

Та же «клубная» тенденция просматривается у периферийных стран ЕС – скандинавских и восточноевропейских. Саммит «Великобритания – Северные и балтийские страны», прошедший в Лондоне 19 и 20 января 2011 г. показал, что в британской внешней политике на тот момент обозначился новый стратегический приоритет – Северная Европа [36]. Из девяти стран-участниц только Финляндия и Эстония являлись членами еврозоны, Норвегия являлась только частью Европейского экономического пространства, а Исландия вела переговоры о присоединении к ЕС, от чего впоследствии решила отказаться. Наряду с вышеградскими странами, североευропейские страны выступали за возможность разных вариаций европейской интеграции в противовес усиливающемуся диктату Брюсселя. Впоследствии, когда была обозначена перспектива выхода Великобритании из ЕС и возникла угроза потери главного выразителя интересов стран, не входящих в зону евро, те же страны посчитали опасной тенденцией стремление к такому формату интеграции, который выведет их на второстепенные роли [22].

С точки зрения межправительственного подхода это можно объяснить тем, что данные страны столкнулись с новыми обстоятельствами переговорного процесса, но, если не вдаваться в множество излишних деталей, объяснение может оказаться существенно проще. Изменились не столько переговорные позиции стран, которые относительно успешно зафиксированы нынешней системой принятия решений в ЕС (в том числе неформальной), а в гораздо большей степени повлияло изменение переговорного дискурса и сопутствующего ему изменения содержания понятий. Для стран, объективно оказавшихся за пределами ряда направлений европейской интеграции, или намеренно принявших решение

об ограничении своего участия в них, изменилось не только содержание дискуссий, но и возможность повлиять на них. Если прежде речь шла о развитии описанных выше традиционных путей дифференцированной интеграции, то теперь на повестке стоит в большей степени концепция двух скоростей.

Несмотря на то что вопрос реформирования ЕС имеет множество измерений, наиболее содержательное обсуждение дифференцированной интеграции в прошлом десятилетии концентрировалось вокруг экономических вопросов. Это связано с тем, что после сложной ратификации Лиссабонского соглашения начало новой серьезной дискуссии о конфигурации и полномочиях институтов было совершенно неуместным, политические вопросы оказывались слишком чувствительными, а вызовы, связанные с экономическим кризисом, стимулировали работу именно над экономической повесткой.

С началом экономического кризиса, существующий формат ЕС начал восприниматься не как средство решения общих проблем, а как часть этих проблем, и требование реформ стало как никогда острым [13]. Возможность дифференцированной интеграции стала рассматриваться преимущественно через призму судьбы единой валюты, что придало ускорение дискуссиям о реализации концепции «двух скоростей».

В начале февраля 2011 г. Берлин и Париж предложили принять «Пакт конкурентоспособности», который позволил бы усилить рычаги экономического управления как в странах еврозоны, так и в ЕС в целом. Имитирующее экспромт обсуждение на саммите в Брюсселе началось по инициативе А. Меркель, которую поддержал президент Н. Саркози. Хотя председатель Евросовета Х. Ван Ромпей и глава Еврокомиссии Ж.-М. Баррозу отрицали, что были сделаны какие-либо конкретные предложения, суть инициативы почти сразу стала широко известна. В дополнение к действующему пакту стабильности и роста, определяющему допустимые размеры дефицита государственного бюджета и долга, предлагалось принятие общих оснований для налога на доход корпораций, прекращение системы индексации зарплат в тех странах ЕС, где она существует, увеличение пенсионного

возраста, а также конституционное запрещение бюджетных дефицитов. Инициатива не нашла отклика у некоторых стран. Многих насторожило, что предложения были разработаны без участия большинства стран ЕС. В итоге члены валютного блока все же признали необходимость «Пакта конкурентоспособности», но предложили Х. Ван Ромпею подготовить компромиссные предложения к предстоящему 24–25 марта саммиту ЕС [25]. До вынесения проекта на заключение всего Евросоюза было решено обсудить его вновь в формате 17 государств еврозоны.

Фактически это было преамбулой к обсуждению системного реформирования ЕС. В декабре 2011 г., накануне саммита в Брюсселе, президент Н. Саркози и канцлер А. Меркель в письме на имя председателя Евросовета Х. Ван Ромпея представили основные идеи, касающиеся будущего ЕС и призвали сразу после саммита запустить пересмотр базовых соглашений [23]. Франция продемонстрировала едва ли не наибольший энтузиазм в вопросе реформирования, предоставив председателю Евросовета лишь возможность реагировать на озвученные инициативы.

Детальный план «На пути к подлинному экономическому и валютному союзу» был представлен Х. Ван Ромпеем в июне 2012 г. на фоне разрастания греческого долгового кризиса [15]. План содержал оговорки, призванные ослабить возможную критику со стороны стран, в зону евро не входящих: «Видение будущего управления Экономического и валютного союза, изложенное в настоящем докладе, сосредоточено на государствах – членах зоны евро, поскольку они качественно отличаются от прочих стран в силу единой валюты. Тем не менее, процесс углубления экономического и валютного союза должен характеризоваться открытостью и прозрачностью и быть полностью совместим с единым рынком во всех аспектах» [15]. План предполагал создание европейского казначейства для контроля за исполнением общеевропейского бюджета, европейского банковского регулятора и единой схемы гарантии банковских депозитов. Для его реализации отводилось десять лет и столь длительный срок заставлял прислушаться к мнению скептиков, посчитавших этот план несбыточным.

Вскоре, в ноябре 2012 г. Ж.-М. Баррозу выступил с пакетом предложений для еврозоны и для ЕС, продолжавших логику плана Х. Ван Ромпея [2]. Он заявил, что «зона евро должна интегрироваться быстрее и глубже, чем ЕС в целом», но предостерег относительно двухскоростной Европы. В числе предложений было создание фонда, к помощи которого могли бы прибегать страны, нарушающие нормативы дефицита бюджета и государственного долга. Ж.-М. Баррозу предлагал до 2018 г. в рамках Еврокомиссии создать Министерство финансов, имеющее полномочия налагать вето и требовать внесения поправок в национальные бюджеты. Важной инновацией, отличавшей план Ж.-М. Баррозу от плана Х. Ван Ромпея, было заявление о создании единого бюджета еврозоны [19]. Несмотря на оппозицию Германии, план предполагал выпуск совместных облигаций стран зоны евро (в плане Х. Ван Ромпея такое предложение тоже присутствовало). Примечательно, что Ж.-М. Баррозу выдвигал обозначенный план уже как пятилетний, то есть налицо была попытка ускорить процесс трансформации ЕС.

Все перечисленные проекты неизбежно должны были негативно сказаться на позициях Великобритании и, по всей видимости, это предусматривалось изначально с целью ее изоляции от процесса принятия решений. Планы не были согласованы со страной, являющейся членом «большой тройки», что скандально само по себе, тем более что они должны были затронуть интересы Лондона в большей степени, нежели других европейских столиц. Поэтому неудивительно, что вскоре после обнародования первоначального плана Х. Ван Ромпея, 15 мая 2012 г. впервые прозвучало слово *Brexit* [39], а уже в конце июня 2012 г. перспективу выхода из ЕС на официальном уровне не исключал и премьер-министр Д. Кэмерон [11]. Выступление британского премьера состоялось сразу после окончания саммита ЕС и через три дня после обнародования детализированного плана Х. Ван Ромпея. Очевидно, что Великобританию вполне целенаправленно «выдавливали» из ЕС, постепенно сводя ее роль в объединении до уровня второстепенной страны. Полностью очевидным это стало во время выборов главы Еврокомиссии – кандидатура Ж.-К. Юн-

кера не была согласована с Лондоном и принята по настоянию А. Меркель вопреки возражениям британцев.

До прихода Ж.-К. Юнкера на пост главы Еврокомиссии практические разработки реформирования ЕС в духе дифференцированной интеграции велись именно в Брюсселе и согласовывались с франко-германским тандемом или же «большой четверкой» еврозоны. Публичная инициатива исходила попеременно от глав Еврокомиссии и Евросовета. В отличие от предшественников, Ж.-К. Юнкер был гораздо более самостоятелен в своих действиях и значительно больше занимался продвижением ведомственных интересов Еврокомиссии. Он был негативно настроен относительно любых моделей, предполагавших внутреннее размежевание в Европе и различия в обязательствах участников интеграции, что принципиально не соответствовало его убеждениям и плохо гармонировало с инициативами, направленными на концентрацию власти в руках Еврокомиссии. Соответственно, Ж.-К. Юнкер тормозил любые разработки проектов дифференцированной интеграции, по причине чего соответствующие дискуссии переместились из Брюсселя в европейские столицы.

Тем не менее в марте 2017 г. главой Европейской комиссии была предложена к обсуждению «Белая книга» о будущем Европы после Брексита. В предложенных пяти вариантах содержалась основа для возвращения обсуждения к более общим основаниям – к дискуссии не только о дифференцированной интеграции, которая уже практически становится реальностью, но и о других возможных вариантах. Создается впечатление, что «Белая книга» была специально подготовлена таким образом, чтобы не дать ответы, а усилить уже имеющиеся дискуссии. В этом смысле маневр Ж.-К. Юнкера получился одновременно упреждающим инициативы европейских правительств в этой сфере и компромиссным, поскольку идеи разносторонней Европы были все же изложены. Дискуссионность документа оказалась недооценена, и вскоре после того, как он был представлен, практически все наблюдатели сошлись во мнении, что в такой завуалированной форме была фактически предложена только одна концепция многоскорост-

ной Европы [7; 9]. Причиной такой трактовки стала последовавшая 6 марта 2017 г. встреча глав государств «большой четверки» в Версале, а точнее – принятые на ней решения, в которых приверженность идее многоскоростной Европы была определена открыто.

В среде европейской бюрократии любые вариации разноскоростной Европы рассматриваются либо негативно, либо как возможный выбор для стран, злоупотребляющих приверженностью собственной позиции по ряду вопросов, но при этом закономерно опасаящихся оказаться на обочине европейской интеграции. Наибольшие опасения связаны с потенциалом дезинтеграции, который несут в себе все варианты дифференцированной интеграции, хотя существует целый ряд новейших исследований, авторы которых склонны не противопоставлять интеграцию и дезинтеграцию, а рассматривать их как процессы, которые могут одновременно идти на одном политическом пространстве [12; 38].

В Еврокомиссии понимают, что, если дело дойдет до реализации концепции, это будет амбивалентная ситуация, при которой не только ослабнет голос немалого количества стран ЕС, но и влияние Брюсселя на их политику (и без того слабое сейчас) станет пренебрежимо малым. Лояльность ЕС со стороны стран-членов снижается, даже если говорить о лидерах европейской интеграции. Выход Великобритании из ЕС, демонстративное противостояние с Берлином и Брюсселем восточноевропейских стран, политико-экономические последствия пандемии 2020 г. – все это явные проявления потери общих ориентиров и кризиса ЕС.

Брексит стал для европейского проекта стресс-тестом и отправной точкой для поиска новых решений. Заявление Великобритании о готовности покинуть ЕС не только актуализировало вопрос о реформировании союза [8], но и укрепило решимость европейских столиц и бюрократии продвигать собственную повестку. Особенно заметно это по политике Франции, которая активизировалась в своем стремлении к европейскому лидерству.

Серьезный сдвиг наметился и в европейской политической культуре. Наряду с ослаблением готовности к консенсусу, среди европейских политиков усиливается сомнение в

демократии и плюрализме, как базовых ценностях европейской интеграции. Во многом это связано с тем, что Брексит стал возможен именно вследствие референдума, а опасность прихода популистов к власти в ряде стран Европы в 2017 г. только усилила сомнение. Разумеется, речь не идет о тотальной переоценке ценностей, однако следствием стала готовность к отказу от принципа единогласия при решении ключевых вопросов интеграции, понимание необходимости упрощения системы введения внутренних санкций, логика предоставления средств из европейских фондов в обмен на лояльность и торможение обсуждения планов введения прямых выборов главы Еврокомиссии. Все это становится предпосылкой или косвенно способствует интеграции по пути многих скоростей.

Оживление в дальнейшем обсуждение реформирования ЕС привнесло избрание президентом Франции Э. Макрона, вскоре анонсировавшего ряд предполагаемых изменений, которые во многом были развитием предложений, озвученных еще его предшественниками. Французская модель будущего Европы означает консолидацию еврозоны, даже ценой наращивания экономической дистанции и противоречий с прочими странами. Прежде действительно можно было говорить о том, что страны общей валюты наиболее лояльны европейскому проекту и поэтому отдельно от остальных способны достичь скорейшего прогресса в интеграции. Однако нарастающие экономические проблемы южно-европейских стран и рост евроскептических настроений именно в странах еврозоны ставят этот тезис под сомнение. Тем не менее, Франция продолжает настаивать на обсуждении концепции «многих скоростей» именно в этой интерпретации.

Важной инициативой французского президента является идея создания Министерства финансов еврозоны, с функциями европейского комиссара по экономическим и финансовым вопросам и главы Еврогруппы министров финансов стран ЕС для его руководителя. По мнению Э. Макрона, он мог бы распоряжаться общей многомиллиардной казной стран еврозоны и осуществлять инвестиции в совместные проекты. Координация финансовой политики обсуждается давно, но все

более ранние предложения предполагали создание министерства финансов ЕС, а не еврозоны. Помимо этого, Э. Макрон озвучил предложение по формированию единого бюджета еврозоны с возможностью займов и превращения стабилизационного механизма в Европейский валютный фонд. Из общего фонда в случае нового кризиса можно было бы предоставлять помощь попавшим в затруднительное положение странам еврозоны. Без такого финансового перераспределения, по мнению Э. Макрона, валютный союз когда-нибудь прекратит существование, так же как придет конец и объединенной Европе. Кроме того, французский президент поддерживает планы по созданию отдельного парламента стран еврозоны [29]. «Отдельный бюджет означает также отдельный парламент еврозоны (дословно – Euroland), чтобы евродепутаты из стран зоны контролировали этот бюджет», – считает бывший еврокомиссар по финансовым вопросам П. Московиси [20]. Европейский проект давно подвергается критике за то, что политическая интеграция очень серьезно отстала от экономической части.

Германский взгляд на перспективу создания министерства финансов еврозоны и на другие смелые инициативы принципиально иной. В Германии резко возражают против выпуска единых облигаций государственного займа, за которые ратует Э. Макрон, отвечать по которым должны были бы сообща все страны еврозоны. Это позволило бы отдельным странам, в частности Италии и самой Франции, брать займы на долговых рынках под более низкий процент, что снизило бы нагрузку на бюджеты. Однако В. Шойбле, а теперь и его преемник на посту министра финансов ФРГ О. Шольц, неизменно пресекали любые разговоры на эту тему, опасаясь, что «партнеры Германии наберут дешевых кредитов, а отдуваться придется налогоплательщикам», то есть той же Германии [3].

В Берлине готовы с определенными оговорками инвестировать как в европейское единство, так и в укрепление собственного доминирования в Европе, тем более что до сих пор это были связанные подходы. Однако французские предложения несут в понимании немецких политиков большие риски для единства Европы и лидерства Германии, одновре-

менно налагая на нее избыточные обязательства. К тому же позиции христианских демократов ослабли после выборов 2017 г., а их союзники по коалиции, как и политические конкуренты, настроены скептически либо к такой роли, либо к необходимости помогать кризисным экономикам еврозоны. Профсоюзы и часть бизнеса также против европейского единства, ценой которому станет нагрузка на германский бюджет.

Из всех вариантов Европы многих скоростей, возможность углубленной интеграции еврозоны проработана наиболее последовательно, но она же является наиболее дискуссионной. Французские политики длительное время выступают сторонниками двухскоростного подхода в сфере экономики и институциональной системы ЕС, но одновременно стремятся к консолидированной внешней и оборонной политике. Это связано с тем, что в экономическом смысле Франция уже существенно отстает от Германии, а в военном отношении, после выхода Великобритании из ЕС, становится лидирующей силой и единственной ядерной державой в объединении. Несмотря на то что сила и репутация Германии, по всей вероятности, будут и дальше укрепляться, она останется, в лучшем случае, «неохотным гегемоном» [10]. Все это, наряду с Брекситом, создает предпосылки как для реализации французского подхода, так и для усиления всеевропейского значения франко-германского тандема [21].

Противоречия и недосказанность, присутствующие в проектах дифференцированной интеграции, дали возможность прежнему главе Еврокомиссии Ж.-К. Юнкеру использовать как консерватизм германского канцлера, которая сомневается в необходимости ускоренных преобразований в данном направлении, так и энтузиазм французского лидера, вызывающий закономерные опасения в ряде стран, главным образом в тех, что еще не присоединились к зоне евро и Шенгенскому соглашению. Брюссельская бюрократия воодушевлена Э. Макроном, хотя и полагает, что большая часть его предложений встретит сопротивление и нереализуема, однако может послужить хорошим катализатором изменений. В частности, в Еврокомиссии периода председательства Ж.-К. Юнкера считали, что

предложения о создании отдельного бюджета еврозоны и Европейского Валютного Фонда необходимо рассматривать после углубления экономического и валютного союза: «Это возможно, скорее, в долгосрочной перспективе, учитывая общий бюджет ЕС и растущее в будущем количество стран, которые примут единую валюту» [20]. Иными словами, позиция Еврокомиссии представляла собой вежливую форму отказа и с тех пор мало что принципиально изменилось.

В палитре подходов к реформированию ЕС не наблюдается ни согласия, ни последовательности. В июне 2018 г. на саммите ЕС планировалось обсуждение концепций супергосударства Ж.-К. Юнкера и двухскоростной Европы Э. Макрона, однако этого не произошло. Вместо конкретных планов можно было наблюдать лишь риторику о сильной и независимой Европе. Привычные постулаты о необходимости создания единой европейской армии звучали почти синхронно с заявлениями о возможности сокращения количества стран-участниц Шенгенского договора [6].

Смена глав европейских институтов в 2019 г. не привела к перезагрузке обсуждений, не добавила им конкретики и содержательности. Ничто не указывает на то, что новое руководство Еврокомиссии имеет собственное видение будущего ЕС. Вопросы реформирования находятся преимущественно в сфере ответственности вице-президентов М. Шефчовича, Д. Шуицы и В. Юровой. Их выбор мотивирован не столько профессиональным опытом (за исключением М. Шефчовича, занимавшего должность европейского комиссара по междуинституциональным отношениям и администрации в 2010–2014 гг.), сколько политическими соображениями – все трое представляют «новую» Европу, от которой ожидаемо сопротивление реформам. Неясна и степень заинтересованности в реформировании институтов, учитывая, что новый президент Еврокомиссии У. фон дер Ляйен обозначила ее как геополитическую, тем самым указывая на другие приоритеты.

Предполагается, что основной дискуссионной площадкой с лета 2020 г. должна стать Конференция о будущем Европы, которая будет работать последующие два года, особая ответственность за проведение которой воз-

ложена на вице-президента Еврокомиссии Д. Шуицу, не имеющую опыта работы с конституционными вопросами ЕС. В процедурной логике конференции ясно просматриваются черты демократического популизма, при этом, решения будут иметь рекомендательный характер. Поэтому следует полагать, что на практике конференция обернется лишь имитацией демократического процесса.

Результаты. Реформирование ЕС, как и прежде, предполагает обязательное согласование интересов ведущих европейских столиц. Однако дискуссии о дифференцированной интеграции направлены не столько на совершенствование институтов и практик, сколько служат реализации амбиций, попыткам перераспределения ресурсов и расширения параметров свободы в отношениях с Брюсселем.

Сейчас ситуация нова тем, что необходимость реформирования ЕС ставит лидеров интеграции перед выбором между беспрецедентными уступками и необходимостью игнорировать позиции ряда стран. Наряду с неоднородностью ЕС, это также способствует исключению альтернатив дифференциации в будущем, представляющей, как было отмечено ранее, несколько разных по сути подходов. Все это вполне соответствует интерпретационной логике межправительственного подхода. Европейский опыт в данных аспектах важен тем, что ставит вопросы, связанные с гармонизацией интересов на очень развитом уровне интеграции. Таким образом, он позволяет прогнозировать вызовы, в перспективе неизбежные для других сообществ – особенно для ЕАЭС, который, с большой вероятностью, также ожидает дифференцированное будущее (особенную глубину может обрести российско-белорусская интеграция).

Коллизия нынешней ситуации в ЕС состоит в том, что, пожалуй, впервые из всех имеющихся вариантов невозможно синтезировать общий компромиссный подход, а попытка обойтись полумерами может оказаться очень дорогой. До тех пор, пока не удастся преодолеть слабость европейских институтов, переговоры европейских держав, не охватывающие все страны, что почти невозможно успешно провести в нынешних условиях, дадут лишь негативный эффект для европейской интеграции, вне зависимости от того, ка-

кие решения будут приняты и будут ли они приняты вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабынина, Л. О. Применение продвинутого сотрудничества – новый тренд развития Европейского Союза / Л. О. Бабынина // Вестник МГИМО – Университета. – 2014. – № 4 (37). – С. 148–154.

2. Баррозо представил план перестройки ЕС. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/%D0%B1%D0%B0%D1%80%D1%80%D0%BE%D0%B7%D1%83-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB-%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D0%BA%D0%B8-%D0%B5%D1%81/a-16415068> (дата обращения: 02.05.2020). – Загл. с экрана.

3. Берлин и Париж на пороге перезагрузки отношений. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BB%D0%B8%D0%BD-%D0%B8-%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B6-%D0%BD%D0%B0-%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B5-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%BA%D0%B8-%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9/a-38844105> (дата обращения: 02.05.2020). – Загл. с экрана.

4. Марков, Г. В. «Европа многих скоростей»: проблемы эволюции геокультурной интеграции / Г. В. Марков, Б. В. Салихов // Регионоведение. – 2020. – №1. – С. 10–27. – DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.010-027.

5. Порецкова, Е. А. Концепция «многоскоростной» Европы в стратегии консервативного кабинета Дж. Мейджора / Е. А. Порецкова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 327–333. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-mnogoskorostnoy-evropy-v-strategii-konservativnogo-kabinet-dzh-meydzhora> (дата обращения: 02.05.2020). – Загл. с экрана.

6. Annonces de Macron: vote blanc, référendum, services publics... Ce qu'il faut retenir. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.lemonde.fr/politique/article/2019/04/25/vote-blanc-et-ric-ecartes-baisses-d-impots-ce-qu-il-faut-retenir-de-la-conference-de-presse-de-macron_5454978_823448.html (date of access: 02.05.2020). – Title from screen.

7. Bebel, J. Central Europe's Multispeed Dilemma / J. Bebel. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.europeaninstitute.org/index.php/ei-blog/302-june-2017/2228-central-europe-s-multispeed-dilemma-6-12> (date of access: 02.05.2020). – Title from screen.

8. Brexit: History, Reasoning and Perspectives / D. Ramiro Troitiño, T. Kerikmäe, A. Chochia. – L. : SpringerLink, 2018. – 300 p. – DOI: 10.1007/978-3-319-73414-9.

9. Brussels Draws Up Plans for More 'Multi-Speed' Post-Brexit EU-27. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.ft.com/content/c56f99defdda-11e6-8d8e-a5e3738f9ae4> (date of access: 02.05.2020). – Title from screen.

10. Bulmer, S. Germany As the EU's Reluctant Hegemon? Of Economic Strength and Political Constraints / S. Bulmer, W. E. Paterson // Journal of European Public Policy. – 2013. – № 20 (10). – P. 1387–1405. – DOI: 10.1080/13501763.2013.822824.

11. Cameron Defies Tory Right Over EU Referendum. Prime Minister, Buoyed by Successful Negotiations on Eurozone Banking Reform, Rejects «in or out» Referendum on EU. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/2012/jun/29/cameron-no-eu-referendum> (date of access: 02.10.2020). – Title from screen.

12. Chopin, T. Differentiation As a Double-Edged Sword: Member States' Practices and Brexit / T. Chopin, C. Lequesne // International Affairs. – 2016. – Vol. 92, no. 3. – P. 531–545.

13. Cini, M. European Union Politics / M. Cini, N. Pérez-Solórzano Borragán. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 471 p. – DOI: 10.1093/hepl/9780198806530.001.0001.

14. Dyson, K. Differentiation As Design Principle and As Tool in the Political Management of European Integration: Which Europe? / K. Dyson, A. Sepos. – Basingstoke : Palgrave, 2010. – P. 3–23.

15. European Council Herman Van Rompuy. Brussels, 26 June 2012 EUCO 120/12 PRESSE 296 PR PCE 102. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/21570/131201.pdf> (date of access: 02.10.2020). – Title from screen.

16. Holzinger, K. EU Environmental Policy in the Joint-Decision Trap? The Critical Balance Between Negative and Positive Integration: Exits from the Joint-Decision Trap: Comparing EU Policies / ed. by G. Falkner. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – P. 110–127.

17. Holzinger, K. Differentiated Integration in the European Union Many Concepts, Sparse Theory, Few Data / K. Holzinger, F. Schimmelfennig // Journal of European Public Policy. – 2012. – Vol. 19, iss. 2. – P. 292–305. – DOI: 10.1080/13501763.2012.641747.

18. Jensen, C. B. The Politics of Multispeed Integration in the European Union. European Union:

Power and policy-making / C. B. Jensen, J. B. Slapin / ed. by J. Richardson, S. Mazey. – London : Routledge, 2015. – P. 63–80. – DOI: 10.4324/9781315735399.

19. José Manuel Durão Barroso, President of the European Commission. Presentation of European Commission Work Programme 2012 SPEECH/11/755, European Parliament. Strasbourg, 15 Nov. 2011. – Electronic text data. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-11-755_en.htm (date of access: 02.05.2020). – Title from screen.

20. Komisarz UE: strefa euro potrzebuje własnego parlamentu. – Electronic text data. – Mode of access: <http://biznes.onet.pl/wiadomosci/ue/parlament-eurolandu-jesli-powstanie-budzet-strefy-euro-moscovici/hszb3g> (date of access: 02.05.2020). – Title from screen.

21. Krotz, U. Back to the future? Franco-German bilateralism in Europe's post-Brexit union / U. Krotz, J. Schild // *Journal of European Public Policy*. – 2018. – Vol. 25, iss. 8. – P. 1174–1193. – DOI: 10.1080/13501763.2018.1467951.

22. Lang, K.-O. Die Visegrád-Staaten und der Brexit: im östlichen Mitteleuropa herrscht Sorge angesichts des britischen EU-Austritts / K.-O. Lang // *SWP-Aktuell*. – 2016. – No. 53. – P. 1–4. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/47800/ssoar-2016-lang-Die_Visegrad-Staaten_und_der_Brexit.pdf;jsessionid=287A729186FBD560B08CF269D575F6BB?sequence=1 (date of access: 02.05.2020). – Title from screen.

23. Lettre commune de m. Nicolas Sarkozy, Président de la République, et mme Angela Merkel, Chancelière de la République Fédérale d'Allemagne, adressée à m. Herman van Rompuy, Président du Conseil Européen, sur les mesures en faveur du renforcement de la zone euro, le 7 décembre 2011. 7 décembre 2011. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2011/12/07/lettre-commune-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-et-mme-angela-merkel-chanceliere-de-la-republique-federale-dallemagne-adressee-a-m-herman-van-rompuy-president-du-conseil-europeen-sur-les-mesures-en-faveur-du-renforcement-de-la-zon> (date of access: 02.05.2020). – Title from screen.

24. Majone, G. Europe As the Would-Be World Power. The EU at Fifty / G. Majone. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 266 p.

25. Merkel, Sarkozy Outline Competitiveness Pact. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.politico.eu/article/merkel-sarkozy-outline-competitiveness-pact/> (date of access: 02.05.2020). – Title from screen.

26. Moravcsik, A. Preferences and Power in the European Community. A Liberal Intergovernmentalist

Approach / A. Moravcsik // *Journal of Common Market Studies*. – 1993. – No. 31 (4). – P. 473–524.

27. Mr Major's Speech in Leiden. – 1994. – Sep. 7. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.iohnmajor.co.uk/page1124.html> (date of access: 02.05.2020). – Title from screen.

28. Niemcy popierają Europę dwóch prędkości. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.newsweek.pl/swiat/europa-dwoch-predkosci,artykuly,406496,1.html> (date of access: 02.05.2020). – Title from screen.

29. Réformes de la zone euro: pourquoi la réunion entre Macron et Merkel à Berlin est cruciale. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.lemonde.fr/europe/article/2018/04/19/reformes-de-la-zone-euro-pourquoi-la-reunion-entre-macron-et-merkel-a-berlin-est-cruciale_5287737_3214.html (date of access: 02.05.2020). – Title from screen.

30. Schimmelfennig, F. The Choice for Differentiated Europe: An Intergovernmentalist Theoretical Framework / F. Schimmelfennig // *Comparative European Politics*. – 2019. – February. – P. 176–191. – DOI: 10.1057/s41295-019-00166-5.

31. Schmidt, V. The Future of Differentiated Integration: A 'Soft-Core' Multi-Clustered Europe of Overlapping Policy Communities / V. Schmidt // *Comparative European Politics*. – 2019. – Vol. 17, iss. 2. – P. 294–315. – DOI: 10.1057/s41295-019-00164-7.

32. Stubb, A. The 1996 Intergovernmental Conference and the Management of Flexible Integration / A. Stubb // *Journal of European Public Policy*. – 1997. – No. 4 (1). – P. 37–55. – DOI: 10.1080/135017697344226.

33. Stubb, A. A Categorization of Differentiated Integration / A. Stubb // *Journal of Common Market Studies*. – 1996. – No. 34 (2). – P. 283–295. – DOI: 10.1111/j.1468-5965.1996.tb00573.x.

34. Stubb, A. Negotiating Flexibility in the European Union: Amsterdam, Nice and Beyond / A. Stubb. – L. : Palgrave MacMillan, 2002. – XIV. – 218 p. – DOI: 10.1057/9781403907615.

35. Tosiek, P. Scenariusze rozwoju Unii Europejskiej w ujęciu liberalnej międzyrządowości. Integracja Europejska – Polska perspektywa / P. Tosiek // Warszawa : Wydawnictwo sejmowe, 2018. – P. 283–303.

36. Towards a Genuine Economic and Monetary Union. Report by President of the Why Nordic Countries are a Cornerstone of British Foreign Policy. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.nouvelle-europe.eu/en/why-nordic-countries-are-cornerstone-british-foreign-policy> (date of access: 02.10.2020). – Title from screen.

37. Warleigh, A. Flexible Integration: Which Model for the European Union? / A. Warleigh. – L. : Sheffield Academic Press, 2002. – 144 p.

38. Webber, D. Trends in European political (Dis)Integration. An Analysis of Postfunctionalist and

other explanations / Webber D. // Journal of European Public Policy. – 2019. – Vol. 26, iss. 8: Special Issue: Re-Engaging Grand Theory: European Integration in the Twenty-First Century. – P. 1134–1152. – DOI: 10.1080/13501763.2019.1576760.

39. Wilding, P. Stumbling Towards the Brexit. Britain, a Referendum and an Ever-Closer Reckoning / P. Wilding. – Electronic text data. – Mode of access: <https://blogactiv.eu/blog/2012/05/15/stumbling-towards-the-brexit/> (date of access: 02.05.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Babynina L.O. Primenenie prodvinutogo sotrudnichestva – novyj trend razvitiya Evropejskogo Soyuz [The Application of Advanced Cooperation – A New Trend in the Development of the European Union]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of the MGIMO University], 2014, no. 4 (37), pp. 148–154.

2. Barrozo predstavil plan perestrojki ES [Barroso Presented the EU's Restructuring Plan]. URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%B1%D0%B0%D1%80%D1%80%D0%BE%D0%B7%D1%83-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB-%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D0%BA%D0%B8-%D0%B5%D1%81/a-16415068> (accessed 2 May 2020).

3. Berlin i Parizh na poroge perezagruzki otnoshenij [Berlin and Paris are on the Verge of a Reset of Relations]. URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BB%D0%B8%D0%BD-%D0%B8-%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B6-%D0%BD%D0%B0-%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B5-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%BA%D0%B8-%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9/a-38844105> (accessed 2 May 2020).

4. Markov G.V., Salihov B.V. «Evropa mnogih skorostej»: problemy evolyucii geokul'turnoj integracii [“Multi-Speed Europe”: Problems of the Evolution of Geocultural Integration]. *Regionologia* [Regionology], 2020, no. 1, pp. 10–27. DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.010-027.

5. Poreckova E.A. Konceptiya «mnogoskorostnoj» Evropy v strategii konservativnogo kabineta Dzh. Mejdzhora [The Concept of “Multi-Speed” Europe in the Strategy of the Conservative Government of J. Major]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences], 2011, pp. 327–

333. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-mnogoskorostnoj-evropy-v-strategii-konservativnogo-kabineta-dzh-meydzhora> (accessed 2 May 2020).

6. *Annonces de Macron: vote blanc, référendum, services publics... Ce qu'il faut retenir*. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2019/04/25/vote-blanc-et-ric-ecartes-baisses-d-impots-ce-qu-il-faut-retenir-de-la-conference-de-presse-de-macron_5454978_823448.html (accessed 2 May 2020).

7. Bebel J. *Central Europe's Multispeed Dilemma*. URL: <https://www.europeaninstitute.org/index.php/ei-blog/302-june-2017/2228-central-europe-s-multispeed-dilemma-6-12> (accessed 2 May 2020).

8. Ramiro Troitiño D., Kerikmäe T., Chochia A., eds. *Brexit: History, Reasoning and Perspectives*. London, SpringerLink, 2018. 300 p. DOI: 10.1007/978-3-319-73414-9.

9. *Brussels Draws up Plans for More 'Multi-Speed' Post-Brexit EU-27*. URL: <https://www.ft.com/content/c56f99de-fdda-11e6-8d8e-a5e3738f9ae4> (accessed 2 May 2020).

10. Bulmer S., Paterson W.E. Germany As the EU's Reluctant Hegemon? Of Economic Strength and Political Constraints. *Journal of European Public Policy*, 2013, no. 20 (10), pp. 1387–1405. DOI: 10.1080/13501763.2013.822824.

11. *Cameron Defies Tory Right Over EU Referendum. Prime Minister, Buoyed by Successful Negotiations on Eurozone Banking Reform, Rejects «In or Out» Referendum on EU*. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2012/jun/29/cameron-no-eu-referendum> (accessed 2 May 2020).

12. Chopin T., Lequesne C. Differentiation As a Double-Edged Sword: Member States' Practices and Brexit. *International Affairs*, 2016, vol. 92, no. 3, pp. 531–545.

13. Cini M., Pérez-Solórzano Borragán N. *European Union Politics*. Oxford, Oxford University Press, 2016. 471 p. DOI: 10.1093/hepl/9780198806530.001.0001.

14. Dyson K., Sepos A. Differentiation As Design Principle and As Tool in the Political Management of European Integration. *Which Europe? The Politics of Differentiated Integration*. Basingstoke, Palgrave, 2010, pp. 3–23.

15. *European Council Herman Van Rompuy. Brussels, 26 June 2012 EUCO 120/12 PRESSE 296 PR PCE 102*. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/21570/131201.pdf> (accessed 2 May 2020).

16. Holzinger K. EU Environmental Policy in the Joint-Decision Trap? The Critical Balance Between Negative and Positive Integration. Falkner G., ed. *Exits from the Joint-Decision Trap: Comparing EU Policies*. Oxford, Oxford University Press, 2011, pp. 110–127.

17. Holzinger K., Schimmelfennig F. Differentiated Integration in the European Union Many Concepts, Sparse Theory, Few Data. *Journal of European Public Policy*, 2012, vol. 19, iss. 2, pp. 292-305. DOI: 10.1080/13501763.2012.641747.
18. Jensen C.B., Slapin J.B. The Politics of Multispeed Integration in the European Union. Richardson J., Mazey S., eds. *European Union: Power and Policy-Making*. London, Routledge, 2015, pp. 63-80. DOI: 10.4324/9781315735399.
19. José Manuel Durão Barroso, *President of the European Commission. Presentation of European Commission Work Programme 2012 SPEECH/11/755, European Parliament. Strasbourg, 15 November 2011*. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-11-755_en.htm (accessed 2 May 2020).
20. Komisarz UE: strefa euro potrzebuje własnego parlamentu. URL: <http://biznes.onet.pl/wiadomosci/ue/parlament-eurolandu-jesli-powstanie-budzet-strefy-euro-moscovici/hszb3g> (accessed 2 May 2020).
21. Krotz U., Schild J. Back to the Future? Franco-German Bilateralism in Europe's Post-Brexit Union. *Journal of European Public Policy*, 2018, vol. 25, iss. 8, pp. 1174-1193. DOI: 10.1080/13501763.2018.1467951.
22. Lang K.-O. Die Visegrád-Staaten und der Brexit: im östlichen Mitteleuropa herrscht Sorge angesichts des britischen EU-Austritts. *SWP-Aktuell*, 2016, no. 53, pp. 1-4. URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/47800/ssoar-2016-lang-Die_Visegrad-Staaten_und_der_Brexit.pdf;jsessionid=287A729186FBD560B08CF269D575F6BB?sequence=1 (accessed 2 May 2020).
23. Lettre commune de m. Nicolas Sarkozy, Président de la République, et mme Angela Merkel, Chancelière de la République Fédérale d'Allemagne, adressée à m. Herman van Rompuy, Président du Conseil Européen, sur les mesures en faveur du renforcement de la zone euro, le 7 décembre 2011. 7 décembre 2011. URL: <https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2011/12/07/lettre-commune-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-et-mme-angela-merkel-chanceliere-de-la-republique-federale-dallemagne-adressee-a-m-herman-van-rompuy-president-du-conseil-europeen-sur-les-mesures-en-faveur-du-renforcement-de-la-zon> (accessed 2 May 2020).
24. Majone G. *Europe As the Would-Be WorldPower. The EU at Fifty*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 266 p.
25. Merkel, Sarkozy Outline Competitiveness Pact. URL: <https://www.politico.eu/article/merkel-sarkozy-outline-competitiveness-pact/> (accessed 2 May 2020).
26. Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community. A Liberal Intergovernmentalist Approach. *Journal of Common Market Studies*, 1993, no. 31 (4), pp. 473-524.
27. Mr Major's Speech in Leiden. 1994. Sep. 7. URL: <http://www.iohnmajor.co.uk/page1124.html> (accessed 2 May 2020).
28. Niemcy popierają Europę dwóch prędkości. URL: <http://www.newsweek.pl/swiat/europa-dwoch-predkosci,artykuly,406496,1.html> (accessed 2 May 2020).
29. Réformes de la zone euro: pourquoi la réunion entre Macron et Merkel à Berlin est cruciale. URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2018/04/19/reformes-de-la-zone-euro-pourquoi-la-reunion-entre-macron-et-merkel-a-berlin-est-cruciale_5287737_3214.html (accessed 2 May 2020).
30. Schimmelfennig F. The Choice for Differentiated Europe: An Intergovernmentalist Theoretical Framework. *Comparative European Politics*, 2019, February, pp. 176-191. DOI: 10.1057/s41295-019-00166-5.
31. Schmidt V. The Future of Differentiated Integration: A 'Soft-Core' Multi-Clustered Europe of Overlapping Policy Communities. *Comparative European Politics*, 2019, vol. 17, iss. 2, pp. 294-315. DOI: 10.1057/s41295-019-00164-7.
32. Stubb A. The 1996 Intergovernmental Conference and the Management of Flexible Integration. *Journal of European Public Policy*, 1997, no. 4 (1), pp. 37-55. DOI: 10.1080/135017697344226.
33. Stubb A. A Categorization of Differentiated Integration. *Journal of Common Market Studies*, 1996, no. 34 (2), pp. 283-295. DOI: 10.1111/j.1468-5965.1996.tb00573.x.
34. Stubb A. *Negotiating Flexibility in the European Union: Amsterdam, Nice and Beyond*. London, Palgrave MacMillan, 2002, XIV. 218 p. DOI: 10.1057/9781403907615.
35. Tosiek P. *Scenariusze rozwoju Unii Europejskiej w ujęciu liberalnej międzyrządowości. Integracja Europejska – Polska perspektywa*. Warszawa, Wydawnictwo sejmowe, 2018, pp. 283-303.
36. *Towards a Genuine Economic and Monetary Union. Report by President of the Why Nordic Countries are a Cornerstone of British Foreign Policy*. URL: <http://www.nouvelle-europe.eu/en/why-nordic-countries-are-cornerstone-british-foreign-policy> (accessed 2 May 2020).
37. Warleigh A. *Flexible Integration: Which Model for the European Union?* London, Sheffield Academic Press, 2002. 144 p.
38. Webber D. Trends in European Political (Dis)integration. An Analysis of Postfunctionalist and Other Explanations. *Journal of European Public Policy*, 2019, vol. 26, iss. 8: Special Issue: Re-Engaging Grand Theory: European Integration in the Twenty-First Century, pp. 1134-1152. DOI: 10.1080/13501763.2019.1576760.
39. Wilding P. *Stumbling Towards the Brexit. Britain, a Referendum and an Ever-Closer Reckoning*. URL: <https://blogactiv.eu/blog/2012/05/15/stumbling-towards-the-brexite/> (accessed 2 May 2020).

Information About the Author

Dmitriy V. Ofitserov-Belskiy, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Researcher, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Profsoyuznaya St, 23, 117997 Moscow, Russian Federation, DmitriyBelskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5892-9117>

Информация об авторе

Дмитрий Владимирович Офицеров-Бельский, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, ул. Профсоюзная, 23, 117997 г. Москва, Российская Федерация, DmitriyBelskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5892-9117>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.17>

UDC 930
LBC 63.2

Submitted: 05.08.2021
Accepted: 06.09.2021

TO THE STUDY OF THE HISTORICAL NARRATIVE OF PETER THE GREAT'S TIME. "SHESTVIA JOURNAL" IN THE FUNDS OF THE MANUSCRIPTS DEPARTMENT OF THE RNL¹

Alexey I. Alekseev

Russian National Library, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The "Shestvia (Procession) Journal" is one of the most common monuments of the historical narrative of the Peter the Great era. This monument has been published many times, but still does not have a scientific publication, and its handwritten tradition has practically not been studied. *Methods and materials.* This work examines the manuscripts of the "Shestvia Journal" in the funds of the Department of Manuscripts of the National Library of Russia. *Analysis.* The study of the literary "convoy" of historical collections about Peter the Great makes it possible to establish that the "Shestvia Journal" was assigned a strictly defined place in the narrative about the initial period of the reign of Peter the Great: in 42 collections it was directly connected with the texts of the "Notes" by A.A. Matveev, and only in eight lists had a separate existence. *Results.* Observations on the manuscripts of the "Shestvia Journal" held in the collections of the Manuscripts Department of the National Library of Russia allow us to hypothesize that the journal was created not as an independent work, but as part of a cycle of texts devoted to the early history of the reign of Peter the Great. This cycle, along with the magazine, included "The Legend of the Conception and Birth of... Emperor Peter the Great", as well as the work of Count A.A. Matveev on the rifle riots of 1682 and 1698.

Key words: the Great Embassy of Tsar Peter I, source study, textology, historical collections of Peter's time in the funds of the National Library of Russia, overseas travel journal.

Citation. Alekseev A.I. To the Study of the Historical Narrative of Peter the Great's Time. "Shestvia Journal" in the Funds of the Manuscripts Department of the RNL. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 217-224. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.17>

УДК 930
ББК 63.2

Дата поступления статьи: 05.08.2021
Дата принятия статьи: 06.09.2021

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ. «ЖУРНАЛ ШЕСТВИЯ» В ФОНДАХ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ РНБ¹

Алексей Иванович Алексеев

Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* «Журнал шествия» является одним из самых распространенных памятников исторического нарратива Петровской эпохи. Этот памятник многократно публиковался, но до сих пор не имеет научного издания, а его рукописная традиция практически не изучена. *Методы и материалы.* В дан-

ной работе рассматриваются рукописи «Журнала шествия» в фондах Отдела рукописей РНБ. *Анализ.* Изучение литературного «конвоя» исторических сборников о Петре Великом позволяет установить, что «Журналу шествия» было отведено строго определенное место в составе повествования о начальном периоде царствования Петра Великого: в 42 сборниках он был непосредственно связан с текстами «Записок» А.А. Матвеева и только в 8 списках имел отдельное бытование. «Журнал шествия» либо включается в текст «Записок» А.А. Матвеева, либо переписывается вслед за ними. В первом случае он образует вставку между рассказом о подготовке к великому посольству в марте 1697 г. и повествованием о бунте стрелецких полков в июне 1698 года. Наиболее распространенное наименование журнал получил по фразам из сочинения А.А. Матвеева: «Прежде упомянутого шествия». В 8 сборниках журнал входил в состав литературного «конвоя» к «Житию Петра Великого» Антонио Катиоро. *Результаты.* Наблюдения над рукописями «Журнала шествия», находящимися в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, позволяют высказать гипотезу, что журнал создавался скорее не как самостоятельное сочинение, а в качестве части цикла текстов, посвященных ранней истории царствования Петра Первого. В этот цикл наряду с журналом входили «Сказание о зачатии и рождении... императора Петра Первого», а также сочинение графа А.А. Матвеева о стрелецких бунтах 1682 и 1698 годов.

Ключевые слова: Великое посольство царя Петра I, источниковедение, текстология, исторические сборники Петровского времени в фондах РНБ, журнал заграничного путешествия.

Цитирование. Алексеев А. И. К изучению исторического нарратива петровского времени. «Журнал шествия» в фондах отдела рукописей РНБ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 217–224. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.17>

Введение. История Великого посольства царя Петра Великого в 1696–1697 гг. является одной из наиболее изученных тем. В числе источников по истории Великого посольства традиционно привлекается «Журнал Его Величества Петра Первого, императора и самодержца всероссийского, когда он своею высокою особою изволил ходить при свите посольской за море». По нашим наблюдениям, в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (далее – РНБ) 18 списков имеют указанное название либо именуются как «Журнал о походе его величества Петра Первого императора и самодержца всероссийского высочайшею своею особою при посольской свите за море в иностранные государства», либо «Копией с журналу». Реже встречается наименование: «Журнал его императорского величества в каких странах был и какие предивные вещи видел о них следующие». Более многочисленны списки того же текста под упрощенным заглавием «Журнал шествия». Нами отмечено, что в фондах Отдела рукописей РНБ 32 списка имеют указанное название. В дальнейшем будем именовать этот рассказ о Великом посольстве «Журналом шествия» (далее – «Журнал»). Впервые текст «Журнала» был введен в научный оборот в 1788 г. (то есть 233 года назад) и не менее девяти раз опубликован в Рос-

сии [5, с. 83–131; 6, с. 101–132; 7, с. 167–205; 8, с. 184–214; 9; 10, с. 163–184; 11, с. 111–127; 12, с. 126–156; 13, с. 126–156; 16, кн. 123, с. 32–69, кн. 124, с. 119–161].

Исследователи, обращавшиеся к изучению «Журнала», продемонстрировали удивительное упорство в игнорировании рукописной традиции бытования этого документа. Текст, как правило, публиковался по единственному, известному издателю, списку. На роль автора журнала были предложены Б.П. Шереметев, Ф.А., И.А. и И.М. Головины, Б.И. Куракин, А.М. Апраксин и И.Г. Головкин. Своего рода апогеем в стремлении достичь результата без обращения к рукописям «Журнала» стали работы Д.Ю. Гузевича [3, с. 406–446; 4]. Скрупулезно проанализировав маршрут путешествия автора журнала и сопоставив с ним факты из истории Великого посольства, Д.Ю. Гузевич пришел к выводу, что его автором является стольник Алексей Измайлов. Рассуждения и выводы Д.Ю. Гузевича являются чисто умозрительными спекуляциями, поскольку не опираются на результаты текстологического исследования памятника.

Методы и материалы. «Журнал» до сих пор не имеет научного издания, а его рукописная традиция практически не изучена. Между тем он является одним из самых распространенных памятников исторического

нарратива Петровской эпохи. Количество списков «Журнала» весьма велико. И.А. Вознесенская в фондах Библиотеки академии наук выявила 20 списков данного памятника [2, с. 151–163]. Нами было насчитано не менее 50 списков журнала, находящихся в фондах Отдела рукописей РНБ. Необходимость привлечения для исследования максимально возможного количества списков кажется вполне очевидной, ибо, по меткому выражению Д.С. Лихачева: «Исследования, оставляющие в стороне списки и тексты памятника при возможности их исследовать, обречены на поверхностность; они строятся на зыбкой и невыясненной почве, быстро устаревают и отягощают историографию изучения памятника общими рассуждениями, лишь затрудняющими будущих подлинных исследователей, которые хотели бы строить свои выводы на основательно добытом материале» [12, с. 99]. Установление точного количества списков журнала возможно только после исследования других архивохранилищ, но уже сейчас можно смело утверждать, что «Журнал» принадлежал к кругу излюбленного чтения в XVIII веке. Его охотно читали и переписывали представители самых разных социальных слоев русского общества в рукописных сборниках различного состава. Насущной задачей является установление текстологической традиции памятника, поскольку только этот путь позволит выяснить историю текста. Для исследования произведений, которые существуют во множестве списков, приоритетными являются текстологические методы, проверенные поколениями исследователей на материале древнерусской литературы. Важнейшее значение приобретает изучение явления, обозначенного Д.С. Лихачевым термином «конвой», под которым понимается «устойчивое сопровождение памятника, окружение, повторяющееся во многих списках» [12, с. 250].

Анализ. «Журнал» начинается с сообщения, датированного 11 мая, о выезде из Москвы и следовании через Клин, Тверь, Псков, до Нарвы, откуда морем путешественники достигают городов Германии и Голландии. Затем путешествие продолжается по Германии и Италии (с длительным пребыванием в Венеции), а заключительная часть маршрута включает следование через Берлин, Митаву и за-

вершается сообщением о прибытии в Ригу в марте 1698 года. Во всех просмотренных списках указание на авторство отсутствует, но все они помещаются в хронологический диапазон 1730–1800-х годов.

Прежде чем заниматься поиском автора, следовало бы определить, что представляет собой исследуемый нами памятник: является ли он авторским сочинением или компиляцией. И.А. Вознесенская полагает, что под видом «Журнала» до нас дошла компиляция, составленная из нескольких источников. В качестве некоторых из них исследователь указывает записки Б.П. Шереметева и П.А. Толстого [2, с. 155–159]. Целью авторов компиляции, по мнению И.А. Вознесенской, было стремление составителей сборников дополнить историю начального периода царствования Петра I рассказом о заграничном путешествии [2, с. 159]. Без выявления всего массива рукописей журнала и текстологического исследования претендовать на сколько-нибудь существенные результаты его изучения невозможно. Попытаемся представить предварительные итоги наблюдений над рукописями журнала в фондах Отдела рукописей РНБ.

Прежде всего обратим внимание на литературный «конвой» «Журнала» в исторических сборниках о Петре Великом. В первую очередь бросается в глаза устойчивая связь между текстом «Журнала», «Историей» графа А.А. Матвеева и сочинением под заглавием «Сказание о зачатии и рождении... императора Петра Первого», которое И.П. Сахаров приписал авторству П.Н. Крекшина [17; 18]. Тексты, приписываемые П.Н. Крекшину, вторая часть «Истории» А.А. Матвеева и упомянутый «Журнал» образуют своего рода литературную «триаду», объединяющую рассказы о рождении и воспитании Петра Великого, драматическое повествование А.А. Матвеева о пережитых ужасах стрелецкого восстания 1682 г., рассказ анонимного автора о заграничном путешествии 1697–1698 гг. и конечную часть сочинения А.А. Матвеева о расправе с восставшими стрельцами осенью 1698 года. При этом в 15 списках «Журнал» помещен внутри «Записок» А.А. Матвеева между сообщением об отправлении Великого Посольства в 1697 г. и сообщением о получении известий из Великих Луков о бунте стрель-

цов в июне 1698 года². Еще в 10 списках «Журнал» предваряет заключительную часть текста сочинения А.А. Матвеева с рассказом о бунте стрельцов летом 1698 года³. В 17 списках «Журнал» переписан сразу после «Записок» А.А. Матвеева⁴. В виде отдельной тетради (в переплете или без него) «Журнал» содержится в 8 списках⁵.

Как следует заключить из этих наблюдений, «Журналу» было отведено строго определенное место в составе повествования о начальном периоде царствования Петра Великого: в 42 сборниках он был непосредственно связан с текстами «Истории» А.А. Матвеева и только в 8 списках имел отдельное бытование. В 8 сборниках из этого числа журнал помещался или предварял «Житие Петра Великого» Антонио Катиоро. «Журнал» либо включается в текст «Записок» А.А. Матвеева, либо переписывается вслед за ним. В этом случае он образует вставку между рассказом о подготовке к великому посольству и повествованием о бунте стрельцких полков. В соответствующем месте «Записок» А.А. Матвеева сообщается об отъезде царя и дается наказ, оставленным в Москве Т.Н. Стрешневу, Ф.Ю. Ромодановскому и другим: «...чтобы в прилучившихся важных делах сносились и советовали со старыми тогда присутствующими в Москве бояры». А.А. Матвеев продолжает свое повествование рассказом о стрельцком бунте: «Того же лета в июне месяце по отлучении его царского величества с Великих Лук в Москву получена нижеписанная ведомость...». Между этими фразами неизвестный составитель и вмонтировал «Журнал». Наиболее распространенное наименование журнал получил по фразам из сочинения А.А. Матвеева: «Прежде упомянутого шествия» и т. д.

Следует признать, что компилятор, включая «Журнал» в текст «Записок» А.А. Матвеева, стремился сохранить логику повествования. В целом ему это удалось. После сообщения о том, что в отсутствие царя ведать государством были оставлены боярин Т.Н. Стрешнев с помощниками, рассказ о заграничном путешествии выглядел вполне логичным, если не принимать в расчет даты, которые в нем упоминаются. В «Журнале» в качестве даты отъезда указано 11 мая 1697 г., в

реальности же царь Петр в составе Великого посольства выехал из Москвы 9 марта 1697 года. Маршрут Великого посольства на начальном этапе с путем, описанным в «Журнале», также не совпадал. Но такие детали для читателей историй о Петровской эпохе уже в 1730–1750-е годы не были важны. Желательно было придерживаться логики занимательного повествования. Место для стыковки описания возвращения в Россию с заключительной частью «Записок» также было найдено удачно. В концовке «Журнала» сообщается о прибытии в Ригу, а матвеевский текст начинается с сообщения, полученного из Великих Лук о бунте четырех стрельцких полков.

Некоторые из многочисленных переписчиков постарались внести свой личный вклад в затирку образовавшихся текстологических швов. Одни из них перекинули логический мостик через тексты, вставив между конечной точкой «Журнала» Ригой и Великими Луками, упомянутыми в рассказе А.А. Матвеева, фразу: «а оттоле в». Получилось, что возвратившийся из заграничного путешествия царь поехал из Риги в Москву через Великие Луки. Другие переписчики дополнили концовку маршрута, от Риги продолжив его до Москвы: «Февраля 30 приехали в Нарву и тут обедали. Генваря 1 дня приехали в великия ко граду Пскову города через Тверь Клин в Москву»⁶. Легко убедиться, что перечень этих населенных пунктов заимствован из начальной части «Журнала» и перечислен в обратном порядке.

Отдельные переписчики проявили незаурядную эрудицию и способность к творческому осмыслению переписываемого материала. Один из них продолжил повествование «Журнала» рассказом об инциденте в Риге, который имел место в настоящей истории Великого посольства на начальном этапе⁷. «Рижскому инциденту», когда царь Петр подвергся оскорблению от губернатора Дальберга, придавалось большое значение [1, с. 39–40; 15, с. 144–145, 181]. Н.И. Павленко указывал: «Среди вопросов межгосударственных отношений, которые обсуждались на конференциях, одной из самых существенных тем была претензия русской стороны по поводу встречи великого посольства в Риге» [14, с. 132].

Результаты. Наблюдения над рукописями «Журнала», находящимися в фондах Отдела рукописей РНБ, позволяют высказать предположение о том, что журнал создавался скорее не как самостоятельное сочинение, а в качестве части цикла текстов, посвященных ранней истории царствования Петра Первого. В этот цикл наряду с журналом входили «Сказание о зачатии и рождении... императора Петра Первого», сочинение графа А.А. Матвеева о стрелецких бунтах 1682 и 1698 годов.

Изучение рукописной традиции «Журнала», выявление его списков в библиотеках и архивах, а также работа по определению его литературных источников позволят установить основные факты текстологической истории памятника и, может быть, тогда удастся поставить вопрос об авторстве одного из самых популярных текстов по начальной истории царствования Петра Великого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42025/20 «Петровская эпоха в материалах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки».

The article was prepared with the financial support of a grant from the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-09-42025 / 20 "Peter's era in the materials of the Department of Manuscripts of the Russian National Library".

² РНБ. Собрание М.П. Погодина. № 1718. Л. 44–54 (без окончания, заканчивается описанием дворца курфюрста в Берлине); 1719. Л. 54–85 (без окончания, заканчивается описанием дворца курфюрста в Берлине); 1724. Л. 69–98; 1726. Л. 80 об. – 117 об.; основное собрание рукописной книги (ОСРК). Ф. IV.13. Л. 66 об. – 96 об.; Ф. IV.51. Л. 40 об. – 47 об.; Q. IV. 246. Л. 98–146 об.; Собрание общества любителей древней письменности (ОЛДП) № Q. 685. Л. 39 об. – 71; Q. 750. Л. 50–71; Новое собрание рукописной книги (НСРК). Ф. 30. Л. 45 об. – 71; Собрание князя П.П. Вяземского. Ф. 35. Л. 46 об. – 59 об.; Собрание Колобова. № 73. Л. 68–99 об.; Собрание А.А. Титова. № 1192. Л. 37–58; 1374. Л. 56 об. – 78; 3679. Л. 34–40 об.

³ РНБ. Ф. 683. Семевский М. И. № 15. Л. 1–20 об.; ОСРК. Ф. IV. 60/1. Л. 30 об. – 46 об.; Ф. IV. 471. Л. 201–217; Ф. IV. 472. Л. 104–123 об.; Ф. IV. 573. Л. 230–256; ОЛДП. Ф. 19. Л. 52–65 об.; Ф. 118. Л. 57 об. – 66

(фрагменты журнала); Л. 74–95 (полный текст); Ф. 195. Л. 119–141 об.; Ф. 367. Л. 254–274 об.; Собрание А.А. Титова. № 1647. Л. 1–44.

⁴ РНБ. Собрание Михайловского. Q. 385. Л. 92–122 об.; Собрание М. П. Погодина № 1721. Л. 69–85 об.; 1723. Л. 100–148 об.; 1733. Л. 74–93 об.; 1736. Л. 115–120; (кончается на описании Флоренции); ОСРК. Ф. IV.50. Л. 90–121 об.; Q. IV. 178. Л. 130–176; Собрание СПбДА. А.П. 203. Л. 44–56 об. Журнал шествия (первая часть утрачена, вырваны листы); Собрание А. А. Титова. № 162. Л. 60 об. – 90 об.; 171. Л. 231–250; 495. Л. 106–145; 1770. Л. 103–140; Собрание Михайловского. Ф. 217. Л. 72–93 (Л. 93–94. Оригинальное окончание с описанием инцидента в Риге в начале Великого посольства); ОЛДП. Q. 65. Л. 168–198; Ф. 359. Собрание Колобова. № 656. Л. 92–123 об.; Собрание СПбДА. А. П. 216. Л. 78–109 об.; Ф. 1000. Собрание отдельных поступлений. Опись 4. Ед. хр. 3. Л. 53–71 об.

⁵ РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1737. Л. 1–60; ОСРК. Q. IV. 22. Л. 1–28 об.; Q. IV. 116. Л. 1–41 об.; Q. IV. 448. Л. 1–20 (Окончание: «Того ж числа приехали в Ригу. Февраля 30 приехали в Нарву и тут обедали. Генваря 1 дня приехали в великия ко граду Пскову города через Тверь Клин в Москву»); ОЛДП. Q. 691/3. Л. 1–16; (кончается на описании Венеции); Q. 822. Л. 1–23; НСРК. Q. 104. Л. 1–36; Q. 109. Л. 33–49.

⁶ РНБ. ОСРК. Q. IV. 448. Л. 20.

⁷ РНБ. Собрание Михайловского. Ф. 217. Л. 93–94. Переписчик другой рукописи резюмировал: «И хотя тогда его царское величество будучи в пути своем как бунтующих стрельцов своих как и шведского рижского губернатора Дальберта в обиде его и посольства его не без печали находился, однакож со всеильною помощию защитителя своего Бога правды содержателя, а злодейству их отмстителя благодарным великодушнем 1699 году в Москву прибыл благополучно и презрительно от всего синглита» (РНБ. ОЛДП. Ф. 118. Л. 94 об. – 95).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богословский, М. М. Петр I : Материалы к биографии. В 5 т. Т. 2 / М. М. Богословский. – М. : ОГИЗ – СОЦЭКГИЗ, 1941. – 624 с.

2. Вознесенская, И. А. «Журнал о шествии в европейские края» в рукописной традиции XVIII в. (по рукописям из собрания БАН) / И. А. Вознесенская // Двенадцатые Загребинские чтения : Коллекции рукописных книг в современном мире: хранение и изучение : сб. ст. по итогам междунар. науч. конф. (5–6 октября 2017 г.). – СПб. : Российская национальная библиотека, 2018. – С. 151–163.

3. Гузевич, Д. Ю. Великое посольство : Рубеж эпох, или Начало пути, 1697–1698 / Д. Ю. Гузевич,

И. Д. Гузевич. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. – 696 с.

4. Гузевич, Д. Путевые заметки Великой особы (1697–1699). Критическая история публикаций и проблема авторства / Д. Гузевич. – Саарбрюккен : Lambert Academic Publishing, 2012. – 224 с.

5. Журнал, веденный одним из чиновников посольства, отправленного императором Петром Великим к разным европейским государствам // Московский вестник. – 1831. – Ч. 6. – С. 83–131.

6. Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697–1699 гг., веденный состоявшим при великом посольстве русском, к владельцем разных стран Европы / сообщ. и примеч. И. Ф. Горбунова // Русская старина. – 1879. – Т. 25, № 5. – С. 101–132.

7. Журнал его императорского величества государя Петра Первого. Дневник участника русского посольства в страны Западной Европы в конце XVII века // Источники по истории русского языка / публ., коммент. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1976. – С. 167–205.

8. Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697–1699 гг., веденный состоявшим при посольстве русском, к владельцам разных стран Европы // Россия и Запад : Горизонты взаимопонимания: литературные источники первой четверти XVIII в. Вып. 1 / Н. Д. Блудилина. – М. : Наследие, 2000. – С. 184–214.

9. Записная книжка любопытных замечаний великой особы, странствовавшей под именем дворянина российского посольства в 1697 и 1698 году. – М. : Тип. Богдановича, 1788. – 50 с.

10. Записки неизвестной особы о путешествии по Германии, Голландии и Италии // Записки русских путешественников XVI–XVII веков / сост., подгот. текстов, коммент. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной. – М. : Советская Россия, 1988. – С. 163–184.

11. Копия с Журналу его величества Петра Первого, императора и самодержца всероссийского, когда он своею высокою особою изволил ходить при свите посольской за море в 1697 году // Отечественные записки. – 1848. – Т. 57, № 4. – С. 111–127.

12. Лихачев, Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков / Д. С. Лихачев. – Л. : Наука, 1983. – 640 с.

13. Материалы для истории Петра Великого : Журнал како шествие было его величества, государя Петра Великого / доставлено князем Вл. К-вым // Отечественные записки. – 1846. – Т. 47, № 8. – С. 126–156.

14. Павленко, Н. И. Петр Великий / Н. И. Павленко. – М. : Мысль, 1994. – 592 с.

15. Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1 (1688–1701). – СПб. : Государственная типография, 1887. – 998 с.

16. Путевые записки, веденные самим государем Петром Великим, во время путешествия 1697–1698 гг., по чужим краям, под именем дворянина российского посольства // Отечественные записки. 1830 (июль – август). – Кн. 123, ч. 43. – С. 32–69 ; Кн. 124. – С. 119–161.

17. Сахаров, И. П. Записки русских людей : События времен Петра Великого / И. П. Сахаров. – СПб. : Тип. И. Сахарова, 1841. – 512 с.

18. Сказание о рождении, о воспитании и наречении на всероссийский царский престол его царского пресветлаго величества государя Петра Первого, находящееся в библиотеке его сиятельства графа Петра Борисовича Шереметева, изданное библиотекарем Васильем Вороблевским / изд. В. Вороблевский. – М. : Тип. Пономарева, 1787. – 68 с.

REFERENCES

1. Bogoslovsky M.M. *Petr I: Materialy k biografii. V 5 t. T. 2* [Peter I: Materials to the Biography. In 5 vols. Vol. 2]. Moscow, OGIZ – SOTSEKGIZ, 1941. 624 p.

2. Voznesenskaya I.A. «Zhurnal o shestvi v yevropeyskiye kraia» v rukopisnoy traditsii XVIII v. (po rukopisyam iz sobraniya BAN) [“Magazine About the March to European Lands” in the Handwritten Tradition of the 18th Century (Based on Manuscripts from the BAN Collection)]. *Dvenadcatye Zagrebinskie chteniya: Kollekcii rukopisnykh knig v sovremennom mire: hranenie i izuchenie: sb. st. po itogam mezhdunar. nauch. konf. (5–6 oktyabrya 2017 g.)* [Twelfth Zagreb Readings. Collections of Handwritten Books in the Modern World: Storage and Research. Collection of Articles Based on the Results of the International Scientific Conference (October 5–6, 2017)]. Saint Petersburg, Rossiiskaya natsionalnaya biblioteka, 2018, pp. 151–163.

3. Guzevich D.Yu., Guzevich I.D. *Velikoye posol'stvo: Rubezh epokh, ili Nachalo puti, 1697–1698* [The Great Embassy: The Edge of Epochs, or the Beginning of the Path, 1697–1698]. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2008. 696 p.

4. Guzevich D. *Putevyye zametki Velikoy osoby (1697–1699). Kriticheskaya istoriya publikatsiy i problema avtorstva* [Travel Notes of the Great Person (1697–1699). Critical Publication History and the Problem of Authorship]. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing Publ., 2012. 224 p.

5. Zhurnal, vedenny odnim iz chinovnikov posol'stva, otpravlennogo imperatorom Petrom Velikim k raznym yevropeyskim gosudarstvam [Journal Kept by one of the Officials of the Embassy, Sent by Emperor Peter the Great to Different European States]. *Moskovskij vestnik* [Moscow Bulletin], 1831, pt. 6, pp. 83–131.

6. Zhurnal puteshestviya po Germanii, Gollandii i Italii v 1697–1699 gg., vedennyi sostoyavshim pri velikom posol'stve russkom, k vladetelem raznykh stran Yevropy [Journal of a Trip to Germany, Holland and Italy in 1697–1699 Kept by a Russian at the Great Embassy, to the Ruler of Various European Countries]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 1879, vol. 25, no. 5, pp. 101-132.

7. Zhurnal yego imperatorskogo velichestva gosudarya Petra Pervogo. Dnevnik uchastnika russkogo posol'stva v strany Zapadnoy Yevropy v kontse XVII veka [Journal of His Imperial Majesty Tsar Peter the Great. Diary of a Participant in the Russian Embassy to Western Europe at the End of the 17th Century]. Kotkov S.I. *Istochniki po istorii russkogo yazyka* [Sources on the History of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 167-205.

8. Bludilina N.D. Zhurnal puteshestviya po Germanii, Gollandii i Italii v 1697–1699 gg., vedennyi sostoyavshim pri posol'stve russkom, k vladetelyam raznykh stran Yevropy [Journal of Travels in Germany, Holland and Italy in 1697–1699 Kept by a Russian at the Embassy, to the Rulers of Different Countries of Europe]. *Rossiya i Zapad: Gorizonty vzaimoponimaniya: literaturnye istochniki pervoy chetverti VIII v. Yyp. 1.* [Russia and the West: Horizons of Mutual Understanding: Literary Sources of the First Quarter of the 18th Century. Iss. 1]. Moscow, Nasledie Publ., 2000, pp. 184-214.

9. *Zapisnaya knizhka lyubopytnykh zamechaniy velikoy osoby, stranstvovavshey pod imenom dvoryanina rossiyskogo posol'stva v 1697 i 1698 godu* [Notebook of Curious Remarks of a Great Person Who Wandered Under the Name of a Nobleman of the Russian Embassy in 1697 and 1698]. Moscow, Tipografiya Bogdanovicha, 1788. 50 p.

10. Prokofiev N.I., Alekhina L.I. Zapiski neizvestnoy osoby o puteshestvii po Germanii, Gollandii i Italii [Notes of an Unknown Person About a Trip to Germany, Holland and Italy]. *Zapiski russkikh puteshestvennikov XVI–XVII vekov* [Notes of Russian Travelers of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1988, pp. 163-184.

11. Kopia s Zhurnala yego velichestva Petra Pervogo, imperatora i samodержitsa vs Rossiyskogo, kogda on svoeyu vysokoyu osoboyu izvolil khodit' pri svite posol'skoy za more v 1697 godu [A Copy

from the Journal of His Majesty Peter the Great, Emperor and Autocrat of All-Russia, When he Deigned to Walk with the Ambassadorial Retinue Across the Sea in 1697]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 1848, vol. 57, no. 4, pp. 111-127.

12. Lihachev D.S. *Tekstologiya. Na materiale russkoj literatury X–XVII vekov* [Textology. Based on the Materials of the Russian Literature of the 10th – 17th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 640 p.

13. Materialy dlya istorii Petra Velikogo: Zhurnal kako shestviye bylo yego velichestva, gosudarya Petra Velikogo [Materials for the history of Peter the Great: Journal of How the Procession Was of His Majesty, Tsar Peter the Great]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 1846, vol. 47, no. 8, pp. 126-156.

14. Pavlenko N.I. *Petr Velikiy* [Peter the Great]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 592 p.

15. *Pis'ma i bumagi Petra Velikogo. T. 1 (1688–1701)* [Letters and Papers of Peter the Great. Vol. 1 (1688–1701)]. Saint Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1887. 998 p.

16. Putevye zapiski, vedennye samim gosudarem Petrom Velikim, vo vremya puteshestviya 1697–1698 gg., po chuzhim krayam, pod imenom dvoryanina rossiyskogo posol'stva [Travel Notes, Written by Tsar Peter the Great Himself, During His Trip in 1697–1698, in Foreign Lands, Under the Name of a Nobleman of the Russian Embassy]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 1830, pt. 43, book 123, pp. 32-69; book 124, pp. 119-161.

17. Sakharov I.P. *Zapiski russkikh lyudey. Sobytiya vremen Petra Velikogo* [Notes of Russian People. Events of the Times of Peter the Great]. Saint Petersburg, Tipografiya I. Sakharova Publ., 1841. 512 p.

18. *Skazaniye o rozhdenii, o vospitanii i narechenii na vs Rossiyskiy tsarskiy prestol yego tsarskago presvetlago velichestva gosudarya Petra Pervogo, nakhodyashcheyesya v biblioteke yego siyatel'stva grafa Petra Borisovicha Sheremeteva, izdannoye bibliotekarem Vasil'yem Voroblevskim* [The Tale of the Birth, Upbringing and Naming of the All-Russian Royal Throne of his Royal Blessed Majesty Tsar Peter Pervogo, Located in the Library of His Excellency Count Pyotr Borisovich Sheremetev, Published by Librarian Vasily Voroblevsky]. Moscow, Tipografiya Ponomareva, 1787. 58 p.

Information About the Author

Alexey I. Alekseev, Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Manuscripts, Russian National Library, Sadovaya St, 18, 191069 Saint Petersburg, Russian Federation, a.alekseev@nlr.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4372-516X>

Информация об авторе

Алексей Иванович Алексеев, доктор исторических наук, заведующий Отделом рукописей, Российская национальная библиотека, ул. Садовая, 18, 191069 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.alekseev@nlr.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4372-516X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.18>

UDC 32.001(47+57:73)“1850”

LBC 66.1(0)5-8

Submitted: 08.12.2020

Accepted: 27.01.2021

DEBATES ABOUT RUSSIA, AMERICA, AND NEW WORLD ORDER: FOUR BOOKS FROM THE 1850s

Ivan I. Kurilla

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The first major crisis of the international relations system founded in Vienna after Napoleonic wars emerged with the series of European revolutions of 1848–1849 and Crimean War of 1853–1856. Not only diplomatic alliances required to be re-evaluated, but also politicians and thinkers challenged the philosophical foundations of the world order. As Russia was the guarantor of the old system, and the United States appeared as an attractive model for the European revolutionaries, the debate on the new world order involved re-assessment of the two countries respective roles and of their future relations. *Methods and materials.* The article examines books on the subject written during 1850s by four prominent thinkers: American aspiring politician Henry Winter Davis, Russian diplomat Alexei Evstafiev, Polish émigré and American journalist Adam Gurowski and Russian political émigré Ivan Golovin. *Analysis.* They provided four different visions of the future of the world, and, while never mentioning each other, produced a polyphonic sound of the important debate on the eve of the American Civil War. *Results.* Bipolarity of the international system predicted by Davis became a fact only a century later, while criticism and praise to American role as a model and an intervening power in European affairs became a constant feature of any subsequent debate.

Key words: Russian-American relations, Adam Gurowski, Henry Winter Davis, Ivan Golovin, Aleksei Evstafiev, European revolutions of 1848–1849, debate on changing the world order.

Citation. Kurilla I.I. Debates About Russia, America, and New World Order: Four Books from the 1850s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 225–231. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.18>

УДК 32.001(47+57:73)“1850”

ББК 66.1(0)5-8

Дата поступления статьи: 08.12.2020

Дата принятия статьи: 27.01.2021

ДЕБАТЫ О РОССИИ, АМЕРИКЕ И НОВОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ: ЧЕТЫРЕ КНИГИ ИЗ 1850-х ГОДОВ

Иван Иванович Курилла *

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Первым крупным кризисом Венской системы международных отношений стали европейские революции 1848–1849 гг. и Крымская война 1853–1856 годов. Его ход потребовал не только изменения состава дипломатических союзов, но и переосмысления идейных основ мирового порядка. Россия, как гарант старой системы, и Соединенные Штаты Америки, как страна, ставшая привлекательным примером для европейских революционеров, оказались в центре дебатов о новом мировом порядке. Их будущая роль и взаимные отношения потребовали переоценки. В статье рассмотрены книги, написанные в 1850-х гг. четырьмя известными интеллектуалами: начинающим американским политиком Генри Уинтером Дэвисом, русским дипломатом Алексеем Евстафьевым, польским эмигрантом и американским журналистом Адамом Гуровским и русским политическим эмигрантом Иваном Головиным. Они предложили четыре взгляда на будущее мира, и хотя они ни разу не упомянули друг друга, представили полифонию важных дебатов о мировом порядке, состоявшихся накануне американской Гражданской войны. Биполярность международных отношений, предсказанная Дэви-

* Включен в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации.

сом, стала фактом только спустя столетие, а критика и прославление роли Америки как модели и как интервента в европейских делах стали с того момента постоянной частью дебатов о международных отношениях.

Ключевые слова: российско-американские отношения, Адам Гуровский, Генри Уинтер Дэвис, Иван Головин, Алексей Евстафьев, Европейские революции 1848–1849 гг., дебаты о меняющемся мировом порядке.

Цитирование. Курилла И. И. Дебаты о России, Америке и новом мировом порядке: четыре книги из 1850-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 225–231. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.18>

Introduction. Every international system change meant not only reshuffling of the composition of leading powers or state borders moving; it also included the change of the set of reference, the language describing the main principles of the system. Search for a new explanatory model followed debates in each country but also between diplomats and intellectuals of different nations. In our own times, when the world once again faces the need of a new international relations language, it seems justified to turn to the study of the debates during the first crisis of the European concert, or the Vienna system in the middle of the 19th Century. Many arguments and philosophies emerged there were rejected by the decision-makers of that epoch, but some of them would be returned and used decades later. This article will address the debate that took place on the pages of four books written by American and Russians of different origin and occupations in the 1850s.

European Revolutions of 1848–49 and Crimean War of 1853–56 exposed the crisis of the Vienna system based on the legitimist philosophy and Holy Alliance as its guarantor. Radical thinkers inspired by revolutionary wave offered new ideas to replace those fundamentals. The respective international roles of Russian Empire as a protector of legitimist monarchies and of the United States of America whose political system suddenly turned to be a model and template for the European revolutionaries, fell into the center of this rethinking.

As a result of that intellectual work new ways to comprehend international politics emerged. Thus, in the United States politicians united in the “Young America” group attacked the legitimist system in Europe, offering instead democratic sovereignty and nations’ rights. That philosophy led to the discursive assault on the Holy Alliance and Russian Empire as an institute and the country cementing the old order. US press

published articles criticizing Russia for its role in suppressing Magyar rebellion of 1849; soon the first book on the US – Russian relations appeared in print, its author Henry Winter Davies described two countries as natural antagonists. Such a position did not stay unanswered. Russian consul in New York City Alexei Evstafiev, Polish émigré Pan-Slavist Adam Gurowski and Russian émigré Ivan Golovin each wrote a book on Russia or the United States suggesting alternative views on the future of two countries and their relations.

Russian diplomat attacked American democracy as a principle and US export of democracy to Europe. Polish intellectual, following Mikhail Bakunin’s ideas, suggested Nicholas I in 1848 to get rid of the Holy Alliance and get support from the Slavic people thus shaping first Pan-Slavic dreams [3, p. 147]. Russian émigré also criticized American political system for its flaws and predicted imminent breakup of the Union but hoped it will clean itself from the worst problems and emerge as a new model for Europe.

So, from different sides and with variant directions American and Russian intellectuals attempted to fill the vacuum of ideas in the sphere of international relations, find place in the system for both countries and predict the character of the relations between them in the new era.

Methods. Russian-American relations in the middle of the 19th Century were subject of the monographs published by US historian Norman E. Saul [21], and Russian scholars Nikolai N. Bolkhovitinov [1; 2] and Valerii N. Ponomarev [2; 8]. The author of this article has also published a book on that period. However, no scholar has focused his or her research on the essence of the debates about Russia and America that happened in the 1850s. Four authors of the books written during that decade got unequal share of interest from historians. Thus, Aleksei Evstafiev’s career was researched by Leo Wiener [27], Valeri

Ponomarev [9], Susan Smith-Peter [23], and in my own articles [5; 19]. Adam Gurowski was a subject of many publications in Poland, and a book-length English-language biography by LeRoy Fischer [14] plus informative article in Russian by Henryk Głębocki [3]. Ivan Golovin attracted less attention, even though Alexander Herzen devoted to him special chapter in his famous book [7]. The most interesting analysis of an American chapter of Golovin's life was provided by Max M. Laserson in his classic book [20, pp. 155-161]. Other publications include rather superficial article by T.M. Koloskov [4] (who later defended a dissertation about Golovin) and articles by V. Slivovskaya [10; 22]. Finally, Henry Winter Davis's activity in Congress on the eve and during Civil War were researched in many texts on the origins of Radical Reconstruction; his earlier biography was studied by Bernard C. Steiner [24] and Gerald S. Henig [17]. Nevertheless, their books that I aim to compare in this article got merely tangential attention in the previous scholarship and were never considered within the same context of changing set of references in international relations. My approach to the study is based on constructivist methods of historical inquiry, with its focus on perceptions and identity-building as represented in the texts written with the authors' hopes to influence international relations.

Analysis. In the first half of the 19th century, Americans frequently compared the U.S. political system, way of life or culture to the English or French models. When they needed an example of a society that was the absolute opposite of their own, they used the Russian Empire. In the spring of 1848, as the Senate discussed the territorial acquisitions that had resulted from the Mexican War, Senator Daniel Webster cited Russia as a country whose example the United States could not emulate: "Russia may rule in the *Ukraine* and the provinces of the *Caucasus* and Kamtschatka by different codes, ordinances, or ukases. We can do no such thing". In other words, the United States could not extend its Constitution to the alien population of the new territories [25, p. 568]. For the democratic United States, the Russian Empire was a political model opposed to its own, one that was gradually becoming a significant Other for American democratic identity.

The early aftermath of the European revolutions of 1848–1849 provided the first

opportunity for Americans to amend their self-identification to reflect the new importance of their republican model for the Old World. This seemed to call for radical change to Russia's image in American political debates and journalists' depictions, especially those of journalists agitated by exiled Hungarian leader Kossuth's tour in the United States in 1851–1852. Thus, several magazines of the era published negative reviews of an American journalist George L. Ditson's book about his Caucasian travels. The reviewers accused the author of being biased toward Russia and therefore failing to recognize that, as the *New Englander and Yale Review* put it, the Circassians were "fighting for their lives and their freedom". In a revealing manner, the reviewer used American analogues to explain Russian realities: "By the treaty of Adrianople in 1829 Turkey ceded to Russia all the littoral of the Black Sea; which is very much as if Mexico should cede to the United States Cuba or Porto Rico" [11, pp. 107-108]. Whereas Ditson in his book compared the Circassians to American Indians, calling the Russian advance in the Caucasus a "civilizing" move, an author writing in the *US Democratic Review* doubted the Russian civilizing mission and compared the people of the Caucasus to "the followers of Leonidas at Thermopylae" [12, pp. 301-304]. Thus, the very same events were judged in opposite ways in American publications simply because different analogies were used.

Many democratic and nationalist European revolutionaries considered the US the model for their constitutional projects. Thus, the new generation of American politicians dreamed of revolutionizing the international order to position the model democratic republic as the leading state rather than a mere survivor within the existing world system based on legitimacy and monarchical rule. As Russia was the main guarantor of the Vienna system of international relations, created after the Napoleonic wars, it could not escape becoming a major target. The polarization of views on the philosophy of international relations in the 1850s is well demonstrated by several books written and published in the United States that aimed to challenge Alexis de Tocqueville's prophecy that Russia and the United States were destined to master half the world each.

In 1854, George N. Sanders, the former editor of the *US Democratic Review* and one of

the Young America leaders, who was now the U.S. consul in London, invited exiled revolutionaries to dine at his house. Russia was represented by Alexander Herzen, who perspicaciously linked the “idea of giving a diplomatic dinner to the enemies of all existing governments” to the Americans’ belief that they sent ambassadors “not to kings but to peoples” [18, p. 478].

The most comprehensive framework that would have revolutionized the international system in that period came in a book published by a young Whig politician, Henry Winter Davis, in 1852. Titled *The War of Ormuzd and Ahriman in the Nineteenth Century*, it became, in a historical irony, the first book devoted to U.S.-Russian relations and one of the first American books on international relations. The structure of the book explained the author’s idea: from the history of the Holy Alliance created in Vienna, he proceeded to the sequence of “revolts against the Holy conspirators” in 1830 and 1848–1849, then continued by contrasting “American and English liberty” with “Russian Dictatorship”. The last chapter was devoted to “The American Republic and the Last War of Freedom and Despotism” that would eventually erupt [13]. Davis later would become a Congressman from the Know Nothing-influenced American Party and a Radical Republican during the Civil War.

This short but sharp surge in anti-Russian sentiment among Americans, and the general tendency to replace fundamentals of international relations with new doctrines forced the senior Russian Consul General in New York, Alexei Evstafiev (who had proved himself an efficient propagandist 40 years earlier, during the War of 1812), to write a monograph criticizing the U.S. political system and the country’s foreign policy. Evstafiev completed his book *The Great Republic Tested by the Touch of Truth* in May 1852: although it was never published and thus did not influence the public in either country, it skillfully summarized the Russian view of American democracy.

Evstafiev presented a comparison between “one of the extremes, the popular American Republic” and “its antipodal Russian Despotism”. The Russian diplomat considered the main question of his time: “Whether monarchies combine against republics, or republics are sworn to destroy all monarchies”. Russian diplomat

asked whether American democracy was “a heavenly nurse and protectress of the rights and happiness of man” or “a bright *ignis fatuus*, enticing millions to perdition, ...a willful bigot sparing none opposing to her, ... and sowing where she can the Dragon-teeth of Revolution” [28, pp. 5-6]. He pounced on the United States and on Americans, criticizing the attitude that would later become known as American exceptionalism, and was especially indignant about the American belief “that nothing anti-republican has any value, that no good, physical or moral, can spring from the soil of monarchy”, reminding Americans of the irony of “their own doctrine that, in all respect, a negro slave is better off, much better, than the negro in a state of freedom!!” [28, pp. 5-7]. Evstafiev paid special attention to the menace of American spread of democracy in Europe, thus not only reacting to the new doctrine of popular sovereignty but anticipating Russian fears from future centuries: “It is quite clear, that, if it depends on their will, no choice but to join in the worship of their Jaggernaut, or to be crushed beneath its ponderous wheels, will be left to the nations of the Earth!” [28, p. 10].

At the time when Russian diplomat put in question the democratic proselytism of Americans, Mikhail Bakunin addressed Emperor Nicholas from Peter and Pavel fortress jail urging him to abandon Holy Alliance principles. Polish émigré from Russia Adam Gurowski also propagated this change of Imperial foreign policy. In 1848, he suggested to turn from Holy Alliance to Slavic nations of Europe as Russian main allies thus shaping early Pan-Slavic ideas [3, p. 147].

After disappointment in Russian tsar’s ability to lead Slavic race, Gurowski moved to the United States and further developed his views on the Russia’s role. They still provided new vision of the future of international relations in Europe. In his book *Russia As It Is*, published at the beginning of Crimean War (1854), Adam Gurowski challenged Tocqueville’s comparison of the two countries, arguing that there were no similarities between Russia and America beyond their collective geographic vastness. Instead, Gurowski insisted that “Russia is saddled by despotism [while] America initiates history and humanity into a new era – which a century ago was looked on as an Utopia – constructing a social order on the foundations of equality and liberty” [16, pp. 261-262].

We should pay some attention to Count Gurowski and his ideas to understand his role in the debates. In his young years, Polish intellectual was close to Francois Marie Charles Fourier, a French socialist. After participating in the Polish rebellion, Gurowski got disappointed in the Polish national movement and promoted panslavist ideas with Russian Empire uniting all Slavic peoples. In the 1840s he, however, emigrated again, while keeping his faith in the global role of the Russian people instead of Russian tsar. At that point Gurowski developed his understanding of a Russian peasant community as a nucleus of democracy and socialism, thus making Russian future much closer to the American visions.

Gurowski's articles and book on Russia offered American readers very different view of the future Russian-American relations. He aimed at the central point of the recent debates: "For some time Russia has more and more attracted general attention. This mighty colossus, overtopping Europe and Asia, is for many but a dark cavern filled with demoniac forces, which, let loose, are to extinguish light, engulf civilization, and stop the onward progress of the European world, spreading over it all the plagues and curses of darkness... I shall try to give an insight into the heart, the life and the muscles of this political giant" [16, p. iii].

The main hope for the better future, the hope that should alter an image of menacing Empire was Russian people. According to Gurowski, "beyond the Autocracy there exists in Russia a people with a destiny reaching beyond the temporary darkness enveloping it, which is caused by successive exigencies rather than by everlasting historical laws. Not the ruling power or the existing government, not the superior strata of society, contain the promise of the future. The people alone is its bearer; the people, the present lower classes, however behind-hand and uncivilized they may now appear" [16, p. viii].

Gurowski ended preface to his book with an attempt to combine American vision of the future democracy, socialist hopes of the just society and his own ideas of Pan-Slavic brotherhood: "The social organization, the institutions of America, raise her into the higher regions of humanity. How long will it be before Europe follows in the wake of her younger sister? Europe must still traverse many crises ere she

shall free herself from the mental and political fetters forged by centuries as long as the past of the whole race. In this struggle the special group of the Slavic family must necessarily act its part. The present book aims to show how in the future, the Slavi may harmonize with the eternal laws of nature and the general destinies of mankind. All the European races and nations, which for centuries stood prominent in history, in bloody struggles, have tried their hands to establish social freedom and harmony. Hitherto their efforts have been unsuccessful. It may be, that the Slavi, who come the last, who have suffered and suffer the most, will give a more propitious lift to this great work, – which heretofore, as regards Europe, has been like the task of Tantalus" [16, p. xiv]. Adam Gurowski became an influential figure in American antebellum debates; his image of the Russian peasant community as a nucleus of a future "town-meeting system, like that of New England" captured such prominent American reformer as Theodore Parker [26, pp. 80-81].

Another émigré, revolutionary activist Ivan Golovin, took somehow opposite approach, making an attack on America in his *Stars and Stripes* (1856). He denounced European "panegyrist of American democracy" and insisted "that unlimited competition, unbounded love of material interests, are not fit to resolve the questions pending in our age". Praising America as an open field for social experiments (and describing the socialist commune Icaria and even Mormons as a kind of socialist community), Golovin caustically addressed the political principles upon which the United States was built: "democracy is developing the material instincts of man at the expense of his intellect and morality; <...> and that honour and intellect being in minority with man, the government of the majority is that of dishonesty and stupidity" [15, pp. 7, 113].

Even more interesting is Golovin's direct mention of the new role the United States was vested by the European revolutionaries, that of the leader of a new democratic world order: "For goodness sake, no intervention at such a distance, unless unavoidably compelled, – exclaimed Golovin. – They find in Europe much difficulty in keeping up revolutions made by patriots, how could they save those made by foreigners, or helped by them? They have already crushed too many republics, let us save at least that one of

the New World. Old Europe makes me despair of her fate, let us save at least the stars and stripes – ‘Who would be free, themselves must strike the blow’” [15, p. 223]. Golovin turned also to an American side of the “democracy promotion” criticizing Americans for their ignorance: “Foreign chancellors ought not to expect better proceedings than the Yankees are in the habit of resorting to. However, the stronger is the prediction to propagate the American principles in Europe. The best government is that which lays in the interest of the greatest number – granted, but if the majority will destroy every good, beautiful, or great things – shall the minority submit? Thus I will return to Europe, Arkansas or Alabama having, for me, not the interest of Mold-Wallachia or Greece” [15, p. 224].

Golovin here seemed to follow Evstafiev’s criticism of the United States; however, he did not attack American democracy. Contrary to that, Golovin insisted that there was no real democracy in America: “The United States are pursuing a wrong way in their politics and murals, falsely interpreting their destination, and losing sight of the principles which presided at their formation. While European thinkers, led into error by the panegyrists of American democracy, consider the institutions of the United States as a perfect model, deeper philosophers, already judging of the tree after its fruit, think that unlimited competition, unbounded love of material interests, are not fit to resolve the questions pending in our age” [15, p. vii]. Golovin, however, used America as a “dark double” of Russia when he wrote a book about “Russian Uncle Tome”, applying Harriett Beecher-Stowe’s social criticism to Russian serfdom [6, p. 39].

Results. Four books published during the crisis of European concert in the mid-19th century provided different recipes for amending international relations. Davis suggested introduction of a bipolar vision shaped by dichotomy between autocracy and democracy, represented by Russia and the United States. Evstafiev defended existing order blaming American republic for spreading “dragon teeth of revolutions”. Gurowski hoped that Russia will lead Slavic nations and peasant communes become nucleus of democracy thus making mighty Slavic union an improved edition of the United States. Golovin also criticized American republic for corruption of its own principles but

expressed concerns that more active participation in the European affairs would harm the United States and may even lead to the collapse of the young republic.

In the mid-1850s, increased domestic tensions combined with the collapse of the post-Napoleonic world order hurt the Russian Empire, the United States, and European stability and started a process of reevaluating fundamentals of the international relations. The writing and publication of books in the field that we would now call comparative politics was a new phenomenon. It reflected the fact that both American and Russian society perceived approaching crises; the books’ content also foreshadowed the bipolar vision of the world.

REFERENCES

1. Bolkhovitinov N.N. *Russko-amerikanskie otnosheniia i prodazha Aliaski: 1834–1867* [Russian-American Relations and the Sale of Alaska, 1834–1867]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 368 p.
2. Bolkhovitinov N.N., Ponomarev V.N. *Amerikanskie vrachi v Krymskoi voine* [American Surgeons in the Crimean War]. *SShA – Ekonomika. Politika. Ideologiya*, 1980, no. 6 (June), pp. 63–69.
3. Glembotskii Khenrik. Graf Adam Gurovskii (1805–1866) i missiia Rossiiskoi imperii: Metamorfozy politicheskogo radikalizma [Count Adam Gurowski (1805–1866) and the Mission of Russian Empire: Metamorphoses of Political Radicalism]. *Ab Imperio*, 2009, no. 2, pp. 131–154.
4. Koloskov T.M. I.G. Golovin – borets protiv samoderzhaviia i krepostnichestva [I.G. Golovin – Fighter Against Autocracy and Serfdom]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Ekonomika, filologia*, 1963, no. 6, pp. 97–100.
5. Kurilla I. «Velikaia respublika, proveriaemaia prikosnoveniem istiny»: Aleksei Evstafiev i pervyi opyt rossiiskoi kontrpropagandy v SShA [“The Great Republic Tested by the Touch of Truth”: Aleksei Evstafiev and the First Russian Counter-Propaganda Effort in the USA]. Kurilla I.I., ed. *Americana. Vyp. 14. Strany Severnoi Ameriki i voina*. Volgograd, Izdatelstvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014, pp. 313–325.
6. Lemke M.K. Emigrant Ivan Golovin (Po neizdannym materialam) [Emigrant Ivan Golovin (Based on Unpublished Materials)]. *Byloe*, 1907, no. 5/17, pp. 24–53.
7. Neizdannaiia glava iz «Bylogo i dum» A.I. Gertsena [Unpublished Chapter from “My Past and Thoughts” by A.I. Herzen]. *Byloe*, 1907, no. 5/17, pp. 1–23.

8. Ponomarev V.N. *Krymskaia voina i russko-amerikanskii otnosheniia* [Crimean War and Russian-American Relations]. Moscow, Institut Rossiiskoi istorii RAN, 1993. 232 p.
9. Ponomarev V.N. Polveka za okeanom: rossiiskii diplomat i literator Aleksei Evstafiev [Half a Century Overseas: Russian Diplomat and Literary Man Aleksei Evstafiev]. *Amerikanskii ezhegodnik*, 1990. Moscow, Nauka, 1991, pp. 191-205.
10. Slivovskaia V. Ivan Golovin v emigratsii i ego polskie svyazi (40–50-e gody XIX v.). [Ivan Golovin in Emigration and His Polish Connections (40-50s of the 19th Century)]. *Issledovaniia po istorii polskogo obshchestvennogo dvizheniia. XIX – nachala XX v.* Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 265-290.
11. Caucasus. *New Englander and Yale Review*. 1851 (February), vol. 9, no. 33, pp. 88-109.
12. Circassia and the Caucasus. *United States Magazine and Democratic Review*, 1852 (October), vol. 31, no. 172, pp. 301-304.
13. Davis H.W. *The War of Ormuzd and Ahriman in the Nineteenth Century*. Baltimore, James S. Waters, 1852, VIII. 450 p.
14. Fischer LeRoy H. *Lincoln's gadfly, Adam Gurowski*. Norman, University of Oklahoma Press, 1964. 301 p.
15. Golovin I. *Stars and Stripes, or American Impressions*. London, New York, 1856, VIII. 312 p.
16. Gurowski A. *Russia As It Is*. New York, 1854, XVI. 312 p.
17. Henig G.S. *Henry Winter Davis: Antebellum and Civil War Congressman From Maryland*. Boston, Twayne, 1973. 332 p.
18. Herzen A. *My Past and Thoughts*. Berkeley, University of California Press, 1982. 684 p.
19. Kurilla I. "Russian Celebrations" and American Debates About Russia in 1813. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, 2016, vol. 44, no. 1, pp. 114-123.
20. Laserson Max M. *The American Impact on Russia: Diplomatic and Ideological. 1784–1917*. New York, The Macmillan Co., 1950. 441 p.
21. Saul N.E. *Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867*. Lawrence (Kan.), University Press of Kansas, 1991. 448 p.
22. Sliwowska W. Un Émigré Russe En France: Ivan Golovine. 1816–1890. *Cahiers du Monde Russe*, 1970, no. 11-2, pp. 221-243.
23. Smith-Peter S. The Russian Federalist Papers: Aleksei Evstaf'ev, the War of 1812, and Russian-American Relations. Whisenhunt W.B., Saul N.E., eds. *New Perspectives on Russian-American Relations*. New York, Routledge, 2016, pp. 20-35.
24. Steiner B.C. *Life of Henry Winter Davis*. Baltimore, John Murphy, 1916. 416 p.
25. Webster D. Objects of the Mexican War. *The Great Speeches and Orations of Daniel Webster*. Boston, Little, Brown and Company, 1889. 707 p.
26. White A.D. *Autobiography of Andrew Dickson White*. New York, The Century Co, 1922, vol. 1, XXII. 601 p.
27. Wiener L. The First Russian Consul at Boston. *Russian Review*, 1916, April, vol. 1, no 3, pp. 131-140.
28. Yevstafiev A.G. The Great Republic Tested by the Touch of Truth (Manuscript). *New York Public Library. Manuscripts and Archives Division. Aleksyei Grigoryevich Yevstafiev Papers, 1814–1852*.

Information About the Author

Ivan I. Kurilla, Doctor of Sciences (History), Professor, Faculty of Political Science, European University at Saint Petersburg, Gagarinskaya St, 6/1 A, 191187 Saint Petersburg, Russian Federation, ikurilla@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7144-2007>

Информация об авторе

Иван Иванович Курилла, доктор исторических наук, профессор факультета политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 6/1 лит. А, 191187 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ikurilla@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7144-2007>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.19>

UDC 930.2

LBC 63.3(2)6-3+8

Submitted: 31.08.2020

Accepted: 11.10.2020

G.A. GERASIMENKO: BREAKS OF FATE AND CREATIVITY OF THE HISTORIAN

Petr S. Kabytov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Nadezhda N. Kabytova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Ekaterina P. Barinova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Currently, interest in studying the creative heritage of prominent Russian historians has increased significantly, the formation of conceptual views of which took place under the conditions of the dominance of the Marxist-Leninist methodology. Such researchers include Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor Grigory Alekseevich Gerasimenko. His scientific heritage is widely and highly appreciated by specialists. *Methods and materials.* The fate and scientific work of the scientist was recreated on the basis of the works published by him, reviews of them, attraction of memoirs, bibliographic reference books and some documentary materials on the basis of which his works were created. In this article, on the basis of the anthropological method, the problems of scientific research by G.A. Gerasimenko at different periods of his life and work are analyzed; the principles and methods of research practices of the scientist are considered. *Analysis.* The first stage of scientific and pedagogical activity of the scientist is connected with the Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, where he studied, then taught at the Faculty of History and created his scientific works. They present observations and conclusions about the party-political struggle in the councils of workers' and soldiers' deputies of the Volga region; on the basis of mass historical sources, the forms and methods of organizing peasant committees in 1917 were shown, the dynamics of their social composition were revealed. These definitions conditioned the historian's contribution to the study of the topical issues of the Great Russian Revolution. The article shows the expansion of the chronological and territorial framework of research by G.A. Gerasimenko during the Moscow period of his scientific activity. He turned to identifying the prerequisites for radical actions of peasants, revealed the causes of conflicts between the people and the authorities, and outlined the positions of public organizations during the revolution. *Results.* Analyzing the work of the historian, the authors revealed traditions and innovations in his work, noted new methodological techniques and historiographic plots in the scientist's creative laboratory.

Key words: historical science, G.A. Gerasimenko, councils, committees, zemstvos, commissars of the Provisional Government, establishment of Soviet power, methodology and methods of research.

Citation. Kabytov P.S., Kabytova N.N., Barinova E.P. G.A. Gerasimenko: Breaks of Fate and Creativity of the Historian. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 232-244. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.19>

УДК 930.2
ББК 63.3(2)6-3+8

Дата поступления статьи: 31.08.2020
Дата принятия статьи: 11.10.2020

Г.А. ГЕРАСИМЕНКО: ИЗЛОМЫ СУДЬБЫ И ТВОРЧЕСТВА ИСТОРИКА

Петр Серафимович Кабытов

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

Надежда Николаевна Кабытова

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

Екатерина Петровна Баринава

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время существенно возрос интерес к изучению творческого наследия видных российских историков, формирование концептуальных взглядов которых происходило в условиях господства марксистско-ленинской методологии. К числу таких исследователей относится Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор Григорий Алексеевич Герасименко. Его научное наследие обширно и высоко оценено специалистами. Судьба и научное творчество ученого воссозданы на основе опубликованных им произведений, рецензий на них, привлеченных воспоминаний, библиографических справочников и некоторых документальных материалов, на базе которых создавались его труды. В данной статье на основе антропологического метода анализируется проблематика научных изысканий Г.А. Герасименко в разные периоды его жизни и творчества; рассматриваются принципы и методы исследовательских практик ученого. Первый этап научно-педагогической деятельности ученого связан с Саратовским государственным университетом имени Н.Г. Чернышевского, где он учился, затем преподавал на историческом факультете и создавал свои научные труды. В них представлены наблюдения и выводы о партийно-политической борьбе в советах рабочих и солдатских депутатов Поволжья; на основе массовых исторических источников показаны формы и методы организации крестьянских комитетов в 1917 г., выявлена динамика их социального состава. Эти определения обусловили вклад историка в изучение актуальной проблематики Великой российской революции. В статье показано расширение хронологических и территориальных рамок исследований Г.А. Герасименко в московский период его научной деятельности. Он обратился к выявлению предпосылок радикальных действий крестьян, выявил причины конфликтов между народом и властью, обозначил позиции общественных организаций в ходе революции. Выявляя традиции и новации в творчестве историка, авторы отметили его обращение к историографическим и методологическим проблемам. *Вклад авторов:* П.С. Кабытов осуществил общий замысел статьи и аналитическую обработку текста, рассмотрел саратовский период жизни и деятельности Г.А. Герасименко; Н.Н. Кабытова сформулировала концептуальные положения, характеризующие вклад ученого в изучение деятельности земств, комитетов, губернских и уездных комиссаров Временного правительства; Е.П. Баринава проанализировала эволюцию взглядов Г.А. Герасименко в московский период научного творчества, составила библиографический список.

Ключевые слова: историческая наука, Г.А. Герасименко, советы, комитеты, земства, комиссары Временного правительства, установление советской власти, методология и методы исследования.

Цитирование. Кабытов П. С., Кабытова Н. Н., Баринава Е. П. Г.А. Герасименко: изломы судьбы и творчества историка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 232–244. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.19>

Введение. В 2021 г. исполняется 90 лет со дня рождения видного российского историка, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук,

профессора Григория Алексеевича Герасименко. В его жизни и научно-педагогической деятельности отразились все важнейшие события новейшей отечественной истории. Они

оказали мощное воздействие на формирование мировоззрения историка. Неуемная энергия, целеустремленность, настойчивость и инициатива позволили ему внести значительный вклад в изучение истории Великой российской революции. Г.А. Герасименко прожил яркую жизнь, в которой были крутые повороты, но он всегда успешно преодолевал встречавшиеся на его пути препятствия. Он был истинный трудолюбивый: кропотливо изучал научные труды предшественников, неумоимо работал в центральных и региональных архивах, выявил огромный массив информационного материала о революционных событиях в периодических изданиях за 1917 год.

До недавнего времени жизни и творческому пути Г.А. Герасименко было посвящено всего несколько скупых строчек в энциклопедии Саратовского края и Большой биографической энциклопедии. Некоторые труды историка стали объектом анализа в рецензиях и историографических обзорах [19; 24; 29; 30]. Лишь после его безвременной кончины появились исследования, в которых были воссозданы вехи жизненного пути [21], основные этапы научно-педагогической деятельности [22; 23], реконструирована творческая лаборатория ученого [20]. Однако вклад Г.А. Герасименко в разработку проблем социально-политической истории России эпохи войн и революции начала XX века представлен недостаточно.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы оценить вклад Г.А. Герасименко в разработку теоретико-методологических и конкретно-исторических сюжетов, освещающих разнообразную проблематику Великой российской революции. Для этого сформулированы следующие задачи: 1) рассмотреть проблематику сочинений автора; 2) показать эволюцию его взглядов; 3) выявить исследовательские методы и принципы историка. Научное наследие историка составляет источниковую базу данной статьи. Оно включает более 100 трудов, из них 18 монографий и множество статей, в которых были поставлены и исследованы актуальные вопросы, характеризующие специфику российского революционизма. Сформулированные задачи решаются последовательно на основе анализа научных трудов Г.А. Герасименко в саратовский и московский периоды его жизни.

Методы и материалы. Методологические принципы изучения революции имеют особое значение для выявления ее характера, движущих сил и результатов. Анализируя вклад Г.А. Герасименко в рассмотрение комплексной проблемы – Великая российская революция – авторы использовали приемы и процедуры, позволяющие решить поставленные задачи. В качестве базового был выделен принцип историзма, позволяющий изучить творческий путь ученого в конкретно-историческом контексте. При этом учитывались многофакторные процессы объективного и субъективного свойства: социально-экономическое, идейно-политическое, психологическое состояние общества, в котором жил и творил историк. В связи с этим определяющим стал культурно-антропологический подход, на основе которого были реконструированы в динамике ценностные установки, пронизывающие жизнь и творчество Г.А. Герасименко. Названные принципы определили исследовательские методы: дискретный (был применен для отображения особенностей жизненного пути историка); компаративный (использовался для выявления сходства и различий между методологическими принципами в историографии советского и постсоветского периодов); историко-биографический (предполагающий воссоздание биографии Г.А. Герасименко на фоне реконструкции типичного жизненного пути ученого в области гуманитарных наук); социопсихологический анализ (применялся как вспомогательный – для объяснения поведенческой практики ученого в меняющихся обстоятельствах общественного и личного характера).

Анализ. Григорий Алексеевич Герасименко (19.08.1931–13.08.2005) родился в крестьянской семье на Дальнем Востоке. По окончании средней школы он приобрел первый педагогический опыт преподавания в Климовской сельской школе, а затем, после обучения в Челябинском летном училище, принимал участие в военном конфликте 1950–1953 гг. на Корейском полуострове. После демобилизации по ранению из рядов Советской армии связал свою судьбу с Саратовским государственным университетом, где с 1954 г. он последовательно был студентом, аспирантом, ассистентом, доцентом, профессором, деканом исторического факультета.

Саратовский период. Его кандидатская диссертация была посвящена рассмотрению особенностей установления советской власти в губерниях и уездных центрах через призму партийно-политической борьбы в советах Нижнего Поволжья [11; 13]. Методология его исследования соответствовала официальным постулатам советских историков, стремившихся доказать наличие союза рабочего класса и беднейшего крестьянства под руководством большевиков, победивших в революции. Изучение процесса возникновения и деятельности советов тесно связывалось с такими критериями: численность промышленных пролетариев в губернских и уездных центрах, наличие и активность большевистских организаций в губернских городах, отдельных групп большевиков и их представителей в сельской местности.

Все эти вопросы находились в центре внимания Поволжского регионального объединения Научного совета АН СССР по проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция», которое в 1967 г. подготовило коллективную монографию [28]. В сборе необходимых материалов оказывали помощь авторам и редколлегии многие ученые, среди которых был Г.А. Герасименко [11, с. 14].

Расширяя источниковую базу своих исследований, Г.А. Герасименко подчеркивал роль солдат в процессе создания и функционирования советов. Он выделял размежевание политических сил в офицерской и солдатской среде, которое завершилось созданием самостоятельных советов солдатских депутатов. Детально рассмотрев процесс их создания и показав особенности слияния их с советами солдатских депутатов, исследователь отметил успешную тактику большевиков, оттеснивших на второй план меньшевиков и эсеров [13], что явилось решающим фактором в процессе установлении советской власти.

Работая в областных архивах Нижнего Поволжья, Г.А. Герасименко обнаружил массив опросных листов, в которых содержалась обширная информация о времени создания волостных советов и их деятельности. Всего им был выявлен 231 документ, которые были подготовлены к V губернскому крестьянскому съезду. Изучив эти материалы, он высоко

оценил их информативную значимость для реконструкции процесса создания Советов крестьянских депутатов [6, с. 50]. Одновременно в докторской диссертации, Г.А. Герасименко сформулировал новую задачу: установить социальный состав сельского населения в низовых советах 1917 г. и выявить, как он изменился к лету 1918 г. [10, с. 33].

В результате нового прочтения массовых источников историк показал масштабы и направленность выступлений крестьян против помещиков, частных владельцев и землеустроенных крестьян. В центре его внимания оказались также земельные комитеты, которые, по мнению исследователя, внесли организующее начало в массовое крестьянское движение [10, с. 164]. В отличие от предшественников Г.А. Герасименко по-новому подошел к участию солдат в организации протестных выступлений в деревне. Он отметил, что если летом 1917 г. низовые крестьянские организации брали на учет помещичьи хозяйства и составляли описи имущества, то осенью стало увеличиваться число разгромов и разграблений частновладельческих владений [10, с. 172, 175]. В освещении процесса создания волостных земств в Нижнем Поволжье автор придерживался традиционных подходов. Он считал, что на смену низовым крестьянским организациям «пришли антидемократические, в основной массе кулацкие, правозсеровские волостные земские управы, которые своей консервативной, охранительной деятельностью оттолкнули от себя трудовое крестьянство, тем самым лишились его доверия и поддержки и ослабили организующее начало в крестьянском движении» [10, с. 213]. Заметим, кстати, что с формальной точки зрения земства были демократичнее комитетов. Таким образом, в монографии Г.А. Герасименко был поставлен и в значительной степени по-новому решен комплекс проблем, возникших в ходе аграрной революции. Он стремился на основе анализа массовых источников показать роль низовых крестьянских организаций. Эта монография была высоко оценена научной общественностью и в 1978 г. опубликована в США [32].

В 1970-е гг., возвращаясь к истории советов, Г.А. Герасименко развивает концептуальные положения, характеризующие их место и

роль в революции. В совместной с Ф.А. Рашитовым монографии он рассмотрел методы борьбы советов за государственную власть [15]. В обозначенной работе раскрывается своеобразие установления советской власти не только в губернских, но и в уездных городах. Авторы обращают внимание на необходимость изучения способов организации волостных и сельских советов. Различные аспекты партийно-политической борьбы в советах всегда привлекали исследователей. Для характеристики эволюции программных установок и тактики политических партий в революции в работе Г.А. Герасименко и Д.С. Точный использовали многофакторный подход [16]. В своей совместной монографии они обобщили локальные исследования, характеризующие особенности установления советской власти в Поволжье. Конечно, и здесь авторы остались верны трактовкам официальной советской историографии, но громадный фактический материал невольно побуждал исследователей к изменению парадигмы революционного процесса в России.

Изыскания Г.А. Герасименко о месте и роли советов в 1917 г. были хорошо фундированы, отличались новизной в постановке проблемных вопросов. В научном сообществе он был признанным специалистом. Рассматривая эволюцию советов от общественных объединений революционных потоков до органов власти, Г.А. Герасименко обратил внимание на генетическую связь советов рабочих и солдатских депутатов с низовыми крестьянскими комитетами. Новая книга В.В. Васькина и Г.А. Герасименко была посвящена истокам зарождения инициативных общественных объединений в ходе Февральского революционного переворота [3]. Реконструируя процесс ликвидации коронной администрации, авторы выявили роль солдат тыловых гарнизонов, прямо или опосредованно влиявших на ход революции не только в столице, но и в провинции [3, с. 37]. Они показали их участие в общедемократическом процессе: организации профсоюзов и фабзавкомов, разработке положения о милиции, введении на предприятиях восьмичасового рабочего дня и создания на них примирительных камер [3, с. 107]. В данной работе описаны три формы выборов волостных исполнительных комитетов: 1) избра-

ние представителей на сельских сходах; 2) формирование их состава из членов сельских комитетов; 3) выборы депутатов на волостном сходе [3, с. 165].

Развивая проблему участия крестьян в революции, Г.А. Герасименко логично ставит задачу определить их роль в создании советского государственного аппарата на сельском уровне. Вместе со своим учеником В.П. Семьяниновым он обращается к рассмотрению важнейшей проблемы – социализации советской власти в крестьянской среде [14]. В ходе многочисленных дискуссий о характере и движущих силах революции данная проблематика имеет особое значение – выяснить, решался ли вопрос о том, какие категории крестьян поддерживали советскую власть и почему? В монографии Г.А. Герасименко и В.П. Семьянинова впервые предпринята попытка на конкретно-историческом материале Поволжья, отличавшегося многонациональным составом населения и различным уровнем развития капитализма в деревне, рассмотреть социальный состав и характер деятельности низовых крестьянских советов первого созыва, определить их место и роль в новой государственной системе. В своих наблюдениях и выводах авторы опираются прежде всего на первичные документы советов (анкеты, опросные листы, протоколы, отчеты ответственных работников и агитаторов), многие из которых вводились в научный оборот впервые. Обработка массовых источников позволила им аргументированно решить вопрос о социальном составе и характере деятельности низовых советов крестьянских депутатов в Поволжье. Авторы подчеркнули заинтересованность всех категорий крестьян в создании советов. Отмечая негативное отношение земств к советской власти, авторы солидаризировались с ленинской оценкой их буржуазной сущности [14, с. 20].

Г.А. Герасименко и В.П. Семьянинов уточнили время массового создания волостных советов в губерниях Поволжья (ими выявлены сроки создания 830 волостных советов) [14, с. 60], анализируя при этом особенности социально-экономического развития региона, деятельность большевистских организаций, позиции эсеров. При всем многообразии структурных подразделений и норм представительства в советах, отмечают ав-

торы, в целом низовой аппарат советской власти мог вполне квалифицированно осуществлять политические, административно-хозяйственные, культурно-просветительные функции [14, с. 77]. Это утверждение основано на избирательном подходе к историческим источникам. Управленческая деятельность волисполкомов была неэффективной из-за низкоквалифицированных кадров и ошибок центрального руководства.

Подробно анализируется в монографии участие волостных Советов в аграрных преобразованиях. Авторы выделяли две стадии в процессе ликвидации имений. На первой, когда этим занимались земельные комитеты и земства, в дележе могли участвовать все жители, предпочтение беднякам не отдавалось, поэтому большая часть имущества досталась зажиточным. На второй стадии распределение помещичьего имущества в Поволжье взяли в свои руки советы, которые прежде всего учитывали интересы бедняков и середняков. В исследовании утверждается, что в ходе перераспределения земель позиции сельской буржуазии оказались подорванными, по капиталистическим отношениям в деревне был нанесен сильный удар. Невольно авторы признали разрушительный характер политики советской власти в деревне. Рассматривая принципы формирования отрядов сельской Красной гвардии, авторы сами себе противоречат. С одной стороны, они заявляют, что данные формирования создавались для защиты советской власти от помещиков и буржуазии, а с другой утверждают, что они создавались там, где чаще всего вспыхивали кулацкие мятежи и где уезды подвергались нападению казачьих банд. Заметим, что никакие помещики и капиталисты в крестьянских восстаниях не участвовали. В книге предпринята попытка выявить причины неудач в продовольственной политике советской власти первой половины 1918 года. Однако объективные и субъективные обстоятельства здесь не разграничены. Не выявлены принципы и методы руководства низовыми советами со стороны большевистских организаций. Почти отсутствуют сведения о создании и деятельности сельских советов.

Московский период. Новый этап в жизни, преподавательской и научной деятельности

Г.А. Герасименко начался с переездом в Москву. В 1980–2005 гг. он трудился в Высшей комсомольской школе, затем в Академии общественных наук, где заведовал кафедрами истории. Существенно расширились проблематика и территориальные границы его исследований. Он опубликовал серию статей в академических журналах «Вопросы истории» и «История СССР» (позднее последний стал именоваться «Отечественная история»; в настоящее время – «Российская история»).

В период перестройки усилились дезинтеграционные процессы в СССР. Г.А. Герасименко совместно с профессорами О. Обичкиным и Б. Поповым написал статью в газету «Правда», в которой был дан анализ пьесы М. Шатрова «Дальше, дальше, дальше...». Григорий Алексеевич, как истинный гражданин и патриот своей страны, отстаивал идеи содружества наций и народностей в едином Советском государстве.

Как известно, во второй половине 1980-х гг. советская историческая наука переживала кризис. О причинах этого явления и о ситуации, сложившейся на историческом фронте в советский период, Г.А. Герасименко попытался рассказать в статье «Без вины виноватые», которая была опубликована в «Литературной газете» в ноябре 1989 года. Автор призвал к консолидации писателей и историков, наивно полагая, что совместные усилия интеллектуальной элиты помогут преодолеть идеологический тупик и коллапс в исторических изысканиях [4].

В московский период жизни и творчества у Г.А. Герасименко появились новые коммуникативные практики. Он активно включился в деятельность ведущих научных школ, исследовавших предпосылки, специфику, результаты и последствия Великой российской революции. Неограниченные возможности работать в центральных государственных архивах он использовал для пополнения источниковой базы, расширяя диапазон проблематики своих научных изысканий. Участвуя в дискуссиях о характере аграрного строя в России начала XX века, Г.А. Герасименко обратил внимание на односторонне представленные в историографии способы и методы социализации аграрной политики самодержавия. Его новая монография, в которой раскрывались формы

и методы противодействия крестьян столыпинской земельной реформе, была опубликована издательством Саратовского университета в 1985 г. [5]. В отличие от прежних исследований, которые имели региональный характер, в данной работе анализировалось крестьянское движение в губерниях Европейской России.

Г.А. Герасименко проделал огромную работу по изучению документальных публикаций, а затем по выявлению огромного массива архивных документов, материалов центральных и региональных периодических изданий. Это исследование появилось на сломе двух эпох. С одной стороны, в советской историографии доминировали принципы и методы марксистско-ленинской методологии, а с другой, явно наметились новые подходы в изучении аграрной истории России. В данном исследовании нашли отражение обе тенденции. Так, автор монографии, вслед за многими советскими историками, утверждал, что аграрная политика царизма провалилась [5, с. 341]. Он традиционно считал, что она привела к дальнейшему обезземеливанию и разорению крестьян [5, с. 324], отмечал обострение социальных противоречий внутри крестьянства, заявляя о наличии второй социальной войны в деревне [5, с. 5]. Однако это были реалии революции, а не реформаторского процесса. Анонсируя анализ оппозиционных настроений в деревне в связи с принятием указа 9 ноября 1906 г., сам же автор заявлял о том, что нет точных статистических данных об оппозиционных настроениях в обществе [5, с. 29].

Рассматривая роль властных структур в проведении реформы, Г.А. Герасименко показал отношение крестьян к землеустроительным комиссиям, раскрыл формы противодействия крестьян проведению в жизнь новой имперской аграрной политики. Ярко и эмоционально выглядит воссозданная историком картина, которая дает представление о взаимоотношениях общинников и выделенцев. В работе показано, какие приемы и методы использовали сельские сходы, пытались спасти крестьянский мир от разрушения, конкретными примерами подтвержден тезис об обострении противоречий между общинниками и выделенцами [5, с. 252]. Научную значимость

не потерял и вывод Герасименко о том, что покидая общину, отрубщики и хуторяне теряли возможность влиять на решения сельских сходов и волостных собраний [5, с. 333]. Это подталкивало П.А. Столыпина к инициированию введения в Российской империи института волостного земства. Данная идея не нашла поддержки в Госсовете, но пользовалась популярностью в либеральных общественных кругах. К числу несомненных достоинств проделанной Г.А. Герасименко работы следует также отнести скрупулезный подсчет количества крестьянских выступлений, что позволило представить реальные масштабы протестных акций в ходе реализации реформы. В конечном итоге он пришел к выводу о том, что большинство сельского населения по инерции продолжало видеть в общине защитника своих интересов и отстаивать традиционный образ жизни.

Анализируя региональные аспекты революционных событий, Г.А. Герасименко обратил внимание на специфику институциональных коллизий в российской провинции. Для этого он обратился к проблеме эволюции земских учреждений и специфике их деятельности в революционных условиях. Анализируя исследования дореволюционных российских историков, оценивая выводы американских русистов [34], Г.А. Герасименко отметил своеобразную конвергенцию их взглядов на земства как на внеклассовые структуры управления. В связи с этим, вполне в русле советской историографии, он стремился развенчать сложившийся стереотип об идеальной модели земского самоуправления. Характеристика дореволюционного земства понадобилась ему для обоснования концептуального вывода о неэффективности земской модели управления в системе власти на местах. Определяя место земств в революции, он заметил, что в ходе «перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую земства являлись серьезной политической силой... выше становился накал классовой борьбы... острее становилась борьба за власть на местах» [7, с. 4]. Исследование места и роли земств в революции было попыткой выйти за пределы марксистско-ленинских ограничительных установок. Автор отмечает, что «без воссоздания истории земских учреждений картина рас-

пространения советской власти по стране останется односторонней, неполной», – отметил автор [7, с. 4]. Данная монография основательно фундирована. Она основана на документах не только центральных, но и областных государственных архивов, материалах периодической печати. Весьма ценным являлось использование в работе эго-документов, авторами которых были рабочие, крестьяне и солдаты. «Именно они придают колорит эпохе и заслуживают особого доверия», – подчеркнул исследователь [7, с. 51].

Вопросы о причинах краха земских учреждений в России являются дискуссионными среди историков, правоведов и политологов. Американский исследователь У. Розенберг считал, что земства рухнули из-за темноты, невежества и консерватизма крестьян, их враждебности к либерально-конституционным преобразованиям [33]. Г.А. Герасименко еще по инерции полагал, что главная причина краха земского самоуправления заключалась в его буржуазном характере, не изменившимся и после реформы Временного правительства. По его утверждению борьба между советами и органами местного самоуправления непосредственно отражала противоборство рабочего класса и крестьянства с буржуазией [7, с. 166]. Одновременно он доказывал, что земства в 1917 г. активно демократизировали свой состав [7, с. 166]. Подобного рода противоречия способствовали расширению проблематики в изучении специфики революционных событий на местах, рассмотрению властных альтернатив в 1917 г. [25]. Некоторые авторы в условиях постсоветского безвременья стали обвинять большевиков в разрушении земских учреждений [26]. Авторы данной статьи разделяют точку зрения японского исследователя Кимитака Мацузато, который считает, что механизм разрушения земства запустило Временное правительство, сделав его своим адептом [27]. Истина как всегда не в полярных оценках явления. Оно объясняется комплексом объективных и субъективных обстоятельств.

Детально изучив деятельность советов, общественных исполнительных комитетов, низовых крестьянских организаций, земских учреждений, Г.А. Герасименко – вдумчивый и скрупулезный ученый – вполне логично об-

ратил внимание на необходимость выявить роль официальных властных структур на местах. Административное управление Временное правительство осуществляло через губернских и уездных комиссаров. Этот институт длительное время специально не рассматривался: в отечественной историографии – по идеологическим соображениям, а в зарубежной – из-за ограниченности источниковой базы. Две новые книги Г.А. Герасименко, вышедшие в постсоветский период, были посвящены особенностям государственного строительства в 1917 г., взаимоотношениям власти и общества в условиях революции. Вопросы демократизации власти, формирования гражданского общества были рассмотрены им на примере формирования и деятельности общественных исполнительных комитетов в 1917 г. [12]. Вслед за этим он исследовал формы и методы социализации временной власти, отметив ее неспособность решать насущные требования революционных потоков [9].

Размышления Г.А. Герасименко о характере временной власти в революционной России привели к необходимости изучения политических лидеров в революции. Группа исследователей – М.И. Басманов, Г.А. Герасименко и К.В. Гусев – обратились прежде всего к характеристике лидера либерально-демократических преобразований А.Ф. Керенского [1]. Г.А. Герасименко в книге принадлежат главы, описывающие поведенческие практики сначала министра юстиции, а затем премьер-министра Временного правительства. Образно и ярко автор показал восхождение Керенского на властный олимп, его истеричные метания в условиях нарастающего кризиса, интуицию и изворотливость в противоборстве сначала с правой, затем с левой оппозициями. Сюжеты, характеризующие судьбу революционера-февралиста, показали, как непродуманные преобразования различных «спасителей Отечества» лишь провоцируют очередную смуту в России. Выдающийся русский историк М.М. Богословский заметил, что подобного рода политики из обожаемых публикой демагогов быстро теряют доверие масс, обычно забываются, а то и проклинаются [2, с. 453]. Жаль, что подобные политики способствуют распаду великой державы.

На рубеже XX–XXI вв. Г.А. Герасименко обратился к методологическим основам дореволюционной российской историографии. На наш взгляд этот поворот объясняется глобальным пересмотром концептуальных воззрений в отечественной исторической науке. Принципы и методы исследований знаменитых российских историков не забывались советскими авторами, которые меняли лишь теоретическое обоснование своих выводов. В связи с этим Г.А. Герасименко надеялся в перспективе преодолеть эти противоречия при дальнейшем изучении многогранной проблематики Великой российской революции. Он издал два учебных пособия по историографии [8] и философским основам российской исторической науки [17]. Расширяя диапазон своих исследований, Григорий Алексеевич одновременно принимал участие в подготовке и издании коллективной монографии о судьбах российских реформ и реформаторов [31]. Он также стал одним из авторов учебника по истории государственного управления в России [18], выдержавшего три издания.

Результаты. Оценивая вклад Г.А. Герасименко в исследование проблематики истории Великой российской революции и разработку теоретико-методологических аспектов исторических изысканий, отметим научную новизну и практическую значимость его трудов на всех этапах деятельности ученого. В Саратове он изучал две проблемы: историю советов Поволжья в 1917–1918 гг. и организацию, структуру, деятельность низовых крестьянских организаций. Научная разработка этих тем отличалась как постановкой исследовательских задач, так и формированием новых концептуальных представлений о расстановке политических сил и причинах победы большевиков в революции. Особо отметим, что публикация в США его монографии о крестьянских комитетах являлась признанием эффективности научной работы историка. Безусловно, эти исследования были ограничены рамками марксистско-ленинской методологии. Однако они и донныне сохраняют свою научную значимость. Автор, вводя в научный оборот огромный пласт массовых архивных источников, так или иначе, начинал по-новому формулировать свои теоретические выводы и наблюдения, которые пока еще

были прикрыты флером традиционной научной риторики.

В московский период проблематика исследований Г.А. Герасименко существенно расширилась. В российском научном сообществе периодически возобновлялись дискуссии о предпосылках Великой российской революции. Григорий Алексеевич обратил внимание на ограниченность аргументов авторов в спорах о характере этих причин. В связи с этим он стал изучать крестьянское движение в период реализации столыпинской аграрной реформы и обосновал неизбежность второй социальной войны в деревне. Выясняя роль сельского местного самоуправления, исследователь рассмотрел историю земских учреждений, сформулировав вывод об ограниченности их возможностей в модернизации политического строя России. Эти разработки позволили обобщить весь комплекс составляющих элементов взаимоотношений общественных сил и властных структур в 1917 г., выявить степень детерминированности и иррациональности революционных событий. Обращение историка к специальному рассмотрению генезиса российской государственности, фактического материала истории дореволюционной России способствовало коррекции его теоретико-методологических принципов. Научные труды Г.А. Герасименко стали заметным явлением и сыграли весьма важную позитивную роль в развитии российской историографии, определяя вектор ее развития и новую проблематику исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басманов, М. И. Александр Федорович Керенский / М. И. Басманов, Г. А. Герасименко, К. В. Гусев ; под общ. ред. В. А. Динеса. – Саратов : Изд. центр Саратов. гос. экон. акад., 1996. – 248 с.
2. Богословский, М. М. Дневники (1913–1919) : Из собрания Государственного исторического музея / М. М. Богословский ; отв. ред. С. О. Шмидт. – М. : Время, 2011. – 800 с.
3. Васькин, В. В. Февральская революция в Нижнем Поволжье / В. В. Васькин, Г. А. Герасименко. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – 221 с.
4. Герасименко, Г. А. Без вины виноватые / Г. А. Герасименко // Литературная газета. – 1989 (29 ноября).

5. Герасименко, Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики / Г. А. Герасименко. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 342 с.
6. Герасименко, Г. А. Возникновение Советов в Нижнем Поволжье (1917 – начало 1918 г.) / Г. А. Герасименко // Саратовский университет. Научная конференция аспирантов и молодых научных сотрудников. Материалы. Вып. 1. Секция истории СССР. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1965. – С. 49–95.
7. Герасименко, Г. А. Земское самоуправление в России / Г. А. Герасименко. – М. : Наука, 1990. – 262 с.
8. Герасименко, Г. А. История Российской исторической науки (дооктябрьский период) : учеб. пособие / Г. А. Герасименко. – М. : Советский спорт, 1998. – 192 с.
9. Герасименко, Г. А. Народ и власть : 1917 год / Г. А. Герасименко – М. : Воскресенье, 1995. – 288 с.
10. Герасименко, Г. А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 г. : На материалах Нижнего Поволжья / Г. А. Герасименко. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1974. – 341 с.
11. Герасименко, Г. А. Партийная борьба в Советах Нижнего Поволжья (1917 г.) / Г. А. Герасименко. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1966. – 124 с.
12. Герасименко, Г. А. Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты (1917 г.) / Г. А. Герасименко. – М. : НИКА, 1992. – 349 с.
13. Герасименко, Г. А. Победа Октябрьской революции в Саратовской губернии / Г. А. Герасименко. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1968. – 51 с.
14. Герасименко, Г. А. Советская власть в деревне на первом этапе Октября (на материалах Поволжья) / Г. А. Герасименко, В. П. Семьянинов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. – 228 с.
15. Герасименко, Г. А. Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции / Г. А. Герасименко, Ф. А. Рашитов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972. – 337 с.
16. Герасименко, Г. А. Советы Поволжья в 1917 году : Борьба партий, большевизация Советов, октябрьские дни / Г. А. Герасименко, Д. С. Точный. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1977. – 324 с.
17. Герасименко, Г. А. Философские основы российской исторической науки. Дооктябрьский период : учеб. пособие / Г. А. Герасименко. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. соц.-экон. ун-та, 2002. – 124 с.
18. История государственного управления в России : учебник / Н. Ю. Болотина Н. Ю., Г. А. Герасименко, К. В. Гусев [и др.] ; под общ. ред. Р. Г. Пихои. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во РАГС, 2003. – 390 с.
19. Кабытов, П. С. Рец. на кн.: Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. – М. : Наука, 1990. – 264 с. / П. С. Кабытов // Вопросы истории. – 1991. – № 23. – С. 243–245.
20. Кабытов, П. С. Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко / П. С. Кабытов. – Саратов : Техно-Декор, 2016. – 135 с.
21. Кабытов, П. С. Профессор Григорий Алексеевич Герасименко / П. С. Кабытов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения / под ред. А. И. Авруса, В. Н. Данилова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2009. – Т. 9. – 27 с.
22. Кабытов, П. С. Профессор Г. А. Герасименко : Саратовский период научной деятельности / П. С. Кабытов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – № 3. – С. 41–52.
23. Кабытов, П. С. Штрихи к портрету Г. А. Герасименко : Московский период деятельности / П. С. Кабытов // Вестник Самарского государственного университета. – 2007. – № 5–3 (55). – С. 222–231.
24. Кабытов, П. С. Рец. на кн.: Г. А. Герасименко, В. П. Семьянинов. Советская власть в деревне на первом этапе октября (на материалах Поволжья). – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. – 228 с. / П. С. Кабытов // Вопросы истории. – 1982. – № 1. – С. 129–131.
25. Кабытова, Н. Н. Земства или советы: российская властная альтернатива в 1917 году / Н. Н. Кабытова // Самарский земский сборник. – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 1995. – С. 20–24.
26. Матвеев, М. Н. Драма Волжского земства / М. Н. Матвеев // Новый мир. – 1977. – № 7. – С. 160–174.
27. Мацузато, К. Пересмотр общества тотальной войны: первая мировая война и распад царизма / К. Мацузато // Всеобщая история. – 2017. – № 6. – С. 3–19.
28. Октябрь в Поволжье / отв. ред. В. К. Медведев. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1967. – 611 с.
29. Пушкарева, И. М. Рец. на кн.: Герасименко, Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики / Г. А. Герасименко. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. – 228 с. / И. М. Пушкарева // История СССР. – 1988. – № 3. – С. 181–184.
30. Седов, А. В. Рец. на кн.: Герасименко, Г. А. Советская власть в деревне на первом этапе октября (на материалах Поволжья) / Г. А. Герасименко, В. П. Семьянинов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. – 228 с. / А. В. Седов, Э. М. Щагин // История СССР. – 1982. – № 5. – С. 162–163.
31. Судьбы реформ и реформаторов в России : учеб. пособие / Н. Н. Виноградов [и др.] ; под общ. ред. Р. Г. Пихои, П. Т. Тимофеева. – М. : Изд-во РАГС, 1999. – 372 с.
32. Gerasimenko, G. A. Local Organisation in 1917 and the First Half of 1918 / G. A. Gerasimenko // Soviet Studies in History. – 1978. – № 3. – P. 12–129.

33. Rosenberg, W. The Zemstvo in 1917 and Under the Bolshevik Rule / W. Rosenberg // The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government / ed. by T. Emmons, W. S. Vucinich. – New York : Cambridge University Press, 1982. – P. 402–410.

34. The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government / ed. by T. Emmons, W. S. Vucinich. – New York : Cambridge University Press, 1982. – 452 p.

REFERENCES

1. Basmanov M.I., Gerasimenko G.A., Gusev K.V. *Aleksandr Fedorovich Kerenskii* [Alexander Fedorovich Kerensky]. Saratov, Izdftelskii tsentr Saratovskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii, 1996. 248 p.

2. Bogoslovskii M.M. *Dnevniky (1913–1919): Iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* [Diaries (1913–1919): From a Meeting of the State Historical Museum]. Moscow, Vremya Publ., 2011. 800 p.

3. Vaskin V.V., Gerasimenko G.A. *Fevralskaia revoliutsiia v Nizhnem Povolzh'e* [February Revolution in the Lower Volga Region]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1976. 221 p.

4. Gerasimenko G.A. Bez viny vinovatye [Guilty Without Guilt]. *Literaturnaia gazeta* [Literary Newspaper], 1989 (November 29).

5. Gerasimenko G.A. *Borba krestian protiv stolypinskoj agrarnoi politiki* [The Struggle of Peasants Against Stolypin Agrarian Policy]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1985. 342 p.

6. Gerasimenko G.A. Vozniknovenie Sovetov v Nizhnem Povolzh'e (1917 – nachalo 1918 g.) [Emergence of Soviets in the Lower Volga Region (1917 – Beginning of 1918)]. *Saratovskii universitet. Nauchnaia konferentsiia aspirantov i molodykh nauchnykh sotrudnikov. Materialy. Vyp. 1. Sektsiia istorii SSSR* [Saratov University. Scientific Conference of Postgraduate Students and Young Researchers. Materials. Issue. 1. Section of the History of the USSR]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1965, pp. 49–95.

7. Gerasimenko G.A. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii* [Zemsky Self-Government in Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 262 p.

8. Gerasimenko G.A. *Istoriia Rossiiskoi istoricheskoi nauki (dooktiabrskii period): ucheb. posobie* [History of Russian Historical Science (Pre-October Period). Textbook]. Moscow, Soviet Sport Publ., 1998. 192 p.

9. Gerasimenko G.A. *Narod i vlast: 1917 god* [People and Power: 1917]. Moscow, Voskresene Publ., 1995. 288 p.

10. Gerasimenko G.A. *Nizovye krestianskie organizatsii v 1917 – pervoi polovine 1918 g.: Na*

materialakh Nizhnego Povolzhia [Grassroots Peasant Organizations in 1917 – the First Half of 1918: On the Materials of the Lower Volga Region]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1974. 341 p.

11. Gerasimenko G.A. *Partiinaia borba v Sovetskakh Nizhnego Povolzhia (1917 g.)* [Party Struggle in the Councils of the Lower Volga Region (1917)]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1966. 124 p.

12. Gerasimenko G.A. *Pervyi akt narodovlastiia v Rossii: obshchestvennye ispolnitelnye komitety (1917 g.)* [The First Act of Peoples Power in Russia: Public Executive Committees (1917)]. Moscow, NIKA Publ., 1992. 349 p.

13. Gerasimenko G.A. *Pobeda Oktiabrskoi revoliutsii v Saratovskoi gubernii* [Victory of the October Revolution in the Saratov Province]. Saratov, Privolzh. kn. izd-vo, 1968. 51 p.

14. Gerasimenko G.A., Semianinov V.P. *Sovetskaia vlast v derevne na pervom etape Oktiabria (na materialakh Povolzhia)* [Soviet Power in the Village at the First Stage of October: (On the Materials of the Volga Region)]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1980. 228 p.

15. Gerasimenko G.A., Rashitov F.A. *Sovety Nizhnego Povolzhia v Oktiabrskoi revoliutsii* [Soviets of the Lower Volga Region in the October Revolution]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1972. 337 p.

16. Gerasimenko G.A., Tochenyi D.S. *Sovety Povolzhia v 1917 godu: Borba partii, bolshevizatsiia Sovetov, oktiabrskie dni* [Soviets of the Volga Region in 1917: Party Struggle, Bolshevization of the Soviets, October Days]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1977. 324 p.

17. Gerasimenko G.A. *Filosofskie osnovy rossiiskoi istoricheskoi nauki. Dooktiabrskii period: ucheb. posobie* [Philosophical Foundations of Russian Historical Science. Pre-October Period. Textbook]. Saratov, Izd-vo Sarat. gos. sots.-ekon. un-ta, 2002. 124 p.

18. Bolotina N.Iu., Gerasimenko G.A., Gusev K.V. et al. *Istoriia gosudarstvennogo upravleniia v Rossii: uchebnyk* [History of Public Administration in Russia. Study Guide]. Moscow, Izd-vo RAGS, 2003. 390 p.

19. Kabytov P.S. Rets. na kn.: Gerasimenko G.A. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 264 p. [Book Review. Gerasimenko G.A. *Zemsky Self-Government in Russia*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 264 p.]. *Voprosy istorii*, 1991, no. 23, pp. 243–245.

20. Kabytov P.S. *Zhizn i tvorchestvo professora Grigoriia Alekseevicha Gerasimenko* [The Life and Work of Professor Grigory Alekseevich Gerasimenko]. Saratov, Tekhno-Dekor Publ., 2016. 135 p.

21. Kabytov P.S. Professor Grigorii Alekseevich Gerasimenko [Professor Grigory Alekseevich Gerasimenko]. Avrus A.I., Danilov V.N., eds. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Izvestiya of

Saratov University. New Series. Series: History. International Relations]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2009, vol. 9. 27 p.

22. Kabytov P.S. Professor G.A. Gerasimenko: Saratovskii period nauchnoi deiatelnosti [Professor G.A. Gerasimenko: Saratov Period of Scientific Activity]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Humanities], 2007, no. 3, pp. 41-52.

23. Kabytov P.S. Shtrikhi k portretu G.A. Gerasimenko: Moskovskii period deiatelnosti [Shtrikhi to the Portrait of G.A. Gerasimenko: Moscow Period of Activity]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2007, no. 5-3 (55), pp. 222-231.

24. Kabytov P.S. Rets. na kn.: G.A. Gerasimenko, V.P. Semyaninov. Sovetskaya vlast' v derevne na pervom etape oktyabrya (na materialakh Povolzh'ya). Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1980. 228 p. [Book Review. G.A. Gerasimenko, V.P. Semyaninov. Soviet Power in the Village at the First Stage of October (On the Materials of the Volga Region). Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1980. 228 p.]. *Voprosy istorii*, 1982, no. 1, pp. 129-131.

25. Kabytova N.N. Zemstva ili sovety: rossiiskaia vlastnaia alternativa v 1917 godu [Zemstvo or Soviets: Russian Power Alternative in 1917]. *Samarskii zemskii sbornik* [Samara Zemstvo Herald]. Samara, Izd-vo Sarat. un-ta, 1995, pp. 20-24.

26. Matveev M.N. Drama Volzhskogo zemstvo [Drama of the Volga Zemstvo]. *Novyi mir* [New World], 1997, no. 7, pp. 160-174.

27. Matsuzato K. Peresmotr obshchestva totalnoi voyny: pervaia mirovaia voina i raspad tsarizma [Revising the Society of Total War: World War I and

the Collapse of Tsarism]. *Vseobshchaia istoriia* [Universal History], 2017, no. 6, pp. 3-19.

28. Medvedev V.K., ed. *Oktiabr v Povolzhe* [October in the Volga Region]. Saratov, Privolzh. kn. izd-vo, 1967. 611 p.

29. Pushkareva I.M. Rets. na kn.: Gerasimenko G.A. Borba krestian protiv stolypinskoï agrarnoi politiki. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1985. 344 p. [Book Review. Gerasimenko G.A. The Struggle of Peasants Against Stolypin's Agrarian Policy. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1985. 344 p.]. *Istoriia SSSR* [SSSR History], 1988, no. 3, pp. 181-184.

30. Sedov A.V. Rets. na kn.: Gerasimenko G.A., Semianinov V.P. Sovetskaia vlast v derevne na pervom etape oktiabrya (na materialakh Povolzhia). Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1980. 228 p. [Book Review. Gerasimenko G.A., Semyaninov V.P. Soviet Power in the Village at the First Stage of October (On the Materials of the Volga Region). Izd-vo Saratovskii universitet, 1980. 228 p.]. *Istoriia SSSR* [SSSR History], 1982, no. 5, pp. 162-163.

31. Vinogradov N.N. et al. *Sudby reform i reformatorov v Rossii: ucheb. posobie* [Destinies of Reforms and Reformers in Russia. Textbook]. Moscow, Izd-vo RAGS, 1999. 372 p.

32. Gerasimenko G.A. Local Organisation in 1917 and the First Half of 1918. *Soviet Studies in History*, 1978, no. 3, pp. 12-129.

33. Rosenberg W. The Zemstvo in 1917 and Under the Bolshevik Rule. Emmons T., Vucinich W.S., eds. *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government*. New York, Cambridge University Press, 1982, pp. 402-410.

34. Emmons T., Vucinich W.S., eds. *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government*. New York, Cambridge University Press, 1982. 452 p.

Information About the Authors

Petr S. Kabytov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of the Department of the Russian History, Samara National Research University, Moskovskoye Shosse, 34, 443086 Samara, Russian Federation, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>

Nadezhda N. Kabytova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of the Russian History, Samara National Research University, Moskovskoye Shosse, 34, 443086 Samara, Russian Federation, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9411-8429>

Ekaterina P. Barinova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of National History and Historiography, Samara National Research University, Moskovskoye Shosse, 34, 443086 Samara, Russian Federation, rfiz25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>

Информация об авторах

Петр Серафимович Кабытов, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой российской истории, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, ул. Московское шоссе, 34, 443086 г. Самара, Российская Федерация, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>

Надежда Николаевна Кабытова, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, ул. Московское шоссе, 34, 443086 г. Самара, Российская Федерация, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9411-8429>

Екатерина Петровна Барина, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, ул. Московское шоссе, 34, 443086 г. Самара, Российская Федерация, rfiz25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.20>

UDC 94(470.45)«1942»:355.4

LBC 63.3(2Рос-4Вор)622,11

Submitted: 28.08.2021

Accepted: 30.09.2021

RECONSTRUCTION OF THE BATTLE ON THE HILLS IN THE SOUTH OF STALINGRAD OF SEPTEMBER 8 – SEPTEMBER 10, 1942 ¹

Alexandra K. Elokhina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Evgeny V. Stelnik

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The result of the Battle of Stalingrad supersedes the course of the battle itself in a great deal of historical literature. Therefore, it is no coincidence that in recent literature Stalingrad is increasingly becoming “mythologized” (A. Isaev), “unknown” (E. Kobayakov) or “forgotten” (A. Chunikhin), the return to the actual history of the Battle of Stalingrad takes the form of criticism of a generalized view, which on examination often turns out to be incorrect. **Methods and materials.** The work uses the methods of microhistory formulated in 1958 by the American historian J. Stewart. The actions of Red Army units are reconstructed on the basis of documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. The actions of Wehrmacht units are described on the basis of captured German documents from Fund 500 of the same archive. The data from the battle log of the XXXXVIII Panzer Corps and the battle log of the 24th Panzer Division of the Wehrmacht were taken from the book of Australian historian J. Mark. **Analysis.** The terrain to the south and south-east of Stalingrad largely determined the course of battle of the operational group of Major-General N.M. Pozharsky and the right flank divisions of the 64th Army with units of XXXXVIII Panzer Corps of General V. Kämpf. The essence of this confrontation was a fierce struggle for commanding heights. **Results.** At 16:30 on 11 September Major von der Lancken’s group was disbanded, and the tanks returned to their divisions. As a result of the offensive of September 8-11 the Germans managed to capture key heights in the south of Stalingrad. Nevertheless, in these battles XXXXVIII Panzer Corps suffered losses that it could not make up for. This gave the defenders of Stalingrad a chance, which they took. Due to the large volume of archival materials, the author’s team was divided. A.K. Elokhina processed German sources, and E.V. Stelnik processed data from the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. The concept of the article emerged in the course of joint discussions.

Key words: Stalingrad, Peschanka, Gornaya Polyana, height 145.5, XXXXVIII Panzer Corps, 62nd Army, 64th Army.

Citation. Elokhina A.K., Stelnik E.V. Reconstruction of the Battle on the Hills in the South of Stalingrad of September 8 – September 10, 1942. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 245-255. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.20>

**РЕКОНСТРУКЦИЯ СРАЖЕНИЯ НА ВЫСОТАХ
НА ЮГЕ СТАЛИНГРАДА 08.09–10.09.1942 ГОДА¹****Александра Константиновна Елохина**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгений Викторович Стельник

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрение Сталинградской битвы в исторических исследованиях – это практически всегда «большая» история. Это масштабные действия фронтов и армий, непростые решения генеральных штабов и политического руководства стран. Это глобальное событие, изменившее ход Второй мировой войны, в котором участвовали десятки дивизий и сотни тысяч солдат и офицеров противоборствующих сторон. Результаты этого важнейшего в мировой истории сражения известны. Проблема заключается в том, что такой обобщенный взгляд на сражения под Сталинградом и городские бои неизбежно приводит к схематизации этого очень сложного и многозначного события. Подобная схематизация, обладая своей логикой, по-своему «конструирует» и объясняет события 1942–1943 гг. на Южном фланге Восточного фронта. Так получается, что результат сражения в многочисленной исторической литературе вытесняет ход самого сражения. Поэтому в новейшей литературе не случайно Сталинград все чаще оказывается «мифологизированным» (А. Исаев), «неизвестным» (Е. Кобяков) или «забытым» (А. Чунихин), возвращение к фактической истории Сталинградской битвы происходит в форме критики обобщенного взгляда, который на проверку часто оказывается еще и неверным. Новизна статьи заключается в том, что события начала сентября на южных окраинах Сталинграда практически не изучены в историографии, особенно на уровне конкретной истории отдельных частей и подразделений. Историографической основой статьи послужили работы А.В. Исаева [12], Е. Кобякова [13], Дж. Марка [21] и Д. Фалка [20].

Ключевые слова: Сталинград, Песчанка, Горная Поляна, высота 145,5, XXXXVIII танковый корпус, 62-я Армия, 64-я Армия.

Цитирование. Елохина А. К., Стельник Е. В. Реконструкция сражения на высотах на юге Сталинграда 08.09–10.09.1942 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 245–255. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.20>

Введение. Районы Сталинграда и его пригородов исторически располагались на сложной холмистой местности Нижне-Волжской возвышенности. Это географическое обстоятельство хорошо отразилось в городской топонимике. Район Вор-горы, переименованный в более благозвучный Дар-Гора, Балканы, Сибирь-гора, Бугор, ставший осенью 1942 г. высотой 102, а после войны всемирно известным Мамаевым курганом, Горная Поляна – все это многочисленные холмы и высоты, на которые медленно, но неуклонно распространялся город. Склоны многочисленных холмов в районе Сталинграда переходят один в другой, зачастую четкую границу между ними прочерчивают только глубокие балки, спускающиеся к Волге.

Эта холмистая местность представляет определенную топографическую проблему. Со всем не все высоты получили свои отметки на картах Генерального штаба РККА 1941 г. или на картах Сталинградского фронта 1942 г., многие так и остались «безымянными». В начале сентября 1942 г. безусловными ориентирами на юге Сталинграда как для войск РККА, так и для Вермахта стали высота Три Кургана, высота 144,9 с радиовышкой, расположившаяся южнее Ельшанки, высота 143,5. С 9 сентября 1942 г. в документах 64-й Армии все чаще стала упоминаться высота 145,5, которая позже получит знаменитое имя – гора Лысая.

Методы. В нашей работе используются методы микроистории как они были сформулированы в 1958 г. американским истори-

ком Дж. Стюартом [22]. Нас будут интересовать подробности, которые несмотря на кажущуюся незначительность оказывали большое, часто трагическое влияние на ход этого сражения и в итоге на всю Сталинградскую битву. Акцент в статье делается на конкретное и частное, которое зачастую ускользает при обобщенном взгляде на глобальные события осени 1942 года. Хотя это конкретное историческое содержание, несмотря на свою фрагментарность, раскрывает суть исторических событий на юге, юго-западе Сталинграда.

Действия частей РККА реконструируются на основе документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, которые стали легкодоступными благодаря проекту «Память Народа»². Это источники различного оперативного уровня. На уровне армии – документы, обобщающие сведения о ведущихся боевых действиях, на уровне дивизии/корпуса – это сведения о конкретных боевых эпизодах. Действия частей Вермахта описываются на основе трофейных немецких документов фонда 500 Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации³. В частности, мы использовали опись 149, содержащую документы оперативного отдела штаба 4-й танковой армии. Данные журнала боевых действий XXXXVIII танкового корпуса и журнала боевых действий 24-й танковой дивизии Вермахта взяты из книги австралийского историка Дж. Марка [21].

Анализ. Местность юга, юго-востока Сталинграда во многом определила ход боев оперативной группы генерал-майора Н.М. Пожарского (244-я сд, 35-я гв. сд, 131-я сд, 42-й сб, 20-я истр. бр) и правофланговых дивизий 64-й Армии (138-я сд, 204-я сд) с частями XXXXVIII танкового корпуса генерала танковых войск В. Кемпфа и подходящими частями IV Армейского корпуса генерала инженерных войск Э. Йенеке. Суть этого противостояния заключалась в ожесточенной борьбе за командные высоты. Результатом этого частного сражения стал прорыв 10 сентября 29-й моторизованной дивизии (генерал-майор М. Фремерей) XXXXVIII корпуса к Волге в районе Купоросной балки и распространение боевых действий непосредственно в зацарицынскую часть Сталинграда.

В ходе этого сражения стрелковые дивизии РККА, усиленные немногочисленными танками танковых бригад (133 ТБр, 56 ТБр, 39 ТБр, 13 ТБр) и артиллерией (многочисленные ИПТАПы и ГАПы), до последней возможности удерживали высоты. Потеря же этих высот, как правило, приводила к тяжелым последствиям. Изучение причин, заставляющих части РККА оставлять командные высоты в ходе сражения 8–10 сентября 1942 г., является основной задачей данной статьи.

Наступающий с 29 августа XXXXVIII танковый корпус к середине дня 4 сентября столкнулся с серьезным оперативным кризисом [23, с. 6]. 24-я танковая дивизия (генерал-майор Б. Риттер фон Хауеншильд), наступая при мощной поддержке «Юнкерсов» и «Хеншелей» VIII авиакорпуса (генерал-лейтенант М. Фибиг) от станции Воропоново, прорвалась в лесной питомник на западной окраине Дар-горы. В немецких документах этот лес называется Wäldchen [21, р. 119], то есть лесок или роща, в документах РККА – «Квадратная роща». В этом густом сосновом «лесу» 24-я танковая дивизия столкнулась с серьезными проблемами. Выйдя непосредственно к городу, дивизия оказалась с открытыми флангами под ударами 244-й стрелковой дивизии (полковник Г.А. Афанасьев), 20-й мотострелковой бригады (полковник П.С. Ильин), 35-й гвардейской стрелковой дивизии (генерал-майор В.А. Глазков) и 133-й тяжелой танковой бригады (подполковник Н.М. Бубнов) оперативной группы генерал-майора Н.М. Пожарского. Севернее 71-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант А. фон Хартман) LI Армейского корпуса не могла прийти на помощь 24-й танковой дивизии, так как сама вела тяжелые бои в районе Опытное поле. Южнее 14-я танковая дивизия (генерал-майор Ф. Хайм) XXXXVIII танкового корпуса неудачно атаковала Песчанку и также не могла выйти на одну оперативную линию с 24-й танковой дивизией. Охваченная с флангов 24-я танковая дивизия в течение всего дня находилась под массированными ударами артиллерии 62-й Армии, ночью по «лесу» активно работала авиация РККА. Основные потери понес 3-й батальон 21-го панцергренадерского полка (Ф. фон Хеллерманн) [21, р. 122], в чем была большая заслуга бойцов 35-й гвар-

дейской стрелковой дивизии, прочно удерживающих Верхнюю Ельшанку и высоту 144,9.

К вечеру 4 сентября немецкие танки отошли с окраины города на восточную часть «Квадратной рощи». Задача дивизии прорваться в город была сорвана.

Нанося удары по 24-й танковой дивизии, части оперативной группы генерала Пожарского имели задачи не только нанести поражения противнику, но и занять укрепления батальонных районов, которые ранее были потеряны. Так, если 131-я стрелковая дивизия (полковник М.А. Песочин) заняла батальонный район номер 90 в районе поселков Песчанка и Стародубовка [19, л. 58], то 244-я стрелковая дивизия в свой район так и не вышла (батальонные районы 87 и 88). Вплоть до утра 7 сентября дивизия получала задачу на занятие батальонного района [19, л. 62]. Командующий 62-й Армией генерал-лейтенант А.И. Лопатин считал, что без опоры на батальонные районы успешная оборона 62-й Армии невозможна. В этом смысле наступательные задачи заключались в выходе на удобную полосу обороны.

Утром 5 сентября ситуация 24-й танковой дивизии еще более усложнилась. Дивизия находилась под массированным артиллерийским и минометным огнем, с трудом удерживая восточную опушку «Квадратной рощи». Атаки Красной армии все чаще приводили к рукопашным схваткам в роще. В 4 утра 29-я моторизованная дивизия и 14-я танковая дивизия предприняли еще одну попытку выйти в одну линию с 24-й танковой дивизией, которая закончилась провалом.

В этот момент командующий XXXXVIII корпусом В. Кемпф полностью осознал критичность ситуации. В 8.50 в разговоре с командующим 4-й Танковой армией Г. Готом, описывая сложившуюся ситуацию, он предложил полностью изменить план наступления: наступать не на Сталинград, а сконцентрировав все дивизии корпуса на позициях, удерживаемых 24-й танковой дивизией, нанести удар на юг, юго-восток, захватить высоты 144,9, 143,5, высоту Три Кургана. Г. Гот поддержал предложение В. Кемпфа [21, р. 122].

После разговора с Г. Готом начальник штаба корпуса оберст В. Фрибе начал обзвон начальников штабов дивизий, чтобы выяснить возможности дивизий выполнить новый план.

Начальник штаба 24-й танковой дивизии майор фон Менгес сомневался и попросил время на раздумье. Оберст В. Фрибе приехал в штаб дивизии, чтобы лично убедить командование дивизии в необходимости изменения плана. Фон Менгес колеблется, но соглашается.

В 16.30 был издан новый приказ по XXXXVIII танковому корпусу: направление удара меняется, решением оберста В. Фрибе все танки корпуса сводятся в одну боевую группу майора Д. фон дер Ланкена из 24-й танковой дивизии (командир 3-го батальона 24-го танкового полка), но сама танковая группа переводится под командование командира 14-й танковой дивизии Ф. Хайма. Такая сложная подчиненная система командования по замыслу В. Фрибе должна была исключить конфликты между танковыми командирами 14-й и 24-й танковых дивизий. Должна была, но не исключила.

6 сентября в штабе 24-й танковой дивизии состоялось еще одно совещание, на котором присутствовали Г. Гот, В. Фрибе и командиры дивизий XXXXVIII танкового корпуса, от люфтваффе присутствовал генерал-лейтенант М. Фибиг [21, р. 128]. Наступление перенеслось на 8 сентября из-за того, что дивизии корпуса не успевали перегруппироваться.

Командование 62-й и 64-й Армий РККА не менее активно готовились к предстоящему сражению. 6 сентября войска 64-й Армии получили приказ закрепляться и копать окопы полного профиля, переходить к жесткой обороне [2, л. 86]⁴. Дивизии 62-й Армии получили такой же приказ только в ночь на 9 сентября, когда немецкое наступление достигло своей кульминации [19, л. 65]. 7 сентября приказом командующего 62-й Армией А.И. Лопатина 50 % личного состава тыловых частей переводились на передовую [19, л. 63].

Красная армия тоже проводила перегруппировки: район Песчанки и Ельшанки вызывал серьезные опасения командования, но свободных сил не было, кроме того, обострялась ситуация на центральном направлении (в районе первой Советской больницы) и все небольшие резервы уходили туда. Так, 42-я стрелковая бригада (полковник М.С. Батраков) должна была укрепить стык 62-й и 64-й армий в районе Верхней Ельшанки, но в последний момент была переброшена на центральное направление на высоту 133,4 [14, с. 72]. Также на централь-

ное направление ушла, не дождавшись замены, 6-я Гвардейская Танковая бригада, на замену ей должны были прийти танки КВ 133-й Тяжелой Танковой бригады, но так и не пришли.

У командования Сталинградского фронта сложилось впечатление, что войска на юге Сталинграда с трудом, но отбивают немецкие атаки. На фоне боев на центральном направлении ситуация в районе Ельшанки, Песчанки оказалась относительно благополучной. При этом советской разведкой было обнаружено скопление танков и автомашин на станции Воропоново.

8 сентября в 3.30 ночи после массовой артиллерийской подготовки началось немецкое наступление на Верхнюю Ельшанку и высоту 144,9. Удар наносила пехота группы Ф. фон Бройха (26-й панцергренадерский полк без первого батальона, первый батальон 21-го панцергренадерского полка при поддержке первой роты саперного батальона, артиллерии и зениток 602-го зенитного батальона). Удар пришелся по полкам 35-й гвардейской стрелковой дивизии В.А. Глазкова. В 4.30 после массовой авиационной поддержки танковая группа майора Д. фон дер Ланкена вышла на высоту 144,9, передовые части 29-й моторизованной дивизии – на южную окраину Верхней Ельшанки. Гвардейские стрелковые полки 35-й гвардейской дивизии вели тяжелый бой. 102-й гвардейский стрелковый полк отступил, тем самым открывая фланг 131-й стрелковой дивизии. Танки майора Д. фон дер Ланкена, захватив высоту 144,9, повернули на юго-восток.

Около 5 часов утра выдвигающиеся на новые позиции у юго-востока окраин Верхней Ельшанки танки 39-й Танковой бригады⁵ неожиданно для себя вышли на танковую группу майора Д. фон дер Ланкена. Немецкие танки, находясь на высоте 143,5, сожгли три танка бригады, один танк был подбит [6, л. 30].

К 6.20 части 35-й гвардейской стрелковой дивизии отбили высоту 144,9 [21, р. 135]. К этому времени вся оперативная группа генерала Пожарского вела тяжелый бой на пространстве от «Квадратной рощи» до Песчанки.

В 7 часов утра танки майора Д. фон дер Ланкена с панцергренадерами вышли на позиции 138-й стрелковой дивизии И.И. Людникова. До этого момента дивизия находилась

во второй линии и соприкосновения с противником не имела. Дивизия занимала оборону в районе рощи Нижняя Песчанка (Зеленая Поляна). Все предыдущие дни дивизия занималась усилением обороны и окопными работами. Первыми вступили в бой с немецкими танками первая и вторая батареи 295-го артиллерийского полка.

Первая батарея вела огонь прямой наводкой до последнего снаряда, пока не была раздавлена танками. Вторая батарея, поддерживая огнем первую, была подавлена немецкой артиллерией и потеряла все свои четыре орудия. В ходе боя был ранен командир артиллерийского полка. Третья батарея не могла остановить наступающие танки Д. фон дер Ланкена, и танки прорвались в боевые порядки 344-го и 650-го стрелковых полков [17, л. 117].

Основной удар пришелся по первому батальону 344-го стрелкового полка. Организованным огнем пехоты и артиллерии удалось отрезать немецкую пехоту от танков, и немецкая пехота залегла на северных, северо-западных склонах высоты 143,5. Немецкие танки несколько раз возвращались к своей пехоте, чтобы подавить сопротивление 344-го стрелкового полка. Танки давили окопы, расстреливали их в упор [15, л. 762]. В ходе боя был тяжело ранен военный комиссар первого батальона старший политрук Корнеев, а окоп, в котором находился командир батальона старший политрук Щербак, был раздавлен танком, но командиру удалось выжить и ночью пробиться к своим [5, л. 16]. Бой на позициях 344-го и 650-го стрелковых полков продолжался весь световой день.

К 12 часам дня танки майора Д. фон дер Ланкена, захватив высоту 143,5, пройдя в тыл 131-й и 204-й стрелковых дивизий по восточным склонам, вышли к Горной Поляне. В дуэль с немецкими танками вступили танкисты первого и второго батальонов 56-й Танковой бригады Лебедева. Немецкие танки активно поддерживала авиация. В воздухе все время находилось 6–12 самолетов. Танки 56-й бригады, находящиеся в капонирах, становились мишенью для Ю-87. Командир бригады Лебедев в этой ситуации принял решение последними пятью танками пойти в контратаку. Оказавшись на открытой местности танки 56-й брига-

ды были расстреляны противником [18, л. 68]. По всей видимости, командир бригады, наблюдая гибель своих подчиненных, пережил сильное душевное потрясение. Утром следующего дня подполковник Лебедев в нетрезвом состоянии, взяв с собой бутылку КС, отправился в район сгоревшей танковой бригады. Тело полковника Лебедева было найдено на нейтральной полосе в 150 метрах от сгоревших танков бойцами 716-го стрелкового полка 157-й стрелковой дивизии. Подполковник погиб от ранения осколком снаряда [10, л. 348].

Около 2 часов дня 8 сентября 131-я стрелковая дивизия не имела никакой связи с 35-й гвардейской стрелковой дивизией. Чтобы закрыть разрыв в направлении высоты 143,5, командир дивизии М.А. Песочин направил туда комендантскую роту и специальные части (всего 40–50 бойцов), чего очевидно было недостаточно [4, л. 7].

Вскоре немцы атаковали позиции 131-й стрелковой дивизии в Песчанке с севера и северо-востока. В 15.20 через командира 204-й стрелковой дивизии командир 131-й дивизии получил приказ отбить высоту 143,5 и соединиться с 138-й стрелковой дивизией. В это время 131-я дивизия была охвачена с правого фланга и выполнить приказ 64-й Армии была не в состоянии. После 17 часов части 14-й танковой дивизии в очередной раз атаковали с высоты 134,5 позиции 131-й стрелковой дивизии [8, л. 56].

С 18 часов по высоте 143,5, захваченной частями Вермахта, начала работать артиллерия Красной армии. 422-й Гаубичный артиллерийский полк бил по окопавшейся на высоте немецкой пехоте, расстреляв до темноты 80 122-мм снарядов [11, л. 66].

После 19 часов группа немецких танков прорвалась в совхоз Горная Поляна, немецкая пехота подошла к командному пункту 204-й стрелковой дивизии. В 22 часа, не дождавшись подкреплений, немцы отошли обратно в Нижнюю Песчанку [1, л. 45], понимая, что ночью в глубине позиций РККА они будут уничтожены.

День заканчивался, ночью вели бои только разведдозоры, но продолжалась артиллерийская дуэль. Стороны понесли серьезные потери. XXXXVIII корпусу В. Кемпфа этот день дался совсем нелегко. Около 9 утра был

тяжело ранен, а потом умер от ран командир 24-й танковой дивизии генерал-майор Б. Риттер фон Хауеншильд, наблюдавший за атакой на позициях 4-го батальона [21, р. 137]. Его заменил командир панцергренадерской бригады Ф. фрайхерр фон Бройх. Самые тяжелые потери понесла танковая группа майора Д. фон дер Ланкена. Насчитывающая 47 танков, эта группа в 11 утра 8 сентября потеряла 5 танков, а 33 получили различные повреждения, причем 28 из них были из 24-й танковой дивизии [21, р. 139]. Всего за 8 сентября танковая группа потеряла 28 танков из 47. На утро 9 сентября в танковой группе майора Д. фон дер Ланкена было 9 – Pz. II, 5 – Pz. III lg, 4 – Pz. III kz, 1 – Pz. IV [21, р. 141].

Несмотря на то что, по словам Джейсона Марка, группа майора Д. фон дер Ланкена была «выпотрошена» [21, р. 140], немцам нужно было наступать. Песчанка, превращенная 131-й и 204-й стрелковыми дивизиями в узел обороны и сковывающая любое продвижение на Сталинград, требовала от командования XXXXVIII корпуса решительных мер [23, s. 6]. И они последовали.

Для командования Красной армии наступающий день не обещал ничего хорошего. Между позициями 204-й стрелковой дивизии в Песчанке и позициями 138-й стрелковой дивизии в районе Нижней Песчанки и Подковообразной Роши зияла дыра и закрывать ее было нечем. На высоте 143,5 закреплялись немцы, стрелковые дивизии понесли тяжелые потери, восполнить за ночь которые было невозможно. Ночью командование 64-й Армии на угрожающие направления стало стягивать истребительно-противотанковые артиллерийские полки. К сожалению, на позиции 204-й стрелковой дивизии поддержка пришла не вовремя.

Главной целью для XXXXVIII танкового корпуса 9 сентября стала Песчанка. В 9.30 утра в ложине юго-западной высоты 143,5 стали концентрироваться танки и мотопехота противника. На северо-западных склонах этой высоты немцы установили 8 105-мм орудий. На западных склонах – противотанковую батарею (4 орудия). За склонами высоты находились минометы [15, л. 765].

С 10 утра Песчанка подверглась мощным ударам VIII авиакорпуса, в воздухе по-

стоянно находилось 7–15 самолетов. По позициям 131-й и 204-й стрелковых дивизий немцы сконцентрировали мощный артиллерийско-минометный огонь.

После 11 часов 9 сентября связь с 131-й стрелковой дивизией была потеряна, было известно лишь то, что дивизия, атакованная с фронта и правого фланга, ведет тяжелой бой в Песчанке. 743-й стрелковый полк, вместе со штабом попав в плотное кольцо окружения, погиб практически полностью, ночью к совхозу Горная Поляна вышли лишь отдельные бойцы [4, л. 7]. 482-й и 593-й стрелковые полки вышли из полуокружения к 12 часам 10 сентября к северной окраине Бекетовки. В 483-м стрелковом полку осталось всего 100 человек, а в 743-м полку – 200. Артиллерийский полк состоял из 4 орудий [8, л. 56].

В 11.30 9 сентября тяжелый бой перекинулся на позиции 730-го полка 204-й стрелковой дивизии. Первую немецкую атаку красноармейцам удалось отбить. Под пулеметным огнем немецкая пехота залегла, а немецкие танки не пошли вперед без пехоты. После сорванной атаки немцы сконцентрировали сильный минометный огонь по позициям пулеметной роты, в результате которого были разбиты два станковых пулемета. После этого немцы пошли во вторую атаку, в ходе которой практически полностью погибла 3-я стрелковая рота 730-го полка (осталось 9 человек). Танки майора Д. фон дер Ланкена охватили фланги полка. Полк, неся тяжелые потери, отошел к западной окраине Песчанки, где с 13.30 в окружении, без связи и поддержки, вел крайне ожесточенный бой в полном окружении. В этом бою погибли начальник штаба полка капитан Макаров, командир 697-го артиллерийского полка Соколов. 730-й стрелковый полк вел бой до 21 часа, когда от него осталось около 100 человек [7, л. 11]. В 24 часа оставшиеся бойцы полка пошли на прорыв под руководством временно исполняющего должность командира 730-го стрелкового полка старшего лейтенанта Демьяненко. В ходе гранатного боя к Горной Поляне вырвались всего лишь 47 человек, при этом старший лейтенант Демьяненко погиб [7, л. 11].

Однако нельзя сказать, что 204-я стрелковая дивизия не готовилась к бою. Имея открытый правый фланг, командир дивизии бу-

дущий Герой Советского Союза А.В. Скворцов⁶ организовал круговое наблюдение. Скованный с фронта 20-й румынской пехотной дивизией, командир все же ожидал удара со стороны Елхи. Угроза со стороны высоты 143,5 не представлялась ему серьезной, поэтому это направление его решением прикрывал лишь один усиленный стрелковый взвод [3, л. 111]. Серьезной проблемой для дивизии стало отсутствие должного количества лопат, это не позволило подготовить необходимые оборонительные позиции [9, л. 43]. Более того, распоряжением командования командир дивизии в ночь на 9 сентября ожидал подход резервов, но утром с этого направления на полки дивизии вышли танки Д. фон дер Ланкена и панцергренадеры 14-й танковой дивизии.

Не менее трагично сложилась судьба 700-го стрелкового полка и минометного батальона 204-й стрелковой дивизии. 700-й стрелковый полк был атакован с тыла после массовой бомбардировки с воздуха. После 12 часов под удар танков попал 2-й стрелковый батальон 700-го полка. Посланная на помощь 2-му батальону 5-я стрелковая рота не успела окопаться и была полностью уничтожена танками противника [7, л. 12]. Немецкие танки прорвались дальше и прошли по боевым порядкам 1-го и 3-го батальонов 700-го стрелкового полка. Танки вышли на командный пункт полка. Оборонявший командный пункт полка комендантский взвод погиб полностью. Зажатые немецкими танками в командном пункте командир полка Емельянов и комиссар полка Троянов застрелились, а помощник начальника штаба старший лейтенант Жилин попал в плен [7, л. 12].

После этого танки вышли на позицию минометного батальона. Минометчики открыли огонь по танкам и подбили 4 из них, но под ответным огнем погибли 1-я и 3-я минометные роты. 2-я минометная рота, находившаяся в 300 метрах в стороне, вела огонь по немецким танкам, пока не израсходовала последние боеприпасы. Танки Д. фон дер Ланкена подходили к окопам минометчиков на 50–70 метров и расстреливали их в упор. Под прикрытием танков к окопам подбирались немецкие панцергренадеры и забрасывали красноармейцев гранатами. Взводные окопы, не имевшие ходов сообщения (по причине отсутствия

достаточного количества лопат), превратились в смертельную ловушку для красноармейцев минометного батальона. От всего батальона осталось 12 человек во главе со старшим политруком Кобзарем. К 13.00 700-й стрелковый полк потерял командование, его оборона имела очаговый характер. Тем не менее до наступления темноты полк находился на своих позициях, а уже ночью политрук Клименко вывел 21 бойца (взвод ПТР), а старший политрук Кобзарь вывел остатки 1-й и 3-й минометных рот. Всего вышло 39 человек [7, л. 12].

К 14 часам 9 сентября немецкие танки вышли на высоту 145,5 и перекресток дорог на юго-западных склонах высоты. 706-й стрелковый полк 204-й дивизии, располагавшийся южнее, смог удержать свои позиции. Большую роль в этом сыграли танки 39-й Танковой бригады, ведущие огонь с места и поддерживающие пехоту. В 19.00 решением командира дивизии А.В. Скворцова по противнику, атакующему 706-й стрелковый полк, было выпущено 2 залпа реактивных снарядов.

Бои за Песчанку дорого обошлись группе Д. фон дер Ланкена и панцергренадерам 14-й танковой дивизии. Уже в обед 9 сентября командир 14-й танковой дивизии Ф. Хайм сообщил оберсту В. Фрибе, что наступать на Бекетовку уже невозможно.

В ночь на 10 сентября в район Горной Поляны стали прибывать резервы 64-й Армии, которые сразу получали активные задачи. Курсантский полк Винницкого пехотного училища и части 157-й стрелковой дивизии должны были уже этой ночью уничтожить небольшую группу немецких танков на высоте 145,5. Потеряв Песчанку, командование 64-й Армии направило все силы на оборону совхоза Горная Поляна, южных скатов высоты 145,5. Немецкие же части, потеряв надежду пробиться к Бекетовке, ставили на следующий день задачу взять высоту Три Кургана.

С 8 утра 10 сентября возобновились немецкие атаки на позиции 706-го стрелкового полка 204-й стрелковой дивизии. Атака началась традиционно с бомбежки (в воздухе беспрерывно находилось до 50 самолетов). К 11 часам 1-й и 2-й стрелковые батальоны полка вели бой в окружении. Высланный им на помощь 500-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, который прибыл

уже на рассвете, сразу попал под огонь немецких танков. Не успев окопаться, артиллеристы начали нести потери. Танки 39-й Танковой бригады, сыгравшие ключевую роль в обороне полка 9 сентября, в течение утра 10 сентября находились под непрерывным воздействием авиации противника. Большая часть этих танков были «не ходовыми», маневрировать не могли, и к 11.30 практически все они были потеряны, а немцы вышли на командный пункт 39-й танковой бригады в районе высоты Три Кургана.

В 16.10 танки вышли на командный пункт 706-го стрелкового полка и били по нему прямой наводкой [7, л. 15]. Только вечером оставшиеся 290 человек полка смогли отойти к северной окраине Бекетовки.

Захватив к концу дня высоту Три Кургана, немецкая ударная группа (Stoßgruppe) остановилась. На северных окраинах Бекетовки и совхоза Горная Поляна окапывались части подошедших 157-й стрелковой и 36-й гвардейской стрелковой дивизий. Сам совхоз Горная Поляна превратился в мощный узел обороны с закопанными танками 13-й Танковой бригады. После понесенных потерь в танках группа Д. фон дер Ланкена наступать дальше уже не могла.

Выводы. Столкнувшись с упорной обороной северо-западных окраин совхоза Горная Поляна, немецкое командование отменило задачу захватить Бекетовку. 10 сентября 29-я моторизованная дивизия вышла к Волге в районе Купоросной балки. После этого успеха центр внимания немецкого командования сместился на городские районы.

В 16.30 11 сентября группа майора Д. фон дер Ланкена была расформирована⁷, танки вернулись к своим дивизиям. На этот момент в XXXXVIII корпусе осталось всего 14 танков [21, р. 149]. XXXXVIII танковый корпус начал бои уже в самом Сталинграде.

В результате наступления 8–11 сентября немцам удалось захватить ключевые высоты на юге Сталинграда. Что стало причиной потери этих высот дивизиями РККА? Ведь эти позиции части занимали с 2 сентября, а сами высоты были частью внутреннего оборонительного пояса.

Очевидно, что, сконцентрировав все танки корпуса в сводном отряде Д. фон дер Лан-

кена, В. Кепмф создал подвижную и сильную ударную группу. Удар этой группы по частям 35-й гвардейской стрелковой дивизии, которая несколько дней подряд до этого вела встречные бои, был очень сильным. Остановить 47 танков, усиленных бронемашинами панцер-гренадеров, поддерживаемых массированными ударами авиации, идущих на высоту 144,9, десантники не могли.

Катастрофическое значение имела потеря высоты 143,5. Высота находилась в глубине обороны, на стыке 35-й гвардейской и 131-й стрелковых дивизий, после отхода 102-го гвардейского стрелкового полка она практически никем не оборонялась. Потеря этой высоты днем 8 сентября вскрыла оборону дивизий РККА, открывала путь немецким танкам на высоту 145,5 (тоже не занятую частями Красной армии) в тыл 131-й и 201-й стрелковых дивизий и на совхоз Горную Поляну.

Полностью реализовать оперативный успех XXXXVIII танкового корпуса В. Кемпфа помешало яростное сопротивление стрелковых полков 131-й, 138-й, 204-й стрелковых дивизий. Погибающие полки нанесли тяжелейшие потери танковым батальонам 14-й, 24-й танковых дивизий и 129-му танковому батальону 29-й моторизированной дивизии. Именно в этих боях XXXXVIII танковый корпус понес потери, которые не мог восполнить.

Это дало шанс защитникам Сталинграда, которым они воспользовались. Пока танки группы майора Д. фон дер Ланкена штурмовали позиции 204-й стрелковой дивизии, прорывались к совхозу Горная Поляна на южных окраинах Сталинграда, на основе 101-го гвардейского полка сформировалась сводная группа начальника штаба 35-й гвардейской стрелковой дивизии полковника В.П. Дубянского. Эта сводная группа вскоре станет основой обороны в районе Лесозавода и Консервного заводов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проекта № 0633-2020-0004 «Развитие методики виртуальной 3D-реконструкции исторических объектов».

The work was financially supported by the Ministry of Education and Science of Russia in the

framework of the project № 0633-2020-0004 “Development of methods of virtual 3D reconstruction of historical objects.

² Сайт портала: https://pamyat-naroda.ru/about/?static_hash=9afe67541a9b2e09435ac6fc04a1f7b4v1.

³ Сайт портала: <https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/5638-delo-149-dokumenty-operativnogo-otdela-shtaba-4-y-tankovoy-armii-opisanie-operatsiy-4-y-tankovoy-armii-pri-nastuplenii-na-stalingrad-za-31-07-15-09-1942-g#page/7/mode/inspect/zoom/4>.

⁴ К сожалению, в 204-й стрелковой дивизии А.В. Скворцова не было должного количества лопат, из-за чего войсками были вырыты только окопы на взвод, не соединенные путями сообщения [16, л. 796].

⁵ Первоначально по плану командования 64-й Армией ушедшую 6-ю Гвардейскую Танковую бригаду должна была заменить 133-я Тяжелая Танковая бригада, но ночью выяснилось, что она не успевала выйти в район, и тогда приказ на выдвижение получила 39-я Танковая бригада (14 ходовых танков). 39-я ТБр выдвинулась уже в рассветных сумерках.

⁶ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1943 г. за успешное форсирование реки Днепр, прочное закрепление и расширение плацдарма на западном берегу реки Днепр и проявленные при этом отвагу и героизм гвардии генерал-майору Александру Васильевичу Скворцову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 1339).

⁷ 29 октября 1942 г. Дитрих фон дер Ланкен за бои на юге Сталинграда получил Рыцарский крест. С 29 декабря он считается пропавшим без вести. Вероятно, он был убит в ходе минометного обстрела в районе Донской-Красновка под Миллерово. На этот момент он командовал 138-м отдельным танковым батальоном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боевое донесение штаба 204 сд // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). – Ф. 1225. – Оп. 1. – Д. 6.
2. Боевое распоряжение штаба 138 сд № 037 // ЦАМО РФ. – Ф. 6637. – Оп. 0885159. – Д. 0001.
3. Боевое распоряжение штаба 204 сд № 20 // ЦАМО РФ. – Ф. 1225. – Оп. 1. – Д. 5.
4. Боевой путь 131-й стрелковой дивизии // ЦАМО РФ. – Ф. 420. – Оп. 11057. – Д. 1.
5. Боевые действия 138-й Краснознаменной стрелковой дивизии // ЦАМО РФ. – Ф. 1205. – Оп. 0000001. – Д. 0003.

6. Доклад о боевых действиях 39 тбр за период с 10.08 по 11.09.1942 г. // ЦАМО РФ. – Ф. 3128. – Оп. 0000001. – Д. 0006.

7. Доклад о боевых действиях частей 204 стрелковой дивизии на Сталинградском фронте с 25.07 по 10.11.1942 года // ЦАМО РФ. – Ф. 1225. – Оп. 1. – Д. 11.

8. Донесение штаба 131 сд № 17 // ЦАМО РФ. – Ф. 345. – Оп. 5487. – Д. 17.

9. Доношу, что боевое распоряжение за № 90/ОП о самоокапывании частями 204 сд выполнено не полностью // ЦАМО РФ. – Ф. 1225. – Оп. 1. – Д. 6.

10. Доношу, что утром 9.9.42 г. командир 56 тбр полковник Лебедев пошел в расположение сгоревших танков // ЦАМО РФ. – Ф. 3117. – Оп. 0000001. – Д. 0005.

11. Журнал боевых действий 422 гап // ЦАМО РФ. – Ф. 10960. – Оп. 0000001. – Д. 0004.

12. Исаев, А. В. Мифы и правда о Сталинграде / А. В. Исаев. – М. : Яуза, 2011. – 480 с.

13. Кобяков, Е. Неизвестный Сталинград / Е. Кобяков. – М. : Яуза, 2020. – 320 с.

14. Крылов, Н. И. Сталинградский рубеж / Н. И. Крылов. – М. : Воениздат, 1979. – 380 с.

15. Оперативная сводка штаба 138 сд № 100 // ЦАМО РФ. – Ф. 341. – Оп. 5312. – Д. 16.

16. Оперативная сводка штаба 204 сд № 27 // ЦАМО РФ. – Ф. 341. – Оп. 5312. – Д. 16.

17. Оперативная сводка штаба арт. 138 сд № 52 // ЦАМО РФ. – Ф. 341. – Оп. 0005328. – Д. 0006.

18. Отчет о боевых действиях 56 тбр за период с 20.08 по 20.09.1942 года // ЦАМО РФ. – Ф. 3430. – Оп. 0000001. – Д. 0008.

19. Сборник приказов и боевых распоряжений ВС фронта и армии, отданных войскам во время Великой Отечественной войны (1942–1945). Оперативный отдел штаба 8-й Гвардейской Армии. Январь 1946 года // ЦАМО РФ. – Ф. 345. – Оп. 5487. – Д. 87.

20. Falk, D. The 64th Army at Stalingrad 1942-43: A Day-By-Day Account of a Soviet Combined Arms Infantry Army During the Battle for Stalingrad / D. Falk. – Falken Books, 2019. – 290 p.

21. Mark, J. Death of the Leaping Horseman: The 24th Panzer Division in Stalingrad 12th August – 20th November 1942 / J. Mark. – Mechanicsburg, PA : Stackpole Books, 2003. – 501 p.

22. Stewart, G. R. Pickett's Charge: A Microhistory of the Final Attack at Gettysburg, July 3, 1863 / G. R. Stewart. – Boston : Houghton Mifflin Harcourt, 1987. – 354 p.

23. Unterlagen der Ia-Abteilung des PzAOK 4: Aktennotiz – Die Operationen der 4. Panzerarmee gegen Stalingrad, 31.7.-15.9.1942. – Electronic text data. – Mode of access: <https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/5638-delo-149-dokumenty-operativnogo-otdela-shtaba-4-y-tankovoy-armii-opisanie-operatsiy->

4-y-tankovoy-armii-pri-nastuplenii-na-stalingrad-za-31-07-15-09-1942-g#page/7/mode/inspect/zoom/4 (date of access: 28.09.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. Boyevoye doneseniye shtaba 204 sd [Combat Report of the Headquarters of the 204th Rifle Division]. *TSAMO RF*, f. 1225, op. 1, d. 6.

2. Boyevoye rasporyazheniye shtaba 138 sd № 037 [Combat Order of the Headquarters of the 138th Rifle Division No. 037]. *TSAMO RF*, f. 6637, op. 0885159, d. 0001.

3. Boyevoye rasporyazheniye shtaba 204 sd № 20 [Combat Order of the HQ of the 204th Rifle Division No. 20]. *TSAMO RF*, f. 1225, op. 1, d. 5.

4. Boyevoy put' 131 strelkovoy divizii [Battle Path of the 131st Rifle Division]. *TSAMO RF*, f. 420, op. 11057, d. 1.

5. Boyevyye deystviya 138 Krasnoznamennoy strelkovoy divizii [Combat Operations of the 138th Red Banner Rifle Division]. *TSAMO RF*, f. 1205, op. 0000001, d. 0003.

6. Doklad o boyevykh deystviyakh 39 tbr za period s 10.08 po 11.09.1942 g. [Report on Military Operations of the 39th Tank Brigade from 10.08 to 11.09.1942]. *TSAMO RF*, f. 3128, op. 0000001, d. 0006.

7. Doklad o boyevykh deystviyakh chastei 204 strelkovoy divizii na Stalingradskom fronte s 25.07 po 10.11.1942 goda [Report on Military Operations of the 204th Rifle Division at the Stalingrad Front from 25.07 to 10.11.1942]. *TSAMO RF*, f. 1225, op. 1, d. 11.

8. Doneseniye shtaba 131 sd № 17 [Report of the HQ of the 131st Rifle Division No. 17]. *TSAMO RF*, f. 345, op. 5487, d. 17.

9. Donoshu, chto boyevoye rasporyazheniye za № 90/OP o samookapyvanii chastyami 204 sd vpolneno ne polnost'yu [I Report that Combat Order No. 90/Op for Self-Digging by units of the 204th Rifle Division has not Been Fully Implemented]. *TSAMO RF*, f. 1225, op. 1, d. 6.

10. Donoshu, chtu utrom 9.9.42 g. komandir 56 tbr polkovnik Lebedev, poshel v raspolozheniye sgorevshikh tankov [I Report that in the Morning of 9.9.42 the Commander of the 56th TBr, Colonel Lebedev, Went to the Location of the Burned Tanks]. *TSAMO RF*, f. 3117, op. 0000001, d. 0005.

11. Zhurnal boyevykh deystviy 422 gap [Combat Log of the 422nd Howitzer Artillery Regiment]. *TSAMO RF*, f. 10960, op. 0000001, d. 0004.

12. Isayev A.V. *Mify i pravda o Stalingrade* [Myths and Truth About Stalingrad]. Moscow, Yauza Publ., 2011. 480 p.

13. Kobayakov E. *Neizvestnyy Stalingrad* [Unknown Stalingrad]. Moscow, Yauza Publ., 2020. 320 p.

14. Krylov N.I. *Stalingradskiy rubezh* [Stalingrad Frontier]. Moscow, Voenizdat, 1979. 380 p.
15. Operativnaya svodka shtaba 138 sd № 100 [Operational Summary of the Headquarters of the 138th Rifle Division No. 100]. *TSAMO RF*, f. 341, op. 5312, d. 16.
16. Operativnaya svodka shtaba 204 sd № 27 [Operational Summary of the Headquarters of the 204th Rifle Division No. 27]. *TSAMO RF*, f. 341, op. 5312, d. 16.
17. Operativnaya svodka shtaba art. 138 sd № 52 [Operational Summary of the Artillery Staff of the 138th Rifle Division No. 52]. *TSAMO RF*, f. 341, op. 0005328, d. 0006.
18. Otchet o boyevykh deystviyakh 56 tbr za period s 20.08. po 20.09. 1942 goda [Report on Military Operations of the 56th TBr for the Period from 20.08. to 20.09.1942]. *TSAMO RF*, f. 3430, op. 0000001, d. 0008.
19. Sbornik prikazov i boyevykh rasporyazheniy VS fronta i armii, otdannykh voyskam vo vremya Velikoy otechestvennoy voyny (1942–1945). Operativnyy otdel shtaba 8 Gvardeyskoy Armii. Yanvar' 1946 goda [Collection of Orders and Combat Orders of the Armed Forces of the Front and the Army, Given to the Troops During the Great Patriotic War (1942–1945). Operational Department of the Headquarters of the 8th Guards Army. January 1946]. *TSAMO RF*, f. 345, op. 5487, d. 87.
20. Falk D. The 64th Army at Stalingrad 1942–43: A Day-By-Day Account of a Soviet Combined Arms Infantry Army During the Battle for Stalingrad. Falken Books, 2019. 290 p.
21. Mark J. *Death of the Leaping Horseman: The 24th Panzer Division in Stalingrad 12th August – 20th November 1942*. Mechanicsburg, PA, Stackpole Books, 2003. 501 p.
22. Stewart G.R. *Pickett's Charge: A Microhistory of the Final Attack at Gettysburg, July 3, 1863*. Boston, Houghton Mifflin Harcourt, 1987. 354 p.
23. *Unterlagen der Ia-Abteilung des PzAOK 4: Aktennotiz – Die Operationen der 4. Panzerarmee gegen Stalingrad, 31.7.-15.9.1942*. URL: <https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/5638-delo-149-dokumenty-operativnogo-otdela-shtaba-4-y-tankovoy-armii-opisanie-operatsiy-4-y-tankovoy-armii-pri-nastuplenii-na-stalingrad-za-31-07-15-09-1942-g#page/7/mode/inspect/zoom/4> (accessed 28 September 2021).

Information About the Authors

Alexandra K. Elokhina, Assistant, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, alexelokhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3475-384X>

Evgeny V. Stelnik, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>

Информация об авторах

Александра Константиновна Елохина, ассистент кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, alexelokhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3475-384X>

Евгений Викторович Стельник, кандидат исторических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, analitika@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.21>

UDK 930.1:069.1

LBC 63.012

Submitted: 22.09.2021

Accepted: 15.10.2021

DIGITAL MUSEUMIFICATION AS A PROMISING MECHANISM FOR THE PRESERVATION AND PRESENTATION (REPRESENTATION) OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE: TOWARDS THE FORMULATION OF THE QUESTION¹

Vladimir A. Zolotovskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* During the 20th century the functions and essence of museums have undergone changes. One of the most relevant functions of modern museums is museumification. The purpose of the paper is to reveal the features of digital museumification as a promising direction and an actual form of museumification of material and non-material objects included in the socio-cultural environment. *Discussion.* The undertaken historiographical review allowed us to conclude that there is a sufficient methodological and factual basis for a comprehensive study of the essence of museumification. At the same time, many problems of the theory and practice of museumification have not even received a problematic definition. *Analysis.* Museumification is of particular importance in the activities of saving, preserving, and introducing cultural heritage objects into the modern socio-cultural environment. In modern domestic and foreign practice museumification develops in two main directions: removal from the natural area and museumification of cultural heritage monuments through actualization or introduction into the socio-cultural environment. The monument, which is a harmonious part of the socio-cultural environment, does not require artificial conservation of the habitat or the area of the monument. It is determined that for such objects of museumification it is reasonable to use the concept of “dynamic museumification”. The most adequate form of “dynamic museumification” should be considered digital museumification. *Results.* Digital museumification should be understood as an activity for the transformation of cultural heritage objects into living objects that develop together with their cultural space and socio-cultural environment. Digital museumification is presented as a combination of actions and means pointed at ensuring the implementation of preservation and popularizations tasks within the framework of the “smart city” system being formed. Digital museumification objectively makes it necessary to create open information bases for all interested persons. The detected connection between the space of a monument and the channels of forming the historical memory determines the need for organizing digital museumification in a digital creative urban space.

Key words: museumification, popularization of cultural heritage objects, cultural heritage objects, historical memory, creative space.

Citation. Zolotovskiy V.A. Digital Museumification As a Promising Mechanism for the Preservation and Presentation (Representation) of Historical and Cultural Heritage: Towards the Formulation of the Question. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 256-271. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.21>

УДК 930.1:069.1

ББК 63.012

Дата поступления статьи: 22.09.2021

Дата принятия статьи: 15.10.2021

ЦИФРОВАЯ МУЗЕЕФИКАЦИЯ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ (РЕПРЕЗЕНТАЦИИ) ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА¹

Владимир Алексеевич Золотовский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В течение XX в. под воздействием глобальных социокультурных, политических и экономических процессов функции и сущность музеев претерпели изменения. Одной из наиболее актуальных функций современных музеев является музеефикация. Цель исследования – раскрыть особенности цифровой музеефикации как перспективного направления и актуальной формы музеефикации материальных и нематериальных объектов, входящих в историко-культурное пространство и социокультурную среду. *Степень изученности.* Предпринятый анализ научной литературы в области музеефикации позволил сделать вывод о том, что имеется достаточная методологическая и фактологическая база для комплексного исследования сущности музеефикации, а также приоритетных аспектов ее организации и развития. Вместе с тем многие проблемы теории и практики музеефикации, в том числе вопрос сущности цифровой музеефикации, не получили даже проблемного определения. *Анализ.* Особое значение в деятельности по спасению, сохранению, а также введению памятников культурного наследия в современную социокультурную среду приобретает музеефикация. Памятник, являющийся гармоничной частью историко-культурного пространства, не требует искусственной консервации среды или ареала памятника. Определено, что для таких объектов музеефикации обоснованно использовать понятие «динамической музеефикации», наиболее адекватной формой которой следует считать цифровую музеефикацию. *Выводы.* Цифровая музеефикация представляется нам как деятельность по трансформации памятников культурного наследия в живые объекты, развивающиеся вместе с их историко-культурным пространством и социокультурной средой. Этот вид практики направлен на обеспечение реализации сохранительных и популяризационных задач с максимальной эффективностью, в рамках формируемой в современных условиях системы «умный город». Цифровая музеефикация объективно делает необходимым создание открытых информационных баз для всех заинтересованных лиц, вне зависимости от правового статуса объекта и субъекта музеефикации. Установленная нами связь пространства памятника культурного наследия с каналами формирования исторической памяти места определяет необходимость организации музеефикации в цифровом креативном городском пространстве.

Ключевые слова: музеефикация, популяризация объектов культурного наследия, объекты культурного наследия, историческая память, креативное пространство.

Цитирование. Золотовский В. А. Цифровая музеефикация как перспективный механизм сохранения и презентации (репрезентации) историко-культурного наследия: к постановке вопроса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 256–271. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.21>

Введение. Постановка проблемы. В течение XX в. под воздействием глобальных социокультурных, политических и экономических процессов функции и сущность музеев претерпели изменения. Институционально они эволюционировали от консервативных, элитарных субъектов коллекционирования к открытым, ориентированным на посетителя общественным институтам, обеспечивающим не только хранение и экспонирование памятников культурного наследия, но и изучение истории культуры.

Следует согласиться с мнением Т.П. Калугиной о том, что происходящие изменения в определенной степени следует понимать как проявление постмодернистского музеефикаторского типа культуры, со свойственным расширением объектов музеефикации в целях публичной демонстрации составных элементов культуры [27]. Именно в этой связи одной из наиболее актуальных функций современных музеев является музеефикация. В самом

общем смысле музеефикация означает процесс включения в музейную или схожую по функциям иную, связанную с сохранением и популяризацией социокультурную сферу, материального и нематериального объекта или процесса (его части).

В центре нашего внимания – проблема музеефикации в широком смысле, прежде всего в вопросах субъектов музеефикации, ее форм, видов и направлений. Следует отметить, что основным предметом исследования в рамках данной статьи является вопрос сохранения значения историко-культурных объектов в общественном сознании. Безусловно, изыскание в этом направлении формирует особый интерес к обобщению опыта музеефикации и использования недвижимых памятников культурного наследия в европейской и азиатской практике музейного дела. Прежде всего речь идет об анализе практики и теоретическом осмыслении создания и организации деятельности различных типов музеев под открытым небом [31; 36; 54].

Не менее важной представляется проблема музеефикации материальных недвижимых и нематериальных объектов. С точки зрения вопросов сохранения и популяризации культурного наследия представляется актуальным вопрос музеефикации недвижимых памятников материальной культуры, частично отражающих трансформацию социокультурной среды [28; 40; 65].

Цель исследования – раскрыть особенности цифровой музеефикации как перспективного направления и актуальной формы музеефикации материальных и нематериальных объектов, входящих в историко-культурное пространство и социокультурную среду. В рамках достижения поставленной цели определены следующие исследовательские задачи: концептуализация музеефикации как форм сохранения культурного наследия; выделение направлений, форм и способов музеефикации; раскрытие специфики использования информационных технологий в музеефикации; определение сущности и выявление перспективных форм цифровой музеефикации.

Степень изученности. Анализ современной литературы позволил выделить основные направления научной мысли в области музеефикации. В частности, отметим особое внимание проблемам специфики практик музеефикации культовых и нематериальных объектов [29, с. 13–105; 51; 63]; характеристике сущности музеефикации мемориальных ландшафтов [37; 44]; раскрытию потенциала музеефикации мест исторических сражений, рассматривается вопрос о необходимости исторической реконструкции [7; 10; 15; 16]; отдельным проблемам теории и методики музеефикации [14; 41; 42; 43; 45; 67].

Вместе с тем многие проблемы теории и практики музеефикации не получили даже проблемного определения. В частности, проблема цифровой музеефикации лишь косвенно затрагивалась в современных исследованиях. В большинстве случаев учеными математиками, историками и культурологами рассматривались вопросы использования информационных средств и методов в музеефикации и музейном деле. При этом стоит отметить, что проблема цифровой музеефикации не получила даже общей концептуализации. Так, автор специальной статьи Н.Т. Тарумо-

ва ограничила поле собственного исследования лишь систематизацией практики использования цифровых средств в музейном деле, не пытаясь хотя бы в общих суждениях охарактеризовать заявленную в наименовании статьи цифровую музеефикацию [61].

Предпринятый анализ основных направлений научных изысканий в области музеефикации позволил сделать вывод о том, что имеется достаточная методологическая и фактологическая база для комплексного исследования сущности музеефикации, а также приоритетных аспектов ее организации и развития. В этой связи представляется актуальным дальнейшее системное изучение практики музеефикации, выделения ее перспективных форм и методов. При этом необходимо учитывать, что главная задача музеефикации состоит не только в нормативно определенном сохранении историко-культурного наследия и поддержании интереса к изучению собственной истории. В рамках музеефикации культурно-исторического пространства обеспечивается социокультурная идентификация населения [30, с. 10–13; 47; 52; 62; 60].

Анализ. Музеефикация: основные направления, формы и способы. В настоящее время в России нет единого подхода и системного понимания методики охраны историко-культурного наследия материального и нематериального характера. Наибольшее распространение получила практика создания музейных фондов и музеев-заповедников. Как комплексные объекты музеефикации последние становятся центрами популяризации традиционных промыслов, а посредством исторических реконструкций также и этнокультурных особенностей.

«Живые музеи» также вовлечены в музеефикационную работу с материальным и нематериальным наследием. Представленное в научной литературе понимание сущности этих музеев позволяет их разделить на две группы: живые, или средовые музеи, воплощающие объединение предметно-художественной среды и социально-бытовых объектов; живые музеи, направленные на расширенную интерактивную популяризационную деятельность. Последние, выделяемые в качестве наиболее актуальных [26; 53], как объекты с обширной познавательной составляющей,

в большей степени соответствуют задачам нематериальной музеефикации. В то время как традиционные музеи в большей степени отвечают задачам сохранения и популяризации историко-культурного наследия в материальной форме.

В современных условиях глобализационного кризиса общества и трансформации экономики памятники материального и нематериального наследия в большей степени находятся под угрозой разрушения. В этой связи особое значение приобретают задачи по спасению, сохранению (консервации), а также актуализации («введению») как включения памятников наследия в современную социокультурную среду посредством музеефикации [13; 29, с. 70–74, 82, 99, 106–110; 41, с. 139; 58, с. 28–30]. Безусловно, указанные направления деятельности связаны между собой, однако их реализация в конкретных формах музеефикации имеет специфику. Так, например, сохранение памятников культурного наследия обеспечивается соответствующей нормативной базой и институционально передано традиционным музеям. В то время как актуализация не ограничивается конкретными субъектами и может быть более эффективной в рамках деятельности нетрадиционных музеев.

Современные подходы к актуализации, введению и использованию объектов культурно-исторического наследия не способствуют решению приоритетных задач развития культуры. Например, наличие разновременной городской застройки, с одной стороны, требует развития современной городской экономики. С другой – очевидна необходимость сохранения уникальной городской архитектуры. В этой связи следует отметить, что именно средовой подход позволяет конкретным формам музеефикации обеспечить актуализацию и введение культурно-исторических объектов, в том числе в составе комплексов и ансамблей. При этом особого внимания заслуживает анализ практики и теоретическое осмысление создания и организации деятельности различных типов музеев под открытым небом [13; 29, с. 85–105; 35, с. 254–256; 65, с. 59–60].

Полная или частичная музеефикация традиционно связаны с определением соответствующего правового режима и статуса объекта. Отметим, что выделенная в науч-

ной литературе как традиционная форма [12, с. 37–38; 39, с. 62–63; 31, с. 12–13; 38, с. 35–37], полная материальная музеефикация является процессом не только капиталоемким, но и ограничивающим потенциал введения / использования объектов культурного наследия. Именно по этой причине огромное количество недвижимых памятников, имеющих историко-культурную ценность, остаются немусеефицированными. Такой подход не учитывает охранительные и популяризационные возможности иных уникальных объектов, формирующих историко-культурную среду.

Понятие музеефикации начал употреблять применительно к теории музейного дела Ф.И. Шмидт. Последующее качественное развитие доктринального понимания и практики музеефикации началось в период масштабных реставрационных работ и общего развития отечественных музеев в 50–60-е гг. XX в. [29, с. 19–20, 43].

В современных условиях в отечественной и зарубежной практике музеефикация развивается в двух основных направлениях. В рамках первого предполагается условное или фактическое изъятие объекта-памятника из естественного ареала с последующей трансформацией в объект показа с учетом его ценности. В отношении недвижимых материальных памятников такая музеефикация предполагает различные методы сохранения – от реставрации до консервации. Отметим, что музеефикация с извлечением объектов из первоначального пространства создания в качестве последствия может иметь полное уничтожение памятника [41, с. 137; 62, с. 27].

Второй вариант предполагает музеефикацию памятников культурного наследия через актуализацию или введение в социокультурную среду. Это направление в том числе реализуется в отношении материальной и нематериальной музеефикации в форме, например, музеев под открытым небом [17; 36; 54]. Прежде всего такой подход относится к определенным видам археологического, этнокультурного и архитектурного наследия.

Вне зависимости от направления и формы телеологическая сущность музеефикации заключается в сохранении исторической содержательной характеристики памятника. При этом музеефикация недвижимых мате-

риальных объектов позволяет сделать их гармоничной частью социокультурной среды [12, с. 38; 42; 45]. Именно музеефикация, а не восстановительные и иные сохранительные работы предполагают выявление памятников, их изучение и последующее введение в музейный и туристский показ, а также актуализацию их смыслов с точки зрения социокультурной среды.

Изменение социокультурной среды обуславливает необходимость обеспечения сохранности исторических пространств, вобравших памятники материальной культуры и хранящих историческую память как часть духовного наследия [11, с. 1–2; 60, с. 145–147]. Актуализация этого направления, в частности, выражается в многочисленных отечественных и зарубежных примерах музеефикации нематериальных объектов в комплексе практики сохранения уникальной культурной среды. Однако, учитывая в качестве основного объекта музеефикации материальные объекты особого статуса, используемые в музеефикационной практике с целью сохранения исторической памяти территории [12, с. 37–38; 13, с. 61–62; 50, с. 70], необходимо отметить важность сохранения всего культурно-исторического пространства, включая так называемые периферийные объекты. Нередко именно они являются «местами жизни» населения и становятся опорными точками топоса «малой родины» [12]. В этой связи следует подчеркнуть особое значение в современной повседневной жизни, психическом опыте и языке именно пространственных, а не временных категорий [20, с. 107].

Музеефикация материальных объектов позволяет сохранить памятники как знаки, или символы пространства исторической памяти народа – носителя языка означаемого. Именно в этом случае музеефицированные памятники становятся объектами социокультурной идентификации личности. Популяризация объектов культурного наследия и их сохранение в широком смысле обеспечивают стимулирование и участвуют в формировании чувства личной сопричастности посредством материальной и нематериальной музеефикации. В частности, в форме реконструкции места и истории личности, включающих в себя: сведения о месторасположении объекта, ис-

торию его создания и изменения, историю его изучения, историю личностей (общностей), связанных с местом / объектом [12, с. 37–38].

Отметим, что музеефикация археологических объектов и их групп, а также мест исторических сражений является частью деятельности по сохранению и популяризации. Наиболее актуальный вопрос материальной музеефикации таких объектов – определение границ охранной территории с последующей передачей в собственность публичному субъекту музеефикации [22]. После его проведения устанавливается разрешительный режим проведения изысканий культурного слоя с привлечением соответствующих специалистов [32; 33]. Наиболее подходящей формой музеефикации археологических объектов является частичная музеефикация, распространенная в зарубежной практике. Ее сущность заключается в обеспечении популяризации объектов, сохранении исторических памятников посредством установки информационных табличек или знаков, без возведения музеев и (или) материальной передачи объекта субъекту музеефикации с организацией соответствующих охранных, или сохранительных работ. Именно такая деятельность может быть успешно дополнена элементами цифровой музеефикации посредством формирования электронной базы данных об объекте, размещением в свободном доступе в сети Интернет. Такой подход позволяет расширить социокультурный ландшафт и ввести в культурную среду большое количество историко-культурных памятников.

Объекты музеефикации. К объектам музеефикации необходимо относить не только приоритетные объекты музейного интереса (памятники), но и открытое пространство в их окружении. Следует подчеркнуть, что в ряде случаев сам памятник сохраняет свое сущностное значение исключительно в контексте среды, частью которой он является. Поскольку памятник в среде его формирования (создания) представляет собой символ, воплощающий духовную деятельность (в части или целом) конкретного сообщества / общества, конкретного пространства. Таким образом, объектом музеефикации в определенных условиях становится «пространство, создающее системное объединение объектов» [50, с. 75].

Такой выбор комплексного объекта музеефикации создает определенные и вполне объективные сложности: традиционно процесс музеефикации, организуемый с целью сохранения объекта, определен нормативно с соответствующими изменениями статуса конкретного объекта, условиями его сохранения и т. д. Вместе с тем пространство вокруг памятника, его ареал, создающий визуальный комплекс, чаще всего относится к меняющейся градостроительной среде.

Возникает закономерный вопрос о том, как зафиксировать меняющееся пространство. Полагаем, что «живой» памятник, являющийся гармоничной частью историко-культурного пространства и социокультурной среды, находящийся в диалоге с обществом, общающийся с ним на одном символическом языке, не требует искусственной консервации среды или ареала памятника. Это может оказать негативное воздействие на восприятие памятника, оторвав его от меняющегося общества и пространства. В этом случае обоснованно использовать понятие «динамической музеефикации». В рамках такого направления музеефикации наиболее адекватной ее формой следует считать именно цифровую музеефикацию, позволяющую фиксировать качественные признаки изменения общества, выраженные в том числе в визуализации пространства [19, с. 50–52; 28, с. 128–129; 49, с. 134].

Введенные в цифровую среду и массовую культуру множество объектов культурного наследия зарубежных стран получили у наших соотечественников большую узнаваемость, чем отечественные памятники историко-культурного наследия федерального и регионального значения. Безусловно, на это оказывает влияние современная система образования. Кроме того, очевидна проблема смены или устаревания языка памятника-символа.

В современном технологическом обществе объективно произошла трансформация как самого знания, так и форм его трансляции. Знание становится общедоступным и неустойчивым с точки зрения длительности использования. Это в том числе изменило подход к восприятию объектов музейного показа.

Памятник, как основной объект музеефикации, являющийся знаком конкретной ис-

торической памяти, со временем теряет связь с обществом, прежде всего ввиду изменения языка знания. Именно язык был основным каналом «существования» памятника, он делал памятник живым как для ученого субъекта, так и для обывателя. Экскурсовод выступал в этой системе отношений связующим звеном между памятником и лицом, его воспринимающим. В контексте изменения языка культуры, смены или изменений в системе культурных ценностей, язык памятника-знака становится чуждым лицу, воспринимающему памятник. Таким образом, теряется весь смысл памятника-знака, что приводит к разрушению его сущности. В этой ситуации, единственным условием жизни памятника-знака становится выведение (освоение) памятника как объекта музеефикации в социокультурную среду. Такое освоение объекта музеефикации должно осуществляться без использования его собственного языка – канала передачи информации, что позволит памятнику вновь обрести сущность через актуальный язык общности. Именно эта форма жизни объекта музеефикации предусмотрена в рамках развития цифровой музеефикации.

При этом наиболее важным считаем не столько жизнь памятника посредством актуального канала передачи информации, сколько создание условий существования памятника в форме неограниченного временем и пространством освоения в цифровой среде. Цифровая музеефикация позволит обеспечивать реализацию сохранительных и популяризационных задач с максимальной эффективностью в рамках формируемой в современных условиях системы «умный город», объединяющих всех заинтересованных лиц. В этой связи цифровая музеефикация представляется нам как трансформация памятников культурного наследия в живые объекты, развивающиеся вместе с их историко-культурным пространством и социокультурной средой.

Музеефикация выступает в качестве основного направления охранной деятельности в отношении материальных и нематериальных объектов культурного наследия. В самом общем виде музеефикация как процесс представляется в нескольких этапах – в виде введения, актуализации, обеспечения сохранности объекта, поддержания нормального физи-

ческого состояния, изучения объекта, его презентации / репрезентации и интерпретации.

Традиционное понимание музеефикации, с привлечением исключительно публичных форм регулирования, представляется нам крайне институционализированным и в силу этого ограниченным. Полагаем, что для достижения главной цели музеефикации необходимо расширить круг вовлеченных субъектов. Безусловно, перевод объекта в новый статус в рамках музеефикации должен осуществляться именно музеем, как культурной институцией. Однако наполнение объекта культурного наследия (памятника) сущностным знаковым содержанием и выработка формы трансляции смыслов, составляющих памятник, должны формироваться более широким кругом участников. В качестве таковых должны прежде всего восприниматься носители языка знака-памятника, а также представители естественной для этого памятника социокультурной среды, представители различных отраслей научного исторического знания [11, с. 2–7; 62, с. 27].

Информационные технологии в музеефикации. Новейшие информационно-коммуникационные технологии применяются участниками музеефикации на всех ее этапах, вне зависимости от вида и формы объектов. Уникальность использования информационных технологий как средств и методов музеефикации заключается в их междисциплинарном характере. Синтез технологий и гуманитарного знания позволяет расширить не только сам перечень объектов музеефикации, но и прежде всего их информационно-аналитические характеристики. Собственно музеефикационные технологии как организованный комплекс специальных средств позволяют объединить разнородную информацию об объекте музеефикации в постоянно действующую динамическую структуру.

Расширение возможностей музеефикации видится нам в переходе к цифровому формату, позволяющему не только создать неограниченный канал трансляции историко-культурных смыслов объекта, но и дополнить сам памятник через формат неполной нематериальной музеефикации, цифровое моделирование и историческую реконструкцию, сбор и цифровую систематизацию архивных источников.

Кроме того, следует подчеркнуть, что в процессе музеефикации определенного вида объектов, например, археологических, необходимо учитывать возможности комплексной музеефикации, включающей соответствующие мероприятия не только в отношении конкретного объекта, но и окружающей природной среды. Такой подход применим и в музеефикации объектов городской среды.

Использование информационных технологий в процессе цифровой музеефикации предполагает не только создание информационной источниковой базы, используемой в исследовательских целях, но и разработку объемных изображений музеефицированных памятников. При этом, в зависимости от типа памятника, возможно графическое объединение исторических форм объекта как слоев, а также сопровождение визуального изображения памятника сопутствующим материалом – специальный видеоряд, анимационная проекция, музыкальное и текстовое сопровождение. Следует отметить особое место источниковой составляющей задач цифровой музеефикации, подчеркнутое наличием специальных исследований по этой теме [23; 68].

Такая информационная форма цифровой музеефикации позволяет использовать ее в широких популяризационных целях. Кроме того, объемные изображения используются как методы воссоздания утраченной части, или целого музеефицированного объекта [1, с. 31; 64]. В таком случае для реконструкции утраченного объекта применяется методика математического моделирования материальных объектов [1, с. 31–32; 19, с. 50–54].

За последние двадцать лет сложилась общая практика в области применения технологий трехмерного моделирования в исторических и археологических исследованиях. Особое внимание уделялось разработке подходов и методов синтеза источников в использовании программ трехмерного моделирования. Наиболее успешные практики внедрения информационных технологий в музеефикацию реализованы коллективами, объединившими в качестве участников ученых-математиков, обеспечивающих математическое моделирование, а также искусствоведов и историков. Итогом совместной работы таких групп являются не только новые формы презентации

и репрезентации объектов культурного наследия в рамках нематериальной музеефикации². Они имеют в том числе прикладное значение в проектировании комплекса, или отдельных работ по материальной музеефикации, включая виртуальную и материальную реконструкцию утраченных объектов [4, с. 10; 55].

Использование 3D-моделирования позволяет применять технологии лазерного сканирования с заданными алгоритмами сбора отсканированных фрагментов, направленных на реконструкцию объекта как целого. Аналогичным образом технологии лазерного сканирования с дополнением результатов аэрофотосъемкой позволяют реконструировать не только объекты культурного наследия, но и осуществлять реконструкцию городского пространства с учетом всех исторических изменений [4, с. 20–21; 5, с. 54; 6; 18]. В ряде случаев именно виртуализация в форме трехмерного моделирования позволила реконструировать городскую застройку, получить перспективы города, использовать визуальный источник, установив места расположения объектов, и т. д. [4, с. 26; 34].

В современной науке выделяют две группы работ по созданию виртуальных реконструкций историко-культурного наследия: академические и научно-популярные [5; 8, с. 5; 46, с. 51]. Значение академической виртуализации заключается в разработке компьютеризированных объектов культурно-исторического наследия, необходимых для пространственного анализа. Создаваемые междисциплинарными группами виртуальные модели позволяют реконструировать внешний вид объектов, внутренние и внешние архитектурные особенности объектов. Разрабатываемый как историческая реконструкция такой объект может использоваться как полноценный исторический источник.

Кроме научных, трехмерные технологии, безусловно, призваны решать и просветительские задачи, в качестве актуальной формы репрезентации, сохранения и визуализации культурного наследия. В этой связи выделяется следующая методика: а) трехмерная модель, представляющая собой визуально ориентированную базу системно организованного исследовательского материала (визуализация объекта предполагает

включение временных периодов эволюции объекта); б) 3D-модели, созданные как реконструкции, направленные на решение задач по репрезентации объектов историко-культурного наследия [2; 19, с. 49–54; 57].

Субъекты цифровой музеефикации.

В рамках использования цифровых технологий все участники музеефикации от исследователей и реставраторов до представителей научно-просветительской сферы могут как формировать, так и использовать соответствующую информацию. Музеефикация предполагает комплексное изучение истории памятника, включая все этапы исторического изыскания от формирования библиографии и изучения историографии объекта до проблемного анализа отдельных этапов истории памятника. Сформированная источниковая и историографическая база должна стать основой разработки актуального для конкретного памятника вида цифрового паспорта.

При этом вся разнородная информация о памятнике может быть объединена в общий массив данных, сгруппированных и организованных в форме открытой системы, снабженной рубриками и дополненной соответствующими каналами обновления. Речь идет о создании единой базы, включающей в себя выписки, фото и скан-копии архивных документов, рукописных источников, отчетов, фото- и видеоизображений, историческую изографию и т. д. В качестве модели такой системы можно использовать предложения коллектива авторов, разработавших проект онлайн-презентации результатов виртуальной реконструкции [3]. Кроме того, в определенной степени указанным характеристикам соответствуют действующие в настоящее время информационные базы данных по объектам культурного наследия [59].

В рамках институциональной музеефикации очевидна необходимость открытия информационной базы для ее пополнения прямыми и косвенными публичными участниками музеефикации объекта (от историков, искусствоведов, математиков – разработчиков 3D-модели объекта для репрезентации, или реконструкции, до работников архивов и библиотек, способных дополнить паспорт объекта источниками). Цифровая музеефикация, в том числе в форме нематериальной музеефи-

кации, объективно делает необходимым создание открытых информационных баз для всех заинтересованных лиц, вне зависимости от правового статуса объекта и субъектов музеефикации.

Основные формы и средства цифровой музеефикации. Цифровая музеефикация, безусловно, должна быть ориентирована на ее реализацию в приоритетной цифровой форме с использованием 3D-моделей объектов культурного наследия. В специальной литературе виртуальные модели музеефицированных объектов, а также памятников в общем, прямо связаны с методом визуализации объекта. Этот метод позволяет не только реконструировать в модели внешние признаки объекта, но и дает возможность раскрыть его качественные характеристики с учетом использования историко-генетического метода³.

Таким образом, очевидно, что в настоящее время специалисты в сфере охраны объектов историко-культурного наследия могут использовать действенные инструменты воссоздания не только облика памятников, но и его качественных характеристик, в том числе полностью утраченных.

Внедрение указанных нами форм и средств цифровой музеефикации позволит перейти к широкому внедрению в музейную практику тематических электронных коллекций 3D-моделей объектов культурного наследия и соответствующих информационных баз данных, обеспечивающих возможность проведения комплексного сравнительно-типологического исследования. Вместе с тем следует отметить, что 3D-моделирование как средство, или метод музеефикации может обеспечить сохранность историко-культурного объекта от разрушения, а также даст возможность наиболее эффективно ввести его в социокультурную среду.

Особенно актуально такое применение 3D-технологий в вопросах музеефикации археологических и архитектурных объектов древнего мира и средневекового периода, а также в большинстве случаев несохранившихся в изначальном виде, но имеющих специфический историко-культурный слой, мест сражений. Применение к последним из перечисленных объектов 3D-моделирования как метода музеефикации основано не только на

информационно-аналитической базе общего характера, но может быть дополнено проекционным сканированием поверхности [56].

При использовании такой методики музеефикации мест сражений происходит не только визуальное усиление эмоционального восприятия конкретного события, имеющего значение как средства патриотического воспитания и популяризации культурно-исторического наследия. Оно позволяет воссоздать необходимые элементы поля боя, а также более определенно представить ход сражения и движения боевых порядков [69, с. 290].

Описанный спектр применения информационных технологий в музейном деле полностью соответствует направлениям и этапам музеефикационной деятельности. При этом цифровая музеефикация с применением методов объемной цифровой реконструкции (созданию виртуальных моделей) утраченных полностью или частично объектов, безусловно, обеспечивает раскрытие научной, историко-культурной и эстетической ценности памятников. Следовательно, характеризуемые нами информационные методы и средства определенно соответствуют признакам музеефикации памятников как процесса.

Среда цифровой нематериальной музеефикации. Указанная нами связь пространства памятника с каналами формирования исторической памяти места определяет необходимость организации цифровой музеефикации в цифровом креативном городском пространстве с элементами концепции «умный город». Выступая в качестве топоса, организующего и трансформирующего систему социальных отношений, систему ценностей, креативное городское пространство объединяет разнонаправленные явления в виде социокультурного синтеза, стимулирует творческую инициативу, позволяет усилить эмоциональные связи социума с ареалом обитания посредством личного участия в его формировании и трансформации [21, с. 86–88].

Вместе с тем современные формы коммуникации, в наибольшей степени определяющие направленность развития общества, приводят к виртуализации как самого общества, так и социокультурной среды. В таких условиях и происходит актуализация креативного пространства в цифровой форме [48, с. 49].

Развивая нематериальную музеефикацию в цифровом креативном пространстве, создаются условия формирования социокультурной среды в интерактивной и не имеющей ограничений форме. Именно так, посредством сохранения и популяризации историко-культурных памятников, обеспечивается личное участие каждого члена общества в формировании единого культурного пространства и преодолении социальной разобщенности. Кроме того, в этих условиях стираются границы между создателями культурного пространства и потребителями соответствующих благ.

Необходимо учитывать, что динамическая виртуализация креативного пространства создает уникальные условия для его открытого развития. Речь также идет о новых социальных и культурных практиках, участники которых формируют и открыто распространяют новые ценности различного, в том числе деструктивного по характеру содержания. В этой связи следует подчеркнуть, что цифровая нематериальная музеефикация как открытая коммуникационная социокультурная практика может быть реализована в таких же разноректорных направлениях.

Результаты. Памятник как объект музеефикации с идеалистической точки зрения обладает общественной ценностью, которая не всегда может быть, а в ряде случаев не должна быть личной или индивидуальной. В современном информационном обществе, развивающемся в визуализируемом канале коммуникации, возникают условия разобщенности ценностей, которые становятся формой индивидуализации и самоопределения личности. В особенности это касается детской и юношеской категорий населения, как наиболее вовлеченных в информационную социокультурную среду, в том числе в креативное цифровое пространство.

В таких условиях возникает угроза нарушения культурно-исторической преемственности и партикуляции исторической памяти. Сами же памятники, исключаясь таким образом из символического диалога с обществом, утрачивают свое значение. Избежать таких негативных последствий можно лишь учитывая, что цифровое креативное пространство, как форма социальной коммуникации и место реализации практики цифровой музеефикации,

может быть охарактеризовано четырьмя основными функциями: познавательной (сохранение историко-культурного наследия); рекреационной (организация досуга); политической (формирование пространства политического диалога); социальной (организация взаимодействия между людьми и органами публичного управления) [25, с. 123].

Реализация этих функций возможна лишь при прямом координирующем участии в качестве системообразующего элемента этих отношений конкретного публичного субъекта. В вопросах цифровой нематериальной музеефикации им должен стать региональный орган исполнительной власти, обеспечивающий сохранение, использование и популяризацию объектов культурного наследия, находящихся в собственности региона.

К основным субъектам следует отнести: музеи, архивы, библиотеки, а также экспертные общественные советы при указанных органах власти и представителей научного сообщества. Они должны выступать инициаторами, координаторами и основными участниками, обеспечивающими цифровую музеефикацию.

Вопросы популяризации и развития соответствующих ресурсов, информационно обеспечивающих цифровую музеефикацию, являются приоритетными для остальных субъектов: участники коммерческого сектора услуг в сфере культуры и общественные организации, вовлеченные в деятельность по популяризации культурного наследия, представители конкретной социокультурной среды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проекта № 0633-2020-0004 «Развитие методики виртуальной 3D-реконструкции исторических объектов».

The study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as research project no. 0633-2020-0004 "Development of methods of virtual 3D reconstruction of historical objects".

² Наиболее конкретными примерами репрезентации являются комбинированные и цифровые экскурсии. Например, см.: [9; 66].

³ Безусловно, в рамках музеефикации необходимо учитывать широкие возможности виртуа-

лизации. Так, в ходе моделирования могут быть воспроизведены не только сами объекты, но и исторические процессы (производственные, ритуальные, военные сражения и пр.). Работа над раскрытием специфики моделирования исторических процессов и явлений ведется в России с девяностых годов прошлого века. Исследователи изучали вопросы методов и методологии компьютерного моделирования исторических процессов и явлений [измерительные/отражательные и имитационные (прогностические, контрфактические и альтернативные)] [5; 24; 4, с. 10].

REFERENCES

1. Anikeeva S.O. Ob opyte ispolzovaniia tekhnologii bim dlia muzeifikatsii dereviannykh pamiatnikov arkhitektury [About the Experience of Using Bim Technology for the Museumification of Wooden Architectural Monuments]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiia i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Tomsk State University. Cultural Studies and Art History], 2014, vol. 1 (13), pp. 31-36.
2. Baryshev R.A. Virtualnaia istoricheskaia rekonstruktsiia Troitskoi tserkvi g. Eniseiska [Virtual Historical Reconstruction of the Trinity Church of Yeniseisk]. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Serii «Gumanitarnye nauki»* [Journal of the Siberian Federal University. The Series "Humanities"], 2011, vol. 4, no. 7, pp. 973-983.
3. Borodkin L.I. et al. Reprezentatsiia i vizualizatsiia v onlaine rezultatov virtualnoi rekonstruktsii [Representation and Visualization of the Results of Virtual Reconstruction Online]. *Istoricheskaia informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniakh* [Historical Informatics. Information Technologies and Mathematical Methods in Historical Research], 2015, vol. 3-4 (13-14), pp. 3-18.
4. Borodkin L.I., Zherebiatev D.I. Sovremennye tendentsii v razrabotke virtualnykh rekonstruktsii obiektov istoriko-kulturnogo nasledii: mezhdunarodnyi opyt [Modern Trends in the Development of Virtual Reconstructions a Historical and Cultural Heritage Objects: International Experience]. *Virtualnaia rekonstruktsiia istoriko-kulturnogo nasledii v formatakh nauchnogo issledovaniia i obrazovatel'nogo protsessa* [Virtual Reconstruction of Historical and Cultural Heritage in the Formats of Scientific Research and Educational Process. Collection of Scientific Articles]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2012, pp. 10-30.
5. Borodkin L.I., Zherebiatev D.I. Tekhnologii 3d-modelirovaniia v istoricheskikh issledovaniakh: ot vizualizatsii k analitike [3D Modeling Technologies in Historical Research: From Visualization to Analytics]. *Istoricheskaia informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniakh* [Historical Informatics. Information Technologies and Mathematical Methods in Historical Research], 2012, vol. 2 (2), pp. 49-63.
6. Bush P.D. Virtualnaia rekonstruktsiia ruinirovannogo obiekta kulturnogo nasledii na primere zamka Brandenburg v Kaliningradskoi oblasti [Virtual Reconstruction of a Ruined Cultural Heritage Object on the Example of Brandenburg Castle in Kaliningrad Region]. *Nauka, obrazovanie i eksperimentalnoe proektirovanie. Trudy MARKHI* [Science, Education and Experimental Design. The Works of MARKHI]. Moscow, MARKHI Publ., 2016, pp. 413-416.
7. Bush P.D. Memorialnaia konservatsiia i muzeifikatsiia ruin, stavshikh sledstviem voennykh deistvii na territorii Rossiiskoi Federatsii i postsovetского prostranstva [Memorial Conservation and Museification of Ruins that Have Become a Consequence of Military Operations on the Territory of the Russian Federation and the Post-Soviet Space]. *Sovremennaia arkhitektura mira* [Modern Architecture of the World], 2019, vol. 2 (13), pp. 304-316.
8. Borodkina L.I., Rumiantseva M.V., Barysheva R.A., eds. *Virtualnaia rekonstruktsiia istoriko-kulturnogo nasledii v formatakh nauchnogo issledovaniia i obrazovatel'nogo protsessa: sb. nauch. st.* [Virtual Reconstruction of Historical and Cultural Heritage in the Formats of Scientific Research and Educational Process. Collection of Scientific Articles]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2012. 196 p.
9. Virtualnyi muzei [Virtual Museum]. *Stalingradskaia bitva* [The Battle of Stalingrad]. URL: <https://stalingrad-battle.ru/project/> (accessed 22 June 2021).
10. Vlasov V.A. Muzeifikatsiia i memorializatsiia sobytii Velikoi Otechestvennoi Voiny v poslevoennyi period [Museumification and Memorialization of the Events of the Great Patriotic War in the Post-War Period]. *Budushchee nauki – 2019: sb. nauch. st. 7-i Mezhdunar. molodezh. nauch. konf.* [The Future of Science-2019. Collection of Scientific Articles of the 7th International Youth Scientific Conference]. Kursk, South-Western State University, 2019, pp. 67-70.
11. Viazinkin A.Iu., Dvukhzhilova I.V. Problema virtualnykh rekonstruktsii «mest pamiati» v svete prostranstvennogo kulturnogo povorota [The Problem of Virtual Reconstructions of "Places of Memory" in the Light of a Spatial Cultural Turn]. *Urbanistika* [Urbanistics], 2020, vol. 3, pp. 1-8.
12. Galkina T.V., Rudnitskii Iu.A. Istoricheskaia rekonstruktsiia mesta i lichnosti kak opyt nematerialnoi muzeifikatsii [Historical Reconstruction of a Place and a

Person As an Experience of Immaterial Museumification]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiia i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Tomsk State University. Cultural Studies and Art History], 2014, vol. 1 (13), pp. 37-43.

13. Glushkova P.V. Klassifikatsiia muzeev pod otkrytym nebom v aspekte aktualizatsii nematerialnogo kulturnogo naslediiia [Classification of Open-Air Museums in the Aspect of Actualization of Intangible Cultural Heritage]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 2015, vol. 1-1 (61), pp. 59-63.

14. Golovina S.G. Metody eksponirovaniia i muzeifikatsiia istoricheskikh konstruksii [Methods of Exhibiting and Museumification of Historical Structures]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov* [Bulletin of Civil Engineers], 2021, vol. 1 (84), pp. 5-13.

15. Gorbunov A.V. Muzeifikatsiia polei srazhenii kak obiektov kulturnogo naslediiia [Museumification of Battlefields as Objects of Cultural Heritage]. *Ekologicheskie problemy muzeev-zapovednikov. Materialy desiatoi vs Rossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Ecological Problems of Museums-Reserves. Materials of the 10th All-Russian Scientific Conference], (Moscow, November 15–17, 2005). Moscow, Institute of Heritage Publ., 2008, pp. 52-64.

16. Gorbunov A.V. Sokhranenie istoricheskoi pamiati o Borodinskoi bitve («srazhenii na Moskve-reke») na pole srazheniia [Preserving the Historical Memory of the Battle of Borodino (“The Battle on the Moscow River”) on the Battlefield]. *Srazhenie na Moskve-reke: rossiiskii i frantsuzskii vzgliady spustia dva stoletii. sbornik materialov rossiisko-frantsuzskogo nauchnogo kollokviuma. Ser. «Trudy istoricheskogo fakulteta MGU»* [The Battle on the Moscow River: Russian and French Views After Two Centuries. Collection of Materials of the Russian-French Scientific Colloquium. Series “Proceedings of the Historical Faculty of Moscow State University]. Saint Petersburg, Aletaya Publ., 2019, pp. 237-258.

17. Goroshko N.V., Shmakova G.V. Sovremennye problemy muzeev pod otkrytym nebom i ikh rol v sokhranении istoriko-kulturnogo naslediiia (na primere sushchestvuiushchikh i perspektivnykh muzeev Novosibirskoi oblasti) [Modern Problems of Open-Air Museums and Their Role in the Preservation of Historical and Cultural Heritage (On the Example of Existing and Promising Museums of Novosibirsk Region)]. *Balandinskie chteniia* [Balandinsky Readings], 2014, vol. 9, no. 3, pp. 284-287.

18. Granstrem M.A., Zolotareva M.V. Muzeifikatsiia kak politika sokhraneniia obieemno-prostranstvennoi identichnosti fragmentov istoricheskogo goroda [Museumification As a Policy of Preserving the Spatial Identity of Fragments of a Historical City]. *Velikie reki 2016. Trudy nauchnogo*

kongressa [Great Rivers’ 2016. Proceedings of the Scientific Congress], 2016, pp. 143-146.

19. Dashkovskaia O.D. Matematicheskoe modelirovanie v istoricheskikh issledovaniakh: zadachi, osobennosti i vozmozhnosti primeneniia metoda [Mathematical Modeling in Historical Research: Tasks, Features and Possibilities of Using the Method]. *Vestnik Iaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriiia «Gumanitarnye nauki»* [Bulletin of the Yaroslavl State University Named After P.G. Demidov. The Humanities Series], 2020, vol. 2 (52), pp. 48-55.

20. Dzheimison F. *Postmodernizm, ili Kulturnaia logika pozdnego* [Postmodernism, or the Cultural Logic of the Late]. Moscow, Publishing house of the Gaidar Institute, 2019. 808 p.

21. Ermakova L.I., Sukhovskaia D.N. Rol kreativnoi sredy rossiiskogo goroda v formirovanii tsnnostnykh orientatsii lichnosti gorozhanina [The Role of the Creative Environment of the Russian City in the Formation of Value Orientations of a Citizen’s Personality]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice], 2016, no. 10 (72), pp. 86-89.

22. Efremova E.V. Muzeifikatsiia obiektov arkheologicheskogo naslediiia v svete sovremennogo rossiiskogo zakonodatelstva [Museumification of Archaeological Heritage Objects in the Light of Modern Russian Legislation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2014, vol. 387, pp. 84-90.

23. Zhrebiatev D.I. Postroenie otkrytoi informatsionnoi sredy v zadachakh 3d-modelirovaniia: istoriko-kulturnogo naslediiia: onlain dostup k istochnikam virtualnoi rekonstruktsii monastyrskogo kompleksa nachala XX v. [Building an Open Information Environment in 3D Modeling Tasks: Historical and Cultural Heritage: Online Access to Sources of Virtual Reconstruction of the Monastery Complex of the Early 20th Century]. *Istoricheskaiia informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniakh* [Historical Informatics. Information Technologies and Mathematical Methods in Historical Research], 2012, vol. 1 (1), pp. 80-91.

24. Zhrebiatev D.I., Konchakov R.B. Tekhnologii trekhmernogo modelirovaniia v rakurse istoricheskoi informatiki [Technologies of Three-Dimensional Modeling in the Perspective of Historical Informatics]. *Krug idei: modeli i tekhnologii istoricheskikh rekonstruktsii. Ser. «Krug idei»* [Circle of Ideas: Models and Technologies of Historical Reconstructions. Series “Circle of Ideas”], 2010, pp. 145-174.

25. Zakharova E.E. Obshchestvennye prostranstva kak faktory sotsiokulturnogo razvitiia lokalnykh territorii [Public Spaces As Factors of Socio-Cultural Development of Local Territories]. *Vestnik kultury i iskusstv* [Bulletin of Culture and Arts], 2017, vol. 2 (50), pp. 122-127.

26. Zakhvatova D.S. Poniatie «zhivye muzei» v sovremennoi muzeologii [The Concept of “Living Museums” in Modern Museology]. *Lomonosovskie chteniia na Altae: fundamentalnye problemy nauki i obrazovaniia* [Lomonosov Readings in the Altai: Fundamental Problems of Science and Education], Barnaul, Altai State University Publ., pp. 3717-3719.

27. Kalugina T.P. Muzei i «muzeefikatorskii» tip kultury [The Museum and the “Museum-Specific” Type of Culture]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kalugina-tp/muзей-i-muzeefikatorskiy-tip-kultury> (accessed 18 June 2021).

28. Kalnitskaia E.Ia. Novye puti muzeifikatsii pamiatnika arkhitektury: Mikhailovskii zamok [New Ways of Museumification of an Architectural Monument]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Proceedings of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University], 2008, vol. 75, pp. 123-131.

29. Kaulen M.E. Muzeifikatsiia istoriko-kulturnogo nasledii Rossii [Museumification of the Historical and Cultural Heritage of Russia]. Moscow, Eterna Publ., 2012. 432 p.

30. Kaulen M.E. Sredovoi muzei v prostranstve goroda [The Environmental Museum in the Space of the City]. *Molodezh i sotsium* [Youth and Society], 2012, vol. 5, pp. 9-18.

31. Kaulen M.E. Muzei pod otkrytym nebom: mnogoobrazie modelei i problemy vybora [Open-Air Museums: A Variety of Models and Problems of Choice]. *Muzei-zapovedniki muzei budushchego: mat-ly Mezhdunar. nauchn.-praktich. konf., 18–22 noiab. 2015* [Museums-Reserves Museums of the Future: Materials of the International Scientific Research. Practical Conference, November 18–22, 2015]. Yelabuga, LLC “EITIK” Publ., 2015, pp. 11-34.

32. Kepin D.V., Titova E.N. Muzeifikatsiia arkhitekturno-arkheologicheskikh pamiatnikov [Museumification of Architectural and Archaeological Monuments]. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomskaia Pisanitsa»* [Scientific Notes of the Museum-Reserve “Tomsk Pisanitsa”], 2018, vol. 8, pp. 112-120.

33. Kovalev D.D., Romanov V.V. Muzeifikatsiia obiektov arkheologicheskogo nasledii (pamiatnikov arkheologii) v Rossiiskoi Federatsii: sovremennye tendentsii, problemy, perspektivy [Museumification of Archaeological Heritage Objects (Archaeological Monuments) in the Russian Federation: Current Trends, Problems, Prospects]. *Sovremennoe sostoianie infosfery uchrezhdenii kultury. Materialy*

I Mezhdunarodnogo studentcheskogo nauchno-prakticheskogo foruma [The Current State of the Infosphere of Cultural Institutions. Proceedings of the 1st International Student Scientific and Practical Forum]. Orel, Orel State Institute of Culture, 2018, pp. 55-59.

34. Konchakov R.B. Primenenie metodiki trekhmernogo prostranstvennogo analiza dlia izucheniia formirovaniia gorodskoi zastroiки i vosstanovleniia kulturnogo nasledii [Application of the Three-Dimensional Spatial Analysis Methodology for Studying the Formation of Urban Development and the Restoration of Cultural Heritage]. *Krug idei: metody i tekhnologii istoricheskikh rekonstruktsii: trudy XI konf. Assotsiatsii «Istoriia i kompiuter»* [Circle of Ideas: Methods and Technologies of Historical Reconstructions. Proceedings of the 11th Conference of the “History and Computer” Association]. Moscow, Barnaul, Tomsk, MSU Publishing House, 2010, pp. 218-237.

35. Krasilnikova E.E. et al. Muzeifikatsiia gorodskikh territorii kak faktor gradostroitel'nogo razvitiia (na primere Volgograda) [Museumification of Urban Territories As a Factor of Urban Development (On the Example of Volgograd)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Stroitel'stvo i arkhitektura* [Bulletin of the Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Construction and Architecture], 2019, vol. 2 (75), pp. 254-262.

36. Levitskaia E.A., Galdilov G.D. Muzei pod otkrytym nebom kak variant konservatsii pamiatnikov istorii i kultury (na primere ostrova Sakhalin) [Museums Under the Open Sky As a Variant of the Preservation of Monuments of History and Culture (On the Example of the Island of Sakhalin)]. *Turizm i muzei: sinergeticheskii effekt vzaimodeistviia* [Tourism and Museums: Synergistic Interaction]. Moscow, Publishing House “Znanie-M”, 2020, pp. 254-263.

37. Martynov A.I. Muzeifikatsiia pamiatnikov istoriko-kulturnogo nasledii i istoricheskikh mest – problema natsionalnaia [Museumification of Monuments of Historical and Cultural Heritage and Historical Places – A National Problem]. *Severnnyi arkheologicheskii kongress: tez. dokl.* [Northern Archaeological Congress. Abstracts of Reports]. Khanty-Mansiysk, Charoid Publishing House, 2006, vol. II, pp. 278-279.

38. Martynov A.I. Osobennosti i problemy muzeifikatsii kulturno-istoricheskogo nasledii Rossii [Features and Problems of Museumification of the Cultural and Historical Heritage of Russia]. *Muzei-zapovedniki – muzei budushchego: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 18–22 noiab. 2015* [Museums-Reserves-Museums of the Future: Materials of International Scientific Research. Practical

Conference, November 18–22, 2015]. Elabuga, 2015, pp. 35-44.

39. Martynov A.I., Abrosimova Iu.A. Problemy muzeifikatsii materialnogo istoriko-kulturnogo nasledia selskikh territorii Sibiri [Museumification Problems of the Material Historical and Cultural Heritage of Siberia Rural Territories]. *Vestnik KemGUKI* [Vestnik KemGUKI], 2017, vol. 40, pp. 62-66.

40. Mastenitsa E.N. Kulturnyi landshaft kak obiekt nasledia: podkhody k izucheniiu i problemy sokhraneniia v muzeiakh pod otkrytym nebom [Cultural Landscape As a Heritage Object: Approaches to the Study and Problems of Preservation in Open-Air Museums]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiia i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Tomsk State University. Cultural Studies and Art History], 2015, vol. 2 (18), pp. 42-51.

41. Mastenitsa E.N. Muzeifikatsiia gorodskoi sredy: podkhody i metody [Museumification of the Urban Environment: Approaches and Methods]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publishing House, 2013, vol. 10-1 (36), pp. 137-141.

42. Mastenitsa E.N. Muzei gorodskoi sredy: istoki i sovremennost [The Museum of the Urban Environment: Origins and Modernity]. *Kulturologicheskie issledovaniia v Sibiri* [Cultural Studies in Siberia], 2009, vol. 27, pp. 148-154.

43. Mikhaleva K.A. Formirovaniemetodologicheskikh osnov muzeifikatsii pamiatnikov arkhitektury v usloviakh razvitiia istoricheskogo goroda [Formation of Methodological Foundations of Museumification the Architectural Monuments in the Conditions of the Development of a Historical City]. *Kazanskaia nauka* [Kazan Science], 2014, vol. 9, pp. 28-33.

44. Nikitina N.A. *Muzeifikatsiia literaturno-memorialnykh usadebnykh kompleksov: Dis. ... kand. kulturologii* [Museumification of Literary and Memorial Estate Complexes. Cand. cult. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2005. 186 p.

45. Nikonova A.A. Muzeifikatsiia gorodskoi sredy [Museumification of the Urban Environment]. *Sbornik metodicheskikh materialov po projektu «Nulevaia versta»* [Collection of Methodological Materials on the Project “Zero Verst”]. Saint Petersburg, Federal State University “CMS named after A.S. Popov”, 2010, pp. 35-41.

46. Nikonova A.A. Vizualnye tekhnologii i sokhranenie kulturnogo nasledia Rossii [Visual Technologies and Preservation of the Cultural Heritage of Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*

[Bulletin of the Saint Petersburg State University of Culture and Arts], 2014, vol. 1 (18), pp. 49-53.

47. Nikonova A.A. Rol muzeia v formirovanii kulturnoi identichnosti [The Role of the Museum in the Formation of Cultural Identity]. *Voprosy muzeologii* [Questions of Museology]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University, Publ., 2010, no. 2 (2), pp. 119-123.

48. Ovcharenko G.V. Evoliutsiia prakticheskikh i teoreticheskikh aspektov upravleniia sotsialnymi innovatsiiami [Evolution of Practical and Theoretical Aspects of Social Innovation Management]. *TerraEconomicus*, 2012, vol. 10, iss. 1-2, pp. 47-49.

49. Petrova Iu.A. Virtualnyi muzei kak effektivnyi instrument sokhraneniia kulturnogo nasledia i razvitiia muzeinykh sistem [Virtual Museum As an Effective Tool for Preserving Cultural Heritage and Developing Museum Systems]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 6. Filosofii. Kulturologiia. Politologii. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Bulletin of the Saint Petersburg University. Series 6. Philosophy. Cultural Studies. Political Science. Right. International Relations], 2012, vol. 3, pp. 132-138.

50. Petrov-Spiridonov N.A. K voprosu muzeifikatsii istoricheski znachimyykh arkhitekturno-landshaftnykh territorii evropeiskoi chasti Rossii, vkluchaiushchikh monastyri i khramy [To the Question of the Museumification of Historically Significant Architectural Territories in the European Part of Russia, Including Monasteries and Temples]. *Zhizn Zemli* [Life of the Earth], 2016, vol. 38, iss. 1, pp. 68-79.

51. Pimenova K.V. Sakralnye predmety i transformatsii muzeinoi etiki: istoki, problemy, resheniia [Sacred Objects and the Transformation of Museum Ethics: Sources, Problems, Solutions]. *Novye issledovaniia Tuvy* [The New Research of Tuva], 2019, vol. 2, pp. 115-127.

52. Popova N.A. Muzeifikatsiia kak kontseptsii sokhraneniia istoriko-kulturnogo nasledia [Museumification As a Concept of Preserving Historical and Cultural Heritage]. *Aktualnye voprosy okhrany i ispolzovaniia kulturnogo nasledia Kryma: materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Evpatoriia, 30–31 maia 2019 g.* [Topical Issues of Protection and Use of the Cultural Heritage of the Crimea: Materials of the 6th All-Russian Scientific and Practical Conference. Yevpatoriia, May 30–31, 2019]. Simferopol, IT «ARIAL» Publ., 2019, pp. 209-214.

53. Prokudina D.A. Nematerialnoe kulturnoe nasledie kak resurs dlia razvitiia territorii [Intangible Cultural Heritage As a Resource for the Development of the Territory]. *Kultura i obrazovanie* [Culture and Education]. Moscow, Moscow State Institute of Culture Publ., 2020, no. 4 (39), pp. 23-31.

54. Rakitianskaia E.V. Muzei pod otkrytym nebom: istoriia i sovremennost [Open-Air Museums: History

and Modernity]. *Zhurnal nauchnykh i prikladnykh issledovaniy* [Journal of Scientific and Applied Research], 2016, vol. 7, pp. 79-82.

55. Romanova I.A., Poluboiarova N.M. Virtualnaia rekonstruktsiia pamiatnikov istoriko-kulturnogo nasledia Vodianskogo gorodishcha [Virtual Reconstruction of Historical Monuments and Cultural Heritage of the Vodyansky Settlement]. *Nauchnaia vizualizatsiia* [Scientific Visualization], 2021, vol. 13, no. 3, pp. 9-21.

56. Rumiantsev M.V. et al. Virtualnaia rekonstruktsiia obiektov istoriko-kulturnogo nasledia [Virtual Reconstruction of Historical Objects and Cultural Heritage]. *Prikladnaia informatika* [Applied Informatics], 2011, vol. 6 (36), pp. 62-77.

57. Rumiantsev M.V. Vserossiiskii nauchno-metodicheskii seminar «Virtualnaia rekonstruktsiia v formatakh nauchnogo issledovaniia i uchebnogo protsessa» [All-Russian Scientific and Methodological Seminar “Virtual Reconstruction in the Formats of Scientific Research and Educational Process”]. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta* [Journal of the Siberian Federal University], 2011, vol. 7, iss. 4, pp. 1039-1044.

58. Sartakova A.V. Aktualizatsiia istoriko-kulturnogo nasledia v muzeinykh institutsiakh osobo okhraniaemykh prirodnykh territorii Baikalskogo regiona [Actualization of Historical and Cultural Heritage in Museum Institutions of Specially Protected Natural Territories of the Baikal Region]. *Nasledie vekov* [Heritage of Centuries], 2019, vol. 4 (20), pp. 28-34.

59. *Svedeniia iz Edinogo gosudarstvennogo reestra obiektov kulturnogo nasledia (pamiatnikov istorii i kultury) narodov Rossiiskoi Federatsii* [Information from the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation]. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn> (accessed 22 June 2021).

60. Solovev A.V. Muzeifikatsiia istorii: individualnaia i kollektivnaia pamiat v kontekste kachestva zhizni [Museumification of History: Individual and Collective Memory in the Context of Quality of Life]. *Kachestvo zhizni v fokuse mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: materialy Natsionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. IX Riazanskii sotsiologicheskie chteniia* [Quality of Life in the Focus of Interdisciplinary Research. Proceedings of the National Scientific and Practical Conference with International Participation. The 9th Ryazan Sociological Readings]. Moscow, Ippolitov Publishing House, LLC, 2019, pp. 145-153.

61. Tarumova N.T. Tsifrovaia muzeifikatsiia [Digital Museumification]. *Sbornik nauchnykh statei XIX Obieedinennoi konferentsii «Internet i*

sovremennoe obshchestvo» IMS-2016 [Collection of Scientific Articles of the 19th Joint Conference “Internet and Modern Society” IMS-2016. Saint Petersburg, June 22–24, 2016]. Saint Petersburg, 2016, pp. 130-139.

62. Timofeev M.Iu. Muzeifikatsiia SSSR [Museumification of USSR]. *Labirint. Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies], 2014, vol. 5, pp. 25-33.

63. Tokarev A.V., Iashaeva T.Iu. Muzeifikatsiia zagorodnykh peshchernykh monastyrei vizantiiskogo Khersona [Museumification of Suburban Cave Monasteries of Byzantine Kherson]. *Izuchenie i sokhranenie drevnykh sakralnykh prostranstv v sovremennom mire (k 1365-letiiu ssylki papy Martina v Khersones): materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Study and Preservation of Ancient Sacred Spaces in the Modern World (To the 1365 Anniversary of the Exile of Pope Martin to Chersonesos). Proceedings of the International Scientific Conference]. Simferopol, LLC “Antikva”, 2020, pp. 86-89.

64. Truevtseva O.N. Multimeidiinaia muzeifikatsiia obiektov kulturnogo nasledia [Multimedia Museumification of Cultural Heritage Objects]. *Sovremennye tendentsii v razvitiu muzeev i muzeovedeniia: materialy IV Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf. (Novosibirsk, 22–23 okt. 2020 g.)* [Modern Trends in the Development of Museums and Museology. Materials of the 4th All-Russian (With International Participation) Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, October 22–23, 2020)]. Novosibirsk, IPTs NGU, 2020, pp. 76-82.

65. Tsvetnov V.A. O sokhranении istoriko-kulturnoi sredy: muzeifikatsiia ili “Zhivoe nasledie” [On the Preservation of the Historical and Cultural Environment: Museumification or “Living Heritage”]. *Nauka, obrazovanie i eksperimentalnoe proektirovanie. Trudy MARKHI: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: sb. st.* [Science, Education and Experimental Design. The Works of MARKHI. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Collection of Articles]. Moscow, MARKHI, 2018, pp. 59-62.

66. Ekspozitsii i vystavki [Expositions and Exhibitions]. *GIAMZ Khersones Tavricheskii* [GIAMZ Chersonesos Tavrichesky]. URL: <https://chersonesos-sev.ru> (accessed 22 June 2021).

67. Iudin M.O. Metody muzeifikatsii obiektov arkhitekturnogo nasledia Kemerovskoi oblasti [Methods of Museumification of Architectural Heritage Objects of the Kemerovo Region]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniia i kulturologii* [In the World of Science and Art: Questions of Philology, Art History and Cultural Studies], 2016, vol. 12 (67), pp. 59-65.

68. Iumasheva Iu.Iu. Istochnikovaia baza virtualnykh istoricheskikh rekonstruktsii obiektov istoriko-kulturnogo nasledia: k postanovke problemy [The Source Base of Virtual Historical Reconstructions of Objects of Historical and Cultural Heritage: Towards the Formulation of the Problem]. *Istoricheskaia informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniakh* [Historical Computer Science.

Information Technologies and Mathematical Methods in Historical Research], 2020, vol. 3, pp. 21-50.

69. Iakusheva O.V. Voprosy muzeifikatsii mest istoricheskikh srazhenii [Questions of Museumification of Historical Battles Places]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiia. Sotsiologiia. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Russian State University. Series: Philosophy. Sociology. Art History], 2010, vol. 15 (58), pp. 288-295.

Information About the Author

Vladimir A. Zolotovskiy, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

Информация об авторе

Владимир Алексеевич Золотовский, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Историческая наука сильно отличается от других наук тем, что историк накапливает свои знания годами и делает их достоянием общественности на склоне лет. Профессиональные историки не могут сиюминутно реагировать на запросы меняющейся жизни человеческого общества, а когда выдают свой труд «на гора», теории, которые послужили методологической основой их исследований, кажутся устаревшими и неинтересными современникам. Между тем эти работы содержат много новых знаний, которые заслуживают того, чтобы они были подробно проанализированы и осмыслены. Не случайно историография является одним из «китов», на которых зиждется историческая наука. Исходя из этого редакционная коллегия «Вестника ВолГУ» открывает новую рубрику, в которой предлагает исследователям критически осмыслить и обсудить работы, которые, на наш взгляд, должны оставить след в историографии. Такой работой мы считаем недавно вышедшую монографию патриарха венгерской русистики Тамаша Крауса «Судьба идей в истории СССР и после...» [10]. Ждем предложений для дальнейших обсуждений.

И.О. Тюменцев,

доктор исторических наук, профессор,
главный редактор журнала

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.22>

UDC 930

LBC 94(47).084.8

Submitted: 20.04.2021

Accepted: 25.09.2021

DISCUSSION ABOUT THE BOOK BY KRAUSZ TAMÁS “THE FATE OF IDEAS DURING THE USSR HISTORY AND AFTER...”

Nina E. Vashkau

Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russian Federation

Arcady A. German

Saratov National Research State University, Saratov, Russian Federation

Tatiana B. Ivanova

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Evgeniy F. Krinko

Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Sergey G. Sidorov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. N.E. Vashkau in the essay “On the way to the dialogue of national historiographies” notes the importance of historical memory, interaction within the framework of the intercultural dialogue of historiographies. A.A. German, in

solidarity with some of T. Kraus' views on the historical memory of the Second World War, starts a polemic with him on a number of problems related to the theory, history and practice of the creation, development and fall of Soviet state socialism. T.B. Ivanova (section "Historical memory forecasting the future") focuses on self-government as an instrument of social emancipation as a direction to develop the social structure, which T. Kraus pays special attention to in theory and political activity. The author pays attention to the wide information and evidence base offered by T. Kraus to prove the value of this idea every time for the next social reconstruction. E.F. Krinko in the section "Soviet history in a Marxist reading: Tamas Kraus on revolution, socialism, war and other issues" notes that the publication of the book provides us with a deep understanding about the Hungarian historian views basing on the denial of capitalism with its ideals of individualism and private property and commitment to the socialist idea. He emphasizes that T. Kraus rejects both the application of the theory of totalitarianism to Soviet history due to its limited research potential, and the apologetics of Soviet man and state socialism. S.G. Sidorov focused on the second section of T. Kraus' book "War and Genocide. Historical facts and the politics of memory", in which the author gives answers to important questions: who is responsible for the war; whether it is possible to compare the Nazi Germany with the USSR as well as GULAG and Auschwitz; who is guilty of civilians genocide and others. Sidorov has come to the conclusion that the application of "his methodological conviction – the third way" actually led the author to estimates that are close to many ones given by modern Russian historians, and allowed him to reasonably and fairly criticize the views on World War II, the Soviet period of Russian history prevailing today in Hungary and in the West.

Key words: Tomas Krausz, history of the USSR, revolution of 1917, World War II, state socialism, historiography of "totalitarianism", culture of isolation, Soviet man, Hungarian historiography, history of ideas.

Citation. Vashkau N.E., German A.A., Ivanova T.B., Krinko E.F., Sidorov S.G. Discussion About the Book by Krausz Tamás "The Fate of Ideas During the USSR History and After...". *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 272-291. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.22>

УДК 930
ББК 94(47).084.8

Дата поступления статьи: 20.04.2021
Дата принятия статьи: 25.09.2021

ДИСКУССИЯ ПО КНИГЕ КРАУСА ТАМАША «СУДЬБА ИДЕЙ В ИСТОРИИ СССР И ПОСЛЕ...»

Нина Эмильевна Вашкау

Липецкий государственный университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
г. Липецк, Российская Федерация

Аркадий Адольфович Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет,
г. Саратов, Российская Федерация

Татьяна Борисовна Иванова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгений Федорович Кринко

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Сергей Григорьевич Сидоров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Н.Э. Вашкау в очерке «На пути к диалогу национальных историографий» отмечает значение исторической памяти, взаимодействия в рамках межкультурного диалога историографий. А.А. Герман, солидаризируясь с некоторыми взглядами Т. Крауса по вопросам исторической памяти о Второй мировой войне, вступает с ним в полемику по целому ряду проблем, связанных с вопросами теории, истории и

практики создания, развития и падения советского государственного социализма. Т.Б. Иванова (раздел «Историческая память в прогнозировании будущего») акцентирует внимание на самоуправлении как инструменте социальной эмансипации – направлении развития общественного устройства, которому Т. Краус уделяет особое внимание в теории и политической деятельности. Анализируется значительная информационно-доказательная база работы Т. Крауса об использовании этой идеи всякий раз для очередного общественного переустройства. Е.Ф. Кринко в разделе «Советская история в марксистском прочтении: Тамаш Краус о революции, социализме, войне и других вопросах» отмечает, что выход сборника позволяет достаточно полно представить воззрения венгерского историка, в основе которых лежит отрицание капитализма с его идеалами индивидуализма и частной собственности и приверженность социалистической идее. Он подчеркивает, что Т. Краус отвергает как применение к советской истории теории тоталитаризма вследствие ограниченности ее исследовательского потенциала, так и апологетику советского человека и государственного социализма. С.Г. Сидоров основное внимание уделил второму разделу книги Т. Крауса «Война и геноцид. Исторические факты и политика памяти», в котором автор дает ответы на важные вопросы: кто несет ответственность за войну; отождествимы ли нацистская Германия с СССР, Гулаг и Освенцим; кто повинен в геноциде мирного населения и другие. С.Г. Сидоров пришел к выводу, что применение «своего методологического убеждения – третьего пути» фактически привело автора книги к оценкам, которые близки многим современным российским историкам, и позволило аргументированно и справедливо критиковать господствующие сегодня в Венгрии и на Западе взгляды на Вторую мировую войну, советский период истории России.

Ключевые слова: Тамаш Краус, история СССР, революция 1917 г., Вторая мировая война, государственный социализм, историография «тоталитаризма», культура изоляции, советский человек, венгерская историография, история идей.

Цитирование. Вашкау Н. Э., Герман А. А., Иванова Т. Б., Кринко Е. Ф., Сидоров С. Г. Дискуссия по книге Крауса Тамаша «Судьба идей в истории СССР и после...» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 272–291. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.22>

На пути к диалогу национальных историографий

Н.Э. Вашкау

Сама идея обсудить книгу венгерского ученого очень своевременная. Состояние дел в научном сообществе, обмен мыслями, идеями и позициями сегодня заставляют вспомнить время 1995–2010 гг., когда в Волгоградском государственном университете проходили регулярные международные научные встречи с немецкими, американскими, итальянскими коллегами (В. Ветте, Г. Юбершер, Х.-Х. Нольте, В. Якобмайер, Д. Бальд, М. Росси и многие другие). Названия конференций были острыми, современными, результаты свидетельствовали о сближении позиций историков разных стран, о возможности и необходимости равноправного, неидеологизированного сотрудничества, поиска приемлемых решений в дискуссионных ситуациях.

Я вижу некую историческую закономерность в появлении книги Т. Крауса на русском языке. Автор подводит итог 30-летия развития исторической науки в Венгрии и в нашей

стране. Начало 1990-х гг. было культурным шоком для историков СССР и Восточной Европы – открытие архивов, еженедельные «Правдинские пятницы», первые публикации в исторических журналах, которые становились материалом для лекций в университетах, ибо учебники не соответствовали духу времени и открывавшемуся материалу. Так была воспринята мною книга Ласло Белادي и Тамаша Крауса, изданная в 1988 г. на венгерском языке и в 1989 г. переведенная на русский язык издательством политической литературы, в скромной мягкой обложке, вышедшая тиражом 300 тыс. экз., целые абзацы которой были подчеркнуты карандашом студентами. Так новы и неожиданны были постановка вопросов и предлагаемые ответы... Книга была большим подспорьем в изучении эпохи сталинизма, которая открывалась нам всем «зияющими высотами». Т. Краус признает (что не часто случается с историками!) [10, с. 218], что использовал данные, общепринятые в исторической науке того времени, и, как теперь понятно, не соответствующие действительности. Так, он ссылаясь на данные Роя Медведева о количестве жертв чисток. Появление

новых данных показало, что цифры были завышены. Но историки были только в начале пути по открытию и осмыслению документов.

Автор все годы интенсивно работал в самых разных направлениях, что для нашего исторического цеха не характерно. Проблемы, которые освещаются в этом издании, являются отдельными темами для многолетней работы российских историков. Стоит вспомнить полярные точки зрения на публикации по событиям 1917 к юбилею революции в 2017 году.

Не имея возможности говорить обо всех сюжетах, остановлюсь на тех, которые более всего занимают меня последние годы. То, что Германия после окончания Второй мировой войны провела огромную работу по преодолению прошлого, признается в современной российской историографии, публицистике. Многие эксперты считают это одним из самых успешных примеров в области «политики памяти» [5, с. 8–11].

«Признать национальную вину вовсе не означает, как боятся многие, запятнать образ нации. Напротив, у нации появляется возможность внести изменения в самоидентификацию: категорически отмежеваться от преступлений, которые имеются в ее истории, и громко заявить о ценностях гражданского общества», – сказала в интервью Институту Гёте известный специалист в области изучения исторической памяти Алейда Ассманн (университет Констанц, ФРГ) в 2013 году [1].

Полемизируя со своим молодым коллегой Кристианом Унгвари, Т. Краус пишет, например, о том, что, участвуя на территории Советского Союза в преступлениях и насилиях против женщин, немецкие и венгерские солдаты не понесли наказания. В то время как советские солдаты, вступая в Германию (и в Венгрию), за насилие над гражданским населением получали дела и сроки [10, с. 150]. Если мы хотим оставаться на стороне правды и строгого следования документам, мы должны разделить тезис автора: не стоит поступать на службу тому или иному политическому курсу и стараться удовлетворить его легитимационные запросы, «национальные нарративы» [10, с. 179]. «Чем многообразнее добытые из архивов исторические материалы, тем труднее установить политический контроль над научной областью, в которой, между

прочим, неизбежно сталкиваются различные политические интересы» [10, с. 194]. Это замечание особенно актуально сейчас, в пору увлечения пересмотром страниц истории СССР с уклоном в поиски очернителей.

Т. Краус настаивает на геноциде советского народа со стороны оккупационных войск [10, с. 197, 213]. И это делает ему честь – открыто назвать события и дать им оценку. Ярким примером живучести в Германии легенды о «чистом вермахте» стала судьба выставки «Война на уничтожение – преступления вермахта 1941–1944». В Германии до сих пор существует убеждение, что регулярная армия не была причастна к преступлениям, которые совершали войска СС и гестапо. И хотя о них говорилось на Нюрнбергском процессе, эти устойчивые представления оказалось сложно опровергнуть внутри общества. Выставка была подготовлена в 1995 г. Гамбургским институтом социальных исследований и получила огромный общественный резонанс, авторитетные ежедневные и еженедельные немецкие издания публиковали обстоятельные материалы об экспозиции. Вышло более 20 серьезных публикаций влиятельных историков ФРГ. «Мы находимся на пороге глубинной переоценки ценностей», – писали фрайбургские историки Вольфрам Ветте и Герд Юбершер. После ознакомления с документами выставки бывший солдат не мог отмахнуться от вопросов молодого поколения: что ты делал на Восточном фронте? Это ты на фотографии?

Но в октябре 1999 г. историки Б. Музыл (Польша) и К. Унгвари (Венгрия), тогда молодой ученый, напечатали сообщения об атрибуции ряда снимков. В частности, К. Унгвари поставил под сомнение 11 фотографий, указав, что в качестве палачей на снимках запечатлены солдаты финской и венгерской армий. С точки зрения аутентичности замечание верное, но оно коснулось только 20 фото из 1 433!!!

Тем не менее статьи о сознательной фальсификации заполнили газеты. Выставка была закрыта. Новая команда под руководством У. Юрайт смогла преодолеть сопротивление и общественности, и исторического цеха, и переработанная выставка открылась после длительных обсуждений в ноябре

2001 г., и по март 2004 г. была показана в 11 немецких городах. Она дала новый импульс для работы немецких исследователей и появления ряда публикаций: Hürter J. Hitlers Heerführer. Die deutschen Obersbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42. München, 2006; Römer F. Der Komissarbefehl. Wehrmacht und NS-Verbrecher an der Ostfront 1941/42. Paderborn, 2008; Hartmann Ch. Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Zinterland. 1941/1942, München, 2009; Müller R.-D. Der Feind steht im Osten. Hitlersgeheime Pläne für einen Krieg gegen die Sowjetunion im Jahr 1939. Berlin, 2011.

Но вернемся к тезисам К. Унгвари. Осознав, что плоды его изысканий сослужили не лучшую службу в закрытии выставки таким образом, в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» 5 ноября 1999 г. он писал: «Будучи одним из критиков выставки, я должен разочаровать ее противников. Ошибки, сделанные при атрибуции снимков, не могут служить доказательством “чистоты вермахта”». А как же вели себя венгерские войска?

В ходе освобождения ранее захваченных германскими солдатами и их союзниками территорий бойцы Красной армии столкнулись со следами преступлений, проходя через разрушенные и ограбленные колхозы, сожженные села и деревни, обнаруживая ямы с расстрелянными, замученными жителями и пленными красноармейцами. На основе этих фактов, а также на показаниях выживших свидетелей о злодеяниях была собрана доказательная база причиненного солдатами вермахта урона населению, хозяйству и экономике того или иного района/области советского государства [6, с. 30–66]. За время деятельности Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК) было собрано огромное количество документов – одних протоколов допросов свидетелей насчитывалось более 250 тысяч. Информация, собранная членами комиссии, была представлена на Нюрнбергском судебном процессе и легла в основу вынесения обвинительных приговоров нацистским лидерам.

Краус однозначно оценивает документы ЧГК как достоверные. Ибо можно подвергать сомнению наспех записанные – свидетельства, как преувеличенные, ссылаясь на неразбериху военного времени. Здесь он полемизирует с Никитой Петровым, который упрекает ЧГК в пропагандистской деятельности [10, с. 198]. Между тем массовые источники, например, из Воронежского государственного архива, взятые в комплексе, доказывают участие немецких, венгерских, итальянских солдат в уничтожении мирного населения. Что прямо зафиксировано в актах с указанием, какие части совершали злодеяния. Приведем один пример: свидетельства из акта Покровского сельсовета о зверствах и бесчинствах, учиненных венграми и немцами над гражданами слободы Коротояк Воронежской области от 18 января 1943 г. «...Венгерские солдаты и офицеры, собрав в поле мирных жителей, положили к земле лицом и начали бить прикладами и топтаться сапогами по гражданам. Ими расстреляны: Бушманов Григорий Тихонович, 73 года; старуха Башкатова Варвара, 63 года; Тепцов Иван Васильевич, 37 лет. Оставшихся живыми граждан из этой группы фашисты погнали в лес, повязали веревками, как овец, свалили в кучу и 12 часов избивали. После издевательства фашисты погнали босых и раздетых граждан, а кто не мог идти – расстреливали. Пригнали в село за 50 километров от города Коротояка и бросили, как скот, на произвол судьбы, и эти люди питались, как птицы, бродили по селам, собирая пищу для жалкого существования. В другой группе граждан фашисты отбили матерей от малых детей и погнали более 100 человек в неизвестном направлении. И эти граждане пропали без вести, а дети остались без матерей, бродили по селам. Многие из них померли [2, с. 67]. И когда мы видим фото пропагандистских щитов венгерских войск в районе Дона, датированные осенью 1942 г.: «Тут ходили мадярские войска. Крест, землю, волю назад дали вам», приведенные в книге воронежских историков, мы понимаем, что это воспринималось как издевательство [13, с. 36].

Давая краткую характеристику второй части книги, озаглавленной «Война и геноцид», автор пишет: «Я, не отворачиваясь от вызовов войн памяти, но и не намереваясь плыть по те-

чению, занимаюсь главным образом “переосмыслением” Великой Отечественной войны в Восточной Европе, в том числе венгерскими и российскими аспектами этой проблемы. Мне хотелось бы осмыслить и объяснить, каким образом политика опять переделывает по своему образу и подобию нашу науку, историю, прежде всего в отношении событий XX в.».

Непредубежденное, неконъюнктурное освещение немецкого, а теперь с помощью работ Тамаша Крауса и венгерского опыта, имеющего для нас особый смысл и особое значение, может принести немалую пользу и российской исторической мысли, и российскому историческому сознанию. Лев Копелев, один из крупнейших гуманистов XX столетия, инициатор «Вуппертальского проекта» о многовековом диалоге русских и немцев, назвал опыт преодоления тоталитаризма в ФРГ «необычайно важным, необходимым для России» – «ради выздоровления общества, ради того, чтобы исцелить тяжелооболванную страну». С полным основанием эти слова можно отнести и к научным работам венгерских ученых, которые не в связи с конъюнктурой, а вопреки ей стремятся донести до читающей венгерской публики, в первую очередь до молодежи, неизвестные или нежелательные к обсуждению в современной действительности страницы истории. Не переболев, не поняв, не выработав к этим событиям собственного аргументированного отношения, нельзя надеяться, что ростки неонацизма, отрицания роли СССР в освобождении Европы от национал-социалистической теории и практики не будут вновь и вновь подниматься на щит.

Что можно предложить предпринять в пространстве сопряжения российского исторического знания и достижений зарубежной историографии? В русле привлечения молодежи к изучению истории Второй мировой войны организовать авторитетный всероссийский конкурс школьных исторических работ по повседневной истории нашей страны в XX в., найти «российского» Курта Кёрбера по примеру проведения таких конкурсов в Германии, которые проходят под патронажем президентов ФРГ с 1973 года. Таким опытом еще в 2006 г. делились участвовавшие в международной конференции в Волгоградском государственном университете ученые и учителя

из Германии Б. Дистель, К. Майвальд, Э. Рихтер, В. Якобмайер.

Периодически выпускать специальные номера исторического журнала «Родина», посвященные проблематике российско-германских отношений и опыту «преодоления прошлого» в ФРГ и других странах. В школьных учебниках по истории XX в. предусмотреть темы, напрямую затрагивающие эти вопросы.

Компонентом современного межкультурного диалога является взаимодействие и взаимовлияние национальных историографий и национальных научных сообществ. Различные уровни этого процесса могут предусматривать взаимную объективную информацию о направлениях развития исторической науки; систематические переводы книг и статей, публикации в национальных научных изданиях (пример такого взаимодействия мы и обсуждаем на страницах этого журнала); совместные исследовательские проекты; международные дискуссии по конкретно-историческим и методологическим проблемам. Книга Тамаша Крауса приглашает к такому диалогу.

Тамаш Краус о судьбе идей «в истории СССР и после»

А.А. Герман

Известный венгерский историк, общественный деятель, советолог Тамаш Краус издал в России книгу «Судьба идей в истории СССР и после...», посвященную проблеме развития и трансформации под влиянием политических факторов идей социальной эмансипации в нашей стране. По политическим убеждениям автор – левый социалист, сторонник идей Маркса и Ленина, сохранивших, по его мнению, актуальность. С этих позиций он трактует исследуемые им идеологические процессы.

В книге представлены работы автора, объединенные общим смысловым подходом, обозначенным в названии. Первая и третья части связаны линией судьбы социалистических идей в СССР и странах Восточной Европы, вторая раскрывает политику исторической памяти в современной Венгрии о событиях Второй мировой войны и освещает преступления нацистов и их венгерских подручных на территории СССР.

Первая часть книги «Понятия и подходы» посвящена анализу исторической памяти о российской революции 1917 г. и судьбе теоретического наследия В.И. Ленина. Автор пишет о современном господстве «неототалитаристской» историографической школы, отвергающей закономерность Октября в России. Сам он предстает сторонником «ревизионистской школы», имевшей недолгий успех в России, странах Восточной Европы во второй половине 1980-х годов. «Ревизионисты» вернулись к досталинским интерпретациям развития революции в России, связанным с работами Ленина, Троцкого, других теоретиков большевизма.

Краус, исходя из своих антикапиталистических убеждений, не видит положительного в предвоенном развитии России, недооценивает вклад реформ П.А. Столыпина в ее экономический и политический прогресс, первые успехи «цивилизованного» капитализма. Столыпин был убит эсерами за то, что в русской деревне стал явно ощущаться успех капиталистической модернизации. Но автор прав в том, что сохранение среди крестьян психологии общинности повлияло на их настроение в 1917 году.

Краус отрицает «путчистский» характер Октябрьской революции, говорит о ее объективном характере, о массовой поддержке большевиков рабочими, крестьянами, солдатами [10, с. 27, 28]. Но в его системе доказательств убеждает не все. Неверно, что к осени 1917 г. «большевики почти везде получили большинство в советах». Они получили его лишь в столицах и ряде крупных промышленных центров, где кроме маргинальной части рабочих их поддерживали солдаты крупных военных гарнизонов. Ленин это понимал. Люди устали от войны и ее лишений, они требовали быстрее мира, но это вовсе не значит, что они были за большевистский социализм.

Декреты о мире и о земле стали первыми документами советского правительства не случайно. Первый носил популистский характер и лишь декларативно вдохновлял россиян, уставших от тягот войны. Декрет о земле подменял аграрную программу большевиков эсеровским принципом социализации и разда-

чи крестьянам помещичьей земли. Так их привлекали на сторону большевиков. Еще одним трюком стала поддержка народного требования проведения выборов в Учредительное собрание. Большевики надеялись, что их первые декреты обеспечат им большинство, но за большевиков проголосовало всего 23 % избирателей, эсеровские же партии вместе получили свыше 51 % голосов. Идея легитимизации своей власти через Учредительное собрание провалилась. Начались репрессии... Большевики действительно опирались на массовую поддержку рабочих, крестьян и солдат, но лишь для захвата власти, ее удержания до «подхода мировой революции».

Оправдывая действия большевиков после захвата власти, Краус вынужден отметить, что вопреки идеям, изложенным Лениным в «Государстве и революции», отмирать стало не государство, а советское самоуправление [10, с. 37]. Автор признает большевистское насилие, формулируя вопрос: «Можно ли бороться с варварством не варварскими средствами?». И далее уклончиво отвечает: «Я не знаю ответа на этот вопрос» [10, с. 40].

Краус пишет о своеобразии российской революции, анализируя дискуссии, проводившиеся в большевистской среде. Особое внимание уделяется дискуссии Л. Троцкого и М. Покровского, в которой первый подчеркивал универсализм социалистической революции, а второй выпячивал ее «историческое своеобразие». Вопреки мнению Т. Крауса представляется, что эта дискуссия утратила свою актуальность.

Говоря о Ленине, автор вынужден признать, что в современной историографии тот показывается как сторонник государственного социализма, ему приписываются утопические иллюзии и авторитарно-догматический марксистский взгляд. Попытки опровергнуть эти выводы выглядят малоубедительно. Краус пишет о венгерских исследователях Ф. Тёкеи и Г. Лукаче, продолживших на основе ленинских положений исследование «азиатского способа производства», полемизирует с Ю. Хабермасом по поводу его термина «исправляющая революция», рисуя восточноевропейские страны как общества догоняющего типа. Много места уделено дебатам с «лидером венгерской либеральной экономики»

Я. Корнай, который в работе «Социалистическая система» доказывает, что эта система завела социалистические страны в «исторический тупик», потому что игнорировала или недооценивала фундаментальные социальные институты: плюралистическую демократию, частную собственность и рынок. Краус обвиняет Корнай в абсолютизации «сталинского социализма», не придавая должного значения другим его известным формам, показанным в трудах Ленина, во второй программе РКП(б). В помощь себе автор привлекает и творчество И. Дойчера. Однако практических примеров такого социализма он привести не может, поскольку их не существовало.

Интересными представляются рассуждения Крауса о событиях осени 1956 г. в Венгрии. В них он видит не антикоммунистическую революцию, а попытку сменить модель «сталинского социализма» на социализм гуманный, подтверждая свои выводы деятельностью рабочих советов в период восстания. Заслуживает внимания сравнение событий 1968 г. в Чехословакии, 1980 г. в Польше, реформ, проводившихся в Венгрии после 1956 г., югославских экспериментов с событиями осени 1989 г. в странах Восточной Европы. Все предшествовавшие 1989 г. события, по его мнению, являлись попытками поиска социалистического развития общества за пределами сталинской модели. Они закончились неудачей. В то же время поражение социалистов «подтолкнуло оппозицию, критикующую систему, к развитию буржуазной альтернативы», которая и победила в «бархатных» революциях осени 1989 года.

Вторая часть книги посвящена анализу историографии событий Второй мировой войны в Европе и политики памяти об этих событиях, реализуемой сегодня в Венгрии. Констатируется, что сегодня в Венгрии победила историография «тоталитаризма», где господствуют отождествление СССР с нацистской Германией, недооценка советских военных усилий, фальсификация начала Второй мировой войны [10, с. 129]. Причину этого Краус видит в реставрации традиционного национализма – антинаучного, агрессивного, «содер-

жащего в себе наследие режимов периода между мировыми войнами и времени Второй мировой войны» [10, с. 131]. Идеологическая концепция «двух одинаковых диктатур», пишет автор, ликвидирует «абсолютное зло» нацизма.

Обсуждая проблему советско-германского пакта о ненападении, Краус полностью солидаризируется с ведущей российской историографической концепцией, объясняющей действия советского руководства в августе 1939 г. «политикой умиротворения» Гитлера и отказом Польши, Чехословакии, других пограничных стран сотрудничать с СССР, что создавало для него угрозу нацистской агрессии. Автор доказывает наличие в каждой из стран Восточной Европы слоев населения, симпатизировавших нацизму.

Примечательно, что, оправдывая подписание Советским Союзом пакта о ненападении, автор резко негативно относится к германо-советскому договору о дружбе от 28 сентября 1939 г., заявляя, что этот договор «запятнал грязью поведение советского руководства» [10, с. 142] и имел тяжелые последствия как для самого СССР, так и для международного рабочего движения и антифашистского общественного мнения.

Особое внимание Краус уделяет анализу проблемы геноцида в годы войны, доказывая его осуществление не только со стороны нацистов, но и венгерских войск, находившихся в СССР. Он осуждает венгерских историков, отрицающих этот факт. Разоблачению замалчиваемого геноцида, который осуществляли венгерские оккупационные войска, автор посвящает отдельный материал [10, с. 180–215].

Существенное место автор уделяет разоблачению ряда аналогий между нацистским и сталинским режимами, сформировавшихся в западной, в том числе и венгерской, историографии: Освенцим – ГУЛАГ, Сталин – Гитлер, поведение германских войск в СССР – поведение Красной армии в Германии и др. Во всех этих попытках сравнения и отождествления Краус видит происки современных историков школы тоталитаризма. Разоблачения автора во многом сходны с аргументацией российских историков, в том числе и связанной с недавним празднованием 75-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне.

Третья часть книги – «Смысл перестройки. Конец СССР» – логически продолжает идеи первой части: исследуются проблемы теории, истории и практики социализма в Венгрии, СССР, других странах Восточной Европы. Освобождение Венгрии привело к дефашизации страны. Однако компартия скопировала и внедряла советскую модель развития, что и привело к народному восстанию 1956 года. Возвращаясь к теме рабочих советов 1956 г., Краус сравнивает их с советами Венгерской советской республики 1919 г., отмечает, что в исторической памяти рабочего класса сохранилась память о советах как самоуправляемой форме социализма. Установление режима Я. Кадара вновь привело к утверждению государственного социализма.

Автора занимают проблемы 1968 г. – года «бунта» в мировой политике против обусловленных «двумя мировыми системами новых иерархий, видов зависимости в экономике и мировой политике, против ограниченных великими державами возможностей других стран и народов» [10, с. 254]. Однако выступления молодежи, «Пражская весна», события в Польше, Венгрии, Югославии, других странах не только не способствовали разрушению буржуазного государства, но «подготовили неолиберально-неоконсервативное обновление буржуазной цивилизации». В результате к концу 1980-х гг., пишет Краус, была снесена вся восточноевропейская «государственно-социалистическая постройка».

Процессы советской «перестройки» автор рассматривает с точки зрения отношений и передела собственности. Оригинальными представляются выводы о том, что в основе приоритета государственной собственности на всех этапах развития СССР лежала идеолого-политическая концепция построения социализма в отдельно взятой стране и во враждебном окружении. Она сформировала культуру изоляции, в рамках которой руководство страны, властная бюрократия имели возможность держать население в постоянной мобилизационной готовности, реализуя свои цели. Эта культура изоляции была распространена и на другие соцстраны. Перестройка и «новое политическое мышление» привели к отказу от

культуры изоляции, что, по мнению Крауса, стало одним из важнейших факторов краха СССР и госсocialизма в Восточной Европе [10, с. 270].

Госсocialизм, пишет автор, показывал все большую свою неэффективность, отставание от капитализма, что и стало причиной перестройки. Первые шаги по дебюрократизации общества, акценты на усиление роли общественного социалистического самоуправления внушали надежду на исправление ситуации, однако возникшие в партийной элите расколы способствовали росту антисocialистических сил, стремившихся к развитию в СССР буржуазной экономики и демократии. Виной тому, считает Краус, было непонимание опасности «обобществления» госсocialственности, которое превращало эту собственность в частную. К началу 1990-х гг. в СССР верх одержали сторонники либеральной экономики. Таким образом, с горечью констатирует автор, «третий путь» между госсocialизмом и капитализмом опять оказался невозможен.

Завершается раздел «размышлениями» автора о советском человеке. В них показаны как позитивные, так и негативные стороны его мышления, поведения, отмечено их многообразие и переплетение. Импонирует уважительное отношение автора к объекту своего описания. Советский человек, советская культура, пишет автор, «оставили потомкам “жизненные” памятники, составляющие неистребимую часть прогрессивной мировой культуры, элементы эмансипации культуры» [10, с. 329].

После прочтения книги ее автор предстает перед нами гуманистом, неисправимым оптимистом, верящим в концепцию самоуправляемого социализма, определяющим его место где-то между госсocialизмом и рыночным либерализмом, хотя вся практика общественного развития с 1917 г., описанная самим же Краусом, показывает самоуправляемый социализм скорее утопией, чем реальностью.

При спорности некоторых выводов автора следует отдать должное его высокому профессионализму, прекрасному знанию историографии исследуемых проблем, а также за-

мечательному искусству полемики, которым он обладает. При чтении его работ можно получить ясное представление о венгерской историографии истории нашей страны, ее проблемах и полемических точках. Но, пожалуй, больше всего впечатляет глубокое уважение Крауса к советскому народу и современным россиянам, его самоотверженное отстаивание величия подвига советских людей в годы Второй мировой войны. Тамаш Краус – наш добрый друг, и хочется от всей души пожелать ему физического и творческого долголетия.

Историческая память в прогнозировании будущего

Т.Б. Иванова

Практически каждый день приносит нам новые примеры пересмотра различными исследователями и властными структурами устоявшихся со времен СССР взглядов на нашу историю. Эти процессы идут не только в зарубежных странах, но и в России, охватывают все большие периоды времени, перекрашивая то, что считалось белым, в черное и наоборот. «Судьба идей в истории СССР и после...» Тамаша Крауса представляет собой превосходный материал, позволяющий, несмотря на ясно обозначенную авторскую позицию, определить свое отношение к нашему прошлому, что положительно выделяет ее на фоне других работ. Поэтому можно с уверенностью рекомендовать эту монографию для изучения самому широкому кругу лиц, всем, кто стремится сформировать свою собственную точку зрения на исторические события.

Красной нитью в исследовании проходит анализ самоуправления как инструмента социальной эмансипации. Именно этому направлению развития общественного устройства Т. Краус уделял особое внимание в теории и политической деятельности. Так, он писал, что с 80-х гг. его методологическим убеждением стала «идея третьего пути», как способ «избегать неверных политических решений и/или осуществлять анализ альтернативности исторического развития» [10, с. 12], а в 1988 г. при его участии была сформирована оппозиционная Венгерской социалистической партии фракция – «Левая альтернатива», члены ко-

торой отрицали буржуазный либерализм и сталинизм, возможность реализации гуманистических идеалов в условиях «капитализма с человеческим лицом».

Почему же, по мнению Т. Крауса, эти идеи не стали главенствующими на политической арене в предыдущие годы, хотя обосновывались теоретически, начиная еще с работ Т. Мора, и реализовывались на начальных этапах каждого поворотного пункта в развитии человечества? В работе рассмотрены три таких поворотных периода в истории XX в. – становление СССР после революции 1917 г., Великая Отечественная война и перестройка 1989–1993 годов. Их объединяет общеметодологический подход – исторический анализ противоречия между стремлением человечества к реализации идей социального равенства, социальной эмансипации и изменяющимися нуждами политической власти. Эти процессы осмысливаются не только исходя из материалов российских архивов, но и на богатейших данных венгерских, что позволяет в ряде случаев получить взгляд извне, со стороны, открыть новые аспекты советской истории.

Анализируя период становления СССР, Т. Краус делает вывод, что, несмотря на развитие самоуправления в начале революции 1917 г. (рабочий контроль на крупных заводах, предоставление земли крестьянам), оно постепенно отмирало при усилении роли государства. Причинами этого стали гражданская война, голод, недостаток кадров, эпидемии. То есть «советское государство поддерживало самоуправление лишь до тех пор, пока оно не мешало военным усилиям и объединению экономических ресурсов» [10, с. 37]. Подкрепляется этот вывод и анализом дискуссии между Л.Д. Троцким и М.Н. Покровским. Это позволило Т. Краусу [10, с. 52] в начале 1990-х гг. предсказать, что первоначальное накопление капитала, изменение отношений собственности, к которым перешли в этот период страны Восточной Европы, могут быть реализованы только новым олигархическим капиталом, функционирующим с помощью авторитарного режима.

Казалось бы, период Великой Отечественной войны, проблемы ответственности за ее начало, отождествление нацистской Германии и СССР, Гулага и Освенцима далеки от

вопросов современного реформирования Восточной Европы, но их анализ как раз и позволяет Т. Краусу выявить причины активного пересмотра этого периода истории. Приводя богатейший фактологический материал о зверствах нацистов, причем не только немцев, но и венгров, румын, латышей, в монографии утверждается, что без переоценки роли СССР в Великой Отечественной войне как страны-агрессора невозможно «идеологически оправдать новое здание олигархической системы» [10, с. 131], возводимое в странах Восточной Европы. Такой пересмотр позволяет утверждать, что не существует иного пути общественного развития, чем построение «капитализма с человеческим лицом», что попытки реализовать социалистические идеалы ведут к тоталитаризму, аналогичному существовавшему в нацистской Германии. Такой вывод Т. Крауса аналогичен полученному им при рассмотрении периода становления СССР. При этом усиление роли государства в СССР 1929–1933 гг. объясняется политическим стремлением к самосохранению, к созданию собственной экономической базы на «развалинах революции и рабочего самоуправления... на обломках НЭПа и государственного капитализма» [10, с. 228].

Третья поворотная точка развития России, исследованная в работе, – конец СССР. Этот анализ начинается издалека – с венгерских рабочих советов 1956 г., попыток перейти к внедрению многообразия форм социализма в Восточной Европе в 1968 году. На основе сделанных по этим периодам выводов показаны их общие черты и особенности по отношению к перестройке и переделу собственности в Советском Союзе.

Обзор архивных документов позволил Т. Краусу показать, что стремление расширить гражданские свободы, реализовать идеи самоуправления были основными лозунгами, направленными на преобразование общественного устройства. При прочтении работы сам собой напрашивается вывод, что они были идентичны тем, с которыми победила Великая Октябрьская революция: фабрики – рабочим, земля – крестьянам. Но их судьба оказалась различной. В 1956 и 1968 гг. – возврат к прежнему государственному устройству, в 1989–1993 гг. – смена общественного

режима. Причины заключались в готовности к изменениям у политиков внутри страны и поддержке либо статуса-кво, либо трансформации на международной арене, при разном соотношении сил СССР и США.

Тем не менее в монографии обращает на себя внимание тот факт, что группы, фактически поддерживающие смену общественного устройства в виде перехода к олигархическому капитализму, стремятся закамуфлировать характер своих решений, идеологически используя лозунг улучшения положения для всего населения: «неолиберальный поворот был украшен такими перьями из наследия 1968 г., как антирасизм, мультикультуральность, защита прав меньшинств, защита прав человека» [10, с. 262], рыночная экономика провозглашалась как быстрое достижение «всеобщего благосостояния», при котором будет отсутствовать эксплуатация человека человеком. Приведенные Т. Краусом материалы обсуждения Горбачевым, Ельциным, Шаталиным, Абалкиным введения частной собственности, их стремление не видеть в ней перехода к капитализму позволяют выбрать любую из следующих причин их решений – некомпетентность, предательство, стремление сохранить любой ценой власть, получить финансовую поддержку МВФ или считать, что сработали они все вместе.

Реставрация капитализма была поддержана руководителями предприятий, получившими дополнительные возможности обогащения в конце 80-х гг. благодаря принятым законам о развитии хозрасчета, кооперации. Население удовлетворилось красивыми, экономически не подкрепленными лозунгами о равенстве и братстве. Вероятность перехода к самоуправлению была пресечена.

Подводя итог конца СССР, Т. Краус делает вывод [10, с. 315]: «путч был осуществлен частью властной элиты, не желавшей падения старого режима», остальные социальные группы в основном оказались в стороне от перераспределения собственности, процесс был профинансирован международным капиталом.

На основе проведенного анализа еще раз наглядно видно, что работа заставляет, прежде всего, думать, искать аналогии, основополагающую тенденцию общественного разви-

тия, учиться понимать, что подбор исторических фактов может быть беспристрастным, но их интерпретация – никогда. Это утверждение с полным правом относится и к выводам Т. Крауса. С конца описываемого в работе периода – 1993 г. – прошло уже почти два десятилетия. Появились ли какие-либо аргументы в поддержку необходимости развития самоуправления как перехода человечества к действительным равенству и братству? На это хочется ответить утвердительно и привести следующие аргументы.

Во-первых, сами государства развивают общественные инициативы. Формами этого являются инициативное бюджетирование, работа общественных и экспертных советов, публичные слушания, разносторонняя грантовая деятельность, позволяющая получить поддержку на реализацию собственных идей, формирование групп лиц, связанных с определенными видами деятельности – управлением многоквартирными домами, гаражными и дачными кооперативами, работа саморегулируемых организаций, волонтеров.

Во-вторых, благодаря Интернету легко формируются группы по интересам. Они могут быть как позитивными (например, обсуждение проектов благоустройства, международные, реализующие народную дипломатию), так и негативными (террористические организации). Их объединяет основанность на самоинициативе, а не решениях государственных органов.

С чем связаны причины их формирования? С нашей точки зрения, с усилением социального расслоения общества, так как на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2020 г. было озвучено, что 1 % самых состоятельных людей богаче остальных 6,9 млрд человек, а бедность стала снижаться вдвое медленнее, чем в 2013 г. [14]. Кроме того, в связи с развитием искусственного интеллекта предполагается резкий рост безработицы, поэтому нужны формы общественной занятости населения, указанные выше. Это обеспечивает позитивное использование свободного времени, сокращает вероятность распространения асоциальных форм поведения.

Означает ли это, что переход к самоуправлению так и останется голубой мечтой человечества? Думаем, что развитие указан-

ных выше форм гражданского общества является одновременно и условием формирования на его основе государственного устройства. Даже исследуемая работа Т. Крауса показывает, что идея самоуправления фактически используется всякий раз для очередного общественного переустройства, что она близка основной части населения. Но для этого требуется более высокий уровень материального обеспечения. Внедрение инноваций шестой технологической волны все в большей мере позволяет надеяться на это, а работа Т. Крауса «Судьба идей в истории СССР и после...» позволяет использовать историческую память для прогнозирования будущего.

Советская история в марксистском прочтении:

**Тамаш Краус о революции, социализме,
войне и других вопросах¹**

Е.Ф. Кринко

Знакомство с творчеством ведущего венгерского историка Тамаша Крауса у меня, как, наверное, и у большинства других читателей моего поколения и более старшего возраста, произошло в период перестройки. В 1989 г. вышла его первая на русском языке книга «Сталин», написанная годом раньше совместно с другим венгерским ученым Ласло Беладой, специалистом в области информатики и вычислительной техники [3]. Она стала одной из первых популярных биографий Сталина, изданных в последние годы существования СССР и в целом положительно воспринятых в стране, хоть и не все ее положения быстро эволюционировавшее профессиональное сообщество отечественных историков готово было разделять.

В отличие от многих других коллег на постсоветском пространстве, Т. Краус сохранил верность прежним взглядам и в последующих работах, в том числе изданных на русском языке книгах о «советском термидоре» [9] и Ленине [8], а также в кратком очерке истории России в XX в. [7]. Он остался приверженцем марксистского подхода к истории, но не того догматического вероучения, которое выступало идеологической основой Коммунистической партии Советского Союза, а

будапештской школы Д. Лукача и других представителей неомарксизма, стремившихся к поиску новых ответов в связи с меняющимися социальными вызовами. Именно с этих позиций он критикует не только сталинизм, но и преобразования последних десятилетий за отказ от гуманистических принципов равенства и социальной справедливости, лежащих, по его мнению, в основе социализма. При этом Т. Краус значительное внимание уделяет истории идей как необходимой интеллектуальной и духовной основе общественного развития.

Эти подходы нашли свое выражение и в рецензируемой книге, представляющей собой тематический сборник ранее опубликованных статей различного жанра и содержания, перепечатанных без изменений или с незначительными изменениями, не затрагивающими их сути. Книга вышла в 2020 г. в издательстве «Аквилон» в качестве XIII тома серии «Гуманитарные науки в исследованиях и переводах», издаваемой с 2010 г. под редакцией М.С. Петровой в рамках исследовательского проекта «Россия и Венгрия в прошлом и настоящем: кросскультурный диалог», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований и Фондом «За русский язык и культуру в Венгрии» [10].

Все статьи в сборнике разделены на три части, не отражающие, конечно, всех направлений исследований Т. Крауса. По собственным словам автора, за прошедшие пять десятилетий его «многое занимало, от историографии до истории идей, очень интересовали биографии и определяющие пути развития решения политиков, оказавших серьезное влияние на советскую историю, от Ленина до Ельцина, крупные судьбоносные переломы и важнейшие исторические альтернативы, от Октябрьской революции 1917 г. до смены общественного строя в 1989–1993 гг.» [10, с. 10]. В то же время характер и содержание издания позволяют считать, что под одной обложкой собраны актуальные тексты по тем сюжетам, которые венгерский историк в настоящее время продолжает считать для себя лично и для современной историографии в целом наиболее важными.

Первая и самая большая по общему объему и количеству входящих в нее материалов часть получила название «Понятия и под-

ходы». Она включает, помимо предисловия, пять статей, две из которых, как и остальные материалы книги, опубликованы на русском языке, а три – на английском. В содержательном отношении в этой части представлены публикации, посвященные революции 1917 г. в России, ее творцам и участникам, историческому значению в мировом и национальном масштабе.

Отношение самого Т. Крауса к изучению революции отражает первая фраза из первой же статьи, посвященной 100-летию данного события: «Историю революций нельзя писать бесстрастно, даже самый хладнокровный ученый рано или поздно окажется по ту или иную сторону баррикад» [10, с. 15]. Свой выбор по данному вопросу он сделал давно и с сожалением констатирует: «История русской революции, как и многое другое, стала частью легитимационной идеологии нового господствующего порядка и повсеместно – от Москвы до Киева, от Вильнюса до Варшавы и Будапешта – попала в плен старых предрассудков». В интеллектуальном климате Восточной Европы, сложившемся после смены общественного строя в 1990–2000-х гг., автор выделяет, «с одной стороны, либеральную русофобию, а с другой стороны – имперский государственный национализм или этнонационализм». Целью происшедшей переоценки истории революции он видит стремление «очернить ее участников, ее цели, ценности, надежды и реальные результаты, поставить под сомнение сам факт Октябрьской революции» [10, с. 18].

Краус категорически отвергает интерпретацию прихода к власти большевиков как путча, считая, что целью революции являлось создание социализма, и рассматривая ее как сложную совокупность социально-экономических и политических процессов, в которых принимали участие представители разных классов и социальных групп, с разными задачами и соответствующим диапазоном действий: «Отличающиеся друг от друга особенности пролетарской, солдатской и крестьянской революций указывали на различные социально-политические и ментальные тенденции и в отношении целей и средств» [10, с. 31]. Отвергая и критикуя последующие преобразования сталинской эпохи, Краус подчеркива-

ет: «Октябрьская революция, родившись как методология коллективистского преобразования мира, пережила крах (государственного) социализма как практического эксперимента. Но ее всемирное влияние, ее исторический опыт дали сильные импульсы национально-освободительным движениям и всей антиколониальной борьбе в целом, окончательный исход которой был предопределен победой в Великой Отечественной войне» [10, с. 40].

Последующие статьи данного раздела раскрывают своеобразие русского исторического процесса (в контексте размышлений над дискуссией Л.Д. Троцкого и М.Н. Покровского), характеризуют роль В.И. Ленина во всемирной истории в оценках сложившейся историографии, освещают вопросы политической экономики и теории социализма.

Войне, геноциду и их отражению в современной политике памяти посвящена вторая часть, материалы которой представляют особый интерес вследствие тех острых дискуссий, которые ведутся сегодня по данным вопросам практически на всем постсоветском пространстве и нередко принимают характер настоящих «войн памяти» [4; 12]. Она включает четыре статьи, в первой из которых (с красноречивым подзаголовком «Кто несет ответственность за войну?») автор обращается к событиям начала Второй мировой войны и оценке советско-германского пакта о ненападении. Данную тему продолжает и вторая статья с не менее характерным названием, состоящим из двух взаимосвязанных вопросов: «Отождествима ли нацистская Германия с СССР? Или как переписывают историю Великой Отечественной войны представители мейнстрима венгерской исторической науки?» Т. Краус негативно оценивает саму постановку данного вопроса, отождествление СССР с нацистской Германией и такие взаимосвязанные с ним сюжеты, как «преувеличение достоинств западных союзников, недооценка советских военных усилий, прямая фальсификация начала Второй мировой войны. Эти тезисы сегодня являются общей точкой правительственной политики памяти восточноевропейских стран» [10, с. 129–130].

Причины такого всеобщего «оглупления» автор связывает с политическими изменениями в самих странах Восточной Европы,

вследствие которых «идеологически оправдать новое здание олигархической системы, второго издания капитализма без традиционного национализма невозможно, потому что этот тип национализма авторитарный, ультраконсервативный, антинаучный, агрессивный, содержит в себе наследие режимов периода между мировыми войнами и времени Второй мировой войны» [10, с. 131]. Цель подобных изысканий заключается в том, чтобы «снять с Гитлера и его союзников часть ответственности за мировую войну и нападение на СССР и переложить ее на Сталина для того, чтобы умолчать об исторической ответственности «политики умиротворения» западных держав (1934–1939) и дипломатии малых восточноевропейских государств в усилении нацистской Германии, расширении ее экспансии и развязывании мировой войны» [10, с. 131–132]. Т. Краус относит к «абсурдным концепциям» идею о том, что Вторая мировая война вспыхнула в результате пакта, а возложение ответственности за нее главным образом на Сталина, по его мнению, «служит стиранию грани между палачом, нацистской Германией, и жертвой, СССР» [10, с. 133].

Данные выводы автора близки точке зрения, не только разделяемой многими современными российскими историками [11], но и нашедшей отражение в поправках в Конституцию Российской Федерации в 2020 году. В то же время, находя объективные причины для заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. и связывая его с общим развитием международных отношений в канун Второй мировой войны и политической ведущих западных стран, Т. Краус иначе оценивает советско-германский договор о дружбе 28 сентября 1939 г., считая, что он «запятнал грязью поведение советского руководства» [10, с. 141–142].

Не менее болезненной является тема пребывания венгерских войск на захваченной территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Ей посвящена совместная с Е.М. Варга статья «Замалчиваемый геноцид: венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза». Данная тема актуализировалась в последнее время в связи с реализацией крупного федерального проекта «Без срока давности», одним из главных на-

правлений которой стало издание в 2020 г. 23 томов документов, извлеченных из фондов федеральных и региональных архивов. В основном они включали материалы Чрезвычайной государственной комиссии СССР по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК) из фондов Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), краевых и областных комиссий содействия ЧГК из фондов региональных архивов [16]. Даже на фоне этого уникального издательского проекта статья венгерских историков представляется хорошо фундированной, опирающейся на материалы не только ГАРФ, но и Центрального архива Федеральной службы безопасности России, где хранятся материалы судебных процессов 1947 г. над военными преступниками. Авторы подчеркивают замалчивание темы в течение десятилетий и современную героизацию тех, кто принимал участие в нападении на СССР и его ограблении: «Создается впечатление, что определенные группировки новых властных элит пытаются задним числом выиграть Вторую мировую войну! В соответствии с этим в прибалтийских государствах, Румынии, у нас, в Венгрии, да и на Украине идет “отмывание грязного белья” под знаком политики, служащей легитимации нации и государства, делаются попытки оправдать действия регулярных военных отрядов и организаций, зверствовавших на советской территории» [10, с. 190–191].

Своеобразным продолжением обсуждения вопросов о преступлениях нацистов и их пособников выступает статья, в которой рассматривается возможность сравнительного исследования ГУЛАГа и Освенцима. По словам Т. Крауса, сама мысль «о возможности сопоставления ГУЛАГа с нацистскими лагерями коренится в аналогии между гитлеризмом и сталинизмом», которая зародилась «в среде антисталинской внутрипартийной оппозиции» [10, с. 216] и обрела популярность в виде теории тоталитаризма в условиях холодной войны. Между тем документы о ГУЛАГе вплоть до начала 1990-х гг. были не доступны исследователям, а использование «литератур-

ных обработок и мемуаров» не позволяло познакомиться с его «настоящей историей и реальными масштабами». Обращаясь к своей первой работе, вышедшей на русском языке, Т. Краус отмечает, что и он «заимствовал данные, общепринятые в исторической науке того времени и, как теперь понятно, не соответствующие действительности» [10, с. 218].

В подтверждение того, что политическая составляющая данного вопроса преобладала над научной, автор приводит политизацию изучения еще одной трагедии – голода 1932–1933 гг. на Украине. По словам венгерского историка, то, что «вынужденные эмигрировать из-за сотрудничества с нацистами украинские националистические организации» в начале 1980-х гг. выдвинули тему «советского холокоста», отчасти имело целью «отвлечь внимание от действительной роли украинских националистических групп в уничтожении евреев на Украине во время Второй мировой войны» [10, с. 220]. Поэтому им нужно было показать голодомор «как подобную нацистскому геноциду попытку сознательно уничтожить миллионы украинцев, причем количество жертв этой попытки должно было даже превышать 6 миллионов – число евреев, погибших в результате нацистского холокоста» [10, с. 220].

В завершающей третьей части «Смысл перестройки» с подзаголовком «Конец СССР» приведены статьи, в которых рассматриваются наиболее острые кризисы, приведшие в итоге к краху социалистической системы. Они рассказывают о венгерских Советах 1956 г., событиях и движениях 1968 г., перестройке и разделе собственности в СССР. А завершает книгу эссе, посвященное советскому человеку как сложному «продукту» всей «семи-десятилетней истории советского государства, государственного коллективизма», который «существовал до тех пор, пока существовали советское государство и система государственного социализма» и являлся «результатом истории, носителем и отчасти творцом государственной политики и советской культуры» [10, с. 316].

Опубликованные в книге материалы позволяют достаточно полно представить исторические воззрения Т. Крауса, в основе которых лежит отрицание капитализма с его идеалами индивидуализма и частной собствен-

ности [10, с. 316] и приверженность социалистической идее. Венгерский историк неоднократно осуждает применение к советской истории теории тоталитаризма вследствие ограниченности ее исследовательского потенциала: «Горизонт подходов такого типа формируется примитивной антиномией “тоталитаризм или свобода”, которая ныне является господствующей критической точкой зрения при мейнстримных подходах» [10, с. 317]. В то же время его критику вызывает и противоположный подход, «некритическое превозношение, апологетика “советского человека”, согласно которой крах советского государства, государственного социализма в конечном итоге стал результатом некоего “заговора”, “предательства”. При этом объективность научного исследования приносится в жертву на алтаре державности и государственного национализма. Советский человек предстает перед нами как жертва коварства Запада. Это дает возможность избежать постановки вопроса о том, почему советский человек не защитил СССР и систему государственного социализма» [10, с. 317–318].

В критике Т. Краусом содержится немало обоснованных замечаний, высказанных в рамках марксистской парадигмы, по мнению ряда авторов, испытывающей ренессанс в последние годы [15]. В этом заключаются одновременно сильные и слабые стороны его исследовательского анализа. В духе марксизма он связывает развитие исторической науки с определенными социальными и политическими процессами, четко выделяя доминирующие с его точки зрения подходы, разбирая причины их появления, сущность и содержание. В то же время Т. Краус недооценивает способностей самой науки к трансформациям, фактически низводя ее к роли «служанки» политики, не обращает внимания на другие подходы и интерпретационные модели, которые «не вписываются» в предложенную им модель идеологического противостояния. Наименее проработанными же представляются его собственные идеалы, поскольку история не предоставила социализму шансов реализоваться в иных формах, кроме как критикуемого Т. Краусом государственного социализма, придавая обсуждению данных вопросов неизбежно лишь гипотетический характер.

И все же значение выхода сборника представляется несомненно положительным, не только как уже состоявшийся историографический факт, но и как возможность сопоставить собственные оценки исторического пути России в XX в. с опытом рефлексии внимательного и доброжелательного наблюдателя за происходившими преобразованиями и исследователя, хорошо знающего события советской истории и соответствующие источники.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (проект № 17-18-01411).

The research was supported by Russian Scientific Foundation “Wars and Population of the South of Russia in the XVIII – early XXI century: History, Demography, Anthropology” (project No. 17-18-01411).

**Краус Тамаш. «Судьба идей
в истории СССР и после...»**

С.Г. Сидоров

Вышедшая в 2020 г. книга Тамаша Крауса «Судьба идей в истории СССР и после...» подводит итог полувекового интереса венгерского исследователя к истории нашей страны. Автор является известным историком и общественным деятелем, одним из инициаторов венгерской советологии, представителем критической марксистской мысли, профессором Будапештского университета имени Лоранда Этвёша. В 1993 г. Тамаш Краус стал членом, а в последующем и сопредседателем Российско-венгерской комиссии историков. Его книги о Сталине, Ленине, истории России в XX в., изданные на русском языке, хорошо известны российским историкам.

Содержание книги состоит из трех частей, каждая из которых обращена к переломным моментам в истории СССР. Первая часть посвящена историческому подходу к зарождению и развитию Советского Союза начиная с революции 1917 г., вторая – истории Великой Отечественной войны и участию Венгрии в боевых действиях на советско-германском

фронте, третья – распаду СССР. Как отмечает сам автор книги в предисловии, ему труднее и сложнее было объяснить, почему победила российская революция, и как сумел Советский Союз окрепнуть и продержаться в течение семи десятилетий, нежели ответить на вопрос о причинах его распада.

Т. Краус, разделяя всех советских, а в последующем и российских историков на «западников» и «государственников» [10, с. 11], подчеркивает, что у него с начала 80-х гг. под влиянием Дёрдя Лукача начало складываться свое методологическое убеждение – идея третьего пути, позволяющая избегать неверных политических решений и/или осуществлять анализ альтернативного исторического развития [10, с. 12]. С этих позиций Т. Краус и старается рассмотреть описываемые в книге события.

Подчеркивая важность первой и третьей частей книги, подробнее остановимся на анализе второй части «Война и геноцид. Исторические факты и политика памяти». В этом разделе из множества проблем автор выделяет, на его взгляд, четыре наиболее значимые. На первое место поставлен вопрос: кто же несет ответственность за войну? Постановка этого вопроса не случайна. В условиях вступления восточно-европейских стран в ЕС и НАТО их руководство под влиянием США встало на русофобские позиции. Западные страны стали рассматривать советско-германский договор о ненападении как важнейший документ, приведший к началу Второй мировой войны и тем самым обвинили СССР вместе с Германией в развязывании мировой войны. Т. Краус убедительно раскрывает исторические предпосылки пакта: политика умиротворения, проводимая западными странами накануне войны, Мюнхенское соглашение, отказ Запада подписать с СССР договор о взаимной помощи, позиция Польши [10, с. 134–135]. В таких условиях СССР желал как можно дольше остаться вне войны. Фактически по этому вопросу автор последовательно придерживается точки зрения, господствовавшей в Советском Союзе.

Совсем иную оценку историк дает советско-германскому договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года. По мнению автора, этот договор Сталин заключил для ус-

покоения немцев, что СССР будет выполнять договор о ненападении. Однако наличие подобного договора оказало не только катастрофическое влияние на обороноспособность страны, на все международное рабочее движение и антифашистское общественное мнение, но и в настоящее время используется противниками России как мощное идеологическое средство [10, с. 142].

Ответ на второй вопрос: «отождествима ли нацистская Германия с СССР?» Т. Краус дает на примере критики теории тоталитаризма, основанной на гипотезе отождествления нацизма (фашизма) и коммунизма. Как справедливо отмечает автор, эта теория поддерживается сегодня во многих странах Восточной Европы, где нередко предпринимаются попытки обелить фашизм. Так, в Венгрии официально героизируют Хорти и его армию, виновную в геноциде советских мирных жителей. Приведя многочисленные примеры, исследователь убедительно показал, что осуществляемый нацистами геноцид был делом рук не только немцев, но и румын, венгров, финнов, латышей, украинцев и т. д. [10, с. 157].

Говоря о геноциде, автор подчеркивает и различное отношение к военнопленным в нацистской Германии и Советском Союзе. Он показывает несостоятельность венгерского историка Унгвари поставить обращение советских военных властей с немецкими военнопленными на один уровень с отношением нацистов к советским военнопленным. Об этом наглядно свидетельствуют цифры погибших в плену, которые в немецких лагерях в три раза больше, чем в СССР [10, с. 164]. Фактически это был геноцид по отношению к советским военнопленным.

Т. Краус критикует Унгвари и за его попытку оправдать борьбу с партизанами военным правом, что в конечном итоге может служить обелению Вермахта и его генерального штаба. Автор на многочисленных примерах убедительно показывает, что весь период войны нацистское государство и его венгерские союзники нигде и никогда не соблюдали никаких норм военного права, которые заранее исключались самим тотальным характером войны, осуществлением грабежей и геноцида [10, с. 166–169].

Тамаш Краус яростно выступает против мифологизации предателей и коллаборантов, которых в ряде стран часто изображают «третьей силой» между нацистской Германией и Советским Союзом, и тем самым давая возможность превратить в героев Бандеру и его единомышленников или членов отрядов СС.

Значительная часть книги отведена проблеме замалчивания геноцида в СССР и в восточноевропейских странах в послевоенное время. Автор объясняет это явление двумя причинами: стремлением советского руководства смягчить глубокий психологический шок у своих граждан и стремлением свести до минимума конфликты, которые могли возникнуть на этой почве, со своими новыми союзниками [10, с. 191]. На наш взгляд, вторая причина была преобладающей.

Со сменой общественного строя в восточноевропейских странах стал осуществляться своего рода пересмотр истории, героизация коллаборантов и армий, участвующих в нападении на СССР. В этих условиях, как отмечает Т. Краус, не случайно в начале 2000-х гг. из глубины российских архивов были извлечены соответствующие документы, проливающие свет на геноцид, осуществляемый немецкими и союзными им войсками на оккупированной территории Советского Союза. В книге приводятся многочисленные примеры массовых убийств, совершенных венгерскими солдатами на Украине, в России, Белоруссии [10, с. 200–215].

В последнем разделе второй части книги Тамаш Краус размышляет о ГУЛАГе в сопоставлении с Освенцимом и показывает, откуда и почему появилось подобное сравнение сначала в ходе дискуссии немецких историков в 80-е гг. XX в., а затем во время проведения крупной интеллектуальной американской «операции» [10, с. 219]. Именно в эти годы Р. Рейган объявляет СССР «империей зла». Происходит отождествление нацистского геноцида и ГУЛАГа, объявление голода на Украине 1932–1933 гг. «советским холокостом», ставится знак равенства между понятиями «фашизм» и «сталинизм».

Т. Краус проводит сравнение двух режимов, показывает существенные различия между ними [10, с. 226–233], раскрывает проис-

хождение ГУЛАГа и отмечает исключительность Освенцима. Автор книги подчеркивает и цель подобного сравнения, которое все чаще встречается в публикациях на Западе – внушить мысль о сходстве или тождестве лагерей ГУЛАГа и нацистских лагерей смерти [10, с. 237]. Проведенный анализ позволил исследователю сделать вывод, что ГУЛАГ, в отличие от нацистского фашизма, не содержал в себе геноцида [10, с. 238].

Книга Тамаша Крауса «Судьба идей в истории СССР и после...» – уникальное явление в современной венгерской исторической литературе. Автор глубоко владеет историческим материалом, свободно разбирается в западной, венгерской, советской и российской историографии проблемы, смело, открыто и, главное, аргументированно критикует господствующие сегодня в Венгрии и на Западе взгляды на советский период истории нашей страны и стран народной демократии. Хочется выразить надежду на то, что российские читатели вскоре увидят новые правдивые исследования, написанные профессиональным историком Тамашом Краусом – искренним другом России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов, П. Как Германия преодолевала опыт нацизма / П. Аксенов // Би-би-си. – 30 окт. 2013. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131030_germany_history (дата обращения: 15.05.2021). – Загл. с экрана.
2. Акт № 33. О зверствах и бесчинствах венгров и немцев в г. Коротояк, Покровском с/с Воронежской области. 18 января 1943 г. // Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Воронежская область : сб. архив. док. / отв. ред. П. П. Толстых. – М. : Фонд «Связь Эпох» : Кучково поле, 2020. – 576 с. : ил.
3. Белادي, Л. Сталин / Л. Белادي, Т. Краус. – М. : Политиздат, 1989. – 318 с.
4. Бордюгов, Г. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Г. Бордюгов. – М. : АИРО-XXI, 2011. – 256 с.
5. Борзняк, А. И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века / А. И. Борзняк. – М. : РОССПЭН, 2014. – 350 с.

6. Зверства, грабежи и насилия немецко-фашистских захватчиков. – Л. : ОГИЗ : Госполитиздат, 1942. – 142 с.

7. Краус, Т. Краткий очерк истории России в XX веке / Т. Краус. – М. : Мир и семья, 2001. – 256 с.

8. Краус, Т. Ленин. Социально-теоретическая реконструкция / Т. Краус. – М. : Наука, 2011. – 398 с.

9. Краус, Т. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота (1917–1928) / Т. Краус. – М. : Меценат, 1997. – 250 с.

10. Краус, Т. Судьба идей в истории СССР и после... / Т. Краус ; под общ. ред. М. С. Петровой. – М. : Аквилон, 2020. – 332 с. – (Гуманитарные науки в исследованиях и переводах [Т. XIII] ; изд. с 2010 г. / отв. ред. серии – М. С. Петрова).

11. На пороге войны. 1939 год : материалы Междунар. науч. конф. «Стратегия СССР по предотвращению Второй мировой войны в Европе и Азии» (г. Москва, 13–16 сентября 2019 г.)». – М. : Яуза-Каталог, 2020. – 448 с.

12. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. – 632 с.

13. Филоненко, С. И. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943) / С. И. Филоненко, Н. В. Филоненко. – 3-е изд. – Воронеж : Изд-во ВГАУ, 2005. – 256 с.

14. Холявко, А. Состояние 1 % богатейших людей в мире больше, чем у остального населения // Ведомости. – 2020. – 21 января. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/20/821057-sostoyanie-bogateishih> (дата обращения: 30.05.2021). – Загл. с экрана.

15. Черныш, М. Ф. Современный марксизм в мировом и российском контекстах / М. Ф. Черныш // Социологические исследования. – 2018. – № 5. – С. 15–25.

16. Voronin, K. V. Publishing Project “No Statute of Limitations” and its Significance to the Study of the Nazi Occupation and War Crimes during the Great Patriotic War / K. V. Voronin, E. F. Krinko // Russkii arkhiv. – 2020. – № 2. – P. 117–129.

REFERENCES

1. Aksenov P. Kak Germaniya preodolevala opyt nacizma [How Germany Overcame the Experience of Nazism]. *Bi-bi-si* [BBC], 2013, October 30. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131030_germany_history (accessed 15 May 2021).

2. Akt № 33. O zverstvax i beschinstvax vengrov i nemcev v g. Korotoyak, Pokrovskom s/s Voronezhskoj oblasti. 18 yanvarya 1943 g. [Act No. 33. On the

Atrocities of the Hungarians and the Germans in the City of Korotoya, Pokrovskoye, Voronezh Oblast. January 18, 1943]. Tolstykh P.P., ed. *Bez sroka давности: prestupleniya nacistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoy territorii RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoy vojny. Voronezhskaya oblast: sb. arkhiv. dok.* [Crimes Without a Limitation Period: Atrocities of Nazis and Collaborators Against the Civilians on the Occupied Territories of the RSFSR During the Great Patriotic War. Voronezh Oblast. Collection of Archival Documents]. Moscow, Fond «Svyaz Epokh», Kuchkovo pole» Publ., 2020. 576 p.: il.

3. Beladi L., Kraus T. *Stalin* [Stalin]. Moscow, Politizdat, 1989. 318 p.

4. Bordyugov G. «Voiny pamyati» na postsovetском prostranstve [“Wars of Memory” in the Post-Soviet Space]. Moscow, AIRO-XXI, 2011. 256 p.

5. Boroznyak A.I. *Zhestokaya pamyat. Nacistiskij rejkh v vospriyatii nemcev vtoroj poloviny XX i nachala XXI veka* [Harsh Memories. The Third Reich and the Perception of Germans in the Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Century]. Moscow, ROSSPEN, 2014. 350 p.

6. *Zverstva, grabezhi i nasiliya nemeczkofashistskikh zakhvatchikov* [Atrocities, Robberies and Violence of the Nazi Invaders]. Leningrad, OGIz, Gospolitizdat, 1942. 142 p.

7. Kraus T. *Kratkiy ocherk istorii Rossii v XX veke* [A Short Sketch of the History of Russia in the 20th Century]. Moscow, Mir i semya, 2001. 256 p.

8. Kraus T. *Lenin. Sotsialno-teoreticheskaya rekonstruktsiya* [Lenin. Socio-Theoretical Reconstruction]. Moscow, Nauka Publ., 2011. 398 p.

9. Kraus T. *Sovetskiy termidor. Dukhovnye predposylki stalinskogo povorota (1917–1928)* [Soviet Thermidor. Spiritual Preconditions of the Stalinist Turn (1917–1928)]. Moscow, Metsenat Publ., 1997. 250 p.

10. Kraus T. *Sudba idej v istorii SSSR i posle...* [The Fate of Ideas During the USSR History and After...]. Moscow, Akvilon Publ., 2020. 332 p.

11. *Na poroge vojny. 1939 god: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Strategiya SSSR po predotvrashcheniyu Vtoroy mirovoy vojny v Evrope i Azii» (g. Moskva, 13–16 sentyabrya 2019 g.)* [On the Verge of War. 1939. Proceedings of the International Scientific Conference “Strategy of the USSR for the Prevention of World War II in Europe and Asia” (Moscow, September 13–16, 2019)]. Moscow, Yauza-Katalog Publ., 2020. 448 p.

12. Miller A.I., Efremenko D.V., eds. *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The Politics of Memory in Modern Russia and the Countries of Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives]. Saint

Petersburg, Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. 632 p.

13. Filonenko S.I., Filonenko N.V. *Krah fashistskogo «novogo poryadka» na Verhnem Donu (iyul 1942 – fevral 1943)* [Fall of the Nazis “New Order” in the Upper Don Region (July 1942 – February 1943)]. Voronezh, Izd-vo VGU, 2005. 256 p.

14. Kholyavko A. Sostoyanie 1% bogateishih lyudej v mire bolshe, chem u ostalnogo naseleniya [The Wealth of the Worlds Richest 1% is Greater Than That of the Rest of the Population]. *Vedomosti*, 2020,

January 21. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/20/821057-sostoyanie-bogateishih> (accessed 30 May 2021).

15. Chernysh M.F. Sovremennyy marksizm v mirovom i rossiyskom kontekstakh [Modern Marxism in the World and Russian Contexts] *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018, no. 5, pp. 15-25.

16. Voronin K.V., Krinko E.F. Publishing Project “No Statute of Limitations” and Its Significance to the Study of the Nazi Occupation and War Crimes During the Great Patriotic War. *Russkiy arkhiv*, 2020, no. 2, pp. 117-129.

Information About the Authors

Nina E. Vashkau, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History, Lipetsk State Pedagogical University, Lenina St, 42, 398020 Lipetsk, Russian Federation, vaschkau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9181-4381>

Arcady A. German, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of National History and Historiography, Institute of History and International Relations, Saratov National Research State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>

Tatiana B. Ivanova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>

Evgeniy F. Krinko, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhova St, 41, 344010 Rostov-on-Don, Russian Federation, krinko@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3008-5626>

Sergey G. Sidorov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sergei.sidorov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-5787>

Информация об авторах

Нина Эмильевна Вашкау, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, 42, 398020 г. Липецк, Российская Федерация, vaschkau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9181-4381>

Аркадий Адольфович Герман, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Институт истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>

Татьяна Борисовна Иванова, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>

Евгений Федорович Кринко, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344010 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, krinko@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3008-5626>

Сергей Григорьевич Сидоров, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sergei.sidorov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-5787>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2022 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на I полугодие 2022 года 2513 руб. 13 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
 - to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
 - to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
 - to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.
-

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2022 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 1st half of 2022 is 2513.13 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ»

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://hfrir.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

